This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 620.5 (1914/6)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

ІЮНЬ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

Р. Б.
1904. VI
6
инв. 1991

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

P Slav 620.5 (1904 6)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 20 1956

Mcrsr 4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 іюня 1904 г

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН
1.	**Картинки школьной жизни.** *А. Березинцева*	2— 47
2.	*** Стихотвореніе *Ѳ. Вербицкаго.*	48
3.	**Изъ записокъ декабриста** (Записки моего времени, воспоминаніе о прошломъ). Продолженіе. *Н. И. Лорера*	49— 79
4.	***. Стихотвореніе *Ѳ. Вербицкаго*	80
5.	**За счастьемъ и правдой** (Очерки и наблюденія русскаго путешественника). Продолженіе. *П. Владыченко*	81— 99
6.	**Среди рабочихъ** (Очерки съ натуры). Окончаніе. *С. Подъячева.*	100—141
7.	**Нашла коса на камень.** Романъ *Роды Броутонъ.* Переводъ съ англійскаго К. И. Саблиной. I VI.	142—176
8.	**Памяти Жоржъ-Зандъ.** *П. И. Вейнберга.*	177—192
9.	**Черви.** *І. Бертоллетова*	193—204
10.	**И. С. Тургеневъ—поэтъ міровой скорби.** *А. Евлахова.*	1— 45
11.	**Изъ Англіи.** *Діонео.*	45— 72
12.	**Галлерея французскихъ знаменитостей.** IV. Вальдэкъ-Руссо. *Н. Е. Кудрина.*	72—106
13.	**Новыя книги:** Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы.—Н. Покровскій. Культурное болото.—Евгеній Чириковъ. Пьесы.—Октавъ Мирбо. Разсказы. — Матеріалы для физіологіи русскаго общества. Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ К. Скальковскій.—В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. — С. А. Чистякова. Исторія Петра Великаго. — І. Тюрканъ. Генеральша Бонопартъ. — І. Н. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. — Ф. А. Витбергъ. Указатель книгъ и статей по вопросамъ преподаванія исторіи русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Толковый указатель книгъ для чтенія.—	

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

Русско-японская война. Составилъ Н. Т. М. — Масленниковъ, А. В. Опытъ медико-статистической разработки уголовно-судебнаго матеріала. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 106—133

14. **Изъ иностранной литературы** (Paul et Victor Margueritte. La commune). *Э. Вернера*. . . . . 133—156

15. **Новый трудъ по воскреснымъ школамъ.** *В. Ивановича*. 156—175

16. **Хроника внутренней жизни:** I. По поводу выдвинутыхъ войною вопросовъ внутренняго быта.—Вопросъ о земскихъ пожертвованіяхъ на войну въ прессѣ и въ жизни.—Обезпеченіе нуждающихся семействъ призванныхъ въ армію запасныхъ.—Промышленныя затрудненія и ростъ безработицы. — Заключеніе продовольственной кампаніи минувшаго года.—II. Способы рекламы «Дружескихъ Рѣчей» кн. Мещерскаго.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — Убійство финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. *В. Мякотина* . . . . . 175—205

17. **Рабочіе на желѣзнодорожныхъ постройкахъ** (Изъ замѣтокъ врача). *Д. Никитина*. . . . . 205—220

18. **Политика:** Два періода войны.—Дѣйствія на сушѣ.—Дѣйствія на морѣ. *С. Южакова*. . . . . 221—240

19. **Случайныя замѣтки:** Горькія рѣчи о сладкомъ сахарѣ.—Заботы кн. Мещерскаго о современникахъ и потомкахъ. — Данайцы, несущіе дары. — Изъ исторіи одной провинціальной газеты. — Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой.—Новые возражатели . . . . . 241—261

20. **Отчетъ конторы редакціи.**

21. **Объявленія.**

КАРТИНКИ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Въ классѣ было жарко и душно. Дребезжащій стукъ проѣзжавшихъ по мостовой экипажей лился вмѣстѣ съ томительнымъ августовскимъ зноемъ въ раскрытыя окна и совершенно заглушалъ иногда голосъ экзаменующагося. И тогда курчавый, толстый учитель исторіи, мокрый отъ пота, громко сопѣвшій носомъ и блѣдный отъ утомленія, волновался, сердился и требовалъ, чтобы отвѣчающій говорилъ громче.

— Не закрыть ли окна?—предложилъ было разъ благодушный старикъ-инспекторъ, мирно дремавшій въ предсѣдательскомъ креслѣ.

— Покорно благодарю! воздуху и такъ нѣтъ... Чѣмъ же прикажете тогда дышать?—отрывисто, рѣзкимъ тономъ, возразилъ „историкъ“.

Инспекторъ побаивался его, этого грузнаго, грубоватаго человѣка съ большими, близорукими глазами, какъ боялся вообще всего большого, грубаго, громко говорящаго, какъ боялся гимназистовъ старшихъ классовъ, швейцара, городовыхъ, директора и своей жены. Онъ робко и виновато поглядѣлъ на „историка“, потомъ на учениковъ, сидѣвшихъ въ ожиданіи вызова къ отвѣту, съ потными, напряженными лицами, поморгалъ глазами и вздохнулъ. Горячая, влажная волна проползла по его тѣлу подъ суконнымъ вицмундиромъ, жилетомъ и двумя рубашками.

— Хорошо бы теперь, того... въ одномъ бѣльѣ... на диванѣ... газетку почитать, — помечталъ онъ и, вздохнувши еще разъ тяжело и покорно, снова погрузился въ дремоту.

Окна остались раскрытыми, и въ классъ безцеремонно забѣгали прыгающіе, рѣзкіе звуки городской трескотни. Иной разъ они усиливались положительно до нестерпимости... Казалось, будто кто-то разбойничалъ на улицѣ, съ остервенѣніемъ схватывалъ сбѣжавшіяся со всѣхъ угловъ пролетки, разсыпалъ ихъ въ дребезги и отбрасывалъ въ сторону. И

только когда на минуту замолкалъ этотъ пестрый, разсыпчатый, неугомонно-наглый грохотъ,—въ классѣ можно было слышать робкій и монотонный голосъ отвѣчающаго.

— Кривцовъ! Вы... для безопасности... ступайте къ окошку!..— сказалъ „историкъ“ черному, красивому гимназисту, который сдѣлалъ, какъ ему показалось, попытку подсказать отвѣчающему.

— Тамъ, кстати, на проходящихъ гимназистокъ посмотрите... тогда мнѣ скажете,—добавилъ онъ сердито, когда Кривцовъ, одѣтый въ щегольской мундирчикъ, въ бѣлыхъ воротничкахъ, съ независимой усмѣшкой лѣниво поднялся и пошелъ къ окну.

Кривцовъ сѣлъ у окна, демонстративно засунулъ руки въ карманы, слегка развалился и, повернувшись затылкомъ къ „коммиссіи“, уперся скучающимъ взглядомъ въ улицу. Яркій свѣтъ знойнаго солнца застылъ на облѣзшихъ, ржавыхъ крышахъ домовъ, на бѣлыхъ и бурыхъ стѣнахъ, на пыльной листвѣ тощихъ, жалкихъ, зеленовато-сѣрыхъ деревьевъ. Тѣни были коротки, отчетливы и душны. По истомленной, высушенной и избитой мостовой уныло-покорно рысили вялыя, апатичныя извозчичьи лошадки, глядя передъ собой грустно-усталымъ взглядомъ. Пѣшеходы, погруженные въ свои неясныя, утомительно-скучныя, какъ пыльный зной этого дня, мысли, ожесточенно-серьезно скребли ногами разогрѣтые тротуары. Скука и тяжелая истома лежала на всемъ.

— Как-кая раз-ни-ца между открытіемъ и изобрѣтеніемъ, я васъ спрашиваю!?—слышится нетерпѣливый, раздраженный голосъ „историка“.

Другой голосъ, робкій и замогильно-глухой, чуть слышно отвѣчаетъ:

— Открытіе... это... когда... какая нибудь страна... э...

— Безъ мно-го-сло-вія! Къ чему это многословіе?! Ну, скажите, пожалуйста, къ чему?!.. къ чему, я васъ спрашиваю!?..

Робкій голосъ виновато и чуть слышно бормочетъ что-то, чего ужъ никакъ нельзя разобрать, и, наконецъ, угасаетъ совсѣмъ.

— Поясните примѣромъ!

Томительная пауза.

— Ну... зашли вы, скажемъ, къ вашему папашѣ въ кабинетъ... или въ комнату, однимъ словомъ,—поправился „историкъ“, заключая по убогому виду отвѣчающаго еврея о томъ, что кабинета у его папаши можетъ и не быть:— зашли... и усмотрѣли въ столѣ, скажемъ, папиросы... Сей-

часъ ихъ... того... Это будетъ что такое: открытіе или изобрѣтеніе?

— . . . . Открытіе...

— Вѣрно. Хорошо-съ. Теперь такой случай... Не знаете вы какихъ нибудь формъ аориста, скажемъ, а вамъ задано спряженіе глаголовъ. Великолѣпно-съ. Тогда, какъ образованный молодой человѣкъ, вы что дѣлаете? Вы прорѣзываете перочиннымъ ножичкомъ отверстіе въ партѣ, подкладываете вотъ такимъ манеромъ этимологію и въ случаѣ, если васъ не вызываютъ къ доскѣ, преспокойно можете считать или списать... Даже при случаѣ лапку можете поднять: „я, дескать, знаю"... Это что будетъ: открытіе?.. или изобрѣтеніе?..

— . . . . Изобрѣтеніе...—робко и неувѣренно отвѣчаетъ экзаменующійся.

— Прекрасно-съ. Вамъ въ соображеніи отказать нельзя... Теперь говорите дальше о...

Кривцову отъ окна лучше было видно экзаменующагося еврея-экстерна. Онъ былъ жалокъ со своими приглаженными жидкими волосами, съ впалою грудью, съ черными, глубоко сидящими глазами, глядѣвшими робко, боязливо-покорно, съ волненіемъ и страхомъ за исходъ испытанія. Третій годъ уже онъ стучится въ двери гимназіи, но не можетъ попасть въ конкурсъ и все числится кандидатомъ. Видно было, что онъ много работалъ и, вѣроятно, работалъ одинъ,—судя по его поношенной, бѣдной одеждѣ, безъ посторонней компетентной помощи, которая требуетъ оплаты. И не все одолѣвала его голова. Было жалко глядѣть на него, жаждущаго образованія, загнаннаго и робкаго, съ молитвеннымъ выраженіемъ во взорѣ. Суровый „историкъ" не любилъ „жидовъ", но, должно быть, видъ этого бѣдняка всетаки трогалъ его: тонъ его, всегда грубоватый, рѣзкій и отрывистый, звучалъ теперь какъ будто мягче и доброжелательнѣе.

— Го-спо-динъ Благово!—съ ироніей въ голосѣ провозгласилъ „историкъ", отпустивши экстерна и поставивъ ему четверку.

Невысокій брюнетъ въ очкахъ, съ длинными, безпорядочно торчащими вихрами, вышелъ изъ-за партъ и почтительнымъ баскомъ кашлянулъ въ руку. Кривцовъ поглядѣлъ на него сочувственно и подумалъ: „срѣжется! всѣ каникулы въ любительскихъ спектакляхъ игралъ... талантливый комикъ..."

„Историкъ" тоже зналъ его за прекраснаго комика и лѣнтяя и извѣдалъ много раздраженій отъ его остротъ и каррикатуръ.

— Вотъ попрошу васъ внимательно прислушаться къ от-

вѣту сего господина, — сурово сказалъ онъ дремавшему инспектору:—это необходимо... на случай оправданія, если вздумаетъ подать попечителю округа...

Благово посмотрѣлъ на историка снисходительно добродушнымъ взглядомъ. Онъ часто слышалъ отъ него подобныя рѣчи и не разъ самъ въ шутку поддерживалъ опасенія этого нервнаго ворчуна относительно „жалобы попечителю“: получивъ единицу и уходя на мѣсто, онъ неизмѣнно говорилъ угрожающимъ тономъ:

— Что-жъ... Земля наша не безсудна!..

— Можетъ быть, онъ хорошо знаетъ?—сказалъ неувѣренно инспекторъ, съ усиліемъ стряхивая съ себя дремоту.

— Д-да... хорошо-о!.. Вотъ вы услышите, какъ онъ хорошо знаетъ... Состояніе Рима во второмъ столѣтіи до Рождества Христова! — буркнулъ „историкъ“ угрожающе-отрывистымъ голосомъ въ сторону Благово.

Благово вскинулъ глаза вверхъ и пошевелилъ губами. На лицѣ его появились признаки усиленнаго соображенія, а взоръ безпокойно обыскалъ потолокъ и устремился на улицу.

Пауза тянулась слишкомъ долго даже для начала.

— Н-ну... знаешь или нѣтъ?—бросилъ вопросъ „историкъ“, упорно уставясь своими бычачьими, близорукими глазами въ пробивавшіеся усики Благово.

Благово чувствовалъ, что земля уходитъ изъ-подъ его ногъ. Онъ поглядѣлъ на двери, точно ожидая оттуда помощи, — въ дверяхъ торчали лица любопытствующихъ учениковъ, уже отъэкзаменовавшихся,—потомъ бросилъ взглядъ налѣво, въ сторону Кривцова, и попробовалъ даже незамѣтно подмигнуть ему, а затѣмъ глухо проговорилъ:

— Я начать не могу...

Не было слышно, что сказалъ на это историкъ, — опять оглушающая трескотня потопила всѣ звуки, ворвавшись весело и нахально въ классъ, затѣмъ убѣжала, разростаясь вширь, переходя въ ровный, затихающій рокотъ и утопая въ другихъ звукахъ городской улицы. Звуки эти безпрестанно мѣнялись. Уныло завылъ гудокъ и смолкъ, точно сконфуженный, и уже веселый, звучно предостерегающій звонокъ вагона трамвая смѣнилъ его, раскатившись по улицѣ звонкой болтовней; заржали подравшіяся лошади, лязгая копытами; прошла на обѣдъ толпа штукатуровъ, и шаги ихъ тяжело и мѣрно скребли камни тротуара; гдѣ-то оторвались мягкіе и грустные звуки шарманки и утонули въ трескучей трели городской ѣзды...

Безпокойная, живая, настоящая жизнь бѣжала мимо классныхъ стѣнъ съ черными досками, съ таблицами и кар-

тинами, изображающими голыхъ, мускулистыхъ людей, чужіе города, живописныя развалины... Въ классѣ все было тихо, однообразно, серьезно и скучно...

— Не знаешь,—сказалъ безапелляціоннымъ тономъ „историкъ", когда Благово, путаясь и заикаясь, пробормоталъ нѣсколько словъ объ оптиматахъ и пролетаріяхъ.

— Перечисли племена, владѣвшія Италіей послѣ паденія Западной Римской имперіи.

Благово опять вскинулъ глаза въ потолокъ, ища тамъ указанія насчетъ этихъ племенъ, потрогалъ дрожащими пальцами правый усъ и неувѣренно проговорилъ:

— Я средней исторіи не повторялъ.

— Гм... Почему же?

— Все равно,—она въ седьмомъ классѣ повторяется...

— Гмм... Такъ ты, значитъ, предваряешь событія?.. Какой предусмотрительный молодой человѣкъ!

„Историкъ" весело улыбнулся, обнаруживая отсутствіе нѣсколькихъ зубовъ.

— Что же ты повторялъ?

— Грецію... Я войны знаю...

— Грецію? Заглянемъ въ Грецію... О Периклѣ говори.

„Историкъ" сжалъ губы и комически изобразилъ видъ самаго напряженнаго вниманія. На лицѣ Благово выступила испарина.

— Периклъ... украсилъ городъ Аѳины постройками...

— Кто такой былъ Периклъ?

— Одинъ изъ десяти стратеговъ.

— Кто это такое—стратеги?

— ... Это... судьи...

— Судьи? Гмм...

Краснорѣчивая пауза. „Историкъ" искоса смотритъ на Благово, Благово исподлобья на „историка" и нервно ерошитъ волосы на головѣ.

— Чей былъ сынъ Периклъ?

Опять глаза Благово ищутъ помощи на потолкѣ.

— Не знаешь? Ксантиппа... Изъ какого рода?

Глаза Благово, скользнувъ грустно по лысинѣ инспектора, опускаются въ полъ.

— Не знаешь? Алкмеонидовъ... Чѣмъ знаменитъ Ксантиппъ?

Слипшіяся губы Благово силятся расклеиться, но звукъ, который онѣ издаютъ, похожъ и на осторожный кашель, и на мычаніе соннаго человѣка.

— Не знаешь? Одержалъ побѣду при Микале. Въ какомъ году?

— Въ четыреста семьдесятъ девятомъ!—вдругъ торопливо, громко и радостно проговорилъ Благово.

— Как-кая и гдѣ еще битва была въ тотъ же день и въ томъ же году?—еще торопливѣе кинулъ вопросъ „историкъ".

Оживленіе радости опять потухло въ глазахъ Благово, и онъ устремилъ ихъ съ тоской на лысину инспектора. Сѣроватый пушокъ, торчавшій въ вершинѣ этой лысины, придавалъ ей видъ грозный и внушительный, но на уныломъ, скучающемъ лицѣ застыло выраженіе кроткаго стараго барана.

— Не знаешь?—продолжалъ кидать вопросы „историкъ":—при Платеѣ!.. Кто съ кѣмъ сражался?

— ...Аѳиняне... побѣдили... спартанцевъ...

— Спартанцевъ? Такъ и запишемъ... На случай жалобы попечителю округа я все запишу, чтобы было на что опереться!..

Онъ грозно потрясъ клочкомъ бумажки, на которомъ неразборчиво были написаны какіе-то таинственные іероглифы.

— Я думаю, онъ обстоятельно показалъ свои знанія?—обратился „историкъ" къ инспектору.

Инспекторъ встряхнулся отъ одолѣвавшей его дремоты и сказалъ, сочувственно глядя на Благово — того самаго Благово, который достаточно-таки поиздѣвался и надъ нимъ, инспекторомъ:

— Булванъ!.. ничего не дѣлалъ... нераха!.. И волосы... сколко разъ говорылъ: острычь!.. Не разговарывай! Я тебѣ не товарыщъ!..

Благово и не пробовалъ возражать. Онъ съ благодушнымъ презрѣніемъ глядѣлъ на инспектора, въ маленькихъ глазкахъ котораго теперь свѣтилась, вмѣстѣ съ робкимъ сочувствіемъ, безпредѣльная отвага трусливаго человѣка, чувствовавшаго себя въ безопасности при грозномъ „историкѣ". Онъ, вѣроятно, долго еще насѣдалъ бы на Благово, но „историкъ" безцеремонно прервалъ потокъ его краснорѣчія.

— До пріятнаго свиданія!—сказалъ онъ, съ иронической любезностью кивнувъ головой въ сторону Благово и начертавъ на лежавшей предъ нимъ бумажкѣ какой-то новый іероглифъ.

— Уходи, булванъ!—съ сожалѣніемъ прибавилъ инспекторъ, и сѣрый пушокъ на его лысинѣ какъ будто грозно зашевелился.

Благово забралъ съ парты свои тетради-конспекты и пошелъ къ двери. Около нея онъ остановился, комически-низко откланялся и вышелъ, подрыгавши одной ногой, точно отрясая отъ нея прахъ.

— Въ теченіе года постоянно отпрашивался съ урока и

не возвращался,—началъ въ полголоса историкъ, придвинувшись къ инспектору и загибая одинъ палецъ:—уклонялся отъ отвѣтовъ (онъ загнулъ другой палецъ и побагровѣлъ), издѣвался надъ преподавателемъ... Грубилъ... Устраивалъ каверзы...

Когда всѣ пять пальцевъ были загнуты и образовали мягкій, толстый кулакъ, „историкъ", жестикулируя имъ передъ носомъ инспектора, спросилъ глухимъ и шипящимъ голосомъ:

— Какъ же онъ будетъ смотрѣть на преподавателя, если теперь перевести его?

Благодушному и робкому инспектору было немножко жаль Благово, этого остроумнаго и бойкаго лѣнтяя. Онъ и бранилъ-то его съ тою цѣлью, чтобы смягчить немножко „историка". Но возражать этому сердитому человѣку было страшно: лицо его теперь было багрово, и онъ свирѣпо вращалъ глазами...

— А я долженъ перевести его!—придушенно-визгливымъ голосомъ заговорилъ историкъ, не дождавшись отвѣта на свой вопросъ:—я долженъ... да! второгодникъ-съ, видите-ли... да-съ!.. куда его выкинуть изъ сего прекраснаго заведенія?! некуда! да-съ... И я долженъ поставить тройку, иначе всякій сукинъ сынъ будетъ тыкать мнѣ въ глаза пальцемъ и называть меня палачемъ... да!..

Тогда инспекторъ, принимая видъ рѣшительной свирѣпости, съ трусливой радостью въ голосѣ воскликнулъ:

— Березовой бы каши ему... канальѣ!..

„Историкъ", взволнованный и покраснѣвшій, молчалъ нѣсколько минутъ, тяжело сопя носомъ и обтирая мокрое лицо и шею платочкомъ, свернутымъ въ правильный квадратикъ.

— Кого-то сейчасъ попретъ?—подумалъ Кривцовъ не безъ тревоги и оглянулся.

Человѣкъ пять еще сидѣло за партами,—съ потными, напряженными лицами. Погруженные въ какія-то свои соображенія, они вяло перелистывали книжки и тетрадки конспектовъ, работали пальцами въ волосахъ и по лицу, воровливо и робко поглядывали на коммиссію и изрѣдка незамѣтно кивали головами по направленію къ двери, въ которую поглядывали любопытствующіе.

— Ну-съ... Кривцовъ, пожалуйте сюда,—усталымъ голосомъ сказалъ „историкъ".

Кривцовъ вышелъ и, чтобы скрыть охватившее его невольное волненіе, котораго онъ стыдился, съ чуть замѣтной улыбкой поглядѣлъ на „историка". Онъ любилъ этого умнаго, грубаго, безнадежно раздраженнаго человѣка, любилъ его брань, острыя слова и, въ концѣ концовъ, самую настоящую, самую цѣнную доброту, скрывавшуюся за этой шероховатой,

колкой оболочкой наружной свирѣпости. Онъ зналъ, что по своему предмету „историкъ“ никого не оставлялъ на второй годъ и ограничивался лишь угрозами. Правда, иногда онъ доводилъ до крайней истомы бранью и насмѣшками, отводя на ученикахъ свою уязвленную безрадостной жизнью душу. Правда, его побаивались и нерѣдко уклонялись отъ его уроковъ. Но, оставляя гимназію, никто не уносилъ о немъ враждебнаго воспоминанія, и всѣ считали его самымъ интереснымъ, самымъ цѣннымъ и самымъ честнымъ учителемъ.

— Вы держите въ седьмой классъ? Болтались цѣлый годъ и ничего не дѣлали?..—сказалъ „историкъ“, свирѣпо глядя на изящнаго, чисто одѣтаго и улыбающагося Кривцова.

— Нѣтъ, я... занимался немного...

— Ммм... немного?.. Поэтому экзаменъ будетъ произведенъ основательно. Людовикъ XIV?..

Кривцовъ хотѣлъ-было сказать, что онъ провалился уже по-гречески и не претендуетъ на переходъ въ седьмой классъ, но вмѣсто этого какъ-то невольно началъ, запинаясь и путаясь, говорить то, что смутно помнилъ о Людовикѣ XIV.

— Сейчасъ видно, что вы не готовили!—оборвалъ его историкъ съ первыхъ же словъ.

— Нѣтъ, я готовилъ,—совралъ Кривцовъ почти машинально и самъ улыбнулся надъ своимъ малодушіемъ.

— Да вы не смѣйтесь! Вотъ я засажу васъ на второй годъ...

— Я не смѣюсь...

— Дальше!

Кривцовъ продолжалъ выкладывать свои скудныя свѣдѣнія, не рѣшаясь сознаться въ своей невинности по части исторіи.

— Вы мнѣ не о Кольберѣ, а о Людовикѣ разсказывайте. Нечего вилять!—прервалъ его историкъ съ раздраженіемъ.

Кривцовъ сочинилъ еще фразы двѣ съ упоминаніемъ Людовика и остановился. То самое выраженіе усиленно-напряженнаго, но безнадежнаго соображенія, которое казалось ему смѣшнымъ въ лицѣ Благово, теперь появилось и на его лицѣ. Онъ такъ же шевелилъ губами и искалъ помощи на потолкѣ, въ углахъ класса и на улицѣ...

— По чистой совѣсти, Кривцовъ: разъ прочитали? для очистки совѣсти? — сказалъ „историкъ“ уже мягче, чѣмъ прежде.

— Нѣтъ, я раза три, кажется, прочиталъ,—совралъ Кривцовъ, самъ удивляясь безцѣльности своего лганья, и добавилъ:—у меня только конспекта не было, какой вы диктовали...

— Это ужъ не мое дѣло, —быстро и съ оттѣнкомъ нѣкотораго злорадства возразилъ историкъ:—лишь бы я свое дѣло

сдѣлалъ, а вы ужъ какъ хотите... Не лучше-ли вотъ что: не отнимайте у насъ напрасно времени: спустите флагъ, ударьте на погребеніе... а?..

— Да извольте... Я, все равно, по-гречески срѣзался,— мужественно сознался, наконецъ, Кривцовъ.

— О?!—Въ голосѣ „историка" зазвучала неподдѣльная радость.—Такъ что-же вы давно этого не скажете? Вотъ человѣкъ... Тогда... до пріятнаго свиданьица!..

Кривцовъ поклонился и вышелъ.

— Вотъ,—вздыхая съ облегченіемъ, сказалъ „историкъ" инспектору:—былъ какой ученикъ! любоваться надо было: способенъ, прилеженъ, аккуратенъ... И что это такое?.. Объясните мнѣ, пожалуйста,—вы опытный педагогъ: какъ въ пятый классъ перевалитъ мальчишка, обзаведется сейчасъ знакомой гимназисткой, научится мерзавчика распечатывать и ничего, ровнымъ счетомъ ничего не дѣлаетъ!.. Палецъ о палецъ не хочетъ ударить!..

Инспекторъ глубокомысленно пошевелилъ бровями, помолчалъ и сказалъ, вздохнувши:

— Времена...

II.

Въ результатѣ экзаменовъ, Кривцовъ остался на второй годъ въ шестомъ классѣ.

Онъ занялъ мѣсто въ самомъ отдаленномъ углу „камчатки", и на стѣнѣ, какъ разъ надъ его головою, красовалась крупная надпись чернилами:

Сверхчеловѣкъ
Петръ Ивановичъ Кривцовъ
Одинокій!

Въ подражаніе ему, сосѣдъ его по партѣ надъ своимъ мѣстомъ изобразилъ:

Человѣкъ
Станиславъ Казимировичъ Пржеторжевичъ
Сикамбръ!

Надписи эти приводили въ негодованіе инспектора, надзирателей и нѣкоторыхъ преподавателей, особенно батюшку, который очень возмущался Сверхчеловѣкомъ - Одинокимъ. И Одинокій, и Сикамбръ сидѣли нѣсколько разъ подъ арестомъ, хотя упорно отрицали свои авторскія права на эти надписи. Самыя надписи и стирали, и замазывали, но онѣ появлялись снова, въ новомъ блескѣ, съ новыми виньетками. Всѣ дежурные по классу тоже „отсидѣли" за эти

надписи, но никакія драконовскія мѣропріятія не могли уничтожить ихъ.

Классъ былъ большой—пятьдесятъ два человѣка,—шумный, шаловливый и очень пестрый по составу. Были въ немъ мужи, уже носившіе бачки, скоблившіе усы и подбородки и говорившіе солиднымъ басомъ, но были и совсѣмъ еще зеленые мальчики. Первый ученикъ едва возвышался надъ партой. Худенькій, блѣдный, тихій, необычайно серьезный, съ большими, мечтательными глазами, онъ говорилъ чуть слышнымъ дѣтскимъ голоскомъ и былъ общимъ—и учителей, и товарищей—любимцемъ за свою талантливость и конфузливость.

Не менѣе половины класса имѣли уже нѣкоторый опытъ относительно женщинъ. Такъ называемые „кавалеристы", ходившіе въ узенькихъ брючкахъ со штрипками и въ туго обтянутыхъ курткахъ, достовѣрно знали, — кто съ кѣмъ живетъ, съ какою актрисой близокъ полиціймейстеръ, кто назначаетъ офицерамъ свиданія въ глухихъ аллеяхъ сада...

Были добросовѣстные зубрилы, скромные, тупые и вѣчно озабоченные. Впрочемъ, такихъ было немного.

Были, наконецъ, артистическія натуры,—поэты, художники, музыканты, актеры,—самая слабая по успѣхамъ категорія.

Замыкающей группой являлись мальцы, не вышедшіе еще изъ переходнаго, дѣтски-шаловливаго возраста, вѣчно ссорившіеся, дравшіеся, получавшіе снисходительные шлепки отъ болѣе солидныхъ товарищей, подымавшіе руки „съ мѣста", какъ въ младшихъ классахъ, и даже унижавшіеся до слезъ при полученіи единицы.

Изъ пятидесяти двухъ человѣкъ своего класса Сверхчеловѣкъ-Одинокій дружилъ только съ немногими второгодниками, а душою принадлежалъ прошлогоднимъ своимъ товарищамъ, бывшимъ теперь въ седьмомъ классѣ. Но и тамъ далеко не всѣ были ему симпатичны. Онъ примыкалъ къ немногочисленному кружку самообразованія, въ которомъ участвовало не болѣе тридцати человѣкъ изъ всей гимназіи,—большинство восьмиклассниковъ. Кружокъ былъ, такъ сказать, интернаціональный: дѣятельными членами его состояли также реалисты, гимназистки и семинаристы. Кривцовъ любилъ посѣщать рѣдкія, но увлекательно-интересныя собранія этого кружка, любилъ прислушиваться къ горячимъ и безпорядочнымъ спорамъ, улавливать въ нихъ что нибудь новое для себя, учиться этому новому, хотя то, чѣмъ интересовалось большинство членовъ кружка,—общественныя науки,—не имѣли такой животрепещущей важности въ его глазахъ: онъ былъ, главнымъ образомъ, художникъ и

при томъ—поклонникъ чистаго искусства, увлекался горячо и страстно его новыми теченіями, но скрывалъ это отъ другихъ.

Еще въ третьемъ классѣ онъ началъ читать. Читалъ запоемъ и безъ разбора, тратилъ на книги всѣ „собственныя" деньги, лишая себя завтраковъ, простаивалъ по цѣлымъ часамъ предъ витринами книжныхъ магазиновъ, мѣнялъ и продавалъ книги, разыгрывалъ даже ихъ въ лотерею (въ пансіонѣ), пускался и въ другія коммерческія предпріятія (открывалъ, напримѣръ, библіотеку, абонементъ—пять копѣекъ въ мѣсяцъ)—все съ единою цѣлью,—чтобы изыскать средства на покупку новыхъ книгъ. Въ четвертомъ классѣ онъ уже прочиталъ Тургенева, Достоевскаго, Л. Толстого, Гончарова, почти всѣхъ новыхъ беллетристовъ. Въ пятомъ погрузился въ философскія сочиненія Толстого и, увлекшись его ученіемъ, сдѣлался вегетаріанцемъ (только не на долго), пересталъ молиться Богу по утрамъ, какъ это дѣлалъ раньше, на урокахъ Закона Божія сталъ смущать законоучителя казуистическими вопросами. Потомъ прочиталъ книгу „Такъ говоритъ Заратустра" и, познакомившись одновременно съ разсказами М. Горькаго, рѣшилъ стать босякомъ и сверхчеловѣкомъ.

Незадолго передъ тѣмъ онъ влюбился и началъ писать стихи. Одна маленькая, жизнерадостная гимназистка огорчала его своимъ легкомысліемъ: книги читала только такія, въ которыхъ были „разговоры", терпѣть не могла „философіи", т. е. серьезныхъ бесѣдъ, къ его сверхчеловѣчеству относилась съ веселою и остроумною насмѣшливостью, никогда не грустила о немъ, но любила назначать свиданія, на которыя выбѣгала, накрывшись большимъ теплымъ платкомъ своей горничной. Ея хищный, точеный носикъ мило морщился, глаза искрились плутовствомъ и вызывающимъ, непобѣдимымъ кокетствомъ, а тонкія брови чудно выдѣлялись подъ тяжелыми складками сѣраго платка, окутывавшаго ее до колѣнъ. Онъ терялся передъ ней: хотѣлъ говорить серьезно, а выходило ужасно глупо; она смѣялась, сверкая глазами и зубами, любила нечаянно трогать его своими тонкими руками, задѣть плечомъ, пощекотать волосами его лицо... Сладкій трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу отъ этого шелковистаго, нѣжнаго, мгновеннаго прикосновенія, и онъ тогда совсѣмъ глупѣлъ... Онъ былъ влюбленъ въ нее до мая. Въ маѣ пріѣхали студенты, и Кривцову въ какую-нибудь недѣлю пришлось убѣдиться въ непостоянствѣ и коварствѣ женской натуры...

Еле-еле перелѣзъ онъ въ шестой классъ. И то, кажется, во вниманіе къ его прежнимъ успѣхамъ и примѣрному по-

веденію, — въ младшихъ классахъ онъ учился отлично... Въ шестомъ классѣ онъ уже окончательно забросилъ гимназическія науки и отдался цѣликомъ своимъ литературнымъ опытамъ. Онъ долго скрывалъ ихъ отъ товарищей, но слава уже стерегла его: мѣткія эпиграммы его на учителей стали популярны среди гимназистовъ и даже въ городѣ, а затѣмъ получили извѣстность и у гимназическаго начальства. И, конечно, обычная участь русскихъ писателей не обошла и его: онъ претерпѣлъ... Съ тѣхъ поръ всѣ мечты его сосредоточились, главнымъ образомъ, около гармоніи сладкихъ звуковъ и красивыхъ вымысловъ.

Теперь гимназическими науками онъ уже почти не занимался. Лишь по русскому языку да по физикѣ, которая его интересовала, онъ получалъ пятерки; по другимъ предметамъ еле-еле плелся. Въ нынѣшнемъ году „грекъ" былъ другой, снисходительный и трусливый; новый математикъ, человѣкъ молодой и робѣвшій передъ учениками. Тройки обезпечить было легко, но Кривцовъ ничего не дѣлалъ и питался лишь кое-какими крохами, пріобрѣтенными въ младшихъ классахъ.

На урокахъ онъ скучалъ до отчаянія, за то издавалъ совмѣстно съ нѣкоторыми семиклассниками журналъ „Лучи Зари", а въ пансіонѣ выпускалъ разъ въ недѣлю газету „Пансіонскія Извѣстія". Этимъ литературнымъ опытамъ онъ посвящалъ большую часть своего времени. Гулялъ мало, пересталъ ухаживать за гимназистками и позволялъ себѣ „развлекаться" только въ классѣ.

Развлеченія эти стали носить характеръ исключительнаго нарушенія порядка и дисциплины. Учителя негодовали, а классъ покатывался со смѣху, восторгался, удивлялся и долго разсказывалъ объ его остроумныхъ выходкахъ. Въ кондуитномъ журналѣ фамилія Кривцова фигурировала очень часто и на лѣвой сторонѣ—въ числѣ отсутствующихъ, и на правой, гдѣ значились записи проступковъ.

Весь персоналъ инспекціи и большинство учителей считали теперь Сверхчеловѣка „заразой" класса и даже всей гимназіи. Онъ, съ своей стороны, проклиналъ это заведеніе, громилъ его въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, издѣвался и мечталъ, какъ о высшемъ праздникѣ, о томъ днѣ, когда онъ разстанется съ „мертвымъ домомъ".

Эти чувства, конечно, раздѣлялись читателями... Это была изумительная по искренности и единодушію ненависть, прочно установившаяся во всѣхъ ученическихъ сердцахъ. Это общее чувство заставляло радоваться болѣзни каждаго учителя, скорбѣть о томъ, если какой-нибудь праздникъ падалъ на воскресенье, съ трепетомъ нетерпѣнія ждать вакацій.

Учителя объясняли это тѣмъ, что большинство этихъ юношей интересуется не наукой, а лишь средствомъ получить дипломъ. Гимназія требуетъ упорнаго труда, а дѣти, большинство которыхъ принадлежитъ къ сытымъ и празднымъ семействамъ, склонны къ бездѣлью и ненавидятъ трудъ. Однако тѣ же дѣти иногда положительно удивляли ихъ терпѣніемъ, настойчивостью и усердіемъ, отдаваясь самообразованію по интересующимъ ихъ предметамъ, корпя надъ какими-нибудь опытами или машинами, составляя рефераты, разучивая отрывки для литературныхъ вечеровъ, музыкальныя и драматическія пьесы,—или, наконецъ, изготовляя самыя подробныя и усовершенствованныя „шпаргалки" по всѣмъ предметамъ. На изготовленіе ихъ требовалось времени, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ на самое добросовѣстное приготовленіе уроковъ, и самое пользованіе ими, обставленное массою затрудненій и риска, всетаки не исключало необходимости учить уроки.

Міръ гимназіи былъ странный, оригинальный міръ...

Казалось иногда, что не только главнымъ признакомъ, но и всѣмъ содержаніемъ его была борьба двухъ враждующихъ лагерей. Во имя чего шла эта глухая, безпрестанная, безсмысленная вражда съ ея взаимнымъ недовѣріемъ, озлобленіемъ, подкапываньемъ, насмѣшками и, наконецъ, ненавистью; какая таинственная, неустранимая сила постоянно и неуклонно поджигала и раздувала ее,—это ни тому, ни другому лагерю не было вполнѣ ясно... Выходило все какъ-то непроизвольно, почти безсознательно, и закутанные сухими, мутными туманами наползающими извнѣ, оба лагеря упорно враждовали, даже не пытаясь присмотрѣться другъ къ другу.

Одинъ лагерь состоялъ изъ людей усталыхъ, невеселыхъ, замкнутыхъ, робкихъ, иногда до крайности смѣшныхъ.

Имъ надо было притворяться образованными, развитыми, знающими, но они были, въ большинствѣ, невѣжественны и тупы, задавленные постояннымъ трепетомъ, нуждой и вѣчной заботой о кускѣ.

Они дѣлали видъ, что убѣжденія ихъ — ясны, тверды и непогрѣшимы. Но когда въ любознательныхъ юныхъ головахъ рождались интересные вопросы и требовали разъясненія, то на нихъ не было отвѣта, какъ на „не относящіеся къ дѣлу". Изрѣдка лишь кто-нибудь пробовалъ разъяснять и наставлять, но выходила изъ этого только путаница, очевидныя для всѣхъ противорѣчія и трусливое подтасовыванье... На религіозные вопросы, на сомнѣнія молодого духа — слѣдовали сухо-формальные отвѣты. Вопросы гражданской жизни тщательно обходились. Свободнѣе говорили лишь по вопросамъ морали. Впрочемъ, не тогда, когда ученики спрашивали: въ

вопросахъ всегда подозрѣвалась какая-нибудь подковырка, и они строго останавливались. Учителя не говорили, не убѣждали, а изрекали безусловно авторитетныя моральныя истины. Въ младшихъ классахъ эти поученія сводились къ слѣдующимъ категоріямъ: держи себя смирно, старайся, будь внимателенъ и послушенъ, не ковыряй пальцемъ въ носу. Въ старшихъ: имѣй страхъ Божій, ибо онъ есть начало всякой премудрости; не высокоумствуй и не гордись, памятуя, что выше лба уши не растутъ и яйца курицу не учатъ; будь почтителенъ къ начальству, къ старшимъ и къ своимъ наставникамъ; занимайся только своимъ дѣломъ и исполняй въ точности то, что приказываютъ начальники и наставники, ибо повиновеніе есть высшая власть и побѣда, побѣда надъ самимъ собой; будь честенъ, т. е. не пользуйся подстрочниками и „шпаргалками", не списывай задачъ и сочиненій прошлыхъ годовъ, не обманывай преподавателей; будь трудолюбивъ, т. е. аккуратно готовь заданные уроки...

Но, говоря о честности, они сами были не всѣ честны... Говоря о мужествѣ, почти всѣ были трусы. Страхъ висѣлъ надъ ними постоянно, испугъ и недоумѣніе передъ какими-то карающими призраками сквозили въ ихъ словахъ, въ ихъ поступкахъ, держали ихъ въ безвыходныхъ, удручающихъ тискахъ... Они знали, какъ легко лишить ихъ даже того мизернаго положенія, при которомъ они съ семьями ведутъ полусытое, полуголодное существованіе. Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ этой службы съ ея однообразнымъ, безтолковымъ толченіемъ воды въ ступѣ, съ полной изолированностью отъ остальной жизни, — дѣлало ихъ рѣшительно непригодными ни къ какому другому труду...

И это сознаніе безвыходнаго плѣна, унижающаго личность, притупляющаго мысль, заполняло все ихъ существованіе изнурительными мелочами, смиреніемъ безнадежности, рабьими инстинктами... Оно рождало нескончаемую, скрытую душевную боль и тупую злобу ко всей отравленной жизни, диктовало самоограниченія всякаго рода, вселяло боязнь самостоятельныхъ мнѣній, искореняло мечту о свободѣ, о тѣхъ порывахъ души, которые когда-то сладко волновали ее и давали красивый смыслъ жизни...

Все это видѣли ихъ ученики,—молодой, безжалостный и жестокій въ своемъ судѣ народъ, — и не прощали имъ ничего, ни единой ихъ слабости.

Не было среди нихъ героевъ. Героизмъ въ этой средѣ весь ушелъ-бы на то, чтобы сохранить душу въ затхлой атмосферѣ условностей и показной благонадежности.

Нужна была только изворотливость, чтобы благополучно

плавать среди этой массы предписаній и предначертаній, совсѣмъ не выполнимыхъ на дѣлѣ, изгоняющихъ живую душу изъ школьнаго обихода и заражающихъ его ядомъ показной добродѣтели. И въ этой изворотливости многіе доходили до виртуозности, превосходно примѣняясь ко вкусамъ всѣхъ лицъ, могущихъ поощрить или погрозить перстомъ и очами. Эти преуспѣвали... И хотя этотъ успѣхъ давалъ не Богъ вѣсть какое благополучіе, — но онъ вызывалъ подражаніе и соревнованіе у остальныхъ. Гимназическое преподаваніе было сведено къ формамъ, исключавшимъ всякій интересъ и смыслъ. И было непонятно ни ученикамъ, ни учителямъ, какое значеніе могутъ имѣть тѣ жалкіе, ничѣмъ не связанные и безпорядочной кучей сваливавшіеся въ ученическихъ головахъ обрывки знаній, которые вбивались имъ въ гимназіи...

Никто изъ учителей ни разу не могъ привлечь одушевленною рѣчью свободнаго вниманія въ классѣ, при которомъ нѣтъ надобности въ зоркомъ наблюденіи за дисциплиной. Никто не вдохнулъ возбуждающей искры интереса къ предмету, хотя многіе умѣло, даже артистически—съ точки зрѣнія программы—вели уроки, умѣло разучивали ихъ въ классѣ, умѣло и неуклонно тормошили дремавшихъ учениковъ, искусственно возбуждая ихъ вниманіе „летучими“ вопросами.

И ученики учились вяло, подгоняемые отмѣтками, накопляя въ душѣ отвращеніе къ труду, теряя интересъ къ знанію, развращаясь бездѣльемъ, плутовствомъ и мелкой борьбой съ начальствомъ и учителями. На этой борьбѣ, на ея перипетіяхъ, на всевозможныхъ уловкахъ, обманахъ, массовыхъ шалостяхъ, или „бенефисахъ“, и сосредоточивался наиболѣе живой интересъ. И тѣ невеселые, замкнутые, робкіе, иногда смѣшные, скудно одѣтые и уязвленные жизнью люди, которые поочередно приходили въ классы и уходили изъ нихъ, съ недоумѣніемъ, грустью, иногда съ отчаяніемъ и злобой думали и говорили о той „темной силѣ“, которую представляло собой молодое поколѣніе...

При взглядѣ со стороны, сквозь стеклянныя двери класса на эту многолюдную, неспокойную, копошащуюся за партами, щебечущую толпу малышей со стриженными головенками, съ свѣтлыми, веселыми, плутоватыми глазками, съ перепачканными въ чернилахъ руками, которыя то толкали въ бокъ сосѣда, то строили изъ бумажки пѣтушковъ, то бросали тихомолкомъ шарики,—становилось весело и забавно... Они сами и ихъ движенія напоминали маленькихъ, веселыхъ животныхъ, подвижныхъ, веселыхъ, забавныхъ и невинныхъ.

— Какія милыя дѣтишки!—невольно думалось, глядя на нихъ:—надежда родины...

Но тому усталому человѣку въ очкахъ, который съ каѳедры обводитъ строгимъ взглядомъ эту милую, слишкомъ многочисленную и тѣсно посаженную компанію, который долженъ заставить ихъ сидѣть смирно, быть внимательными, не вскакивать съ мѣста, не отпрашиваться то и дѣло „выйти", не толкаться, не бросать катышки бумаги, не дразниться и проч.,—этому человѣку они уже не кажутся такими милыми. Онъ знаетъ, какъ они портятъ воздухъ, какъ нечистоплотны, неряшливы, какъ большинство изъ нихъ тупы, лѣнивы, неугомонно, а иногда зло-шаловливы и неуживчивы... И какъ мало въ нихъ мягкости: съ какой непонятной злобою эти милыя дѣти щиплютъ и дразнятъ какихъ-нибудь товарищей неудачниковъ, заморышей, евреевъ; какъ часто стараются взвалить собственную вину на другого, тихомолкомъ нагадить, иной разъ даже украсть.. И часто усталый и озлобленный учитель съ грустью думаетъ:

— Будущая надежда родины... А сколько изъ нихъ прохвостовъ выйдетъ!..

Крайняго предѣла шаловливость достигаетъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ. Это - переходный, критическій возрастъ, когда дѣтская подвижность сочетается съ юношескою амбиціей и заносчивостью, съ преувеличеннымъ сознаніемъ правъ и забвеніемъ обязанностей. Этими классами совершенно ниспровергается авторитетъ надзирателей, появляется особая грубость и дерзость по отношенію къ преподавателямъ, устраиваются ехидныя и злостныя шалости...

Въ слѣдующихъ классахъ начинаютъ держать себя уже болѣе солидно, но тутъ новое горе: мятежное безпокойство мысли, упорное уклоненіе отъ тѣхъ обязательныхъ рамокъ благонравія, которыя выработаны такъ обстоятельно программами и указаны циркулярами. Тутъ-то и начинается наиболѣе упорная война между двумя лагерями. Одинъ предлагаетъ обильную и неудобоваримую духовную пищу, увѣряя, что она полезна и необходима для жизни, для будущей самостоятельной дѣятельности. Другой сомнѣвается въ этомъ и увертывается отъ навязываемыхъ ему даровъ. Первый лагерь приходитъ къ горькому убѣжденію, что учащіеся лѣнивы, что имъ всякая работа противна, а по душѣ только бездѣлье, пустословіе, повѣсничаніе, грязныя удовольствія, всякаго рода нарушенія порядка... И недоумѣваетъ, за что же ихъ, учителей, винятъ въ томъ, что ученики ихъ выходятъ безграмотными, невѣжественными, неразвитыми?

Забитый, усталый, отупѣвшій отъ однообразной утомительной, часто лишенной одушевленія и смысла работы—

учитель приходитъ къ заключенію, что матеріалъ, находящійся въ его рукахъ, по преимуществу — дешевый матеріалъ... Это — булыжникъ и мусоръ, въ которомъ дорогіе камни теряются по чисто фатальнымъ причинамъ и, можетъ быть, выкидываются вонъ вмѣстѣ съ мусоромъ. Когда же они бросаются въ глаза, то ихъ всетаки требуется вогнать туда же, куда и булыжникъ, и придать имъ окраску и свойства этого прочнаго и малоцѣннаго камня.

Такъ дѣло и тянется безсмысленно и вяло, насильственно, безплодно, однообразно и скучно. И учителя тяготятся своимъ дѣломъ, обманувшимъ ихъ надежды, и молодое поколѣніе учится безъ интереса, плутуетъ, остается лѣнивымъ и невѣжественнымъ. Оно не любитъ учителей, не желаетъ понять ихъ, бранитъ, не знаетъ, сколько терзающей боли и недоумѣній лежитъ тяжкимъ бременемъ на ихъ усталыхъ душахъ, отравленныхъ стыдомъ безсилія. Оно не понимаетъ и не хочетъ понять ихъ, да и они сами постепенно теряютъ чутье и пониманіе молодежи...

III.

15 го октября оканчивалась первая четверть. Нѣкоторые учителя приходили въ классъ съ аттестаціонными списками, на урокахъ выставляли четвертныя отмѣтки, „поправляли“ и писали свои отчеты. Эти уроки были не такъ скучны, даже интересны, потому что каждому можно было заниматься своимъ дѣломъ. Но это было не у всѣхъ учителей. Нѣкоторые неуклонно занимались обычнымъ порядкомъ.

Въ шестомъ классѣ шелъ урокъ по латинскому языку. Учитель, большой, кудластый, глухой и потому сердитый человѣкъ, въ темныхъ очкахъ, велъ его монотонно, глубоко-серьезно, почти съ религіозной важностью. Неодолимая дремота овладѣла всѣми въ классѣ. Преподаватель зорко посматривалъ черезъ темныя очки, чтобы ученики не играли въ шашки, въ карты, не грызли подсолнуховъ, не болтали... Классъ цѣпенѣлъ отъ скуки, зѣвалъ и дремалъ. Болѣе трудолюбивые ученики готовили уроки къ слѣдующему дню. Кривцовъ занимался своей литературой. Онъ написалъ начало стихотворенія, которое давно уже слагалось у него въ головѣ. Неясные и легкіе образы и мысли мелькали передъ нимъ, какъ знакомыя прекрасныя видѣнія, но на бумагу онъ не могъ ихъ передать такъ, какъ они возникали въ душѣ, и выходили они блѣдные, слишкомъ ординарные, будничные, въ убогомъ нарядѣ изношенныхъ словъ, тусклыхъ, потертыхъ, какъ старая монета.

Онъ написалъ заглавіе: *Утромъ*. Вывелъ красиво подзаголовокъ: *Стихотвореніе*. Первые четыре стиха онъ написалъ скоро:

Улетаютъ тихія видѣнья;
Тускло сѣрый день глядитъ въ окно...
На душѣ моей уныло,
Странно-холодно, печально и темно...

Дальше стихи не давались, выходили неуклюжими, громоздкими и никакъ не хотѣли ложиться въ размѣръ. Было досадно...

— А поди-ка, братъ, вонъ! — вдругъ послышался басъ Митрофорова.

— За что, Петръ Петровичъ?—раздался въ отвѣтъ недоумѣвающій и заикающійся голосъ Человѣка-Сикамбра.

— Ты чего тамъ?... болтать?.. разговоры?.. Усы свои вытягиваешь?.. Думаешь, выростутъ скорѣе?..

— Я ничего, Петръ Петровичъ...

— Самъ не слушаешь и другимъ мѣшаешь сосредоточиться!... Поди-ка, братъ, вонъ!..

— Я слушаю, Петръ Петровичъ...

— А повтори-ка послѣднюю фразу!

Сикамбръ прежде всего выразительно раза два кашлянулъ, чтобы выиграть время, а подъ партой толкнулъ ногой Кривцова и впереди сидѣвшаго Сахарова. Сахаровъ приложилъ ладонь къ губамъ и началъ суфлировать, что у тугого на ухо Митрофорова продѣлывалось всегда не безъ успѣха.

— Итакъ... царь Дейотаръ... пришелъ... — суфлировалъ Сахаровъ.

— Итакъ... царь Дейотаръ...—неторопливо, съ разстановкой, какъ вдумчиво и сознательно относящійся къ дѣлу человѣкъ, началъ Сикамбръ и внушительно кашлянулъ.

— Пришелъ... кхмъ... кхмъ...—продолжалъ онъ.

— Въ эту несчастную и роковую войну, — прошипѣлъ суфлеръ.

— Въ эту... несчастную... и роковую... войну... э-кхмъ... кхмъ...

Въ это время скомканная бумажка была всунута въ полусжатый кулакъ Сикамбра доброжелательной рукой сосѣда, а черезъ мгновеніе оказалась уже въ книгѣ. Расправивъ ее, Сикамбръ также вдумчиво и неторопливо, но уже безъ покашливанія продолжалъ:

— Приходитъ... къ этому человѣку, которому раньше того помогалъ въ справедливыхъ внѣшнихъ войнахъ, съ которымъ былъ соединенъ не только дружбой, но и родствомъ...

— Что за оборотъ: quem—quocum?—отрывистымъ и сердитымъ голосомъ задалъ вопросъ Митрофоровъ, когда Сикамбръ кончилъ фразу и поглядѣлъ на него торжествующимъ взглядомъ.

— Безсоюзіе,—проворно прошипѣлъ суфлеръ.

— Экхмъ... это... без...союзіе?

— Didicisset—форма?

— Pplusquamperrrfectum conjunctivi,—эффектно произнесъ Сикамбръ, уже безъ всякаго заиканія и покашливанья.

— Почему здѣсь—conjunctivi?

— Э... кхмъ... кхмъ...

— Побужденіе,—доносится авторитетное разъясненіе суфлера.

— Означаетъ здѣсь... кхмъ... кхмъ... побудительную причину,—тономъ глубокаго убѣжденія отвѣчаетъ Сикамбръ.

— Н-ну, сма-атри ты у меня!.. — сказалъ угрожающе и не безъ досады Митрофоровъ; видя, что Человѣкъ-Сикамбръ не можетъ скрыть торжествующаго и насмѣшливаго блеска въ глазахъ, онъ грозно крикнулъ:

— Сядь!!!

Мысли Кривцова теперь получили другой оборотъ. Онъ рѣшилъ закончить давно начатую статью „О реформѣ средней школы", предназначенную для журнала „Лучи Зари". Онъ отложилъ стихи и погрузился въ публицистику.

„Приступая къ учебнымъ занятіямъ въ нынѣшнемъ году,—писалъ онъ,—большинство учащихся думало, что занятія будутъ производиться по новой программѣ, по усовершенствованному методу, и что школа станетъ для нихъ не печальной и скучной необходимостью, а опытной и сердечной руководительницей... Но и эти розовыя мечтанія не сбылись. Классическая система, которую такъ пышно хоронила русская пресса, опять живетъ и торжествуетъ"...

Перечитавши это начало, Кривцовъ съ увлеченіемъ принялся громить классическую школу и ея дѣятелей. Онъ писалъ объ исчезновеніи вѣры въ добро, въ науку, въ красоту и радость жизни; ругалъ начальство, нивеллирующее и обезличивающее индивидуальныя черты учащихся, всыпалъ на орѣхи преподавателямъ, которые не хотятъ говорить „живымъ, человѣческимъ языкомъ, съ интересомъ и убѣжденіемъ"...

Онъ съ удовольствіемъ сталъ перечитывать свое произведеніе, но урокъ кончился. Еще не вышелъ Митрофоровъ, а въ классѣ уже поднялся пестрый и неудержимый гамъ самыхъ разнородныхъ звуковъ: захлопали крышки партъ, зашаркали ноги, кто-то запѣлъ, кто-то громко зѣвнулъ и грубо выбранился, разнообразные голоса пошли перекликаться... Клоко-

чущій, бурливый потокъ шумныхъ звуковъ, наполнивъ длинные, серьезные, полутемные корридоры, выбѣгалъ и на улицу, гдѣ прохожіе съ недоумѣніемъ и любопытствомъ оглядывались, а на лицахъ у нихъ какъ будто было написано раздумье: какъ можно жить и работать взрослымъ въ такомъ неистовомъ, оголтѣломъ кипѣніи оглушительныхъ и безпощадныхъ звуковъ.

Рѣзкій звукъ колокольчика пронзаетъ этотъ хаосъ и шумъ; медленно колыхнувшись, направляется въ обратную сторону, раздробляется, становится глуше и вливается въ тѣ душные ящики, которые именуются классами. Здѣсь онъ, стиснутый тѣсною каменною броней, сокращается и, постепенно слабѣя, наполняетъ глухимъ жужжаніемъ каменный ящикъ и дробно бьется въ стѣны, потолокъ и окна. Среди громкаго говора, перебранки, перекликаній, смѣха, искусственнаго басового гудѣнія и пѣсенъ, различныхъ звукоподражаній, барабаннаго боя о парты, хрястѣнья партъ отъ возни и выпиранія другъ друга,—безсильно и жалко тонетъ окрикъ надзирателя... Угрожающая жестикуляція его перста свидѣтельствуетъ о призывѣ къ порядку, но въ усталомъ и страдальчески озлобленномъ лицѣ видна безнадежность и невѣріе въ свои силы.

На второмъ урокѣ былъ „историкъ". Его уроки были всегда самые страшные, но въ то же время интересные. Легко было схватить единицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно и чрезвычайно любопытно было слушать, какъ онъ, разсказывая урокъ или спрашивая, находилъ случай остроумно ругать всѣхъ и вся. Онъ ругалъ полицію, ругалъ „жидовъ", нѣмцевъ и англичанъ, ругалъ русскіе порядки и—что было всего пріятнѣй—ругалъ гимназію, гимназическое начальство, учителей и гимназистовъ. Его нервная, отрывистая рѣчь носила рѣзкій тонъ всегда,—говорилъ ли онъ съ ученикомъ, или съ директоромъ. Онъ всегда волновался, кипѣлъ, сопѣлъ, подергивалъ плечомъ, сердился, даже когда разсказывалъ анекдотъ. Эта одинаковость тона по отношенію ко всѣмъ безъ различія привлекала къ нему ученическія сердца, хотя на него часто злились за его щедрыя единицы и еще болѣе за рѣзкую ругань и издѣвательства.

Послѣ него приходилъ въ классъ большой и неуклюжій человѣкъ съ черной повязкой на головѣ, съ желтымъ, больнымъ лицомъ, съ роскошной черной бородой и грустными глазами. Это былъ словесникъ, по прозванію Черноморъ,—человѣкъ кроткій, смѣшной и скучный, а учитель совсѣмъ архаическій. Его даже дразнили рѣдко,—онъ никому не мѣшалъ заниматься, чѣмъ угодно,—и ему не мѣшали говорить

что-то быстрое и непонятное, барабанить кистями рукъ по каѳедрѣ, вопрошать и не получать отвѣта.

Его смѣнилъ послѣ большой перемѣны молодой, румяный математикъ, преподававшій первый годъ. Послѣ завтрака, какъ бы онъ ни былъ скуденъ и малозначителенъ, всегда особенно одолѣвала дремота. Математикъ говорилъ тихо, объяснялъ слабо и сбивчиво, краснѣлъ. Его не слушали, или слушали только тѣ, кому нравилось сбивать его.

— Не такъ!—слышалось иногда изъ за партъ:—въ книгѣ не такъ!..

Всѣ знали, что молодой преподаватель пока самъ учился и не отступалъ ни на іоту отъ учебника.

— Виноватъ,—конфузливо говорилъ математикъ и торопливо стиралъ доску—иногда даже не губкой, а прямо рукой.

Онъ чувствовалъ ужасъ передъ этими большими классами, въ которые онъ попалъ, по волѣ судебъ, въ первый же годъ своей службы. Онъ недоумѣвалъ передъ этой бездной злорадной наглости, безпощадныхъ и безжалостныхъ насмѣшекъ и грубостей, особенно при полученіи отмѣтокъ, которыя онъ ставилъ щедро, и за которыя чуть ни ежедневно дѣлалъ деликатныя замѣчанія директоръ. Два мѣсяца назадъ онъ вступалъ въ это шумное заведеніе румяный, свѣжій и жизнерадостный, а теперь все больше и больше сжимался, ежился, озлоблялся и худѣлъ.

Пятымъ и послѣднимъ урокомъ былъ урокъ греческаго языка. Шесть разъ въ недѣлю былъ греческій языкъ—все на пятыхъ часахъ,—и никто изъ учениковъ шестого класса не тяготился этимъ: это были самые интересные уроки.

— Марекъ!—раздавался голосъ дежурнаго, стоявшаго у дверей класса.

Этотъ возгласъ извѣщалъ о приближеніи преподавателя греческаго языка. Классъ сквозь пестрый гамъ не слышалъ его, но когда мелкими шажками вкатывалась фигурка коротенькаго, аккуратнаго человѣчка, съ подкрашенной въ каштановый цвѣтъ квадратной бородкой, и пугливо-растерянно оглядывалась, классъ усиливалъ гудѣніе. Радостные, дружескіе возгласы неслись изъ всѣхъ угловъ къ этой чистенькой и робкой фигуркѣ.

— Младочехъ! какъ здоровье?—оралъ одинъ.

Кто то взвизгивалъ поросенкомъ; другой кричалъ: „тпру!“ Слышался короткій, пронзительный свистокъ и одновременно неприличное пѣніе. Кто-то декламировалъ дикимъ басомъ изъ „Демона“.

Фигурка катилась къ каѳедрѣ, сопровождаемая толпой, растерянная, оглушенная и безпомощная.

— Са-адитесь, пожалюста, господа!—умоляюще говоритъ она:—садитесь по мѣстамъ!

Бѣдный Марекъ!.. Онъ оглянулся кругомъ и съ нѣкоторымъ опасеніемъ поглядѣлъ на дверь... Эта дверь со стеклами всегда таила въ себѣ нѣчто страшное... Какъ часто черезъ эти стекла глядятъ строгіе, наблюдающіе глаза директора, какъ они угнетаютъ своимъ молчаливымъ и безстрастнымъ контролемъ... А тутъ безпорядокъ... Человѣкъ пять стоятъ около каѳедры, улыбаются, что-то говорятъ одновременно и громко, что нельзя разобрать. Что имъ нужно? И какіе крупные и буйные мальчики... Въ глазахъ у всѣхъ огоньки насмѣшки, злонамѣреннаго лукавства и буйной шалости...

— Уже не шумите!—возвышая свой трескуче-рѣзкій голосъ, особеннаго, спеціально-чешскаго тембра, кричитъ Марекъ, сохраняя просительное выраженіе:—господа, директоръ уже ходитъ! потьише!.. Уже не пойте тамъ такъ громко басомъ, господа! можно потьише!.. Кривцовъ, вы наиболѣе тамъ шумите...

— Нѣтъ, Францъ Антонычъ, я наименѣе тутъ шумлю...

— Уже, господа, садитесь, наконецъ!—еще повышая голосъ, кричитъ Марекъ.

Нарочно спотыкаясь, стуча ногами, толкая другъ друга и вскрикивая, толпа удаляется отъ каѳедры. Еврей Штейнъ всетаки еще разъ возвращается и, забирая журналъ въ руки, говоритъ:

— Позвольте мнѣ посмотрѣть, по математикѣ сколько?

— Са-а-дитесь уже!—вырывая журналъ и прижимая его къ груди, строго кричитъ Марекъ.

— Да позво-о-льте... что вамъ стоитъ?..

— Уже на мѣсто.

Въ рѣзкомъ, пронзительномъ голосѣ Марека слышатся, наконецъ, ноты подлиннаго негодованія. Штейнъ, демонстративно шатаясь изъ стороны въ сторону, цѣпляясь за парты и гремя, водворяется на мѣсто.

— Къ слѣдующему разу запишите,—говоритъ Марекъ, ныряя носомъ то въ журналъ, то въ записную книжку, то въ лежащаго передъ нимъ Ксенофонта:—грамматика... параграфы 32-й и 33-й... переводъ параграфъ 8-й... польовину...

— Мно-о-го!—слышится гудѣніе сперва съ камчатки, у которой даже книги не раскрыты, потомъ, ширясь и распространяясь, захватываетъ весь классъ.

— Всего девять строчекъ...

— Мно-о-о... о-о-о... у-у-у... э-э... о-о-о...—гудитъ воздухъ, потолокъ, стѣны класса.

Марекъ опять бросаетъ боязливый взглядъ на дверь. А

что если тамъ директоръ?! „У васъ на урокахъ никакой дисциплины нѣтъ“... Онъ уже говорилъ это... и не разъ...

— Петровъ! — произноситъ Марекъ рѣшительнымъ тономъ:—пожалуйте къ доскѣ, запишите слова!

— Ла-ла-ла-ла-ла... — завываетъ вдругъ Кривцовъ, безсмысленно вытаращивъ свои красивые черные глаза.

Этотъ однообразный вой выдѣляется изъ смутнаго гомона и рѣетъ назойливо и уныло надъ классомъ, какъ испуганный и тоскливый звукъ отдаленнаго набата.

— Кривцовъ!!—пронзительно и сердито вскрикиваетъ Марекъ и смотритъ пристально и долго на Сверхчеловѣка, который не сразу замолкаетъ и встаетъ, такъ же безсмысленно выпучивши глаза.

— Уже пьерестаньте!

— Это сзади, Францъ Антонычъ!—киваетъ Кривцовъ на стѣну.

Слышится взрывъ смѣха,—классъ привѣтствуетъ остроту Сверхчеловѣка громко, намѣренно-громко и безпощадно-оглушительно, дико... Марекъ опять съ испугомъ оглядывается на дзерь. Слава Богу, какъ будто тамъ никого не видно...

— У васъ уже завернется скоро тутъ,—съ угрожающимъ сожалѣніемъ говоритъ онъ, адресуясь къ Кривцову и вертя пальцемъ вокругъ лба.

И затѣмъ весь погружается въ диктовку словъ, не обращая вниманія на продолжающійся шумъ. Петровъ старательно выводитъ буквы, стучитъ мѣломъ, стираетъ зачѣмъ-то и опять пишетъ, склонивъ голову на бокъ. Явственно затягиваетъ время. Его комически-серьезная и почтительная физіономія располагаетъ къ себѣ Марека, и онъ ставитъ ему въ журналъ 4.

— Кащеевъ!—вызываетъ Марекъ:—возьмите Ксенофонта и пожалуйте къ каѳедрѣ.

Кащеевъ лѣниво поднимается и что-то очень долго копается въ партѣ.

— Съ мѣста отвѣчать!—раздается чей-то басъ:—къ каѳедрѣ не пойдетъ!..

И тотчасъ же глухой гулъ дружно начинаетъ расти и перекатываться по классу; парты смыкаются: Кащеевъ запертъ, и его не пускаютъ, хотя онъ еще и не дѣлалъ попытки выходить.

— Тамъ уже подсказываютъ!—строго говоритъ Марекъ, стараясь покрыть гудящіе голоса:—идите къ каѳедрѣ!

— Гу-у... о-о-о... у-у-у...—слышится въ отвѣтъ неопредѣленный гулъ.

— Будете кричать—хуже будетъ! Позову директора и... сторожа!..

— Гу-у-у... о-о-о... у-у-у... э-э-э... о-о-о...

— Ну, хорош-шо... отвѣчайте уже съ мѣста... Н-но... только уже не подсказывать! Хорош-шо, хорош-шо... хуже будетъ! Отвѣчайте уже тамъ...

Кащеевъ начинаетъ съ грѣхомъ пополамъ что-то мямлить. Ему отчаянно и неудачно подсказываютъ,—въ этомъ случаѣ наибольшимъ усердіемъ отличаются тѣ ученики, которые сами почти ничего не знаютъ. Шумъ стоитъ въ классѣ и отъ дружныхъ подсказовъ, и отъ разговоровъ. Марекъ обводитъ классъ строго недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ничего уже не слышу, господа!—говоритъ онъ.

— И я ничего не слышу,—бормочетъ Кащеевъ.

— Ну, теперь по грамматикѣ...

И Марекъ обстоятельно и съ знаніемъ дѣла доѣзжаетъ Кащеева на грамматикѣ.

— Уже довольно,—произноситъ онъ съ грустью сожалѣнія и дѣлаетъ быстрое, едва уловимое движеніе перомъ:—са-дитесь...

— Пару? за что-же? Я переводъ зналъ!

Въ тонѣ Кащеева слышится искреннее недоумѣніе и протестъ.

— Плохо Лизочкѣ будетъ, если пары будешь ставить!—раздается чей-то угрожающій басъ.

— Кто въ четвергъ дежурный по пансіону?—долетаетъ до Марека новый голосъ:—Марекъ? А-га! надо принять къ свѣдѣнію... Бенефисъ за-да-димъ!..

Однако Марекъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ этихъ возгласовъ, и все свое вниманіе устремляетъ въ записную книжку, изрѣдка, для прочистки своего голоса, покашливая—коротко и пронзительно-рѣзко.

— Кривцовъ!—вызываетъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Не могу, Францъ Антонычъ.

— Почему-у?

— По разнымъ причинамъ...

— Н-ню... такъ я вамъ единичку напиш-шу?..

— Сдѣлайте одолженіе. Если вамъ это доставитъ удовольствіе,—пожалуйста!..

Марекъ опять устремляетъ свое вниманіе въ записную книжку и быстро дѣлаетъ въ ней какой-то значекъ.

— Застрѣлись, братъ!—сочувственно говоритъ Человѣкъ-Сикамбръ, подавая Кривцову пеналъ, искусно сдѣланный въ видѣ револьвера.

Кривцовъ, всклокочивъ волосы, беретъ пеналъ и съ рѣшительнымъ видомъ идетъ къ каѳедрѣ.

— Умереть... уснуть...—говоритъ онъ глухимъ голосомъ и подноситъ револьверъ-пеналъ къ виску. Нѣсколько чело-

вѣкъ бросаются къ нему и хватаютъ его за руки. Поднимается крикъ, гвалтъ, смѣхъ, свистъ... Марекъ смотритъ растерянно, ничего не понимая, и, пугаясь этого неистоваго гама, не можетъ оторвать глазъ отъ двери.

— Францъ Антонычъ! вѣдь дѣло одного момента... А на вашей душѣ грѣхъ будетъ,—говоритъ Человѣкъ-Сикамбръ очень убѣдительно.

— Н-ню, хорош-шо! Уже я вычеркну единичку! Садитесь! пожалюста, садьте!.. уже я васъ очень попрошу!..

— Чѣмъ вычеркивать, журналъ марать,—лучше переправьте ее на четверку,—дружелюбно совѣтуетъ кто-то.

— Садьте, пожалюста!

— Въ такомъ случаѣ, позвольте выйти.

— Извольте...

Выходитъ одинъ; за нимъ еще двое, уже не отпрашиваясь. Потомъ кто-то изъ нихъ, отворивши дверь, звонко кричитъ изъ корридора: ку-ку!

— Ку-ку! ку-ку!—сейчасъ-же откликаются ему голоса изъ класса.

Кто-то хлестнулъ кого-то по физіономіи, и въ отвѣтъ раздался тоже звонкій шлепокъ, сопровождаемый поросячьимъ визгомъ. Это Штейнъ визжитъ—неподражаемо искусно и нагло—и въ награду сзади опять получаетъ подзатыльникъ.

— Не дурачьтесь, господа,—безсильно и жалобно, страдающимъ и умоляющимъ голосомъ кричитъ Марекъ:—не ссорьте... Пржеторжевичъ! вы уже каждый день завтракаете!

Человѣкъ-Сикамбръ, сосредоточенно уписывающій булку на первой партѣ, говоритъ съ достоинствомъ:

— Я даже и обѣдаю каждый день, Францъ Антонычъ!

Кривцовъ лежитъ на партѣ ничкомъ и снова тянетъ свою монотонную пѣсню: ла-ла-ла-ла-ла... Раздается благодѣтельный звонокъ и прерываетъ этотъ веселый урокъ. Марекъ быстро выкатывается изъ класса, окруженный молодой, безпредѣльно-шумной и ужасной толпой.

IV.

Въ воздухѣ стояла пыль отъ только что подметеннаго пола. Пансіонеры еще не совсѣмъ успокоились послѣ вечерней получасовой рекреаціи. Нѣсколько керосиновыхъ лампъ—давняго, первобытнаго устройства—льютъ скудный свѣтъ на парты.

Вмѣстѣ съ пылью въ воздухѣ носятся жужжащіе звуки, неровно колышется и плещетъ въ стѣны болтовня, шумно срывается погромыхиванье передвигаемой парты, прозвучитъ быстрымъ, трепещущимъ каскадомъ звонкій смѣхъ...

Потокъ этихъ звуковъ, гибкихъ, звонкихъ и кудрявыхъ, сплетающихся между собой и одинокихъ, безостановочно течетъ, течетъ, течетъ... Проворные и пестрые, они вьются столбомъ мошекъ, смутно звенятъ, какъ рой мухъ, монотонно шлепаютъ, словно плескъ рѣчной волны, бунчатъ подобно разстроеннымъ басамъ гитары...

Вонъ ученикъ-мечтатель и лѣнтяй мѣрно пощелкиваетъ карандашомъ по листамъ открытой книги и въ унисонъ съ этимъ пощелкиваньемъ раздается подзатыльникъ, данный исподтишка второклассникомъ Мазухинымъ первоклассному Вертоградову. Вотъ вполголоса ссорятся между собой малыши-приготовишки. Ихъ голосовъ почти не слышно, они тонутъ въ общемъ потокѣ звуковъ,—но видно, какъ шевелятся ихъ челюсти; губы закрыты ладонями—изъ опасенія, чтобы не замѣтилъ разговора воспитатель (этотъ народъ еще не утратилъ страха передъ воспитателями). Четвертоклассникъ Шлябинъ доказываетъ теорему у доски, и его однообразный, мягко-настойчивый, добросовѣстно зубрящій голосъ плыветъ въ общій потокъ и сливается съ болтовней театрала Благово и съ звуками шаговъ трудолюбиваго и сосредоточеннаго Повадскаго. Изъ угла, съ заднихъ партъ, гдѣ сидятъ тѣсно сдвинувшейся группой старшіе ученики,—несутся волны солидно-бунчащихъ басовъ и покрываютъ негромкій, сдержанный смѣхъ третьеклассника Плисова, которому удалось попасть бумажной стрѣлкой въ лицо толстаго и серьезнаго поляка Козловскаго.

Кривцовъ сидѣлъ и переписывалъ номеръ „Пансіонскихъ Извѣстій“. Дежурилъ по пансіону Ной Николаевичъ Конди, добродушнѣйшій, толстенькій старичекъ съ бритымъ лицомъ, круглый, какъ шаръ, на короткихъ ножкахъ. Его день считался самымъ удобнымъ для выпуска газеты и совмѣстнаго,—всѣмъ пансіономъ,—чтенія и обсужденія ея.

„Пансіонскія Извѣстія“ были органомъ, по преимуществу, сатирическимъ, хотя въ нихъ иногда попадались и серьезныя статьи полемическаго характера, направленныя противъ „Лучей Зари“. Самыми обширными отдѣлами „Пансіонскихъ Извѣстій“ были „Смѣсь“ и „Объявленія“, въ которыхъ сотрудничали всѣ пансіонеры. Кривцовъ давалъ для „Извѣстій“ большею частью стихи, редактировалъ газету и самъ же переписывалъ ее (газета выпускалась въ единственномъ экземплярѣ). юмористическую же часть главнымъ образомъ поставлялъ Благово. Онъ же и читалъ, или, точнѣе, декламировалъ передъ пансіонерами газету, когда Ной Николаевичъ засыпалъ.

Ной Николаевичъ сидѣлъ теперь, подперши пухлую, бритую щеку рукой, и дремалъ. Передъ нимъ лежалъ старый

номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, выписываемыхъ на казенныя средства въ гимназію. Но строки этой газеты сливались въ его глазахъ, уплывали куда-то въ сторону, и медленно возвращались назадъ, когда онъ, высоко поднявши свои сѣдыя, кудрявыя брови и напрягая засыпающіе глаза, устремлялъ на нихъ строгій, пристальный взглядъ, призывая ихъ къ порядку. Но голова тяжелѣла, и звуки, которые плавали, колыхались и плескали въ нагрѣтомъ и испорченномъ воздухѣ классной комнаты, уходили далеко вмѣстѣ съ строчками газеты.

Для развлеченія Ной Николаевичъ всталъ и прошелся по классной комнатѣ. Кто-то визгливо смѣялся въ столовой. Тамъ же басомъ сердито покрикивалъ Хмѣлевичъ на своего тупого ученика Мазунина, который повторялъ плаксивымъ голосомъ и ошибаясь какія-то мудреныя нѣмецкія слова. Ной Николаевичъ направился было въ столовую, но въ это время одинъ изъ приготовишекъ коротко взвизгнулъ, и Ной Николаевичъ быстро и строго повернулся къ нимъ, такъ какъ для объясненій это была болѣе удобная публика.

— Ной Николаевичъ, чего Грибовскій тутъ лѣзетъ?—поднявъ ладонь къ носу, заговорилъ одинъ изъ нарушителей порядка, гипнотизируемый пристальнымъ, строгимъ взглядомъ Ноя Николаевича.

— Я ничего! — быстро и звонко говоритъ Грибовскій, вскакивая съ мѣста и тоже поднявши къ носу лапку съ выпачканными въ чернилахъ пальцами. Въ его лицѣ, веселомъ, живомъ и бойкомъ, такъ и игралъ съ усиліемъ сдерживаемый смѣхъ.

— Онъ все смѣется тутъ... За ухо дергаетъ...

— Я не смѣюсь... Онъ спросилъ, а я засмѣялся...

— Штэ-э онъ спросилъ?—строго прошамкалъ Ной Николаевичъ.

Грибовскій слегка замялся.

— Онъ спросилъ.. Что бишь?.. Э... мм... А я ничего... ей-Богу, ничего, Ной Николаевичъ... Я засмѣялся... Я не дергалъ его за ухо...

— Пэр-шивецъ!—говоритъ спокойно Ной Николаевичъ, и звонкій шлепокъ его мягкой, пухлой ладони коротко и отрывисто запечатлѣвается на затылкѣ Грибовскаго.

Грибовскій фыркаетъ отъ смѣха, — ему вторитъ его удовлетворенный сосѣдъ. Ной Николаевичъ самъ не можетъ сдержать улыбку удовольствія. Кто-то съ заднихъ партъ кричитъ: „браво!“ и потомъ раздаются жидкіе апплодисменты.

— Ной Николаевичъ, поговорите по-болгарски!—проситъ Грибовскій, привставши съ мѣста и стараясь изобразить на своемъ плутоватомъ лицѣ самую почтительную мину.

Ной Николаевичъ вывезенъ изъ Болгаріи въ 1831 году. Когда-то онъ самъ разсказывалъ объ этомъ гимназистамъ— какъ говорятъ, въ опроверженіе легенды, гласившей, что онъ вылупился изъ яйца.

— Сядь, бэлванъ! — говоритъ Ной Николаевичъ любознательному болгарофилу.

— Это на русскій похоже...

Ной Николаевичъ опять размахивается рукой, но на этотъ разъ Грибовскій пригибается и счастливо ускользаетъ отъ подзатыльника. Зажавъ носъ двумя пальцами, Грибовскій силится удержаться отъ смѣха, но прорывается и, открывши парту, ныряетъ въ нее головой, дѣлая видъ, что занятъ разысканіемъ тетради.

Безучастный къ этой обычной, надоѣвшей ему жизни пансіона, Кривцовъ перечитываетъ свою рецензію о концертѣ заѣзжей пѣвицы. За этотъ концертъ онъ сидѣлъ шесть часовъ въ карцерѣ, ибо ушелъ не только безъ разрѣшенія, но даже вопреки прямому запрещенію инспектора.

Теперь онъ читалъ:

„Она пѣла о любви, о веснѣ, о прощальной улыбкѣ вечерней зари, о потухающихъ звѣздахъ передъ утромъ, объ огонькѣ, который горитъ и мерцаетъ во мглѣ душистой ночи... Она пѣла, и голосъ ея свободно и плавно носился надъ залой, душныя стѣны ея были тѣсны для него, и казалось, что онѣ раздвигались, а онъ улеталъ къ далекому, молчаливому небу и звенѣлъ тамъ въ широкомъ просторѣ. А вслѣдъ за дивными звуками и я уносился въ мечтахъ туда, куда они звали, къ тому, о чемъ они пѣли“...

Онъ вздохнулъ, вспомнивъ, что, волею судебъ, ему пришлось все время прятаться отъ инспектора, который съ непостижимымъ упрямствомъ разыскивалъ его въ залѣ Собранія, твердо вознамѣрившись, вѣроятно, накрыть его на мѣстѣ преступленія. Приходилось сначала улизнуть на хоры, но тамъ увидѣлъ его надзиратель и сказалъ инспектору. Инспекторъ тоже забрался на хоры и своими близорукими глазами смѣшно присматривался къ публикѣ, неловко обходя дамъ и наступая имъ на ноги. Кривцовъ былъ спасенъ группой реалистовъ, которые окружили его плотнымъ кольцомъ, и онъ, присѣвши на корточки въ ихъ ногахъ, благополучно миновалъ ужасную Сциллу...

Задребезжалъ звонокъ. Въ классную внесли подносы, на которыхъ стояли кружки съ молокомъ и блюдо чернаго хлѣба. Пансіонеры шумно бросились съ мѣстъ и окружили столъ, толкаясь и напирая другъ на друга. Малыши сновали подъ ногами взрослыхъ, бросались хлѣбомъ и расплескивали свои кружки. Ной Николаевичъ сдѣлалъ нѣсколько удач-

ныхъ взмаховъ, но въ такой кутерьмѣ порядокъ установить было очень трудно.

Второй звонокъ продребезжалъ—на молитву, и бурливая, копошащаяся, шумная толпа стихла и заняла свои мѣста. Одинъ изъ старшихъ пансіонеровъ прочиталъ главу изъ евангелія, и затѣмъ Благово далъ тонъ:

— До-о-ля-фа...

Малыши—дисканты и альты—съ напряженнымъ и боязливымъ вниманіемъ, полуобернувшись, глянули на руку Благово. Басы и тенора стояли серьезные и сосредоточенные въ темномъ углу, у окна. Благово взмахнулъ рукой, и стройные звуки молитвеннаго пѣнія, сначала тихіе, робкіе, нѣсколько неувѣренные, потомъ постепенно выростающіе, словно издали приближаясь, полились въ душный, нагрѣтый и испорченный воздухъ пансіона.

Шумливая, неугомонная, буйная, непокорная толпа теперь слилась воедино и стала неузнаваемо-серьезна, сосредоточенно-внимательна и торжественна, безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, инстинктивно покоряясь привычному акту, который требовалъ стройности, порядка, дисциплины. И вмѣсто дикихъ, разбивающихъ голову и нервы звуковъ возни, скаканья, ссоры,—теперь колыхали воздухъ гармоническіе, торжественно-спокойные и свѣтлые, ласкающіе слухъ звуки...

Вертоградовъ, маленькій, хорошенькій, склонивъ голову на бокъ, имѣлъ видъ скорбнаго херувима; бѣлокурый и конопатый Гадаевъ старательно звенѣлъ прекраснымъ альтомъ, весь уходя въ потокъ звуковъ; отчаянный Гамовъ иногда выдѣлялся своимъ рѣзкимъ дискантомъ и тотчасъ же оглядывался съ опасеніемъ въ сторону Благово. Сдержанно и серьезно гудѣли басы, переплетаясь съ яркими, нѣжно-грустными струйками теноровъ, то уходящими въ высь, то широко и красиво покрывающими весь хоръ.

Звуки наполняли всю эту большую комнату, бились и звенѣли, и пѣли въ ней, и отраженные стѣнами долго не умирали, проникая собой весь этотъ разгоряченный лампами, испорченный испареніями воздухъ. И казалось иногда, что они не двигались и застывали гдѣ-то въ далекой высотѣ... Ною Николаевичу, когда онъ прислушивался къ нимъ въ полудремотѣ усталости, представлялся знойный полдень съ горячимъ сіяніемъ солнца и съ застывшимъ въ воздухѣ звономъ, жужжаніемъ и пѣніемъ невидимыхъ пѣвцовъ въ высокой травѣ, въ цвѣтахъ, въ зеленыхъ вѣтвяхъ...

Кончилась молитва. Малыши гурьбой побѣжали въ спальню, старшіе опять сѣли за парты. Въ классной стало тише, но за то въ спальнѣ кипѣлъ шумный говоръ, смѣхъ, возня. Маленькій Кащеевъ, перемѣняя бѣлье, находитъ, что ру-

баха ему велика. Согнувши руки и выпустивъ на показъ длинные рукава, онъ кричитъ на дядьку:

— Петръ! смотри...

— Эхъ, господинъ офицеръ! чѣмъ же я-то виноватъ?— говоритъ убѣдительнымъ голосомъ юркій дядька.

— Чѣмъ! Я тебѣ покажу, чѣмъ!..

— А вы станьте хорошенько да вберите ее въ штаники, вотъ она и будетъ какъ разъ... Рубашка дюже приличная... даже трухмальная!..

Петръ потрогалъ рукава, ощупалъ спину и животъ Кащеева. Новое полотно рубахи торжественно погромыхивало.

— У васъ сроду такого свѣжаго бѣлья не было, — продолжалъ Петръ, гипнотизируя Кащеева своимъ увѣреннымъ тономъ:—ежели галстучекъ подвязать, то даже къ приличнымъ господамъ въ гости можно въ ней пойтить... Просто какъ мениннникъ на менинахъ...

Кащеевъ постоялъ въ раздумьи на койкѣ, поглядѣлъ на рукава, которые закрывали ему руки совсѣмъ съ пальцами, вздохнулъ и легъ.

— Петръ! это что за носки?! — слышится новый голосъ. Протестуетъ „приготовишка" Мореходовъ.

— Хорошіе носки... Носки пре-отличные, просто какъ сичасъ изъ магазина...

— Всѣ рваные!—негодующе говоритъ Мореходовъ.

— Ваше благородіе! гдѣ же ихъ крѣпкіе-то взять? — съ искреннимъ недоумѣніемъ разводитъ Петръ руками.

— Я жаловаться буду инспектору!

— Слушаю-съ. А я дилехтору буду докладывать... Эхъ, господа, господа! Барчуки,—одно слово...

— Довольно съ разговорами!—кричитъ Ной Николаевичъ въ полутемное пространство спальни, гдѣ копошатся съ птичьимъ гамомъ безпокойныя дѣтскія фигурки въ одномъ бѣльѣ.

Онъ самъ усталъ, и его тянетъ прилечь на койку. Но эту публику сразу не уложишь. Вонъ кто-то шлепнулъ подушкой сосѣда. Слышится негодующій голосъ:

— Ушковъ! водовозка!...

Гамовъ изображаетъ собой „человѣка безъ костей" и выкидываетъ на койкѣ какіе-то гимнастическіе фокусы, а койка подъ нимъ дребезжитъ и кряхтитъ.

— Перестать!—грозно кричитъ Ной Николаевичъ.

— Водовозка!—опять слышится негодующій, обиженный голосъ изъ подушки.

— А ты кто? купецъ, что-ль? — возражаетъ, повидимому, „водовозка".

— А ты?.. крестьянинъ или мѣщанинъ?..—раздается изъ дальняго угла новый голосъ.

— Купцомъ можетъ быть всякій христіанинъ,—докторальнымъ тономъ говоритъ кто-то въ противоположномъ углу.

Маленькій Мореходовъ, который уже сталъ-было дремать, приподнялъ голову и громко заявляетъ, обращаясь въ пространство:

— Всѣ люди могутъ быть купцами... всякій человѣкъ. У насъ есть крестьянинъ—купецъ первой гильдіи.

— Разговоры!—снова крикнулъ Ной Николаевичъ.

И его жирный, дребезжащій стариковскій голосокъ сердито прокатился по спальнѣ. Волны разговора понижаются почти до шепота.

— Ты у меня смотри!—слышится угрожающій громкій шепотъ:

— Смотри самъ!—шипитъ кто-то въ отвѣтъ вызывающимъ тономъ:—гусь!..

— Сорока!..

— Купчишка...

— Ты у меня...

— Раз-гэ-вэ-ры...—кричитъ Ной Николаевичъ и черезъ минуту ложится на койку съ газетой въ рукахъ, придвинувши къ изголовью свѣчку, поставленную на тумбочкѣ.

Онъ полежалъ минутъ десять, держа передъ собою газету. Потомъ она закрыла его лицо, и тѣ, кто не спалъ, услышали характерное, скромное посвистыванье воспитательскаго носа.

Изъ классной по временамъ доносились взрывы смѣха, и затѣмъ, когда все затихло, слышался одинокій голосъ, что-то читавшій. Нѣсколько малышей потихоньку сползли съ своихъ коекъ и пробрались туда, въ классную, на звуки этого смѣха и чтенія.

Тѣсная группа,—всѣ старшіе пансіонеры, остававшіеся въ классной комнатѣ,—окружала Благово плотнымъ кольцомъ, а онъ, сидя высоко на партѣ, читалъ номеръ „Пансіонскихъ Извѣстій“.

— „Раздумье“. Стихотвореніе въ прозѣ Одинокаго,—возгласилъ Благово.

И среди водворившейся глубокой тишины театральный голосъ его зазвучалъ грустно, торжественно и красиво:

„Я долго шелъ дорогою тернистой... Куда! зачѣмъ?—не зналъ я самъ... Въ лицо мнѣ били снѣгъ и вѣтеръ, туманъ до сердца проникалъ... А я все шелъ во тьму сѣдую безъ думъ, безъ цѣлей, безъ желанья...

„Тяжелый мракъ окутывалъ меня; лишь вѣтра заунывный плачъ кругомъ былъ слышенъ, и въ тонъ ему душа моя рыдала...

„И вотъ теперь во мракѣ я наткнулся на стѣну...“

Малыши, сбившись въ тѣсную кучку въ нѣкоторомъ отдаленіи, съ напряженіемъ крайняго любопытства заглядывали въ ротъ Благово и ловили быстро пробѣгавшій свѣтъ въ его очкахъ. Для нихъ все было непонятно и немножко таинственно, а потому чрезвычайно интересно. Имъ было холодно стоять босикомъ, въ одномъ бѣльѣ, на холодномъ полу, и они жались другъ къ другу, согнувшись и дрожа мелкой дрожью, и блестящими, трусливыми глазенками окидывали большую, теперь уже на половину пустую классную комнату, которая казалась новой и незнакомой отъ того, что половина лампъ была въ ней погашена, и туда уже прокрался молчаливый и таинственный сумракъ.

— Пошли вонъ!—крикнулъ на малышей кто-то изъ старшихъ, проходя изъ „курилки“.

Но они глядѣли такъ кротко, трусливо и просительно, что ему стало жалко выгонять ихъ. Онъ далъ покровительственный шлепокъ Гамову и прошелъ къ остальнымъ. Пріободренные, они пробрались ближе и забрались на парты, чтобы лучше видѣть читавшаго Благово. Хотя они ничего почти не понимали, но когда поднимался смѣхъ среди старшихъ, то и они смѣялись, звонко и заливисто, звонче всѣхъ.

— Мѣстная хроника, — торжественно возглашалъ Благово: — „Поистинѣ чудныя дѣлишки совершаются у насъ въ пансіонѣ: не смотря на частыя посѣщенія высшаго начальства, молоко почти ежедневно подается кислое.

„Съ верхняго балкона постоянно свѣшиваются юбки и тому подобныя прелести инспекторской квартиры, и часто случалось, что кому-нибудь на голову сыпались крошки и вообще всякая дрянь.

„Попечитель учебнаго округа намѣревается посѣтить пансіонъ и гимназію. Въ особенности онъ хочетъ прослѣдить за однимъ очень умнымъ администраторомъ и полюбоваться на его рукодѣліе“...

Намекъ былъ на благодушнаго инспектора, который имѣлъ слабость хвастать своими техническими изобрѣтеніями. Дружный взрывъ хохота прервалъ на минуту чтеца.

— Внѣшнія извѣстія, — снова торжественно провозгласилъ Благово.

„Ходятъ слухи, что у учителя французскаго языка вздувается новая шишка на лбу. Изъ достовѣрнаго источника, однако, намъ извѣстно, что, къ сожалѣнію, никакой шишки не видно...

„Во вторникъ, 5-го ноября, состоится торжественное от-

крытіе портерной у г. Гамаюрова. Многіе пансіонеры получили почетные пригласительные билеты...“

Опять взрывъ смѣха. Портерная Гамаюрова пользуется большою популярностью среди пансіонеровъ.

Благово выждалъ, пока смѣхъ унялся, и возгласилъ снова:

— Объявленія. „У директора пропала его милая Пашка— (корова). Кто приведетъ ее, — получитъ „спасибо“ отъ его превосходительства.

„Шью хорошіе сапоги за двѣ съ половиной бутылки водки. Надзиратель гимназіи Птицынъ.

„Ученикъ іезуитской школы Симонъ Шато-де-Флеръ даетъ уроки издѣвательствъ.“

Благово читалъ съ большими паузами, давая возможность своей аудиторіи оцѣнить мѣткость остроумія, направленнаго по адресу непріятелей, всѣмъ хорошо знакомыхъ. Даже малыши увлеклись, слыша знакомыя фамиліи и прозвища, и по временамъ просто визжали отъ восторга.

— Отвѣты редакціи,—провозгласилъ Благово:—„Новосиль. Баклушѣ-Бею. Совѣтуемъ оставить вашу страсть къ стихотворству, ибо ваши стихи очень похожи на воззваніе одного портного къ своей возлюбленной: „О, ты, которая пришила заплату къ сердцу моему... и т. д.“

Гамовъ фыркнулъ особенно громко. За нимъ разсыпался звонкимъ горохомъ Гадаевъ, и завизжалъ отъ восторга Вертоградовъ.

— Тише вы! дрянь!.. Пошли вонъ!—опять послышался чей-то строгій голосъ въ сторону малышей, и они, какъ испуганная стая воробьевъ, вспорхнули и быстро исчезли въ темной столовой.

Старинные пансіонскіе часы пробили одиннадцать. Вошелъ Петръ.

— Тушу, господа,—сказалъ онъ.

Группа не сразу стала расходиться. Петръ погасилъ лампы, оставивши только одну маленькую у стѣны. Пансіонеры поболтали еще минутъ пять, сходили покурить и пошли наверхъ, въ спальни. Кривцовъ остался. Ему не хотѣлось идти наверхъ, слушать обычную болтовню, обмѣнъ остротами, иногда сальные разсказы, и онъ сидѣлъ, задумавшись, и смотрѣлъ въ окна. Свѣтъ отъ лампы жидко падалъ на поозноблённые и безсильно болтавшіеся листья тополей за окномъ, и они казались кремовыми. Иногда въ темнотѣ мелькалъ фонарикъ извозчика, съ громомъ прокатывалась его пролетка, какіе-то темные силуэты проплывали вмѣстѣ съ ней. Мысль бѣжала за ними. Кто эти люди? Счастливы ли они? свободны ли? чѣмъ озабочены? любятъ ли, наслаждаются ли? Грустятъ

ли отъ того, что жизнь тѣсна? И что такое, вообще, жизнь, ихъ жизнь, его, учителей и всѣхъ?..

Длинный, узкогрудый восьмиклассникъ Кудринъ съ рѣдкою, курчавою растительностью на бородѣ, подсѣлъ къ лампѣ и погрузился въ чтеніе книги „Прогрессъ и бѣдность". Подошелъ и остановился поближе къ скудному свѣту лучшій математикъ гимназіи—Пѣхотинъ. Въ рукахъ у него было какое-то объемистое руководство по физикѣ, не гимназическое.

Кривцову хотѣлось задать имъ безпокоившіе его вопросы, но, взглянувши на ихъ лица, сосредоточенно-серьезныя, осмысленныя, симпатичныя, онъ не рѣшился оторвать ихъ отъ занятій. Онъ началъ писать свою поэму „Сверхчеловѣкъ и люди". Она начиналась такъ:

„Раскинулось поле. И вѣтеръ шумѣлъ въ нескошенной травѣ. Волновалась поспѣвшая рожь. И мѣсяцъ плылъ по небу, ясный, холодный, безстрастный, и съ трепетомъ билась былинка у пыльной дороги, и въ далекомъ селѣ чуть мерцалъ огонекъ изъ окраинной хаты... Было тихо, темно и тепло; пахло вечеромъ, свѣжестью ночи и рѣчнымъ тростникомъ. Онъ шелъ... онъ все шелъ... Онъ не видѣлъ ни неба, ни тьмы, ни лучей, ни былинки, ни встрѣчныхъ людей на повозкѣ съ снопами, и шелъ безъ оглядки въ невидную даль, въ широкую даль... Онъ шелъ отъ людей, отъ угла, отъ покоя... Ему было чуждо ихъ мелкое горе, грошевыя радости, совѣсть... ихъ чуткая совѣсть и жалость къ страдающимъ, слабымъ, и страхъ передъ силой, предъ смертью и горемъ... Непонятый ими, онъ самъ ихъ понять не хотѣлъ или не могъ..."

Его волновала музыка словъ, волновало желаніе выразить въ этой музыкѣ то неясное и безпокойное, что бродило въ его душѣ и искало выхода, свѣта, ясныхъ, точныхъ и красивыхъ звуковъ. Но когда ему казалось, что онъ уловилъ уже нить этихъ смутныхъ грезъ и темныхъ вопросовъ,—красивыя, гармоническія слова какъ разъ ускользали отъ него, и на мѣсто ихъ выступалъ простой и скучный языкъ знакомой невеселой жизни... И онъ падалъ духомъ, терялся въ безплодныхъ и долгихъ мечтаніяхъ.

— Ну, хорошо,—задумчиво и не обращаясь ни къ кому, сказалъ онъ вслухъ:—жизнь... вотъ какъ она есть... что она такое? въ чемъ ея гвоздь?.. И можно ли ее повернуть по своему и... куда?..

То, что онъ задалъ эти вопросы, какъ бы продолжая начатый разговоръ или отвѣчая своимъ мыслямъ, не удивило его сосѣдей и даже не сразу оторвало ихъ отъ чтенія.

— Когда наука откроетъ способъ камни обращать въ

хлѣбъ, жизнь можно будетъ повернуть въ любую сторону,— сказалъ, наконецъ, Пѣхотинъ, не поднимая головы отъ книги.

Кудринъ быстро закрылъ свою книжку и, любя поспорить, сейчасъ же возразилъ, немного заикаясь:

— Хлѣба тебѣ мало? На всѣхъ, братъ, хватитъ!.. Но суть то самая въ томъ, что у однихъ переизбытокъ всѣхъ благъ земныхъ, а у другихъ—избытокъ тяжелаго труда и темноты... И, дѣйствительно, иногда—ни крохи хлѣба... Кажется, ясно, что не о наукѣ надо мечтать съ ея камнями-хлѣбами, а о другомъ...

— Развѣ только въ этомъ вся суть жизни?—возразилъ Кривцовъ.

И между ними загорѣлся споръ, не первый и не послѣдній, никогда не приводившій ихъ къ согласнымъ выводамъ, но всетаки занимавшій ихъ всѣхъ. Голоса ихъ, хотя они говорили не громко, звучно раздавались въ пустой классной комнатѣ; звуки бились о стѣны, гулко звенѣли и перекликались въ углахъ и забѣгали даже въ нижнюю спальню, гдѣ Петръ будилъ Ноя Николаевича.

— Вашескобродье! а-а, вашескобродье!—говорилъ Петръ, деликатно тормоша посвистывавшаго носомъ Ноя Николаевича:—пожалуйте раздѣваться.

— Мм... ммм?..

— Раздѣваться извольте. Камашики давайте почистить.

Ной Николаевичъ поднялся, сѣлъ на кровати и съ удивленіемъ оглянулся кругомъ.

— Двѣнадцатый часъ, вашескобродье!—почтительно доложилъ Петръ.

— Потушилъ лампы?

— Такъ точно.

— Все въ порядкѣ?

— Точно такъ. Легли. Вотъ Гамовъ тамъ только, въ столовой... „Человѣка безъ костей“ представляетъ. Разстелилъ одѣяло на полу... Я ихъ просилъ: „Ной Николаичъ“, молъ... не слухаются... Пожалуйте камашики. Брючки извольте снять.

Ной Николаевичъ покорно разоблачился, посидѣлъ съ минуту на койкѣ въ раздумьи и сказалъ:

— Дай-ка туфли.

Петръ проворно нырнулъ подъ койку и извлекъ оттуда вязаныя туфли. Ной Николаевичъ въ одной рубахѣ, на цыпочкахъ, направился къ столовой и, подкравшись къ дверямъ ея, сдѣлалъ стойку, какъ хорошій охотничій песъ. Изъ столовой доносился тихій говоръ дѣтскихъ голосовъ, осторожныхъ, понижаемыхъ иной разъ почти до шепота.

— А то у насъ въ Трубчевскѣ былъ циркъ...—говорилъ кто

то, повидимому, „человѣкъ безъ костей“:—такъ тамъ одинъ черепаху представлялъ... вотъ такъ...

— Эт-тэ штэ тэ-кое?!—строгимъ, слегка придавленнымъ голосомъ прикрикнулъ Ной Николаевичъ, дѣлая шагъ въ столовую.

Испуганныя фигурки въ бѣлыхъ рубашкахъ и подштаникахъ засѣменили-было въ классную, но въ дверяхъ перенялъ ихъ Петръ, и онѣ быстро, какъ мышенята, заюркали мимо Ноя Николаевича. Онъ взмахнулъ ладонью, и звонкіе шлепки одинъ за другимъ пронеслись по столовой. „Человѣкъ безъ костей“ попробовалъ было присѣсть и увернуться. Ной Николаевичъ, дѣйствительно, промахнулся въ первый разъ, но успѣлъ сдѣлать второй взмахъ, взялъ пониже, и „человѣку безъ костей“ за его коварство достался самый звонкій шлепокъ по мягкимъ частямъ. Должно быть, было больно, потому что „человѣкъ безъ костей“, закрывшись одѣяломъ, чуть слышнымъ, но всетаки протестующимъ голосомъ сказалъ:

— Вы не имѣете права драться, Ной Николаевичъ...

— Бэл-ва-ны!—сказалъ въ пространство Ной Николаевичъ, укладываясь съ кряхтѣньемъ на койкѣ.

V.

За длиннымъ, массивнымъ дубовымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ съ золотой бахромой,—засѣдалъ педагогическій совѣтъ.

Участвовало около двадцати человѣкъ, но высокая актовая зала въ два свѣта казалась пустою, молчаливою и скучною. Народъ въ ней сидѣлъ тихій, усталый, разговаривавшій вяло и неохотно. Было похоже, что каждый, точно противъ воли, вытягивалъ изъ себя слова, и почти всѣ говорили нескладно, безъ всякаго ораторскаго искусства, коротко и нерѣшительно.

Странное состояніе полудремоты и усталаго равнодушія было написано на всѣхъ лицахъ, когда классный наставникъ какого нибудь класса читалъ обычный отчетъ о количествѣ учениковъ въ началѣ и въ концѣ четверти, о числѣ пропущенныхъ уроковъ по уважительнымъ причинамъ и по причинамъ неуважительнымъ, о средней успѣшности и объ успѣшности по отдѣльнымъ предметамъ, о количествѣ учениковъ въ первомъ и во второмъ разрядѣ, о количествѣ таковыхъ внѣ разряда и т. п.

При обсужденіи поведенія класса разсматривались лишь случаи отдѣльныхъ нарушеній дисциплины. Этотъ вопросъ

иногда нѣсколько оживлялъ засѣдавшихъ людей въ синихъ форменныхъ сюртукахъ,—схватывались между собою два-три преподавателя или помощники классныхъ наставниковъ,—но и эти схватки были также вялы и неоживленны, если не носили личнаго характера. Остальные члены совѣта интересовались ими лишь постольку, поскольку онѣ затягивали время и отдаляли конецъ засѣданія.

Эти люди, сидѣвшіе теперь за краснымъ сукномъ съ золотой бахромой, пришли сегодня домой въ четвертомъ часу, усталые, раздраженные и голодные. Пообѣдали кое-какою дрянью, приправленною размышленіями о дороговизнѣ жизни, и въ половинѣ шестого отправились опять въ гимназію—на совѣтъ, который никому изъ нихъ не былъ интересенъ, ибо нельзя въ теченіе цѣлаго ряда годовъ или десятковъ лѣтъ сохранить интересъ къ вопросамъ, которые обсуждать приходилось съ оглядкой и съ оговорками, соображаясь съ обстоятельствами, примѣняясь къ духу руководящихъ лицъ, начальственныхъ распоряженій и проч., и проч.

И вотъ они сидятъ здѣсь, равнодушно-покорные и погруженные въ свои скучныя мысли, усталые и тупо раздраженные. Все то, что они здѣсь видятъ, слышатъ, говорятъ,—старо, старо и до послѣдней черточки извѣстно, избито, обсуждено со всѣхъ сторонъ,—все повторяется аккуратно изъ года въ годъ, даже эти—непонятные на первый взглядъ для свѣжаго человѣка—проступки и шалости учениковъ... А время уходитъ, унося съ собой рѣдкіе и блѣдные цвѣты ихъ молодости, и бросаетъ ихъ въ сумеркахъ разбитой, безрадостной, неинтересной жизни тупѣть, боязливо сжиматься и безжалостно, одинъ за другимъ, отсѣкать порывы сердца и запросы ума...

Гимназія была большая,—свыше пятисотъ человѣкъ. И хотя директоръ не затягивалъ преній по вопросамъ о мелочныхъ проступкахъ, но всетаки на эти вопросы ушло много времени, и конецъ засѣданія казался далекимъ.

Около двадцати минутъ, напримѣръ, было потеряно на обсужденіе проступка первоклассника Игнатьева, который написалъ на доскѣ „неприлично-похабныя слова“, какъ значилось въ кондуитномъ журналѣ. Устнымъ сообщеніемъ классного наставника было выяснено, что Игнатьевъ, имѣвшій непреодолимую склонность къ каллиграфіи, написалъ на доскѣ во время перемѣны, послѣ урока естественной исторіи: „листъ г...но-фіолетоваго цвѣта“. Надпись эту усмотрѣлъ помощникъ классныхъ наставниковъ Благоглаголевъ и притянулъ къ отвѣту дежурнаго. Дежурный смалодушествовалъ и выдалъ Игнатьева. Классный наставникъ, Митрофоровъ, по этому вопросу держался того мнѣнія, что Игнатьеву слѣдуетъ сбавить баллъ по поведенію до 3-хъ, такъ какъ надпись свидѣ-

тельствуетъ уже о значительной испорченности мальчика. Нѣкоторые преподаватели возражали, что достаточно съ него и тѣхъ двухъ часовъ, которые „отсидѣлъ“ за свою каллиграфію этотъ простоватый и добродушный малый. Они вяло пикировались нѣкоторое время. „Историкъ“, всегда нервный и какъ бы обиженный чѣмъ-то, сказалъ съ раздраженіемъ:

— И охота вамъ, господа, терять время... Двадцать человѣкъ насъ, — почти всѣ убѣленные сѣдиной, — проводимъ время... надъ чѣмъ-же—надъ пустымъ проступкомъ какого-то мальчишки!..

Черноморъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ въ глубокой задумчивости, грустный и больной, приставилъ ладонь къ уху и спросилъ потихоньку и робко:

— А о комъ это рѣчь-то?.. Извините, я не вслушался...

— Какой-то первоклассникъ...

— А-а... да, да... Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да вотъ... какой баллъ по поведенію поставить: четверку, пятерку или тройку?..

— Такъ, такъ...

— А не все ли равно этому щенку, какой у него баллъ по поведенію?

— Совершенно вѣрно! совершенно вѣрно! Намъ это безразлично...

— Для него—плевать на это дѣло!—продолжалъ историкъ съ раздраженіемъ,—а мы черезъ него теряемъ время... Придешь домой во второмъ часу, ляжешь спать не въ обычную пору... Часа два проворочаешься въ постели, пока заснешь, потому что нервы ужъ ни къ чорту не годны... А то иной разъ и до утра не заснешь... Потомъ вставай въ половинѣ седьмого, съ больной головой иди на пять—на шесть уроковъ. Кому это нужно, скажите, пожалуйста? кому и для чего?..

— Совершенно вѣрно... Совершенно вѣрно...—грустно согласился Черноморъ, погруженный въ свои собственныя думы и плохо слышавшій раздражительную, нервную, шипящую рѣчь сосѣда.

И когда директоръ поставилъ вопросъ объ Игнатьевѣ на баллотировку (голосами), то Черноморъ уже забылъ, о комъ шла рѣчь, и удивленно посмотрѣлъ на директора, услышавши его вопросъ:

— Ваше мнѣніе, Семенъ Егорычъ?

— Э-э... ммм... я согласенъ съ мнѣніемъ класснаго наставника,—наудачу сказалъ онъ, послѣ значительной паузы.

— Т. е. тройку?

— Какъ съ?..

— Тройку въ поведеніи Игнатьеву?

— Да, да... совершенно вѣрно... Виноватъ! а какого класса?..

— Перваго.

— Ну, тогда... пусть четверка... Виноватъ... да, да... совершенно вѣрно: пусть четверка... Перваго класса?.. да, конечно... Помню, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ былъ такой случай...

Онъ долго еще бормоталъ что-то, изрѣдка наклоняясь къ сосѣдямъ то съ правой, то съ лѣвой стороны, но замѣтивъ, что его никто не слушалъ, вздохнулъ и опять грустно опустилъ глаза на свою роскошную черную бороду.

Затѣмъ возникъ продолжительный обмѣнъ мыслей между батюшкой и директоромъ по поводу проступка второклассника Маслакова. Проступокъ заключался въ томъ, что Маслаковъ показалъ „носъ" при проѣздѣ архіерейской кареты мимо воротъ гимназіи. Опять таки тотъ же всевидящій Благоглаголевъ усмотрѣлъ этотъ „носъ" и притянулъ Маслакова къ отвѣту. Маслаковъ увѣрялъ, что онъ сдѣлалъ этотъ носъ кучеру архіерея, котораго хорошо зналъ, живя на архіерейскомъ дворѣ. Товарищи Маслакова подтверждали на „слѣдствіи", что Маслаковъ раскланялся очень вѣжливо вмѣстѣ съ другими, когда карета архіерея поровнялась съ воротами гимназіи, а „носъ" показывалъ, когда карета была еще далеко.

Но батюшка подвергалъ сомнѣнію всѣ эти дружныя показанія и настаивалъ на исключеніи Маслакова изъ гимназіи, такъ какъ изъ него толку, вѣроятно, не будетъ, если ужъ съ такой ранней поры отличается „разнузданностью мыслей и поступковъ".

Изъ учителей никто не рѣшался возражать,—предметъ былъ слишкомъ деликатный. Одинъ директоръ,—и то въ выраженіяхъ очень осторожныхъ,—говорилъ, что нѣтъ основаній для такихъ предположеній, какія высказывалъ батюшка, и что показаніямъ товарищей Маслакова можно повѣрить.

— Кучеру... Онъ говоритъ: кучеру...—возражалъ о. протоіерей проницательно и тонко, какъ прокуроръ:—а я достовѣрно знаю, что у владыки уже нѣсколько кучеровъ за годъ перемѣнилось...

— Что-жъ такое? Онъ со всѣми можетъ быть на короткой ногѣ,—отвѣчалъ директоръ:—вѣдь онъ живетъ гдѣ-то тамъ... близко... Отецъ его—какой-то консисторскій чиновникъ, кажется.

— Все можетъ быть,—смиренно и покорно вздохнувши, сказалъ батюшка:—положимъ, что я—неправъ, а Маслаковъ—чистъ и непороченъ, яко агнецъ... я же лгу на него, онъ же говоритъ лишь одну правду,—положимъ... Но *какъ* владыка взглянетъ на это дѣло?.. Вотъ, скажетъ, какъ религіозно-

нравственное воспитаніе поставлено въ классической гимназіи...

— Владыка, вѣроятно, никакъ не взглянетъ, потому что „носъ“ этотъ былъ показанъ издали... Общія показанія—и товарищей Маслакова, и помощника классныхъ наставниковъ—единогласно утверждаютъ, что Маслаковъ показывалъ „носъ“, когда карета его преосвященства была еще около коммерческаго банка... Разстояніе почтенное... Разсмотрѣть „носъ“ въ толпѣ мальчиковъ едва ли можно и на болѣе близкомъ разстояніи. А если его преосвященству угодно будетъ потребовать объясненій, мы покажемъ ему нашъ протоколъ...

— Итакъ,—директоръ обратился ко всѣмъ членамъ совѣта,—ставится на баллотировку вопросъ: исключать-ли Маслакова, или ограничиться пониженіемъ отмѣтки въ поведеніи до 3-хъ и карцеромъ на десять часовъ?

Подавляющее большинство голосовъ высказалось противъ исключенія.

Было уже полчаса двѣнадцатаго, когда дошли до шестого класса. Классный наставникъ монотоннымъ и безучастнымъ голосомъ прочиталъ обычный отчетъ и затѣмъ сказалъ:

— Что касается выдающихся проступковъ въ классѣ, то самый длинный мартирологъ ихъ за Кривцовымъ. За нимъ шесть записей въ кондуитѣ.

— Кривцовъ!.. да... ммм... высокоумный господинъ... Сверхчеловѣкъ...—сказалъ дипломатическимъ тономъ батюшка.

— Пожалуйста, — произнесъ директоръ, обращаясь къ классному наставнику съ своей обычной оффиціальной, суховатой манерой:—потрудитесь прочитать.

— Запись о. протоіерея отъ 23-го августа,—началъ классный наставникъ съ нѣкоторой торжественностью:—„Кривцовъ, спрятавшись за доску, каркалъ вороной и кудахталъ курицей...“ Былъ арестованъ за это инспекторомъ на три часа.

— Три часа,—смиренно-грустнымъ тономъ сказалъ батюшка, вздыхая:—что такое для Кривцова три часа!.. Эхъ-ма-а...

— Отъ 2-го сентября запись г. инспектора: „Кривцовъ безъ уважительной причины не явился на уроки. Въ тотъ же день отлучился самовольно изъ пансіона и замѣченъ былъ катающимся на лодкѣ.“

— Нагуливалъ здоровья, значитъ,—съ мрачной ироніей замѣтилъ „историкъ“.

— Запись преподавателя французскаго языка отъ 15-го сентября,—продолжалъ между тѣмъ классный наставникъ:—„Кривцовъ принесъ въ классъ нюхательнаго табаку и роз-

далъ ученикамъ, отъ чего на урокѣ происходилъ шумъ и безпорядокъ. Во время урока Кривцовъ кряхтѣлъ, мычалъ и громко кашлялъ...“

На безстрастныхъ и усталыхъ лицахъ нѣкоторыхъ учителей мелькнула-было на одинъ моментъ улыбка, но сразу потухла опять.

— Отъ 16-го сентября запись инспектора: „Кривцовъ издѣвался надъ преподавателемъ французскаго языка“.

— Въ чемъ же, собственно, дѣло?—спросилъ директоръ, обращаясь къ преподавателю, молодому человѣку съ рябымъ лицомъ самаго настоящаго русака, очень обстоятельному и аккуратному.

Склонивъ голову на бокъ и умѣренно жестикулируя одними пальцами, преподаватель сказалъ:

— Собственно говоря... просто-мальчишество. Но въ шестомъ классѣ оно имѣетъ... пожалуй... уже злостную окраску. Да. Я вхожу въ классъ, а Кривцовъ—у каѳедры. Въ тотъ моментъ, какъ я подошелъ къ каѳедрѣ, онъ становится въ театральную позу, руки вверхъ и дѣланнымъ басомъ возглашаетъ: „помолимся здѣшнимъ идоламъ...“ Ну... затѣмъ кланяется мнѣ въ поясъ... Классъ, конечно, хохочетъ... Порядокъ водворить при такихъ условіяхъ,—судите сами,—трудно...

— Возможно-ли держать такого, Яковъ Романычъ?—заговорилъ, глядя поверхъ темныхъ очковъ, Митрофоровъ:—вѣдь онъ весь классъ заражаетъ. Въ интересахъ класса слѣдовало бы исключить... Все равно, ничего не дѣлаетъ...

— Виноватъ, я еще не кончилъ,—сказалъ классный наставникъ:—еще есть записи.

— Пожалуйста,—обратился въ его сторону директоръ.

— Отъ 2-го октября запись помощника классныхъ наставниковъ Степана Иваныча Благоглаголева: „Кривцовъ съ дикою кровожадностью бросался на скамью и кричалъ: нѣмца не будетъ! заболѣлъ милостію Божіей!“

Какъ ни были серьезно настроены члены совѣта, но засмѣялись,—главнымъ образомъ, надъ редакціей записи.

— Съ дикой кровожадностью?—переспросилъ директоръ, улыбаясь подъ своими густыми и длинными усами.

— Точно такъ, Яковъ Романычъ,—сказалъ, почтительно поднимаясь съ мѣста, Благоглаголевъ:—просто изувѣрски оралъ!.. До такой степени пронзительно... однимъ словомъ... какъ рѣзаный баранъ!..

Это былъ юркій брюнетъ съ просѣдью и съ лысиной, тщательно закрытой уцѣлѣвшими волосами, съ благообразнымъ, елейнымъ лицомъ, съ черными, масляными, чрезвычайно юркими глазами, постоянно мѣнявшими свое выраженіе—грозное по отношенію къ первоклассникамъ и приго-

товишкамъ, проницательное и выслѣживающее по отношенію къ начальству. Когда онъ говорилъ, то помогалъ себѣ глазами, бровями, головой и руками. Очень любилъ выраженія высокаго стиля и злоупотреблялъ ими на потѣху ученикамъ и отчасти даже учителямъ.

— Наконецъ, послѣдняя запись отъ 16-го октября,—сказалъ классный наставникъ:—„Кривцовъ сидѣлъ подъ партой во время общей молитвы...“

— Отъ какого числа?—спросилъ директоръ.

— Отъ 16-го октября.

— Это ко второй четверти относится.

Потомъ директоръ помолчалъ, покрутилъ свои длинные усы и обратился къ Митрофорову:

— Такъ ваше мнѣніе, Петръ Петровичъ?..

— Я говорю, Яковъ Романычъ, можно-ли такого держать?—заговорилъ Митрофоровъ своимъ глухимъ басомъ, сильно смягченнымъ при обращеніи къ директору:—вѣдь надо принять во вниманіе интересы не одного, а большинства... Интересы класса... А тамъ есть слабохарактерные ученики, которые всегда потянутся за такимъ вожакомъ.

— Да, въ интересахъ класса не мѣшало бы...—кротко присоединился батюшка.

Онъ говорилъ всегда мягкимъ, маслянистымъ голоскомъ и во взглядахъ былъ чрезвычайно дипломатиченъ, почти неуловимъ.

— Вѣдь способенъ шельмецъ!.. Но...

Батюшка развелъ одними перстами и склонилъ голову къ лѣвому плечу, а взоръ пустилъ вправо.

— Эти разные казуистическіе вопросы его... Конечно, для потѣхи класса... Насчетъ Толстого, напримѣръ. Да, какъ-же!.. Большой почитатель великаго таланта!..

— У меня однажды на урокѣ заявилъ: „признавать собственность есть мѣщанство и пошлость“,—мрачно сказалъ „историкъ“.

— А-а,—съ изумленіемъ и дѣланнымъ ужасомъ прошипѣлъ шепотомъ батюшка, высоко поднявъ брови и вытягивая шею.

— За такія слова, — говорю ему,—тебѣ перо слѣдуетъ вставить!.. А онъ и ухомъ не повелъ.

— Да, замысловатый мальчикъ!—почтительно приподнявшись, опять замѣтилъ надзиратель Благоглаголевъ.

— Замысловатый?—переспросилъ директоръ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ.

— Съ душкомъ! Съ ба-а-льшимъ душкомъ!..

Усы директора зашевелились отъ усилія сдержать улыбку.

— Не смѣю...—заговорилъ Благоглаголевъ, значительно

шевеля бровями:—не смѣю навязывать своего, такъ сказать, внутренняго размышленія, но... думаю, что онъ даже въ Бога не вѣритъ.

Голосъ Благоглаголева сталъ при этомъ таинственнымъ и понизился почти до шепота:

— Въ церкви, напримѣръ, когда стоитъ, то нѣтъ того человѣка, чтобы онъ, такъ сказать...

Тутъ голосъ и глаза Степана Иваныча приняли вдругъ зловѣще-грозное выраженіе.

— ...Не пронзилъ бы взглядомъ!.. Съ насмѣшкой съ такой... съ презрѣніемъ!.. Просто, какъ говорится, насквозь пронзитъ взглядомъ!.. Пропаганду порядочную можетъ развести въ гимназіи... Под-зе-мель-ный человѣкъ!..

Благоглаголевъ тонко и хитро прищурилъ лѣвый глазъ и погрозилъ въ пространство указательнымъ перстомъ.

— А вѣдь способный юноша, — робко заявилъ Черноморъ: — обстоятельныя сочиненія подаетъ... превосходный слогъ... ясно, сжато и картинно...

Но онъ не былъ поддержанъ никѣмъ.

— Все это такъ, господа, — сказалъ директоръ, помолчавъ:—только къ какимъ же мѣрамъ мы можемъ прибѣгнуть, по вашему мнѣнію?

— Конечно, устранить надо изъ гимназіи,—сказалъ мрачно Митрофоровъ:—вѣдь это, такъ сказать, зараза... нельзя же...

— Исключить теперь нельзя,—сказалъ директоръ.

— Почему же?

— Да потому, что нѣтъ достаточныхъ основаній. Проступки, правда, многочисленные, но вмѣстѣ съ тѣмъ—не такіе, чтобы они влекли за собой исключеніе. Округъ можетъ сдѣлать намъ внушеніе... и порядочное!.. Какъ вы думаете?

— А сколько онъ у насъ народу перепортитъ? Интересы другихъ?..

— Ну... надо какъ нибудь парализовать его вліяніе... Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ и злой былъ малый... И неглупый. Я говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ. И классный наставникъ тоже. Даже интересный малый, я вамъ скажу. Но декадентъ, повидимому.—„Я“,—говоритъ, — „къ красотѣ стремлюсь“. А подъ красотой онъ другое что-то разумѣетъ, чѣмъ всѣ мы... понять, впрочемъ, мудрено, что именно. Да. Всетаки потерпимъ. Учится онъ не вполнѣ удовлетворительно и къ концу учебнаго года, можетъ быть, подъ 34-й параграфъ попадетъ... За неуспѣшность... Тогда ужъ и разстанемся съ нимъ. А теперь... такъ я полагаю: въ поведеніи ему 3 поставить, засадить на 24 часа въ карцеръ и сдѣлать выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта? передъ классомъ?.. Нѣтъ возраженій, господа?

— И родителямъ предупрежденіе сдѣлать... поставить ультиматумъ,—прибавилъ Митрофоровъ.

— Можно, пожалуй, и отца вызвать еще разъ. Я ужъ вызывалъ его какъ-то...

Былъ уже второй часъ ночи, когда учителя расходились изъ гимназіи. Тротуары были мокры и скользки. Тускло горѣли рѣдкіе керосиновые фонари. Лунная ночь, закутанная тучами, глядѣла огорченной, больною старухой. Въ воздухѣ сырая мгла сѣялась съ неба, похожаго на промасленную бумагу. Усталымъ, мрачнымъ людямъ было далеко идти. Почти всѣ жили въ глухихъ, отдаленныхъ улицахъ города: Мѣщанскихъ, Пуховыхъ, Пеньковыхъ, Посадскихъ и т. п., а гимназія находилась въ центрѣ города. Никто не взялъ извозчика — изъ экономіи, и всѣ шлепали тяжело и сердито по мокрымъ камнямъ тротуаровъ и по лужамъ перекрестковъ.

— Да, вотъ вѣчный вопросъ: отцы и дѣти, — говорилъ Черноморъ, съ трудомъ поспѣвая въ своихъ высокихъ калошахъ за старымъ математикомъ и батюшкой, которые не слушали его и вели свой разговоръ: — вотъ подите, поймите ихъ... Вѣчный протестъ — противъ кого же? Противъ тѣхъ, кто все имъ отдаетъ, все... Противъ родителей, учителей, воспитателей, начальства... И вѣдь ужъ если бы на своихъ ногахъ стояли... А то на чужія средства еще живутъ... на средства тѣхъ же отцовъ... ничего своего еще нѣтъ, а какая гордость... какой протестъ...

— На обѣщаніяхъ однихъ пока выѣзжаютъ... Ну, что-жъ, смиренно удовольствуемся и этимъ... Хотя я, за болѣзнь попадьи, завязъ на сотню цѣлковыхъ въ кассу и никакъ не могу раздѣлаться...—долетѣли до Черномора слова батюшки, адресованныя не къ нему, но онъ, привыкшій со всѣми соглашаться, грустно согласился и здѣсь:

— Да... совершенно вѣрно, со-вер-шенно вѣрно...

И потомъ все время поддакивалъ математику, который, сердито отплевываясь и ругаясь, продолжалъ развивать свои мысли передъ батюшкой, закутавшимся въ высокій воротникъ своей ватной рясы.

Математикъ умѣлъ ругаться крѣпко и со вкусомъ, какъ умѣлъ въ веселыя минуты превосходно разсказывать пряные анекдоты.

— И вѣдь что обидно? Всѣ знаютъ—эти предначертанія тамъ разныя, — не выполнимы и не нужны... Однако, когда нужно согнуть нашего брата въ бараній рогъ, то ужъ не безпокойтесь: и дисциплина слаба, и единицъ много, и пренебрегъ мѣрами кротости, и въ то же время былъ слишкомъ снисходителенъ въ требованіяхъ... все, все можно найти, при добромъ желаніи...

— Мѣры кротости... да, это теперь модное...—вздохнулъ батюшка:—а въ прежнее время пучекъ хорошей лозы... тоже не плохо выходило... Пожалуй, оно бы и теперь... того...

— Да, да... совершенно вѣрно...—поддакнулъ кроткій Черноморъ.

— Посидѣли бы они въ нашей шкурѣ! — продолжалъ яростно математикъ:—попробовали бы... Да!.. Возложили вотъ: сдѣлай такъ, чтобы учащіеся видѣли, что пища, предлагаемая ихъ уму въ стѣнахъ заведенія, питательнѣе той, которую они ищутъ у разныхъ злонамѣренныхъ людей"... Ха-ха... Хорошо-съ. Я—математикъ. Что я сдѣлаю съ такимъ, напримѣръ, с-мъ с-мъ, какъ Кривцовъ? Онъ гораздо развитѣе меня! Ему есть время и возможность и почитать, и поговорить... Онъ слѣдитъ за литературой, за современностью... А я, при восьми душахъ дѣтей... Ха-ха... Я начну ему разводить политику... Неумѣло, грубо, бѣлыми нитками пришью къ какому-нибудь вопросику... И онъ сейчасъ же, съ перваго же шагу, уловитъ эту фальшь, собьетъ меня, на потѣху своимъ товарищамъ, и просвѣтитъ ихъ ку-да лучше меня... Ибо я... какъ загнанный заяцъ! конечно... да... Только о кускѣ и думаешь... Какая ужъ тутъ политика,—книжки не на что купить и прочитать ее некогда... Только о прибавкѣ и толкуешь... А о ней лишь поговорили... Тьфу!..

Онъ крѣпко выругался, а Черноморъ, развеселившись и конфузливо хихикнувъ, сказалъ:

— Да, совершенно вѣрно... совершенно вѣрно... Ночи просиживали... Какіе славные проекты составлялись... Помню, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ покойный директоръ... даже о квартирахъ для учителей была рѣчь... все подробно.. приличные оклады, пенсіи... да... Однако, до свиданія, господа!

И онъ повернулъ налѣво, въ грязный переулокъ, опасливо обходя большую лужу, смутно блестѣвшую на перекресткѣ. Въ сыромъ, мглистомъ, угрюмомъ воздухѣ онъ еще нѣсколько минутъ слышалъ, какъ ему казалось, сердитые звуки осипшаго, простуженнаго голоса математика, перемежавшіеся съ звучнымъ шлепаньемъ тяжелыхъ калошъ батюшки. И нѣсколько разъ, останавливаясь среди безмолвнаго переулка, погруженнаго въ крѣпкій сонъ, онъ говорилъ грустно и кротко:

— Да, да... совершенно вѣрно... совершенно вѣрно...

А. Березинцевъ.

---

* * *

Поставивъ парусъ бѣлый,
Уходитъ туча вдаль...
Подъ нею зыбь морская,
Надъ нею—неба сталь.
Въ тоскѣ, она слезами
На скалы пролилась
И, не найдя забвенья,
Отъ береговъ неслась.
Но тамъ, гдѣ проливала
Она потоки слезъ,
Нежданно распустились
Бутоны спящихъ розъ.
Сквозь дикія ущелья,
Гремя, слетѣлъ ручей,
И пѣсней разбудилъ онъ
Сонъ лѣса и полей.
А туча, все тоскуя,
Съ лазури голубой
Неспѣшно внизъ спускалась
Свинцовою грядой...

Ѳ. Вербицкій.

Изъ записокъ декабриста.

(Записки моего времени, воспоминаніе о прошломъ).

Къ обѣду, должно быть, сторожъ принесъ мнѣ въ оловянной чашкѣ щей и на тарелкѣ гречневой каши, съ вонючимъ масломъ, такъ что я ни къ чему не прикоснулся и утолилъ свой голодъ хлѣбомъ. Отъ скуки я спросилъ сторожа, какова погода, но онъ мнѣ не отвѣчалъ, потому что, какъ я узналъ послѣ, имъ строго было воспрещено разговаривать съ заключенными. Въ это же время вошелъ ко мнѣ плацъ-адъютантъ и вручилъ пакетъ съ черною печатью и надписью: „Отъ Тайнаго Комитета Господину Маіору Лореру“ и прибавилъ: „Черезъ часъ чтобы было готово, писать начерно не позволяется; вотъ чернила и перо“. Я остался одинъ и сталъ просматривать вопросные пункты, мнѣ врученные... Вопросовъ было до 30 и много совершенно лишнихъ. Я напередъ зналъ, что моими отвѣтами господа судьи не останутся довольны, а потому про себя писалъ то, что уже сказалъ Чернышеву и государю; а про остальное отдѣлывался невѣдѣніемъ.

Скоро пришелъ плацъ-адъютантъ, запечаталъ мои показанія и снова исчезъ. Долго тянулся для меня этотъ день, а на другія сутки я проснулся съ ужаснѣйшею головною болью. Вскорѣ у меня сдѣлался ознобъ, и я почувствовалъ себя очень дурно.

Явился самъ г. Подушкинъ и предложилъ мнѣ казематнаго доктора, котораго вскорѣ и прислалъ. Этотъ господинъ, по наружности принадлежавшій къ расѣ евреевъ, щупалъ мой пульсъ, смотрѣлъ языкъ и дѣлалъ, кажется, все то, что предписывала ему наука. Я обратился къ нему на нѣмецкомъ діалектѣ съ просьбою дать мнѣ чаю, а онъ мнѣ отвѣчалъ, что здѣсь не говорятъ на иностранныхъ языкахъ и чаю не полагается. Я благодарилъ его за безпокойство и сказалъ ему: „Въ такомъ случаѣ прощайте, г. докторъ, вы мнѣ не нужны!“ Скоро мнѣ и безъ медицинскихъ пособій стало и въ самомъ дѣлѣ лучше.

Прошла недѣля моего заключенія, какъ въ одну ночь я былъ разбуженъ какой-то бѣготней и шумомъ по нашему корридору.

Прислушиваюсь: шаги приближаются къ моему номеру, болтъ отодвигается, шумитъ замокъ, и г. Подушкинъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и двухъ сторожей, предстаетъ предо мной съ моей форменной одеждой и приказываетъ одѣваться и слѣдовать за собой. Для меня въ моемъ заключеніи самымъ убійственнымъ всегда была тайна, которою насъ постоянно окружали. И на сей разъ я хотѣлъ спросить: куда меня ведутъ? зачѣмъ? но не спросилъ потому, что зналъ, что не скажутъ: ужъ таково заведеніе. Вскорѣ мы пошли въ комендантскій домъ и меня съ завязанными платкомъ глазами ввели въ ярко освѣщенную залу. За длиннымъ столомъ мнѣ представились 20 фигуръ генералитета въ лентахъ, звѣздахъ, строгихъ, мрачныхъ... Я обвелъ собраніе взглядомъ и поклонился. Вотъ въ какомъ порядкѣ они сидѣли: предсѣдатель былъ Татищевъ, по правую сторону в. к. Михаилъ Павловичъ, потомъ Кутузовъ, Левашевъ, Потаповъ, Бенкендорфъ; по лѣвую сторону предсѣдателя: А. Н. Голицынъ въ андреевской лентѣ, потомъ пустое мѣсто, на которомъ иногда сидѣлъ, какъ я замѣтилъ впослѣдствіи на допросахъ, Дибичъ, потомъ не помню... и Адлербергъ, тогда флигель-адъютантъ. На концѣ стола, чтобъ ближе быть къ подсудимымъ, Чернышевъ—докладчикъ и le grand faiseur всего дѣла. Вскорѣ онъ началъ мнѣ дѣлать обычные вопросы: кто былъ основатель нашего общества? съ котораго года оно образовалось и существуетъ? и проч. Это продолжалось съ четверть часа; Чернышевъ позвонилъ, явился вѣчный Подушкинъ, и меня повели обратно. У крыльца комендантскаго дома не видно было ни одного экипажа господъ судей, а впослѣдствіи я узналъ, что ихъ прятали обыкновенно на внутреннемъ дворѣ, чтобы кучера не могли видѣть, кого водятъ къ допросу. Во время моего краткаго перехода, свѣжій вѣтерокъ дулъ мнѣ въ лицо, и я съ жадностью глоталъ его... Но неумолимый казематъ мой скоро принялъ меня, и я долго не могъ заснуть. Къ довершенію всего огромныя водяныя крысы, рыжія, большія, были такъ смѣлы, что ходили по мнѣ, и я всю остальную ночь провелъ въ защитѣ отъ этихъ гадкихъ животныхъ. Такъ проходили недѣли, я начиналъ забывать дни и числа... Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ? Живы ли родные, друзья? Еще одно тюремное заведеніе меня чрезвычайно возмущало. Это то, что часовой у дверей безпрестанно приподнималъ какую-то тряпицу, которой было завѣшено окошечко въ дверяхъ, и заглядывалъ ко мнѣ въ каморку. Пошевелюсь ли я, кашляну ли, молюсь ли Богу—голова часового безпрестанно показывается въ отверстіи.

Когда ночью, бывало, все угомонится, я заговаривалъ съ часовыми, и часто удавалось разогнать скуку свою и даже понюхать табаку, которымъ добрые нюхальщики иногда подчивали меня. Попробовалъ я даже сквозь маленькое окошечко заговорить съ сосѣдомъ vis à vis, но часовые намъ этого не дозволили.

Тотъ, кто не испыталъ несчастія быть заключеннымъ въ казематѣ, безъ книгъ, табаку, безъ свѣта и звуковъ живого разговора, тотъ не пойметъ всей тягости этого! А неизвѣстность будущности?.. Въ послѣднія недѣли поста замѣтно было, что комитетъ сталъ чаще собираться, и товарищей моихъ по корридору стали частенько водить туда... и меня водили три раза. Многіе изъ нашихъ, проходя, гремѣли цѣпями на ногахъ... Почему же и мнѣ не нести такого же наказанія? Впрочемъ, въ послѣдній разъ моей явки передъ лица судей чуть чуть на меня ихъ не надѣли и вотъ по какому случаю. Засѣданіе было въ комплектѣ, ни одного пустого стула. Чернышевъ по обыкновенію началъ: „Вы, г. маіоръ, заперлись и не хотѣли намъ сказать, гдѣ скрыта Русская Правда, теперь въ послѣдній разъ мы васъ спрашиваемъ, гдѣ она... Знайте, что ежели и теперь будете упорствовать, то накличите на свою голову тяжкое наказаніе!“ „Генералъ, отвѣчалъ я, долгъ чести и клятва, данная мной товарищу, не позволила мнѣ прежде открыть вамъ мѣста, гдѣ скрыта Русская Правда; и теперь тѣ же причины заставляютъ меня быть твердымъ... Пусть авторъ Русской Правды разрѣшитъ меня отъ клятвы, и тогда я вамъ скажу“... Едва я произнесъ эти слова, какъ со всѣхъ сторонъ я услыхалъ крики: „Въ колодки его, въ желѣза“... Но Чернышевъ схватилъ на столѣ какой-то листъ бумаги, подалъ мнѣ и сказалъ: „читайте“. Я тотчасъ же узналъ почеркъ руки Пестеля и прочелъ: „Русская Правда была отдана въ присутствіи маіора Л. поручику Крюкову и штабсъ-капитану генеральнаго штаба Черкассову... уложенная въ ящикъ, чтобы быть зарытой на Тульчинскомъ кладбищѣ“.— Послѣ этихъ строкъ, я взялъ перо и подписалъ внизу: „Дѣйствительно такъ“. У меня какъ гора свалилась съ плечъ, и мои судьи умолкли. Выходка Чернышева меня удивила окончательно, когда онъ поднялся съ своего мѣста и сказалъ: „Господа... Я и въ началѣ и теперь видѣлъ, что маіору Лореру нельзя было объявить чужой тайны, покуда ему не было на то позволенія... Понимаю вполнѣ это чувство“. За эту справедливость я поклонился генералу Чернышеву и вышелъ въ сопровожденіи Подушкина, который былъ такъ любезенъ, что посидѣлъ со мною на моей кровати въ казематѣ. Двери не были заперты, и мнѣ показалось, что онъ ждетъ чего-то, а потому я прямо ему сказалъ: „Вы вѣрно сидите у меня не для бесѣды, не дожидаетесь ли вы желѣзъ и для меня?“—„Богъ съ вами, совсѣмъ нѣтъ“!—отвѣчалъ онъ.—„Почему жъ нѣтъ? Вѣдь въ комитетѣ кричали же объ этомъ, да при томъ такіе же, какъ и я, преступники, мои товарищи вѣдь сидятъ въ кандалахъ, почему же и мнѣ не носить ихъ?“—„Полноте, это было только для того, чтобы васъ устрашить!“—„Напрасно, желѣза меня не пугаютъ: немного болѣе непріятности слышать постоянно этотъ звукъ... вотъ и все“.

Подушкинъ, не знаю за что, бралъ видимое участіе во мнѣ,

и, попотчивавъ табакомъ, скоро скрылся. До Пасхи комитетъ не могъ открыть, гдѣ хранится Русская Правда, и ее нашли только тогда, когда Пестель *), понимая вполнѣ свое положеніе и чувствуя, что одно это запирательство его не спасетъ, да и опасаясь, чтобы трудъ его 12-тилѣтній не погибъ совершенно напрасно безъ слѣда, рѣшился указать мѣсто, гдѣ она хранилась, и человѣка, который ее туда зарылъ. Сего человѣка отправили съ фельдъегеремъ въ Тульчинъ, и Русская Правда появилась на свѣтъ Божій, а Пестель этимъ признаніемъ подписалъ свой смертный приговоръ, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ до самой смерти. Комитетъ, видимо, торопился окончить свои работы и собирался по два раза въ сутки... Многихъ изъ напрасно заключенныхъ освободили изъ-подъ ареста... Говорили, что государь намѣревался отправиться въ Москву на коронацію и сказалъ, что онъ не приметъ короны, доколѣ не покончитъ съ нами. Каждые десять дней насъ пріѣзжали осматривать генералъ-адъютанты, и не смотря на наше дурное содержаніе, мы всѣ терпѣли и жалобъ имъ не приносили. Одинъ изъ генералъ-адъютантовъ, Балашевъ, принесъ намъ большую пользу. На другой же день его пріѣзда замѣтна была большая перемѣна въ обращеніи съ нами и въ самомъ содержаніи. Говорятъ, что онъ доложилъ государю всю истину, сказавъ, что находитъ насъ всѣхъ цынготными, уставшими, опустившимися, заросшими и желающими наискорѣйшаго окончанія суда, какого бы то ни было. Во избѣжаніе всего этого Балашевъ предложилъ давать намъ ежедневно по рюмкѣ водки, зеленаго луку въ волю и выбрить насъ. Съ какимъ удовольствіемъ на другой день выпилъ я свою порцію водки и заѣлъ зеленымъ лукомъ съ бѣлою головкой. Отъ слабости я почти опьянѣлъ и едва добрелъ до своей кровати. Никогда этотъ простой и скромный завтракъ не казался мнѣ столь вкуснымъ, какъ въ этотъ первый разъ послѣ долгаго лишенія обычной привычки. И страсбургскій паштетъ не можетъ въ обыкновенное время быть такъ вкусенъ! Потомъ въ одинъ день, совершенно неожиданно, вошелъ ко мнѣ священникъ высокаго роста, бородатый, съ лицомъ добрымъ и привѣтливымъ. „Не думайте, сказалъ онъ мнѣ, что я агентъ правительства... Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ политическихъ убѣжденій. Я считаю васъ всѣхъ моими духовными дѣтьми... Со многими изъ вашихъ товарищей я познакомился, сумѣлъ снискать ихъ любовь и пріобщилъ ихъ святыхъ тайнъ. Пришелъ и съ вами познакомиться“, и съ симъ словомъ протянулъ мнѣ руку...

Съ перваго шага онъ очень мнѣ понравился, и я съ душевнымъ удовольствіемъ отвѣчалъ ему рукопожатіемъ. Это былъ

---

*) Онъ зналъ очень хорошо, что его ожидаетъ смерть.

протоіерей Казанскаго собора Павловскій *). Онъ сдѣлался впослѣдствіи утѣшителемъ, ангеломъ хранителемъ нашихъ матерей, сестеръ и дѣтей, сообщая имъ извѣстія о насъ. Никогда не говорилъ онъ со мною о политическихъ дѣлахъ, но постоянно утѣшалъ надеждою на лучшую будущность и ободрялъ слабѣвшій духъ мой. Я храню до сихъ поръ глубокое уваженіе къ этому почтенному служителю алтаря.

Наступилъ, наконецъ, и Свѣтлый праздникъ! Признаюсь, что я, потерявъ счетъ днямъ и недѣлямъ, можетъ быть, и не вспомнилъ бы этого великаго дня, ежели бъ въ ночь заутрени ко мнѣ не вошелъ сторожъ и не предупредилъ меня, предлагая заткнуть уши, ибо надо мной сейчасъ будутъ палить изъ пушекъ, какъ всегда во время великой заутрени. И дѣйствительно, вскорѣ раздался надъ головой потрясающій громъ, и пламя освѣтило мою мрачную келью... Я упалъ на колѣни и горячо молился. Изъ гроба я пѣлъ мысленно Воскресенье. Окошечко мое разлетѣлось вдребезги, и только холодъ, меня охватившій, привелъ меня къ дѣйствительности...

Такъ дожили мы до мая мѣсяца. Въ одно утро унтеръ-офицеръ Соколовъ пришелъ объявить мнѣ, что насъ разрѣшено водить въ баню, и предложилъ тотчасъ же туда отправиться. Я согласился и, проходя по корридору, пытался снова узнать, кто мои сосѣди заключенные... Но мнѣ этого не позволили. Наконецъ, мы на воздухѣ! Боже мой, какой день! Какое небо! Я думалъ, что снѣгъ еще покрываетъ землю... и по дорогѣ вижу травку, вижу свободныхъ тамъ и сямъ людей, женщинъ, дѣтей... У меня закружилась голова, и я не могъ шагу сдѣлать. Принесли воды, и когда я опамятовался, то просилъ вести меня обратно въ казематъ и взять вмѣсто меня кого-либо изъ моихъ товарищей.

Я долженъ непремѣнно посвятить нѣсколько строкъ моему доброму сторожу, унтеръ-офицеру Соколову. Подъ грубой сѣрой шинелью этого человѣка билось сердце золотое, крылась душа добрая, симпатичная. Я говорилъ уже, что съ перваго шага моего вступленія въ казематъ, когда Соколовъ снималъ съ меня мундиръ, то прослезился, и я тогда же полюбилъ этого человѣка. Впослѣдствіи мы съ нимъ сошлись, и при частыхъ свиданіяхъ нашихъ,—потому что онъ, имѣя 6 казематовъ на своихъ рукахъ, имѣлъ къ намъ свободный доступъ,—этотъ человѣкъ много служилъ къ моему утѣшенію. Черезъ него я узналъ, кто сидитъ со мной въ сосѣдствѣ въ казематѣ. Онъ дежурилъ по недѣлѣ, перемѣняясь съ другимъ унтеръ-офицеромъ, и, вступая въ отправленіе своей должности, былъ строго обыскиваемъ и осматриваемъ. Не смотря на это, ему удава-

---

*) *Мысловскій*—въ воспоминанія Л. въ данномъ случаѣ вкралась неточность („Записки" писались много лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій). *Ред.*

лось тѣшить насъ, заключенныхъ, а въ особенности меня, разными бездѣлицами, которыя для насъ были запрещены. Такъ, однажды, когда у меня постоянно сохло во рту, я вспомнилъ, что въ это время (говорятъ) привозятъ въ Петербургъ лимоны и апельсины. Мнѣ ихъ такъ захотѣлось, хоть одинъ... Я едва заикнулся объ этомъ Соколову, какъ онъ вынулъ изъ-за щеки своей двугривенный, предложилъ мнѣ его, прося позволенія самому сбѣгать за апельсинами. Я долго отговаривалъ его, боясь подвергнуть отвѣтственности, однако онъ вышелъ. Вообразите мое удивленіе, когда черезъ часъ онъ принесъ мнѣ цѣлую корзину апельсиновъ, и на одномъ изъ нихъ, верхнемъ, красовался двугривенный. Я требовалъ объясненія этой загадки, и вотъ что мнѣ разсказалъ Соколовъ: „Придя въ лавочку, ваше высокоблагородіе, къ знакомому купцу, я потребовалъ у него апельсинъ, но онъ, узнавъ, что это для несчастныхъ узниковъ, наложилъ ихъ мнѣ цѣлую корзину и, не взявъ ничего, прибавилъ, чтобы и впредь, когда понадобится, я къ нему заходилъ. Теперь ночь, и я пронесъ свободно корзинку. Кушайте на здоровье в. в.“, примолвилъ онъ. Поцѣловавъ его за милую внимательность, я просилъ тутъ же Соколова разнести моимъ товарищамъ нашъ запрещенный плодъ по шести ему подвѣдомственнымъ казематамъ. Черезъ него они всѣ прислали мнѣ свою благодарность и поклоны. Вотъ еще одна черта его привязанности ко мнѣ. Въ одно утро, лишь только онъ вступилъ въ должность, какъ поторопился объявить мнѣ, что жена его родила ему сына, и просилъ меня быть заочнымъ крестнымъ отцомъ и дать мое имя новорожденному. Я согласился и велѣлъ расцѣловать и мать, и сына, будучи не въ состояніи одарить ихъ ни чѣмъ больше.

Прежде чѣмъ разстаться съ казематомъ, я сообщу еще нѣсколько случаевъ и впечатлѣній, тогда мною испытанныхъ, а также—что припоминаю изъ слышаннаго впослѣдствіи. Я привелъ себѣ на память свиданіе А. Н. Голицына съ племянникомъ своимъ Валеріаномъ Михайловичемъ Голицынымъ. Князь В. М. Голицынъ служилъ въ Преображенскомъ полку, вышелъ въ отставку, былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ и сдѣлался членомъ Сѣвернаго Общества. Извѣстно, что многіе изъ русскаго великосвѣтскаго общества, бывъ родными многихъ подсудимыхъ и находя для себя печальною и грустною обязанность быть палачами родичей, отказывались отъ назначенія въ верховный уголовный судъ; такъ, Канкринъ отказался, потому что братъ его жены былъ въ нашемъ обществѣ, но А. Н. Голицынъ, кажется, не имѣлъ этой доблести и, имѣя за мѣшаннаго въ наше дѣло племянника, засѣдалъ преспокойно въ судѣ. Когда въ первый разъ молодой Голицынъ былъ приведенъ къ допросу, то увидалъ между судьями своего дядю, спокойнаго и даже показывающаго видъ, что его вовсе не знаетъ. Этого мало. Послѣ разныхъ вопросовъ, А. Н. Голицынъ, барабаня паль-

цами своими по столу, съ іезуитскою улыбкою вдругъ спросилъ своего племянника: „Князь! спрашиваю васъ: если бы ваше злоумышленное общество восторжествовало, чтобы вы сдѣлали съ нами (и показалъ на засѣдающихъ за столомъ), напримѣръ, со мною?"—съ удареніемъ на это слово. Валеріанъ Голицынъ никакъ не ожидалъ такого страннаго и щекотливаго вопроса, однако, сейчасъ же нашелся и отвѣчалъ, не признавая, впрочемъ, его за дядю: „Ваше сіятельство! если бы вы не захотѣли признать новаго, установленнаго нами порядка, то мы позволили бы вамъ удалиться за границу, и вы могли бы сдѣлаться русскимъ эмигрантомъ". Тогда Голицынъ всталъ съ своего кресла и, пренизко поклонившись, отвѣтилъ: „Благодарю васъ за эту милость".

Однако не всѣ родные отказались такъ отъ своей крови; нашлись нѣкоторые и съ родственными чувствами. Такъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ употребилъ всю свою силу, все свое вліяніе на государя, чтобы спасти своего брата Михаила Орлова, который былъ одно время членомъ Сѣвернаго Общества, принялъ 40 членовъ и сдѣлалъ изъ нихъ ревностнѣйшихъ прозелитовъ. По ходу дѣла въ слѣдственной коммиссіи, Орлова нельзя было выпутать, и Алексѣй Ѳедоровичъ ожидалъ спасенія брата единственно отъ монаршей милости, и для этого онъ выбралъ минуту, когда государь шелъ пріобщаться Святыхъ Тайнъ. Сначала государь ему отказалъ, сказавъ: „Алексѣй Ѳедоровичъ, ты знаешь, какъ я тебя люблю... но просишь у меня невозможнаго... Подумай, ежели я прощу твоего брата, то долженъ буду простить многихъ другихъ, и этому не будетъ конца"... Но Орловъ настаивалъ, просилъ, умолялъ и за прощеніе брата обѣщалъ посвятить всю жизнь свою государю... и государь простилъ... Ночью пріѣхалъ за М. Орловымъ возокъ, и такъ какъ онъ недалеко отъ меня сидѣлъ въ казематѣ, то я видѣлъ, какъ Подушкинъ сильно суетился, какъ одѣли генерала въ шубу, какъ его съ низкими поклонами усаживали и увезли. Говорили, что сначала—на конно-гвардейскую гауптвахту и въ ту же ночь на жительство въ дальнюю деревню его безъ выѣзда. Черта благородная со стороны Алексѣя Ѳедоровича, которой онъ показалъ, что имѣлъ довольно братской любви...

Вотъ еще одинъ забавный эпизодъ изъ дѣйствій слѣдственной коммиссіи. Когда меня въ послѣдній разъ привели въ коммиссію и Чернышевъ, дѣлая свои обычные вопросы, не получалъ на нихъ ожидаемыхъ отвѣтовъ, то сердился, а предсѣдатель, тучный, послѣ роскошнаго стола едва шевеля губами, сказалъ мнѣ: „Ну что, маіоръ, сознайтесь, что вы все это почерпнули изъ вредныхъ книгъ... А я, вотъ видите, во всю жизнь ничего больше не читалъ, какъ святцы, за то ношу три звѣзды". Бенкендорфъ велъ себя благороднѣе всѣхъ; бывало, при какой нибудь глупости, потупитъ глаза и молчитъ, а когда Чернышевъ начнетъ стращать, кричать, то даже

часто его останавливалъ, говоря: „Да дайте ему образумиться, подумать“.

Одного моего товарища эти господа вывели изъ терпѣнія, такъ что онъ даже разсмѣшилъ все засѣданіе, сказавъ имъ: „Господа, что вы кричите: если бы вы были поручиками теперь, то непремѣнно были бы членами тайнаго общества“.

Однажды добрый нашъ священникъ Петръ Николаевичъ принесъ мнѣ поклонъ отъ моей доброй невѣстки, но мнѣ показалось, что онъ былъ что-то особенно грустенъ, часто подымалъ глаза къ небу и какъ бы молился... Послѣ я узналъ, что благородный пастырь зналъ уже о рѣшеніи судьбы пятерыхъ изъ насъ...

Такъ дожили мы до іюня мѣсяца. Коммиссія собиралась все рѣже и рѣже, и мы все ждали, что насъ отдадутъ подъ судъ, и тамъ мы будемъ защищать себя. Говорили, что насъ будутъ судить въ сенатѣ при открытыхъ дверяхъ... Какъ мы горько ошибались, какъ напрасно убаюкивали себя надеждою! Одинъ мой добрый стражъ обыкновенно мнѣ говаривалъ: „Вамъ всѣмъ, господа, не миновать Сибири: отъ нихъ не ждите себѣ милости, не такіе они люди. Вотъ вчера одного водили туда, а привели въ желѣзахъ и посадили въ № 7, на хлѣбъ на воду, а онъ *), сердечный, только улыбается. Глядя на него, сердце кровью обливается!..“

Помню хорошо то утро, когда всѣ наши надежды рушились, когда судьба каждаго изъ насъ рѣшилась... Въ 10 часовъ утра я услыхалъ какой-то необыкновенный звукъ и топотъ, какъ бы по мостовой въ крѣпости. Сосѣдъ мой по казематy, встревоженный тѣмъ же шумомъ, вѣроятно, успѣлъ ранѣе меня взмоститься на окошечко и оттереть мѣлъ, потому что по французски сказалъ мнѣ:

— „Слышите ли вы этотъ необыкновенный звукъ, voisin? Я видѣлъ съѣздъ въ крѣпость, впереди взводъ жандармовъ, кавалергардовъ; пропасть каретъ, двигающихся шагомъ, какъ на погребальномъ шествіи,—и все это стремится къ комендантскому дому. Что вы думаете объ этомъ, сосѣдъ“.

— „Да думаю, что сегодня рѣшится наша судьба, и многимъ изъ насъ не видать завтрашняго заката солнца, сосѣдъ!“

Вдругъ по корридору поднялась страшная бѣготня... Подушкинъ едва дышалъ. И мои двери скоро отворились, мнѣ принесли форменное платье и велѣли одѣваться. Насъ повели въ комендантскій домъ. По дорогѣ я шелъ между народомъ и многими дамами, и въ толпѣ увидалъ одного изъ моихъ знакомыхъ, который мнѣ грустно улыбался, кивая головой и какъ будто говоря: „Все конечно для васъ!“ Слѣдственная коммиссія работала 7 мѣсяцевъ, и скоро должна была начаться плачевная драма... Наконецъ, меня ввели въ большую комнату и вообразите мое удивленіе,

*) Иванъ Степановичъ Семеновъ, секретарь общества.

когда я нашелъ тамъ много своихъ старыхъ знакомыхъ. Первымъ, попавшимся мнѣ навстрѣчу, былъ мой другъ М. М. Нарышкинъ, мой бывшій однополчанинъ. Я ему такъ обрадовался, что бросился на шею. Тутъ я увидѣлъ и фонъ-Визина, и Абрамова—полковника одной со мной бригады, и многихъ другихъ, человѣкъ 20. Никто изъ насъ не зналъ, зачѣмъ мы здѣсь собраны, и никто не подозрѣвалъ, что въ смежныхъ комнатахъ собраны такія же кучки, категоріи, какъ ихъ называли впослѣдствіи. Тогда же я обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ людей въ морскихъ мундирахъ. Имъ было, я думаю, лѣтъ по 20 отъ роду, и я спросилъ ихъ фамиліи. Мнѣ сказали, что это два брата, мичманы Бѣляевы. Во время страшнаго наводненія въ С.-Петербургѣ 7-го ноября 1824 года они съ величайшимъ самоотверженіемъ спасли многія семейства отъ конечной гибели, и императоръ Александръ собственноручно надѣлъ на нихъ владимірскіе кресты. Ихъ же никто не спасъ!.. Скоро насъ куда то повели въ сопровожденіи часовыхъ. Проходя по заламъ, я увидалъ нашихъ крѣпостныхъ: священника, доктора и другихъ чиновниковъ... Многіе изъ нихъ плакали. Мы всѣ имъ поклонились предсмертнымъ прощаніемъ. Наконецъ, мы достигли запертыхъ дверей, охраняемыхъ какимъ-то чиновникомъ.

Онъ же растворилъ ихъ при нашемъ приближеніи, и глазамъ нашимъ представилось необыкновенное зрѣлище. Огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, стоялъ покоемъ. Въ серединѣ его сидѣли четыре митрополита, а по фасамъ—государственный совѣтъ и генералитетъ; кругомъ всего этого, на лавкахъ и стульяхъ амфитеатромъ, сенаторы въ красныхъ мундирахъ. На пюпитрѣ лежала какая-то огромная книга, при книгѣ стоялъ чиновникъ, при чиновникѣ самъ министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій въ андреевской лентѣ. Всѣ были en grand gala, и насъ поставили въ шеренгу лицомъ къ нимъ. Безъ всякаго предупрежденія чиновникъ, стоявшій за пюпитромъ, сталъ читать: „Генералъ маіоръ фонъ-Визинъ, по собственному признанію въ томъ-то и томъ-то... лишается всѣхъ правъ состоянія, чиновъ, орденовъ и ссылается въ каторжную работу на 12 лѣтъ и потомъ на вѣчное поселеніе“. И такъ далѣе до конца. Послѣднимъ былъ кн. Одоевскій. Я стоялъ въ серединѣ, и пока до меня не дошла очередь, разсматривалъ лица верховнаго уголовнаго суда. Я замѣтилъ почтенную сѣдую голову Н. С. Мордвинова. Онъ былъ грустенъ, и бѣлый платокъ лежалъ у него на колѣняхъ... Когда чтеніе окончилось, Лобановъ скомандывалъ: „На право“, и мы вышли черезъ другія комнаты въ сопровожденіи тѣхъ же часовыхъ и полицейскихъ служителей. Но насъ повели не по прежнимъ казематамъ, а по самому берегу Невы въ Алексѣевскій равелинъ. Что это за равелинъ, я разскажу впослѣдствіи. Тутъ насъ всѣхъ 18 человѣкъ заперли по разнымъ комнатамъ и дали намъ печально провести

этотъ день... Въ этотъ же день вся царская фамилія выѣхала въ Царское село.

Рано утромъ, едва солнышко встало, меня разбудили и повели съ моими сотоварищами по заключенію на маленькій мостикъ, соединяющій Алексѣевскій равелинъ съ Петропавловскою крѣпостью. Здѣсь мы сошлись съ товарищами другого разряда, которые ссылались на 15 лѣтъ, какъ-то: Никита Муравьевъ, братъ его Алексѣй, Кюхельбекеръ и насъ 18 человѣкъ. Отъ ранняго времени и отъ безсонницы всѣ мы были очень блѣдны и грустно тянулись къ воротамъ крѣпости. Но тутъ сцена перемѣнилась, лица ожили, языки развязались, потому что вовсе неожиданно на гласисѣ мы встрѣтили остальныхъ товарищей несчастія. Начались рукопожатія, обниманія и восторгъ былъ общій. Я не подозрѣвалъ, что насъ такъ много, и даже, правду сказать, многихъ и не зналъ вовсе въ лицо. Тутъ я встрѣтилъ даже мундиръ комиссаріатскаго чиновника г. Иванова и увидалъ Лунина, привезеннаго изъ Варшавы, въ странномъ одѣяніи. На немъ былъ гродненскаго гусарскаго полка сюртукъ, а ноги обуты въ казематныя туфли. Наша толпа составляла смѣсь черныхъ фраковъ, круглыхъ шляпъ, грузинскихъ папахъ, кирасирскихъ бѣлыхъ колетовъ, султановъ и даже киверовъ. Не смотря на всю эту пестроту, рады были увидаться съ нѣкоторыми и сожалѣли, конечно, о тѣхъ, которыхъ считали избѣгнувшими наказанія и нашли таки въ нашей средѣ. Солдаты насъ окружали...

Наконецъ, прискакалъ Чернышевъ, въ лентѣ, разодѣтый, какъ будто бы на пиръ какой нибудь, осмотрѣлъ насъ въ лорнетъ и, видя, что никто его не замѣчаетъ даже, отъѣхалъ прочь. Колонна наша зашевелилась и двинулась въ крѣпостныя ворота. Гвардейскія войска полукругомъ опоясывали большую площадь и между ними и нами мрачно рисовалась на небѣ висѣлица, и 5-ть веревокъ качались на роковой перекладинѣ. На площади были разложены костры, и люди поддерживали огонь. Чернышевъ леталъ съ озабоченнымъ видомъ по рядамъ, другіе генералъ-адъютанты разъѣзжали также, но скромно. Меня удивляетъ только то, что и благородный Бенкедорфъ, знавшій многихъ изъ насъ и любившій, не сумѣлъ отклонить отъ себя этой грустной обязанности...

...Въ Большемъ театрѣ милая, любезнѣйшая женщина и знаменитая пѣвица, m-lle Sontag, съ большимъ чувствомъ и выраженіемъ пропѣла романсъ, который, намекая на нашу ссылку, произвелъ фуроръ въ публикѣ и дошелъ даже до Сибири. Вотъ слова этого романса:

Ты прости, нашъ соловей,
Голосистый соловей!
Тебя больше не слыхать,
Насъ тебѣ ужъ не плѣнять!

Не отъ лютыя зимы,
Соловей, несешься ты,
Не веселый край сманилъ,
Но злой рокъ тебя сгубилъ!
Твоя воля отнята!
Крѣпко клѣтка заперта!
Ахъ, прости, нашъ соловей,
Голосистый соловей!
Пѣсню намъ прощальну спой;
Пусть волшебный голосъ твой
Перелетомъ вѣтерка
Насъ плѣнитъ издалека.

Говорятъ, что многимъ женщинамъ и знакомымъ ссылаемыхъ сдѣлалось дурно, и весь театръ рыдалъ. Изъ креселъ также вышли два человѣка со слезами на глазахъ, на свободѣ они горячо обнялись и скрылись; это были два брата Римско-Корсаковы, изъ нашихъ, но счастливо избѣгнувшіе общей участи.

Въ то время, когда театръ апплодировалъ знаменитой пѣвицѣ, говорю я, восемь фельдъегерскихъ троекъ и восемь жандармовъ выѣзжали изъ крѣпости и понеслись по тракту въ Сибирь... Въ этихъ перекладныхъ сидѣлъ первый разрядъ, на 20-ть лѣтъ ссылки въ каторгу: князь Сергѣй Волконскій, князь Сергѣй Трубецкой, князь Оболенскій, А. Муравьевъ, Борисовъ 1-ый, Борисовъ 2-ой, А. И. Якубовичъ, В. Л. Давыдовъ—закованные.

Я уже сказалъ, что насъ разсадили по другимъ темницамъ, и теперь приступлю къ описанію Алексѣевскаго равелина, доставшагося мнѣ на долю *).

Многіе знаютъ Петропавловскую крѣпость, но, конечно, немногіе слыхали, и едва ли кто нибудь можетъ составить себѣ вѣрное понятіе объ Алексѣевскомъ равелинѣ. На лѣвой оконечности крѣпости, надъ рвомъ, есть подъемный мостикъ, пройдя который, вы входите въ узкій корридоръ и упираетесь въ трехъугольное каменное строеніе безъ оконъ. Это-то и есть 12 казематовъ Алексѣевскаго равелина. Въ серединѣ трехъугольника кроется крошечный садикъ, въ нѣсколько шаговъ, съ двумя тощими березками, кустомъ черной смородины и нѣсколькими аршинами жалкой травки. Въ казематахъ окна или, лучше сказать, амбразуры, большія, въ толстыхъ гранитныхъ стѣнахъ, съ толстыми желѣзными рѣшетками, но окна не прорѣзаны къ саду, а упираются черезъ 10 или 12 шаговъ въ гранитную стѣну, гдѣ устроено помѣщеніе, какъ для самого коменданта равелина, такъ и для его 12 помощниковъ, солдатъ инвалидовъ, и гдѣ у нихъ даже своя баня. Комнаты большія, свѣтлыя, потолки бѣленые, стѣны желтыя. Въ одномъ изъ казематовъ помѣщается старикъ комендантъ, съ

*) Я просилъ оставить меня на прежнемъ мѣстѣ, въ надеждѣ видѣться съ добрымъ унт.-оф. Соколовымъ, но мнѣ отказали.

тою разницей отъ прочихъ, что дверь его всегда открыта, и онъ можетъ выходить, когда захочетъ. У каждаго заключеннаго находится большая кровать съ тюфякомъ, двѣ большія подушки и шерстяное одѣяло, столъ и стулъ въ родѣ кресла... Обѣдъ и ужинъ лучше, чѣмъ въ большой крѣпости, ложки серебряныя, но ножей и вилокъ также не даютъ. Два раза въ недѣлю позволяютъ арестанту выходить въ садикъ съ инвалидомъ, однако же такъ, чтобы не видаться и не встрѣчаться ни съ кѣмъ. Мнѣ предложили подышать чистымъ воздухомъ, и я поспѣшилъ воспользоваться этимъ позволеніемъ. Инвалидъ, меня сопровождавшій, заперъ за собою дверь и безъ церемоніи развалился по серединѣ садика, а я сталъ кружить, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Углы и стѣны моей ограды покрыты были плѣсенью и паутиной и черными массами подымались возлѣ меня, а между двухъ березокъ стояла полуизломанная лавочка. Сколько тутъ пролито слезъ, подумалъ я, сколько передумано, перечувствовано! гдѣ теперь томившіеся здѣсь? гдѣ кости ихъ?

Въ углу, за головой моего лежащаго стража, я замѣтилъ небольшую земляную насыпь съ деревяннымъ крестикомъ, какъ на кладбищахъ, и тотчасъ же обратился къ моему тюремщику за разъясненіемъ загадки, и вотъ что услыхалъ: — „Говорятъ, что тутъ похоронена какая-то царевна, а Богъ его знаетъ... Старики наши разсказывали, что давно какъ-то изъ за моря привезли молодую княжну и содержали ее здѣсь, но когда въ Петербургѣ сдѣлалось наводненіе, вотъ какъ недавно было (я догадался, что это, должно быть, было въ 1777 г.), равелинъ былъ затопленъ до самаго верхняго карниза (онъ даже показалъ рукой очень высоко), арестантовъ-то повывели, а ее, бѣдняжку, знать, забыли, и она потонула здѣсь, какъ въ чану какомъ нибудь... Тутъ ее и похоронили“.—„Да кто же поставилъ этотъ крестикъ?“ спросилъ я.—„Да все мы-же: какъ одинъ сгніетъ, упадетъ, мы и поставимъ новенькій, и помолимся за упокой усопшей!“ Соображая этотъ разсказъ, я полагаю, что это должна быть могила княжны Таракановой.

Въ первый же день моего заключенія въ равелинъ, я познакомился съ страннымъ стражемъ его, комендантомъ Лиліенъ-Анкеръ, изъ нѣмцевъ, 78-ми-лѣтнимъ старикомъ. Онъ ходилъ въ зеленомъ длиннополомъ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами. Ежедневно навѣщалъ онъ насъ и постоянно плавнымъ шагомъ, согнувшись, съ заложенными за спину руками, съ открытымъ ртомъ, гдѣ торчали еще два желтыхъ огромныхъ зуба, шелъ онъ прямо на насъ съ единственнымъ вопросомъ: „Какъ ваше здоровье?“ и, не дожидаясь никакого отвѣта, выходилъ. Желая познакомиться съ нимъ покороче, я однажды сказалъ ему, что нездоровъ, но и тутъ я не услыхалъ отъ него ни одного звука: онъ повертѣлся подолѣе

и всетаки ушелъ. Инвалидъ, его провожавшій, сказалъ мнѣ, что онъ не будетъ отвѣчать, и что всѣ его помощники обязаны клятвой молчанія, какъ съ преступниками, такъ и въ городѣ, куда одинъ изъ 12 инвалидовъ ходитъ за припасами...

Что заставило несчастнаго нѣмца взять на себя подобную печальную должность? Говорили, что въ молодости онъ сдѣлалъ какое-то преступленіе и былъ помилованъ съ условіемъ оставаться навсегда въ Алексѣевскомъ равелинѣ стражемъ другихъ несчастныхъ.

...Однажды пришелъ ко мнѣ нашъ священникъ Петръ Николаевичъ, чтобы сообщить мнѣ, что ночью будетъ отправка, но не знаетъ какихъ... Онъ сказалъ мнѣ также, что жена Якушкина въ большемъ горѣ и просила его зайти къ ея мужу утѣшить его и узнать навѣрное, объявлено ли ему отправленіе и можетъ ли она съ нимъ проститься. Но Петръ Николаевичъ видѣлъ его, Якушкина, въ лихорадкѣ, а потому думаетъ, что ссылка его отсрочена. При нашемъ разговорѣ съ священникомъ я замѣтилъ, что у него Анна на шеѣ, и, не видавъ прежде сего ордена, я догадался, что онъ получилъ его за исполненіе своихъ обязанностей при насъ въ крѣпости, и поздравилъ его съ монаршею милостью, но онъ глубоко вздохнулъ и просилъ не поздравлять... Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ въ этомъ мірѣ. Въ этотъ же день я имѣлъ свиданіе съ моею невѣсткою, которая также слышала, что кого-то изъ насъ отправятъ нынѣшнею ночью. Я долженъ былъ ожидать своей очереди, такъ какъ многихъ уже отправили, кого въ Шлиссельбургъ, кого въ финляндскія крѣпости, и насъ осталось только нѣсколько разрядовъ. Грустно, печально простился я съ достойною женщиной, принимавшей во мнѣ такое родственное участіе. Горе мое было тѣмъ сильнѣе, что отъ нея я узналъ, что лишился своей матери нѣсколько времени тому назадъ. Къ счастью, она умерла спокойно, не зная о моемъ несчастіи, которое отъ нея скрыли. Ночью, въ первомъ часу, меня съ шумомъ разбудили... Я вскочилъ: „Что, отправка“?—„Не медлите, г. маіоръ“.—„Въ такую важную минуту вы думаете меня обмануть. Одѣваться мнѣ или нѣтъ“? сказалъ я. —„Одѣвайтесь, да потеплѣе, сказалъ Подушкинъ: на дворѣ очень холодно“! Слава Богу, подумалъ я и, конечно, не заставилъ себя долго ждать... Ночь была дѣйствительно холодная, но звѣзды ярко горѣли на темномъ небосклонѣ. На башнѣ собора пробило часъ и куранты заиграли. Мы вошли въ комендантскій домъ, который былъ освѣщенъ, какъ бы ожидая какихъ нибудь гостей. Въ залѣ я засталъ одного фельдъегеря, съ любопытствомъ на меня поглядывавшаго. Подушкинъ скрылся и вскорѣ явился съ другимъ ссылаемымъ, прежнимъ моимъ товарищемъ, полковникомъ Абрамовымъ. Онъ, бѣдняга, былъ совершенно убитъ и сильно горевалъ. Послѣ первыхъ

взаимныхъ привѣтствій послѣ долгой разлуки, я спросилъ его, какъ онъ думаетъ: куда насъ отправятъ? „Разумѣется, не въ Крымъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ съ нѣкоторою досадой, и этотъ отвѣтъ, не смотря на торжественность минуты, меня сильно разсмѣшилъ. Черезъ нѣсколько минутъ привели Бобрищева-Пушкина, офицера генеральнаго штаба 2-ой арміи. Этотъ также былъ боленъ, блѣденъ и едва передвигалъ ноги. Даже фельдъегерь, увидавъ эту новую жертву, пожалъ плечами и, вѣроятно, подумалъ: не довезти мнѣ этого до мѣста назначенія! Вскорѣ къ намъ присоединился поручикъ арміи Шимковъ. Показался, наконецъ, адъютантъ военнаго министра въ шарфѣ, а за нимъ и весь причтъ крѣпости: разные плацъ-маіоры и плацъ-адъютанты. Сукинъ, пожалованный съ Чернышевымъ въ графы за содѣйствіе въ нашемъ дѣлѣ, не замедлилъ появиться въ залѣ. Мы встали, онъ остановился по серединѣ комнаты и торжественно провозгласилъ: „Я получилъ высочайшее повелѣніе отправить васъ къ мѣсту назначенія закованными!“ Повернулся и ушелъ. Признаюсь, этого послѣдняго слова, произнесеннаго съ такимъ удареніемъ, я не ожидалъ... Принесли цѣпи и насъ стали заковывать. Наконецъ, мы встали и цѣпи загремѣли на моихъ ногахъ въ первый разъ... Ужасный звукъ! Не умѣя ходить съ этимъ украшеніемъ, мы должны были пользоваться услугой прислужниковъ при сходѣ съ лѣстницы. У крыльца стояло пять троекъ и пять жандармовъ, и мы стали размѣщаться... Соколовъ усердно хлопоталъ возлѣ меня, укуталъ, поцѣловалъ мнѣ руку и заплакалъ. Я былъ также взволнованъ, но успѣлъ еще ему сказать: „Ты, любезный другъ, принялъ меня въ казематѣ и провожаешь меня въ Сибирь... Благодарю тебя за твою дружбу и прошу сходить къ моей невѣсткѣ съ моимъ послѣднимъ поклономъ... да расцѣлуй моего крестника“. „Трогай“, крикнулъ фельдъегерь, и полозья заскрипѣли. На гауптвахтѣ крѣпости караулъ вышелъ къ ружью. На башнѣ било два часа. Проѣхали Неву и городомъ ѣхали шагомъ. Во многихъ домахъ по старому горѣли еще свѣчи, передъ подъѣздами стояли экипажи и кучера, завернувшись въ попоны, спали на своихъ козлахъ... Во многихъ изъ этихъ домовъ и я когда-то весело проводилъ время, танцовалъ... а теперь!.. Шествіе наше медленно подвигалось къ заставѣ, а фельдъегерь, насъ сопровождавшій, шелъ по деревянному тротуару съ какой-то женщиной, горько плакавшей... и объ чемъ то съ нимъ говорившей. Но вдругъ фельдъегерь сказалъ: „Прощай“, прыгнулъ въ мои сани, крикнулъ „пошелъ“! — и мы пустились во всѣ лопатки. Это было 28-го февраля 1827 года. Послѣ двухлѣтняго заключенія и всевозможныхъ переворотовъ жизни нашей... мнѣ на душѣ стало какъ-то легко и весело, и легкій вѣтерокъ освѣжалъ мое лицо, дышавшее такъ долго смраднымъ воздухомъ каземата. Мало по малу я сталъ знакомиться съ моимъ спутникомъ и, по обыкновенію, началъ съ вопроса, какъ его зовутъ,

и назвалъ себя, потомъ освѣдомился, не жена ли его провожала. „Нѣтъ, сестра! насъ двое на свѣтѣ, мы сироты и сердечно любимъ другъ друга... Она такая добрая, плакала и просила меня беречь васъ, несчастныхъ“.—„Вижу, сказалъ я, что вы изъ добраго семейства, Богъ наградитъ васъ за добрыя чувства ваши“... Не знаю отчего, во всю эту дорогу меня не покидала мысль, что насъ везутъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ мнѣ придется высидѣть 12 назначенныхъ лѣтъ. Я не выдержалъ и спросилъ съ нѣкоторымъ страхомъ моего собесѣдника: „Скажите, ради Бога, вы везете насъ въ Шлиссельбургъ“? *) „Нѣтъ“, сказалъ онъ, и я перекрестился... Я уже испыталъ, что значитъ высидѣть безъ солнца, безъ воздуха. Бывали примѣры, что многіе не выносили этого строгаго заключенія и сходили съ ума. Я увѣренъ, что и со мной было бы тоже...

Не помню, на какой станціи, на половинѣ дороги, съ лѣвой стороны зачернѣлись стѣны крѣпости Шлиссельбурга. Съ большой дороги идетъ поворотъ, и ямщики, зная, какого рода пассажировъ везутъ, невольно сдержали лошадей, думая получить приказаніе везти насъ туда, но фельдъегерь крикнулъ съ моихъ саней передовой тройкѣ: „Прямо въ городъ на станцію“! И мы промчались мимо страшныхъ стѣнъ. На станціи всѣ мы сошлись съ привѣтливымъ нашимъ спутникомъ, заказали ужинъ и, гремя цѣпями, всетаки весело провели время. Передъ разсвѣтомъ мы пустились дальше, въ далекій путь. Тогда же мы узнали о строгой инструкціи, полученной фельдъегеремъ насчетъ насъ. Вотъ главные ея пункты: двѣ ночи ѣхать, на третью ночевать, не позволять намъ имѣть ни съ кѣмъ ни малѣйшаго сообщенія. Кормить насъ на деньги, отпущенныя правительствомъ, на каждаго по 75 рублей ассигнаціями; не давать намъ отнюдь никакого вина, ни даже винограднаго; въ каждомъ губернскомъ городѣ являться къ губернатору и, въ случаѣ болѣзни кого либо изъ насъ, оставлять больного на попеченіе губернатора. Во всю дорогу съ нами ничего особеннаго не случилось, какъ помнится, но я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня Сибирью...

Когда мы утромъ тихо тянулись по подъему верстъ 20 до станціи, стоящей одиноко уныло на самомъ гребнѣ хребта, и когда намъ съ вершины открылось необозримое море лѣсовъ, синихъ, лиловыхъ, съ дорогой, лентой извивающейся по нимъ, то ямщикъ кнутомъ указалъ впередъ и сказалъ: „вотъ и Сибирь!“ Итакъ, мы уже не въ Европѣ. Отдѣлены отъ всего образованнаго міра.

Мы проѣхали Тюмень и подъѣзжали къ Тобольску. Въ переѣздъ этотъ морозъ былъ такъ силенъ, что мы должны были пе-

*) Полковника Батенкова судъ приговорилъ на 15-ть лѣтъ каторги вмѣстѣ съ нами, но его оставили въ крѣпости, въ которой онъ просидѣлъ 22 года.

редъ этимъ городомъ не въ зачетъ переночевать, а въ 12 часовъ дня подъѣхали прямо къ губернаторскому дому и вошли въ залу, гремя нашими цѣпями по паркету. Изъ дверей выглядывалъ женскій полъ и дивился на насъ, какъ на звѣрей, потому что намъ не велѣли снимать нашихъ шубъ. Вскорѣ вышелъ принять насъ губернаторъ Бантышъ-Каменскій, авторъ исторіи Малороссіи, и сказалъ печальнымъ, грустнымъ голосомъ, какъ будто сожалѣя, что такъ мало можетъ облегчить нашу судьбу: „Господа, я имѣю право остановить васъ на сутки... Вамъ приготовлена квартира въ домѣ полиціймейстера... Вы отдохнете... Вамъ приготовленъ обѣдъ, баня. Я прикажу снять съ васъ кандалы... Да не знаете ли, господа, когда привезутъ князя Барятинскаго, который приходится братомъ моей женѣ?". Мы отозвались невѣдѣніемъ и поспѣшили воспользоваться радушнымъ пріемомъ, намъ обѣщаннымъ, а потому послѣдовали за полиціймейстеромъ и расположились расправить наши кости. Послѣ сытнаго, вкуснаго обѣда, когда мы подошли къ хозяйкѣ благодарить ее, она намъ сказала, что все угощеніе отъ губернатора, и что онъ прислалъ своего повара, провизію и прислугу. Фельдъегерь съ нами не обѣдалъ и былъ отозванъ къ губернатору. Такая деликатность со стороны губернатора и радушное гостепріимство, намъ, несчастнымъ, оказанное, вызвали съ нашей стороны искреннюю благодарность, которую мы и просили полиціймейстера ему засвидѣтельствовать отъ нашего имени. На другой же день мы отправились дальше и все еще не знали, гдѣ будетъ конецъ нашего путешествія. Одно было вѣроятно, что мы ѣдемъ изъ Тобольска въ Иркутскъ. Скоро мы миновали Красноярскъ при р. Енисеѣ, чистенькій городокъ, получившій свое названіе отъ красныхъ, песчаныхъ и глиняныхъ, горъ, которыми окруженъ. Чѣмъ глубже вдавались мы въ Сибирь, тѣмъ болѣе насъ поражала чистота и опрятность сибиряковъ. Въ любой избѣ вы найдете двѣ половины жилья; полы покрыты холстомъ, самовары, какъ золотые, украшаютъ углы; скамьи и даже стулья въ нѣкоторыхъ избахъ выкрашены красной краской. Вездѣ жители встрѣчали насъ привѣтливо и, не знаю почему, называли насъ „своими сенаторами!"

Обыкновенно въ большихъ селахъ и городахъ всѣ намъ попадавшіеся снимали шапки, а фельдъегерь нашъ, Подгорный, всегда трусилъ такихъ манифестацій и боялся, чтобы насъ у него не вырвали. На станціяхъ онъ запиралъ за нами ворота и ставилъ жандармовъ на часы, а я постоянно подшучивалъ надъ нимъ, говоря ему: „Смотрите! насъ непремѣнно отобьютъ у васъ". И онъ только тогда успокаивался, когда мы оставляли города и станціи. Товарищъ нашъ Бобрищевъ-Пушкинъ, выѣхавъ изъ каземата не совсѣмъ здоровый, дорогой сильно расклеился, и Подгорный хотѣлъ его оставить гдѣ-то въ городѣ, въ Россіи еще, но, не исполнивъ этого, довезъ кое-какъ до Сибири. Пушкинъ

до того ослабѣлъ, что часто на станціяхъ, когда онъ долго не выходилъ изъ саней, мы и сами уже думали, не умеръ ли онъ. Однажды, гдѣ-то вечеромъ, мы пили чай, а Пушкинъ лежалъ въ избѣ, слабый, больной, не принимая ни въ чемъ никакого участія, и Подгорный объявилъ намъ, что въ первомъ городѣ его оставитъ въ госпиталѣ. Тогда Абрамовъ, стукнувъ своимъ допитымъ стаканомъ объ столъ, сказалъ: „Нѣтъ, Пушкинъ! ужъ ежели тебѣ суждено умереть, то мы же тебѣ закроемъ глаза и собственными руками выроемъ тебѣ могилу"... Слава Богу, до этого не дошло! Морозы были сильные, я отдалъ Пушкину свою волчью шубу, и мы всѣ такъ за нимъ ухаживали, что, подъѣзжая къ Иркутску, ему стало гораздо лучше. Самъ Абрамовъ, съ которымъ мы ѣхали въ однѣхъ саняхъ, былъ все время въ чрезвычайно грустномъ настроеніи и упалъ духомъ. Онъ считалъ себя невиннымъ и никакъ не могъ покориться своей участи. Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы развлечь его, и однажды разсказывалъ ему уже въ Сибири анекдотъ на нѣмецкомъ языкѣ про Фридриха Великаго. Абрамовъ отъ души смѣялся, и я радовался, что успѣлъ его развеселить. Но вообразите себѣ наше удивленіе, когда и ямщикъ нашъ принялся съ нами хохотать. У меня блеснула мысль, не шпіонъ ли это, чтобы слѣдить за нашимъ настроеніемъ: раскаиваемся ли мы въ прошломъ и какъ мы отзываемся о новомъ правительствѣ? Вѣдь иной, чтобъ подслужиться, и на козлы радъ взмоститься, и я обратился къ нашему возничему съ вопросомъ: „Ямщикъ! ты вѣрно понимаешь по нѣмецки, когда мой разсказъ показался тебѣ забавнымъ?"—„Какъ же не понимать, когда я природный нѣмецъ".—„Да кто же ты такой?"—„Я... Астраханскаго кирасирскаго полка маіоръ Миллеръ", поворотившись вдругъ ко мнѣ, отвѣчалъ онъ. „Тому назадъ 30 лѣтъ императоръ Павелъ сослалъ меня сюда"... Въ это время мы подъѣхали къ станціи, и такъ какъ исторія г. Миллера показалась намъ интересной, то мы и пригласили нашего ямщика-маіора напиться съ нами чаю. Онъ не отказался. Онъ былъ большого роста, лицо нѣмецкое, худощавое и въ морщинахъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и всѣ ямщики, въ нагольной тулупъ. Когда мы немного обогрѣлись, я возобновилъ разсказъ, вопросомъ: „Скажите, за что вы были сосланы?" (Въ нашей матушкѣ Россіи часто бываютъ такія обстоятельства: начнемъ съ ты, а кончимъ на вы, и какъ то совѣстно бываетъ). „Я былъ сосланъ за неумышленное убійство своего полкового командира", отвѣчалъ Миллеръ.—„Помилуйте, да послѣ этого вѣдь протекло два царствованія, какъ же васъ не воротили, не простили?"—„Видно, забыли", отвѣчалъ онъ самымъ простодушнымъ голосомъ: „да и зачѣмъ? Я вступилъ въ крестьянскій бытъ, плачу подушный окладъ, женатъ, имѣю шестерыхъ дѣдей, родные мои въ Курляндіи перемерли, а тѣ, которые и есть, вѣроятно, полагаютъ меня умершимъ".

На прощаніе г. Миллеръ просилъ насъ, ежели мы будемъ счастливѣе его и будемъ возвращаться въ Россію, посѣтить его домишко. Странное, несбыточное приглашеніе!

Наконецъ, послѣ трехнедѣльнаго странствованія, мы приближались къ столицѣ восточной Сибири—Иркутску. Яблоновый хребетъ грозно всталъ передъ нами, а вечеромъ, переѣхавъ Ангару, мы неслись уже прямо къ дому генералъ-губернатора по улицамъ Иркутска. Подгорный вбѣжалъ въ домъ и скоро вернулся съ полицейскимъ чиновникомъ, сказавъ намъ, что губернатора нѣтъ дома (гдѣ-то на вечерѣ), и что насъ приказано везти въ большой острогъ... я подумалъ: стало быть, есть еще и маленькій острогъ. Мы двинулись дальше въ сопровожденіи полицейскаго чиновника. Меня занимала только мысль, какъ бы скорѣе добраться до тепла, хотя бы и въ большемъ острогѣ. Холодъ былъ невыносимый, Подгорный кряхтѣлъ, бѣдные жандармы грѣлись, колотя рука объ руку. Наконецъ, забѣлѣлось большое зданіе съ огромными воротами, которыя какъ бы радушно раскрыли передъ нами свои обѣ половинки, и мы остановились у дворянской половины острога. Тепло, кругомъ нары—и иркутскій большой острогъ намъ показался привѣтливѣе петербургскихъ казематовъ. Мы едва стали располагаться, какъ пришелъ къ намъ какой-то старичокъ въ зеленомъ полинявшемъ сюртучкѣ, плѣшивый, но подбиравшій свои рѣдкіе волоса съ затылка и укрѣпившій ихъ гребнемъ напереди, и рекомендовался намъ, желая выразить, что онъ за особенную честь себѣ считаетъ стеречь такихъ высокихъ гостей, государственныхъ преступниковъ; кончилъ онъ просьбою пожаловать ему денегъ для ранней закупки провизіи для нашего завтрашняго обѣда. Скоро сняли съ насъ цѣпи и дали отдохнуть нашимъ изломаннымъ ногамъ. На другой день посѣтили насъ два сенатора, бывшіе въ то время въ Иркутскѣ, кажется, для ревизіи. Одного изъ нихъ я зналъ въ Варшавѣ: это былъ Безродный, тогда кригсъ-коммиссаръ Константина Павловича. Про него то А. П. Ермоловъ, когда былъ въ главной квартирѣ въ Польшѣ, сказалъ: „Я нашелъ здѣсь все нѣмцевъ и одного русскаго, да и тотъ Безродный“.

Оба ревизующіе сенатора начали свое дѣло въ Сибири какъ будто бы хорошо, разослали объявленіе, что присланы оказать помощь угнетеннымъ, обиженнымъ, приглашали всякаго подавать просьбы, жалобы... Бѣдный народъ думалъ вздохнуть: ничуть не бывало... Сенаторы забрали съ собой кипы просьбъ и увезли ихъ въ Петербургъ, въ полной увѣренности, что сдѣлали свое дѣло; а, между прочимъ, плуты чиновники остались на своихъ мѣстахъ, продолжая грабить и обижать народъ; да къ довершенію всего пересѣкли всѣхъ, подававшихъ какія бы то ни было жалобы или просьбы. Когда мы удостоились посѣщенія этихъ двухъ важныхъ лицъ, то, признаюсь, они показались намъ оба очень странными, удерживаясь

въ разговорѣ обращаться къ намъ прямо и не зная, какъ говорить намъ: вы или ты, и употребляли вопросы въ третьемъ лицѣ. Освобожденные отъ этого посѣщенія, мы, каждый по своему, предались своимъ занятіямъ, а Подгорный сталъ чиститься и приготовляться къ своему представленію губернатору. Онъ былъ молодъ, красивъ собою и добрый малый и, надобно прибавить, во многомъ измѣнился къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ сталъ знаться съ нами. Мы его немного облагородили, и онъ сталъ рѣже драться съ ямщиками и содержателями почтъ, но удержалъ привычку нигдѣ не платить прогоновъ, и это только служило бѣднымъ почтосодержателямъ гарантіей, что на перегонахъ фельдъегерь пожалѣетъ ихъ тройки, и не загонитъ ни одной лошади. Вскорѣ Подгорный вернулся отъ г. губернатора и объявилъ намъ, что по предписанію его отправляется обратно въ С.-Петербургъ съ жандармами, а что насъ поручатъ довезти до мѣста полицейскому чиновнику.

„Неужели намъ вѣкъ свой идти впередъ! Не знаете-ли вы, наконецъ, гдѣ это послѣднее таинственное мѣсто?“ спросили всѣ вдругъ. „Ничего не знаю, господа... Слышалъ, что вы пробудете здѣсь нѣсколько дней, а тамъ поѣдете за море“. Мы догадались, что это значитъ за Байкалъ. При послѣднихъ сборахъ Подгорнаго, намъ стало его жаль. Мы къ нему привыкли, мы его любили, а онъ насъ тѣшилъ по возможности и облегчалъ нашу судьбу. На прощаніе мы его одарили, кто чѣмъ могъ, и я подарилъ ему дюжину батистовыхъ платковъ, уложенныхъ въ моемъ чемоданѣ заботливою невѣсткою моею еще въ Петербургѣ. Къ чему каторжнику имѣть батистовые платки! Они были сложены весьма тщательно и казались такими, какіе употребляютъ только красавицы и дамы высшаго круга. Я подалъ ихъ Подгорному, прося передать ихъ его сестрѣ на память объ насъ и за добрыя чувства ея къ нашему положенію при выѣздѣ нашемъ изъ Петербурга. Жандармовъ мы наградили деньгами и всѣхъ ихъ проводили до саней.

На прощаніе Подгорный мнѣ признался, что радъ вернуться во свояси и свидѣться съ сестрой, но что прежде сего долженъ исполнить еще одно порученіе: а именно, отъ тобольскаго губернатора получить инструкцію: ѣхать въ какую-то деревушку, взять тамъ какого-то крестьянина и закованнымъ доставить его прямо во дворецъ къ кн. Волконскому. Я утѣшалъ его, сколько могъ, сказавъ ему, что это—грустная обязанность, но что если онъ останется такимъ добрымъ человѣкомъ, какимъ былъ съ нами, то Богъ его не оставитъ...

— „Вспомяните, что мнѣ моря этого, что лежитъ впереди васъ, не объѣхать“,—сказалъ онъ грустно и уѣхалъ.

Онъ удержалъ свое пророчество, и черезъ два года былъ у нас въ гостяхъ за Байкаломъ въ читинскомъ острогѣ. Къ намъ

вмѣсто Подгорнаго приставили полицейскаго чиновника, человѣка не молодого уже, отъ котораго несло страшно сивухой. Въ воскресенье намъ предложили посѣтить церковь, что мы съ радостью и исполнили, не молившись въ храмѣ Божьемъ около двухъ лѣтъ. Въ церкви при острогѣ мы стояли въ особенномъ отдѣленіи, за рѣшеткой, отдѣленные отъ прочихъ прихожанъ. Самъ преосвященный служилъ и весьма часто на насъ поглядывалъ, а послѣ обѣдни съ дьякономъ каждому изъ насъ прислалъ по просфорѣ и велѣлъ спросить у насъ, когда прибудетъ М. М. Нарышкинъ, отъ сестры котораго, кн. Голицыной, изъ Москвы, онъ получилъ объ этомъ на дняхъ предувѣдомленіе. Мы просили дьякона передать преосвященному наше душевное спасибо и уваженіе и сказали, что партія, въ которой привезутъ Нарышкина, не замедлитъ прибыть за нами.

На другой день мы въ четырехъ кибиткахъ, въ сопровожденіи провожатаго, отправились въ дальній путь, за Байкалъ. Пушкинъ нашъ совсѣмъ оправился, и мы почти веселые продолжали нашу дорогу... Всю ночь мы ѣхали по берегу Байкала, иногда спускаясь къ самой окраинѣ озера, иногда же поднимаясь на высокій берегъ. Вѣтеръ и холодъ были весьма чувствительны, и только передъ разсвѣтомъ мы добрались до станціи на самомъ берегу Байкала. Мы должны были дожидаться бѣлаго дня, потому что ночью чрезвычайно опасно переправляться черезъ Байкалъ по льду, который даетъ огромныя полыньи и трещины. Съ восходомъ солнца мы любовались чудной картиной: Байкалъ окруженъ горами, покрытыми вѣковымъ лѣсомъ, и казался намъ тогда огромнымъ зеркаломъ въ обширной великолѣпной рамѣ. Воздухъ былъ чистъ и спокоенъ, а солнце весело играло въ немъ... Скоро наши тройки были готовы, и мы съ удивленіемъ узнали, что поѣдемъ по льду на слѣдующую станцію за 60 верстъ. „Подвяжите только ваши шапки, господа, сказалъ намъ ямщикъ: останавливаться нельзя!“ Мы усѣлись, перекрестились и покатили по шлифованному льду... Только ледяные осколки насъ осыпали. Послѣ бѣшеной двухчасовой ѣзды, мы выскочили на другую сторону и очутились на станціи, близь которой стоитъ какой-то монастырь. Вотъ мы и за Байкаломъ, а все не знаемъ, гдѣ мы окончательно остановимся! Провожатый нашъ пьянъ безъ просыпу; обыкновенно, завернувшись въ войлокъ, спитъ сномъ непробуднымъ, а на станціяхъ готовитъ намъ селянки и ухи изъ стерлядей, которыя, кстати сказать, чрезвычайно тутъ дешевы; словомъ, мы скорѣй везли нашего вожатаго, чѣмъ онъ насъ, и даже приглядывали за нимъ, чтобы онъ, пьяный, не вывалился какъ нибудь изъ саней.

За Байкаломъ совершенно другая природа. Мрачные, вѣковые, дѣвственные лѣса покрываютъ землю на необъятныя пространства. Кажется, нога человѣческая не ступала по этимъ тру-

щобамъ. Огромныя рѣки катятъ свои воды, не оживленныя ни одной баркой, лодкой, и тишина рѣдко прерывается. Все окружающее какъ то дико-грандіозно. Я не стану, впрочемъ, описывать Сибири—кто объ ней не писалъ—и разсказываю только то, что относится до насъ, четырехъ путниковъ. Мы, воспользовавшись на одной станціи сознаніемъ пьянаго чиновника, опять приступили съ вопросомъ: куда же насъ везутъ? Вѣдь этакъ можно заѣхать въ Китай!—„Я-то знаю,—вдругъ отвѣтилъ нашъ стражъ: въ подорожной сказано въ Нерчинскъ, а словесно и въ инструкціи приказано явиться въ читинскій острогъ къ коменданту... ну, а дальше ужъ не знаю, что будетъ. Впрочемъ, господа, печь затоплена, пора готовить уху, да выпить, а тамъ заляжемъ опять въ сани и покатимъ дальше“...—„Бывали вы въ этой Читѣ, по крайней мѣрѣ?“—„Нѣтъ еще, я только доѣзжалъ до Байкала!“ Видя, что изъ этого бездушнаго человѣка ничего не вытянешь, мы рѣшили не безпокоить его больше и предоставить ему кулинарное искусство, которымъ онъ поддерживалъ наше существованіе.

Наконецъ, послѣ разныхъ метаморфозъ, то на саняхъ, то на колесахъ, поднимаясь, спускаясь, мы очутились въ прекраснѣйшей обширной равнинѣ, землѣ бурятъ. Часто стали попадаться намъ верховые, съ лукомъ, колчаномъ и стрѣлами у бедра, женщины въ кожаныхъ шароварахъ, верхомъ на быкахъ, многочисленныя стада и юрты этого кочевого народа. Станціи стоятъ одиноко, и лошадей намъ запрягали почти дикихъ. Вскочитъ, бывало, бурятъ на передокъ повозки, спрыгнутъ тѣ, которые удерживали запряженныхъ кое-какъ коней и, со словомъ „гайда!“ пустимся мы безъ дороги, во всю прыть впередъ, съ мыслью, что не сносить намъ нашей головы. Къ довершенію необыкновенной картины надобно вообразить себѣ возничаго нашего бурята, для свободы движеній спустившаго съ плечъ шубу, по поясъ нагого, а всетаки съ колчаномъ и стрѣлами за спиной. По ту сторону Байкала климатъ замѣтно мягче, теплѣе, и лучи солнца уже грѣютъ, за то пустота страшная, осѣдлой жизни ни признака и русскаго поселянина не встрѣтите нигдѣ. За то какъ пріятно мы были удивлены, когда однажды вдругъ увидѣли, верстахъ въ двухъ въ сторонѣ, бѣленькій домикъ съ красной крышей и большими окнами и длиннымъ заборомъ. Кто могъ изъ цивилизованныхъ людей обречь себя на такое добровольное изгнаніе и уединеніе? Мы справились, и намъ объяснили, что это были англичане-миссіонеры. Они переводятъ на бурятскій языкъ евангеліе, завели школу для дѣтей и мало по малу приводятъ въ христіанство это жалкое племя. Невдалекѣ отъ домика, два молодыхъ человѣка, въ европейскомъ костюмѣ, выбѣжали намъ на дорогу и, привѣтливо снявъ свои фуражки, кланялись намъ.

Не доѣзжая еще до этой загадочной для насъ пока Читы, до насъ

стали доходить вѣсти о другихъ нашихъ товарищахъ. Стали намъ разсказывать, что многіе изъ нихъ живутъ уже въ острогѣ, который временно состоитъ изъ нѣсколькихъ избъ или срубовъ, въ которыхъ продѣланы окна съ рѣшетками, а по угламъ, съ наружной стороны, стоятъ инвалидные часовые. Говорили, что наши ходятъ уже на работы... и это все ожидаетъ и насъ на краю нашего длиннаго, утомительнаго путешествія. За одинъ переѣздъ до Читы, мы ночевали на станціи, чтобы торжественнѣе, утромъ, узрѣть мѣсто нашего вѣчнаго заключенія. Грустно провели мы вечеръ, дурно провалялись ночь и утромъ мчались на послѣднюю станцію. Еще издали увидали мы деревянную съ колокольней церковь, переправились въ бродъ черезъ р. Стрѣлку и, въѣхавши въ улицу, подкатили прямо къ низенькому комендантскому домику. Нашъ пьяный провожатый, надѣвъ свою шпаженку, пошелъ докладывать о прибытіи новаго, свѣжаго транспорта, а мы остались въ повозкахъ. Судьбѣ угодно было устроить такъ, что товарищи наши въ это же время, въ желѣзахъ, окруженные цѣпью часовыхъ, шли съ работы со всевозможными орудіями... и не могли, узнавши насъ, выйти изъ рядовъ, а удовольствовались только киваніемъ головы и другими знаками привѣтствія... Тутъ же выбѣжалъ изъ комендантскаго дома какой-то инвалидный офицеръ и велѣлъ намъ слѣдовать за собой въ острогъ. Ворота настежъ— и мы въ чертѣ нашего заключенія. Первый, кого я тамъ встрѣтилъ, былъ Никита Муравьевъ. Легко себѣ вообразить, какъ радостно мы были встрѣчены, расцѣлованы, обнимаемы,—описывать этого я не берусь...

Читинскій острогъ, какъ я уже сказалъ, построенъ былъ временно и состоялъ изъ двухъ половинъ, въ которыхъ мы всѣ и помѣщались. Помню, что было очень тѣсно, и мы лежали одинъ возлѣ другого. Обѣдъ намъ готовили внѣ острога, и поваръ былъ нанятъ изъ ссыльныхъ же. Обѣдъ приносился намъ на носилкахъ, очень грязныхъ, на которыхъ, вѣроятно, выносили навозъ когда то, и состоялъ обыкновенно изъ щей, каши и куска говядины. Посуду свою или, лучше сказать, деревянныя чашки мы должны были мыть сами, а также ставить наши самовары. На каждой половинѣ, то есть внутри, стояло по часовому,—что, бывъ уже излишнимъ по предусмотрительности или напрасной осторожности, не мало стѣсняло насъ, и къ тому же вносило въ наше жилище весьма непріятный запахъ... Помѣщенные, какъ сельди въ боченкѣ, мы радовались, однако жъ, мысли, что всѣ будемъ вмѣстѣ, и съ нетерпѣньемъ ожидали остальныхъ товарищей, которые, конечно, не замедлятъ къ намъ присоединиться.

Да позволено мнѣ будетъ теперь сказать нѣсколько словъ о нашемъ почтенномъ комендантѣ, которому съ особеннымъ удовольствіемъ посвящу нѣсколько словъ признательности. Генералъ Ле-

парскій, 70-ти-лѣтній старикъ, польскій уроженецъ. Сорокъ лѣтъ прослужилъ онъ въ русской кавалеріи и въ послѣднее время, передъ назначеніемъ своимъ въ коменданты, командовалъ конносѣверскимъ полкомъ, коего шефомъ считался в. к. Николай Павловичъ. Этому-то обстоятельству Лепарскій обязанъ, что былъ коротко извѣстенъ съ хорошей стороны своему ближайшему начальнику. Государь возымѣлъ благую мысль назначить Лепарскаго комендантомъ нерчинскихъ рудниковъ, гдѣ онъ, впрочемъ, бывалъ только наѣздомъ, а постоянно находился при насъ въ Читѣ. Генералъ былъ человѣкъ образованный, зналъ иностранные языки, между прочимъ, и латинскій, и воспитаніе получилъ въ іезуитскомъ училищѣ. Онъ былъ кротокъ, добръ и благороденъ въ высшей степени, но крѣпко боялся доносчиковъ и шпіоновъ, которыхъ называлъ „шпигонами". Передъ назначеніемъ его въ Нерчинскъ, его потребовали въ Москву, и всѣ товарищи его по службѣ, считая его либераломъ и полагая, что и онъ скомпрометированъ, избѣгали съ нимъ явныхъ сношеній и думали, что больше съ нимъ не увидятся. Но они ошиблись: старикъ былъ принятъ хорошо и поѣхалъ въ Петербургъ получить новое назначеніе и инструкцію насчетъ насъ. Въ Петербургѣ тогда составился особенный комитетъ изъ предсѣдателя Дибича и членовъ: Чернышева, Бенкендорфа и другихъ для обсужденія нашего содержанія, сохраненія нашего здоровья и мѣръ къ огражденію нашей безопасности, т. е. о составленіи штата нашихъ тюремщиковъ. Лепарскій приглашенъ былъ присутствовать при этихъ совѣщаніяхъ. Такъ какъ въ этомъ ареопагѣ всѣ мѣры клонились болѣе къ строгости, лишеніямъ, то Лепарскій осмѣлился однажды выразиться: „Для сохраненія здоровья этихъ людей нуженъ медикъ, нужна аптека, нуженъ священникъ". Тогда Дибичъ грубо ему сказалъ: „Вы приглашены сюда въ комитетъ слушать, а не разсуждать!" Лепарскій тотчасъ же всталъ съ своего мѣста и вышелъ. Тогда безъ него уже было рѣшено все, ему вручили инструкцію и велѣли явиться къ государю. Государь прочелъ ее, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, исправленій и, вручая ее ему обратно, прибавилъ: „Смотри, Лепарскій, будь остороженъ! За малѣйшій безпорядокъ ты мнѣ строго отвѣтишь, и я не посмотрю на твою 40-лѣтнюю службу. Я назначилъ тебѣ хорошее содержаніе (и дѣйствительно — Лепарскій получалъ 22.000 въ годъ, плацъ-маіоръ 6.000, а плацъ-адъютанты по 3.000), которое тебя обезпечитъ въ будущемъ. Инструкціи, кто бы у тебя ни потребовалъ, никому не показывай... Прощай, съ Богомъ!"

Когда Лепарскій вышелъ отъ государя, какъ нарочно, ему попался Дибичъ и тотчасъ же освѣдомился, читалъ ли государь инструкцію и что въ ней перемѣнилъ, и хотѣлъ ее взять у Лепарскаго и просмотрѣть; но генералъ, помня слова государя и

желая посердить Дибича, не далъ ее ему, не смотря на то, что тотъ требовалъ ее именемъ начальника штаба.

Странное стеченіе обстоятельствъ (Лепарскій самъ это разсказывалъ)! Будучи поручикомъ, еще въ 91-мъ году, онъ провожалъ въ Сибирь польскихъ конфедератовъ, взятыхъ въ плѣнъ, а теперь ему случилось быть стражемъ, такъ сказать, русскихъ конфедератовъ. Лепарскій принялъ назначеніе тюремщика нашего, но выговорилъ себѣ ограниченіе—наблюдать только за политическими преступниками, и въ особенности брался отвѣчать только за насъ. Ему дали слово, и насъ содержали однихъ. Съ самаго начала, понимая всю несообразность собрать насъ всѣхъ 125 человѣкъ въ Нерчинскъ и смѣшать съ толпой въ 2000 человѣкъ, съ каторжниками (варнаками), онъ рѣшилъ пріѣхать въ Читу, за 700 верстъ ближе Нерчинска, и здѣсь собиралъ насъ по мѣрѣ присылки изъ Петербурга и доносилъ государю и Бенкендорфу, какъ шефу жандармовъ, причину, побудившую его къ такому дѣйствію, до постройки намъ особенной государственной тюрьмы. Въ самомъ дѣлѣ, независимо отъ того, что совокупное содержаніе наше съ отъявленными злодѣями, отягчало бы наше положеніе, Лепарскій весьма справедливо опасался безпорядка между людьми, которымъ жизнь копѣйка и готовыми на всякую выходку. Насъ легко могли обкрадывать, обижать или же сдѣлать un coup de main и освободить.

Итакъ, мы временно поселились въ Читѣ. Казна отпускала намъ по 4 коп. въ день, изъ коихъ вычиталось по 2 коп. на госпиталь. Мы тотчасъ же занялись устройствомъ своей собственной артели изъ денегъ, у многихъ изъ насъ водившихся, и я внесъ своихъ 500 рублей, данныхъ мнѣ моею невѣсткою при моемъ отправленіи изъ Петербурга. Мы избрали изъ среды нашей казначея, просили коменданта освободить его отъ работъ и поручили ему нашу кассу. Въ началѣ нашего заключенія, намъ не дозволяли имѣть ни перьевъ, ни бумаги, ни чернилъ и строго запрещалось писать къ самымъ близкимъ роднымъ; на работу мы выходили, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно около 9-ти часовъ утра, и она продолжалась по два часа утромъ и два часа вечеромъ. Придутъ, бывало, за нами человѣкъ 10 инвалидовъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, съ тачками и лопатами и всевозможными инструментами, и мы, въ желѣзахъ, потянемся на указанное мѣсто... Правду сказать, работы наши не были очень обременительны, и мы, запасавшись книгами, проводили большую часть времени въ чтеніи и даже въ разговорахъ, иногда очень интересныхъ и назидательныхъ, такъ какъ между нами были люди очень образованные, начитанные. И это продолжалось обыкновенно до удара колокола съ дома Лепарскаго и до магическаго слова „шабашъ“. А между тѣмъ, это однообразіе крѣпко надоѣдало, и мы съ нетерпѣніемъ ждали субботняго дня.

Къ тому же, вопреки коренному закону, существовавшему въ Сибири, объ освобожденіи всякаго „ссыльнаго дворянина“ отъ желѣзъ, мы одни, не совершивъ никакого новаго преступленія, были изъяты изъ этого правила и только освободились отъ нихъ послѣ двухъ лѣтъ...

Мало по малу, общество наше увеличивалось новыми транспортами изъ мрачнаго Шлиссельбурга, и Лепарскій навѣщалъ насъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Всегда ласковый, учтивый, онъ ходилъ, бывало, по нашей тюрьмѣ въ сопровожденіи дежурнаго офицера и былъ такъ деликатенъ, что ежели говорилъ съ нами, то высылалъ его вонъ. Эти же дежурные офицеры ежедневно осматривали замки нашихъ цѣпей, и мы до того привыкли къ этому унизительному акту, что, бывало, играешь въ шахматы и при появленіи подобнаго аргуса, не прерывая своего занятія, только протянешь ему свою ногу... Нѣкоторыя жены моихъ товарищей стали также прибывать въ добровольную ссылку... Съ благоговѣніемъ и глубокимъ уваженіемъ вспоминаю я имена ихъ. Достойныя женщины исполняли долгъ супружеской вѣрности съ героическимъ самоотверженіемъ. Большею частью молодыя, красивыя, свѣтскія, онѣ отказались добровольно отъ обаянія свѣта, отъ отцевъ, матерей, и пришли за тысячи верстъ влачить свои дни въ снѣгахъ Сибири, на груди своихъ злополучныхъ мужей. Въ началѣ, въ Петербургѣ, многимъ изъ нихъ дѣлали большія затрудненія къ осуществленію ихъ благихъ намѣреній, но, наконецъ, правительство, видя ихъ непреклонную волю, дозволило имъ эту добровольную ссылку; но съ какими тяжкими условіями... Сначала ихъ оскорбили предложеніемъ выходить замужъ отъ живыхъ мужей, потомъ не позволили имъ взять съ собой дѣтей, рожденныхъ до ссылки мужей, въ Сибирь. Воспретили возвратъ въ Россію дѣтей, могущихъ родиться у нихъ въ Сибири, не дозволили имъ взять съ собой своей прислуги и, наконецъ, обязали ихъ отвѣтственностью за поступки мужей въ будущемъ.

Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева и внучка Захара Григорьевича (но не изъ Чернышевыхъ, недавно пожалованныхъ въ графы за нашу казнь), при прочтеніи ей условій передъ отправленіемъ ея за мужемъ въ Сибирь, дозволила чиновнику дочитать только до параграфа, гласившаго о дѣтяхъ, вырвала перо, подписала условіе со словами: „Довольно. Я ѣду“! Великая черта! Сильна была твоя любовь, достойная женщина, къ твоему мужу!

Положеніе Екатерины Ивановны Трубецкой было самое щекотливое. Она изъ дому Лаваль и приходилась племянницей княгинѣ Бѣлосельской. Она сама мнѣ разсказывала, что когда А. И. Чернышевъ искалъ руки кузины Бѣлосельской, то становился передъ Екатериной Ивановной на колѣни, цѣловалъ ея руки и

просилъ ея ходатайства и согласія на бракъ съ нимъ. Екатерина Ивановна во многомъ ему помогала, а въ благодарность Чернышевъ во время нашего дѣла не узнавалъ свою благодѣтельницу и даже отворачивался отъ нея, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ на Свѣтлый праздникъ въ домашней церкви Бѣлосельской, когда онъ обошелъ ее при христосованіи. Кузина Трубецкой вскорѣ умерла отъ родовъ,—и только ранняя смерть избавила ее отъ сообщества такого человѣка, какимъ оказался Чернышевъ. Екатерина Ивановна Трубецкая первая послѣдовала за своимъ мужемъ и зимою въ кибиткѣ выѣхала изъ Петербурга. Она была 15 лѣтъ замужемъ и тогда еще не имѣла дѣтей.

Княгиня Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская, дочь знаменитаго, храбрѣйшаго героя 12-го года, защитника Смоленска, разсталась съ своимъ единственнымъ ребенкомъ, оставивъ его на попеченіе бабки, старухи Волконской, матери Сергѣя Григорьевича Волконскаго, и также вскорѣ послѣдовала за мужемъ.

Елизавета Петровна Нарышкина, дочь Петра Петровича Коновницына, была фрейлиной при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и только годъ замужемъ. Узнавъ объ участи мужа, она тотчасъ же, какъ милости, просила письмомъ у императрицы, своей благодѣтельницы, позволенія слѣдовать за своимъ мужемъ, получила его и несла крестъ свой до конца.

Александра Ивановна Давыдова, супруга Василія Львовича Давыдова, женщина, отличавшаяся большимъ умомъ и ангельскимъ сердцемъ, проживала въ своей деревнѣ Каменкѣ, гдѣ и А. С. Пушкинъ проводилъ свои дни когда-то въ изгнаніи и умѣлъ уважать и питать нѣжнѣйшую привязанность ко всему этому семейству. Многіе изъ своихъ повѣстей Пушкинъ, подъ именемъ Бѣлкина, написалъ въ Каменкѣ. Василій Львовичъ во время своего арестованія былъ полковникомъ въ отставкѣ. Жена его послѣ сентенціи оставила пріютъ, гдѣ счастливо провела свою юность, оставила своихъ родителей и родныхъ, и даже дѣтей своихъ, и послѣдовала за мужемъ. Давыдовъ скончался на поселеніи въ Красноярскѣ.

Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ, урожденная Апухтина, одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ своего времени. Въ ея голубыхъ глазахъ отсвѣчивалось столько духовной жизни, что человѣкъ съ нечистою совѣстью не могъ смотрѣть прямо въ эти глаза... Въ нѣжныхъ лѣтахъ еще она, зимой, босикомъ, покинула родительскій домъ, чтобы посвятить себя служенію Богу и хотѣла постричься въ монахини, но Предвѣчному угодно было указать ей иной путь спасенія вѣчнаго. Она вышла замужъ за генерала фонъ-Визина и съ нимъ уѣхала въ Сибирь дѣлить труды и ссылку его, оставивъ въ Россіи двухъ сыновей. Въ то время у А. П. Ермолова было два адъютанта: фонъ-Визинъ и Граббе. Послѣдній былъ потомъ генералъ-адъютантомъ и пользовался отличной

репутаціей, а перваго, когда возвратили изъ Сибири, послѣ 20-ти лѣтней ссылки, Ермоловъ тотчасъ же посѣтилъ въ Москвѣ. Подобное вниманіе достаточно характеризуетъ личность фонъ-Визина.

Госпожа Анненкова — француженка изъ Парижа. Вотъ ея исторія. Молодой, красивый Анненковъ, служа въ кавалергардахъ, встрѣтился съ ней и познакомился въ Москвѣ. Влюбившись въ нее по уши, какъ говорится, Анненковъ хотѣлъ жениться на ней, но мать его, изъ московской щепетильности и дворянской гордости, воспротивилась этому браку, и молодые люди скрытно любили другъ друга. Во время заключенія молодого Анненкова, его возлюбленная не могла съ нимъ видѣться, не имѣвъ на то законныхъ правъ, и страдала невыносимо, влача свою жизнь почти въ нищетѣ. Наконецъ, она узнаетъ, что Анненкова увезли. Чот дѣлать? Къ кому обратиться? Государь уѣзжалъ тогда въ Новгородъ. Не долго думая, любящая француженка на дорогѣ останавливаетъ государя и проситъ его позволенія слѣдовать за г. Анненковымъ. „Vous êtes sa femme"? спросилъ государь. „Sire"! произнесла бѣдная женщина въ замѣшательствѣ: „je suis mère"! Государь немного подумалъ и приказалъ ей явиться къ нему въ Новгородъ, что бѣдная женщина и исполнила. Временный дворецъ былъ окруженъ любопытной толпой и, когда она хотѣла войти уже на крыльцо, жандармы не пустили ее; но вышедшій кстати Лобановъ-Ростовскій, узнавъ въ чемъ дѣло, вывелъ ее изъ затрудненія и, предложивъ свою руку, ввелъ къ государю въ кабинетъ. Тамъ монархъ, встрѣтя ее ласково, вручилъ ей бумагу со словами: „Madame! Voilà l'odre au commandant de vous laisser rejoindre Annenkoff"! Милость государя дала возможность несчастной иностранкѣ достичь своей благородной цѣли. По пріѣздѣ въ Сибирь, она была обвѣнчана съ Анненковымъ, и комендантъ былъ ея посаженнымъ отцомъ, по волѣ государя.

Анна Васильевна баронесса Розенъ, урожденная Малиновская, оставила также малолѣтняго своего сына на попеченіе своей сестры и послѣдовала за мужемъ въ Сибирь. Не имѣя большихъ средствъ, какимъ лишеніямъ ни подвергалась эта бѣдная женщина! Путешествіе свое въ 6000 верстъ совершила она безъ прислуги, на перекладныхъ, и достигла своей цѣли. Въ Сибири она родила четырехъ мальчиковъ, сама ихъ выкормила и, поставивъ на ноги, сама же дала имъ воспитаніе и образованіе, умственное и душевное. Сдѣлавшись отличными артиллерійскими офицерами, синовья ея доказали, что попеченіе достойной матери ихъ не пропало даромъ.

Наконецъ, пріѣхала къ намъ хорошенькая и молоденькая невѣста, и вотъ какъ это случилось. Генералъ Ивашевъ имѣлъ сына въ кавалергардскомъ полку. Молодой человѣкъ вскорѣ перешелъ во 2-ую армію, адъютантомъ къ графу Витгенштейну. Получивъ блестящее свѣтское образованіе, пользуясь огромнымъ

состояніемъ своего отца, надѣленный отъ природы прекрасной наружностью и талантомъ къ музыкѣ, уроки которой бралъ у знаменитаго Фильда, молодой Ивашевъ могъ бы надѣяться на счастливую будущность, но молодость увлекла его, и онъ сдѣлался членомъ Южнаго Общества, былъ взятъ и сосланъ на 15 лѣтъ въ каторжную работу... Имѣніе отца его находилось въ Нижегородской губерніи, на берегу прекрасной Волги, окруженное обширными садами и всѣми затѣями барства. Семейство Ивашевыхъ проводило однажды лѣто въ деревнѣ, и юный Ивашевъ воспользовался отпускомъ, чтобы въ кругу родныхъ насладиться деревенскою жизнью. Въ домѣ ихъ жила старая гувернантка сестеръ Ивашева, m-me Dantu, съ своей прехорошенькой 18-ти-лѣтней племянницей; немудрено, что молодые люди сошлись, полюбили другъ друга, и Ивашевъ ухаживалъ не на шутку за подругой своихъ сестеръ. M-lle Dantu обладала великолѣпной каштановой косой, и Ивашевъ однажды, подкравшись во время туалета молодой барышни, обрѣзалъ клокъ волосъ на память. Но отецъ его, замѣчая сближеніе юныхъ сердецъ, позвалъ къ себѣ сына и строго выговаривалъ ему, представляя какъ неблаговидно, нечестно играть репутаціей женщины, когда не имѣешь намѣренія и возможности жениться на ней. Онъ раскрылъ передъ Ивашевымъ грустную будущность дѣвушки, которая можетъ пасть, надѣясь на бракъ съ нимъ; тогда какъ брака этого старикъ никакъ не позволитъ, приготовивъ сыну другую, болѣе приличную и выгодную партію. Но подобныя слова мало дѣйствуютъ на влюбленныхъ, ослѣпленныхъ страстью. Искра была брошена, и пожаръ уже охватывалъ обоихъ... Чтобъ разомъ прекратить все это, старикъ приказалъ сыну возвратиться къ мѣсту служенія въ Тульчинъ... Наступилъ 25-й годъ, молодой Ивашевъ былъ взятъ, отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость. Легко себѣ представить отчаяніе цѣлаго семейства и въ особенности затаенную изъ приличія скорбь молодой m-lle Dantu. Нѣжное здоровье ея не выдержало этого потрясенія, и она слегла въ постель. Доктора отчаявались за ея жизнь, не понимая вполнѣ душевной болѣзни дѣвушки, противъ которой нѣтъ лѣкарствъ ни въ какой аптекѣ. Старуха Dantu, наконецъ, вынудила признаніе у своей племянницы. Признаваясь въ своей привязанности къ молодому Ивашеву, m-lle Dantu просила позволенія раздѣлить съ нимъ его ссылку...

Столь трогательная привязанность дѣвушки смягчила, наконецъ, и старика Ивашева, который радъ былъ въ этихъ обстоятельствахъ, что находится на свѣтѣ существо, могущее утѣшить въ ссылкѣ его любимаго сына. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ и, павъ къ ногамъ государя, просилъ дозволенія на бракъ сосланнаго сына. Послали спросить согласія молодого Ивашева. Я помню живо тотъ день, когда комендантъ потребовалъ къ себѣ Ивашева

для объясненій. Мы всѣ принимали живое участіе въ судьбѣ нашего товарища. Когда-то бракъ этотъ совершится? Вѣдь насъ раздѣляетъ 6000 верстъ со всѣмъ образованнымъ міромъ. Но и въ острогѣ время имѣетъ свой полетъ. Полгода прошло послѣ этого. Въ одинъ ясный день мы были всѣ на работѣ, какъ къ толпѣ нашей прискакали два нарочно посланные крестьянина съ увѣдомленіемъ къ М. Н. Волконской, что на послѣднюю станцію прибыла m-lle Dantu въ каретѣ. Лепарскій дозволилъ Ивашеву дождаться ея прибытія у Волконской, а мы занялись приведеніемъ въ порядокъ наружности нашего молодого товарища-жениха. Кое какъ повычистили его черный сюртучекъ, напомадили его голову, расцѣловали и отправили. Мы видѣли, какъ къ дому подъѣхала карета, какъ изъ нея вышла стройная женщина и побѣжала и повисла на шеѣ своего возлюбленнаго, безъ цѣпей, которыя Лепарскій велѣлъ снять для торжественнаго случая. Безъ чувствъ внесли ее въ домъ, но радость и восторгъ смертельны не бываютъ. Скоро m-lle Dantu пришла въ себя и была обвѣнчана въ церкви. Лепарскій, въ лентѣ, былъ по высочайшей волѣ ихъ посаженнымъ отцемъ, а двое друзей ссыльнаго шаферами. У Волконской былъ ужинъ, гдѣ всѣ наши дамы радушно приняли въ свой кругъ новую чету счастливыхъ молодыхъ.

Госпожу Янтальцеву, не имѣвшую денежныхъ средствъ, чтобы слѣдовать за мужемъ, пригласила съ собой Елизавета Петровна Нарышкина, и онѣ пріѣхали въ Сибирь вмѣстѣ. Полковникъ Янтальцевъ былъ командиромъ легко-конной батарреи во 2-й арміи и Пестелемъ былъ принятъ въ члены Южнаго Общества. Онъ умеръ на поселеніи въ Ялуторовскѣ. Однажды съ нимъ случился презабавный анекдотъ, который кстати здѣсь и помѣщу. Когда-то, у какого-то сибирскаго губернатора были три старыхъ пушченки, изъ которыхъ стрѣляли въ торжественные дни при тостахъ. Негодные лафеты ихъ достались какимъ-то способомъ старой бабѣ, которая и вывезла ихъ на базаръ для продажи. Янтальцевъ, имѣя надобность въ желѣзѣ для оковки своей повозки и зная, какъ старый артиллеристъ, всю цѣну, какую можно изъ стараго желѣза извлечь, купилъ эти лафеты и привезъ къ себѣ домой. Такъ какъ доносы въ царствованіе императора Николая распространялись по всей Россіи и каждый, отовсюду, могъ писать въ третье отдѣленіе все, что ему вздумается, то и на Янтальцева донесли, что онъ завелся тремя пушками и намѣренъ стрѣлять ядрами въ проѣздъ наслѣдника по Сибири. Третье отдѣленіе повѣрило этой клеветѣ. Нарядили секретное слѣдствіе, ночью окружили жилище бѣднаго сосланнаго; полиціймейстеръ съ солдатами вошли въ домъ, перепугали жену Янтальцева и допытывались, гдѣ ядра и пушки, предназначенныя для такого важнаго дѣла. Наконецъ, убѣдились, что изъ старыхъ лафетовъ стрѣлять нельзя и что вся эта исторія есть чистая выдумка, и Дубельтъ успокоился.

Описывая нашихъ дамъ, я кончу тѣмъ, что въ продолженіе всей нашей ссылки онѣ постоянно были нашими ангелами хранителями и первое время, когда намъ не дозволялось писать самимъ, раздѣливъ насъ между собой, занялись нашей корреспонденціей, увѣдомляли ежемѣсячно дорогихъ нашему сердцу въ Россіи. Мало по малу, онѣ купили себѣ дома, пообзавелись хозяйствомъ, и составилась близь острога маленькая, единодушная колонія. Расточительностью своею, на утѣшеніе своихъ мужей, онѣ обогатили весь Читинскій округъ, и мы, вѣроятно, во все время нашей ссылки оставили тамъ вмѣстѣ съ штабомъ Лепарскаго болѣе полутора милліона рублей. Артели наши, пользуясь общей добровольной складчиной, имѣли всегда въ запасѣ до 12 тысячъ рублей. Независимо отъ этого, мы положили откладывать извѣстную сумму на предметъ первоначальной помощи въ 1000 рублей каждому изъ насъ, окончившему терминъ своей каторги и ссылаемому на поселеніе. Въ Читѣ построились лавки, изъ Иркутска наѣхали купцы, и окружные жители, до насъ бѣдные, обогатились, привозя разнаго рода припасы за 200 верстъ, убѣжденные, что все будетъ раскуплено. Зимою наши благодѣтельницы присылали намъ въ острогъ цѣлыя кастрюли шеколаду.

Между нами были отличные музыканты, какъ-то: Ивашевъ, Юшневскій, Витковскій, оба брата Крюковы; они въ совершенствѣ владѣли разными инструментами. Явились вскорѣ рояли, скрипки, віолончели, составились оркестры, а одинъ изъ товарищей, Свистуновъ *), зная отлично вокальную музыку, составилъ изъ насъ превосходный хоръ и дирижировалъ имъ. Бывало, народъ обступитъ частоколъ нашей тюрьмы и слушаетъ со вниманіемъ гимны и церковное пѣніе. Строгія правила инструкціи мало по малу забывались, да и невозможно было за всѣмъ услѣдить. Напримѣръ, у насъ отобрали серебряныя ложки и хранили ихъ у коменданта, а изъ Петербурга намъ прислали столовые приборы изъ слоновой кости, гораздо цѣннѣе самаго серебра. Одна ложка и теперь хранится у меня для памяти. Устроивъ мало по малу свое матеріальное довольство, мы не забыли и умственнаго. Стоило появиться въ печати какой нибудь примѣчательной книгѣ, и феи наши уже имѣли ее у себя для насъ. Газеты, журналы выписывались многими, а Никита Муравьевъ даже перевезъ въ Сибирь всю богатую библіотеку своего отца для общаго употребленія. Между нами устроилась академія и условіемъ ея было: все написанное нашими читать въ собраніи для обсужденія. Такъ, при открытіи нашей каторжной академіи, Николай Бестужевъ, братъ Марлинскаго, прочиталъ намъ исторію русскаго флота; братъ его Михаилъ прочелъ двѣ повѣсти. Торсонъ — плаваніе свое вокругъ

*) Свистуновъ былъ поручикомъ конногвардейскаго полка, ремонтеромъ и былъ взятъ.

свѣта и систему нашихъ финансовъ, опровергая запретительную систему Канкрина и доказывая ея гибельное вліяніе на Россію. Розенъ въ одно изъ засѣданій прочелъ намъ переводъ „Stunden den Andacht“ (часы молитвы). Александръ Одоевскій, славный нашъ поэтъ, прочиталъ стихи, посвященные Никитѣ Муравьву, какъ президенту Сѣвернаго Общества. Онъ читалъ отлично и растрогалъ насъ до слезъ. Дамы наши прислали ему вѣнокъ. Корниловичъ прочелъ намъ разысканіе о русской старинѣ; Бобрищевъ-Пушкинъ тѣшилъ насъ своими прекрасными баснями, изъ которыхъ одна хранится у меня и теперь.

Въ числѣ насъ находился бывшій надворный совѣтникъ Вольфъ, медикъ главнокомандующаго Витгенштейна. Казалось бы, для чего Пестелю принимать доктора въ члены Общества! Но судьба готовила въ немъ нашего общаго спасителя. Сосланный съ нами на 15 лѣтъ въ Сибирь, почтенный ученый докторъ, другъ Шлегеля, пользовалъ нашихъ дамъ, дѣтей и насъ самихъ. Съ самаго нашего прибытія, онъ занялся устройствомъ аптеки, которую и организовалъ въ одномъ пустомъ отдѣленіи острога. Выписали лѣкарства изъ Москвы, Петербурга, Лондона и Парижа. Игельстромъ, бывшій капитанъ саперовъ, добровольно принялъ на себя должность помощника (Geselle). Вольфъ получилъ позволеніе выходить съ часовымъ изъ острога, и бѣдный провожатый этотъ не успѣвалъ, бывало, слѣдовать за своимъ плѣнникомъ въ желѣзахъ, которыя не стѣсняли его для добрыхъ дѣлъ. Однажды старикъ Лепарскій смертельно занемогъ. Что дѣлать? Вольфа пригласить не приходится, а на молодого врача при инвалидной командѣ, боявшагося и приступить къ такому важному больному, плохая надежда. Лепарскому дѣлалось хуже и хуже, и наши дамы упрашивали его довѣриться Вольфу. Дѣлать нечего, 70-ти-лѣтнему старику жить хотѣлось, послали за Вольфомъ. Осмотрѣвъ больного, докторъ нашелъ, что Лепарскій опасно боленъ и на вопросъ генерала: „можетъ ли онъ взяться за его лѣченіе“? Вольфъ отвѣтилъ утвердительно, но предупредилъ, что онъ лишенъ права лѣчить оффиціально, что рецептовъ его не примутъ ни въ одной аптекѣ и что, главное, въ случаѣ смерти коменданта, иркутская управа обвинитъ его, и предложилъ велѣть госпитальному доктору прописывать лѣкарства подъ его диктовку. На этомъ рѣшили. Вольфъ пользовалъ Лепарскаго и вскорѣ вылѣчилъ. Въ знакъ благодарности, комендантъ особенно рекомендовалъ доктора графу Бенкендорфу, и вскорѣ изъ Петербурга пришло повелѣніе съ собственноручною подписью государя: „Талантъ и знаніе не отнимаются: предписать иркутской управѣ, чтобы всѣ рецепты доктора Вольфа принимались, и дозволить ему лѣчить“!

Н. И. Лореръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Есть городъ далекій... На югѣ, гдѣ море
У ногъ его свѣтлой равниной лежитъ,
На скалахъ онъ спитъ, на воздушномъ просторѣ,
И весь виноградной лозою обвитъ.
И стелется въ безднѣ надъ моремъ открытымъ,
Гдѣ око хватаетъ, туманная даль,
И волны уходятъ, и, зноемъ разлитымъ
Нагрѣтое, море сверкаетъ, какъ сталь...
На падшія груды прибрежныхъ обваловъ,
Блестя изумрудами, скачетъ волна,
И будто кровавыя стѣны коралловъ
Лазурью своей обметаетъ она.

Здѣсь дремлется въ полдень. Прозрачныя тѣни
Надъ бездной повисли сребристой грядой,
И солнце пылаетъ, и думы отъ лѣни
Уснули, какъ тѣ облака надъ водой.
За чайкой слѣдятъ утомленные взоры;
Вонъ—дымъ парохода родился... пропалъ...
И снова лежитъ неподвижное море
У ногъ нерушимыхъ задумчивыхъ скалъ.

О, южное солнце! О, городъ волшебный
Далекой, и свѣтлой, и знойной страны,
Гдѣ берегъ смываютъ жемчужные гребни
Не молкнущей вѣчно лазурной волны!—
Когда надъ землею, одѣтой снѣгами,
Рыдали мятели, я васъ призывалъ—
И видѣлъ я край, залитой весь лучами,
Гдѣ дымъ парохода вдали исчезалъ...
И юношу видѣлъ: онъ взоромъ угрюмымъ
Въ мечтахъ за свободною чайкой слѣдилъ
И грезилъ страною, гдѣ съ ревомъ и шумомъ
Буранъ его пѣсней тоскливой будилъ...

Ѳ. Вербицкій.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника.)

IV.

Бытъ эмигрантовъ на кораблѣ сцены.—Океанъ.—Корабельная гигіена.—Безпорядки.—Современные пираты.—Прививка оспы на кораблѣ.

Еще сравнительно недавно, какихъ-нибудь лѣтъ тридцать-тридцать пять назадъ, на дерзавшаго пускаться въ переѣздъ черезъ океанъ, рискуя на трехнедѣльное пребываніе межъ небомъ и водою,—смотрѣли, почти какъ на героя.

Не то теперь: статистика давно уже показала, что крушенія, вызванныя бурями, т. е. гибель кораблей, выброшенныхъ на скалы и мели,—рѣже, чѣмъ случаи столкновеній въ открытомъ морѣ, а гибель судовъ отъ волнъ вдали отъ береговъ—уже совсѣмъ рѣдкость и, во всякомъ случаѣ, не чаще, нежели несчастія, напр., отъ молній на сушѣ. Такимъ образомъ, изъ привычки и опыта выростаетъ и крѣпнетъ довѣріе къ морю: въ наши дни прежніе страхи передъ нимъ, если и не исчезли совсѣмъ, то остались достояніемъ обитателей глубины континентовъ, да и то самыхъ захолустныхъ.

Какъ бы въ подтвержденіе этого довѣрія, пассажиры „Статтендама", какъ только поунялась острая вспышка тоски по оставляемой родинѣ, часамъ къ 10 вечера уже залегли во всѣ свободныя койки межпалубнаго отдѣленія, ничѣмъ не выражая безпокойства предъ непостоянствомъ капризной стихіи.

„Плотно залегли"—это самое подходящее выраженіе: представьте себѣ по стѣнамъ каютъ два яруса деревянныхъ наръ, раздѣленныхъ на отдѣльныя, въ видѣ ящиковъ, ложа, снабженныя жесткими соломенными матрацами (безъ простынь) съ такими же подушками. Ложа эти, разграниченныя досчатыми барьерами, дюйма на два возвышающимися надъ матрацами, и обращенныя изголовьемъ къ стѣнкѣ каюты,—шириной не больше аршина, а пространство надъ ними едва позволяетъ сидѣть, пригнувъ голову, да и то — невысокому человѣку. Чтобы найти

отдыхъ и покой на этакомъ ложѣ, необходимо лежать, выпрямившись, на боку же человѣкъ уподобляется геометрическому тѣлу, вращающемуся при качкѣ вокругъ своей оси. И въ тихую погоду такая вынужденная гимнастика крайне непріятна и затруднительна; въ бурю же, когда нужны большія усилія, чтобы улежать въ такой койкѣ,—пока не свыкнешься, это настоящая пытка.

Проворочавшись съ боку на бокъ часа два, я рѣшилъ выбраться изъ этихъ душныхъ тѣснинъ и перейти на палубу, хотя и зналъ, что тамъ теперь пусто, а главное—ничего оттуда не увидишь: стемнѣло, еще когда мы подходили къ устью Роттердамскаго морского канала, а за низкимъ уровнемъ береговъ, на разстояніи какого нибудь часа пути, здѣсь исчезаютъ, кромѣ маячныхъ, всѣ береговые огни, такъ привѣтливо мигающіе вамъ въ темную ночь..

Вдругъ нашъ гигантъ дрогнулъ разъ, другой, потомъ задрожалъ мелкой частой дрожью, какъ въ лихорадкѣ... За бортомъ шумно зашлепали волны. Пока я успѣлъ догадаться, въ чемъ дѣло, и, наскоро одѣвшись, направиться къ единственной деревянной, не шире двухъ аршинъ, съ веревочными перилами, лѣстницѣ на палубу,—надъ головой загудѣлъ частый топотъ ногъ: въ межпалубное отдѣленіе, очевидно, валила новая довольно значительная струя пассажировъ. Первые же возгласы, раздавшіеся еще съ лѣстницы, показали, что въ ней есть уже новые, оригинальные элементы.

— Но вѣдь это настоящій хлѣвъ!—громко негодовалъ одинъ, очевидно, продолжая раньше начатый разговоръ.

— Я думаю, въ тюрьмѣ теперь свѣтлѣе,—возмущался другой.

— Неужели спать придется въ этихъ ящикахъ?—недоумѣвалъ третій.

Во всемъ этомъ звучалъ свободный языкъ и смѣлый тонъ жизнерадостной, культурной Франціи. Я инстинктивно направился въ сторону, откуда слышались голоса.

— Сюда, сюда! Сюда проходите!—закричалъ стюартъ, усердно возившійся, съ карманнымъ фонаремъ въ рукахъ, надъ чѣмъ-то въ самомъ темномъ углу зала.

На секунду остановившаяся толпа опять всколыхнулась, задвигалась, наталкиваясь въ полутьмѣ на скамьи и разсыпая по пути дождь разноязычныхъ возгласовъ неудовольствія. Тѣмъ временемъ стюартъ успѣлъ раздвинуть дверь въ каюту, вродѣ нашей, только немного, какъ будто, поопрятнѣе, скрывавшуюся позади поперечной стѣны общаго зала. Въ противоположномъ углу, направо, почти подъ самой лѣстницей, открыли еще одну небольшую каюту, предназначенную для женщинъ и дѣтей.

Теперь, наконецъ, объяснилось, почему 28 человѣкъ нашихъ товарищей оставлены были въ Роттердамѣ до слѣдующаго рейса:

на пароходахъ „Общества“, оказывается, по два отдѣленія для межпалубныхъ: одно въ носовой, другое въ кормовой части судна *). Разсчитаны эти отдѣленія, смотря по величинѣ парохода, на 600—750 человѣкъ каждое. Весною и лѣтомъ легко набирается для нихъ соотвѣтственное количество пассажировъ къ каждому рейсу; осенью же и зимой пассажировъ на оба помѣщенія не хватаетъ, и за наполненіемъ одного остается излишекъ. Вотъ, вмѣсто того, чтобы отводить такому излишку одну изъ каютъ второго помѣщенія, „Общество“, безъ дальнѣйшихъ околичностей, оставляетъ его на континентѣ до слѣдующаго рейса, точно товарный грузъ малой скорости, который можетъ и обождать. Общество же съэкономитъ при этомъ на прислугѣ, отопленіи и освѣщеніи...

Новая струя пассажировъ настигла насъ въ морѣ, на маленькомъ пароходѣ, близь небольшого порта Булонь-сюръ-Меръ, на сѣверномъ берегу Франціи **). Состояла она преимущественно изъ французовъ-провансальцевъ, итальянцевъ, швейцарцевъ, испанцевъ и нѣсколькихъ алжирцевъ, очевидно, метисовъ: ихъ выдавала смуглая, оливковаго цвѣта кожа, миндалевидные, красивые, даже у старухъ, глаза. Француженокъ въ партіи этой было сравнительно мало—прекрасный полъ среди эмигрантовъ изъ этой страны къ осени, обыкновенно, сильно убываетъ; гораздо больше на „Статтендамѣ“ было нѣмокъ. Этихъ послѣднихъ (не смотря на то, что Германія обладаетъ двумя такими крупными отправными пунктами, какъ Бременъ и Гамбургъ) можно встрѣтить даже на пароходахъ, отходящихъ въ Новый Свѣтъ изъ Гавра, — грозный и, во всякомъ случаѣ, многознаменательный симптомъ внутренняго состоянія страны.

Не менѣе характернымъ являлось сравнительно очень незначительное число итальянокъ. Кажется, причина этого обстоятельства—крайняя бѣдность, особенно въ нѣкоторыхъ южныхъ округахъ полуострова и Сициліи. Достаточно было повнимательнѣе приглядѣться къ прибывшимъ на бортѣ „Статтендама“ сынамъ „Авзоніи счастливой“, чтобы убѣдиться, что такимъ истощеннымъ, пасмурно-сѣрымъ и старообразнымъ бѣднякамъ впору хоть бы самимъ вырваться изъ дружескихъ объятій нужды,—куда имъ тащить за собою женщинъ!

А бѣдны они были просто до художественной типичности: выцвѣтшіе до неузнаваемости первоначальной окраски камзолы; куртки съ цѣлымъ наслоеніемъ разнообразнѣйшихъ заплатъ; гру-

*) Дѣловая практичность голландцевъ сказалась и въ этомъ: вѣдь у кормы, гдѣ помѣщаютъ у насъ I классъ, всегда сильнѣе качаетъ, чѣмъ у середины судна, отводимой маловыгоднымъ пассажирамъ III класса; голландцы поступаютъ какъ разъ наоборотъ.

**) Одинъ изъ отправныхъ пунктовъ для юга и запада Европы и сѣвернаго побережья Африки.

бѣйшія, цвѣта кукурузной муки, полотняныя сорочки; неопредѣленной формы, въ родѣ сандалій, обувь съ загнутыми кверху носками; мелкія, узкополыя шляпы на небрежно остриженныхъ крупнаго склада головахъ, — все это, какъ говорится, просилось на картину. У многихъ за тусклою лентой на шляпѣ — какіе-то щитки или медальоны, — я такъ и не разглядѣлъ, что именно: образокъ Мадонны или горельефная фигурка патронирующаго святого, или просто амулеты...

Мужчины, неуклюже-широко ступая на странно подгибавшихся при ходьбѣ ногахъ, всетаки проявляли нѣкоторое,—хотя и очень элементарное, разумѣется,—любопытство; женщины же были пугливы, какъ наши „дивчата“ изъ далекихъ захолустій, впервые попавшія въ городъ. И всѣ какія-то невзрачныя, съ безцвѣтными лицами, лишенными пластической индивидуальности.

Рѣшительно не вѣрилось, что предо мною знакомыя еще съ дѣтства по картинкамъ, черноокія, задорно-лукавыя, коварно-смѣлыя итальянки...

Новые члены нашего сборнаго общества, вѣроятно, чувствительно поустали въ пути: почти тотчасъ же по прибытіи, всѣ поголовно завалились спать. Набросавъ на скорую руку дневныя замѣтки, направился къ своему спартанскому ложу и я.

— Ка̀ва, ка̀ва!.. Кафѐ!.. Ко̀ффи!.. Кава, кава! — варьируя на разные лады это слово, оглашаетъ раннимъ утромъ нашу каюту чей-то надтреснутый, скрипучій голосъ.

Протираю глаза. Сквозь овалы двухъ-трехъ, покрытыхъ крупными водяными брызгами, иллюминаторовъ чуть сѣрѣетъ пробуждающійся день. Въ дверь каюты широкой полосой врывается свѣтъ большого фонаря со столба, насупротивъ входа.

— Оге, камрады, оге!.. Прендко на-ноги, прендко! Часъ!..— на какомъ-то варварскомъ полупольскомъ жаргонѣ вопіетъ-надрывается приземистый помощникъ стюарта.

Народъ начинаетъ понемногу шевелиться. Только сосѣдъ мой, молчаливый русинъ, не подаетъ и признаковъ жизни. Шустрый „помощникъ“ тотчасъ замѣчаетъ это и рѣшаетъ принять должныя мѣры.

— Оге, камрадъ, прендко!—крикнулъ онъ во всю глотку надъ его койкой, принимаясь въ то же время безцеремонно щекотать его у лодыжекъ.

Тотъ всетаки спитъ, какъ убитый, только ногу выдвигаетъ изъ-за барьера; помощникъ тотчасъ же нависаетъ на ней всѣмъ тѣломъ, какъ на трапеціи; русинъ мычитъ, вскрикиваетъ, схватывается и, разумѣется, набиваетъ себѣ о низкій потолокъ здоровенную шишку.

Взрывъ хохота, шутокъ, насмѣшекъ...

— Кава!.. Кафэ... Коффи!.. Ка̀ва!—повторяетъ, какъ заученный урокъ, стюартъ, безстрастно взирая на выходку своего эдъктанта.

Русинъ злобно озирается. Его тонкія, блѣдноватыя губы нервно дрожатъ. Вдругъ онъ съ розмаху ударяетъ мохнатымъ кулакомъ по нарамъ.

— Гундъ!.. Гундъ (собака)!.. — хрипло выкрикиваетъ онъ съ мучительнымъ трудомъ найденное слово.

Публика частью хохочетъ, въ особенности швабы, разлегшіеся на противоположныхъ нарахъ, частью не обращаетъ на происшествіе никакого вниманія: потягивается, зѣваетъ; медленно, ногами впередъ, выползаетъ изъ своихъ логовищъ.

Съ верхнихъ наръ, наискосокъ, сползаютъ, въ косматыхъ, сѣрыхъ съ подозрительными пятнами чулкахъ, чьи-то огромныя ноги; около нихъ какими-то щупальцами вьются ленты развязавшихся или еще не завязанныхъ штрипокъ, словно норовятъ выкупаться въ дымящейся горячимъ паромъ кружкѣ сосѣда снизу.

— Эй, осторожно тамъ, сверху! — кричитъ тотъ. — Плохо, видно, васъ учатъ въ Сморгони! *)

— А вы не можете подвинуться!.. Колода!

Дальнѣйшій обмѣнъ любезностей происходитъ уже въ моемъ отсутствіи: едва протиснувшись сквозь толпу у дверей, я пробираюсь въ общій залъ.

Тутъ, за ничѣмъ непокрытыми грязноватыми столами, полнымъ-полно. Въ проходахъ у стѣнъ—давка, а изъ каютъ прибываютъ все новыя заспанныя, полуодѣтыя фигуры, съ жестяными кружками въ рукахъ; все это толкается, суетится, не на шутку опасаясь остаться безъ второй, а то и безъ единственной кружки кофе. Стюартъ не ждетъ: огласивъ каюту двумя-тремя возгласами и наливъ десятка два протянутыхъ къ нему кружекъ, онъ спѣшитъ далѣе, предоставляя опоздавшимъ догонять его у дверей слѣдующей каюты. Къ концу раздачи возлѣ стюарта, съ его жестяными ушатами съ кофе, собирается уже такая толпа, что народъ потѣетъ, какъ въ банѣ, а кофейныя кружки, какъ свѣчи въ церкви, передаются уже черезъ головы, орошая иныхъ своимъ содержимымъ и вызывая тѣмъ градъ выразительныхъ международныхъ возгласовъ.

Къ кофе, приготовленному на водѣ съ небольшимъ количествомъ молока и сахара, раздавали булки въ родѣ саекъ около $^1/_2$ ф. вѣсомъ; на столахъ въ эмальированныхъ судкахъ-лоханяхъ разставлено было масло. Съ голоду (вѣдь мы уже почти сутки

---

*) Сморгонь—мѣстечко въ западномъ краѣ, жители котораго промышляли когда-то обученіемъ медвѣдей. Съ тѣхъ поръ осталось ироническое выраженіе: „Сморгонская академія“.

ничего не ѣли) я было намазалъ это масло довольно густымъ слоемъ, но сейчасъ же раскаялся: моя булка оказалась испорченной этой гадостью: масло было безвкусное, какъ вата, или, вѣрнѣе, съ привкусомъ мѣднаго, давно не луженаго котла. Однимъ словомъ, это былъ чистый маргаринъ; достать же другую булку было не легко: раздававшую ихъ стюардессу окружала еще болѣе густая толпа голодныхъ людей.

— Мала̂да?.. Мала̂да?—съ любезной улыбкой на свѣжемъ, посыпанномъ мукою, лицѣ переспросила меня раздатчица, когда я успѣлъ пробраться чрезъ тѣсное кольцо осаждающихъ, и подала мнѣ булку. Это была удача, вызванная капризной благосклонностію стюардессы, предположившей, что я запоздалъ къ раздачѣ по болѣзни.

Другимъ приходилось гораздо хуже: многимъ вовсе не досталось булки. Стюардесса не повѣрила, что они опоздали къ раздачѣ, а относительно нѣкоторыхъ утверждала категорически, что самолично уже дала имъ по булкѣ, согласно положенію...

Все это выходило какъ-то обидно и глупо... Потерпѣвшіе роптали и пожимали плечами.

Не успѣли люди позавтракать, какъ раздался оглушительный звонокъ.

— Оге, камрады, оге!.. Наверхъ, камрады, на палубу!—снова завопилъ стюартъ, а карликовый помощникъ его сталъ ходить изъ камеры въ камеру, настойчиво выселяя всѣхъ наверхъ.

— Почему?.. Зачѣмъ?..—послышались недовольные возгласы.

Отвѣта не было: тутъ не привыкли объяснять,—„простонародью нужно приказывать". Вскорѣ только дѣтишки, не старше пяти-шести лѣтъ, да женщины при малышахъ и остались въ помѣщеніи. Весь день оставаться въ каютахъ разрѣшалось лишь заболѣвшимъ, и то—до прихода судового врача, который долженъ былъ установить, нѣтъ ли заболѣваній заразнаго характера. Въ остальномъ больному представлялось обходиться собственными средствами, и если, по мнѣнію врача, тотъ не нуждался въ теплой постели,—его неукоснительно выгоняли наверхъ, не взирая на дождь, туманъ или вѣтеръ,—лишь бы возможно было устоять на ногахъ. Головная боль, не сопровождавшаяся повышеніемъ температуры, разсматривалась администраціей „помѣщенія", какъ симуляція или пустяки въ родѣ насморка. Врача за все время пути мы видѣли въ своемъ помѣщеніи единственный разъ: онъ приходилъ навѣстить ребенка, захворавшаго сильнымъ разстройствомъ желудка.

Въ началѣ публика, въ общемъ, довольно охотно подчинилась приказу и быстро разсыпалась по всей палубѣ „Статтендама". Нѣкоторые изъ эмигрантовъ, привлеченные блескомъ украшеній верхняго общаго зала I-го класса, сунулись было въ настежъ раскрытую дверь, выходившую на нижнюю палубу. Дерзновенныхъ,

разумѣется, тотчасъ же выпроводили вонъ. При этомъ одинъ изъ изгоняемыхъ, русинъ, случайно обронилъ въ залѣ трубку, чего выпроваживавшій его лакей какъ-то не замѣтилъ. Бѣдняга, пытаясь какъ-нибудь дать понять это, естественно, замедлилъ ходъ, но щеголь-лакей принялъ это чуть не за личное оскорбленіе: съ краской внезапнаго гнѣва въ лицѣ, онъ наградилъ простеца двумя такими тумаками, что даже проходившіе мимо, ко всему безразличные, швабы въ изумленіи вынули изъ ртовъ свои кривыя трубки и что-то заворчали бритыми губами. Лакея, однако, это мало тронуло: обернувшись, онъ замѣтилъ причину оказаннаго ему неповиновенія и ударомъ ноги вышвырнулъ злополучную трубку за порогъ.

— Оттожъ добре!—простодушно замѣтилъ потерпѣвшій.—Чи таки у ціейі нимоты языка немае?

На эту сцену изъ глубины зала вышелъ какой-то плотный господинъ въ морской формѣ, съ задорно заломленнымъ кэпи. Энергичными жестами онъ предложилъ сошедшейся на шумъ толпѣ разойтись.

Это былъ самъ пурсэръ—старшій помощникъ капитана по хозяйственной части,—лицо, на обязанности котораго было „наблюдать, чтобы пассажиры ни въ чемъ не имѣли повода къ неудовольствіямъ...“

Ранняя осень прилегающей къ Ламаншу области отличается обиліемъ осадковъ при чрезвычайной измѣнчивости погоды: иной день небо дважды—трижды сплошь заволакивается облаками и столько же разъ принимается тускло сіять подъ навѣвающими неясныя меланхолическія грезы лучами блѣднаго солнца. Вотъ и сегодня: утро было ясное, свѣжее, тихое, а часамъ къ восьми пошла уже противная сѣрая слякоть. Мелкій дождь засыпалъ глаза, залетая даже подъ навѣсъ, образованный у борта верхней „классной“ палубой. Поэтому вся наша разноплеменная публика мало по малу перешла на навѣтренную сторону и унизала собой длинный карнизъ наружной стѣны великолѣпнаго зала I-го класса. Этотъ карнизъ около фута шириной, на такой же высотѣ отъ пола, былъ единственной мебелью, какою могли пользоваться пассажиры нашего ранга на палубѣ, гдѣ принуждены были оставаться отъ $7^1/_2$ ч. утра до 12 ч. дня ежедневно. Грустно было видѣть скрючившихся въ неудобной позѣ, сиротливо примолкшихъ людей, точно длинный рядъ загнанныхъ бурею подъ гигантскую кровлю перелетныхъ птицъ...

Да! Не прошло еще и сутокъ, какъ мы поступили на попеченіе корабельной администраціи, а факты уже показали, что намъ нечего ждать отъ нея, кромѣ самаго откровеннаго пренебреженія къ человѣческому достоинству злополучныхъ обитателей межпалубнаго отдѣленія. Скверно становилось на душѣ; смолкала

естественная потребность въ общеніи; гасло даже простое любопытство, пропадалъ всякій интересъ къ окружающему.

Я зналъ только два средства противъ такого настроенія: физическую усталость и принудительную работу вниманія. Перваго взять тутъ было негдѣ—я принялся за второе: досталъ одну изъ выпущенныхъ „Обществомъ" книжекъ и сталъ по ней знакомиться съ судномъ, уносившимъ насъ теперь въ невѣдомую даль.

Я узналъ при этомъ, что длина „Статтендама" 530 ф., ширина—60 ф., глубина—42 ф., грузоподъемная сила свыше 600 т. пудовъ... А вотъ пароходъ „Потсдамъ" еще больше: длина 560, ширина 62 ф., грузоподъемная сила свыше 720 т. пудовъ; иными словами, судно въ состояніи поднять грузъ свыше 50 желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, каждый изъ 20 вагоновъ. Въ дѣйствительности, этого, разумѣется, никогда не бываетъ, такъ какъ значительная часть корабля занята классными, междупалубными и служебными помѣщеніями, машинной, угольной камерой, обширнымъ отдѣленіемъ котловъ, цистерной съ прѣсной водой (по разсчету на мѣсяцъ) и т. п. Одного угля, напр., такой пароходъ принимаетъ для рейса свыше 120 т. пудовъ, при ежесуточномъ потребленіи въ 7 т. пудовъ въ 38 топкахъ (при 17 запасныхъ). Узналъ я также, что пароходы „Общества" имѣютъ двѣ машины, работающія совершенно независимо другъ отъ друга и приводящія въ движеніе два отдѣльныхъ винта, по обѣ стороны киля, у кормы. Каждая машина въ отдѣльности способна во всякую погоду привести свое судно въ портъ назначенія.

Но самымъ интереснымъ показалось мнѣ въ этой книжицѣ выхваленіе комфорта и роскоши, предоставляемыхъ „Обществомъ" пассажирамъ классныхъ, при чемъ оказалось, что блестящій изъ блестящихъ первый классъ — еще не послѣднее слово комфорта. На „Потсдамѣ," напр., на верхнюю площадку выходятъ четыре отдѣльныя помѣщенія, состоящія (каждое) изъ утопающей въ шелкахъ и бархатѣ гостиной, спальной, туалетной и ванной комнатъ. Не только мебель—самыя стѣны здѣсь выложены чернымъ и краснымъ деревомъ съ инкрустаціями. На „Нордамѣ" и „Риндамѣ" такихъ отдѣльныхъ помѣщеній по шести; изъ каждаго ведетъ отдѣльная же, величественная, пышно обставленная пальмами и латаніями, лѣстница въ общій салонъ I-го класса,—это на случай, если обитающіе въ помянутыхъ сказочныхъ уголкахъ сверхъолимпійцы удостоятъ взглянуть на простыхъ олимпійцевъ I-го класса.

Книжица меня мало-по-малу развлекла и заинтересовала, а описаніе сказанныхъ Chambres de luxe я читалъ уже съ истиннымъ удовольствіемъ: оно такъ ярко оттѣняло удобство нашего межпалубнаго отдѣленія и его „подъ-навѣса" съ карнизомъ, вмѣсто лонгшеза...

Безъ нѣсколькихъ минутъ въ 12 стали впускать внизъ, а чет-

верть часа спустя, тѣмъ же порядкомъ, какъ и утромъ, изъ каюты въ каюту уже шествовалъ стюартъ, возглашая:

— Суп-пе!.. Зуп-па!.. Картофельке!.. Потэтезы, потэтезъ *)!.

Публика такъ же, какъ и утромъ, если еще не больше толпясь, суетясь и толкаясь, протягивала къ нему свои жестяныя круглыя кастрюльки, тотчасъ же наполнявшіяся довольно вкусной на первый разъ мясной похлебкой съ крупой, и, примостившись, гдѣ попало и какъ попало, ѣла эту похлебку съ картофелемъ въ мундирахъ, вмѣсто хлѣба, котораго на пароходахъ „Общества" къ обѣду межпалубныхъ пассажировъ совсѣмъ не подавали. На второе дали довольно вкусный пуддингъ изъ риса съ изюмомъ.

„Общество" очень гордится строгимъ соблюденіемъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распорядкахъ указаній гигіены. Въ такихъ санитарно-гигіеническихъ цѣляхъ оно каждаго межпалубнаго одѣляетъ столовымъ приборомъ, состоящимъ изъ жестяной кружки для чая или кофе, такой же кастрюльки, ножа, вилки и металлической ложки. Все это, занимая койку, мы нашли завернутымъ въ отпущенныя намъ легкія байковыя (или въ родѣ этого) одѣяла. Столовый приборъ „Общество" великодушно дарило эмигранту и... предоставляло поддерживать этотъ приборъ въ чистотѣ по собственному его, пассажира, усмотрѣнію. Для этого, въ тѣхъ же гигіеническихъ видахъ, оно отпускало горячую воду, но... изъ одной—единственной трубы на всѣхъ пассажировъ межпалубнаго помѣщенія, и при томъ—воду соленую, морскую, кажется, изъ охладительнаго резервуара пароходнаго опрѣснителя; наконецъ,—отпускалась и эта вода лишь въ теченіе часа или полутора часовъ послѣ обѣда.

Труба эта находилась въ проходѣ межъ стѣной кухни и бортомъ. Проходъ, шириной въ двѣ сажени, былъ тѣсенъ для многосотенной толпы, и понятно, что тутъ происходила давка, ругань, всевозможныя столкновенія.

Большая часть пассажировъ не успѣвала вымыть свою посуду, особенно во время качки, и большинству приходилось либо просто обтирать свою посуду бумагой, полотенцемъ, либо, по необходимости, оставлять ее невымытой, не взирая на „гигіену". Понятно, во что можетъ обратиться посуда, немытая, напримѣръ, недѣлю... И вотъ въ толпѣ зародилось совсѣмъ оригинальное, воспитанное гигіеной „Общества", мошенничество: воровской обмѣнъ немытой посуды на мытую... То и дѣло слышались странныя на первый взглядъ жалобы, что во время пребыванія на палубѣ у того или иного подмѣнена посуда... Многіе стали прятать ее въ чемоданы, въ постели, какъ драгоцѣнность, а иные пускались на очень вредныя, съ гигіенической точки зрѣнія, хитрости: они украдкой ополаскивали свою посуду въ кадкѣ съ

*) Potatoes—картофель (по англ).

прѣсной водой. Вода въ кадкѣ начинала загнивать и становилась вредной, что̀ мнѣ пришлось испытать скоро на горькомъ опытѣ...

Передъ вечеромъ послышались опять возгласы стюарта, раздававшаго, вмѣсто ужина, по кружкѣ чаю и доброй голландской селедкѣ. Церемонія угощенія при этомъ упрощена была до чрезвычайности: стюартъ таскалъ изъ плотно набитаго боченка обильно посыпанныя крупною солью селедки и, элегантно держа ихъ за хвостъ, вручалъ по одной рыбинѣ каждому желающему. Зѣвать при этомъ тоже не приходилось, такъ какъ боченокъ съ селедками и ушатъ съ чаемъ быстро перекатывались отъ камеры къ камерѣ.

Ночью, почувствовавъ отъ селедки сильную жажду, я направился къ кадкѣ съ водой и нацѣдилъ оттуда кружку. Только отпивъ большую половину, я замѣтилъ, что въ водѣ плавали какіе-то посторонніе предметы, и самая вода обладала и вкусомъ, и запахомъ. Оказалось, что это были листочки капусты, волокна селедки, косточки, какая-то слизь... Меня сразу начало тошнить...

Оправившись немного отъ послѣдствій этой своеобразной корабельной гигіены, я перешелъ на другой бортъ, гдѣ, не смотря на позднюю пору, собралось немало пассажировъ, гулявшихъ парами и въ одиночку. Вечеръ стоялъ прекрасный: свѣжій, легкій вѣтерокъ чуть обвѣвалъ щеки; море было на диво спокойно. Но это была не та, привычная глазу знакомая намъ гладь, какая, порой, кажется поверхностью кристально-чистаго льда — то была громадная наклонная плоскость, медленно, незамѣтно, но безпрестанно мѣнявшая направленіе и уголъ наклона — отдаленный, хотя и мощный, намекъ на нашу мертвую зыбь. Усѣявшія темное небо мелкимъ бисеромъ безчисленныя звѣзды, благодаря этимъ колебаніямъ, то приближались къ намъ, будто всматриваясь, то снова уходили въ сизо-пепельную глубь...

Справа виднѣлся яркій огонь. Онъ горѣлъ на неопредѣленномъ разстояніи, какъ будто корабль шелъ навстрѣчу, гдѣ-то по темному морю, только огонь былъ почти бѣлый, съ легкимъ металлическимъ оттѣнкомъ... Онъ постепенно приближался, временами, какъ будто, двоясь... Вотъ стало уже ясно видно: это были два огня, два гигантскихъ глаза, сурово и холодно вглядывавшихся въ тьму — послѣдній, строгій, непривѣтливый взглядъ Стараго Свѣта во слѣдъ своимъ бѣженцамъ: далеко въ открытомъ морѣ, противъ юго-западной оконечности Ирландіи, на скалѣ, на цѣлыхъ восемнадцать футовъ не доходящей до морской поверхности, съ громадными трудностями воздвигнутъ маякъ, послѣдній по пути изъ Европы въ Америку. Между моряками онъ извѣстенъ подъ трогательнымъ прозвищемъ — Farewell — „Прости“. Проходя мимо него, переселенцы шлютъ послѣднее прости свое далекой мачихѣ-родинѣ...

Дни проходятъ убійственно медленно, монотонно, разнообразясь лишь все большимъ ухудшеніемъ стола; съ третьяго же дня свѣжее мясо вышло *): на обѣдъ стали давать солонину съ капустой, на слѣдующій день—гороховый супъ, потомъ—снова свинина съ капустой, и т. д., а вечеромъ — дешевенькое сливное желе, либо селедку.

Съ третьяго же дня пошла и качка, — океанская качка: корабль то взбирался на водяныя горы, то съ мачтами исчезалъ въ долинахъ, въ которыя можно было бы поставить рядъ четырехъ-пятиэтажныхъ домовъ — и крышами своими они не превысили бы сосѣднія волны. Если случайно яростный вѣтеръ срывалъ съ верхушки такого холма внезапно запѣнивавшійся гребень и, отчаянно размахнувшись, швырялъ имъ черезъ бортъ, на палубѣ на секунду задерживался цѣлый слой воды, въ аршинъ толщиною. Еще секунду спустя, вся эта масса, словно въ испугѣ, кидалась обратно за бортъ и, при моментально воцарявшейся гробовой тишинѣ, „Статтендамъ" грузно взбирался на гору, чтобы снова и снова опуститься въ лощину.

Въ этотъ день и въ слѣдующій насъ такъ и не выгоняли на верхъ. Да и кого было выгонять, когда девять десятыхъ были безъ ногъ... Корабль превратился въ громадный лазаретъ: вездѣ, гдѣ только имѣлась защита отъ вѣтра, виднѣлись скорбныя, измученныя лица. Въ особенности жестоко страдали женщины и дѣти. Вотъ одна изъ страдалицъ... Какъ будто сейчасъ передо мной это изжелта-блѣдное, восковое, худенькое личико, съ черными, какъ смоль, жиденькими локонами, извивающимися по тоненькой шейкѣ. Дѣвочка лежитъ въ каютѣ возлѣ самой лѣстницы. Полуоткрытыми, страдальчески-безжизненными глазами уставилась она въ одну точку въ потолкѣ и цѣлыя сутки не сводила съ нея взгляда. Самъ пурсэръ, зашедшій къ намъ въ помѣщеніе по поводу отказа многихъ отъ протухшей солонины, проходя мимо страдающей крошки, невольно пріостановился и почти испуганно спросилъ о чемъ-то стюардессу.

Дѣвочку долгое время не рвало, за то она нѣсколько разъ впадала въ глубокій обморокъ, на лбу выступали крупнѣйшія капли холоднаго пота, дыханье совсѣмъ замирало. Наконецъ, когда послѣ двухдневнаго абсолютнаго голоданія ее угостили селедкой, ребенка вырвало—страшно, судорожно, очевидно, съ глубокими коликами подъ ложечкой, не позволявшими ей свободно вздохнуть. Старуха-бабушка, везшая сиротку изъ Алжира въ Патерсонъ (близъ Нью-Іорка), въ семью своей второй дочери, совсѣмъ растерялась, зазывала всѣхъ взглянуть на бѣдняжку, умоляла спасти ее...

---

*) Къ столу классныхъ пассажировъ въ теченіе всего рейса, однако же, шло лишь свѣжее мясо.

Наконецъ, дѣвочка слабымъ голоскомъ попросила холодной воды. Десятки ногъ кинулись на палубу... Но въ знаменитой кадкѣ была только мутная, вонючая жижа органическихъ остатковъ...

— Воды, дайте, пожалуйста, воды!—молилъ я боцмана, завѣдывавшаго снабженіемъ кадки прѣсной водой.

Точно не разслышавъ или не понявъ, — онъ молча прошелъ мимо меня и направился на кубрикъ.

— Это больному ребенку! Понимаете?—попытался урезонить коренастаго крѣпыша какой-то лысый господинъ, преграждая ему дорогу.

— Тамъ есть вода!—былъ лаконическій отвѣтъ.

— И вчера, и третьяго дня не наливали свѣжей; тамъ — гніющая грязь,—возразилъ я.

— Послушайте,—люди вы или звѣри?.. Дайте воды!.. Воды, сейчасъ, сію минуту воды!

Съ этими словами лысый господинъ, я и еще двое изъ пассажировъ бросились къ помпѣ.

Но не успѣли мы и двухъ разъ качнуть коромысломъ,—какъ къ намъ кинулось человѣкъ десять-пятнадцать матросовъ. Съ непонятными намъ голландскими ругательствами они быстро оттолкнули насъ отъ помпы. Боцманъ тотчасъ же замкнулъ ее большимъ массивнымъ замкомъ.

— Вонъ! За бортомъ довольно воды!—бросилъ онъ, уходя.

— Пурсера, пурсера!..—раздались крики.

— Капитана сюда!

— Разбойники!.. Къ чорту пурсера!.. Ломайте замокъ... Разбойники!.. Дикари!..

— Ломайте кадку-помойницу! Къ чорту!..

Въ воздухѣ стоялъ безпорядочный гулъ, пересѣкавшійся отдѣльными возгласами, какъ шипѣніе горящихъ бенгальскихъ огней пересѣкается взрывами отдѣльныхъ ракетъ. Стюартъ послалъ къ боцману за ключемъ отъ замка. Тотъ не далъ и не пожелалъ даже выйти къ нему.

Пришелъ, наконецъ, пурсеръ.

На вопросъ о причинахъ шума, со всѣхъ сторонъ посыпался градъ протестовъ, жалобъ, претензій, а господинъ, бросившійся первымъ къ помпѣ, заявилъ даже, что пропечатаетъ „озвѣрѣлое Общество“ въ газетахъ...

Спокойно, съ легкой улыбкой на бритыхъ губахъ, слушалъ пурсеръ протестантовъ.

— Сами виноваты: вы портите воду!—съ важностью замѣтилъ онъ, наконецъ.—На этотъ разъ вамъ дадутъ, но не думайте, что и впредь будетъ также... Накачайте воды! — приказалъ пурсеръ боцману.—Разъ въ сутки накачивать,—достаточно!.. Итакъ, сэръ,— пренебрежительно повернувшись въ полъ-оборота, сказалъ онъ

лысому господину, — вы желаете насъ пропечатать? Пожалуйста: въ Нью-Іоркѣ газетъ много!..

— О, не въ Нью-Іоркѣ, сэръ, не въ Нью-Іоркѣ: газеты Стараго Свѣта для васъ интереснѣе!—бросилъ тотъ пурсеру вслѣдъ.

Роль бунтовщика и зачинщика бѣднягѣ не прошла даромъ. Какъ-то, дня три спустя, часовъ около одиннадцати вечера, томясь жаждой, онъ спросилъ въ камбузѣ бутылочку имбирнаго пива *). Бутылочка эта, вмѣщающая одинъ стаканъ, стоитъ всего 10 голландскихъ центовъ (6 коп.), и стюартъ никогда не отпускалъ ея навыносъ, а требовалъ, чтобы потребитель выпивалъ тутъ же, у дверей камбуза, и возвращалъ посуду обратно. На этотъ разъ онъ почему-то поступилъ иначе.

— Вотъ вамъ: только одна и осталась, — проговорилъ онъ торопливо.—Бутылочку вернете завтра!

И хотя было, сравнительно рано, и на палубѣ оставалось еще немало гуляющихъ, что ему отлично было видно изъ окошечка камбуза, — стюартъ, передавъ бутылку, тотчасъ же захлопнулъ дверь и заперся изнутри. Потребителю такое поведеніе показалось не только невѣжливымъ — къ этому онъ уже успѣлъ тутъ попривыкнуть,—но и нѣсколько страннымъ... Проглоченная вечеромъ голландская селедка, однако же, вызывала жажду. Раскрывъ механическую, особаго устройства, каучуковую втулку, замѣнявшую собою пробку, непрошенный защитникъ угнетенныхъ быстро выпилъ и... выплюнулъ отвратительную жидкость, которою, очевидно, съ умысломъ замѣнили имбирное пиво... На яростный стукъ своей жертвы, стукъ, заставившій меня бросить писаніе, которымъ въ ту минуту я былъ занятъ, и подняться, чтобы узнать причину тревоги,—доблестный слуга „Общества“ отвѣтилъ гробовымъ молчаніемъ...

На меня все это произвело такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ мы попали во власть морскихъ пиратовъ и подчиняемся режиму плѣнныхъ. Понадобилось невѣроятное издѣвательство надъ страданіями больной крошки, чтобы эта масса плѣнниковъ проявила признаки активнаго гнѣва...

— Вотъ люди,—говорилъ въ этотъ вечеръ одинъ старый русинъ, грустно качая сѣдой головой.—За семь ведеръ воды мучатъ семьсотъ душъ.

— Да, недобрые люди,—соглаеился и я.

— Эге! А гдѣ-жъ они добрые... Собачьи сердца у людей...

Въ массѣ шли толки, что, благодаря отсутствію у эмигрантовъ питьевой воды, въ камбузѣ „помѣщенія“ усиленно-бойко шла торговля освѣжительными напитками. Нерѣдко, впрочемъ, случалось, что и въ камбузѣ не оказывалось для насъ ни бутылочки содо-

---

*) Джинджеръ-эль, довольно пріятный шипучій напитокъ, совсѣмъ не хмельной.

вой воды или лимонада, между тѣмъ какъ на кораблѣ имѣлся громадный запасъ этихъ напитковъ, и главный камбузъ отпускалъ ихъ стюарту сколько угодно, по первому же его требованію, хотя бы переданному черезъ служителя. Это было просто какое-то огрубѣніе сердецъ у людей, черезъ руки которыхъ проходили безпрестанно безотвѣтныя массы живого груза...

Долго въ тотъ вечеръ я ходилъ по палубѣ, взволнованный и раздраженный.

— Не ужасно ли,—думалось мнѣ,—что у самыхъ ногъ высококультурной, высокогуманной Европы течетъ столько времени эта рѣченька горя бездоннаго, и никто — ни правительство, ни общество, ни гуманитарныя партіи — никто не подумаетъ изслѣдовать ее, чтобы урегулировать, взять подъ контроль ея теченіе... Сотни тысячъ людей отдаются на полный произволъ холодно-жестокихъ, безучастныхъ и жадныхъ торгашей!.. *).

По конвенціи между Обществомъ „Nasm“ и правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, первому предоставлено право ввозить на территорію республики лишь тѣхъ, у кого есть знаки свѣже привитой оспы. Такимъ образомъ, „Общество“ заинтересовано въ томъ, чтобы, при сдачѣ эмигрантовъ, не наткнуться въ Америкѣ на непріятности, вродѣ обязательной безплатной обратной перевозки забракованныхъ въ Европу.

Какъ уже сказано выше, въ Роттердамскомъ „Домѣ“ многіе изъ эмигрантовъ остаются почти недѣлю, а иные и больше недѣли; далѣе, при проѣздѣ черезъ Германію, санитарныя власти этой страны багажъ пассажировъ III класса подвергаютъ на границѣ тщательной дезинфекціи, а самимъ пассажирамъ предлагаютъ обязательную ванну. Очевидно, не трудно было бы при этомъ провѣрить, кто изъ эмигрантовъ и давно ли вакцинированъ, а нуждающимся въ этомъ привить свѣжую оспу еще до посадки на корабль.

Ничего этого, по крайней мѣрѣ, еще недавно не дѣлалось вплоть до переѣзда черезъ океанъ.

На седьмой день нашего плаванія (стояла, правда, очень хорошая погода) выгнали насъ всѣхъ наверхъ не только утромъ, но и послѣ обѣда,—по обыкновенію, ничѣмъ не мотивируя приказа. На палубѣ загнали на площадку у кормы, съ ея солнечной стороны, и уже оттуда стали по одному пропускать подъ навѣсъ между стоявшихъ стѣной служителей. Я ожидалъ, что хоть тутъ

---

*) Факты, здѣсь описанные, относятся ко второй половинѣ 1890-хъ годовъ (около 1898). Съ тѣхъ поръ между конкуррирующими компаніями возникло „соглашеніе“, которое едва ли отразилось благопріятно на положеніи „живого груза“.

услышу изъ чьихъ-нибудь устъ объясненіе—никакого: потихоньку топчемся мы на мѣстѣ и по одному продвигаемся впередъ. Вотъ, наконецъ, шагахъ въ десяти, виднѣется кто-то въ форменномъ синемъ кэпи съ позументомъ... Молодой розощекій докторъ наноситъ подошедшему къ нему эмигранту уколы въ руку, потомъ—другому, третьему и т. д.

Однимъ и тѣмъ же ланцетомъ наносилъ онъ уколы всѣмъ эмигрантамъ... Ни ванны съ антисептическимъ растворомъ для обеззараживанія ланцета, ни перемѣны инструмента: хочешь не хочешь—здоровенные служителя живо обнажатъ тебѣ руку—и готово! На моихъ глазахъ черезъ руки врача такимъ порядкомъ прошло десятка три вакцинированныхъ.

Вотъ передъ докторомъ молодая дѣвушка съ удивительно кроткими, какими-то молящими глазами, а до нея побывалъ подъ ландетомъ подозрительно-худосочный господинъ, съ ядреными прыщами на шеѣ: мнѣ было видно ихъ отлично, хотя господинъ этотъ фатовски заломилъ шляпу на затылокъ. Прошла кроткоглазая барышня, за ней вакцинируютъ шустраго нѣмчика, парнишку лѣтъ 13—15, затѣмъ опять какого-то субъекта съ непріятнымъ, быть можетъ, знаменательно-сиплымъ голосомъ, потомъ—дѣвочку, лѣтъ десяти...

Я чувствую себя убійственно скверно, точно меня ведутъ на убой; хочется протестовать и за себя, и за тѣхъ, которымъ вотъ-вотъ на моихъ глазахъ ввели въ организмъ, быть можетъ, сифилитически испорченную кровь подозрительно фатоватаго господина съ истасканнымъ лицомъ, или вотъ того высокаго, подобнаго первому, франта. Но какъ протестовать, передъ кѣмъ?

А стоящій позади, командующій служителями и руководящій порядкомъ стюартъ, вѣроятно, замѣтивъ мои колебанія, начинаетъ уже слегка подталкивать меня, а наконецъ, и совсѣмъ безъ церемоніи толкаетъ въ спину.

— Впередъ, впередъ!—командуетъ онъ.

— Не смѣйте прикасаться! — нервно, съ дрожью въ голосѣ, вспыхиваю я.

— О-о!..—скрипитъ стюартъ,—лордъ, настоящій лордъ!.. Зачѣмъ было въ Америку ѣхать?.. Тамъ нѣтъ аристократовъ, здѣсь имъ не мѣсто!..

Онъ, кажется, хочетъ подкупить демократическія чувства окружающихъ. Но толпа остается скучающе-вялой, равнодушной; нѣкоторые—очень немногіе — дарятъ меня сочувственными взглядами...

— Лордъ или кучеръ— никого не смѣйте трогать: не имѣете права!—настойчиво заявляю я.

— Никто, сэръ, и васъ не уполномачивалъ говорить за другихъ,—грозно бросаетъ мнѣ подошедшій на шумъ пурсеръ.—Проходите же: некогда!

Кровь вторично ударяетъ мнѣ въ лицо.

— Такъ не желаю же я подвергаться...

Слово „зараженіе“ у меня на губахъ. Слетитъ оно—и я чувствую—долженъ буду вызвать столкновеніе, возбудить другихъ. Съ какими результатами? Эта мысль молніей проносится въ мозгу, и меня вдругъ охватываетъ робость: вмѣсто слова правды, я капризно выкрикиваю еще разъ:

— Слышите: не желаю!

— Хорошо, хорошо! — уступчиво подхватываетъ розощекій докторъ,—значитъ, вы недавно вакцинировались?

— Да, да: недавно, — хватаюсь я за предложенную уловку, краснѣя отъ сознанія лжи.

— Проходите же, не задерживайте... Слѣдующій!—оффиціально-деревяннымъ тономъ заканчиваетъ пурсеръ.

Я прохожу. Вслѣдъ за мной, слышу, и еще нѣсколько лицъ пользуются той же уловкой. Мнѣ отъ этого не легче: досадно на доктора за его іезуитскій способъ замять загоравшееся столкновеніе, больно и стыдно за свое малодушіе...

V.

Предъ дверью рая.—Нью-Іоркъ съ моря. Рогатки у входа въ страну Свободы.—Регламентація иммиграціи.—«Государственные преступники» Америки.—Услужливый врачъ.—Соотечественники.—Современное переселеніе народовъ.

— Зарево на западѣ!.. Огни!..

— Огни на горизонтѣ!.. Огни, огни!..

Варьируясь на разные лады, долго жданная вѣсть о близости твердой земли мигомъ облетѣла каюты...

Не смотря на позднее время—былъ уже двѣнадцатый часъ ночи—всѣ засуетились, заспѣшили на палубу; въ койкахъ остались лишь немногіе, успѣвшіе основательно разоспаться, старики да малые ребята,—благо, страдающихъ морскою болѣзнью на борту „Статтендама“ уже не было: къ девятому или десятому дню плаванія почти всѣ успѣли привыкнуть къ качкѣ. Однимъ изъ первыхъ выбрался на палубу и я.

Прямо передъ нами, довольно высоко на мглистомъ небѣ, стояло зарево,—отраженіе городскихъ огней; немного лѣвѣе, то совершенно утопая въ свѣжей зыби, то короткими серебристыми бликами отсвѣчиваясь на гребняхъ, прыгаютъ надъ волнами два бѣлыхъ яркихъ огня.

— Санди Гукъ!—слышу я подлѣ себя возгласъ тучнаго, угрюмаго баварца, возвращающагося въ Синсинэти изъ побывки на старой родинѣ.

Санди Гукъ—узкая песчаная коса, отдѣляющая отъ океана южную часть нью-іоркской Нижней Бухты,—краснорѣчивый па-

мятникъ удивительной мощи и энергіи американской культуры. Нѣкогда (и еще не очень давно) все это побережье верстъ на двадцать къ югу было лишь ареной подвиговъ особыхъ спеціалистовъ по части ограбленія потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, теперь же вся прилегающая къ косѣ мѣстность усѣяна небольшими коттеджами, гдѣ проводятъ лѣто нуждающіеся въ чистомъ морскомъ воздухѣ и морскихъ купаньяхъ. Немного сѣвернѣе оконечности Санди Гука находилась подводная скала, угрожавшая смертельной опасностью кораблямъ: во время бури волны производили надъ нею стремительный водоворотъ. Американцы искусственно возвысили эту скалу и на гранитномъ пьедесталѣ поставили сильный электрическій маякъ—Romer Shoal Beacon—первый, который видимъ съ корабля, приближающагося къ берегамъ нью-іоркскаго залива. Отсюда же, т. е. съ этого же маяка, телеграфируютъ въ нью-іоркскую корабельную контору о всякомъ приближающемся суднѣ.

Со страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ отрады и тревоги смотрѣлъ я на блестѣвшіе американскіе огни... Истомленное долгимъ однообразіемъ океанскихъ пустынь, воображеніе невольно надѣляло безстрастный маячный огонекъ какой-то особенной ласковой привѣтливостью, обѣщало уютное спокойствіе жилья, отдыхъ, тогда какъ забота о будущемъ, тѣсно переплетаясь съ безрадостными воспоминаніями, будила смутную тревогу, напоминая о томъ, что это еще только первый этапъ долгаго, невѣдомаго пути!

Сегодня утромъ у меня былъ характерный разговоръ съ угрюмымъ на видъ баварцемъ, который, однако, оказался человѣкомъ довольно сообщительнымъ, даже участливымъ.

— Могу-ли я предложить вамъ два-три вопроса, — спросилъ онъ, подходя ко мнѣ во время утренней прогулки на палубѣ. — Мнѣ кажется, я могъ бы быть вамъ полезенъ. По крайней мѣрѣ — желалъ бы быть полезенъ.

— Благодарю васъ. Говорите, пожалуйста.

— Вы—не спекулянтъ, по профессіи?

— Нѣтъ!..

— Есть у васъ какія-нибудь готовыя средства къ жизни?

— Тоже нѣтъ.

— Думаете вы пробиться въ ряды торговцевъ?

— И это—нѣтъ...

— Вы, повидимому, и не ремесленникъ, не рабочій... Чѣмъ же вы намѣрены жить въ Америкѣ?

— Думаю корреспондировать въ газеты,—отвѣтилъ я неохотно.

Онъ усмѣхнулся.

— Я и предполагалъ это: вы имѣете видъ интеллигентнаго пролетарія... Такъ вотъ вамъ мой совѣтъ: ближайшей задачей по-

ставьте себѣ примкнуть къ какой-нибудь общественно-политической группѣ...

— Какъ же мнѣ примкнуть къ такой группѣ?

— А такъ: на правахъ и съ обязанностями члена... Съ языкомъ страны вы, должно быть, быстро освоитесь и сможете быть полезны... У васъ нѣтъ никакихъ рекомендательныхъ писемъ?

— Нѣтъ, если не считать случайнаго письма отъ случайнаго знакомаго къ одному моему бывшему товарищу, съ которымъ я тоже разстался въ дѣтствѣ.

— Плохо... А всетаки обдумайте мой совѣтъ: я давно уже натурализованъ въ Америкѣ и говорю по личному опыту. Въ Европѣ грубо ошибаются, считая насъ исключительно черствыми матеріалистами; во всякомъ случаѣ, здѣсь очень сильна группировка по общности не только интересовъ, но и идеаловъ, и для человѣка, какъ вы, не обладающаго ни деньгами, ни связями, ни опредѣленной профессіей... вынужденнаго, такъ сказать, черпать средства существованія изъ идейнаго соприкосновенія съ проявленіями нашей внутренней жизни,—для такого человѣка необходимо такъ или иначе сойтись съ людьми, избрать ту или иную группу, не общимъ съ ней идеаламъ и, по мѣрѣ силъ, служить ея интересамъ!.. Отщепенцамъ—и у насъ плохо... Повѣрьте моему опыту.

За короткое время, протекшее со дня моего отъѣзда за границу, мнѣ уже не разъ приходилось подмѣчать либо ироническое, либо благосклонно-снисходительное отношеніе западнаго европейца къ русскому гостю, и чѣмъ дружественнѣе налаживалось знакомство, тѣмъ покровительственная нотка звучала яснѣе. Это повторилось и въ бесѣдѣ моей съ баварцемъ: онъ говорилъ со мной ровнымъ, тихимъ голосомъ, тономъ старшаго, доброжелательно наставляющаго новичка. И меня это не коробило: форма отношеній близко подходила къ дѣйствительности... И всетаки—разговоръ навелъ меня на невеселыя мысли. Общность интересовъ, программы... Но для меня это было пока—чужіе интересы и чуждыя программы, а я искалъ свободы отъ всякихъ догматическихъ, внѣшне-обязательныхъ формулъ... Неужели я не найду ея и въ Америкѣ?

И въ то же время я чувствовалъ, что меня влечетъ эта чужая, невѣдомая жизнь, съ ея невѣдомыми стремленіями... Въ такомъ смутномъ настроеніи бродилъ я по палубѣ, а навстрѣчу попадались все, какъ на подборъ, оживленныя, веселыя, иной разъ, завидно радостныя лица. Говоръ, смѣхъ, шутки... Молодые провансальцы затѣяли игры и безцеремонно толкали на бѣгу гуляющихъ, на что никто сегодня не обижался. На площадкѣ у входа въ отдѣленіе второго класса, группа межпалубныхъ нѣмцевъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими соотечественниками изъ классной публики, затянула какую-то хоровую пѣсню. На мой вопросъ—чего они не споютъ Wacht am Rhein—красивый хоралъ съ

смѣлыми мелодическими оборотами?—запѣвало хора, видный бѣлокурый саксонецъ, отвѣтилъ съ легкой укоризной:

— Не пристало намъ, сударь, пѣть эту пѣсню. Мы у береговъ Свободной Америки, а не въ европейской казармѣ.

Въ общемъ оживленіи не участвовали только итальянцы и наши руссины. Они сидѣли длиннымъ рядомъ на карнизѣ, около кухни, и молча, задумчиво смотрѣли на далекіе огни, точно прислушиваясь, какъ гдѣ-то глубоко рвутся послѣдніе корни, еще связывающіе ихъ съ родной полосой, съ прадѣдовскимъ пепелищемъ.

Между тѣмъ, нашъ „Статтендамъ", зайдя за линію маячныхъ огней, сталъ на якорѣ: карантинный и портовый надзоръ инспектируетъ приходящія въ Америку суда лишь отъ восхода и до захода солнца...

Долго въ эту памятную ночь группами и въ одиночку шаталась по палубѣ разношерстная, разноплеменная публика „Статтендама", мечтательно, радостно, тревожно, вопросительно поглядывая на прорѣзавшіе густую темноту ночи огни, вспоминая иные дни и встрѣчи, иную страну, гдѣ все еще дорогъ каждый кустикъ, тропинка, ручеекъ, гдѣ, оставленныя безъ призора, сиротливо глохнутъ родныя могилки...

И невольная, непрошенная грусть по былому, какъ старая рана въ дурную погоду, не въ одномъ тоскующемъ сердцѣ отзывалась сегодня щемящей ноющей болью, выжимая слезу, зажигая въ душѣ дѣтскій, наивный и страстно безумный порывъ туда, назадъ, тотчасъ, сію же минуту, чтобы устроить все заново, чтобы устранить все то, что послало въ изгнаніе!...

Жжетъ и терзаетъ злая тоска, и ужъ не о счастьи—хоть о покоѣ готово молить усталое сердце... А тутъ же, рядомъ, полная жизненныхъ силъ молодежь тянется къ невѣдомому кубку, не справляясь, что̀ тамъ,—отрава иль нектаръ; огнемъ горятъ молодые глаза, надеждой звучатъ голоса, сыплются ихъ пожеланія, обѣщанія, скрѣпляются вновь завязавшіяся знакомства и иныя, болѣе горячія отношенія... Что-жъ? Люди—вездѣ люди:

И жить торопятся,
И чувствовать спѣшатъ...

П. Владыченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

XIX.

На утро нарядчикъ „нарядилъ“ меня работать въ кузницу, за молотобойца... Дѣло въ томъ, что постоянный молотобоецъ недавно взялъ разсчетъ и ушелъ, а новаго не было, и обязанность эту исполняли рабочіе поочередно.

Злой, хмурый съ похмѣлья кузнецъ, въ грязномъ фартукѣ, съ засученными по локоть мускулистыми здоровенными руками, заставилъ меня прежде всего развести горно̀. Мнѣ отъ роду, какъ говорится, не приходилось работать въ кузнѣ, и все у меня выходило неловко, нескладно, нехорошо...

Кузнецъ злился и оралъ на меня такъ, что за версту было слышно. Я боялся, какъ бы въ азартѣ онъ не стукнулъ меня молоткомъ (онъ нѣсколько разъ замахивался имъ на меня), и дѣло шло у меня еще хуже... Я чувствовалъ, что изнемогаю... Отъ усталости, а главное—отъ волненія я сталъ весь мокрый и въ душѣ проклиналъ и кузнеца, и себя, и всю эту постылую подневольную работу...

Работа была трудная: надо было разрубить вдоль, молоткомъ и зубиломъ, квадратный, очень толстый конецъ желѣза.

Раскаливъ желѣзо до бѣла, кузнецъ выхватывалъ его изъ горнушки, обсыпая всю кузню блестящими до боли въ глазахъ искрами, клалъ на наковальню, наставлялъ зубило и оралъ что есть мочи:

— Бей!..

Я билъ...

— Бей!—опять оралъ онъ.—На носъ бей!.. Бей, дери тебя чортъ!.. Не такъ: на носъ бей, — русскимъ языкомъ говорятъ, дьяволъ! тьфу!.. На носъ!..

И, видя, что я не понимаю, что значитъ бить „на носъ“,

онъ съ ругательствомъ швырялъ зубило на землю и съ ругательствомъ же совалъ снова въ горно успѣвшее за это время остыть желѣзо...

— Дуй! дьяволъ тебя задави... Вотъ дурака-то Богъ далъ: простого дѣла и то не смыслитъ... Тьфу! черти... бить васъ надо...

Когда конецъ снова накалялся до бѣла, кузнецъ давалъ мнѣ зубило, а самъ бралъ „кувалду“ и, показавъ мѣсто, гдѣ наставить зубило, билъ...

Билъ онъ страшно сильно, въ размашку, черезъ голову, и при этомъ какъ-то особенно при каждомъ ударѣ крякалъ...

— На себя подай!—оралъ онъ, глядя на зубило:—аще!.. Ахъ! ахъ! ахъ!—крякалъ онъ вмѣстѣ съ ударами кувалдой.— Не верти... держи крѣпче, баба рязанская, чо-о-о-ртъ!.. Ахъ! ахъ! ахъ!..

Въ концѣ концовъ я навыкъ, и уже крики кузнеца не дѣйствовали на меня такъ одуряюще, какъ сначала.

Подошелъ завтракъ, позвонили... Надо было идти въ кухню, но кузнецъ не пошелъ... Онъ обтеръ обратной стороной фартука лицо, снялъ фуражку, поскребъ въ головѣ и какъ-то бокомъ, исподлобья глядя на меня, сказалъ:

— Сходи, братъ, за половиночкой, а?.. Будь другъ!.. Аль жрать хошь? Да, что тамъ жрать-то? Кандеръ чай опять... Хлѣба то опосля и сюда взять можно, здѣсь и подождемъ... А?.. Сыпь къ Лизкѣ... чай знаешь, вонъ деревня-то... Пески,— отсель видно... Сыпь!..

— А дастъ?..—спросилъ я, не зная, что сказать и мысленно посылая его къ чорту, — понапрасну проходишь, пожалуй.

— Дастъ, дастъ... эва! ты скажи—мнѣ... На спосуду-то фартукъ на... Понесешь коли, — не видать подъ фартукомъ-то...

Онъ досталъ откуда-то, изъ темнаго угла, гдѣ лежалъ разный хламъ, бутылку и подалъ мнѣ...

— Нà деньги.—Онъ далъ мнѣ полтинникъ и, какъ будто конфузясь, произнесъ:—Ужъ бери цѣльную, коли дастъ, а?.. Чего тутъ, гдѣ наше не пропадало!.. Занялъ даве... Вмазывай!.. А я, буде, грѣшнымъ дѣломъ, закусить припасу... Эхъ, не догадались даве картошки испечь!..

Лизка, маленькая, рябая и горбатая старая дѣвка-„вѣковушка“, подозрительно окинула меня глазами и на мой вопросъ отвѣтила:

— Нѣту! иди въ казенку.

— Да ужъ полно! — сказалъ я, зная, что она вретъ и

боится меня, какъ человѣка, пришедшаго въ первый разъ.— Давай!..

Поговоривъ со мной и, очевидно, убѣдившись, что я не вру, она вышла куда-то изъ избы и сейчасъ же возвратилась съ бутылкой.

— На, вотъ... Да смотри, парень, поаккуратнѣй... Знаешь, нонѣ народъ-то какой: выдь за ворота, скажутъ,—на улицѣ была. А ты самъ-то что-жъ?.. Выпилъ бы стаканчикъ... выпьешь? что-жъ, поднесу для перваго знакомства... Посиди, куда же спѣшить-то?.. Не бойся... никто не придетъ... дверь-то я, коли, запру, а?..

Я, молча, взялъ фуражку и вышелъ на улицу.

— Заходи!—крикнула мнѣ вдогонку Лизка,—не будь гордый-то... У меня все шито, крыто!..

Кузнецъ сидѣлъ на порогѣ кузни и ждалъ. Увидя, что я иду, онъ не вытерпѣлъ и пошелъ навстрѣчу...

— Ну, что?—издали закричалъ онъ.

— Есть!—отвѣтилъ я.

— О-о-о!—радостно воскликнулъ онъ, и лицо его какъ-то сразу перемѣнилось къ лучшему.—Гоже... А я хлѣба принесъ,—продолжалъ онъ, идя обратно въ кузню: — на кухню ходилъ... Нарядчикъ-то на меня звѣремъ смотритъ: гляди, какъ бы разсчетъ не дали... чай, ужъ и самому извѣстно про вчерашнее-то... Ну, да чортѣ съ ними,—разсчетъ, такъ разчетъ, наплевать! Была-бъ шея—хомутъ найдется... Наше дѣло,—выпьемъ вотъ, закусимъ...—А нонѣ,—добавилъ онъ, входя въ кузню,—князя ждутъ... Какъ бы завтра сюда не пришелъ... Ну, да наплевать... дѣло не ваше, сказала мамаша... Такъ вѣдь, а?.. Какъ тебя звать-то?.. Что ты какой невеселый, а? Ну-ка... эхъ, водочка-водочка, матушка родима! Согрѣетъ, развеселитъ... эхъ-ма!.. дернемъ, землякъ, а?.. да и закаемся!!.

XX.

— Князя ждутъ, — говорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, сидя на наковальнѣ,—а мнѣ что?.. Мнѣ наплевать! Имъ онъ князь, а мнѣ тьфу! Плюнуть, да ногой растереть... Ты не видалъ князя-то?.. гм! такой-то чортушка: все самъ, до всего доходитъ... А горячъ—страсть: такъ къ рылу съ кулаками и лѣзетъ, ударить норовитъ... Да нѣтъ, братъ, шалишь, меня не ударишь... Ша-а-а-лишь! Вотъ погоди ужо, какъ пріѣдетъ, — всѣхъ къ парадному выгонятъ навстрѣчу... И насъ, рабочихъ. Самъ, гляди, встрѣчать уѣдетъ. Выходитъ,

братъ, нонѣ вродѣ какъ бы праздникъ... Ну, ее къ чорту, работу-то: не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ...

Онъ выпилъ, откусилъ хлѣба, пожевалъ, выплюнулъ, морщась, посидѣлъ молча и хмуро, что-то думая, и вдругъ спросилъ:

— Издохнетъ, а?..

— Кто?..

— Кто, кто?—разсердившись, передразнилъ онъ меня: — кого вечоръ-то трахнулъ? Забылъ? Волчокъ, вотъ кто!

— А что? — переспросилъ я.

— Да ничего, такъ я... Ты думашь, пожалуй,—мнѣ его жалко, а? Чего глядишь-то... Думашь, я не знаю, что ты думашь?..

— Издохнетъ,—сказалъ я,—кровью изойдетъ...

— Врё-е-е-е!? Ахъ ты! Что станешь дѣлать... Да, горячъ я, братецъ ты мой, страсть... самъ съ собой совладать не могу... Чего ужъ, — продолжалъ онъ, торопливо свертывая курить,—мальчонку своего зашибъ, сынишку... навѣкъ теперь не человѣкъ... Апосля-то и жалко... близокъ локоть, да не укусишь...

— Какъ же это ты?—спросилъ я.

— Да какъ... Пришелъ однова домой, выпимши чутóкъ, да съ собой принесъ половиночку. А дома у меня ребятишки,—двое... Ну, они это сичасъ ко мнѣ: „тятенька пришелъ, тятенька!.. пьяненькій, румяненькій“... Чудаки, пра-ей-Богу... скачутъ около меня, рады глупые. Поставилъ я половиночку на столъ, самъ думаю: эхъ, чекалдыкну передъ обѣдомъ!.. Хвать, мальчишка, поменѣ который, Степкой звать, какъ-то нечаянно, аль тамъ какъ—задѣлъ эту самую мою половинку. Брыкъ она со стола, да объ полъ—чикъ! Готова, только черепки зазвенѣли... Ну, что-жъ ты думаешь, братецъ ты мой!—воскликнулъ онъ, тяжело переводя духъ,— свѣту я не взвидѣлъ... подвернись, кажись, о ту пору молотокъ, такъ бы и раздробилъ!.. Затрясся весь,—бацъ его со всего размаху по уху!.. Такъ и отнесло его, ровно вѣтромъ. Жена завыла: „убилъ, убилъ!..“ А во мнѣ, понимаешь, такъ все ходуномъ и ходитъ, трясется... Скажи кто слово—убью!.. Не повѣришь,—заплакалъ!

Онъ замолчалъ и уставился глазами въ одну точку въ уголъ, думая что-то... Я тоже молча глядѣлъ на него и потомъ спросилъ:

— Ну, что жъ мальчишка-то?..

Онъ махнулъ рукой и крикнулъ:

— Уродъ сталъ, дуракомъ на всю жизнь сдѣлалъ: оглохъ... Припадки съ нимъ: забьется, забьется эдакъ, изо рту пѣна кричитъ благушей... А тотъ, другой, постарше-то который,—

Ванькой звать, — тотъ боится меня, словно тигры... Такъ весь и задрожитъ, какъ береста, коли я приду, побѣлѣетъ... Не любитъ меня... Выростетъ, будетъ меня, сукинъ сынъ, клочить... Да, правда, — добавилъ онъ, кривя ротъ,—такъ и надо: почитать-то насъ тоже не за што... Вотъ развѣ, что не дожить мнѣ, гдѣ ужъ... Эхъ-ма!..

— Гдѣ же они у тебя теперь?—спросилъ я.

— Въ городѣ, на фатерѣ... Я вѣдь не хресьянинъ, — мѣщанинъ я... Въ городѣ живутъ...

— Подаешь имъ?..

Онъ усмѣхнулся.

— Подаю... Эхъ, другъ, какъ тебя... Павлычъ, кажись?. Не видишь нѣшто, кому подаю... Вотъ кому! — Онъ взялъ и потрясъ бутылку...

— Такъ кто же ихъ кормитъ-то?.. Жена, что ли?

— Не знаю... она, чай... Я давно, признаться, не былъ... Поди, извелась вся... Охъ, хо, хо!.. да... Чекалдыкнуть?.. Какъ они тамъ,—Господь батюшка знаетъ... извѣстно, чай, бьются...

— Да ты тамъ-то бы работалъ, въ городѣ,—сказалъ я,— тамъ вѣдь кузницъ много...

— Было дѣло. Ужли я дурѣй тебя, не знаю... Стало быть, такъ надо... Толкуешь!.. Не знаешь ты, братъ, ничего... Да нешто меня тамъ возьметъ кто?..

— А что?..

— Да то... Хорошъ очень мальчикъ, вотъ что... Ты еще, братъ, меня не знаешь... Ты не гляди, что я вотъ съ тобой по душамъ говорю... Може, я тебѣ скоро въ рыло шаркну... Это у меня, братъ, не долго. Со мной тоже умѣючи надо говорить-то, н-да! Не люблю я, коли насупротивъ. На сердце не наводи меня, а то въ рыло!..

— Дули тебя, небось, за это?—спросилъ я.

— Было... Разъ купцы на площади били. Да какъ били: душу только оставили...

— За что?..

— За дѣло: руки длинны...

— Воровалъ?

— А тебѣ что?.. Ну, воровалъ, наплевать! Пропьешься, братъ, до креста, да взять негдѣ, — украдешь. Кто какъ, а я украду... Мнѣ чтобы не опохмѣлиться—невозможно... У меня, братъ, въ жилахъ не кровь, а водка, пропитался я весь ею, наскрозь... Родитель покойникъ пилъ, говорятъ, мертвой чашей... Мать потаскушка, — не въ осужденье будь сказано,— пила тоже... На винѣ меня и зародили, какъ блины на дрожжахъ... Н-да... Какъ не пить?.. плачешь, а пьешь!.. Ты говоришь,—воровалъ ли? Эхъ, было!.. Со мной, братецъ ты мой, разъ кака аказія случилась... вотъ я тебѣ разскажу...

— Работать надо!—перебивая его, сказалъ я.

— Какà работа? Нý ее къ чорту!.. И не твое это дѣло... Не перебивай ты меня, коли ежели я говорю... Сиди, не дыши... Пей, вотъ, на, пей!..

— Не хочу.

— Врешь... боишься! Трусы вы всѣ, дери васъ чортъ! Куды ты, гляжу, я на тебя, годенъ-то?.. Трубы тобой затыкать только. Молчи... молчи, говорю,—заоралъ онъ вдругъ,— а то въ рыло! Работать надо!—передразнилъ онъ меня,—работникъ тоже! га! Молчи, не дыши!.. Не ты отвѣчать станешь... Не хочу работать, да и все... Не хочу! разсчетъ давай! На кой мнѣ чортъ!—Онъ вскочилъ вдругъ съ мѣста и началъ швырять „струментъ“ куда попало. — Не хочу! Къ чорту!.. Переломаю все, перебью... убью... зарѣжу!..

Онъ до того обозлился и сдѣлался такъ страшенъ, что на него непріятно и жутко стало смотрѣть.

Я сидѣлъ молча, боясь, какъ бы онъ не пристукнулъ меня, и думалъ только по-добру, по-здорову уйти на кухню. Но уйти мнѣ было нельзя, потому что сидѣлъ я не у двери, гдѣ бѣсновался кузнецъ, а за наковальней въ углу...

— Растревожилъ ты меня, анаѳема!—оралъ, между тѣмъ, кузнецъ,—работой своей... Тянули тебя за языкъ-то, а?.. Тянули, говори?.. У-у-у!.. Стукну, вотъ, по макушкѣ-то... убью до разу. Проси прощенья у меня,—вдругъ заоралъ онъ и подскочилъ ко мнѣ, — становись на колѣнки! Проси прощенья!—И, видя, что я молчу и сижу, какъ сидѣлъ, онъ захохоталъ вдругъ и сказалъ: — А-а-а, испугался!.. Что, братъ, а?.. Не бойся, такъ я это, такъ: дурака ломаю... А ты, небось, думаешь: очумѣлъ и взаправду убьетъ... Не бойся!.. Не бойся меня... Гдѣ ужъ... эхъ-ма!..

Онъ опять выпилъ и опять сѣлъ на наковальню.

— Вотъ эдакъ-то,—началъ онъ снова, совсѣмъ по другому, съ какой то затаенной грустью въ голосѣ: — придешь, бывало, домой,—давай ломаться... Дѣти тутатко... сусѣди... И штука, братецъ ты мой: чѣмъ болѣ ломаешься, — тѣмъ тебя болѣ разбираетъ... Пристаешь, пристаешь къ женѣ-то, а она молчитъ... Нѣтъ, врешь, стерва! Говори, отчего молчишь?.. Сичасъ за волосья... Ну, а ужъ какъ разъ ударилъ,—и пошло! До тѣхъ поръ бьешь, покедова не отнимутъ.. Да... А ребятишки-то воютъ въ голосъ: „мамка! мамка!.. мамка, мамка!“ Эхъ, другъ!.. Эхъ, другъ Павлычъ!.. Н-да!.. Все, братъ, я понимаю...

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча... Мнѣ казалось, что онъ страдалъ и тихо *про себя* плакалъ...

— Ты хотѣлъ разсказать что-то,—сказалъ я.

— Гы, ха! — усмѣхнулся онъ, — это какъ воровалъ-то я? Изволь! Мнѣ самому, другъ, чудно, какъ вспомню... Чудно и есть... Обобралъ я разъ мужика. Вишь ты, какой случай вышелъ... Какъ бы это тебѣ поскладнѣй сказать, не соврать? Бывалъ ты въ городѣ-то когда въ здѣшнемъ, въ уѣздѣ? Ну, извѣстно, чай, какъ не бывать... Знаешь конную, насупротивъ Курлышкина трактира? Мѣсто людное... Ладно... Было это дѣло о праздникѣ: въ Николу въ самую, въ вешнюю... Ба-а-льшой базаръ въ этотъ день въ городѣ... ярманка, крестный ходъ, балаганы, гулянье. Народу—страсть! Лошадей наведутъ—сила! А я, другъ, по лошадиной части мастакъ: какъ и что,—пользовать могу, ей-Богу, право!.. Кабы я не пилъ, мнѣ бы въ золотѣ ходить... н-да... Ладно... И былъ я, братецъ ты мой, о ту пору въ загулѣ, и все ужъ я, понимаешь, пропилъ и съ себя все спустилъ: рубашонка одна осталась, портчонки худые да фартукъ. Ну, фартукъ, извѣстно, присяга наша... На работу меня не берутъ нигдѣ. Къ женѣ?—той самой жрать нечего... Чуть жива, — заколотилъ до смерти... Какъ быть? что дѣлать?.. куда дѣться?.. Думалъ, думалъ, думалъ, думалъ... ничего не выдумалъ... А тоска-то... мать ты моя,—смерть! Хожу, какъ тѣнь... Пришелъ на конну. Народу — туча!.. Лошадей навели... цыганы тутъ... торговая... крикъ, божба, ругань... И пьяныхъ ужъ много... Въ тѣ поры винополекъ то еще не было... Ладно... А я, какъ услышу отъ кого водкой пахнетъ,—такъ бы и зарѣзалъ: завидки берутъ, ей-Богу право!.. Ну, хорошо... Брожу это я, какъ неприкаянный, среди народа, думаю: не наткнусь ли на кого... не угоститъ ли?... Ходилъ, ходилъ... Вижу,—въ одномъ мѣстѣ лошадь у мужика сторговали цыганы... Подошелъ отъ нечего дѣлать. Вижу: ужъ дѣло у нихъ слажено... Лошаденка—меринокъ карій, важный,—за сорокъ за пять бумажекъ, слышу, дѣло сошлось... Жалко мужику, вижу, мерина.—„На нужду, говоритъ, продаю. Стройку затѣялъ. Плотникамъ отдать, а то бы ни въ жисть не продалъ...“ Простой такой съ виду мужикъ, душевный, видать сразу—разѣватый... Да и горе-то его разстроило: мерина жалко.—„Свой, говоритъ, доморощеный...“ Чуть не плачетъ мужикъ... Ну, а цыганамъ что?.. Только бы поскорѣй дѣло оборудовать. Суютъ ему деньги... Принялъ мужикъ деньги, нехотя эдакъ... Досталъ кисетъ изъ поддевки... Коротенька така на немъ поддевишка... Какъ сейчасъ гляжу, — изъ сѣро-нѣмецкаго сукна сшита... Размоталъ, сунулъ туда деньги, заболталъ опять, сунулъ въ карманъ, въ эту же самую, понимаешь, поддевку, въ правый карманъ... Посмотрѣлъ я, и словно кто-то шепнулъ мнѣ въ ухо: „Цопни!“ Затряслись у меня, слышу, поджилки... Ну, ладно. Гляжу: началъ мужикъ прощаться съ лошадью...

Отъ роду я такого чудака не видывалъ... Истинный Господь,—плачетъ мужикъ, въ морду цалуетъ... Смѣются надъ нимъ, а онъ самъ не свой... Ну, цыганы этого не любятъ,—имъ чтобъ разъ, и готово... Взяли лошадь, повели... „Что ты, говорятъ, слюни-то распустилъ, дурья голова... Спрыснуть бы надо: эдакую цѣну схватилъ за дерьмо... А онъ плачетъ!“ Мужикъ махнулъ рукой... „Владѣйте!“ — говоритъ и пошелъ прочь... Пошелъ это онъ прочь, а я, другъ ты мой Павлычъ, за нимъ... Куды онъ,—туды и я, куды онъ,—туды и я... А чортъ-то, луканька-то, такъ мнѣ въ уши, какъ шмель, и гудетъ, такъ и гудетъ... Ахъ, провалится бы тебѣ!.. Хорошо... Подошелъ мой мужикъ къ сажалкамъ, гдѣ поросятами торгуютъ... Народу здѣсь страсть! Кто глядитъ, кто купляетъ, орутъ... Народъ оретъ, поросяты орутъ... бабы кричатъ,—народъ задорный...

...„Остановился мужикъ, глядитъ, ротъ разиня. Толкаютъ его со всѣхъ сторонъ... Тотъ толкнетъ, другой толкнетъ. Стоитъ мужикъ, словно мертвый... Эхъ, думаю, аль цопнуть?.. Наперъ, взялъ, на него сзади, а тутъ съ боковъ бабы каки-то... Посторонись, говорю, землякъ... А самъ руку въ карманъ... сразу ущупалъ кисетъ... Вытащилъ!..

„Ладно... Сунулъ кисетъ вотъ сюда, подъ фартукъ, отошелъ... трясется все нутро у меня, истинный Господь! Индо самому страшно... Выпить, думаю, теперь? Нѣтъ, постой, дай погляжу, что мужикъ дѣлать станетъ. Постоялъ, постоялъ мужикъ около сажалокъ, пошелъ... Я за нимъ. Думаю: что будетъ? Вотъ подошелъ онъ къ трактиру. Лошадей у коновязей много стоятъ привязаны... Подошелъ мужикъ къ телѣгѣ одной... А въ телѣгѣ, гляжу, баба сидитъ... Пожилая ужъ баба, не изъ молодыхъ. Стали они разговаривать... Слышу я,—говоритъ онъ: „продалъ, говоритъ, Настасьюшка. Лишились экаго сокровища. Вотъ эту бы, говоритъ, шкуру—не жалко. Да что за нее дадутъ-то?..“ „За много-ль?“—баба спрашиваетъ.—„За четыре, говоритъ, красныхъ да пятишникъ. Купляемъ таперича кое-что, да и ѣхать... Гвоздей не забыть бы кровельныхъ... Наказывали плотники... Слѣзай, говоритъ, пойдемъ, чайку попьемъ, закусимъ малымъ дѣломъ... На деньги-то!..“ Полѣзъ это въ карманъ... пошарилъ, пошарилъ... Нѣту! Полѣзъ въ другой, пошарилъ, пошарилъ, нѣту!.. „Ишь ты, говоритъ, сунулъ кисетъ... забылъ второмяхъ-то куды... Должно въ порткахъ?“... А самъ на бабу глядитъ, и вижу ужъ я: испугался. Полѣзъ въ портки,—нѣту... полу общупалъ,—нѣту!.. разулся,—нѣту... Сидитъ на землѣ... сапогъ въ одной рукѣ держитъ, ротъ разинулъ, глядитъ на бабу... А глаза страшные, разстрашные стали... Сидѣлъ, сидѣлъ да какъ взвоетъ: „Украли, украли, украли!“ Индо жуть

у меня по тѣлу пошла!.. Баба съ телѣги кубаремъ... завыла пуще его... Ну, народъ тутъ. Обступили ихъ, то, се... Кто жалѣетъ, кто смѣется... Гугаютъ: „не зѣвалъ бы“, „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“, „дураковъ бьютъ“. Знаешь вѣдь какъ народъ-то. Чужую-то бѣду, молъ, руками разведу. Чужой-то бѣдѣ человѣкъ радъ. Иной будто и жалѣетъ, а самъ про себя радъ... Очумѣлъ, вижу, мой мужикъ съ горя, реветъ бѣлужиной. Чуть волосья на головѣ не рветъ. А баба,—та такъ по землѣ и катается... Полиція подошла: „что такое? разойдись!“ Реветъ мужикъ... „Говори толкомъ, чортъ, что такое?“ Сичасъ это его для вразумленія селедкой хлопъ по рылу. У насъ просто насчетъ этого: сьѣшь за милую душу... „Налакался, чортъ, орешь...“ Въ часть его потащили, протоколъ... то, се.. какъ дѣло было?—волынка извѣстная!.. Ну, сдѣлали, что надо, отпустили мужика. Иди, молъ, со Христомъ, а мы ужъ найдемъ... Ну, отлично!.. Все это я, Павлычъ, слышу и вижу... Деньги здѣсь, подъ фартукомъ... держусь за нихъ. И не знаю, какъ тебѣ сказать, а только... вродѣ какъ бы въ груди у меня трепыхаетъ что... вродѣ, какъ бы отрыжка. А въ горлѣ щекотно... Эге! думаю, вотъ оно дѣло-то! Жалко мнѣ, Павлычъ, мужика этого съ бабой, до смерти стало!.. Кипитъ во мнѣ сердце!.. Какъ бы думаю сдѣлать,—назадъ отдать!

„Думалъ, думалъ... надумалъ! Подошелъ эдакъ бодро, говорю: много-ль, дядя, денегъ-то вытащили?.. „Сорокъ пять, говоритъ, бумажекъ...“ А въ чемъ, говорю, онѣ у тебя были то?.. „Въ кисетѣ...“ Засмѣялся я... И слышу, Павлычъ, у меня и въ нутрѣ вродѣ какъ все засмѣялось отъ радости... Засмѣялся я, подаю ему кисетъ: не этотъ-ли?.. Эхъ ты, говорю, разиня, обронилъ ты его на площади, а я поднялъ... Возьми, говорю... На, получай!..

„Ну ужъ, что тутъ пошло опосля этого, и сказать не могу... Мужикъ мнѣ въ ноги, баба въ ноги... Апосля въ трактиръ меня... Налакался до-сыта... Въ деревню къ нимъ ѣздилъ: пріятели во какіе стали, страсть!..

— Вотъ они дѣла то какія... н-да! А ты толкуешь... Всякій, братъ Павлычъ, дуракъ по своему съ ума сходитъ... Н-да!.. Ну, чекалдыкнемъ-ка еще, дружище!..

Онъ выпилъ и, замолчавъ, задумался...

XXI.

Послѣ обѣда всѣхъ насъ, рабочихъ, „погнали“ чинить дорогу, по которой сегодня, къ вечеру, долженъ былъ проѣхать со станціи князь...

„Самъ“ руководилъ нами. Дорогу, разстояніемъ версты въ двѣ, до того мѣста, гдѣ начиналась полоса чужой земли, мы по возможности исправили хорошо: засыпали колеи, спустили кое-гдѣ воду, кое-гдѣ утрамбовали.

„Самъ“ похаживалъ среди насъ, помахивалъ тросточкой, покрикивалъ и, видимо, очень трусилъ и волновался по случаю пріѣзда князя.

— Скорѣй, скорѣй!—понукалъ онъ:—ну, ну, стали! Эй ты, какъ тебя?.. А, болванъ! и т. д., и т. д...

Князь пріѣхалъ къ вечеру. За часъ до его пріѣзда „самъ“ приказалъ всѣмъ намъ переодѣться, перемѣнить грязныя рубахи на чистыя и явиться, какъ онъ выразился, „въ праздничномъ видѣ“ къ парадному крыльцу, встрѣчать князя.

— Картузовъ не смѣть брать!—добавилъ онъ.

Рабочіе переодѣлись, и всѣ, за исключеніемъ кузнеца, который куда-то скрылся, направились къ парадному. Позади насъ шли бабы, скотницы, „пололки“ и еще какія-то...

На парадномъ и у параднаго, между тѣмъ, уже собрались и ожидали князя всѣ, проживавшіе въ имѣніи. Около крыльца стояли какіе-то допотопные старики, какія-то старушонки, бабы... На самомъ же крыльцѣ и дальше, на террасѣ, ожидала аристократія. Здѣсь были: садовникъ съ женой, какой-то старый, живущій на покоѣ, бывшій дворецкій, тоже съ женой, жена „самого“, два учителя, пріѣхавшіе по этому случаю изъ сосѣдняго села, гдѣ была школа, въ которой жена князя состояла „попечительницей“, „батюшка“ изъ этого же села съ „матушкой“, съ двумя дочерьми, сыномъ и дьякономъ.

„Самъ“, одѣтый въ куцую тужурку, съ зеленымъ стоячимъ воротникомъ и огромными свѣтлыми пуговицами, толстенькій и красный, поставилъ насъ, рабочихъ, около крыльца, другъ передъ другомъ, такъ что между насъ образовался проходъ, по которому, какъ оказалось, долженъ былъ пройти князь...

— Стоять смирно! — приказалъ „самъ“, и рабочіе, какъ школьники, покорно замерли въ тѣхъ позахъ, какія онъ придалъ имъ...

— Когда князь слѣзетъ,—продолжалъ онъ,—пойдетъ... вы должны каждый цѣловать у него руку... Такъ ужъ здѣсь принято!—громко добавилъ онъ, какъ будто передъ кѣмъ-то оправдываясь...

— Знаемъ, баринъ-съ, знаемъ!.. Не сумлѣвайтесь!—отвѣтилъ ему нарядчикъ,—знаемъ-съ!

— Ну, ты имъ объясни, Егоръ, какъ и что...

Онъ побѣжалъ къ дорогѣ посмотрѣть, не ѣдутъ ли? А нарядчикъ сталъ „объяснять намъ, какъ и что...“

— Вы, дуроломы, мотрите,—зашепталъ онъ, дѣлая большіе глаза:—зря-то не суйтесь! Не торопись, не слюнявь руку-то. Какъ у попа, такъ и тутъ... Мотрите,—онъ вѣдь строгъ: не любитъ, коли что... У него порядокъ... Мотрите!..

— Знаемъ канитель-то эту,—тихо отвѣтилъ Культяпка.

— Тише!—шепотомъ и сдѣлавъ свирѣпое лицо, прошепталъ нарядчикъ.—Ѣдутъ никакъ?..

Тройка прекрасныхъ вороныхъ лошадей, запряженныхъ въ ландо, лихо вкатила на площадку и остановилась не около самого параднаго крыльца, а немного поодаль... Здоровенный дѣтина, „выѣздной“ лакей, соскочивъ съ козелъ, отворилъ дверку, и изъ ландо вышелъ князь—высокій, совсѣмъ сѣдой старикъ въ свѣтломъ пальто... За нимъ вышла княгиня, еще не старая, вторая его жена, грузная, съ глазами на выкатѣ, и вслѣдъ за ней—какая-то тонкая особа, съ синимъ лицомъ, похожая на ободраннаго зайца.

Князь, кивнувъ подскочившему управляющему, пошелъ къ парадному, направляясь сквозь нашъ „строй“...

Стоявшій съ краю нарядчикъ какъ-то весь изогнулся и, вытянувъ необыкновенно гадко губы, первый чмокнулъ князя въ руку и произнесъ:

— Съ пріѣздомъ, ваше-ся!..

За нимъ, неловко путаясь, начали „прикладываться“, робѣя и торопясь, другой, третій, четвертый...

XXII.

Спустя часа два послѣ „прибытія“ князя, когда все, такъ или иначе, мало-мальски поуспокоилось и затихло, я, отъ нечего дѣлать, чувствуя на душѣ что-то злое, тоскливое, гадкое, пошелъ бродить по имѣнію, думая какъ-нибудь „разгуляться“ и успокоить свои не въ мѣру расходившіеся нервы...

Проходя по площадкѣ, мимо квартиры управляющаго, я вдругъ услыхалъ позади себя окрикъ:

— Эй, ты, какъ тебя?.. Что шляешся?.. Поди сюда!

Я обернулся и увидалъ управляющаго, быстро идущаго со стороны барскаго дома къ своей квартирѣ.

— Что шляешься? — снова крикнулъ онъ и, подойдя ко мнѣ, продолжалъ:—Ты что здѣсь? А? Вонъ, на кухню!.. Стой, впрочемъ! — спохватился онъ, что-то вспомнивъ:—Ты мнѣ ужо свезешь домой гостей... У меня гости,—пояснилъ онъ,—учителя... Они пришли пѣшкомъ... Такъ вотъ,—ты ихъ отвезешь домой въ Терехово... Недалеко, — знаешь?.. Запряжешь „Буланже" въ мою корзинку... У Андрюшки-конюха спроси,—онъ покажетъ..

— А скоро это?—спросилъ я.

— Что скоро? — переспросилъ онъ, нахмурясь и видимо стараясь сдѣлать изъ своего лица что-то внушительное и строгое...

— Поѣдутъ-то они скоро ли?—спросилъ я.

— А это не твое дѣло!—крикнулъ управляющій.—Ты дѣлай, что приказываютъ... Молчать!—еще громче крикнулъ онъ и, видя, что я молчу, продолжалъ потише:—Часа черезъ два будь готовъ и встань около крыльца моей квартиры... Понялъ?.. Сиди на козлахъ и жди. Ну, пшелъ! Живо! Шляешься тутъ!.. Глаза мозолишь! Развѣ не знаешь, гдѣ твое мѣсто? Безъ дѣла впередъ сюда не ходить!..

Онъ ушелъ, а я, скрѣпя сердце и думая о томъ, что грубость съ нашимъ братомъ явленіе обычное,—отправился въ конюшню запрягать въ корзинку „Буланже".

Въ конюшнѣ конюховъ я нашелъ не сразу. Они, какъ оказалось, забрались въ порожнее стойло, гдѣ они и жили, и поздравляли съ пріѣздомъ княжескаго кучера и конюха, угощая ихъ водкой и чаемъ. Всѣ они были уже на второмъ взводѣ, и мое появленіе было совсѣмъ некстати.

— Ну тебя къ чорту!—закричалъ старшій конюхъ,—и съ управляющимъ-то!.. Спокою нѣтъ... Какую тебѣ лошадь?.. Зачѣмъ?..

Я объяснилъ ему.

— Бери да закладывай!—опять закричалъ онъ.—Намъ-то какое дѣло?

— Да я не знаю, гдѣ лошадь.

— Ну, погоди, — поспѣешь! — сказалъ конюхъ. — Садись пока,—добавилъ онъ, улыбаясь,—на чемъ стоишь...

Небольшое стойло (или „денникъ") было занято двумя койками, стоявшими около стѣнокъ, другъ передъ другомъ... Между этихъ коекъ былъ узенькій проходъ къ столу, устроенному подъ кормушкой. Въ „комнатѣ" этой сильно пахло навозомъ и слышно было, какъ за переборками лошади, пофыркивая, жевали сѣно...

— Мосей Иванычъ!—говорилъ одинъ изъ конюховъ важному московскому кучеру,—повѣришь ты: всю зиму здѣсь живемъ!

— Зимой-то, чай, холодно?—пробасилъ кучеръ, усмѣхаясь.

— Оно какъ сказать: холоду особеннаго нѣту,—всетаки лошади тутъ, а сыро,—страсть!..

— А въ рабочую-то что-жъ?..

— Памилте! Тамъ еще хуже: повернуться негдѣ... Въ рабочей! Да тамъ зимой все одно, что на Хивѣ въ ночлежномъ домѣ... Тьфу!

И, помолчавъ, онъ спросилъ у меня:

— А ты, землякъ, знать, вновѣ?

— Да!—отвѣтилъ я.

— Охота было сюда поступать!.. Хуже-то не нашелъ, знать, а?.. Аль пьешь здорово?.. На-кась стакашекъ ковырни. Ты нашъ, что ли, московскій?.. Видать!.. Эхъ, другъ,—продолжалъ онъ, передавая мнѣ стаканчикъ,—не ко двору мы здѣсь... Здѣсь кто живетъ-то? Сволочь самая, вотъ кто! Ему, здѣшному-то, хучь плюй въ глаза, все Божья роса... Что ни поставь—сожрутъ... Рязаны!.. Ну, пойдемъ, покажу, гдѣ сбруя... Куда это его чортъ несетъ, а?.. Не знаешь?...

— Не его,—сказалъ я,—а гостей отвезти,—учителей...

— А-а-а!—протянулъ конюхъ,—знаю...—онъ засмѣялся и продолжалъ:—Попьешь ты съ ними ужо винца съ хлѣбцемъ, попьешь, голова!.. Разъ я ихъ возилъ: во-какъ угостили—мальё! Народъ ха-р р-ошій!.. Пр-о-о-стые ребята!.. Ну, вотъ тебѣ сбруя, гляди: завсегда здѣся... Таматко вонъ, пятое стойло,—Буланжà стоитъ... а корзинка подъ навѣсомъ, у колодца,—найдешь самъ. Бери оброть, обратывай! Валяй, братъ, старайся... Заслужишь здѣсь!—закончилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.

XXIII.

Онъ ушелъ опять въ денникъ пить водку, а я снялъ съ деревяннаго гвоздя уздечку и пошелъ въ стойло.

„Буланжа“ оказался огромнымъ, необыкновенно худымъ, длинномордымъ буланымъ мериномъ, стоявшимъ, опустивъ голову, точно что-то думая, около пустой кормушки...

Я надѣлъ на него сбрую и повелъ изъ конюшни подъ навѣсъ, гдѣ стояли кое-какіе экипажи.

Здѣсь мнѣ долго пришлось возиться съ „Буланжой“, который никакъ не хотѣлъ войти въ оглобли. Наконецъ, кое-какъ послѣ долгихъ усилій, обозлившись до-нельзя, я запрегъ всетаки упрямаго скота и, торжествуя, выѣхалъ на дворъ.

Совсѣмъ смеркалось... Въ открытыхъ окнахъ квартиры управляющаго свѣтился огонь. Я подъѣхалъ къ крыльцу и остановился. Кругомъ было тихо, а изъ оконъ квартиры „самого“ доносились голоса... Шла пирушка, кричали, спорили, смѣялись...

Ждать пришлось долго... Наступила ночь... Сторожъ Сопля, нѣсколько разъ проходилъ мимо, колотя въ колотушку. Наконецъ, дверь отворилась, и на порогѣ, съ фонарикомъ въ рукѣ, показалась горничная, а за ней „самъ“ и гости.

— Подавай!—крикнулъ „самъ“:—Эй, заснулъ!

Я чмокнулъ на „Буланжу“ и подъѣхалъ къ крыльцу.

Гости, два учителя, были совсѣмъ „готовы“. Одного изъ нихъ, высокаго, тощаго, одѣтаго въ крылатку и кожаную фуражку, бережно взявъ подъ мышки, „самъ“ свелъ по ступенькамъ крыльца и подсадилъ въ корзинку.

Другой, тоже тощій, но небольшого роста, одѣтый въ поддевку, спотыкаясь и чуть не падая, спустился съ крыльца самъ и, кое какъ забравшись въ корзинку, сѣлъ рядомъ съ первымъ.

Первый, котораго свелъ управляющій, бранился... Свѣтъ отъ фонаря падалъ на его лицо, страшное и вмѣстѣ жалкое... Глаза были „оловянные“, широко открытые, точно у безумнаго, нижняя челюсть отвисла. Изъ-подъ надѣтой на затылокъ фуражки падали на лобъ и прилипли къ нему мокрые, какъ сосульки, волоса... Онъ хмурилъ то и дѣло брови и кричалъ осипшимъ голосомъ, обращаясь не то къ учителю, своему сосѣду, не то къ управляющему.

— Я... я,—кричалъ онъ,—Сверхчеловѣкъ!.. „По ту сторону добра и зла...“ Я кто?.. Я самъ Ничше... Ничше—оселъ... А ты кто?... А?

— А ты пьяный дуракъ!—отвѣтилъ ему второй учитель въ поддевкѣ,—сиди ужъ... ворона!..

— Трогай!—крикнулъ управляющій, которому, повидимому, эти „гости“ сильно надоѣли.—По-о-о-шелъ!..

Я тронулъ, но пьяный учитель тотчасъ же закричалъ мнѣ:

— Стой! Стой!

И когда я остановилъ „Буланжу“, онъ обернулся назадъ и закричалъ:

— Эй вы!.. Какъ васъ?.. Нѣмецъ-перецъ, колбаса... Дайте три рубля взаймы!..

— Извольте! — любезно заторопился „самъ“, вынимая изъ кармана кошелекъ.—Нате!..

— Давай сюда! Отлично! Чортъ васъ возьми! Прощайте. Извозчикъ, трогай!

— Хи, хи, хи!—засмѣялся вдругъ тоненькимъ голоскомъ

учитель, одѣтый въ поддевку.—Вотъ такъ ловко! „Ничше", философъ!.. Хи, хи, хи!.. Ахъ ты, философъ, много-ль на плѣши волосовъ?.. Кричитъ тоже: кто я?.. Хи, хи, хи!..

— Молчи!—закричалъ учитель въ крылаткѣ и вдругъ ткнулъ меня въ спину. — Стой, извозчикъ! Я слѣзу... Я не могу съ нимъ. Эта сволочь рѣшительно отравляетъ мнѣ существованіе. Я убью его!..

— Хи, хи, хи! Не слушай его, извозчикъ!—говорилъ учитель въ поддевкѣ,—пожалуйста, не слушай... онъ дуракъ... Антонъ горемыка!.. О, Господи... хи, хи, хи!..

— Молчи!—опять заревѣлъ учитель въ крылаткѣ.—Съ кѣмъ говоришь? Съ кѣмъ ты говоришь, рабъ, холуй!.. Поддакивало, льстецъ! Подхалима! У князя ручку цѣлуешь... Не говорю уже про княгиню... Кума, ха, ха! Зачѣмъ ты позвалъ ее крестить,—а? Ее, а не первую попавшуюся бабу, а?.. Говори, плебей!..

— Хи, хи, хи! философъ. „Такъ говоритъ Заратустра"... А самъ только и говоритъ, когда пьянъ, какъ сапожникъ. Трезвый нѣмъ, какъ рыба... Паки и паки дуракъ... Оселъ...

— Оселъ въ твоихъ глазахъ!—закричалъ учитель въ крылаткѣ,—и горжусь этимъ! Я честенъ!.. Понимаешь ты это слово—честенъ?! Гдѣ тебѣ понять—грабитель! взяточникъ! Взятки берешь съ бабъ!.. Чьи на тебѣ штаны? го, го, го! княжескіе!.. Обноски княжескіе... Все на тебѣ чужое... все выклянчилъ... Ты не учитель, ты лакей, идеальный лакей, только и знающій одно: рубль! Подлецъ ты, однимъ словомъ, и тебѣ все равно хоть плюй въ рожу... Да!.. Извозчикъ!—обратился онъ вдругъ ко мнѣ,—вези насъ, меня и этого вотъ подлеца, къ Лизкѣ... Вези, гражданинъ!.. Эй ты, княжескій холуй, тебѣ говорю!..

— Хи, хи, хи! Такъ, такъ... Къ Лизкѣ значитъ, а?.. О, Господи!.. Вотъ философія... что и требовалось доказать!..

Между тѣмъ „Буланжа", тяжело дыша, неловко упираясь неквaными передами въ рыхлую землю, кое-какъ втащилъ насъ въ гору, и мы въѣхали въ деревню.

Деревня спала. Даже собаки—и тѣ не лаяли на насъ.

— Сворачивай!—сказалъ учитель въ крылаткѣ, дотронувшись до моего плеча.—Вонъ у ней огонекъ. „Посмотри: въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ"... идиллія, а?.. Ахъ, чортъ ихъ возьми!.. Это у ней лампадка мерцаетъ передъ Прасковеей Пятницей... Тоже—вывѣска... Ха, ха, ха! Сворачивай, гражданинъ!..

XXIV.

Я привязалъ „Буланжу“ къ крыльцу за столбъ и вслѣдъ за учителями „пролѣзъ“ въ хату.

Лизка, въ одной юбкѣ, босая, растрепанная, успѣвшая зажечь лампочку, торопливо разстилала по столу бѣлую салфетку. Учителя сидѣли другъ передъ другомъ, одинъ по ту сторону стола, другой по эту, и оба курили.

— Гости дорогіе... ахъ, ахъ!—суетилась Лизка,—слышу, стучатъ... Господи... кто же это, думаю?.. Анъ хвать,—вонъ кто! Милости просимъ! Милости просимъ!.. Ахъ! ахъ!—спохватилась она вдругъ.—Чтожъ это я окошко-то забыла, дура, завѣсить!.. Неровенъ часъ, народъ-то нонѣ...

Она торопливо задернула окна какими-то черными занавѣсками и, снова обернувшись къ учителямъ, затрещала:

— Чѣмъ васъ потчивать-то? Водочки? Сколько прикажете? Бутылочку? Сичасъ, сичасъ!.. А самоварчикъ? Самоварчикъ можно... Яичекъ, а?..

— Давай!—сказалъ учитель въ крылаткѣ,—да не трещи языкомъ-то, не люблю!

И, обернувшись ко мнѣ, прибавилъ:

— Садись сюда къ столу... Садись, садись смѣло!.. Руку, другъ! Руку, молодой человѣкъ!.. Погляди, полюбуйся на насъ, культурныхъ людей... Но не суди, другъ, не суди, о-о-о, не суди!—повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Учителъ въ поддевкѣ засмѣялся и сказалъ:

— И что ломается, что ломается? Ахъ, дуракъ! Боже, какой дуракъ! „Культурныхъ людей!“—передразнилъ онъ.—А что такое культура,—и не знаетъ!..

— Кто, я не знаю?—заревѣлъ тотъ.—Чортъ ты послѣ этого!.. Подъ культурными людьми я разумѣю образованныхъ людей... да...

— Гм!.. та-а-а-къ!.. А ты образованный, а?.. Если бы ты былъ культурный, образованный человѣкъ,—не сидѣлъ бы ты здѣсь... Въ томъ-то и штука, что мы дикари, а не „культурные“ люди... Намъ бы съ тобой овцой родиться-то, авось бы хоть волкъ съѣлъ... Отстань съ глупостями! Наливай водки-то!..

— Что же! Мы, по твоему, значитъ, никакой пользы не принесли за 18 лѣтъ службы на земской-то нивѣ?—воскликнулъ учитель въ крылаткѣ.

— А я почемъ знаю... Да и какая польза-то? Сопливыхъ мальчишекъ учить... Ха! „Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда“... Эхъ, хе, хе!.. Другъ, повѣрь: вездѣ вопію-

щее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ... Что мы можемъ?.. Польза, польза!.. Вотъ, пока ты пьянъ, о пользѣ толкуешь, а завтра... Завтра тебѣ, братъ, твой боровъ, котораго, я слышалъ, хочешь рѣзать, будетъ дороже, интереснѣе, милѣе, такъ сказать, этихъ сопливыхъ, паршивыхъ мальчишекъ, которые надоѣли мнѣ до смерти, да и тебѣ тоже... Да и вообще,—ушелъ бы я сейчасъ же съ этого проклятаго мѣста... Будь оно проклято... всю кровь высосали... Польза!.. Тьфу!. Наливай водки!..

— Нѣтъ, врешь! Я этого не сдѣлаю,—наливая водку въ стаканъ и мрачно хмурясь, сказалъ учитель въ крылаткѣ.— Я своего поста не брошу. За цѣлковымъ не погонюсь... Нѣтъ, врешь! Ты на свой аршинъ мѣришь... Такъ вѣдь ты кто, чортъ тебя знаетъ! Ты только и думаешь, какъ бы, того, пріобрѣсть... Тебѣ бы торговать, вотъ что! Вообще, ты, братъ,— гадкій человѣкъ, все на чужой счетъ норовишь... опошлился... Нѣтъ, ты не учитель! Ты гадъ!..

— Ругайся, я не обижусь!—дѣлая видъ, что ему все равно, произнесъ учитель въ поддевкѣ и выпилъ водку.— Вотъ ужо,— продолжалъ онъ и какъ-то скверно подмигнулъ глазомъ,—пріѣдемъ домой, культурные люди... Встрѣчу намъ жены сдѣлаютъ... Да, поблагодаритъ тебя твоя!.. Ты ужъ лучше и не ходи къ ней, а полѣзай, какъ въ прошломъ году, на вербу, да тамъ и сиди, пока дурь не сойдетъ.

Онъ обернулся ко мнѣ и, захихикавъ, скаля черные зубы, продолжалъ:

— Его жена колотитъ, ей-Богу! Культурнаго-то, пользу-то который приноситъ... Онъ отъ нея на вербу прячется... хи, хи, хи!..

— Молчи!—закричалъ учитель въ крылаткѣ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Хи, хи, хи! — снова началъ учитель въ поддевкѣ. — Не любишь?... И спроситъ она у тебя, — смѣясь и басомъ, перемѣнивъ голосъ, заговорилъ онъ: „Гдѣ взялъ денегъ? Отвѣтствуй!..“ Что тогда?... Хи, хи, хи!

Учитель въ крылаткѣ, молча, налилъ цѣлый стаканъ и, не отрываясь, выпилъ.

— По-о-о-длецъ!—проговорилъ онъ, переведя духъ, и налилъ еще.—Пей!—обратился онъ ко мнѣ.

Я отказался и посовѣтовалъ ѣхать дальше.

— Поспѣешь!—отвѣтилъ онъ и выпилъ еще... Немного погодя, лицо его побѣлѣло, глаза какъ-то остановились и стали страшны... Онъ началъ плакать.

— Убью себя!.. убью!.. убью!.. у-у-убью!..

— „Юнкеръ Шмитъ изъ пистолета хочетъ застрѣлиться“— сказалъ учитель въ поддевкѣ и опять захихикалъ.

— Убью! убью!—плакалъ учитель въ крылаткѣ, громко и страшно крича.

Лизка испугалась и стала просить меня убрать его. Но я тоже не зналъ, какъ быть. Учитель ругался скверными словами и порывался драться...

— Батюшка! Отецъ родной, не кричи!—молила Лизка,— ахъ, Господи... Кабы знала... ахъ, ахъ... хуже, тысь, послѣдняго мужика... Уходите, Христа ради, уходите, Христа ради!

Наконецъ, намъ удалось кое-какъ вытолкать его изъ хаты на улицу и втащить въ корзинку... Ругаться и кричать онъ пересталъ, но за то началъ какъ-то жалобно стонать...

— Не подохъ бы грѣхомъ,—сказала Лизка,—засудятъ!

— Ни-ни-чего!—ели ворочая языкомъ, отвѣтилъ учитель въ поддевкѣ,—тро-о-о-гай!..

Я тронулъ „Буланжу"... Учитель съѣхалъ на дно корзинки и уперся ногами подъ козла. Картузъ съ него свалился... Онъ стукался объ твердое сидѣнье и стоналъ. Другой тоже еле сидѣлъ и что-то говорилъ самъ съ собой, безпрестанно повторяя одно и тоже: „Н-да... да... гм!.. н-да!.."

Было уже свѣтло, когда я привезъ ихъ на мѣсто назначенія.

Какой-то мужикъ съ вилами въ рукахъ, босой, попался навстрѣчу и спросилъ:

— Откеда?—и, покачавъ головой, прибавилъ:—Ловко, въ ротъ-те закатай!.. вотъ это ловко! Охъ хо, хо! Не одна, видно, корова хвостомъ-то машетъ... Н-да!..

Подъѣхавъ къ школѣ, я остановился. Учитель въ поддевкѣ потихоньку, съ величайшимъ трудомъ и осторожностью слѣзъ съ экипажа и, грозя мнѣ пальцемъ, — что́, очевидно, означало: „не шуми",—шепотомъ сказалъ:

— Постучи въ дверь... про меня не говори: я, вотъ, скроюсь пока... понялъ... тсс!.. Сторожа-то нѣту: жена сама... тсс!..

И, согнувшись, при чемъ сдѣлался очень похожъ на зайца, на цыпочкахъ, цѣпляясь руками за стѣну, скрылся за угломъ...

Я слѣзъ съ козелъ, потрогалъ крѣпко спавшаго сѣдока и, подойдя къ двери, постучалъ. Отвѣта не было... Я постучалъ шибче...

— Сейчасъ!—раздался гдѣ-то звонкій женскій голосъ.— Кто тутъ?..

Дверь отворилась, и на порогѣ, передо мной, предстала, во всей красѣ, заспанная, толстая, полураздѣтая женщина.

Это была жена учителя; сейчасъ же, какъ только взглянула на меня,—она поняла, въ чемъ дѣло.

— Привезъ?—спросила она.

— Привезъ!—отвѣтилъ я.

— Хорошъ?

— Хорошъ!

— Спитъ? Не можетъ самъ встать, а?

— Не можетъ.

— Голубчикъ!—запросила она она,—помоги мнѣ втащить его... Я тебѣ на чай дамъ.. Ахъ ты, Господи, вотъ наказанье-то... Какъ вѣдь давно не пилъ-то... Подохнуть бы этому проклятому нѣмцу!..

Я взялъ учителя за плечи, а она за ноги, и мы втащили его по ступенькамъ крыльца.

— Въ комнату-то не надо,—сказала она, когда мы внесли его въ маленькую каморку-кухню, — тамъ дѣти спятъ... бросай здѣсь!.. выдрыхнется, начнетъ ныть... А денегъ онъ ни у кого не бралъ, а?.. Не слыхалъ ли? — спросила она и торопливо начала шарить по карманамъ.—А чтобъ ты подохъ!—крикнула она, найдя деньги, и, обозлившись, ударила мужа ногой въ бокъ.

— Прощайте!—сказалъ я, выходя на улицу...

— На, вотъ, на чай!—крикнула она, отворивъ вслѣдъ за мной дверь,—что-жъ ты?..

XXV.

Пріѣздъ князя сдѣлалъ то, что насъ еще раньше стали „выгонять“ на работу. За всякій пустякъ теперь ругались,— и нарядчикъ, и управляющій... Въ концѣ концовъ, я такъ привыкъ къ этому, что мнѣ стало казаться, будто мы вообще не люди, а такіе же рабочіе скоты, какъ, напр., лошади, которыхъ можно не только бранить, но и бить.

Князь съ ранняго утра, съ палкой или, какъ ее называли рабочіе, „шпанкой“ въ рукахъ, бродилъ по имѣнію, всюду суя свой носъ. Что бы и гдѣ бы мы ни работали,—непремѣнно появлялся тутъ же и „стоялъ надъ душой...“ На его глазахъ, по-неволѣ, приходилось работать безъ передышки: покурить и отдохнуть въ его присутствіи не полагалось... Случалось, впрочемъ, — если работали на лошадяхъ,—онъ говорилъ: „дать отдохнуть“, т. е. разумѣется, дать отдохнуть лошадямъ, а не намъ, рабочимъ...

Съ рабочими онъ никогда не говорилъ по-человѣчески, на поклоны не отвѣчалъ, кричалъ на людей, съ покраснѣвшимъ отъ злобы лицомъ, брызгался слюной, топоталъ ногами, махалъ палкой, порываясь ударить...

Съ управляющемъ онъ велъ себя тоже довольно таки

странно. Руки, напримѣръ, не подавалъ никогда, говорилъ не иначе, какъ стоя къ нему въ полуоборотъ или же на ходу, при чемъ управляющій трусилъ, сзади объясняя, что надо.

Смѣшно было глядѣть на эту картину: князь—высокій, сѣдой старикъ, необыкновенно бодрый для своихъ лѣтъ, высоко поднявъ голову, заложивъ лѣвую руку за спину, а правой помахивая тросточкой, шагалъ торопливо и самоувѣренно-твердо. А за нимъ, какъ цыпленокъ, смѣшно поддергивая штанишки, потный и красный, семенилъ управляющій, „докладывая" что-то и, вѣроятно, для большей вразумительности, дѣлая руками у спины князя какіе-то жесты...

Иногда вмѣстѣ съ княземъ выходила княгиня. Эта на поклоны отвѣчала и даже иногда кое-что спрашивала: „послушайте, мужичекъ..." Только понять ея вопросы было трудно: она какъ-то необыкновенно смѣшно сюсюкала, дѣлая губы сердечкомъ, и при томъ такъ тихо, что совсѣмъ нельзя было разобрать словъ.

За княгиней постоянно выступала, пріѣхавшая съ ней изъ Москвы, англичанка,—„макаронина", по выраженію Культяпки: это была особа высокая, страшная, съ застывшимъ деревяннымъ лицомъ, похожая, какъ я уже упоминалъ, на ободраннаго зайца.

Особенно сильное впечатлѣніе „макаронина" производила на простодушнаго Тереху. Онъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, разиня ротъ, недоумѣвая, что это такое...

— Ну-у-у!—произносилъ онъ каждый разъ, встряхнувъ волосами:—Какъ только не переломится! Жуть!..

— Вотъ бы тебѣ таку въ жены,—говорилъ, смѣясь, Культяпка.—Аль въ деревню бы ее къ вамъ, въ Рязань... Всѣхъ бы бабъ перепугала!..

Тереха плевался...

XXVI.

Время шло... Я втягивался въ работу, приглядывался къ людямъ, привыкалъ къ порядкамъ...

Прошелъ май, подошла первая „получка".

Въ воскресенье, часу въ девятомъ утра, всѣ рабочіе собрались въ полутемной передней, толкаясь и напирая другъ на друга... Въ контору изъ передней вела стеклянная дверь, въ которую видно было все, что тамъ дѣлалось...

Какой-то коротко подстриженный молодой человѣкъ, съ маленькими усиками, закрученными кверху,—какъ оказалось, конторщикъ, — строчилъ что-то, наклонивъ голову налѣво

и высунувъ немного языкъ, въ толстую книгу... Управляющій ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, курилъ сигару, изрѣдка перебрасываясь словами съ нарядчикомъ, стоявшимъ въ подобострастной позѣ около порога...

Ждать намъ пришлось долго... Управляющій нарочно испытывалъ наше терпѣніе... Мы стояли кучей, не смѣя присѣсть, шепотомъ, какъ наказанныя дѣти, разговаривая между собой, и были похожи не на людей, пришедшихъ получить свои трудовыя деньги, а скорѣе на золоторотцевъ, ожидающихъ, когда имъ выкинутъ по пятаку на поминъ благодѣтеля. Что-то рабски-приниженное чувствовалось въ рабочихъ... Вытянувъ шеи, испуганными глазами заглядывали они въ контору и, стоило кому-нибудь возвысить нѣсколько голосъ и заговорить не шепотомъ, — на него сейчасъ же набрасывались другіе.

— Тише ты!—раздавался со всѣхъ сторонъ сердитый шепотъ,—чо-о-ртъ! куда пришелъ?.. Къ женѣ, что-ли!.. Деревня! Изъ-за тебя непріятность выдетъ, лѣшманъ!

Наконецъ, управляющій подошелъ къ конторкѣ, остановился и махнулъ рукой нарядчику. Послѣдній, какъ хорошо выдрессированный холуй, со всѣхъ ногъ бросился къ двери и открылъ ее настежъ.

— Ти-и-и-ше!—произнесъ онъ шипящимъ голосомъ, вытягивая губы.

Рабочіе, и безъ этого стоявшіе тихо, окончательно замерли.

— Журловъ!—крикнулъ управляющій.

— Кузнецъ! Журловъ!—повторилъ нарядчикъ,—иди!

Въ контору вошелъ кузнецъ и остановился у порога.

— Ты что-же это, братъ, а?—глядя на него изъ-за конторки, громко заговорилъ управляющій,—а?

— Чего извольте-съ?—произнесъ кузнецъ.

— „Чего извольте-съ!“—передразнилъ его управляющій и вдругъ закричалъ: — Ахъ ты, негодяй! Мерзавецъ! Вонъ! Чтобъ духу твоего въ имѣніи не было! На твое мѣсто уже найденъ другой... Геннадій Ивановичъ, сколько ему, подлецу, приходится?

— У него впередъ забрано-съ!—отвѣтилъ конторщикъ:— приходится ему 2 р. 75 к.

— Негодяй! — снова закричалъ управляющій, — скандалистъ, пьяница!.. Почему не пришелъ встрѣчать князя?.. Ка-а-къ ты могъ ослушаться! А? Какъ ты смѣлъ отрубить хвостъ у собаки?.. Кто науськивалъ Соплю бить жену... а? Я, вотъ, сейчасъ урядника позову!.. Вотъ твои деньги... п-шелъ!..

Кузнецъ, молча, съ покраснѣвшимъ лицомъ, подошелъ

къ конторкѣ, взялъ деньги, сунулъ ихъ въ карманъ и сказалъ:

— Спасибо!..—И, вдругъ, перекосивъ ротъ, добавилъ:—Чтожъ-жъ ты, сво-о-о-лочь, до сихъ поръ молчалъ? Я-бъ ужъ давно мѣсто себѣ нашелъ... Чортъ паршивый, нѣмецкая образина... провались ты и съ кузней своей, тьфу!..

Онъ плюнулъ, повернулся и пошелъ къ двери...

— Помни!—вдругъ обернувшись и погрозивъ кулакомъ нарядчику,—крикнулъ онъ:—Помни!.. Найду тебя!—И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью въ сѣняхъ, такъ что затряслась стѣнка.

— Головой-бы этакъ стукнулся!—произнесъ нарядчикъ:—Разбойникъ!

— Держите его!—завизжалъ управляющій, точно прибитый щенокъ,—связать его!.. Урядника...

Онъ, какъ ошпаренный, выскочилъ изъ-за конторки и бросился къ двери... Нарядчикъ подскочилъ къ нему и осторожно придержалъ за руку.

— Батюшка-баринъ,—заговорилъ онъ чуть не со слезами:—плюньте на него... Батюшка-баринъ,—собака лаетъ, вѣтеръ носитъ... Спалитъ, мошенникъ, со зла надѣлаетъ такихъ дѣловъ... Плюньте, не тревожьте себя изъ-за всякой, съ позволенія сказать, стервы-съ!..

— Какъ онъ смѣлъ, какъ онъ смѣлъ!—кричалъ управляющій, топая ногами.

— Наплевать-съ! право—наплевать-съ!—твердилъ нарядчикъ,—будьте покойны-съ,—мы его найдемъ. Не тревожьте себя... Стоитъ ли, помилуйте-съ!..

— Чтобъ духу его не было!.. слышишь?.. Если увижу, такъ и тебя къ чорту...

— Будьте спокойны, не заглянетъ... За пять верстъ обходить будетъ...

Управляющій, фыркая носомъ и тараща глаза, весь красный снова всталъ за конторку и закричалъ:

— Сопля!..

— Сопля!—какъ эхо, повторилъ нарядчикъ.

Худой, длинный, страшный, Сопля переступилъ порогъ и остановился, наклоня голову и глядя въ полъ.

— Ты что,—закричалъ на него управляющій,—чо-о-ортъ! а?.. Ты что это, а?.. Ахъ ты, морда!.. да я тебя!.. Сколько ему?—обернулся онъ къ конторщику.

— Всѣ-съ!

— На вотъ, получи три рубля... Остальные за конторой... п-шелъ!..

— Помилуйте-съ...—произнесъ Сопля.

— Во-о-о-нъ! — закричалъ управляющій, — пьянствовать тоже... Мер-р-р-завцы!..

Получивъ свое „жалованье", я вышелъ вмѣстѣ съ Культяпкой изъ конторы и на пути въ кухню спросилъ у него:

— Что это, всегда деньги выдаютъ вотъ этакъ: съ крикомъ и руганью?

— А ты вотъ погоди, что по осени будетъ,—отвѣтилъ онъ,—али зимой... Не приведи Богъ... Того гляди въ рыло за свои кровные получишь... ей-Богу. Зимой нашего брата жмутъ, какъ въ жомѣ... не дыши! Теперь еще что... Теперь царство небесное... теперь мы имъ нужны... Н-да. А зимой,— онъ махнулъ рукой,—что дадутъ, то и ладно, и не спрашивай... А коль чуть что,—за ворота! „Васъ, говорятъ, какъ собакъ паршивыхъ, сколько угодно. До Москвы не перевѣшаешь..." Что толковать... дѣло извѣстное... вездѣ эдакъ-то... Намъ, видно, одка, милокъ, честь: въ рыло, да „дуракъ", „мужикъ", „пьяница", „сволочь"... Эхъ хе, хе!.. Ну, какъ-же быть-то?.. Раздавить, что ли, по махонькой, а?.. Унеси ты мое горе, а?.. Вмазывай къ Лизкѣ... ей-Богу, а?.. Что ужъ... плачешь да пьешь. Одинъ просвѣтъ,—истинный Господь.

XXVII.

Мы, т. е. дядя Юфимъ, Тереха и я, по обыкновенію, спали въ сараѣ. Дядя Юфимъ, какъ легъ съ вечера, такъ сейчасъ же и уснулъ, а намъ съ Терехой не спалось. Мы лежали и разговаривали...

Ворота были открыты, но всетаки было душно... Кругомъ пищали комары...

— Дяденька, пусти-и-и!.. передразнивалъ ихъ Тереха.

Ночь была тихая, теплая. Множество звѣздъ горѣло и дрожало въ темно-синемъ небѣ; въ лугахъ кричали „дергачи", на рѣкѣ пѣли соловьи; въ селѣ далеко лаяли собаки... Всѣ эти звуки не нарушали тишины ночи, а придавали ей какую-то таинственную, робкую прелесть.

— Деньковъ, гляди, черезъ пять получатъ дома деньги, а?.. Какъ думаешь? — разъ десять задавалъ мнѣ одинъ и тотъ же вопросъ Тереха.

— Дойдетъ-ли письмо-то?..

— Дойдетъ, получатъ,—отвѣчалъ я,—рады будутъ!

— Рады?—переспрашивалъ онъ, повидимому, находя въ словѣ „рады" особую прелесть, и тихо, радостно смѣялся.

— У насъ, Павлычъ,—шепотомъ говорилъ онъ,—бѣдно живутъ... жуть! А работы много. Мы нешто такъ работаемъ,

какъ здѣся? Эва! здѣся игра—не работа!.. У насъ все ранѣ поспѣваетъ: рожь, овесъ... все!.. Здѣсь вонъ рожь-то жнутъ бабы, а у насъ косятъ... Вотъ, травъ у насъ мало, покосу...

— Такъ какъ-же вы со скотиной-то?..

— Солома, а то мякоть... Лѣсовъ опять тоже нѣту... Топимъ соломой... И хлѣбъ на соломѣ бабы пекутъ. Заразъ хлѣба четыре сажаютъ, во какихъ, ровно колеса... жуть! Ѣшь, ѣшь ихъ,—индо заплѣснѣютъ...

— Зимой, небось, холодно въ избѣ?

— Не!.. изба махонькая... обвалишь вокругъ соломой... по здѣшнему пеледа, а по нашему защита... Хорошо у насъ зимой, веселò... На улицѣ гуляемъ съ дѣвками... возимся... А то въ другу деревню уйдемъ, а то въ избу... огонь затушимъ... Во пойдетъ возня съ дѣвками—жуть! очень хорошо!.. И дѣвки у насъ не такія, какъ здѣся...

— Лучше?

— Знамо, лучше... Здѣсь что? Жуть! родятъ здѣсь дѣвки-то... Все одно, какъ бабы, и ничего... такъ словно и надо... поди-ка у насъ!

— А у васъ не родятъ?

— Что ты! нешь можно! Да у насъ засмѣютъ, со свѣту сживутъ, проходу не будетъ... А здѣсь, у васъ, безстыжія... водку пьютъ... матерно ругаются, тьфу!.. Ужъ очень здѣсь народъ отчаянный... Убьютъ за грошъ, истинный Господь! Такъ и норовятъ украсть.

— А у васъ, будто, не воруютъ?

— У насъ?.. Очень у насъ насчетъ этого строго... У насъ разъ въ деревнѣ баба одна украла у другой бабы шаль... У-у-у, что тутъ было... Мужъ ее билъ, билъ, билъ, билъ... Потомъ накинулъ ей на плечи шаль эту самую, да и повелъ по деревнѣ... А народъ-то за ними, а народъ-то за ними. Ведетъ онъ ее, а самъ вваливаетъ, а самъ вваливаетъ! жуть!.. И за дѣло: не воруй!..

— Читалъ ты, Терешка, книжки какія нибудь?—спросилъ я.

— Я-то?—переспросилъ онъ,—о, я охотникъ! Ахъ, читалъ я книжку... хороша... жуть!

— Какую?..

— Про казака одного: Тарасомъ его звали, а по прозвищу Бульбинъ... Жуть! истинный Господь! Было у него, у этого самого Тараса, два сына... Андреемъ да Остапомъ звать... Такъ ты что, Павлычъ, думашь, онъ свого сына Андрея убилъ... истинный Господь! Какъ его изъ пищали полыхнетъ, такъ и духъ вонъ... жуть!.. Ужъ очинно занятно!..

— За что-жъ онъ его убилъ?

— А онъ измѣну сдѣлалъ... изъ-за дѣвки тутъ изъ-за

одной дѣло вышло... Изъ-за нее измѣну сдѣлалъ. А какой казакъ-то, ишь, былъ, — красавецъ писаный, сила!.. А другого, Остапа-то, поляки въ полонъ взяли, голову ему отрубили... Отецъ-то какъ горевалъ! на его глазахъ ему и голову-то рубили... Допрежъ того мученью предали, жилы вытягивали... терпѣлъ, терпѣлъ онъ... не смогъ терпѣть,— какъ взвоетъ не своимъ голосомъ: „Тятька, тятька, ужли не слышишь!“... А онъ, Тарасъ-отъ, тутъ-же стоялъ въ народѣ... „Слышу!“ баитъ... У-у-у, что тутъ пошло, жуть! Меня индо,— истинный Господь,—слеза прошибла... ужъ очень хорошо!.. А правда-ль это, а?.. Кто-жъ это за человѣкъ, кто таку книжку составилъ... а?.. Башковатый, должно, мужикъ... Павлычъ! не спишь?..

— Да нѣтъ!

— Что ты молчишь все... думашь... Про что ты думашь, а?..—И, видя, что я не отвѣчаю, онъ завозился на мѣстѣ и громко зашепталъ:—„Богородица, Дѣво, радуйся! Благодатная Марея“...

Я лежалъ навзничь, слушалъ его шептанье и глядѣлъ въ открытыя ворота... За воротами было тихо и темно... Вдругъ, немного погодя, въ воротахъ стало свѣтло, и отчаянно громкій крикъ: „горимъ! горимъ!“ нарушилъ тишину ночи.

— Пожаръ!—закричалъ я и, толкнувъ дядю Юфима, выбѣжалъ вмѣстѣ съ Терешкой за ворота.

— Скотный дворъ горитъ!—закричалъ Тереха, и мы побѣжали къ мѣсту пожара.

Горѣлъ пока не скотный дворъ, а огромный ометъ ржаной соломы, сваленный къ скотному двору, къ одной изъ его стѣнъ...

Сухая солома, треща и забирая все выше и выше, горѣла, вспыхивая, какъ порохъ... Въ какіе-нибудь полчаса пылалъ весь ометъ и началъ загораться скотный дворъ...

Всѣ—и рабочіе, и управляющій, и князь, и княгиня, — словомъ всѣ, кто могъ двигаться и смотрѣть,—прибѣжали на пожаръ. Вскорѣ изъ сосѣдняго села и деревень начали прибѣгать по одиночкѣ и группами мужики, дѣвки, бабы, мальчишки...

— Трубу, трубу!—кричалъ князь, бѣгая съ палкой и съ непокрытой головой около пожара,—гдѣ труба?.. чо-о-о-ртъ!..

Труба оказалась испорчена и не дѣйствовала.

— Выгоняйте скотъ!.. Скотъ выгоняйте!—кричалъ князь.— О, чо-о-о-ртъ!..

Изъ сосѣдняго села привезли, наконецъ, общественную трубу и кое-какъ, послѣ довольно-таки долгихъ и безтолковыхъ усилій, наладили и начали „прыскать“ изъ тонкой кишки тоненькой струйкой воды въ расходившееся пламя...

Высокій и тонкій Сопля, вооружась концомъ этой „кишки“, самоотверженно лѣзъ почти въ самый огонь... Яркое пламя освѣщало его фигуру, и эта фигура, безъ фуражки, съ вытаращенными глазами, блѣднымъ лицомъ, какъ-то необыкновенно отчетливо выдѣлялась на ярко-огненномъ фонѣ, пугая своимъ видомъ.

Бабы и дѣвки, подобравъ юбки, бѣгали съ ведрами за водой. Мы, рабочіе и прибѣжавшіе мужики, безтолково суетились, ничего въ сущности не дѣлая и только крича...

— О-о-о! А-а-а!—стояло въ воздухѣ, сливаясь съ трескомъ огня...

— Гони скотъ, скотъ гони!—кричалъ обезумѣвшій, растрепанный, босой, въ бѣлыхъ „невыразимыхъ“, управляющій.

Перепуганный скотъ, коровы и телята не шли со двора, и ихъ пришлось буквально вытаскивать силой.

Между тѣмъ, загорѣлась, вспыхнула какъ-то сразу, со страшнымъ трескомъ, деревянная, изъ тонкой дранки, крыша скотнаго двора и запылала, какъ свѣчка.

Половина коровъ и телятъ остались на дворѣ. Ихъ уже нельзя было вывести... Дворъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ.

— Спасайте!—кричалъ управляющій,—черти!.. Ну, ну!.. убью!.. о-о-о!..

Но спасать уже было невозможно. Крыша вдругъ рухнула. Туча искръ взвилась къ темно-синему небу... Нѣсколько голубей, мелькая и трепеща крылышками, ворвались откуда-то въ этотъ столбъ и вдругъ куда-то пропали.

Мало-по-малу стихая, охваченный со всѣхъ сторонъ, какъ огромный костеръ, горѣлъ теперь дворъ, далеко освѣщая окрестность.

— О, Боже мой! о, Боже мой!—всплескивая руками и, кажется, плача, маленькій и жалкій, взывалъ управляющій, бѣгая вокругъ пожара...

XXVIII.

Пламя стихало... Вѣтра не было, и опасность другимъ строеніямъ не грозила.

Князь подозвалъ къ себѣ управляющаго и громко, такъ, чтобы всѣ слышали, крикнулъ:

— Что это, а?... поджогъ?..

Управляющій какъ-то сжался въ комочекъ и залепеталъ что-то.

— Что-о-о?—крикнулъ князь и прибавилъ:—Дура-а-а-къ!

— По-по-всему вѣ-вѣ-роятію!—вымолвилъ перепуганный „самъ.“

— Что по всему вѣроятію?—снова крикнулъ князь,— чо-о-о-ртъ!..

— Поджогъ-съ!

— Кто же?.. За что?..

Управляющій молчалъ. Въ это время, стоявшій неподалеку нарядчикъ, какъ-то изогнувшись, крадучись, точно охотникъ подъ тетерева, подошелъ къ нимъ и заговорилъ, обращаясь къ князю:

— Вашь-ся, осмѣлюсь доложить... поджогъ-съ это.

— Что-о-о?—закричалъ князь, таращa на него глаза.

— Кузнецъ это, вашь-ся, кузнецъ... болѣ некому.

— Какой кузнецъ?.. Что такое?..

— Ахъ, да!—радостно крикнулъ управляющій,—я и забылъ... конечно, онъ!..

— Да кто онъ? Объясни!—закричалъ князь и топнулъ ногой.

Управляющій объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Что-жъ ты такихъ негодяевъ держишь?—опять закричалъ князь.—Чо-о-о-ртъ!.. За урядникомъ послать, живо! Разслѣдовать это дѣло! По-о-о-длецы!..

Онъ повернулся и пошелъ было прочь, но сейчасъ же снова остановился и, обернувшись, крикнулъ:

— А сторожъ?... Гдѣ былъ сторожъ?.. Позвать сюда ка-а-а-налью!..

— Сторожъ! сторожъ! Сопля!—послышались услужливые голоса со всѣхъ сторонъ:—иди, князь зоветъ!.. Оглохъ, что ли?.. чо-о-о-ртъ! тебѣ говорятъ!

Мокрый съ головы до ногъ, съ покрытымъ сажей лицомъ, безъ картуза, страшный, точно какой нибудь сказочный злодѣй, приблизился Сопля къ князю и остановился, принявъ необыкновенно робкую и почтительную позу.

— Ты сторожъ?—подступая къ нему, спросилъ князь.

— Я-съ, вашь-ся!—прошепталъ перепуганный Сопля.— Такъ точно-съ!

— Ты... а-а-а! что-жъ ты смотрѣлъ, скотина, а?..—И, говоря это, князь совсѣмъ близко пододвинулся къ нему.— Что ты смотрѣлъ? Я у тебя спрашиваю!..

— Ви-виноватъ-съ!

Князь взмахнулъ палкой и хотѣлъ ударить, но не ударилъ, а какъ-то вдругъ круто повернулся и пошелъ прочь.

— Къ чорту его!—крикнулъ онъ на ходу,—чтобъ духу не было!..

Сопля обернулся и, обведя всѣхъ насъ испуганными, страшными, недоумѣвающими глазами, согнулся и, какъ побитая собака, пошелъ прочь по направленію къ кухнѣ.

— Подлецъ! Скотина!—крикнулъ ему вслѣдъ управляющій

и добавилъ, обращаясь къ нарядчику:—Сегодня же чтобъ не было его... слышишь!..

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ нарядчикъ...

XXIX.

— На, вотъ, получай разсчетъ! — выйдя изъ-за стола послѣ обѣда и помолившись, сказалъ нарядчикъ Соплѣ:— Уходи... Не велятъ, чтобы ты здѣся находился.

— Куда-жъ я пойду? Собраться, чай, надо... то, се... уложиться... жена вонъ тоже... Мало-ли?.. Не мутовку облизать...

— Женѣ неча укладаться, — сказалъ нарядчикъ, — ее не гонятъ... жена здѣся останется.

— Эка-ся, ты!—воскликнулъ Сопля,— склизкій какой... такъ я ее и оставлю... Оставилъ одинъ такой!

— Ну, какъ знаешь,—сказалъ нарядчикъ,—дѣло ваше... Мужъ да жена—одна сатана... А только, братъ, намъ безъ кухарки нельзя, и уйти ей покеда невозможно.

— Ей нельзя, а мнѣ можно?

— Ты—дѣло десятое... Тебѣ сказано,—самъ слышалъ,— „вонъ!“ Ну, значитъ, ты и того,—уходи, а то какъ бы грѣха не было.

Сопля помолчалъ, глядя на насъ удивленными глазами, точно спрашивая: „братцы, что же это?“—и вдругъ заплакалъ.

Сначала онъ плакалъ, тихо всхлипывая, потомъ все шибче и шибче... Наконецъ, завылъ, какъ баба на кладбищѣ, у которой только что зарыли сына, и, трясясь всѣмъ тѣломъ, началъ что-то приговаривать...

Рабочіе молчали и не глядѣли другъ на друга. Всѣмъ было какъ-то неловко, чего-то совѣстно и жалко...

— Я, я,—лепеталъ, захлебываясь отъ слезъ, Сопля,— вѣрой и правдой... шесть годовъ... а!.. николи вотъ крошки хозяйской не бралъ... Ста-а-а-рался! Заслужу, молъ... Заслужилъ: „вонъ!“ Хуже собаки... Собаку и ту... о-о-о!..

— Ну, ревѣть неча!—сказалъ нарядчикъ,—не баба, небось... сряжайся-ка, другъ!

— Богъ дастъ, друго мѣсто найдешь,—ласково и участливо сказалъ дядя Юфимъ, подойдя къ Соплѣ.—Ты не робѣй: была бы шея, хомутъ найдется...

— Да нешто я про это,—закричалъ Сопля:—дядя Юфимъ, родной ты мой, нешто я про это! Мѣсто... мѣсто—тьфу! обидно мнѣ, вотъ что, обидно! Обижаютъ меня всѣ... Кому я зло сдѣлалъ?.. Я... я, думается, муху и ту жалѣю... жалко мнѣ, вотъ что... о-о-о-бидно, дядя Юфимъ!..

— Ну-у-у, обидно!.. Что станешь дѣлать?.. Ничего не по дѣлаешь! Не умѣешь шить золотомъ, бей молотомъ!.. Плюнь ты, не плачь, негоже это... Эка забота!.. Обойдется дѣло-то, наплевать!..

— Водочки бы,—произнесъ Сопля,—въ останный, може, разокъ... выпили бы... Сбѣгайте кто-нибудь, братцы,—вотъ деньги... Егоръ Иванычъ, а? Водочки, говорю... Богъ съ тобой: не сержусь на тебя... а только... эхъ ма!..

— Нѣтъ ужъ ты водочку оставь,—сказалъ нарядчикъ,—нельзя! Самъ пей ужо въ казенкѣ, сколько хошь, а сюда нельзя... Сюда, того гляди, самъ придетъ... Опять всѣмъ на дѣло идтить... Около пожарища надо растаскать что... Сряжайка-ся, братъ, уходи!..

— Куда-жъ я пойду? Погоди!

— Годить неча: уходи, да и вся не долга!

— А жена-то?..

— А на что тебѣ жена-то, песъ ты гнилой, прости ты меня, Господи? На что я тебѣ?—закричала вдругъ, все время молчавшая въ своемъ углу, кухарка: — куда я съ тобой съ эстакимъ дѣнусь-то? Что у тебя,—домъ, что-ли, свой, а? Припасено что? Аль мѣсто другое нашелъ? Не пойду я съ тобой! Куда я пойду?.. Дура я, что-ли?.. Меня не гонятъ,—по міру съ тобой идтить, да тебя, длиннаго идола, кормить?... У-у-у, дьяволъ постылый!.. Протухъ весь заживо... Не подохнетъ, окаянный!.. Посадилъ тебя чортъ на мою шею!.. Ступай одинъ хучь въ омутъ,—туда и дорога... Бери, вонъ, портки свои да и иди до перваго кабака... Что у тебя есть-то?.. Какъ у турецкаго святого: портки да трубка...

— Таматко, у казенки-то, кузнецъ, чай, сидитъ,—усмѣхаясь и въ тонъ ей, произнесъ нарядчикъ,—вотъ вамъ, двумъ пріятелямъ, и весело будетъ покеда... А тамъ ужо, дай, урядникъ пріѣдетъ, другой разговоръ пойдетъ...

— И этотъ такой же!—крикнула кухарка,—все одно: такой же каторжникъ... злая рота!..

— Молчи!—дикимъ голосомъ закричалъ Сопля:—душу вышибу!..

— А ты полегше, полегше,—заговорилъ нарядчикъ,—полегше, братъ! Нельзя кричать... Полегше, н-да! Твое дѣло какое? Послѣднее твое дѣло... уходи, братъ... получилъ разсчетъ и съ Богомъ!..

— Врешь, мошенникъ!—закричалъ Сопля.— А жена-то? Тебѣ оставить?.. Не пойду я безъ жены! Каку-таку она имѣетъ праву не идтить съ мной? Гдѣ писано?.. Кто она мнѣ, а?.. Кто я ей? Хозяинъ я ей, а?.. Аль нѣтъ?.. Мужъ, чай, законный. Какъ ты полагаешь?.. Не пойду! Хучь убей!.. Знаю я, объ чемъ ты-то хлопочешь... Сволочь, бабникъ!..

— Смотри, братъ, лаяться станешь,—выставимъ!.. Сволочить-то погоди...

— Не пойду!—дико кричалъ Сопля и вдругъ, весь трясясь, длинный, страшный, бросился на нарядчика съ кулаками.—Мошенникъ! Ты все! ты!.. Ты и скотную подпалилъ... О-о-о!.. о-о-о!..

— Братцы!—завопилъ нарядчикъ, отпихиваясь,—будьте свидѣтели, свидѣтели будьте! За такія слова... будьте свидѣтели!..

— Мошенникъ, воръ! — продолжалъ Сопля, — глотъ!.. Сколько ты народу слопалъ?!. о-о-о!.. Чужихъ женъ совращать... Благо, гладокъ, жиръ то тебя точитъ... Разбойникъ!.. убью!..

Дико крича, они сцѣпились, какъ два кота, и покатились по полу. Ихъ крикъ въ открытыя окна далеко разносился по имѣнію.

Услышавъ эти крики, прибѣжалъ съ палкой въ рукахъ управляющій и остановился на порогѣ, пораженный, въ первую минуту не зная, что дѣлать.

При его появленіи, мы всѣ почтительно поднялись, въ ожиданіи.

Дерущіеся катались по полу, воя, сквернословя, сопя, награждая другъ друга кулаками, кусаясь и никого не замѣчая.

— Что такое?—закричалъ, наконецъ, не тише дерущихся управляющій,—драка! Ахъ вы, звѣрьё, да я васъ!.. бросьте! бросьте говорю! перестать!..

Онъ сталъ награждать ударами палки то одного, то другого. Но дерущіеся до того „увлеклись“, что не слыхали этихъ ударовъ, и продолжали драться, какъ двѣ огромныя сцѣпившіяся собаки.

— Вы что глядите!—накинулся вдругъ на насъ управляющій,—болваны! Разнять! Разнимайте... ахъ, подлецы, дикари!.. Растаскивайте ихъ... ну, живо!..

— Ихъ таперича не растащить, — закричалъ Культяпка,— сцѣпились! Водой надо... Постой-ка я ихъ!

И говоря это, онъ схватилъ ведро, зачерпнулъ имъ изъ кадки воды и, какъ-то смѣшно перекосивъ ротъ и растопыря ноги, плеснулъ изъ ведра водой, стараясь попасть въ лица... Это подѣйствовало. Дерущіеся, какъ пѣтухи, отскочили другъ отъ дружки.

— Егоръ, что это значитъ?—спросилъ управляющій.

— Баринъ, батюшка,—размазывая по лицу кровь и плача отъ злости, завопилъ нарядчикъ,—житья нѣтъ! Изругалъ всячески... при свидѣтеляхъ... Какъ только не лаялъ... Воръ, говоритъ, ты, говоритъ, скотну подпалилъ... Лаялъ, лаялъ... въ драку полѣзъ... а за что? За то, что я ему водки не велѣлъ сюда носить...

Управляющій уже больше не слушалъ... Онъ накинулся на Соплю, топоталъ на него ногами и кричалъ визгливымъ, рѣжущимъ слухъ голосомъ.

— Вонъ! Вонъ! Вонъ! Сію минуту вонъ! Тебѣ сказано... вѣдь тебѣ сказано!

— Сказано... даве еще сказано!—вторилъ нарядчикъ.

— Не пойду я отседа безъ бабы! — угрюмо произнесъ Сопля,—гони не гони... не пойду!

— Что-о-о? — завизжалъ управляющій, — не пойдешь?! А-а-а?.. Какая баба, а?..

— А это значитъ, жена его... кухарка наша,—пояснилъ нарядчикъ.—Ее онъ взять хочетъ, а она, значитъ, не идетъ... Потому, сами извольте посудить, куда-жъ идтить съ мужемъ съ эстакимъ... Ну, кабы еще домъ свой былъ, дѣло десятое, а то куда?

— Да развѣ ее гонятъ?—спросилъ управляющій.—Что съ нимъ, дуракомъ, разсуждать... Вонъ!

— Укладайся пока-что!—опять такъ же угрюмо произнесъ Сопля, обращаясь къ женѣ,—я пойду лошадь найму въ деревнѣ.. Съѣдемъ пока-что на фатеру... Сряжайся!..

Услыша это, кухарка вдругъ пронзительно заголосила и повалилась управляющему въ ноги.

— Баринъ, батюшка!—кричала она,—куда я пойду?.. Гони ты его, не слушай... Какой онъ мнѣ мужъ?.. Пьяница... гнилой онъ... протухъ... О-о-о, матушка Царица Небесная, что-жъ это такоича будетъ-то?..

— Встань, встань!—успокоилъ ее управляющій,—не бойся... ничего онъ не можетъ сдѣлать... Я князю скажу... Ты какъ жила, такъ и будешь жить... Встань!—и, снова обернувшись къ Соплѣ, закричалъ.—Вонъ!..

— Не пойду безъ бабы! — опять произнесъ Сопля, — не желаю, чтобы она жила съ жеребцомъ съ эстимъ... Я, скажемъ, лыкомъ шитъ, а мужъ законный... Какъ хочу, значитъ, такъ и ворочу, и неча тебѣ, баринъ, не въ свое дѣло лѣзть...

— Не пойду я съ тобой,—закричала кухарка,—ни въ жись не пойду! Издохну, а не пойду!

— По-о-о-йдешь!—протянулъ Сопля.

— Не пойду! Удавлюсь, а съ тобой жить не стану!.. Тьфу тебѣ въ рыло твое поганое! Гнилой песъ! Чтобъ те познамило!

— По-о-о-йдешь!—опять протянулъ Сопля.

— Ребята!—обернулся къ намъ управляющій,—выведите его... Проводите за скотный прудъ... хорошенько его!..

Мы стояли, не трогаясь. Сопля глядѣлъ на насъ и ждалъ, что будетъ.

— Ну-у-у, что-же?—повторилъ управляющій.

— Не наше это, баринъ, дѣло,—сказалъ, наконецъ, дядя Юфимъ,—неча намъ и соваться... Промежъ мужа да жены одинъ судья—Господь! А отъ него мы худого не видали... Намъ его трогать не гоже, грѣхъ! Ты старшой... тебѣ власть дана,—какъ хошь, такъ и дѣлай, а наше дѣло сторона... Безъ толку надъ человѣкомъ измываться нехорошо... Пожалѣть человѣка надо... Пожалѣешь — онъ, глядишь, и отмякнетъ... Такъ-то, баринъ хорошій, а не палкой... Палка-то вѣдь объ двухъ концахъ... Ты яго, а онъ тебя... — и, обернувшись къ Соплѣ, сказалъ:—ушелъ бы ты, родной, покеда отъ грѣха... Баба дура... баба отъ тебя не уйдетъ... Кому она нужна-то?.. Завси вытребовать можешь... Ступай-ко, родной, дѣло-то складнѣе будетъ...

— Обидно мнѣ, — произнесъ Сопля и вдругъ опять, какъ ребенокъ, на котораго подѣйствовали ласковыя слова, захлюпалъ.—Обидно, дядюшка Юфимъ! За что? аль я... съ женой разлучили... гонютъ вонъ... а я человѣкъ бо-о-льной... ло-о-оманый... Куда я одинъ-то... посуди самъ... дядюшка Юфимъ, посуди... о-о-о!..

— Иди покеда до казенки, а тамъ увидишь!—сказалъ Культяпка съ подлой улыбкой и посмотрѣлъ на управляющаго, какъ-бы ожидая сочувствія съ его стороны своему остроумію.

— Ну, Богъ вамъ судья!—тяжело вздохнувъ, вымолвилъ Сопля,—уйду я... покеда... да только приду скоро... приду, баба, за тобой... Прощай покеда... помни, не пройдетъ это тебѣ такъ...

Онъ надѣлъ поддевку, новые сапоги и, держа картузъ въ лѣвой рукѣ, перекрестился правой и сказалъ:

— Прощайте, братцы!

— Прощай! — сказали мы, — дай Богъ!..

Онъ перекрестился еще разъ, надѣлъ фуражку и, не глядя на жену, пошелъ къ двери.

Около двери стоялъ управляющій, и, какъ только Сопля переступилъ за порогъ, онъ размахнулся и ударилъ его по спинѣ палкой.

— Подлецъ!

Сопля даже и не обернулся...

XXIX.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ урядникъ, высокій, плотный, съ краснымъ лицомъ и съ усами, какъ у кота, солдатъ. Управляющій повелъ его къ себѣ на квартиру, и скоро всѣхъ насъ, рабочихъ, потребовали въ контору...

Въ конторѣ, кромѣ управляющаго и урядника, были нарядчикъ и конторщикъ Геннадій.

Рабочіе, какъ водится, столпились въ передней около двери, съ любопытствомъ и страхомъ глядя на урядника...

Начался допросъ.

— Говори ты, какъ дѣло было! — повелительно и хмуря брови, чувствуя себя передъ нами „большимъ начальствомъ", крикнулъ урядникъ, обращаясь къ нарядчику. — Хвалился кузнецъ, а? Хотѣлъ что нибудь сдѣлать?

Нарядчикъ сталъ разсказывать.

— „Помни, говоритъ, — повторилъ онъ слова кузнеца, — помни"... Всѣ слышали!

Урядникъ записалъ.

— Слышали вы эти слова?—обратился онъ къ намъ.

Рабочіе молчали.

— Слышали что ли, а? Что-жъ молчите?.. Ты, старый хрѣнъ, слышалъ?

— Ничего я не слыхалъ, — отвѣтилъ Юфимъ, — зря это все... Мала что въ горячности скажешь... языкъ безъ костей... врагъ нашъ... Ничего я, господинъ, не знаю... Ты меня не спрашивай!..

— Ишь ты, каналья, а?—повернувшись къ управляющему, произнесъ урядникъ,—изъ какой оперы запѣлъ, а? Ахъ, негодяй! Н-да! Ну, а ты слышалъ? Эй ты! тебя спрашиваю...

— Меня-съ?.. — переспросилъ Культяпка и выдвинулся впередъ.

— Ну, да!

— Какъ же-съ, — заговорилъ Культяпка, — какъ же-съ... какъ не слыхать-съ, помилуйте... Я рядомъ стоялъ... слышалъ-съ... Слышалъ, какъ онъ похвалялся: „мотри, говоритъ, будешь помнить"... потомъ пошелъ, а самъ про себя шепотомъ: „спалю!" говоритъ.

— Что-о-о?—переспросилъ урядникъ.

— „Спалю!"—говоритъ,—повторилъ Культяпка.

— Онъ это говорилъ?

— Говорилъ-съ!

— Буде врать-то!—сердито сказалъ Юфимъ, — трепло! и что брешешь на свою голову... Эхъ, Михайло, грѣхъ! Не вѣрьте ему, господинъ, брешетъ онъ.

— А ты что за заступникъ такой выискался? Тебѣ кузнецъ-то—сватъ, братъ?

— Не сватъ, не братъ, а я за правду... правду люблю!

— Ну, и стой съ своей правдой... молчи... не суйся, гдѣ не спрашиваютъ, — сказалъ урядникъ и снова спросилъ: — Такъ ты слышалъ?..

— Ну, вотъ-съ... помилуйте! Барина вонъ тоже обругалъ... „Сволочь ты“, говоритъ... Я рядомъ стоялъ.

— Правду онъ говоритъ?—обратился урядникъ къ намъ.

Рабочіе молчали...

— Мы ничего не знаемъ!—сказалъ Юфимъ,—какъ знаете... Дѣло ваше!..

— Та-а-а-къ!—протянулъ урядникъ, пристально глядя на Культяпку, — т-а-а-къ! Еще кто не слыхалъ ли, говорите! — опять обратился онъ къ намъ.

Мы молчали.

— Онъ это... онъ! болѣ некому!—произнесъ нарядчикъ:— кабы не онъ, пришелъ бы на пожаръ... А то, небось, не былъ... Гори, молъ... не жалко!

— А гдѣ онъ теперь?—спросилъ урядникъ.

— Извѣстно, чай, коло винополіи околачивается... въ селѣ, чай...

— Его надо сюда,—произнесъ урядникъ,—допросить бы... Да ужъ кстати связать... Уйдетъ, подлецъ, ищи тогда...

— Пьянъ онъ, небось,—сказалъ управляющій.

— Послать бы за нимъ, а?—сказалъ урядникъ,—распорядились бы вы,—обратился онъ къ управляющему.

— Не пойдетъ онъ, господинъ,—сказалъ нарядчикъ,—не таковъ человѣкъ... наврядъ-съ!

— Ну у-у, не пойдетъ... пойдетъ!—произнесъ урядникъ,— у насъ пойдетъ! Скажи, *кто* приказалъ... А не пойдетъ— возьми сотскаго, понятыхъ... руки такимъ манерцемъ... понялъ... а будетъ упрямиться... я самъ пріѣду... такъ и скажи: *самъ пріѣду*!..

— Слушаю съ!.. Прикажете съѣздить, баринъ?—обратился онъ къ управляющему.

— Да... конечно... поѣзжайте четверо... Ну, а если его тамъ нѣтъ?

— Таматко, баринъ, не сумлѣвайтесь! — улыбаясь, произнесъ Культяпка, — болѣ гдѣ же ему быть-то? Коли не тамъ, то у Лизки... два мѣста... Покеда не пропьетъ денегъ, далеча не уйдетъ.

— Ну, такъ поѣзжайте!—сказалъ управляющій,—а мы съ вами пока закусимъ, а? Чайку, а?—обратился онъ къ уряднику.—Вамъ, конечно, ѣхать не зачѣмъ, такъ закусимъ...

— Можно! — произнесъ, улыбаясь, урядникъ. — А князь сюда не придутъ-съ?.. Я думаю, это обстоятельство сильно разстроило ихъ? Н-да! Можно сказать, одинъ негодяй и... результатъ-съ!..

— Кому прикажете, баринъ, ѣхать? — спросилъ нарядчикъ.

— Кому? Да кто-нибудь... Ну ты... Михайло вонъ... онъ

вонъ, — указалъ онъ на меня, — ну, еще кто-нибудь... какъ хочешь вообще...

— Мнѣ-то, баринъ, ѣхать ли?..

— А что?

— Сами изволите знать — золъ онъ на меня... Какъ бы грѣха не вышло какого... Ему-то все едино-съ, человѣкъ онъ отпѣтый, а у меня жена, дѣти-съ...

— Да не бойтесь ничего, — сказалъ урядникъ.—Зачѣмъ ѣхать четверымъ... На медвѣдя, что ли? Ну, поѣзжайте двое... Ты, вотъ, поѣзжай,—кивнулъ онъ на Культяпку,—ты малый, кажись, того... не промахъ, да вонъ тотъ, длинный,—кивнулъ онъ на меня,—и довольно...

— Что-жъ, поѣдемъ, Павлычъ, а?—сказалъ Культяпка:— неча время терять... авось не убьетъ...

Мы вышли изъ конторы...

XXX.

Кузнеца мы, дѣйствительно, нашли у „винополіи"... Онъ былъ не одинъ... Они вмѣстѣ съ Соплей сидѣли на ступенькахъ трактирнаго крыльца и пили водку изъ горлышка полубутылки, закусывая селедкой съ хлѣбомъ. Кузнецъ былъ не пьянъ, а Сопля успѣлъ уже „дойти до дѣла"...

Мы слѣзли, привязали къ колодѣ лошадь и подошли къ нимъ.

— Пріятнаго апититу!—сказалъ Культяпка.

— Вы какъ сюда?—спросилъ кузнецъ.

— По дѣлу, — отвѣтилъ Культяпка и, отвернувшись отъ него, нагнулся, поплевалъ на ладонь руки и, похлопавъ этой ладонью Соплю по головѣ, сказалъ:

— Гуляешь, сторублевая голова, съ горя-то?!.

Сопля обрадовался нашему пріѣзду и началъ угощать водкой. Самъ онъ пилъ больше всѣхъ и все говорилъ про жену, про обиду, про свое горе и, по обыкновенію, хлюпалъ... Кузнецъ пилъ мало. Онъ былъ какой-то хмурый, невеселый, задумчивый...

— А вѣдь мы за тобой пріѣхали!—неожиданно вдругъ, улыбаясь, сказалъ Культяпка..

— За мной?.. Зачѣмъ я понадобился?

— Да что, другъ,—заговорилъ Культяпка,—кислыя слова тамъ про тебя... будто ты того... скотную... Чай, тебѣ Сопля-то сказывалъ?.. Урядникъ тамъ... Онъ насъ, признаться, и послалъ-то... къ допросу тебя... чудно! Я имъ, вѣришь Богу, давеча говорю: что вы, говорю, на человѣка эдакое дѣло... пра ей-Богу... „Не твое, говорятъ, дѣло"...

— Нарядчикъ, небось, все?—угрюмо произнесъ кузнецъ:— Вотъ шельма-то... Н-да! подвелъ штуку...

— Всѣ, братъ, хороши,—отвѣтилъ Культяпка и, въ свою очередь, спросилъ:—А что-жъ ты на пожаръ-то не приходилъ?

— На кой онъ мнѣ чортъ! — опять также угрюмо произнесъ кузнецъ.—Все гори... мнѣ наплевать... у князя денегъ много... кой имъ чортъ!.. Такъ, значитъ, и порѣшили, что я поджогъ?.. Павлычъ,—обратился онъ ко мнѣ,—ну, а ты какъ полагаешь я, аль нѣтъ?..—И, видя, что я молчу, поднялся съ мѣста и, хлопнувъ меня по плечу, сказалъ: — Не я, братъ Павлычъ.. не вѣрь... не я... Кабы я—я сказалъ бы... И не боюсь я никого... ни князя, ни чорта, ни тюрьмы... и Сибирь наплевать мнѣ... И тамъ солнце свѣтитъ... Такъ-то, другъ... Уходи-ка ты изъ имѣнья этого, будь оно проклято!.. Поѣдемте!—добавилъ онъ рѣзко:—Сопля, ѣдемъ!

— Его-то не надо,—сказалъ Культяпка,—куда его?!.

— А тебѣ что?.. Лошади барской жалко, что ли... Пущай ѣдетъ... Можетъ, и его въ свидѣтели поставятъ... Полѣзай, Сопля!..

— Погодите, други мои,—залепеталъ Сопля,—я... я... половиночку... съ собой... Не бросайте вы меня... Я на дорожку... по-по-ловиночку... сичасъ я...

И онъ, спотыкаясь и шаря на ходу въ карманѣ поддевки, пошелъ въ казенку и вышелъ оттуда, держа бутылку.

— Вотъ она!—издали поднявъ ее передъ собой, крикнулъ онъ и, подойдя къ намъ, вдругъ почему-то заплакалъ.

— Садись, Сопля, — сказалъ кузнецъ и почти втащилъ его въ телѣгу...—Сиди смирно... Не разбей спосуду-то... горе луковое... Трогай!..

Мы поѣхали...

XXXI.

Дорогой, пока ѣхали до имѣнія, кузнецъ угрюмо молчалъ. Культяпка болталъ разный вздоръ, косясь на кузнеца... Сопля то принимался плакать, то начиналъ говорить про жену, про обиду, про жизнь...

Я правилъ лошадью и тоже думалъ про свою жизнь и про тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ, и въ головѣ у меня невольно какъ-то стучали слова: „ну, люди... и жалко, и бить хочется, тьфу!..“

Ѣхать было хорошо... Колеса громко стучали по дорогѣ... Солнце стояло низко... Въ рѣчкѣ, по берегу которой мы ѣхали, отражались, какъ въ зеркалѣ, прибрежные кусты, неподалеку росшія старыя березы, голубое небо, бѣлыя рѣдкія облака... У береговъ, поросшихъ высокой осокой, заливались

со всѣхъ сторонъ лягушки... Мошкара стояла надъ водой, походя на тонкіе, прозрачные, движущіеся столбы... Гдѣ-то громко крякалъ одинокій селезень, и, перелетая съ мѣста на мѣсто, курликали и посвистывали кулики... Гдѣ-то, высоко надъ нами, леталъ невидимый самецъ-бекасъ и блеялъ, какъ баранъ. Пастухъ гдѣ-то за пригоркомъ игралъ на „жалейкѣ", и звуки этой „жалейки", простые и жалобные, казалось, лились въ прозрачный воздухъ, стояли въ немъ, плакали, жаловались, навѣвая на душу тихую, пріятную грусть... Что-то далекое, забытое, хорошее вставало передъ глазами, трогая за сердце...

— Ты—Журловъ, кузнецъ?—спросилъ урядникъ, оглядывая фигуру кузнеца съ ногъ до головы большими, выпуклыми, налитыми кровью, вѣроятно, отъ выпитой водки, глазами.

— Я!—отвѣтилъ кузнецъ.

— Ты... а а-а! Ты!—урядникъ подошелъ къ нему и вдругъ, точно играя, ударилъ его указательнымъ пальцемъ правой руки по носу.—Ты!—повторилъ онъ. — Ты, голубчикъ... ты!.. Тебя-то намъ и надо... Ахъ ты, гадина эдакая, а? Какими дѣлами... а?..

— Какими дѣлами?—угрюмо переспросилъ кузнецъ.

— Ты арапа-то не строй! — воскликнулъ урядникъ злорадно.—Каковъ, а?—обратился онъ къ управляющему и продолжалъ:—Дѣло хорошее... прекрасное дѣло... Ахъ ты, подлецъ! Посмотримъ, какъ ты передъ господиномъ приставомъ поговоришь, голубчикъ... Какія дѣла, спрашиваетъ?.. ха!—онъ опять махнулъ его пальцемъ по носу.—Ты поджигать, каналья!.. Мстить! Съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ... Ахъ ты, подлецъ!..

— Я не поджигалъ!—сказалъ кузнецъ.

— Что-о-о?.. А кто же... ха, ха, ха! Не онъ, а?.. Ну, а кто же?.. Пушкинъ, что ли?.. А?.. Ска-а-а-тина!..

— Не я!—снова повторилъ кузнецъ.

— Ладно... не ты, такъ не ты... А я знаю, что ты... Да что съ тобой толковать... Свидѣтели, братъ, есть... Связать его!.. Эй, свяжите-ка его, ребята!..

— Меня вязать нечего,—сказалъ кузнецъ,—я и такъ не уйду... не боюсь я...

— Ну, тамъ увидимъ, боишься ли, нѣтъ ли.—произнесъ урядникъ и вдругъ закричалъ на насъ:—Вамъ говорятъ—связать!..

— Это дѣло не наше,—сказалъ Юфимъ,—вяжи самъ... На то ты надъ нами и поставленъ... Наше дѣло тутъ не при чемъ... Да!.. Понапрасну человѣка обижать не законъ.

Кузнецъ обернулся, посмотрѣлъ на дядю Юфима, и вдругъ ротъ его чуть-чуть тронулся ласковой и вмѣстѣ какой-то жалостной улыбкой.

— Вяжите, робята,—тихо произнесъ онъ.—Пущай потѣшутся... Мнѣ все едино... Я не жогъ... не боюсь!

— Вотъ такъ-то лучше! — опять злорадно воскликнулъ урядникъ:—Вяжи! - обратился онъ къ нарядчику.

Нарядчикъ съ припасенной заранѣе веревкой боязливо подошелъ къ кузнецу и сказалъ:

— Давай!

Кузнецъ безропотно закинулъ руки назадъ. Лицо его потемнѣло... губы тряслись... Онъ нахмурился и, видимо, дѣлалъ страшныя усилія, стараясь сдержать себя.

Нарядчикъ быстро, ловко и крѣпко скрутилъ кузнецу руки, и когда сдѣлалъ это, усмѣхнулся гадкой, злобной усмѣшкой и сказалъ:

— Вотъ таперя не подожгешь!

— Не подожгешь!—повторилъ урядникъ.

Кузнецъ, молча, глядѣлъ въ землю.

Управляющій подошелъ къ нему и, стараясь заглянуть въ глаза, злобно сказалъ:

— Что, голубчикъ, догулялся, а?.. Догулялся, я говорю?.. Такъ и надо... по-о-длецъ!

Онъ махнулъ рукой, и звукъ пощечины раздался по конторѣ.

— Бей аще!—сказалъ кузнецъ.—Благо, у меня руки связаны... Ахъ ты, гадъ!.. Тьфу!..

Онъ плюнулъ ему въ лицо.

— Ведите его!—завизжалъ управляющій, быстро отскочивъ отъ кузнеца.—Чтобъ духу не было!..

— Запереть пока, а завтра въ станъ!—сказалъ урядникъ.

Кузнеца увели.

XXXII.

Насъ отпустили. Мы отправились на кухню и тамъ совершенно неожиданно наткнулись на такую картину: на полу, около стола, валялась, какъ чурка, кухарка, страшно избитая и связанная. На ней положительно не было лица. Какой-то кровяной комокъ, а не лицо. Ротъ былъ заткнутъ тряпкой, крѣпко-накрѣпко закушенной зубами... На обнаженномъ тѣлѣ висѣли тамъ и сямъ узкія полосы одежды. Жидкіе рыжеватые на головѣ волосы были растрепаны, и вырванные клоки ихъ валялись по полу.

— Господи!.. Что жъ это значитъ!—воскликнулъ нарядчикъ.

Пораженные не меньше его, мы молчали.

— Никакъ убилъ!—воскликнулъ Юфимъ. — Охъ, грѣхи!.. Бѣги кто-нибудь за самимъ... Не трогъ до урядника.

Нарядчикъ нагнулся, оправилъ на ней платье и вытащилъ изо рта тряпку. Въ горлѣ у ней что-то захлюпало.

— Эй!—крикнулъ нарядчикъ,—Матренъ!.. а, Матренъ! Кто тебя, а?..

— Чего спрашивать, кто?.. Извѣстно, кто, — сказалъ Юфимъ,—онъ, небось.

Въ горлѣ у кухарки захлюпало еще шибче... Она вдругъ открыла какъ-то страшно круглый, весь залитой кровью лѣвый глазъ и зашевелила губами...

— Что-о-о?—крикнулъ нарядчикъ.

— Му-у-у-жъ! — послышался хриплый, сдавленный, слабый голосъ, и послѣ этого въ горлѣ у ней опять захлюпало.

На кухню, между тѣмъ, прибѣжали урядникъ и управляющій. Послѣдній отъ страха присѣлъ на корточки.

— Какъ я скажу князю!—жалобно крикнулъ онъ,—что мнѣ будетъ?!

— Ахъ, чортъ!—воскликнулъ урядникъ.—Ловко! Кто же это, а?.. Жива?..

— Жива-съ!—отвѣтилъ нарядчикъ.

— Развяжи ей руки-то,—сказалъ урядникъ и снова воскликнулъ:—Ловко!.. Ну, ну!.. Кто же это, а?

Нарядчикъ нагнулся къ кухаркѣ и крикнулъ:

— Матренъ! Матренъ! Слышишь? Кто тебя?

— Му-у-у-жъ! — снова получился едва внятный отвѣтъ, и изъ горла избитой вылетѣлъ звукъ, ужасно похожій на крикъ курицы, поющей пѣтухомъ.

— Въ больницу надо!—рѣшилъ урядникъ.—Везите скорѣй въ Грачево.

— Помретъ дорогой!—сказалъ нарядчикъ.

— Помретъ, меньше вретъ!—сострилъ урядникъ и добавилъ:—Скорѣй на телѣгу и маршъ!..

Управляющій велѣлъ запречь телѣгу. Урядникъ сѣлъ на скамейку и закурилъ. Кухарку развязали и положили на кровать.

— Ловко!—опять повторилъ почти съ удовольствіемъ урядникъ, глядя на залитое кровью лицо кухарки и пуская къ потолку густыя струи табачнаго дыма.—Ловко! Гдѣ-жъ онъ теперь, а? Найти его, голубчика!.. Заодно съ кузнецомъ и отправимъ... Убилъ вѣдь бабу-то! — обратился онъ къ самому,—а? Какъ думаете?

Управляющій, блѣдный, съ испуганнымъ лицомъ, молча подошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стекламъ.

Къ крыльцу подъѣхала телѣга. Урядникъ всталъ.

— Тащите!—сказалъ онъ.

Кухарку вынесли, положили въ телѣгу на сѣно, прикрыли сверху дерюгой, и нарядчикъ повезъ ее въ земскую больницу.

— А вы, ребята, молодчика-то найдите,—обратился къ намъ урядникъ, уходя съ управляющимъ прочь,—безъ него этого дѣла не разжевать...

XXXIII.

— Провались ты проваломъ и съ жизнью-то съ эстой!—воскликнулъ дядя Юфимъ,—плюнуть да уйтить отседа, куда глаза глядятъ... Самое святое дѣло! И откеда онъ взялся только... притка его задави!..

— Откеда! Мы даве привезли!—сказалъ Культяпка.—Ссадили у амбаровъ... догадало насъ!.. А все кузнецъ... дернула нелегкая... словно на грѣхъ!.. Да, правда, нешто думано?.. Видимъ, человѣкъ выпимши... Ну, молъ, наплевать, поѣдемъ!

— Мотри, робята, какъ бы вамъ за это не влетѣло... Не намахали бы, гляди,—сказалъ Юфимъ.

— А кто скажетъ-то?

— Скажутъ... найдутся... Ты первый... Сволочь, братъ, ты, не въ обиду будь сказано... Чего ради ты на кузнеца-то наплелъ? Человѣку гибнуть отъ твоихъ словъ... Неужли ты и на суду это покажешь...

— Ну, вотъ, была нужда!—воскликнулъ Культяпка.—Мнѣ главная причина, думаю, жалованьишка не прибавятъ-ли... А то нешто я стану...

— Язычкомъ заслужить хошь!.. Хо-о-о-рошее дѣло!. Только гляди, сватъ, береги голову...

— А что?

— Ничего... такъ, молъ... Ну, одначе,—перемѣнилъ Юфимъ рѣчь,—кто же у насъ за стряпуху будетъ? Ужинать пора... жрать хотца... Михайло, наливай хучь ты, покеда что...

Мы усѣлись за столъ. Культяпка налилъ щей. Началось обычное „хлебанье“ чего-то чернаго, вонючаго, гадкаго...

— Вотъ что, братцы, я надумалъ, — заговорилъ дядя Юфимъ, когда мы улеглись на своихъ обычныхъ мѣстахъ въ сараѣ,—уходить намъ отседа надо... бросать... Ну ихъ къ ляду и съ мѣстомъ-то! Ни те спокою, ни те харчи... обращенье собачье... вша... грязь... тьфу! Да неужъ мы того и стоимъ?!.

Мы молчали...

— Уходить надо,—продолжалъ онъ,—время теперя самое

горячее... рабочая пора... Что тутъ-то?.. Тутъ вѣдь кому жить?.. Кто нови не видалъ, тотъ и ветоши радъ... Махнемъ на болото, на торфъ... Трудно, за то деньга... А то по деревнямъ пойдемъ... Теперя навозница... Тамъ, глядишь, покосъ... А осенью молотить пойдемъ... Гожа! ей-Богу...

— А зиму-то?—спросилъ Тереха:—главная причина—зима!

— Ну, зима! До зимы глаза вылупишь... И зимой найдемъ... Была бы, братъ шея, а хомутъ найдется... Уходить надо!..

— Ну, тамъ увидимъ!—зѣвая, произнесъ Тереха-Воха и вскорѣ захрапѣлъ. Дядя Юфимъ поворчалъ что-то про себя, повозился и тоже уснулъ... Но мнѣ не спалось... Я вышелъ за ворота, сѣлъ и долго сидѣлъ, прислушиваясь къ шепоту ночи... Далекое, темное, усыпанное звѣздами небо манило къ себѣ своей таинственной тишиной...

— Улетѣть бы туда! Что тамъ?.. Неужели и тамъ тоже людская ненависть, злоба, мученье, слезы, грязь, тьма?!

Утромъ нашли Соплю. Онъ висѣлъ въ каретномъ сараѣ на переводѣ, синій, съ высунутымъ на половину языкомъ, необыкновенно страшный и необыкновенно жалкій...

— Жуть!—воскликнулъ Тереха-Воха, увидя его,—Господи помилуй! Мнѣ теперя ни въ жись ночью не уснуть... жуть!..

— Чорту баранъ! — мрачно произнесъ нарядчикъ, — допился!

— Нѣтъ, что же!—сказалъ кто-то,—человѣкъ онъ былъ ничего... простяга... Жалко!

— Такихъ жалѣть неча!—перебилъ нарядчикъ,—чего его жалѣть, коли онъ самъ себя не пожалѣлъ... Такихъ не отпѣваютъ... въ куль, да въ яму... Туда и дорога!.. Чорту баранъ!..

— Врешь, братъ,—сказалъ Юфимъ,—отпѣваютъ... Допрежь не отпѣвали, а теперя отпѣваютъ... Одно только—не въ церкви, а на папертки... Да не наше это дѣло... не намъ судить... Онъ въ дѣлѣ, онъ и въ отвѣтѣ, а ужъ Царь Небесный разберетъ по своему... Мы съ лихостью, а Господь съ милостью... грѣхъ судить... пожалѣть надо! Люди мы... мы не пожалѣемъ, кто насъ пожалѣетъ?.. Господь Батюшка сказалъ: „любите другъ дружку...“ А мы что?.. эхъ-хе-хе!..

Онъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Пойдемте отседа, робята... Чего смотрѣть?.. Не наше дѣло.

— Жуть!—то и дѣло восклицалъ, весь блѣдный и вздрагивающій, точно отъ холода, Тереха-Воха.—Не стану я здѣся жить!..

Черезъ недѣлю, отработавъ „навозницу“, на время которой управляющій не отпускалъ насъ, мы трое: Юфимъ, я и Тереха-Воха, съ сумками за плечами, раннимъ утромъ, веселые и бодрые, выходили изъ имѣнія, чтобы больше никогда не входить въ него...

Передъ нами, подъ гору, вилась пыльная дорога, а передъ глазами, куда только могъ проникнуть взоръ, раскинулась и манила къ себѣ таинственно-загадочная, синѣющая даль...

— Ну, робята, — сказалъ Юфимъ, — что-то будетъ... либо Акулька, либо мальчикъ, а дѣло сдѣлано...

— Хуже не будетъ,—добавилъ онъ, въ раздумьи:—рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше...

С. Подъячевъ.

КОНЕЦЪ.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Романъ Роды Броутонъ.

Переводъ съ англійскаго *К. И. Саблиной.*

I.

Небольшая гостиная уютна, но настроеніе лицъ, въ данную минуту сидящихъ въ ней, не соотвѣтствуетъ свѣтлой и веселой обстановкѣ. Очевидно, между молодыми людьми произошло что-то не совсѣмъ обыкновенное: оба взволнованы, даже, можно сказать, потрясены. Она не ожидала, что, вмѣсто чашки чая, онъ попроситъ ея руки; у него-же навсегда останется въ памяти ея вѣжливый, но рѣшительный отказъ.

Онъ всталъ съ мѣста и повернулся спиной къ камину, машинально раздвигая фалды своего длиннополаго сюртука, обличавшаго въ немъ лицо духовнаго званія.

— Вы такъ удивили меня! Вотъ ужъ не ожидала! — съ тревожнымъ изумленіемъ говоритъ молодая дѣвушка, нервно постукивая по ковру кончикомъ ботинки. На коврѣ лежитъ собаченка, повидимому, отзывающаяся на волненіе своей госпожи и насторожившая уши; попугай безтактно хохочетъ въ клѣткѣ.

— Неужели?

— Ужасно удивили. Мы говорили о конгрессѣ, кажется... И вдругъ...

— Да.

— Вотъ ужъ не ожидала! Главное, боюсь, не виновата ли въ чемъ нибудь?

Онъ отрицательно, но не слишкомъ убѣжденно качаетъ головой.

— Такъ удивили...—повторяетъ она, но онъ перебиваетъ ее:

— Я тоже удивленъ.

Ея темныя брови вопросительно поднимаются:

— Удивлены? Вы?

— Да, меня удивило, что я не сумѣлъ сдержать своихъ чувствъ.

— Значитъ... идея не нова для васъ?—съ любопытствомъ освѣдомляется она:—вы и раньше думали объ этомъ?

— Сотни разъ!

— Какъ это странно!

— Ничего страннаго не вижу въ этомъ.

Оттѣнокъ горечи въ его тонѣ заставляетъ ее подавить свое удивленіе, а доброе сердце подсказываетъ подходящее объясненіе.

— Мы всегда были, какъ братъ и...

— Не прибѣгайте, пожалуйста, къ прописнымъ истинамъ!—раздражительно перебиваетъ онъ:—Братскія отношенія всегда были и будутъ только между людьми, связанными кровнымъ родствомъ.

Онъ высказываетъ это такъ авторитетно, точно проповѣдуетъ съ каѳедры, съ которой каждое воскресенье обращается къ слушателямъ.

— Но я всегда звала васъ Рандэль, а вы меня Летиціей!—возражаетъ она:—Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами играли въ пескѣ, на морскомъ берегу въ Маргэтѣ, мы были другъ для друга Рандэлемъ и Летиціей!

— Не вижу причины, почему бы мнѣ не любить васъ по этому случаю.

— Пока вы учились, мы не видались, это правда; но когда вы сдѣлались священникомъ, мы сразу перешли на прежнія отношенія.

— Вы это вообразили только.

— Должно быть. Вѣрно, я тупоумна. Но, честное слово, я не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія! Мнѣ хотѣлось бы знать...—въ глазахъ ея свѣтится женское любопытство:—мнѣ хотѣлось-бы знать... когда именно эта идея пришла вамъ на умъ?

Глаза его гнѣвно сверкнули.

— Вамъ интересно провѣрять и критиковать мои чувства? Лучше я уйду!

Онъ старается разыскать свою шляпу и палку, но ея голосъ останавливаетъ его.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія ни провѣрять, ни критиковать ваши чувства (попугай хохочетъ; вѣрно, послѣдняя фраза ему по вкусу). Просто вы застали меня врасплохъ, а притворяться было-бы съ моей стороны глупо.

— Если васъ поражаетъ исключительно новизна идеи (онъ временно откладываетъ свой уходъ),—то вы скоро бы къ ней привыкли..

— Едва ли.

Взглядъ ея нерѣшительно и разсѣянно скользитъ по портретамъ предковъ надъ каминомъ.

Онъ дѣлаетъ шагъ впередъ.

— Люди, между которыми уже царитъ безусловная симпатія...

— Гм... Безусловная? Не слишкомъ ли сильно сказано?

Онъ подтягивается.

— Когда между людьми есть уже столько общаго, — поправляется онъ съ достоинствомъ,—не станете же вы утверждать, что между нами мало общаго?

— Нѣтъ, о! разумѣется, нѣтъ!

— Послѣ моего пріѣзда сюда, я вѣдь играю довольно значительную роль въ вашей жизни?

— Не стану оспаривать этотъ фактъ.

— Мы взаимно дополняемъ другъ друга!—горячо говоритъ онъ и дѣлаетъ еще шагъ впередъ: — Чего не достаетъ въ васъ, есть во мнѣ, и обратно. Я самъ сознаю свои слабости. Мой сегодняшній поступокъ, напримѣръ, указываетъ на недостатокъ самообладанія... Съ другой стороны... я...—онъ запнулся: — вы не обидитесь, если я скажу, что замѣчаю въ васъ отсутствіе воображенія?

— Чѣмъ же тутъ обижаться? Это правда.

— Ну... а я, быть можетъ, сумѣю развить ваше воображеніе! Повліять на дремлющую фантазію вашу!

Но она упрямо качаетъ головой.

— Всего этого мало!

— Мало?

Онъ съ негодованіемъ повышаетъ голосъ; собака начинаетъ злобно ворчать. Нога влюбленнаго прицѣливается, чтобъ дать пинка лохматому нахалу; но благоразуміе беретъ верхъ, и смѣшное положеніе минуется благополучно.

— Если бы меня не смущала ваша холодность, — продолжаетъ Рандэль пылко,—я бы сказалъ вамъ...

Летиція спокойно спрашиваетъ, видя, что онъ путается...

— Что бы вы сказали мнѣ?

— Я бы сказалъ... что мое чувство къ вамъ... что вы губите меня... и мое призваніе! Неужели вы сами не замѣчали перемѣны во мнѣ? Проповѣди мои дѣлаются безцвѣтными, жалкими...

— А всетаки онѣ очень недурны! — искренно хвалитъ она, впрочемъ, весьма сдержанно и условно: — Я замѣтила, правда, что послѣднее время вы не въ ударѣ... Но вы были нездоровы... простудились!..

Онъ оскорбленъ ея прозаическимъ толкованіемъ.

— Я думалъ, вы меня лучше знаете! Въ началѣ вы помогали мнѣ, ободряли меня, вдохновляли... Я полагалъ, что

вашъ ясный умъ слѣдитъ за каждымъ моимъ словомъ, когда остальные слушатели не въ состояніи слѣдить за полетомъ моихъ мыслей...

— По правдѣ говоря, вы иногда высоко заноситесь и не соображаетесь съ скромнымъ пониманіемъ прихожанъ.

— Но теперь,—продолжаетъ онъ,—то есть, за послѣднее время, что-то связываетъ мой языкъ... парализуетъ мысли. Я радъ, когда васъ нѣтъ въ церкви,—раздражается онъ, читая въ глазахъ ея неодобреніе:—я чувствую себя свободнѣе. Бываю краснорѣчивѣе.

Не то съ участіемъ, не то съ непріязнью глядитъ она на его гладко выбритое, правильное лицо, которое теперь подергивается отъ возбужденія; она искренно дивится, что такія сильныя чувства возбудила въ своемъ другѣ дѣтства, а затѣмъ холодномъ, сдержанномъ, чопорномъ наставникѣ. Изумительно!

— Я по природѣ не аскетъ!—сообщаетъ онъ, между тѣмъ, сверкнувъ глазами: — иногда сердце говоритъ громче разсудка. Я нуждаюсь въ земныхъ привязанностяхъ для вдохновенія. Подумайте, и не разъ, раньше чѣмъ, безо всякой уважительной причины, отказать мнѣ.

Настоятельный тонъ и властный взглядъ темныхъ глазъ смущаютъ и волнуютъ дѣвушку. Она слегка отодвигаетъ свой стулъ, чтобъ увеличить разстояніе между собой и имъ, но голосъ ея не совсѣмъ твердъ, когда она произноситъ:

— Я не могу дать вамъ того, чего во мнѣ нѣтъ.

— Почему вы знаете, что въ васъ есть, а чего нѣтъ?—восклицаетъ онъ, воспрянувъ духомъ и приближаясь къ ней. Задремавшая собака откликается рычаньемъ.—Какъ можете вы знать, какія сокровища таятся подъ вашей ледяной оболочкой? Развѣ въ глубинѣ вашей души не найдется отклика на мой призывъ?

Она вскакиваетъ со стула, нечаянно наступаетъ на лапу собакѣ; та взвизгиваетъ—и это производитъ успокоительную диверсію на бесѣдующихъ. Летиція стала у камина и уже хладнокровно отвѣчаетъ:

— Я вполнѣ въ этомъ увѣрена.

— Благодарю васъ.

Наступаетъ тягостное молчаніе. Летиція считаетъ долгомъ прервать его.

— Не думайте, что я мало цѣнила ваше общество. Ваши наставленія, книги, чтеніе... Но, если бъ я даже питала къ вамъ то чувство, котораго вы желаете... признаться, мнѣ оно незнакомо и непонятно...

Онъ снова возлѣ нея.

— Позвольте, и я сдѣлаю его понятнымъ для васъ! — самоувѣренно предлагаетъ онъ.

Руки ея очутились въ его рукахъ.

— Не хочу, чтобы вы даже и пробовали! — говоритъ она, освобождая съ неудовольствіемъ руки: — Если бъ вамъ это и удалось... сомнѣваюсь, впрочемъ... результаты не измѣнились бы нисколько.

— Я васъ не понимаю!

— Я совсѣмъ не намѣрена выходить замужъ.

— Что это?.. Модная фраза?

Она вспыхиваетъ.

— Это не фраза. Считаю себя не въ правѣ выйти замужъ, потому и не выйду.

— Донкихотство?

— Понимайте, какъ хотите.

Тонъ ея холодный и непреклонный. Наступаетъ опять молчаніе. Попугай, засыпая, бормочетъ что-то.

Черезъ нѣсколько минутъ молодая дѣвушка говоритъ мягче:

— Я нужна ему больше, чѣмъ вамъ.

— Этого только не доставало!

— Вы жили до сихъ поръ безъ меня,—худо-ли, хорошо ли, но жили. Онъ же никогда не обходился и не обойдется безъ меня.

Гнѣвъ Рандэля возрастаетъ.

— Вамъ никогда не приходило въ голову,—ехидно спрашиваетъ онъ,—что братъ можетъ сыграть съ вами штуку?

— Я васъ не понимаю.

— Взять, да и жениться?

— Слова ваши доказываютъ только, какъ плохо вы его знаете!—презрительно говоритъ Летиція.—Съ его глубокой натурой, послѣ горькаго разочарованія, десять лѣтъ тому назадъ, онъ ни разу еще не взглянулъ, да и не захочетъ взглянуть на женщину!

— И вы думаете, что онъ застрахованъ на всю жизнь?

— Убѣждена.

Онъ видитъ, что дальше сомнѣваться опасно.

— Итакъ, это ваше послѣднее слово?

— Да.

— Даете мнѣ камень, вмѣсто хлѣба?

— Я не могу поступить иначе.

— Сознательно ли вы поступаете? Понимаете-ли, на что идете?

У Рандэля, по привычкѣ, слегка проповѣднический тонъ; пылающій взглядъ его пронизываетъ ее насквозь; она не совсѣмъ соображаетъ, кто собственно передъ ней—священ-

никъ или поклонникъ, и ей начинаетъ казаться, что онъ въ послѣдній разъ испытываетъ ее, раньше чѣмъ осудить на вѣчную муку.

— Мнѣ еще ни разу не представлялось, что я иду на что-либо особенное...—не безъ тревоги говоритъ она.

— Понимаете ли вы, что дѣлаете, когда выгоняете меня сейчасъ, чтобы я вернулся въ свое жалкое убѣжище?

— Боюсь, что, дѣйствительно, ваше помѣщеніе не изъ удобныхъ...—говоритъ она, хватаясь за всякую перемѣну темы.

Но онъ нетерпѣливымъ жестомъ отстраняетъ всякую возможность прозаическаго истолкованія его словъ.

— Неужели вы думаете, что я хочу разжалобить васъ матеріальными невзгодами моей жизни?

Помолчавъ, онъ продолжаетъ:

— Я знаю, что избранныя натуры, для достиженія высшихъ цѣлей, не нуждаются въ сочувствіи и поддержкѣ... Но... значитъ, я къ числу ихъ не принадлежу! Летиція! Я не могу благотворно вліять на сердца другихъ, разъ мое собственное разбито. Какъ могу я проливать свѣтъ и жизнь въ душу ближнихъ, когда въ моей душѣ царятъ лишь мракъ и смерть!

— Кто самъ страдалъ, думается мнѣ,—еще скорѣе сумѣетъ помочь другимъ!—тихо возражаетъ она.

— Со временемъ вы скажете себѣ: передъ нимъ лежала блестящая карьера, и онъ бы ее выполнилъ, если бъ я не разбила его жизни!—продолжаетъ онъ, пропуская ея возраженіе мимо ушей.

— Я никогда не скажу ничего подобнаго.

— Какими словами тронуть васъ?—восклицаетъ онъ, хватаясь руками за свою красивую, темноволосую голову:—Неужели нѣтъ такихъ словъ? Нѣтъ?..

Истинное чувство, въ связи съ ораторскими пріемами, подсказали ему, наконецъ, слова, тронувшія ея сердце.

— Мнѣ очень, очень жаль васъ, Рандэль...

— Такъ, если это препятствіе... это нелѣпое... словомъ, если это препятствіе будетъ устранено, насъ ужъ больше ничто не раздѣляло бы?

— Я этого не сказала. Не знаю... Ничего не могу сказать вамъ...

— Если онъ женится?

— Что за польза разсчитывать на невозможное?

На этотъ разъ голосъ ея звучитъ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ,—она, видимо, раздражена, и онъ считаетъ свое дѣло проиграннымъ.

II.

Хозяинъ дома находился уже нѣсколько дней въ отсутствіи, и его возвращенія ждали съ вечернимъ поѣздомъ, въ этотъ самый день. Сообразуясь съ этимъ, Летиція Трентъ отложила обѣдъ на полчаса. Она рада этой проволочкѣ; ей необходимо сосредоточиться, чтобы усвоить себѣ неслыханный фактъ: учитель, у ногъ котораго она сидѣла въ продолженіи послѣдняго года, бросился въ переносномъ смыслѣ (чуть не буквально!) къ ея ногамъ! Жизнь ея до сихъ поръ не была богата событіями и сильными ощущеніями, а потому она, краснѣя отъ волненія даже въ своемъ уединеніи, не безъ самодовольства вспоминаетъ о количествѣ вызваннаго ею любовнаго пыла. Идея такъ для нея нова, что она все еще не знаетъ, съ какой точки зрѣнія на нее взглянуть. Его страданія, разбитое сердце, отчаяніе, полнѣйшее отсутствіе съ ея стороны всякаго кокетства и подозрѣній... Что произойдетъ между ними при слѣдующей встрѣчѣ? Неужели при другихъ условіяхъ она дала бы ему другой отвѣтъ?

Звонокъ въ передней полагаетъ конецъ всѣмъ ея вопросамъ: это вернулся братъ. Она, по неизмѣнному обыкновенію, спѣшитъ ему навстрѣчу, и они цѣлуются, не спѣша, торжественно, радуясь, что они опять вмѣстѣ. Онъ и не подозрѣваетъ, какая грозила ему опасность (думаетъ она)! Ихъ взаимная привязанность не изъ экспансивныхъ, но сегодня она лишній разъ и понѣжнѣе приласкалась къ нему.

— Какія у тебя холодныя руки!

— Развѣ? Я не озябъ.

Довольствомъ звучитъ его голосъ. Онъ всегда радъ, когда возвращается домой! Они входятъ въ гостиную; хозяинъ, по привычкѣ, грѣется у камина; собака отъ восторга валится у его ногъ на спину и дрыгаетъ лапками.

— Ты не поздоровался съ Керсти?

— Здорово, здорово, Керстинька, какъ поживаешь?—ласкаетъ онъ собаку, но какъ-то разсѣянно.

— Ну, разскажи, что новенькаго въ Лондонѣ?

— Да ничего особеннаго. Все по старому.

— А такъ какъ ты покинулъ его два часа тому назадъ, то, надо полагать, и теперь ничего новаго не произошло...

— Я покинулъ его болѣе двухъ часовъ назадъ.

Летиція вопросительно смотритъ на брата.

— Два дня тому назадъ, въ четвергъ.

Удивленіе въ ея глазахъ равносильно вопросу.

— Я былъ въ Уимбльдонѣ.

— Въ Уимбльдонѣ? Я не знала, что у тебя тамъ есть знакомые!

— Да?

Онъ, вообще, не многорѣчивъ и разспросовъ не любитъ. Летиція это знаетъ; но, кромѣ того, въ данный моментъ, она поглощена своей собственной, крупной новостью. Братъ, повидимому, не желаетъ распространяться о себѣ.

— А ты? Что ты подѣлывала эти дни?

— Да такъ себѣ, ничего... Ѣздила на велосипедѣ въ деревню поглядѣть, какъ мои ученики занимаются рѣзьбой. Два раза чуть не полетѣла, дорога плоха... Сегодня къ чаю приходилъ Рандэль Чевенингъ.

— Съ томами стихотвореній?

— Нѣтъ. Мы разговаривали...

— Болтать онъ мастеръ.

Замѣчаніе задѣваетъ ее за живое; почему серьезный братъ ея находитъ нужнымъ шутить насчетъ Чевенинга? Неужели онъ заподозрилъ что-нибудь? Вообще онъ проявляетъ какое-то затаенное безпокойство въ манерахъ; ему, обыкновенно спокойному, медлительному и даже неповоротливому, какъ будто не сидится на мѣстѣ. Она, однако, не нашлась, что сказать въ защиту своего поклонника.

— Ты не спросила меня, зачѣмъ я ѣздилъ въ Уимбльдонъ?

— Ты самъ скажешь, если найдешь нужнымъ.

Рѣшительно онъ самъ не свой! Видно, что все время думалъ о Уимбльдонѣ.

— Мнѣ надо кое-что сообщить тебѣ, Летиція.

— Относительно Уимбльдона?

Глаза ея со страхомъ и любопытствомъ слѣдятъ за непривычными движеніями брата: онъ машинально беретъ своими неловкими пальцами фарфоровыя фигурки съ этажерки, снова ставитъ ихъ на мѣсто и т. п.

— Мое сообщеніе, вѣроятно, удивитъ тебя...

— Да?..

— Но въ общемъ, надѣюсь, обрадуетъ.

— Обрадуетъ?

Что это за вступленіе? Онъ внезапно умолкаетъ, точно языкъ отказывается служить ему для произнесенія важной новости.

Чего онъ мямлитъ? Прежде сестра никогда, даже мысленно, не осмѣливалась судить его, но сегодня почему-то измѣнила этому правилу.

— Ну? Итакъ?..—понукаетъ она.

Но онъ продолжаетъ мямлить и начинаетъ съ Адама.

— Не знаю, замѣтила ли ты, что я нынче, чаще обыкно-

веннаго, ѣздилъ въ Лондонъ... То есть, говорилъ, что въ Лондонъ...

— Нѣтъ... Не замѣчала...

— Я уже много лѣтъ встрѣчалъ, отъ времени до времени, въ клубѣ, одного господина... бывшаго офицера... Онъ служилъ со мной... но много старше меня...—путался хозяинъ.

— Ну?

— Теперь онъ живетъ въ Уимбльдонѣ.

— Вотъ какъ!

Мистеръ Трентъ откашливается, точно поперхнувшись словами.

— Онъ давно ужъ звалъ меня къ себѣ...

— Ты и поѣхалъ?

— Сначала я долго не могъ собраться. Наконецъ...

— Собрался?

— Да. И поѣхалъ въ Уимбльдонъ.

— Дальше!..

— А послѣ того еще поѣхалъ... и еще... и еще!..

— Ну?

Наступаетъ пауза.

— Твой... сослуживецъ женатъ?

— Вдовецъ.

— Дѣти есть?

— Много дѣтей...

— Взрослыя?

— Трое взрослыхъ.

Летиція все поняла. Но рѣшительный моментъ нарочно оттягиваетъ, ухватываясь за посторонніе вопросы, дѣла не мѣняющіе, но отдаляющіе страшный конецъ хоть на нѣсколько секундъ.

— Какъ фамилія твоего... знакомаго?

— Кергуэтъ...

— Кергуэтъ?!

— Да... Странная такая фамилія. Они родомъ изъ Бретани.

— Кергуэтъ?!

— Можно думать, что они не англичане, но это ошибочно.

— Кергуэтъ?!

Повтореніемъ этой фамиліи Летиція приводитъ брата въ крайнее смущеніе.

— Ты... ты... впослѣдствіи привыкнешь къ этой фамиліи.

Но она еще разъ повторяетъ:

— Кергуэтъ! Я раньше слышала эту фамилію и запомнила... Неужели?.. Но нѣтъ, этого быть не можетъ!..

Онъ молчитъ, какъ нѣмой.

— Я слышала скандальную исторію... давнишнюю... Че-

ловѣкъ съ этой фамиліей сбѣжалъ, будто бы... не съ женой, а... съ возлюбленной своего товарища... Его принудили выйти изъ полка... Грязная исторія... Не родственникъ ли онъ твоему... твоему...

Отрицательнаго отвѣта не послѣдовало. Широкое, незначительное лицо Трента словно окаменѣло; въ его маловыразительныхъ глазахъ свѣтится на сей разъ упрямство.

— Мой пріятель и тотъ офицеръ—одно и то же лицо. Лучше ты дальше не давай воли злословію, потому что я собираюсь жениться на его второй дочери.

— На дочери...

— Впослѣдствіи онъ на ней женился, и никто не смогъ бы сказать про нее дурного слова. Она была ему прекрасной женой. Теперь ея ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

Летиція въ жизни своей не знавала, что значитъ обморокъ; и теперь она не ищетъ поддержки ни въ столѣ, ни въ спинкѣ стула; ей представляется, правда, что комната пошла кругомъ; но голосъ ея отчетливо произноситъ:

— Я и не собираюсь никого осуждать.

Какая иронія судьбы! Въ ея памяти случайно сохранился неприличный разсказъ (она такъ строга и щепетильна, что искренно считаетъ его неприличнымъ) и хотѣла бы забыть! его; но онъ снова всплылъ наружу, и по какому поводу. Голова ея отказывается вѣрить въ такую чудовищную несообразность. Она сидитъ нѣсколько мгновеній, какъ въ столбнякѣ.

Голосъ брата, не то гнѣвный, не то умоляющій, возвращаетъ ее къ дѣйствительности.

— Если бъ ты только видѣла Мери!

— Ее зовутъ Мери? Сколько ей лѣтъ?

— Девятнадцать.

— А тебѣ тридцать восемь...

Слова сорвались нечаянно. Его покоробило.

— Разница большая. Мнѣ самому это обидно!

Она тяжело дышетъ; глаза ея попеременно переходятъ съ кресла покойной матери на кресло покойнаго отца, которыя, со дня ихъ смерти, свято оберегаются на привычныхъ мѣстахъ.

„О, Боже! если бъ это случилось при ихъ жизни! Они не пережили бы такого позора!“ думаетъ Летиція.

— Это... это окончательно рѣшено?

— Безповоротно. Вчера вечеромъ я сдѣлалъ ей предложеніе.

— И она согласилась?

— Безъ всякаго колебанія.

Новая пауза. Сестра смотритъ на брата и невольно производитъ тщательную оцѣнку его наружности.

Она видитъ некрасивыя, крупныя черты; маленькіе, свѣт-

лые глаза... Можетъ быть, въ фигурѣ что нибудь привлекательное, могущее понравиться молодой особѣ? Но нѣтъ! Фигура неуклюжа, руки большія, широкія, манеры комично-важныя, скрывающія врожденную застѣнчивость... Можно ли допустить, что юная искательница приключеній (яблочко недалеко падаетъ отъ яблони!), завлекшая его въ свои сѣти, сумѣла разгадать и оцѣнить рѣдкія высокія добродѣтели, кроющіяся подъ некрасивой оболочкой: честность, правдивость, прямодушіе? Вѣрнѣе всего, она о нихъ даже и не думала, а жадно кидается на деньги и общественное положеніе, какъ на средство для нея и ея безпутныхъ родственниковъ выбраться изъ грязи.

Братъ, очевидно, до нѣкоторой степени понимаетъ, какія чувства волнуютъ его сестру. Лицо его выражаетъ безпокойство. Наконецъ, она, глубоко вздохнувъ, рѣшается спросить:

— Хорошенькая она?

— Вотъ увидишь сама.

„Увидѣть ее!“ Да, это, къ сожалѣнію, неизбѣжно. Необходимо скрыть свое отвращеніе: дѣло непоправимое.

— И умна? Интересна?

— Тебѣ, пожалуй, покажется не особенно умной: образованія серьезнаго ей не дали. Но живая, бойкая, прямодушная...

Смутная надежда возникаетъ въ сердцѣ Летиціи. Та, первая любовь ея брата, американка, тоже была жива и бойка, и, въ концѣ концовъ, они разошлись... Именно благодаря ея бойкости и живости. Неповоротливый умственно и физически, Трентъ не въ состояніи былъ поспѣвать за ней...

Братъ и сестра такъ дружны и такъ долго жили вмѣстѣ, что онъ теперь угадываетъ ея мысли.

— И, не смотря на это, благоразумна и сердечна!—вѣско добавляетъ онъ.

Ея молчаніе безпокоитъ его; онъ поворачивается въ креслѣ и при этомъ наступаетъ на хвостъ лебезящей у его ногъ Керсти; собака отвѣчаетъ протестующимъ визгомъ; собесѣдники обрадованы возможностью отвлечься отъ тягостнаго разговора; обиженную начинаютъ ласкать и успокаивать. Атмосфера проясняется.

— Я понимаю, что въ началѣ ты была ошеломлена...

— Да... Новость, конечно, неожиданная....

— Но когда ты освоишься съ мыслью... узнаешь ее лично...

— Д... а...

— Увидишь, что ничего не потеряла, напротивъ...

— О!.. Общее мѣсто: у меня будетъ сестра!.. Не продолжай! Къ чему? Это такъ банально. Никто въ это не вѣритъ.

Онъ смотритъ на нее съ недоумѣніемъ. Но и недоумѣніе

банально, какъ и высказанное предположеніе о пріобрѣтеніи сестры.

— Я тебя не понимаю. Пойду лучше одѣнусь къ обѣду.

Но она быстро возражаетъ:

— Погоди. Я хочу знать подробности. Все это такъ неожиданно! Я думала, что тебѣ никого не надо, кромѣ меня... За послѣднія десять лѣтъ...

Онъ морщится.

— Десять лѣтъ назадъ я сдѣлалъ ошибку. Но это вовсе не значитъ, что она повторится.

— Я вѣрю, дорогой братъ! Надѣюсь, что на этотъ разъ тебѣ посчастливится!..

Говоритъ она нѣжно, горячо, искренно; но вторичный намекъ на прежнюю катастрофу не совсѣмъ удаченъ. По счастью, мистеръ Трентъ видитъ въ ея словахъ только пріятное и ласково отвѣчаетъ:

— Спасибо, милочка. Я надѣюсь на счастливое будущее.

Она, съ непривычной экспансивностью, прижимается щекой къ плечу брата.

— Конечно, я не имѣла права думать, что ты всегда останешься со мной...

— Но была въ этомъ убѣждена?

— О, да. Не далѣе, какъ сегодня, я отказала претенденту на мою руку, думая, что ты не можешь безъ меня обойтись.

Онъ несказанно изумленъ.

— Сегодня? Кто же дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Рандэль Чевенингъ.

Братъ разражается неудержимымъ хохотомъ.

— Онъ посмѣлъ предложить тебѣ поселиться съ нимъ надъ сырной лавкой?

— Д... а... Что же тутъ невѣроятнаго?

— Дерзость! Лучше бы усерднѣе занимался въ вечерней школѣ! Тэйлоръ говоритъ, что онъ туда рѣдко заглядываетъ. Слишкомъ высоко хватаетъ! Деревцо не по плечу!

Онъ положительно раздраженъ.

Летиція краснѣетъ. Джиму такъ не присталъ этотъ насмѣшливый тонъ. Ей непріятно и обидно за него!

Онъ, кажется, и самъ это понялъ и спохватился:

— Неужели, душа моя, онъ тебѣ нравится? Ты помирилась бы съ квартирой надъ сырной лавкой?

Нервы измѣняютъ Летиціи,—она плачетъ.

— По крайней мѣрѣ, ему я нужна!—говоритъ она сквозь слезы.

III.

Вечеръ еще далеко не конченъ, а Летиція уже два раза успѣла выслушать отъ брата сбивчивое, но восторженное повѣствованіе о томъ, какими путями онъ достигъ своего блаженства. Влюбленные бываютъ болтливы; даже у Джима Трента развязался языкъ.

Повидимому, въ роковой (для Летиціи) день, когда Кергуэтъ сказалъ фразу: „позвольте васъ представить моей дочери" — ихъ было въ комнатѣ трое; также какъ и тогда, когда она оказала Джиму исключительную честь, а именно: разрѣшила оторвать отъ ея подола оборвавшуюся тесемку и спрятать ее въ боковой карманъ сюртука; самъ-третей были они и въ то мгновеніе (тутъ разсказчикъ благоговѣйно понижалъ голосъ), когда она позволила нареченному обнять себя.

Сестра слушаетъ съ застывшей улыбкой на губахъ, усматривая въ каждомъ словѣ зловѣщее предзнаменованіе. По всему видно, что знаменитая Мери неряха, иначе тесьма не тащилась бы за ея подоломъ; надо думать, что она страдаетъ полнымъ отсутствіемъ достоинства и деликатности; что она отчаянная кокетка,—такъ живо окрутила Джима!..

— О, какъ она мила!—заключаетъ разсказчикъ:—описать—нечего и пробовать. Словъ не подберешь!

— Одинаковые ли у васъ вкусы... Любитъ ли она тотъ же образъ жизни, что и ты?

— Это не важно.

— Любитъ ли она деревню всетаки?

— Очень. Думаю такъ.

— Они всегда жили въ Уимбльдонѣ?

— Нѣтъ. Они много путешествовали.

Въ воображеніи Летиціи возникаетъ цѣлый рядъ безпорядочныхъ убѣжищъ для путешественниковъ.

— Путешествія, особенно за границу,—говоритъ она, чтобы поддержать разговоръ, — дѣлаютъ человѣка развязнымъ, общительнымъ... Она, навѣрно, будетъ меньше стѣсняться со мной, чѣмъ я съ ней.

— Да, она вовсе не застѣнчива!—восхищается Джимъ.

„Еще бы, дочь такой матери!" звучитъ въ душѣ Летиціи строгое осужденіе, но вслухъ она говоритъ:

— Счастливая! И... скоро свадьба?

— Разумѣется. Чего намъ ждать!

— Чего ждать? Конечно, нечего!..—Въ головѣ ея мелькаетъ припѣвъ стариннаго романса: „подожди, гроза минуетъ!" Въ

данный моментъ положительно ждать нечего... Хоть завтра подъ вѣнецъ!..

На слѣдующее утро (день воскресный), послѣ безсонной ночи, миссъ Трентъ идетъ въ церковь, по тропинкѣ, черезъ паркъ. Дорожка слишкомъ узка для двоихъ. Сколько лѣтъ кряду видѣла Летиція еженедѣльно широкую спину брата, солидно шагающаго передъ нею! И вотъ вскорѣ вслѣдъ за нимъ пойдетъ не она, а другая!.. Въ какомъ родѣ будетъ эта другая,—Летиція ничуть не сомнѣвается. Законы наслѣдственности не даромъ существуютъ!.. Да полно, посѣщаетъ ли эта Мери и вообще-то храмъ Божій? Принимая во вниманіе стряслуюся надъ ней неожиданность (Летиція не хочетъ сказать: бѣду!)—сестра Джима Трента свободна. Никакой долгъ не связываетъ ея больше. Она вольна отозваться на призывъ страстнаго голоса, умолявшаго ее вчера слѣдовать за нимъ... И она непремѣнно отзовется!

Въ это воскресенье проповѣдь долженъ былъ говорить викарій, Джонъ Тэйлоръ; но, по случаю болѣзни своего близкаго родственника, онъ принужденъ былъ оставить храмъ и прихожанъ, не въ очередь, на попеченіе Рандэля Чевенинга, своего помощника. Вотъ почему на каѳедрѣ появляется отверженный претендентъ на руку Летиціи и приводитъ ее въ крайнее смущеніе. Она мелькомъ взглядываетъ на него и убѣждается, что онъ очень блѣденъ, болѣе чѣмъ когда-либо красивъ и значителенъ... Печать страданія лежитъ на античныхъ чертахъ его лица.

Съ непонятнымъ для нея самой замираніемъ сердца ждетъ она, какой онъ выберетъ текстъ для своей проповѣди, и съ облегченіемъ переводитъ дыханіе, когда слышитъ его возгласъ: „не убій!“ Кажется, это не можетъ относиться ни къ нему, ни къ ней.

Сначала онъ говоритъ вяло, безжизненно, и тонъ его первыхъ фразъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общимъ мѣстамъ, съ которыхъ онъ начинаетъ свое поученіе. Дѣло идетъ о первомъ братоубійцѣ. Самъ викарій не могъ бы начать суше и неинтереснѣе. Но отсутствіе воодушевленія длится недолго; сухая тема вдругъ оживляется, разрастается, раскидываетъ вѣтви во всѣ стороны. Проповѣдь изобилуетъ примѣрами и сравненіями. Каинъ въ отставкѣ; онъ былъ нуженъ только для сравненія съ нынѣшними способами убійства, которые не въ примѣръ утонченнѣе тяжеловѣсной дубинки братоубійцы.

Голосъ молодого проповѣдника такъ и звенитъ, такъ и гремитъ у Летиціи надъ головой; онъ заявляетъ слушателямъ, что мало кто изъ нихъ, будь то мужчина или женщина, можетъ считать себя безусловно неповиннымъ въ самой ужасной формѣ убійства,—въ умерщвленіи души ближняго

Въ бурномъ потокѣ слѣдующихъ громкихъ фразъ слышалось неподдѣльное чувство; ножъ уподоблялся безсердечію, эгоизму; вредныя подстрекательства—мышьяку; больше-же онъ громилъ тѣхъ, кто вмѣсто просимаго хлѣба подавалъ ближнему камень...

Летиція обливается холоднымъ потомъ...

Проповѣдникъ, умѣло сдѣлавъ паузу, продолжаетъ дальше: ближній умираетъ отъ духовной жажды; страдалецъ стоитъ на нашемъ жизненномъ пути; пустая чаша дрожитъ въ его рукѣ; онъ проситъ у насъ капельку изъ живительнаго источника любви, сожалѣнія, участія, нравственной поддержки...

Мы отталкиваемъ его руку (соотвѣтственный драматическій жестъ), или же проходимъ мимо, вовсе ея не замѣчая!

Мы прошли и занимаемся своимъ дѣломъ (прекраснымъ дѣломъ, весьма возможно!) или своими удовольствіями (весьма невинными, по всей вѣроятности!)—и заканчиваемъ день свой молитвой, набожной и, скажемъ, искренной... Тѣмъ не менѣе, мы—братоубійцы!

Голосъ его все понижается и замираетъ въ трагическомъ молчаніи.

Забывая, что прихожане не были свидѣтелями его вчерашняго пораженія, Летиціи чудится, что вся паства съ укоризной глядитъ именно на нее. Она изнемогаетъ подъ бременемъ зла, причиненнаго ею,—находя, что, тѣмъ не менѣе, съ его стороны жестоко бичевать ее... публично!

Летиція инстинктивно ищетъ сочувствія; братъ ея все знаетъ: конечно, онъ до глубины души возмущенъ безтактными намеками Рандэля! Она потихоньку глядитъ на брата... О, ужасъ! онъ безпечно сидитъ, скрестивъ руки; подобіе блаженной улыбки играетъ у него на губахъ; едва ли онъ вникалъ въ смыслъ проповѣди!

Послѣ прощальнаго благословенія пастыря, Летиція съ облегченіемъ спѣшитъ за церковную ограду; Джимъ замѣшкался съ какимъ-то арендаторомъ на паперти. Рѣзкій осенній вѣтеръ и одиночество благотворно подѣйствовали на потрясенную дѣвушку. Она негодуетъ на Рандэля, но волненіе ея понемногу успокаивается.

Вдругъ за ней раздаются шаги; но не брата, котораго она поджидаетъ, а именно предмета гнѣвныхъ размышленій! Она съ достоинствомъ останавливается; руки ея въ муфтѣ.

— Я хотѣлъ догнать васъ,—запыхавшись, говоритъ Рандэль,—сказать, что, къ сожалѣнію, мнѣ не придется у васъ завтракать сегодня.

Благоразумнѣе было бы дать ему уйти, ограничась холоднымъ кивкомъ головы; но его жалкій видъ снова будитъ въ ней раскаяніе. А вдругъ она, и въ самомъ дѣлѣ, братоубійца?

— Вы не имѣли права задѣвать меня въ вашей проповѣди!—говоритъ она съ упрекомъ.

Онъ ужъ было повернулся, чтобъ уйти, но тутъ мигомъ оказался передъ ней, лицомъ къ лицу.

— Это недостойная, низкая месть! Вы опозорили свое призваніе!

Ударъ приходится мѣтко, и яркая краска заливаетъ его блѣдное лицо. Но онъ молчитъ.

— У васъ такой видъ, точно вы не ѣли цѣлую недѣлю.

— Я и не ѣлъ.

— И не спали тоже?

— Вчера я не ложился.

— Удивительно умно!

— Мнѣ надо было подготовиться къ моей... проповѣди. До вчерашняго вечера я не зналъ, что мнѣ придется замѣнить викарія.

— Если бъ я это знала, то осталась бы дома.

Негодованіе снова начинаетъ брать въ ней верхъ надъ прочими чувствами. Не дерзость ли съ его стороны признаваться, что онъ цѣлую ночь посвятилъ на обдумыванье нанесенной ей обиды!

— Неужели вы думаете, кто-нибудь, кромѣ васъ, понялъ, на кого я намекаю?

— Все равно. Непростительно дѣлать каѳедру орудіемъ своихъ личныхъ счетовъ...

Онъ покорно опускаетъ голову.

— Вы правы. Это непростительно!—тихимъ голосомъ произноситъ онъ.

Повинную голову не рубятъ. Летиція великодушна и мѣняетъ тонъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Нравственныя муки послужили точкой отправленія, сознаюсь. А все же я говорилъ отъ души, по убѣжденію. Меня всегда подавляло сознаніе того, какую безграничную власть имѣетъ часто одинъ человѣкъ надъ душой другого.

— Мнѣ кажется, вы нѣсколько преувеличиваете!—возражаетъ она уже совсѣмъ мягко, снова не понимая, кто передъ ней—поклонникъ или проповѣдникъ.

— Не думаю.

Онъ окончательно выпрямляется, и привычная гордость появляется на его красивомъ лицѣ.

— Я скоро уѣзжаю!—объявляетъ онъ.—Конечно, вы поймете, почему я оставаться здѣсь не могу.

Летиція вздыхаетъ.

— Я долженъ бороться, чтобы окончательно не погиб-

нуть!—продолжаетъ онъ рѣзко:—Для этого я поставлю между вами и мной преграду,—вѣчную разлуку.

Ноздри его раздуваются гнѣвомъ и страстью.

Летиція стоитъ въ мучительномъ колебаніи. Взглядъ ея, избѣгая взгляда Рандэля, скользитъ по дорожкѣ и, наконецъ, останавливается на коренастой фигурѣ, которая спѣшитъ къ ней.

— А, вотъ и Джимъ!

— Онъ знаетъ?—строго освѣдомляется Рандэль.

— Да... Я ему сказала вчера вечеромъ...—неохотно отвѣчаетъ она.

— Онъ былъ очень разстроенъ?

Вопросъ такъ далекъ отъ дѣйствительности, что миссъ Трентъ судорожно улыбается.

— Мнѣ... мнѣ показалось, что онъ не совсѣмъ мнѣ повѣрилъ...

IV.

— А викарій-то нашъ уѣхалъ!—говоритъ мистеръ Трентъ за завтракомъ:—Надѣюсь, что къ слѣдующему воскресенью вернется.

Сестра ничего не отвѣчаетъ; понялъ ли онъ смыслъ проповѣди?.. Но братъ продолжаетъ ѣсть и простодушно замѣчаетъ:

— Рандэль не проявилъ сегодня особеннаго краснорѣчія, не правда ли? Положимъ, ему пришлось сочинять проповѣдь впопыхахъ, и особенно строго отнестись къ нему нельзя.

Насмѣшливая улыбка брата вызываетъ негодованіе Летиціи.

— Не тебѣ бы въ данный моментъ надъ нимъ смѣяться!

— Почему? Развѣ насъ можно сравнивать? Я могу содержать жену!

— Можетъ быть, и онъ въ состояніи это сдѣлать. Есть дѣвушки, которыя не предъявляютъ особенныхъ претензій...

Джимъ ласково, не понявъ, конечно, намека, освѣдомляется:

— Неужели ты серьезно?

— Почему же и нѣтъ?

Онъ, очевидно, испуганъ, и она задорно продолжаетъ:

— Хоть меня и воспитывали въ роскоши, но по натурѣ я могу безъ нея обойтись. Я могла бы удовлетвориться скромной жизнью съ человѣкомъ, котораго... „я люблю"—положительно застрѣваетъ у нея въ горлѣ.

— Котораго я уважаю...—доканчиваетъ она.

Джимъ облегченно улыбается.

— Ну, ради уваженія къ нему не стоитъ покидать меня!

— Развѣ ты не позаботился о моемъ замѣщеніи?

Онъ съ безпокойствомъ обводитъ глазами огромную комнату и говоритъ:

— Развѣ мѣста не хватитъ для васъ обѣихъ?

Ее часто выводила изъ себя ограниченность брата; на этотъ разъ его полная неспособность понять ея чувства такъ очевидна, что она безпомощно умолкаетъ.

— Если бъ у меня было десять женъ, это не составило бы разницы. Въ моемъ домѣ ты должна оставаться до замужества.

— Я никогда...—но она спохватилась и не кончила. А братъ нѣжно договариваетъ:

— Въ такомъ случаѣ до твоей смерти.

— Ты подготовилъ къ этому миссъ Кергуэтъ?

— Къ чему же? Подготовляютъ только къ чему-нибудь непріятному

— Однако сообщилъ же ей... Какъ приняла она это извѣстіе?

Онъ откидываетъ назадъ голову и съ наслажденіемъ повторяетъ:

— Она сказала: „чѣмъ больше народу, тѣмъ веселѣе!“

Миссъ Трентъ содрогается. Значитъ, отнынѣ она будетъ только лишней единицей въ необузданной ордѣ, которая ворвется съ бубнами и трещотками, чтобы нарушить тишину, всегда царившую въ этомъ домѣ! Право, квартира надъ сырной лавкой покажется мирнымъ и желаннымъ пріютомъ при такихъ условіяхъ!

. . . . . .

Дни бѣгутъ... Роковой моментъ все близится; съ каждымъ днемъ мысль о необузданной ордѣ становится Летиціи невыносимѣе, а оскорбленіе, полученное съ каѳедры, кажется менѣе важнымъ. Рандэль Чевенингъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ повидаться съ нею, даже не пишетъ ей.

Къ слѣдующей субботѣ ея волненія и мрачныя предчувствія относительно его душевнаго состоянія достигаютъ крайнихъ предѣловъ, и послѣ завтрака, въ тотъ же день, она велитъ запречь пони въ шарабанъ и правитъ имъ сама черезъ паркъ.

Осень разубрала деревья пурпуромъ и золотомъ. Шарабанъ катитъ по направленію къ дому викарія.

Въ воротахъ Летиція встрѣчаетъ самого хозяина, который провожаетъ ее къ крыльцу, по дорогѣ извиняясь, что жена его не можетъ выйти, нездорова.

— Вы знаете, ея ужасныя мигрени!..

— Какая жалость! Я заѣхала на минутку, чтобы выразить сочувствіе вашему горю, по поводу вашей утраты...

— Благодарю васъ.

— Я не ожидала, что вы такъ скоро вернетесь.

Онъ смиренно вздыхаетъ.

— Понятно, я торопился... Надо бы пробыть тамъ подольше: дѣлъ осталось немало послѣ покойной тещи!.. Но я получилъ письмо отъ Чевенинга, написанное, очевидно, въ минуту отчаянія; онъ такъ убѣдительно проситъ о немедленномъ отпускѣ, что я поторопился вернуться.

Разсказъ этотъ производитъ на слушательницу потрясающее впечатлѣніе: въ какомъ нравственномъ состояніи долженъ быть человѣкъ, если онъ становится способнымъ на такіе эгоистичные поступки!

— Онъ уѣхалъ?—спрашиваетъ она.

— Сегодня утромъ. Говоря по правдѣ, мнѣ показалось, что онъ близокъ къ какой-нибудь нервной болѣзни!

Глаза стараго мистера Тэйлора устремлены на миссъ Трентъ (надо же ему куда-нибудь глядѣть!), но виноватая совѣсть ея усматриваетъ въ его взглядѣ осужденіе.

— Но отъѣздъ его для васъ не особенно удобенъ, въ настоящую минуту!..

— Да, но, съ другой стороны, усиленная работа принесетъ мнѣ пользу. Чевенингъ, въ настоящую минуту, плохой помощникъ.

Неумышленная стрѣла вонзается гостьѣ прямо въ сердце.

Между тѣмъ, они уже вошли въ гостиную.

— Онъ никогда не чувствовалъ себя здѣсь въ своей сферѣ,—добродушно продолжаетъ викарій:—здѣсь негдѣ было развернуться его таланту. Съ его замѣчательнымъ дарованіемъ...

Легкая судорога пробѣгаетъ по лицу гостьи.

— Церковь при немъ бывала биткомъ набита! Краснорѣчіемъ одаренъ феноменальнымъ... Число исповѣдниковъ тоже значительно увеличилось...

Такъ вотъ какой человѣкъ молилъ ее о взаимности, о поддержкѣ!

— Да, да, несомнѣнно огромное, выдающееся дарованіе!—заключаетъ викарій.

Дальше Летиціи удается мимоходомъ узнать, что Рандэль уѣхалъ, не зная о помолвкѣ ея брата.

Разнообразныя чувства волнуютъ молодую дѣвушку на обратномъ пути. Жизнь съ Чевенингомъ была-бы далеко не спокойнымъ, пріятнымъ романомъ: онъ бѣденъ, раздражителенъ, о себѣ высокаго мнѣнія, плохо владѣетъ собою. Но какая благородная, возвышенная цѣль—поддерживать, вдохновлять его, вмѣстѣ съ нимъ бороться и преодолѣвать житейскія невзгоды! И какъ онъ любитъ ее! Онъ, дѣйствительно, нуждается въ ней. Онъ безъ нея не можетъ обходиться,—разсудокъ и здоровье его пошатнулись отъ ея отказа. Въ

немъ она, по крайней мѣрѣ, не ошибется, какъ ошиблась въ братѣ. Это цѣльный человѣкъ, прямолинейный, скала! Съ нимъ (особенно въ виду нашествія Кергуэтовъ) квартирка надъ сырной лавкой—завидное убѣжище, тихая пристань!

Бродя теперь по знакомымъ комнатамъ или по дорожкамъ парка, Летиція заранѣе терзается, стараясь себѣ представить, какія отвратительныя перемѣны внесетъ въ ея мирное жилище отсутствіе вкуса и воспитанія у будущей хозяйки!

Сообщительность ея брата все уменьшается; видимо, онъ угадываетъ ея настроеніе.

— Хорошо, если бы миссъ Кергуэтъ не мѣняла обоевъ въ этой комнатѣ!—говоритъ какъ-то Летиція, поднимая глаза на старинные обои гостинной въ китайскомъ вкусѣ:—Я полагаю, она будетъ настаивать, чтобы весь домъ былъ отдѣланъ заново...

— Я убѣжденъ, что она ни на чемъ ровно настаивать не будетъ!—добродушно отзывается Джимъ.—Но я самъ нахожу, что кое-что подновить не мѣшаетъ.

— Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что она хоть эти обои пощадитъ.

Трентъ и на этотъ разъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ неудовольствія; онъ просто взялъ книгу и занялся чтеніемъ.

На другой день послѣ этого эпизода, она старается загладить свой промахъ.

— Ты не показалъ мнѣ карточки миссъ Кергуэтъ... Навѣрно, у тебя есть?

— Да.

— Покажи мнѣ, пожалуйста.

Послѣ минутнаго колебанія, онъ отвѣчаетъ:

— Не обидься, душа моя, но я не покажу. Не видѣвъ оригинала, нельзя правильно судить о немъ по карточкѣ. Отсутствуютъ краски, оживленіе, блескъ...

Видя, что лицо ея вытянулось, онъ ласково прибавляетъ:

— Теперь вѣдь недолго до свиданія съ самимъ оригиналомъ...

— Да, я знаю это отъ нея самой.

Онъ радостно изумленъ.

— Она тебѣ писала?

— Да. Въ отвѣтъ на мое поздравленіе, посланное недѣлю тому назадъ...

Опять невольная шпилька, намекъ на запоздалый отвѣтъ на оффиціальное поздравленіе! Онъ же только смѣется.

— Она у меня не охотница писать!

Летиція вынимаетъ письмо изъ кармана.

— Не желаешь ли прочесть?

— Давай.

Она исподтишка наблюдаетъ за нимъ во время чтенія. Письмо, во многихъ отношеніяхъ, жалкое: почеркъ полудѣтскій, слогъ невыработанный и вульгарный; въ одной фразѣ красуется орѳографическая ошибка... Но вотъ онъ дошелъ и до этого мѣста (на второй страницѣ)—и все съ тѣмъ же блаженно-восторженнымъ выраженіемъ на лицѣ дочиталъ письмо и вернулъ сестрѣ.

— Какая искренность чуется въ ея письмѣ! Душа у этой дѣвушки хрустальная!

Все это очень не нравится Летиціи.

— Вѣрно, миссъ Кергуэтъ воспитывалась во Франціи?

— Да, отчасти. Она на многихъ языкахъ говоритъ хорошо. Между прочимъ, по-русски.

„И на всѣхъ пишетъ съ ошибками!“ думаетъ миссъ Трентъ.

Короткіе, темные дни быстро смѣняются; Летиція въ душѣ смутно надѣялась на грозное вмѣшательство стихій, на землетрясеніе или потопъ; но вотъ обыденныя мелочи жизни даютъ ей ясно понять, что катастрофа неминуема. Послѣдняя искра надежды угасаетъ въ ней въ тотъ день, когда готово ея новое бѣлое платье: вѣдь она подруга невѣсты!

— Не примѣрите ли платьице, миссъ?—спрашиваетъ горничная.

— И не подумаю... Не стоитъ. Навѣрно, все исправно.

Черезъ недѣлю назначена свадьба...

— Мери проситъ тебя пріѣхать днемъ раньше, чѣмъ ты предполагала,—говоритъ ей братъ.

— Свадьба 15-го, неужели поздно пріѣхать 14-го?

— Она проситъ тебя пріѣхать 13-го.

— Разумѣется, я исполню ея желаніе.

— Дѣло въ томъ, что она хочетъ сдѣлать репетицію свадебной церемоніи за день до свадьбы.

— Репетицію? Въ церкви? Это нѣсколько...

„Театрально“ — хотѣла сказать Летиція, но вспомнила, что мать Мери была актрисой въ молодости, и не произнесла этого слова.

Джимъ, съ небывалой для него быстротой соображенія, доканчиваетъ:

— Именно репетицію! Свадьба будетъ довольно торжественная, и ей не хочется, чтобъ произошла какая-нибудь путаница.

— А!..

V.

Наступило 13 декабря. Летиція Трентъ въ послѣдній разъ покидаетъ родной домъ въ качествѣ хозяйки. Никакихъ нововведеній не было сдѣлано, все осталось по прежнему: хозяинъ дома рѣшилъ, что всякія перемѣны будутъ зависѣть отъ воли новой повелительницы.

Комнаты, по которымъ Летиція проходитъ, мысленно прощаясь съ каждымъ отдѣльнымъ предметомъ, встрѣчаютъ ее съ обычнымъ меланхолично-привѣтливымъ видомъ, вовсе не подозрѣвая, какой разгромъ ожидаетъ ихъ въ недалекомъ будущемъ.

„Если бъ не нелѣпая репетиція, я могла бы провести здѣсь лишній день!"—говоритъ она себѣ, и холодныя слезы навертываются ей на глаза.

Путешествіе близится къ концу. Мелькаютъ знакомыя названія станцій; курьерскій поѣздъ мчится быстро. Огорченіе Летиціи постепенно переходитъ въ грустное любопытство. Каковы-то будущіе родственнички? Неужели еще хуже, чѣмъ она думаетъ? Трудненько... Но одинаково невозможно, чтобы они оказались лучше. И невольно представляются ей всѣ дѣйствующія лица надвигающейся драмы: соперница ея, блистающая вульгарной красотой модистки, съ развинченными манерами; чего добраго, вздумаетъ полѣзть къ золовкѣ съ своими родственными чувствами! Затѣмъ старый развратникъ, родитель ея, съ опухшими, красными отъ кутежей вѣками; старшій братъ, какой-то бухгалтеришка въ банкѣ (или что-то въ этомъ родѣ), навѣрно, кончитъ тѣмъ, что проворуется; сестра-актриса, скрывающая отсутствіе таланта подъ чужимъ именемъ; а на заднемъ планѣ необузданная стая мальчишекъ и дѣвчонокъ.

Время, когда не надо, всегда идетъ слишкомъ быстро. Не успѣла она оглянуться, какъ проѣхали Лондонъ, и поѣздъ остановился на „Викторіи"—послѣдней большой станціи передъ Уимбльдономъ.

Камеристка Летиціи страдаетъ мигренью; барышня, изъ человѣколюбія, обложила ее подушками и открыла окно, чтобы освѣжить больную голову. Хорошо еще, что въ купэ никого нѣтъ, кромѣ нихъ двухъ! Но только было Летиція мысленно возблагодарила за это судьбу, и кондукторъ уже свистнулъ, какъ запыхавшійся носильщикъ, нагруженный мелкимъ багажемъ, распахнулъ дверь, и въ вагонъ вспорхнула молодая дѣвушка. Носильщикъ наскоро размѣстилъ корзинки, баульчики и мѣшочки по сѣткамъ, надъ и подъ

свободными мѣстами, поѣздъ тронулся, носильщикъ соскочилъ уже на ходу. Новая пассажирка испустила вздохъ, выражавшій удовольствіе, вѣроятно, по поводу благополучно совершеннаго ею вторженія, очистила диванъ отъ лишнихъ бездѣлушекъ и собиралась усѣсться, какъ взглядъ ея случайно упалъ на открытое окно. Въ одно мгновеніе она очутилась у окна и, развязно спросивъ: „вамъ, конечно, все равно?"—стала поднимать его.

Но Летиція запротестовала.

— Извините. Эта бѣдная женщина... Ей нуженъ свѣжій воздухъ.

— Свѣжій воздухъ? 13-го декабря?

— Да. Когда страдаютъ мигренью...

— Тогда берутъ отдѣльное купэ!—перебиваетъ дѣвица полу-шутливо, полу-рѣзко. Впрочемъ, она больше не настаиваетъ, только закутывается въ плэдъ, съ шумомъ захлопываетъ вентиляторъ и съёживается въ своемъ уголкѣ.

Летиція съ изумленіемъ и негодованіемъ глядитъ на рѣшительную молодую особу; изумленіе еще усиливается, когда она убѣждается, что непріятная спутница ея, безспорно, красива,—настолько красива, что всякій, даже врагъ, долженъ признать этотъ фактъ. Кромѣ того, надо думать, она принадлежитъ къ порядочному обществу, а впрочемъ... Туалетъ ея, слишкомъ яркій и модный, можетъ указывать на то, что она или француженка, или представительница богемы. Взгляды ея и миссъ Трентъ скрещиваются, и взоръ незнакомки откровенно выражаетъ неудовольствіе и задоръ, хотя и не злобу; ей самой, повидимому, немножко смѣшно.

До Уимбльдона царитъ глубокое молчаніе; а на самой станціи миссъ Трентъ слишкомъ занята заботами о своей окончательно раскисшей камеристкѣ и хлопотами о багажѣ, чтобы замѣтить, что ихъ спутница тоже вышла изъ вагона. Съ помощью носильщика Летиція усадила, наконецъ, свою безпомощную страдалицу и говоритъ кучеру: „Въ улицу Акацій, противъ церкви св. Луки,"—какъ вдругъ видитъ возлѣ себя незнакомку. Послѣдняя съ улыбкой протягиваетъ ей руку:

— Ужъ вы не Летиція ли?..

Открытіе черезчуръ неожиданно! Съ минуту рука, въ поношенной шведской перчаткѣ, остается протянутой безъ отвѣтнаго пожатія; Летиція стоитъ, какъ въ столбнякѣ. Затѣмъ приходитъ въ себя, натянуто улыбается и сухо произноситъ:

— А вы—миссъ Кергуэтъ?

Оффиціальное привѣтствіе, послѣ того, какъ невѣста

такъ смѣло назвала ее просто по имени, можно было счесть за обиду, но миссъ Кергуэтъ, если и чувствуетъ ее, то превесело скрываетъ.

— Да! Только недолго ею останусь!

Она смѣется; противницы мѣряютъ другъ друга взглядомъ съ ногъ до головы.

— Удивляюсь, какъ я этого не угадала!—говоритъ миссъ Трентъ холодно и отчетливо:—Я, какъ разъ, такою и ожидала васъ видѣть!

— По карточкѣ трудно судить обо мнѣ.

— Мой братъ ни разу не показывалъ мнѣ вашей карточки.

Будущая невѣстка съ усмѣшкой пожимаетъ плечами:

— Напрасно! Но, надо надѣяться, мы скоро привыкнемъ другъ къ другу. Джиму слѣдовало предупредить меня, что вы очень любите... свѣжій воздухъ!

Она старается говорить шутливо; но фраза, сама по себѣ невинная, дѣйствуетъ на нервы слушательницы; обиднѣе всего ей показалось властное слово: „Джимъ". Отвѣчаетъ она крайне сухо:

— Я дѣйствовала изъ человѣколюбія.

— Камеристки всегда въ дорогѣ хворяютъ,—говоритъ Мери, обобщая факты:—такъ, по крайней мѣрѣ, я слышала. Собственной камеристки у меня никогда не было. Вообще же, я должна предупредить васъ, что у меня—что на умѣ, то и на языкѣ.

Миссъ Трентъ, выслушавъ все это въ ледяномъ молчаніи, становится на подножку экипажа.

— Не предлагаю составить вамъ компанію! — развязно восклицаетъ миссъ Кергуэтъ, жестомъ подзывая другую коляску: — вашъ багажъ занимаетъ столько мѣста (она, насмѣшливо улыбаясь, глядитъ на горничную, со страдальческой миной прикурнувшую въ углу экипажа), что моего некуда положить! A bientôt!

„Она хуже, чѣмъ я ожидала! Невѣроятно, но это такъ. Боже! Жить въ одномъ домѣ!"

Такимъ размышленіямъ предается Летиція во время дороги. Во всякомъ случаѣ, не оправдалось одно изъ ея предчувствій, а именно: родственными чувствами ее не одолѣвали... Она гнѣвно улыбается. Наоборотъ! Невѣжливость и дерзость въ ходу.

Въ передней ее встрѣчаетъ Мери, весело и развязно.

— Боюсь, что вы найдете у насъ нѣкоторый безпорядокъ. Особеннымъ порядкомъ, положилъ, мы никогда не отличались, но теперь идетъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее, благодаря важному событію. Но вѣдь вѣнчаться, надо ду-

мать, я буду всего одинъ разъ въ жизни, а потому хочу, чтобы свадьба была шикарная; прислуги же у насъ мало, вотъ и приходится суетиться самимъ.

Все это она говоритъ небрежно и вводитъ гостью въ гостиную. При первомъ взглядѣ на царящій въ комнатѣ хаосъ, гостья столбенѣетъ, да и сама хозяйка, видимо, нѣсколько изумлена.

— Ахъ, эти противные ребятишки опять играли здѣсь въ звѣринецъ!—поясняетъ она:—Но мнѣ не слѣдуетъ очень муштровать ихъ; они внѣ себя отъ радости и просто не помнятъ, что дѣлаютъ.

— Внѣ себя?

— Да, что они опять всѣ вмѣстѣ. Четыре младшихъ только въ субботу пріѣхали изъ Парижа. Луи учится тамъ въ лицеѣ, а остальные въ пансіонѣ, который содержитъ одна родственница нашей покойной мамы.

Нѣсколько минутъ спустя, боясь, что не совладаетъ съ обуревающими ее чувствами, Летиція проситъ показать ей ея комнату, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей надо переодѣться.

— Вамъ нечего торопиться,—возражаетъ Мери:—одному Богу извѣстно, когда мы будемъ сегодня обѣдать! Да и будемъ ли еще!—прибавляетъ она, смѣясь.

Видя, что гостья не интересуется разъясненіемъ этого сомнѣнія, она продолжаетъ:

— Безъ сомнѣнія, Джимъ уже говорилъ вамъ, что мы живемъ внѣ пространства и времени?

— Нѣтъ, насколько я помню, онъ объ этомъ не упоминалъ.

— Повидимому, онъ вообще былъ не особенно говорливъ. Бѣдняга Джимъ! Онъ больше привыкъ, чтобы за него говорили, не правда ли?

Миссъ Трентъ содрогается. „Джимъ", да еще „бѣдняга!" Shoking!

— Сначала онъ пытался было насъ исправить,—не унимается Мери,—но кончится тѣмъ, что исправимъ мы его. Если кто-нибудь голоденъ или усталъ ждать обѣда, въ буфетѣ всегда найдется кусокъ пирога или холодное мясо. Каждый можетъ сходить туда и поѣсть, когда ему вздумается.

Говоритъ она звонко, весело, отчетливо, отнюдь не извиняясь, но темные глаза ея предательски блестятъ; Летиція начинаетъ смутно подозрѣвать, не умышленно ли она сгущаетъ краски, рисуя картину такой безшабашной цыганщины.

Она отвѣчаетъ въ тонъ:

— Великолѣпная идея!

— Раньше девяти едва ли сядемъ за столъ. Папа рано пріѣхать не можетъ; Габріель тоже.

— Габріель?

— Да, Габріель. И о немъ Джимъ не упоминалъ ни слова?

— Нѣтъ. Что-то не припомню...

— Гм... Ну, Габріель мой старшій братъ, и лучше всѣхъ насъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Она говоритъ это смѣло, съ вызовомъ въ глазахъ.

Но миссъ Трентъ презрительно молчитъ. Какъ бы этотъ „лучшій изъ всѣхъ" не вздумалъ тоже называть ее по имени! Придется осадить его разъ навсегда.

— Послѣдніе дни проводите вы всѣ вмѣстѣ,—говоритъ она, чтобы что-нибудь сказать.

Мери приподнимаетъ брови.

— Здѣсь—можетъ быть, послѣдніе!—съ удареніемъ возражаетъ она, и невѣстка слишкомъ хорошо поняла, что это значитъ.

— Разумѣется, и Эсмеральда не поспѣетъ во-время къ обѣду!—продолжаетъ Мери, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Эсмеральда?..

— Эсмеральда, старшая сестра моя. И о ней Джимъ не упоминалъ? Ну, не очень-то онъ распространяется о будущей роднѣ!—Она звонко, но не особенно добродушно смѣется.

— Онъ часто говорилъ... Но я, къ сожалѣнію, многое забыла.

— Эсмеральдой назвали ее въ честь нашей дорогой мамы. На сценѣ ее зовутъ... Да вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что она актриса? На сценѣ ея имя—миссъ Поппи Делафильдъ.

— Не припомню, чтобъ я имѣла удовольствіе ее видѣть,—вѣжливо, но ядовито отвѣчаетъ миссъ Трентъ.

— Вѣроятно, очень давно не были въ театрѣ „Популярность"!—восклицаетъ Мери, и чудные глаза ея гнѣвно сверкаютъ, какъ раскаленные уголья: — Иначе вы непремѣнно замѣтили бы ее.

— Миссъ Поппи Делафильдъ? Положительно не помню.

— Имени ея на программахъ не выставляютъ!—съ умышленной небрежностью восклицаетъ хозяйка:—Она статистка, но тѣмъ не менѣе извѣстна.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Я бы тоже пошла на сцену, если бы Джимъ не уговорилъ меня выйти за него замужъ. Я въ тотъ же мигъ разъяснила ему, какую приношу жертву. Сначала онъ плохо меня понялъ, но въ концѣ концовъ мнѣ удалось-таки вдолбить это въ его голову.

Капля переполняетъ чашу.

— Если вамъ все равно, мнѣ хотѣлось бы пройти въ мою комнату.

Миссъ Кергуэтъ равнодушно согласилась, проводила гостью въ отведенное ей помѣщеніе и оставила тамъ, мимоходомъ сообщивъ, что въ этой комнатѣ ночевала въ послѣдній разъ Эсмеральда, а потому нечего удивляться, если здѣсь найдутся принадлежности туалета не только ея сестры, но и ея собственныя; впрочемъ, въ экстренныхъ случаяхъ, не слѣдуетъ быть очень взыскательной.

Хлопанье дверей возвѣщаетъ Летиціи, что она, наконецъ, осталась въ желанномъ одиночествѣ; но въ первый моментъ она даже не знаетъ, какъ употребить этотъ сравнительный покой. Она стоитъ посреди комнаты; руки ея безпомощно повисли; губы плотно сжаты. До сихъ поръ жизнь ея протекала тихо и мирно въ крайне благовоспитанной средѣ, а потому она не въ силахъ сразу разобраться въ тѣхъ чувствахъ ярости, презрѣнія и отвращенія, которыя охватили ее съ ногъ до головы. Почти машинально, еле сдерживая злобу, она начинаетъ потихоньку повторять про себя фразы, переполнившія чашу ея терпѣнія: „онъ уговорилъ меня выдти за него замужъ...“ „я разъяснила ему, какую приношу жертву,“ „наконецъ, мнѣ удалось вдолбить это ему въ голову“.

При повтореніи, фразы эти не выигрываютъ въ глазахъ возмущенной Летиціи. Наоборотъ!

„Противная выскочка! Она должна бы Бога благодарить, что Джимъ до нея унизился! Что ей не по заслугамъ выпало на долю счастье! Кажется, я такъ ей и скажу. Она вѣдь съ гордостью объясняетъ: „что у меня на умѣ, то и на языкѣ!“ Ну, и отлично. Сдѣлаю ей честь, возьму съ нея примѣръ!“

. . . . . .

Приблизительно около 9 часовъ неистово зазвонилъ колоколъ, очевидно приведенный въ движеніе рукою любителя, а не настоящаго дворецкаго. Миссъ Трентъ предполагаетъ, что поданъ обѣдъ, до нѣкоторой степени обѣщанный хозяйкой дома.

„Надо взять себя въ руки!“ говоритъ себѣ Летиція и храбро спускается внизъ. Но тамъ въ недоумѣніи останавливается: во всѣ стороны двери, а куда онѣ ведутъ— неизвѣстно. Она боится попасть въ чью-нибудь спальню; но, оглядѣвшись повнимательнѣе, замѣчаетъ, что одна изъ дверей пріотворена, и въ комнатѣ видна женская фигура у камина, прислонившаяся головой къ какому-то мужскому плечу.

Летиція колеблется, входить ли ей? Если это пріѣхавшій

Джимъ съ невѣстой, то нарушать ихъ нѣжное свиданіе она не намѣрена! Въ это мгновеніе женскій голосъ отчетливо говоритъ:

— Она гораздо хуже, чѣмъ я ожидала! Подумать только, что я цѣлый вѣкъ обречена жить подъ одной кровлей съ этой „принцессой-недотрогой!“ Хорошенькая? Ничуть. Тотъ же бѣдняга Джимъ, только въ юбкѣ!

Слышаннаго вполнѣ достаточно для Летиціи. Про нее говорятъ ея же собственной фразой: „гораздо хуже, чѣмъ я ожидала!“ И кому это сказано? Не Джиму, разумѣется, онъ и самъ знаетъ, хорошенькая ли его сестра. „Бѣдняга Джимъ. только въ юбкѣ!“

Но, кто бы ни былъ неизвѣстный мужчина, на плечѣ котораго покоилась голова Мери въ то время, какъ она критиковала золовку,—не могла же эта послѣдняя войти, какъ ни въ чемъ не бывало! Уши у нея горятъ отъ негодованія и стыда. Она поворачивается и бѣжитъ опять вверхъ по лѣстницѣ; но на площадкѣ передъ своей комнатой чуть не сталкивается съ господиномъ, выходящимъ изъ противоположной двери.

— Ахъ, тысячу извиненій! Миссъ Трентъ?

— Да.

Въ первый моментъ они черезчуръ озадачены для немедленнаго вступленія въ разговоръ; но Летиція съ перваго взгляда угадала, кто этотъ худой, высокій господинъ, на котораго она чуть не налетѣла; моложавый видъ пожилого красавца объясняетъ ей, что передъ ней стоитъ хозяинъ дома.

Значитъ, миссъ Кергуэтъ жаловалась на нее не своему отцу. Между тѣмъ, родитель протягиваетъ руку почтительно и неувѣренно; при видѣ его несомнѣннаго смиренія, Летиція приходитъ въ себя.

— Я услышала звонъ колокола и подумала...

— Разумѣется... Весьма понятно...—нервно поддакиваетъ онъ: — Это позвонила одна изъ дѣвочекъ. Конечно, это не ея дѣло, но они въ такомъ экстазѣ, что съ ними не справиться!

При мысли о причинѣ „экстаза“ (какая же другая причина, какъ не ловко попавшійся въ сѣти женихъ?) младшихъ членовъ семьи Кергуэтъ, экстаза, который, какъ у дикарей, проявляется въ неистовыхъ звукахъ колокола, миссъ Трентъ чувствуетъ новый приливъ озлобленія.

— Можетъ быть, я вышла слишкомъ рано?—съ ироніей освѣдомляется она, взглядывая на стѣнные часы на площадкѣ. Но часы стоятъ. — Миссъ Кергуэтъ говорила мнѣ, что вы не придерживаетесь строгаго распредѣленія времени...

Что-то въ тонѣ и словахъ будущей родственницы усиливаетъ смущеніе хозяина дома.

— Наоборотъ... Это мы запоздали... Мнѣ слѣдуетъ передъ вами извиниться, но мы, кажется, неисправимы!

Онъ смиренно предлагаетъ указать ей дорогу и идетъ впередъ, внизъ по лѣстницѣ, восклицая по пути, что очень радъ ея пріѣзду и нервно увѣряя, что Мери давно мечтаетъ познакомиться и сойтись съ нею.

VI.

Подъ эгидой хозяина дома Летиція на этотъ разъ, дѣйствительно, проникаетъ въ гостиную, и двѣ молодыя дѣвушки, которыя пока сошлись лишь въ одномъ (а именно—въ одинаковыхъ выраженіяхъ, заочно, изъяснились во взаимной антипатіи), снова очутились другъ передъ другомъ.

Комната полна народу; присутствующіе,—все молодежь,—веселыми голосами стараются перекричать одинъ другого.

Въ первый моментъ гостьѣ трудно догадаться, кому именно изъ шумной группы невѣста повѣряла свои впечатлѣнія.

Младшіе братья и сестры тѣсно сплотились вокругъ кого-то; а Мери взяла его подъ руку.

Центромъ всеобщаго вниманія служитъ, разумѣется, не кто иной, какъ несравненный старшій братъ, воплощенное совершенство (по словамъ Мери),—пресловутый Габріель.

„Этотъ писецъ или кассиръ въ банкѣ!“ — презрительно добавляетъ мысленно Летиція.

— Кажется, дѣти еще не имѣютъ удовольствія знать васъ... Вотъ Габріель, Мюріель, Сибилла... А это Луи. Младшаго зовутъ Фрэнкомъ.

Къ гостьѣ кидаются двѣ дѣвочки-подростка и запечатлѣваютъ на каждой щекѣ ея по звонкому поцѣлую; мальчикъ, остриженный ежомъ, цѣлуетъ ея руку, а пятилѣтній Фрэнкъ протягиваетъ ручонку, всю липкую отъ шоколада. Старшій братъ ограничивается поклономъ.

— Полагаю, что можно садиться за столъ! — говоритъ молодая хозяйка, непринужденно обращаясь къ гостьѣ. — Колоколъ, конечно, вздоръ, Сибилла дурачилась. Мы никогда не возвѣщаемъ о текущихъ событіяхъ. Разумѣется,—обращается она къ отцу,—мы не станемъ ждать чудака.

— Кто это *чудакъ*?—минуту спустя спрашиваетъ Летиція у хозяина: они подъ руку прошли въ столовую и усѣлись за столъ рядомъ.

Вопросъ Летиціи—результатъ отчаянной рѣшимости не

давать воли раздраженію и подавить свои непріязненныя чувства. Но мистеръ Кергуэтъ смущается свыше всякой мѣры.

— Это... это просто глупая шутка Мери... Не стоитъ разъяснять...

Къ несчастью, ихъ услышала сама Мери и звонко кричитъ черезъ весь столъ:

— Джимъ—„чудакъ!“ Мы какъ-то были съ нимъ въ опереткѣ; тамъ фигурировалъ толстый чудакъ, — двѣ капли воды похожій на Джима! Ну, вотъ я и прозвала его съ тѣхъ поръ *чудакомъ*!

Миссъ Трентъ сама напросилась на объясненіе и не можетъ жаловаться на то, что получила его; но *неслыханная* дерзость до такой степени ее ошеломляетъ, что она въ состояніи только потупить сверкающій взоръ въ тарелку; но раньше того, глаза ея встрѣтились со взглядомъ Габріеля. Будь онъ членомъ другой семьи, Летиція сказала бы, что взглядъ его выражаетъ сочувствіе, но подобная деликатность, разумѣется, недоступна сорванцамъ необузданной шайки!

За неумѣстной шуткой миссъ Мери вовсе не слѣдуетъ неловкое молчаніе: юные Кергуэты вообще, повидимому, молчать не умѣютъ. Они громко принимаются разсказывать свои парижскія впечатлѣнія, рѣзко противорѣчатъ другъ другу, спорятъ; аппетитъ у нихъ волчій, голоса—словно паровозные свистки; старшіе могутъ безпрепятственно молчать.

Мери съ удобствомъ положила локти на столъ и оживленно бесѣдуетъ со старшимъ братомъ, понизивъ голосъ почти до шепота.

Такъ какъ Летиціи говорить нѣтъ надобности, а ѣда мало привлекаетъ ее, то она даетъ полную волю глазамъ и изучаетъ семью, которая скоро сдѣлается семьей Джима.

Нельзя отрицать, что красота дана въ удѣлъ всѣмъ членамъ этой семьи; всѣхъ красивѣе—Мери; менѣе всѣхъ—Габріель... А между тѣмъ, именно онъ (не будь онъ Кергуэтъ...) кажется Летиціи довольно симпатичнымъ; взглядъ у него прямой, открытый, но не дерзкій; въ манерахъ нѣтъ ни смущенія, ни излишней угодливости, а между тѣмъ...

— Боюсь, не надоѣлъ ли вамъ нашъ шумъ!..—говоритъ отецъ, прерывая ея размышленія.—Кто не привыкъ къ большой семьѣ...

— Мы... мы съ братомъ ведемъ очень тихую жизнь, это правда... А! вотъ и онъ!..

Улыбка ея выражаетъ нѣжность, удовольствіе; она протягиваетъ руку навстрѣчу торопливо пробирающемуся вдоль стола Джиму; но все вниманіе его приковано къ Мери,—онъ даже не замѣчаетъ протянутой руки сестры. Сердце

Летиціи сжимается отъ боли; она быстро отдергиваетъ свою руку и вдругъ, въ то же мгновеніе, встрѣчается взглядомъ съ Габріелемъ. Онъ видѣлъ ея постыдное отступленіе!..

Мери небрежно подаетъ жениху лѣвую руку и говоритъ:

— Пожалуйста, не извиняйся. Я не цѣню аккуратность, ты это знаешь. А вотъ и дѣти въ сборѣ!—она жестомъ рекомендуетъ жениху братьевъ и сестеръ.

Четыре стула шумно отодвигаются. Дѣвицы-подростки цѣлуютъ Джима такъ же звонко, какъ и мальчики. Женихъ нѣсколько краснѣетъ, но, повидимому, ничего не имѣетъ противъ экспансивности новыхъ сестеръ и братьевъ. Затѣмъ ему подаютъ чуть тепленькій обѣдъ; но онъ сіяетъ,—кажется, ничего не видя, не слыша и не замѣчая, кромѣ невѣсты. Она же преспокойно возобновила интимный разговоръ съ старшимъ братомъ, не смотря на попытки послѣдняго сдѣлать бесѣду общей.

Послѣ обѣда Джимъ садится рядомъ съ сестрой на диванъ, въ гостиной; на лицѣ его нѣтъ и тѣни досады.

— Ну, что скажешь?—спрашиваетъ онъ:—Такова-ли она, какой ты ожидала ее видѣть?

— Да, даже больше, чѣмъ ожидала.

Она говоритъ неопредѣленно. Но онъ понялъ по-своему:

— Я такъ и зналъ, что все будетъ хорошо, когда ты ее увидишь.

— Она, кажется, очень привязана къ своей семьѣ?—мѣняетъ тему Летиція.

— Удивительно сердечная дѣвушка! Какъ пріятно видѣть ее среди нихъ! Какая милая семья... И дѣти веселыя... забавныя... Оживятъ нашъ домъ, не правда ли?

— Они... поселятся въ Трентѣ?

— Поселиться не могутъ, они учатся, но праздники будутъ проводить у насъ. Да и намъ лучше. Въ домѣ станетъ повеселѣе. Наше житье напоминаетъ вѣдь нѣсколько сонное царство! Правда вѣдь?

Летиція молчитъ. А она-то воображала, что во всемъ угождаетъ брату!

— Ахъ, вонъ они поютъ прелестную арійку изъ оперетки.

До нихъ доносится извѣстный, пошловатый мотивъ изъ „Лихой дѣвицы“; вся молодежь Кергуэтовъ, не щадя легкихъ, упражняется въ залѣ.

Джимъ съ восторгомъ подпѣваетъ себѣ подъ носъ:

„Ахъ, зачѣмъ я тамъ осталась
И съ любезнымъ увидалась!“

Минуту спустя онъ уже не въ состояніи противиться чарующимъ звукамъ слѣдующей аріи, вскакиваетъ и бѣжитъ принять участіе въ импровизированномъ хорѣ.

Летиція чувствуетъ, что ей слѣдуетъ, изъ приличія, послѣдовать за братомъ въ залъ; она нехотя подымается съ мѣста, но въ эту минуту входитъ въ гостиную Габріель и говоритъ, садясь рядомъ съ ней:

— Не стоитъ. Не ходите туда, слишкомъ шумятъ.

Изъ залы, дѣйствительно, несется какой-то неистовый ревъ: то Сибилла, расшалившись окончательно, сѣла на клавиши, а братья стараются стащить ее оттуда. Габріелю приходится бѣжать туда, чтобы водворить нѣкоторый порядокъ.

— У насъ не всегда такой содомъ!—говоритъ онъ, вернувшись къ Летиціи:—но сегодня лучше ужъ возить, чѣмъ вѣшать носы.

— Что вы хотите сказать?

— Отдаемъ сестру. Во всякомъ случаѣ, это серьезно и... не весело.

— Вы, безъ сомнѣнія, будете часто видѣться съ нею...

— Это не все равно, что жить вмѣстѣ. Кромѣ того, лично мнѣ не придется часто видѣться. Я служу.

Что онъ угадалъ чувства Летиціи къ его семьѣ, видно уже изъ того, что онъ сообщаетъ ей послѣднее извѣстіе такимъ тономъ, будто желаетъ обрадовать ее. И на самомъ дѣлѣ, нахмуренный лобъ ея проясняется, и Габріель продолжаетъ въ томъ же родѣ.

— Эсмеральда, сестра моя, тоже очень связана своей профессіей и рѣдко бываетъ свободна; у младшихъ есть другіе родственные дома, гдѣ они будутъ проводить праздники. А отецъ мой почти не ѣздитъ по гостямъ.

Летиція въ упоръ глядитъ на собесѣдника.

— Къ чему вы мнѣ все это говорите?

Наступаетъ минутное молчаніе. Наконецъ, онъ сдержанно говоритъ:

— Не лишнее ли мнѣ отвѣчать?

Она съ неудовольствіемъ чувствуетъ, что краснѣетъ.

— Всякій вопросъ требуетъ отвѣта!—рѣзко произноситъ она.

— Извольте: я говорилъ все это, чтобы облегчить васъ.

Итакъ, онъ перехитрилъ ее? Хуже того, заставилъ понять, что она невеликодушна!

— Вы не должны забывать, что я до сегодня не видала миссъ Кергуэтъ... А если бъ вы меня знали, то поняли бы, какъ туго я, вообще, схожусь съ людьми.

— Не знаю васъ, но это всетаки понялъ. Мери говорила мнѣ...

— Я знаю...

— Что вы знаете?

Раздраженіе оттѣсняетъ всякія другія чувства, и Летиція, раздувъ ноздри и сверкая глазами, выпаливаетъ:

— Я знаю, что хоть она и ожидала отъ меня всего худшаго, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Голосъ миссъ Кергуэтъ звонкій, а я, къ несчастію, была недалеко отъ двери той комнаты, гдѣ вы разбирали меня...

Молодой Кергуэтъ смущенъ; но это длится недолго.

— Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ вашимъ же вопросомъ: къ чему вы мнѣ все это говорите?

— Я не хотѣла вамъ этого говорить,—сознается она,—и сама не знаю, почему проговорилась. Я не имѣю права винить васъ. Вы не отвѣтственны за сестру.

— Но я готовъ отвѣчать за нее!—съ гордымъ вызовомъ заявляетъ онъ.

Они, молча, глядятъ другъ на друга и... странное дѣло, начинаютъ чувствовать взаимное... не то влеченіе, не то уваженіе или симпатію.

„Будь онъ не Кергуэтъ...“ думаетъ Летиція. „Какъ рыцарски заступается онъ за сестру!“

„Принцесса-недотрога, это вѣрно... Но какъ могла Мери сказать, что она нехороша собой?“—проносится въ головѣ Габріеля.

Въ залѣ новый взрывъ веселья; благодаря этому, Летиціи удается вполнѣ овладѣть собою.

— Съ вашей стороны было бы деликатнѣе вовсе не упоминать о нечаянно подслушанномъ разговорѣ!—тихо говоритъ Габріель.

— Начало было положено неудачное. Не зная, кто я такая, сестра ваша невѣжливо обошлась со мной въ вагонѣ.

— А вы?

— Я?

— Да, вы тоже были невѣжливы?

Она вспыхиваетъ; даже бѣлая шейка ея краснѣетъ отъ негодованія.

— Это она вамъ сказала?

— Вы отвѣчаете вопросомъ на мой вопросъ.

— Я не была невѣжлива. Я заступилась за мою больную камеристку, вотъ и все. Грубой я быть не могу, меня не такъ воспитывали...

Брови его приподнимаются; очевидно, онъ допускаетъ и съ ея стороны извѣстныя погрѣшности въ смыслѣ вѣжливости.

— Вы не... вѣрите?

— Я этого не сказалъ.

Габріель тяжело вздыхаетъ.

— Для многихъ первое впечатлѣніе самое важное. Съ этого ихъ не сдвинешь!—говоритъ онъ усталымъ голосомъ.— Вы всю жизнь будете видѣть, что хотите открыть окно, а она его закрываетъ.

Въ этомъ видѣ борьба представляется лишь смѣшной. Летиція это чувствуетъ и нетерпѣливо говоритъ:

— Вы непремѣнно хотите доказать, что во всемъ виновата я!

— Ошибаетесь! Я просто желалъ бы, чтобы вы относились къ намъ дружелюбнѣе,—ради Мери...

— Вы полагаете, что я буду... изводить ее?

— Быть можетъ... вначалѣ... пока не привыкнете. Въ концѣ концовъ ее нельзя не полюбить... не оцѣнить!

— Ну, такъ я васъ облегчу, какъ вы меня облегчили: конца этого не будетъ! Жить съ ними я не намѣрена!

На лицѣ его отражается не радость, а простое изумленіе.

— Я этого не зналъ. Мнѣ казалось, что братъ вашъ...

— Братъ мой самъ по себѣ, а я сама по себѣ. Я не малолѣтняя.

Пауза. Миссъ Сибилла заглушаетъ все и всѣхъ своими голосовыми средствами, но на этотъ разъ старшій братъ не унимаетъ содома.

— Мери никакъ не ожидала, что выживаетъ васъ...

— Нѣтъ. Она думала, что „цѣлый вѣкъ обречена жить подъ одной кровлей съ принцессой-недотрогой!“

Габріель временно лишается языка; такъ что, послѣ минутнаго молчанія, миссъ Трентъ продолжаетъ:

— Нѣтъ. Не она меня выживаетъ. Я сама нахожу болѣе удобнымъ уйти...

Въ тонѣ ея звучитъ печаль. Габріель сочувственно смотритъ на нее и убѣждается, что глаза ея могутъ выражать не одно холодное достоинство.

Летиція, хоть и можетъ прослыть за олицетвореніе гордой благовоспитанности, все же доступна нѣкоторымъ общечеловѣческимъ слабостямъ. Слишкомъ очевидное сочувствіе Габріеля затрогиваетъ лучшія струны ея сердца, и она ужасно опасается, что ей не совладать съ накипающими слезами. Съ облегченіемъ увидѣла она, что Габріель всталъ и идетъ въ залу. Когда онъ вернулся, на этотъ разъ подъ руку съ Мери, она уже успѣла оправиться

— Габріель говоритъ, что вы устали. Онъ думаетъ, что вы охотно легли бы спать?..

Миссъ Кергуэтъ отчеканиваетъ фразу на подобіе попугая, что́ окончательно возвращаетъ Летиціи на минуту измѣнившее самообладаніе.

— Я, дѣйствительно, немного устала,—равнодушно соглашается она.

— У васъ нѣтъ особеннаго желанія подождать Эсмеральду, чтобы познакомиться съ нею?..

Летиція колеблется. Подоспѣвшая семья (въ томъ числѣ и Джимъ), затаивъ дыханіе, ждетъ ея отвѣта. На лицахъ молодежи написано: „возможно ли, чтобы кто нибудь не желалъ познакомиться съ Эсмеральдой?!“ Въ глазахъ Джима Летиція читаетъ просьбу.

— Благодарю васъ, но я боюсь, что слишкомъ устала.

Мери гнѣвно отвертывается въ сторону; Габріель молча зажигаетъ свѣчку.

Въ послѣдующіе дни, Летиціи иногда приходитъ въ голову, что было бы, пожалуй, лучше дождаться возвращенія Эсмеральды изъ театра...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Памяти Жоржъ Зандъ.

1-го іюля нынѣшняго года (по нов. ст.) исполняется сто лѣтъ со дня рожденія одной изъ геніальнѣйшихъ (если не самой геніальной) женщинъ и писательницъ, если не иниціаторши, то, по крайней мѣрѣ, горячей и вліятельнѣйшей пропагандистки многихъ вопросовъ, выдвинутыхъ ея временемъ на первый планъ, долго затѣмъ остававшихся самыми серьезными и животрепещущими и еще въ настоящее время не только не утратившихъ, но даже увеличившихъ свое значеніе.

Эта женщина — Аврора Дюпенъ въ дѣвичествѣ м-мъ Дюдеванъ въ замужествѣ и Жоржъ Зандъ (псевдонимъ, принятый по сотрудничеству въ первомъ романѣ съ Жюлемъ Сандо) въ литературѣ.

Въ эту литературу вступила она—въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія—и съ врожденными задатками, обусловившими ея писательскую дѣятельность, и при обстоятельствахъ, въ высшей степени благопріятныхъ для развитія этихъ задатковъ въ неуклонно одинаковомъ направленіи.

Аристократка съ отцовской стороны, но плебейка съ материнской, она воспринимаетъ демократическіе и отчасти соціалистическіе принципы своей матери, къ которымъ уже въ дѣтствѣ, а еще больше въ первой молодости, присоединяется наклонность къ деизму и мистицизму; надъ послѣдней, однако, скоро одерживаетъ побѣду здоровая сторона ея натуры. Съ жаждою любви и высокими идеалистическими воззрѣніями на союзъ мужчины и женщины, она выходитъ замужъ за человѣка,—правда, хорошаго въ смыслѣ честности, буржуазной порядочности и т. п., но рѣзко противоположнаго ей по своему умственному и нравственному міросозерцанію, и теперь уже по опыту усвоиваетъ себѣ то понятіе о бракѣ (какимъ онъ существуетъ въ современномъ обществѣ), которое, нѣсколько времени спустя, находитъ себѣ широкое примѣненіе и развитіе въ ея романахъ. Съ такими задатками она

пріѣзжаетъ—въ 1831 г.—изъ своей провинціи въ Парижъ, но тутъ сразу попадаетъ въ среду—литературную и политическую—какъ нельзя болѣе пригодную для дальнѣйшаго укрѣпленія и развитія всего того, что́ пустило уже довольно прочные корни въ ея умѣ и сердцѣ.

Въ литературѣ французовъ переживается въ эту пору то, что́ одинъ изъ дѣятелей ея называетъ „священною весною"—весною, которую создаетъ и поддерживаетъ страстная, полная свѣжей энергіи молодежь, собравшаяся подъ знаменемъ Виктора Гюго и считающая въ своихъ рядахъ такихъ бойцевъ, какъ Виньи, Мюссе, Готье, Ламартинъ. Проникнутая презрѣніемъ и ненавистью къ узко-буржуазному, сѣрому juste-milieu, созданному правленіемъ Людовика-Филиппа, и создавая во Франціи атмосферу „бури и натиска", за нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ всколыхнувшихъ стоячее болото нѣмецкой литературы, эта молодежь избираетъ своимъ идеаломъ искусство, которое „должно представлять собою кровь, пурпуръ, свѣтъ, движеніе, отвагу"; она съ пылкимъ, чисто юношескимъ негодованіемъ отворачивается отъ господствовавшей до тѣхъ поръ во французской литературѣ шаблонности и безцвѣтности; она побѣдоносно пишетъ на своемъ знамени „натура и правда"! и торжественно провозглашаетъ „евангеліе натуры и страсти..."—„Въ головѣ у нихъ—говорилъ Альфредъ Мюссе (ему слѣдовало бы сказать: въ головѣ у *насъ*)—заключался цѣлый міръ... Три элемента раздѣляли на части жизнь, которая въ ту пору представлялась молодымъ людямъ: *позади* ихъ прошедшее, навсегда разрушенное, но еще щевелящееся на своихъ развалинахъ, *впереди*—заря на безпредѣльномъ горизонтѣ, первые просвѣты будущаго, и *между* этими двумя мірами—нѣчто подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ новой Америки, что-то смутное и плавучее, волнующееся море и полное кораблекрушеніе..."

Еще больше „бури и натиска" проявлялось въ сферѣ общественной и частью политической, въ послѣдней, впрочемъ, въ значительно слабѣйшей степени. Іюльская революція только что кончила свое существованіе, и на ея развалинахъ самодовольно усѣлась монархія Людовика-Филиппа. Всѣ свѣтлыя надежды, порожденныя ея бурнымъ періодомъ, не только остались неосуществленными, но были даже, отчасти насильственно, отчасти лицемѣрно, разрушены новымъ режимомъ, все отдавшимъ въ руки эгоистической, корыстной, духовно ограниченной буржуазіи. Система juste-milieu, система сдѣлокъ съ совершившимся фактомъ легла въ основаніе всего государственнаго механизма. И вотъ, какъ естественная оппозиція этому порядку вещей, выступаютъ послѣдовательно на сцену сенъ-симонизмъ, фурьеризмъ, Ламнэ съ его „Paroles d'un croyant", Пьеръ Леру, Прудонъ и многіе другіе, и всѣ ихъ ученія, не смотря на нѣкоторую метафизичность, ультра-

отвлеченность и утопичность, падаютъ, однако, на благодарную почву и все глубже и глубже пускаютъ ростки.

Одно изъ самыхъ благодарныхъ мѣстъ на этой благодарной почвѣ заняли умъ и сердце Авроры Дюдеванъ, немедленно послѣ ея переѣзда въ Парижъ. Этими вліяніями, въ связи съ ея естественнымъ расположеніемъ къ усвоенію ихъ, обусловливалось начало и продолженіе ея литературной дѣятельности.

Говорю: начало и продолженіе; съ значительною основательностью можно бы прибавить: и конецъ. Есть писатели, особенность которыхъ составляетъ необычайная послѣдовательность въ ходѣ развитія вообще, не смотря на измѣненіе точекъ зрѣнія въ частности, существованіе уже въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ тѣхъ основныхъ чертъ и по содержанію, и по формѣ, которыя сохранились и въ самыхъ позднѣйшихъ; писателя, въ которыхъ (говоря словами Якоби о Гете) „всякое измѣненіе, измѣненіе даже къ болѣе прекрасному въ эстетическомъ и къ лучшему въ болѣе нравственномъ смыслѣ, возможно только тѣмъ путемъ, какимъ распускается цвѣтокъ, созрѣваетъ сѣмя, возносится вверхъ дерево.“ Къ такимъ писателямъ принадлежали Гете, Байронъ, Викторъ Гюго; въ ихъ ряду находится и Жоржъ Зандъ.

Съ первыхъ шаговъ ея на литературномъ поприщѣ и до конца, сущность ея творчества осталась, въ коренныхъ своихъ чертахъ, неизмѣненною; она опредѣлилась въ самыхъ первыхъ ея произведеніяхъ и затѣмъ выражалась только въ новыхъ формахъ, видоизмѣненіяхъ. Эта сущность, эта основная черта ея творчества — благородный идеализмъ на реалистическомъ фундаментѣ, требованіе обновленія, улучшенія во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни, съ глубокою вѣрою въ осуществленіе своего идеала и съ культомъ прекраснаго въ жизни и искусствѣ. Красною нитью проходитъ этотъ идеализмъ по всему ея творчеству, со всѣми своими разнообразными оттѣнками, отъ необузданно бурнаго, съ печатью мятежнаго духа, неудержимо стремящагося на идеальныя высоты, до спокойно и трогательно идилическаго, когда эта удивительная женщина „испытала горькое разочарованіе“, что „ни люди, ни вещи не оказались такими, какими она надѣялась ихъ видѣть“,—и она отвернулась отъ современныхъ событій, ушла въ природу, въ деревню, стала писать свои сельскіе романы... Этимъ идеализмомъ опредѣлилось и ея мѣсто въ исторіи новаго французскаго романа. Эмиль Зола говоритъ о ней и о Бальзакѣ, какъ о „единственныхъ двухъ фигурахъ, мощно выдѣляющихся на порогѣ нынѣшняго столѣтія, по правую и по лѣвую сторону того широкаго пути романа, по которому пошла толпа писателей въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.“ Другими словами — въ Ж. Зандъ и Бальзакѣ нашли себѣ во французскомъ романѣ первое полное и блистательное выраженіе два теперь образовавшіяся или, вѣрнѣе,

созданныя этими писателями теченія: реалистическое и идеалистическое, или—можно бы сказать—пессимистическое и оптимистическое; повторилось, слѣдовательно, явленіе, вполнѣ естественное, которое неоднократно имѣло мѣсто въ литературахъ разныхъ народовъ, и примѣръ котораго мы видимъ въ Софоклѣ и Эврипидѣ, Гете и Шиллерѣ, отчасти Пушкинѣ и Лермонтовѣ. И Бальзакъ очень хорошо опредѣлялъ различіе между собою и своею знаменитою современницею, когда говорилъ ей: „Вы ищете человѣка такимъ, какимъ ему слѣдовало бы быть; я его беру такимъ, какимъ онъ есть. Вѣрьте мнѣ, мы оба правы. Обѣ эти дороги ведутъ къ одной цѣли. Я люблю исключительныя существа... они мнѣ и нужны для того, чтобы рельефнѣе выставлять обыкновенныхъ людей (mes êtres vulgaires)... Но эти обыкновенные люди интересуютъ меня больше, чѣмъ васъ; я ихъ увеличиваю въ размѣрѣ, я ихъ идеализирую въ смыслѣ обратномъ—въ ихъ безобразіи или ихъ глупости. Я даю ихъ уродствамъ размѣры ужасающіе или каррикатурные. *Вы* не умѣли бы это сдѣлать; вы хорошо поступаете, не желая смотрѣть на вещи и личности, отъ которыхъ у васъ дѣлался бы кошмаръ. Идеализируйте въ сторону красиваго и прекраснаго (dans le joli et le beau); это работа женщинъ“. Такой же смыслъ имѣли и слова Ж. Зандъ Бальзаку: „Вы творите Человѣческую Комедію, мнѣ хотѣлось создать Человѣческую Эпопею, Эклогу...“

Ни эпопеи, ни эклоги она не создала; для этого у нея не было—особенно въ первую половину ея жизни и писательской дѣятельности—ни объективности, ни идилическаго спокойствія; но она создала человѣческую лирику. Всѣ ея сочиненія,—по крайней мѣрѣ, огромное большинство ихъ — сплошное лирическое изліяніе съ разнообразнѣйшими оттѣнками этого настроенія. Душа автора, его субъективное міросозерцаніе сквозятъ въ каждой, можно сказать, строкѣ его произведеній. Какъ бы ни отрекалалась Ж. Зандъ (вмѣстѣ съ другими субъективными писателями) отъ близкаго родства со многими своими героинями, мы, несомнѣнно, слышимъ отголосокъ ея собственныхъ чувствъ и мыслей, когда ея Лелія (въ романѣ этого названія) въ предсмертномъ бреду, полномъ загадочныхъ, мистическихъ, зловѣще таинственныхъ звуковъ, восклицаетъ: „О, истина, истина! Для того, чтобы отыскать тебя, я сходила въ бездны, одинъ видъ которыхъ производитъ головокруженіе, вызываетъ страхъ въ людяхъ самыхъ храбрыхъ... Я все искала, все выстрадала, всему вѣрила, все приняла... Я преклоняла колѣна передъ всѣми эшафотами, жгла себя на всѣхъ кострахъ, падала ницъ предъ всѣми алтарями. Я просила у любви ея наслажденій, у вѣры—ея тайнъ, у скорби—ея заслугъ... Я предлагала себя Богу подъ всѣми формами; я изслѣдовала глубину своего сердца съ дикой свирѣпостью, вырывала его изъ груди, чтобы подробно

разсмотрѣть его, терзала на тысячу кусковъ, прокалывала тысячью кинжаловъ, чтобы узнать его. Клочки этого сердца я приносила всѣмъ богамъ — высшимъ и низшимъ. Я вызывала всѣ привидѣнія, боролась со всѣми демонами, молила всѣхъ святыхъ и всѣхъ ангеловъ, я приносила жертву всѣмъ страстямъ. Истина! истина! Ты не открылась мнѣ; уже десять тысячъ лѣтъ ищу я тебя — и все еще не нашла!.. И десять тысячъ лѣтъ, въ отвѣтъ на мои вопли, въ облегченіе моей агоніи, я слышу надъ этой проклятой землей только отчаянное рыданіе безсильнаго желанія! Десять тысячъ лѣтъ я чувствовала тебя въ своемъ сердцѣ безъ возможности передать твой смыслъ моему уму, безъ возможности открыть тебя міру и доставить тебѣ господство на землѣ и въ небесахъ! Десять тысячъ лѣтъ я взываю къ безконечности: *Истина, истина!* — и десять тысячъ лѣтъ безконечность отвѣчаетъ мнѣ: *Желаніе! желаніе!*"

Это вѣчное исканіе „истины" въ жизни, это отчаяніе въ тщетности поисковъ, соединенное, однако—какъ ни кажется странной такая совмѣстимость—съ горячею вѣрою въ предстоящее, рано или поздно, торжество ея, этотъ протестъ противъ того, что̀ идетъ въ разладъ съ истиной—все это проходитъ страстною лирическою волной по творчеству нашей писательницы-идеалистки. Главная двигательная пружина ея идеализма—любовь; одушевленіе этимъ чувствомъ, вѣра въ его всемогущество и жажда его воцаренія въ человѣчествѣ помогаютъ ей исполнять то, что̀ Бальзакъ считалъ ея писательскимъ назначеніемъ — „идеализировать въ сторону красиваго и прекраснаго." Сущность любви, по воззрѣнію автора „Леліи"—божественная; это доказывается тѣмъ, что она не рождается непосредственно отъ самого человѣка, что онъ и не даетъ ее другому, и не отнимаетъ ее у другого по собственному произволу: сердце человѣческое получаетъ ее свыше, чтобы потомъ перенести на созданіе, выбранное между всѣми по предначертаніямъ неба... Любовь существуетъ сама по себѣ и своею собственною силою; любовь господствуетъ надъ всѣми своими „второстепенными союзниками"—дружбою, довѣріемъ, симпатіею... Изъ такого взгляда на любовь естественный выводъ—любовь должна имѣть духовный, спиритуалистическій характеръ; она „не порывистое, насильственное стремленіе всѣхъ силъ души къ существу реальному, а святое стремленіе самой эфирной части нашей души къ невѣдомому." Когда влюбленный въ Лелію Стеніо, послѣ многихъ годовъ ожиданія, получаетъ отъ нея первые страстные поцѣлуи и въ упоеніи ими говоритъ, что „только теперь онъ ее любитъ вполнѣ", — она, на нѣсколько мгновеній поддавшаяся было чувственной сторонѣ женской натуры, при этихъ словахъ съ негодованіемъ отталкиваетъ его отъ себя, восклицая: „Стало быть, вамъ нужна не душа, вамъ нужна женщина! Значитъ, любовь

духовной стороны для васъ ничто! Вотъ на какое чудесное и божественное окончаніе разсчитывала ваша столь великая и столь поэтическая страсть!..“ Но само собою разумѣется, что авторъ „Леліи“ не можетъ настолько отрѣшиться отъ земли, чтобы вѣрить въ возможность такого безусловнаго спиритуализма, не допускающаго никакихъ уступокъ тѣлесной природѣ человѣка; но если безъ этихъ уступокъ ужъ никакъ нельзя обойтись, то и въ нихъ должно сохраняться во всей своей неприкосновенности то, что̀ Ж. Зандъ называетъ „культомъ идеала“, т. е. сохраненіе обоюдной чистоты во взаимныхъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной: мужчина долженъ „отвести женщинѣ около себя новое мѣсто и приносить ей въ приданое ту же чистоту въ прошедшемъ, ту же вѣрность въ будущемъ, какихъ онъ требуетъ отъ нея...“

Тутъ мы подошли къ тому, что̀ составляетъ если не главнѣйшій, то одинъ изъ самыхъ главныхъ вопросовъ, которые волновали Ж. Зандъ и трактовались ею съ необычайною, увлекательною горячностью. Это вопросъ о бракѣ, разсматриваемомъ въ ея произведеніяхъ и какъ учрежденіе вообще, въ его идеѣ, и со стороны практическаго примѣненія этой идеи въ современномъ обществѣ. Здѣсь опять идеализмъ на реалистическомъ фундаментѣ. Врожденный „феминизмъ“ писательницы, ея собственный печальный опытъ, несовершенство, даже жестокость тогдашнихъ французскихъ законовъ о бракѣ, вѣроятно, и наблюденія надъ тѣмъ, что происходило въ этомъ отношеніи вокругъ нея — все это привело нашу романистку къ выводу о вопіющемъ, оскорбительномъ для человѣческаго достоинства разногласіи между идеею и ея практическимъ примѣненіемъ. Идея брака, по воззрѣнію Ж. Зандъ—высокая, христіанская, не въ догматическомъ, а въ моральномъ смыслѣ; бракъ долженъ быть *идеальнымъ*, „такимъ—говоритъ она—какимъ установилъ его Христосъ, какимъ объяснилъ его св. Павелъ“; осуществленіе этой идеи находитъ себѣ неодолимое препятствіе въ тѣхъ внѣшнихъ оковахъ, которыя общество (имѣются въ виду, собственно, исключительно мужчины) налагаетъ на вступающихъ въ брачный союзъ. Эти оковы—тѣ клятвы, которыми связуются предъ алтаремъ мужъ и жена. „Долой клятвы и грубые законы!—восклицаетъ Консюэло, одна изъ Ж. Зандовскихъ героинь:—оставьте браку идеалъ и не связывайте его желѣзными цѣпями закона... И когда вы увидите, что вашихъ сыновей и дочерей сводитъ между собой не корыстолюбіе, тщеславіе или чувственное увлеченіе; когда вы убѣдитесь, что они вполнѣ сознали величіе своихъ обязанностей и свободу своего выбора,—тогда давайте имъ позволеніе принадлежать другъ другу. Но помните хорошенько мои слова: пусть брачная клятва будетъ религіознымъ дозволеніемъ, напоминаніемъ, но никогда не обязательствомъ, не закономъ, съ угрозой наказанія, не выну-

жденнымъ рабствомъ, со скандаломъ, тюрьмой и цѣпями на случай проступка. Неравенство правъ обоихъ половъ, различіе обязанностей мужа и жены, установленное общественнымъ мнѣніемъ, ложное понятіе о брачной чести и всѣ нелѣпыя представленія, созданныя предразсудкомъ, вслѣдствіе неудовлетворительности общественнаго строя,—неминуемо должны охлаждать вѣру супруговъ другъ въ друга и ихъ взаимный энтузіазмъ...“ Такія же мысли высказываетъ и Жакъ (въ романѣ съ этимъ заглавіемъ)—чуть ли не единственный мужчина, котораго Ж. Зандъ выставляетъ въ благородномъ, идеальномъ свѣтѣ. Когда жена требуетъ отъ него *вѣчной* любви, которую она не сомнѣвается сохранить въ себѣ, онъ отвѣчаетъ ей увѣренностью въ настоящемъ и невозможностью ручаться за будущее; онъ указываетъ ей на нелѣпость и низость той клятвы, которую общество заставляетъ жену произносить предъ алтаремъ—клятвы любить всегда только мужа и повиноваться только ему, клятвы нелѣпой въ первомъ случаѣ и низкой во второмъ. Слѣдовательно,—разсуждаетъ авторъ устами своего Жака, — произнесеніе *этой* клятвы — простая формальность, и мужу стыдно, недостойно принимать ее; хорошій мужъ и свою клятву произноситъ только потому, что иначе вѣдь бракъ не будетъ заключенъ законно. „Я не сомнѣваюсь—говоритъ Жакъ—что бракъ (т. е. такой, какой существуетъ въ современномъ обществѣ) будетъ уничтоженъ, если родъ человѣческій сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ на пути къ справедливости и разуму; узы болѣе человѣческія и не менѣе священныя замѣнятъ теперешнія и сумѣютъ обезпечить существованіе дѣтей, которыя будутъ рождаться отъ мужчины и женщины, никогда не сковывая свободы ни его, ни ея. Но мужчины слишкомъ грубы, а женщины слишкомъ низки, малодушны, чтобы требовать закона болѣе благороднаго, чѣмъ желѣзный законъ, ими управляющій; существамъ безъ совѣсти и безъ добродѣтели нужны тяжелыя цѣпи...“

Итакъ, въ разладѣ между идеею брака и ея осуществленіемъ виновато само общество, поставившее этому осуществленію твердую преграду. Выше уже было замѣчено, что подъ „обществомъ“ Ж. Зандъ въ этомъ случаѣ подразумѣваетъ мужчину. Онъ—создатель того „грубаго насильственнагó ярма“, которое надѣто на женщину не только въ брачномъ союзѣ, но и вообще въ жизни, онъ осудилъ женщину на рабство, чтобы сохранить ее себѣ цѣломудренной и вѣрной; пассивное поневолѣ несеніе этого ярма женщиною до сихъ поръ только укрѣпляло ея властителя въ своемъ деспотизмѣ. Но если такъ *было*, то такъ не должно быть *въ будущемъ*,—и изъ устъ Ж. Зандъ вылетаетъ первый энергическій призывъ къ освобожденію, первый протестъ противъ существующаго порядка. Говорю: первый *протестъ*, потому что о ненормальности брачныхъ отношеній, рѣзко противорѣчащей идеѣ брака,

какъ того учрежденія, „изъ котораго должны исходить всѣ привязанности женщины“—говорила уже, ранѣе автора „Валентины“, „Индіаны“, „Леліи“, другая, тоже геніальная женщина, м-мъ Сталь. Но въ ея несчастной Дельфинѣ мы видимъ безропотное примиреніе со своей несчастной судьбой, тогда какъ для Ж. Зандъ всякая пассивность, инерція есть принадлежность только слабыхъ и, слѣдовательно, не заслуживающихъ никакого сочувствія душъ. Мужчина, взятый безотносительно, an und für sich, мужчина, если можно такъ выразиться, въ идеѣ — ставится нашей протестанткой высоко; ея героини возносятъ его на недосягаемый пьедесталъ, дѣлаютъ его своимъ „воображаемымъ колоссомъ“, питаютъ къ нему такую любовь, такой энтузіазмъ, какіе можно питать „къ остальнымъ созданіямъ божества“ (Богъ, небеса, солнце, море...), *добровольно* подчиняться ему онѣ считаютъ дѣломъ, не только доставляющимъ наслажденіе, но и „священнымъ“... Но онъ, этотъ самый мужчина своимъ отношеніемъ къ женщинѣ, особенно въ брачномъ союзѣ, грубо разбиваетъ эти иллюзіи, и она сбрасываетъ его съ высоты и уходитъ отъ него. Призывая, однако, женщину къ насильственному освобожденію, какъ единственному при существующемъ общественномъ строѣ исходу, Ж. Зандъ, въ силу чистоты и идеальности своихъ принциповъ, отнюдь не допускаетъ обмана, такъ называемаго адюльтера; переходъ замужней женщины, втайнѣ отъ мужа, къ любовнику, или отъ одного любовника къ другому противенъ ей, потому что если бы допустить это средство, то „священное пламя любви совсѣмъ исчезло бы со свѣта“, и женщина „сдѣлалась бы въ любви такимъ же атеистомъ, какъ мужчина“. Освобожденіе должно совершаться прямо, открыто, какъ дѣло, не только не противорѣчащее божескимъ и человѣческимъ законамъ, но и находящееся въ полномъ съ ними согласіи. Но, хотя оно и есть послѣдствіе только печальной необходимости, созданной уродливыми общественными условіями, идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ благороднымъ идеализмомъ, который Ж. Зандъ вкладываетъ въ натуру женщины, какъ ея основную черту,—разрывъ брачнаго союза, даже когда онъ и необходимъ, тѣмъ не менѣе — несчастіе: и героини нашей романистки, сбрасывающія съ себя ярмо тяжелаго супружества, въ концѣ концовъ, такъ или иначе погибаютъ. Ихъ гибель, какъ горькій укоръ, авторъ кидаетъ въ глаза обществу... Но не одинъ этотъ исходъ провозглашаетъ горячая защитница женской свободы: въ ея романѣ „Жакъ“ мы видимъ иное рѣшеніе „проклятаго вопроса“. Выше было замѣчено, что герой этого романа, Жакъ—чуть ли не единственный вполнѣ благородный мужчина изъ многочисленной галлереи, проходящей предъ глазами читателя Ж. Зандовскихъ романовъ. Когда онъ видитъ, что его жена, по причинамъ, въ которыхъ онъ отнюдь не виновенъ, потому что любитъ ее съ безграничною нѣж-

ностью; когда онъ видитъ, что жена его полюбила другого и, не измѣняя мужу, потому что считаетъ эту измѣну преступленіемъ противъ совѣсти, не можетъ быть, однако, съ нимъ счастлива,—Жакъ устраняетъ самъ себя съ дороги: онъ отдаетъ свою Фернанду любимому ею человѣку и кончаетъ жизнь самоубійствомъ,—но такъ, чтобы смерть его приписали простой случайности, чтобы свѣтъ не обвинилъ его жену въ его гибели, и ихъ отношеній не оскорбила грубая насмѣшка, всегда готовая обрушиться (по словамъ автора въ предисловіи къ этому роману) „на покорность судьбѣ или состраданіе обманутаго мужа"... Идея всепрощенья, самоотреченья во имя любви къ другому, близкому существу, выражается здѣсь въ формулѣ, которая (по остроумному замѣчанію одного нѣмецкаго критика) нѣсколько времени спустя была видоизмѣнена, но уже въ совсѣмъ иномъ направленіи, Александромъ Дюма. Этотъ послѣдній проповѣдуетъ: „tuez *la*" (т. е. убейте *ее*, виновную въ измѣнѣ), Ж. Зандъ говоритъ: „tuez vous vous-même" (убейте самого себя)... Иногда, впрочемъ, въ увлеченіи теоріею самоотреченіи во имя любви, она доходитъ до комической крайности. Такъ, въ романѣ „Le péché de M-r Antoine" мужъ, благодаря посредничеству дочери, примиряется не только съ измѣнившей ему женой, но и съ ея возлюбленнымъ, и за этимъ слѣдуетъ ихъ совмѣстная жизнь втроемъ, при чемъ мужъ остается спокойнымъ зрителемъ интимныхъ отношеній своихъ сожителей...

Въ естественной связи съ требованіемъ для женщины свободы въ бракѣ находится у Ж. Зандъ общій „феминистическій" вопросъ о полномъ освобожденіи женщины въ обществѣ, объ уравненіи ея правъ съ правами мужчины во всѣхъ областяхъ человѣческой и общественной жизни. Выступая здѣсь, какъ послѣдовательница своего ближайшаго предшественника на этомъ пути, сенъ-симонизма, Ж. Зандъ опять-таки является не пассивно сокрушающеюся и безропотно покоряющеюся судьбѣ женщиной, а энергической проповѣдницей энергической оппозиціи. „Наше общество — читаемъ мы въ одномъ изъ ея писемъ 1835 г. — относится враждебно ко всѣмъ, кто идетъ противъ него, и мы, женщины, съ потребностью свободы, но еще недостойныя ея, лишены и силы, и воли бороться съ цѣлымъ обществомъ, обрекающимъ насъ на забвеніе и состраданіе, чтобы не сказать больше". Къ этой „силѣ и волѣ бороться" она и призываетъ женщину, облекая свою мотивировку не только въ беллетристическую форму, какъ въ „Леліи" или въ романѣ „Габріель", гдѣ выдвигается вопросъ о лишеніи французской женщины правъ на наслѣдство,—но и въ форму какъ бы научно обоснованной теоріи, лучшее, наиболѣе ясное изложеніе которой находимъ въ „Lettres à Marcie". Тутъ опроверженіе сочиненнаго и поддерживаемаго мужчинами (на которыхъ и въ этомъ

отношеніи Ж. Зандъ сваливаетъ всю вину) мнѣнія о превосходствѣ мужскаго организма надъ женскимъ въ психологическомъ и физіологическомъ отношеніи и о вытекающей изъ этого невозможности уравнять права обоихъ половъ. „Какъ! — восклицаетъ авторъ писемъ (а пишетъ ихъ мужчина, очевидно, *новаго*, Ж. Зандовскаго покроя)—какъ! Женщину природа надѣлила одинаковыми съ мужчиной страстями и потребностями, подчинила ее тѣмъ же физическимъ законамъ, которымъ подверженъ и онъ— и вмѣстѣ съ тѣмъ лишила ее того ума, который необходимъ, чтобы подавлять и надлежаще направлять эти инстинкты? На нее общество возлагаетъ обязанности не менѣе трудныя, чѣмъ обязанности мужчинъ; нравственные и общественные законы, которымъ подчиняютъ ее и мужчину, одинаково строги — и вмѣстѣ съ тѣмъ насъ хотятъ увѣрить, что у нея нѣтъ такой же воли, такого же яснаго разумѣнья, такой же свободы въ выборѣ, чтобы сообразоваться съ этими требованіями! Будь это на самомъ дѣлѣ такъ, вину слѣдовало бы возложить на Бога и на людей: на перваго, потому что Онъ ихъ сотворилъ, на вторыхъ, потому что они допускаютъ на землѣ породу, для которой немыслимо полное и совершенное существованіе“. Тутъ же настаиваніе на правѣ женщинъ быть „философами“, если сводить слово „философы“ къ его первоначальному смыслу—любви къ мудрости; тутъ указанія на нелѣпость предразсудка (который Ж. Зандъ приписывала именно новому времени) о недопущеніи женщинъ къ серьезнымъ умственнымъ профессіямъ; тутъ и многое другое въ томъ же родѣ, обсуждаемое съ той же точки зрѣнія, только въ различныхъ формахъ, во многихъ другихъ сочиненіяхъ автора „Писемъ“.

Эмансипаціи для женщины требуетъ Ж. Зандъ не только въ общественной дѣятельности; это освобожденіе можетъ и должно совершаться также и во имя служенія искусству: такъ поступаютъ героини романа „Consuelo“ и разсказа „La fille d'Albano“. Своего рода эмансипацію она видитъ и въ куртизанствѣ женщины, паденіи ея изъ-за денегъ, которое авторъ приписываетъ исключительно ненормальности, испорченности общественнаго строя, влагая, напримѣръ, въ уста одной изъ такихъ „куртизанокъ“ Пульхеріи слѣдующее разсужденіе: „На человѣка Богомъ наложена обязанность *жить*, обществомъ—*не красть*. Благодаря современному строю общества, у многихъ единственное средство существованія — ремесло, дозволяемое этимъ же обществомъ, но которое оно клеймитъ названіемъ порока. Изъ какой стали нужно быть выкованнымъ бѣдному существу, чтобы жить этимъ ремесломъ! И потому существа, опозоренныя публично и несправедливо, имѣютъ полное право презирать ту толпу, которая поражаетъ ихъ своимъ проклятіемъ послѣ того, какъ пятнала ихъ своею любовью“. Отмѣчу кстати (какъ матеріалъ для характеристики широты наблюденій и размышленій

нашей романистки), что эта Пульхерія, олицетворяя собою протестъ противъ соціальнаго недуга, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, по опредѣленію самого автора, представительница „одной изъ фракцій философской интеллигенціи XIX в.“, именно „эпикуреизма, наслѣдника софизмовъ XVIII в.“, другими словами, — представительница распространившейся въ то время доктрины объ „эмансипаціи плоти“, какъ реакціи аскетическому спиритуализму...

Главною двигательною пружиною всѣхъ этихъ мыслей и стремленій Ж. Зандъ является, какъ уже замѣчено мною, любовь. Это же чувство, во всей его безграничной всеобъемлемости, руководитъ ею, когда она изъ области „женскаго вопроса“ вступаетъ— многими изъ своихъ романовъ, каковы Le meunieur d'Angibault, Le péché de m-r. Antoine, Compagnons du tour de France и др.— въ область общихъ соціальныхъ вопросовъ, даже на почву соціализма и комунизма, на которую вывели ее парижскіе друзья скоро по переселеніи ея въ столицу. Какъ для Байрона политика была дѣломъ чувства, а не головы, такъ и для Ж. Зандъ ея соціализмъ исходилъ преимущественно изъ сердца, былъ въ сущности ничто иное, какъ поэтически высказывавшееся стремленіе дѣлать добро. „Она была—замѣчаетъ Пелисье—соціалистка сердцемъ, и ея соціализмъ былъ только благочестивой мечтой о болѣе хорошемъ и болѣе счастливомъ человѣчествѣ“, а Достоевскій видѣлъ въ ней „одну изъ самыхъ полныхъ исповѣдницъ Христовыхъ“, невѣдомо о томъ для нея самой. „Она—писалъ Достоевскій—основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и чистотѣ, а не на муравьиной необходимости“. Во главѣ всего стоитъ для нея любовь; любовь—иниціаторъ того новаго общества, о созданіи котораго мечтала наша соціалистка; любовь понималась ею, „какъ принципъ соціальныхъ реформъ“. Много заимствуя изъ соціальныхъ системъ того времени, она не могла удовлетвориться ни одною изъ нихъ, не находя между ними такой, гдѣ была бы, по ея мнѣнію, достаточно чтима нравственная свобода, и гдѣ атеизмъ и честолюбивое стремленіе господствовать не обнаруживались бы то тутъ, то тамъ. То, что́ она видѣла вокругъ себя, могло только растравлять раны въ ея любвеобильномъ сердцѣ. „Человѣчество — писала она, подъ вліяніемъ собственныхъ размышленій и наблюденій, подкрѣпляемыхъ, конечно, свидѣтельствами ея учителей — имѣетъ право на богатство, на удовольствія, на нравственное и матеріальное удовлетвореніе. Но *все* человѣчество, *весь* міръ людей, *весь* свѣтъ долженъ пользоваться плодами своего труда и своего генія, а отнюдь не только

вашъ маленькій свѣтъ (т. е. извѣстный классъ общества). Это не вашъ свѣтъ бездѣльниковъ, безполезныхъ эгоистовъ и гордецовъ, патриціевъ и банкировъ, выскочекъ и развратниковъ... Ибо,— продолжаетъ она, напоминая намъ въ этомъ случаѣ знаменитое предисловіе Виктора Гюго къ его „Misérables",—пока будутъ бѣдняки у вашихъ дверей, рабочіе безъ радостей и безъ обезпеченія, семейства, умирающія съ голоду и холоду въ отвратительныхъ логовищахъ, дома разврата, каторги, больницы, нищіе, которымъ вы бросаете полушку, но до отвратительной нищеты которыхъ вы боялись бы прикоснуться; пока будетъ существовать этотъ возмутительный контрастъ ужасающей нищеты, происходящей отъ вашей безумной роскоши, и милліоны жертвъ слѣпого эгоизма горсти богачей,— до тѣхъ поръ ваши праздники будутъ ужасать самого сатану, и вашъ свѣтъ будетъ адомъ, который ни чѣмъ не будетъ уступать аду поэтовъ и фанатиковъ..." Любовь— единственное средство если не къ искорененію, то къ ослабленію этого господствующаго зла. „Будемъ любить другъ друга—говоритъ Леморъ своей возлюбленной Марсель, въ одномъ изъ романовъ соціальной категоріи — не для того, чтобы быть счастливыми *въ эгоизмѣ вдвоемъ*, какъ называютъ любовь, но чтобы вмѣстѣ страдать, вмѣстѣ молиться, чтобы намъ, двумъ бѣднымъ птицамъ, попавшимъ въ разыгравшуюся грозу, попытаться найти, что́ можемъ мы съ своей стороны сдѣлать, чтобы отклонить бичъ, который разсѣеваетъ (disperse) нашъ человѣческій родъ, и чтобы собрать подъ нашимъ крыломъ нѣсколько бѣглецовъ, разбитыхъ, какъ мы, испугомъ и печалью..."

Какъ въ спеціальномъ вопросѣ о правахъ женщины, такъ и здѣсь Ж. Зандъ не ограничилась изображеніемъ въ беллетристической формѣ соціальныхъ недуговъ и идеальнаго новаго строя, который грезился ея молодому уму и сердцу; она сформировала свои мысли въ теорію, систему, въ которой, правда, явственно слышится то, что́ проповѣдывали ея учителя, но которая въ то же время есть несомнѣнно результатъ ея собственнаго, глубоко прочувствованнаго міровоззрѣнія. Первенствующее мѣсто въ обществѣ она, ученица и послѣдовательница Ламнэ, отводитъ народу. Она горячо воспринимаетъ ученіе знаменитаго аббата, что только народъ призванъ исполнить законъ евангелія, разрушить царство лжи и на ея развалинахъ построить христіанское единеніе и братство всѣхъ людей, и для осуществленія этой высокой задачи, глубоко вѣря, что рано или поздно оно наступитъ, настаиваетъ на сосредоточеніи всей власти, всего господства въ рукахъ народа. Республика представляется ей единственно желательной и возможной формой правленія; „соціализмъ—думаетъ она — есть цѣль, республика — средство". Главнымъ основаніемъ соціальной реформы считаетъ она смѣну „режима касты— режимомъ равенства, господства конкурренціи и монополіи—

утвержденіемъ и распространеніемъ ассоціацій". Рабочимъ ассоціаціямъ она придаетъ особенно важное значеніе; онѣ, по ея словамъ, „представляютъ убѣжище для мысли будущаго, дѣйствительно соціальной и религіозной. Страдающія, вѣроятно, несовершенствомъ при своемъ рожденіи, ассоціаціи усовершенствуются со временемъ, и когда будетъ доказано, что онѣ не разрушаютъ, а, напротивъ, сохраняютъ уваженіе къ семьѣ и собственности, то всѣ классы общества будутъ незамѣтно вовлечены ими во взаимность и солидарность интересовъ—единственный путь спасенія, открытый будущему обществу." Богатство индивидуальное должно быть уничтожено, и на его мѣстѣ пусть возникнетъ „богатство соціальное." Единичную благотворительность одно изъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ—и при томъ женщина—признаетъ совершенно недостаточною и не цѣлесообразною; надо, чтобы работали всѣ для всѣхъ; такое общество еще не существуетъ, но—по твердому убѣжденію нашей идеалистки—будетъ существовать непремѣнно... Для народа Ж. Зандъ требуетъ „работы, свободы, воздуха, поэзіи, просвѣщенія, почета"; но она знаетъ, что это не можетъ совершиться быстро, мгновенно, и такъ какъ вѣра въ будущее непоколебимо живетъ въ ея оптимистически настроенномъ сердцѣ, то она ничего не имѣетъ противъ постепеннаго движенія къ этой завѣтной цѣли: „если нужно потерпѣть еще немного, чтобы пережить кризисъ, который обѣщаетъ намъ всѣ эти блага, — ну, что жъ, мы будемъ терпѣливо выжидать..." Слыша вокругъ себя, въ извѣстной части общества, вопли страха и негодованія по поводу этихъ теорій, Ж. Зандъ настаиваетъ на томъ, что ни въ соціализмѣ, ни въ коммунизмѣ, въ ихъ истинномъ, а не фальцифированномъ значеніи, нѣтъ ничего насильственнаго, и для подкрѣпленія своего мнѣнія она ссылается, между прочимъ, на революцію 1848 г., когда коммунизмъ „далъ ясныя доказательства своего законнаго подчиненія установленному порядку, провозгласивъ свое согласіе на установленіе молодой республики"; „изъ всѣхъ органовъ коммунистическаго ученія—доказываетъ она—нельзя назвать ни одного, который протестовалъ бы противъ законовъ, блюдущихъ законную собственность и святость семьи..." Проповѣдь уравненія всѣхъ классовъ общества находитъ въ ней самую пылкую сторонницу, и при томъ у Ж. Зандъ это уравненіе происходитъ такъ, что высшій спускается къ низшему, низшій же, если и принимаетъ эту готовность „уравняться", то не сразу, а послѣ нѣкотораго колебанія. Такъ, аристократка Jseult влюбляется въ столяра Гюгнена, который своею жизнью, своимъ характеромъ уяснилъ ей великое значеніе доктринъ равенства, и сознается ему, что съ того дня, какъ она начала размышлять о соціальныхъ вопросахъ, у ней явилось твердое рѣшеніе „выйти за человѣка изъ народа, чтобы самой сдѣлаться

народомъ" (d'épouser un homme du peuple afin d'être peuple). Такъ, вышеупомянутый рабочій Леморъ вліяетъ на знатную барышню Марсель, по ея признанію, своими идеями, „весьма странными въ глазахъ свѣта, но единственно истинными, единственно христіанскими" съ ея точки зрѣнія. Такъ, тотъ же рабочій не хочетъ жениться на любимой имъ дѣвушкѣ только потому, что она знатна и богата, и эта аристократка достигаетъ своей цѣли только благодаря случайности—пожару ея замка, уничтожающему ея богатство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднее препятствіе, отдѣлявшее ее отъ возлюбленнаго. Такъ, простой мельникъ отказывается отъ предлагаемаго ему женщиной высшаго класса знакомства, по недовѣрію къ образу мыслей этого сословія; „говорятъ—такъ мотивируетъ онъ свой отказъ—что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ міръ очень измѣнился; это неправда, измѣнился только образъ мыслей народа: *мы* не хотимъ больше подчиняться, но взгляды богатыхъ и знатныхъ остались такими же, какими они были всегда."

Безконечною галлереей проходитъ передъ нами въ формѣ то повѣствовательной, то драматической, то въ видѣ теоретическихъ разсужденій все, что́ переживала сама, что́ наблюдала вокругъ себя, что почерпала изъ наблюденій и ученій авторитетныхъ для нея людей эта изумительная женщина. Современная жизнь охватывала ее всѣми своими волнами, и каждое маломальски характерное явленіе этой жизни находило откликъ въ ея необычайно чуткомъ умѣ и сердцѣ, принимая затѣмъ подъ ея перомъ совершенно своеобразное, необычайно гармонировавшее съ ея натурой освѣщеніе и изливаясь въ звукахъ, часто поистинѣ чарующихъ своею силою, поэтичностью, музыкальностью. „У генія Ж. Зандъ—говоритъ Гейне—прекрасно округленныя, красивѣйшія бедра, и все, что́ она чувствуетъ и думаетъ, дышетъ глубокомысліемъ и граціозностью. Ея слогъ есть откровеніе гармоніи и чистота формъ..." Теккерей отзывается о ея стилѣ, какъ „благородномъ, прекрасномъ, богатомъ, чистомъ, цѣломудренномъ"; ея фантазію онъ называетъ роскошною, ея „періоды" признаетъ „въ высшей степени мелодичными, полными, кроткими, меланхоличными". „Я не могу выразить словомъ—говоритъ знаменитый романистъ—прелесть этихъ періодовъ; они представляются мнѣ звуками сельскихъ колоколовъ, сладостно и печально отдающихся въ ушахъ и вызывающихъ какое-то мечтательное размышленіе". Этой прелести стиля, единодушно признаваемой лучшими знатоками, Ж. Зандъ была въ значительной степени обязана тѣмъ громаднымъ, обаятельнымъ вліяніемъ, которое она производила на своихъ современниковъ, и которое вы ощущаете и теперь, читая многія страницы ея произведеній. Говорю: мно-

гія, но не всѣ, потому что сплошное чтеніе романовъ этой писательницы въ настоящее время утомительно, главнымъ образомъ по неясности, какой-то тревожной спутанности и недосказанности въ выраженіи мыслей—свойствамъ, обличающимъ (особенно въ произведеніяхъ первой поры) мятежную, все чего-то ищущую, къ чему-то стремящуюся, ни на чемъ не могущую остановиться душу, душу „зловѣще одинокаго генія", какъ выразился о ней тотъ же Гейне. Само собой разумѣется, что главная причина этого обаянія заключалась во внутренней сущности произведеній, въ идейномъ содержаніи ихъ, столь близкомъ, столь дорогомъ всему, что было лучшаго и благороднѣйшаго въ тогдашней Франціи, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, вызывало такіе взрывы негодованія и ужаса въ противоположномъ лагерѣ. Но, повторяю, геніальная внѣшняя форма сыграла здѣсь огромную роль, точно такъ же, какъ настроеніе Байрона не отразилось бы съ такимъ всемогуществомъ на всемъ европейскомъ мірѣ, если бы оно не вылилось въ такую невыразимо чудесную форму.

Далеко за предѣлы Франціи побѣдоносно перешелъ жоржъзандизмъ въ его коренной и благородной сущности, покоривъ себѣ современниковъ и продолжая до сихъ поръ то прямо, то косвенно сказываться чуть ли не во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Въ Англіи Джоржъ Элліотъ, въ Германіи—Шпильгагенъ, въ Россіи—Тургеневъ, Достоевскій, Салтыковъ, даже ультра-реалистъ Писемскій—всѣ испытали на себѣ благотворное вліяніе французской писательницы. Для насъ, конечно, наиболѣе знаменательно обаятельное дѣйствіе ея въ нашемъ отечествѣ. Бѣлинскій отзывался о ея взглядахъ, какъ о „новомъ откровеніи", признавалъ ее писательницею „геніальною, имѣющею значеніе и во всемірной литературѣ, не только въ одной французской", и „первою поэтическою славой современнаго міра". Тургеневъ называлъ ее „одною изъ нашихъ святыхъ". Салтыковъ въ первые годы своего вступленія въ жизнь „примкнулъ, по его словамъ, душою къ Франціи, разумѣется, не Франціи Людовика Филиппа и Гизо, а къ Франціи С. Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Ж. Зандъ; оттуда—восторженно говоритъ нашъ сатирикъ—лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ..."—„Прочтя о смерти Ж. Зандъ—писалъ Достоевскій — я понялъ, что́ значило въ моей жизни это имя, сколько взялъ этотъ поэтъ въ свое время моихъ восторговъ, поклоненій и сколько далъ когда-то радости, счастья!.. Все, что́ въ явленіи этого поэта составляло „новое слово", все, что́ было всечеловѣческаго,—все это тотчасъ же въ свое время отозвалось у насъ, въ нашей Россіи сильнымъ и глубокимъ впечатлѣніемъ, не миновало насъ..." Съ благоговѣніемъ говоритъ Достоевскій о ней, какъ о „женщинѣ почти небывалой, по силѣ ума и таланта", какъ объ „имени,

ставшемъ историческимъ, которому не суждено быть забытымъ и исчезнуть среди европейскаго человѣчества"; съ благоговѣніемъ вспоминаетъ онъ „цѣломудренную, высочайшую чистоту ея типовъ и идеаловъ" и признаетъ въ ней „одну изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь, и именно потому, что сама, въ душѣ своей, способна была воздвигнуть идеалъ..."

Это въ литературѣ; тоже самое, можетъ быть, даже въ еще большей степени, въ жизни,—и мнѣ, надѣюсь, нѣтъ надобности указывать, какія явленія въ нашемъ обществѣ, какія стремленія его суть ничто иное, какъ развитіе, видоизмѣненіе тѣхъ идей, которыя впервые провозгласила съ такою неодолимо-увлекательною силою страстности Ж. Зандъ. Мысли, высказываемыя ею, теперь сдѣлались уже какъ бы общими мѣстами, изъ-за которыхъ незачѣмъ больше ломать копья, потому что теперь никому не придетъ въ голову оспаривать ихъ право гражданства; но именно этимъ доказывается ихъ непреходимость, ихъ безсмертіе во всякой хорошей душѣ. А живущая въ этихъ душахъ вѣра въ осуществленіе этихъ стремленій, та самая вѣра, которою была проникнута до мозга костей Ж. Зандъ, еще болѣе укрѣпляетъ ихъ непреходимость, и кто изъ насъ, даже сомнѣваясь умомъ, не повторитъ съ нею сердцемъ тѣхъ словъ ея, которыя составляютъ какъ бы résumé ея мыслей и чувствъ: „Изъ безпредѣльнаго, страшнаго сголкновенія всѣхъ эгоистическихъ интересовъ должна неминуемо родиться необходимость все измѣнить, усталость отъ зла, потребность въ истинномъ и любовь къ добру"!

Петръ Вейнбергъ.

ЧЕРВИ.

I.

Жирный приставъ, въ желтомъ кителѣ и синихъ брюкахъ, курилъ папиросу и задумчиво смотрѣлъ на микроскопъ,—украшеніе докторскаго кабинета сельской больницы. Новый, блестящій, стройный микроскопъ, подъ большимъ стеклянным колпакомъ, граціозно стоялъ передъ рядами разноцвѣтныхъ стклянокъ, баночекъ и пробирокъ, готовый вести ихъ въ бой за хрупкое бытіе несчастнаго творца своего— человѣка.

Приставъ потянулся и попробовалъ снять колпакъ съ микроскопа. Но колпакъ, за долгіе мѣсяцы безмятежнаго покоя, успѣлъ хорошо присохнуть къ бѣлой краскѣ лабораторнаго столика и не поддавался осторожнымъ усиліямъ пристава.

Управляющій графа Подольскаго, красный и черный, какъ свѣжеразрѣзанный бифштексъ, въ просторной чесунчовой парѣ, сидѣлъ у докторскаго стола; очистивъ мѣсто среди температурныхъ листковъ, эпидемическихъ вѣдомостей и исторій болѣзни, онъ разрѣзалъ линейкой „Приложеніе къ Современной Медицинѣ“.

„Самовывихъ позвоночника“, доктора Тихоструннаго и докладъ приватъ-доцента фонъ-Блюма: „Еще къ вопросу объ оперативномъ удаленіи большихъ полушарій головного мозга, какъ новомъ методѣ лѣченія бѣлой горячки“ заняли управляющаго не надолго; но статья профессора Крестителева „О тучности и полнокровіи“ привлекла его вниманіе въ высшей степени,—и онъ кончалъ уже ее, минуя непонятныя слова, сопя и отгоняя мухъ тяжелой, волосистой рукою.

— Уть, уть, уть!—кричала на дворѣ больничная кухарка, созывая птицу.

Озабоченно спѣшили къ ней дѣловитыя утки; въ безпорядкѣ бѣжали куры, перелетая другъ черезъ дружку; пѣтухъ, не теряя достоинства, большими шагами выступалъ сзади.

— Ты чѣмъ ихъ кормишь?—спросилъ приставъ кухарку черезъ форточку.

— Кукурузой,— отвѣчала кухарка, испугалась и поспѣшила скрыться во свояси.

— Ироды! Разбойники!—послышался въ кухнѣ ея изступленный голосъ.—Нѣтъ на васъ смерти! О, чтобъ васъ громъ побилъ!

Затѣмъ что-то упало, раздался собачій визгъ, и съ силой стукнуло объ полъ пущенное въ догонку полѣно.

— Мы съ вами подло кончимъ, Тарасъ Гаврилычъ!—сказалъ вдругъ управляющій, отодвинувшись отъ книги.—Наше дѣло дрянь, какъ говорится.

— Все отъ Бога, Казиміръ Адамычъ! Богъ съ вами!—возразилъ, недоумѣвая и нѣсколько теряясь, приставъ.—Все, извините за выраженіе, отъ Бога. Зачѣмъ же напередъ пророчить!

— Дѣло наше дрянь!—продолжалъ управляющій, разстегивая жилетъ и отдуваясь.—Помремъ мы съ вами скверной смертью. Вы отъ жиру, я, какъ говорится, отъ крови. Вотъ почитайте, что доктора пишутъ.

— Да, вы съ этой точки!—сказалъ, веселѣя, приставъ и сѣлъ на лабораторный столикъ.—Ну, что они тамъ ни напишутъ, тѣмъ, извините за выраженіе, живутъ Я имъ не вѣрю. Не угодно ли?—предложилъ онъ управляющему свой серебряный съ двухвершковой золоченой монограммой портсигаръ и самъ взялъ папиросу.

— Мнѣ, напримѣръ,—говорилъ приставъ, чиркая спичкой и подавая ее управляющему,—запретили доктора водку пить. А я пью. Мучного, извините за выраженіе, въ ротъ не брать, пироговъ, картошки—ни въ зубъ. А картошка въ сметанѣ, вѣдь это мое первое блюдо. Ты мнѣ ея хоть полведра давай, я все поѣмъ! Послушался я прошлымъ лѣтомъ, извините за выраженіе, доктора Бляшкина,—дай, думаю, ну его къ чорту, попробую образъ жизни выдержать! Водки, понимаете, ни ногой, ѣлъ въ мѣру, по утрамъ гулять ходилъ. Цѣльную недѣлю такимъ манеромъ мучился, думалъ, что съ тоски околѣю. И понимаете,—ну, безо всякой пользы! Похудѣлъ за всю недѣлю на два лота. На два лота за недѣлю! Что же это такое?

— Да, я знаю!—сказалъ управляющій.—Вотъ мнѣ...

Но взволнованный приставъ не далъ ему окончить.

— Вѣдь во мнѣ семь пудовъ двѣнадцать фунтовъ вѣсу. Сколько бы это годовъ мнѣ пришлось такимъ манеромъ лѣчиться? Я высчитывалъ, извините за выраженіе, съ женою,—выходитъ,—до самой смерти. Здравствуйте вамъ!.. Нѣтъ ужъ, Богъ съ нимъ, съ лѣченьемъ, я махнулъ рукой. Будь—что будетъ, по крайности себя не томишь... Конечно, извините

за выраженіе, жаль дѣтей. Способные они у меня канальи, всѣ въ отца! Особенно Тимоѳей. Хотѣлось бы вывести въ люди... Вы ужъ не забудьте овса-то прислать, Казиміръ Адамовичъ!..

Управляющій мотнулъ головой.

— А главное,—продолжалъ съ горечью приставъ,—доктора говорятъ: не волноваться, извините за выраженіе, сердце слабо. Я самъ чувствую, что у меня сердце слабо. Бываетъ, вотъ здѣсь такъ подопретъ, что всю ночь не спишь. И квасъ не помогаетъ... Ну, а какъ въ нашей службѣ не волноваться? Вѣдь ты ему, мерзавцу, свое, а онъ свое. Ты ему законъ показываешь, а онъ свое. Вы ему, извините за выраженіе, по человѣчески, а онъ—какъ звѣрь! Понятно, выйдешь изъ себя... А доктора говорятъ: избѣгать физическихъ усилій. Ну, какъ тутъ избѣжать, когда на него иначе не подѣйствуешь?

— Да, я знаю!—сказалъ управляющій.—Знаю я. Вотъ мнѣ, какъ говорится, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ господа профессора согласно утверждаютъ: мяса поменѣе, пива не пить окончательно, и прочее. Наиболѣе же всего оберегаться приливовъ къ головѣ. У меня, полагаютъ господа профессора, затвердѣли въ мозгу жилы, происходитъ сгущеніе крови и можетъ быть, какъ говорится, ударъ. Хорошо, господа профессора, я охотно вамъ вѣрю! Но спрашиваю васъ: мнѣ-ль оберегаться приливовъ къ головѣ, ежели у меня до трехсотъ головъ рабочаго скота и народа въ полѣ стоитъ? И вотъ, сегодня, какъ говорится, праздникъ, а у меня работа идетъ. Приказчику я не могу слишкомъ довѣрить, ибо приказчикъ по природѣ своей всегда склоненъ къ воровству. Въ то же время, никто разумный не можетъ отвергать, что съ рабочимъ, какъ говорится, что убьешь, то и уѣдешь. Ибо мужикъ есть хамъ, онъ лѣнивъ и пьяница, отъ натуры бездѣльникъ! За нимъ слѣди зоркимъ окомъ и подгоняй его, какъ лѣнивую клячу. Отъ натуры своей мужикъ склоненъ къ воровству!.. Хорошо—у меня ему не украсть ничего, что плохо лежитъ: у меня, какъ говорится, все на ладони... Но онъ крадетъ у меня свой трудъ. Я этого не могу дозволить! Говорятъ американе: время есть деньги. А я говорю, что трудъ мужика есть деньги. И мужикъ долженъ отдать мнѣ свой трудъ сполна, безъ остатку, какъ въ аптекѣ! Теперь спрашиваю васъ: могу ли я не пить пива, и, какъ говорится, могу ли я...

Послышались быстрые, легкіе шаги, и молодой докторъ, въ бѣломъ халатѣ, забрызганномъ пятнами ляписа и іода, появился въ дверяхъ кабинета.

II.

— Еще разъ здравствуйте, господа!—сказалъ докторъ.— Простите, что заставилъ васъ такъ долго ждать. Слава Богу, пріемъ уже оконченъ, паства моя разъѣзжается. Черезъ минуту я къ вашимъ услугамъ. Надо лишь устроить больныхъ и посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Хозяйскій глазъ прежде всего.

— Иванъ!—выйдя въ корридоръ, отозвалъ докторъ въ сторону больничнаго служителя.—Передалъ барынѣ, что къ обѣду будутъ гости?

— Такъ точно, ваше благородіе. Барыня спрашиваютъ: хватитъ водки одну бутылку?

— Тише!.. Должно быть, хватитъ... Я не пью, и сегодня жарко... А, впрочемъ, лучше сбѣгай еще... Пива купилъ?..

— Такъ точно, купилъ, ваше благородіе. Только барыня сердятся...

— Табаку купилъ?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Размѣстилъ больныхъ?

— Такъ точно, размѣстилъ, ваше благородіе. Сидора тифознаго размѣстилъ въ женскую палату, потому коекъ больше нѣтъ, а онъ все равно въ безчувствіи. А Марью размѣстилъ на полу, потому...

— Ну, хорошо... Воскресенье и праздники для насъ самые трудные дни,—говорилъ докторъ въ кабинетѣ, снимая халатъ и пристегивая манжеты,—для врачей и для сидѣльцевъ винныхъ лавокъ. Крестьянинъ перестаетъ воздѣлывать землю и хочетъ утолить свои духовныя и тѣлесныя нужды. Онъ ѣдетъ на базаръ, въ монополію и въ больницу. Сегодня, впрочемъ, больныхъ почему-то было гораздо меньше.

— Сгорѣло Никольское и Ковяги, — сказалъ, барабаня пальцами, приставъ.

— Ахъ да, вотъ что! Это печально!.. Но мнѣ сегодня пришлось работать за двоихъ. Фельдшерицу вчера ночью взяли въ Волчій Логъ на роды, и до сихъ поръ ея нѣтъ. Это вѣчная исторія: стоитъ ей забраться въ крестьянскую хату,— дожидайся недѣлю. По правдѣ говоря, мнѣ это уже надоѣло. Я самъ служу народу, люблю его, но надо-же знать мѣру. Золотая середина должна быть во всемъ!

— Н-да!—сказалъ приставъ.

— Такъ что же, ѣдемъ?—спросилъ управляющій.

— Простите господа, я попрошу у васъ еще четверть часа сроку. Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно приготовить къ почтѣ кой-какіе отчеты, — мнѣ только подписать. А я какъ разъ послалъ фельдшера посмотрѣть на хуторѣ одну больную...

онъ скоро вернется. Затѣмъ мы завернемъ ко мнѣ,—я уже предупредилъ жену, она насъ ждетъ съ нетерпѣніемъ,—закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ, и тогда я весь къ вашимъ услугамъ! Мнѣ только подписать.

— Ваше благородіе, еще больного привезли,—доложилъ Иванъ.

— Скажи имъ, что пріемъ оконченъ. Завтра.

— Я уже сказалъ, ваше благородіе.

— Повтори еще разъ. Откуда больной? Чѣмъ боленъ?

— Изъ Песчанковой они,—говоритъ старуха. Болѣзнь внутренная.

— Изъ Песчанковой, это недалеко, всего верстъ пять. Завтра.

— Я думаю, извините за выраженіе, не сразиться ли намъ, пока что, холоднымъ оружіемъ? Вы согласны, Казиміръ Адамычъ?—обратился приставъ къ управляющему.—Вѣдь карты у васъ найдутся, Николай Иванычъ?

— Я не противъ,—сказалъ управляющій,—но здѣсь негдѣ.

— И мѣсто, и карты найдутся!—говорилъ докторъ, выбрасывая изъ ящика колоду картъ и освобождая уголъ стола отъ эпидемическихъ карточекъ и медицинскихъ журналовъ.—А гдѣ же Илья Петровичъ?

— Илья Петровичъ куда-то скрылся, его давно не видно,—отвѣчалъ приставъ, считая карты.

— Иванъ!—позвалъ докторъ:—Гдѣ Илья Петровичъ?

— Въ женскихъ палатахъ, ваше благородіе. Ихъ благородіе завсегда, какъ въ больницу придутъ, сейчасъ въ женскія палаты...

— Пятьдесятъ одна, пятьдесятъ двѣ!—сказалъ приставъ.—Ты! Попроси ихъ благородіе сюда; скажи: мы ихъ ждемъ сію минуту по спѣшному дѣлу.

III.

— Напрасно вы, господа, острите совершенно мимо цѣли... Тупымъ ножемъ по веревкѣ. Но ты меня понимаешь, Коля, не правда ли?.. Чортъ возьми! Намъ повѣствуютъ, какъ онъ воруетъ лѣсъ, привезенный для школьной постройки, какъ онъ истязуетъ невѣрную жену, какъ его заѣдаютъ тараканы. Чортъ возьми,—меня всѣ эти ваши теоріи далеко, отнюдь не удовлетворяютъ! Не въ женѣ, господа, и не въ тараканахъ дѣло!.. Я ищу, я хочу познать настоящую, живую душу нашего народа, его темную, но прекрасную, глубокую душу, которую онъ вынесъ къ намъ отъ первыхъ дней творенья вмѣстѣ со своимъ могучимъ тѣломъ, своими бѣлыми зубами... Вотъ что влечетъ меня въ женскія палаты. Въ мужскихъ палатахъ скверно пахнетъ... И крестьянка... она лю-

безнѣе, она легче идетъ мнѣ навстрѣчу, нежели ея отецъ, братъ или мужъ... Ты меня понимаешь, Коля?

— Я понимаю тебя, Илья Петровичъ!—сказалъ докторъ.— Садись вотъ здѣсь, на подоконникъ.

Что же касается женскихъ волосъ, которыя, будто бы, нашелъ на моемъ жилетѣ Тарасъ Гаврилычъ, то объясняется это очень легко и просто... Съ кѣмъ я играю?—и долговязый, стриженный ежомъ Илья Петровичъ открылъ свою карту.

— Въ то же время, вы не будете отвергать, любезнѣйшій Илья Петровичъ,—шутилъ управляющій,—что молодая красивая мужичка можетъ быть весьма и весьма желательной. Иногда болѣе даже желательной, чѣмъ женщина, какъ говорится, порядочная. Я хочу сказать, что въ ней много горячей крови и выносливости, въ то же время преданности... ежели только она достаточно чиста и опрятна. Въ этомъ дѣлѣ я имѣю не безславное прошлое, и многія, какъ говорится, свѣтлыя дѣвичьи очи пролили по причинѣ моей немало слезъ. Ха-ха... Бубны... Жена моя на лиманѣ, мы здѣсь въ своей компаніи, и я вамъ разскажу...

Почтительно угнетенный голосъ Ивана прервалъ благодушную рѣчь управляющаго.

— Ваше благородіе, не хочетъ она уѣзжать, говоритъ, дуже плохо ея человѣку.

— Ты видишь,—сказалъ докторъ,—что я занятъ? Пасъ. Пускай подождетъ. Сейчасъ пріѣдетъ фельдшеръ.

IV.

— Я противъ васъ кое-что имѣю, докторъ!—говорилъ управляющій, тасуя карты для слѣдующей сдачи.—Возможно ли? Мой приказчикъ, какъ говорится, слегка ударилъ рабочаго, а вы написали увѣчье. Разъ всего ударилъ. Можетъ ли быть увѣчье отъ одного разу?

— Многоуважаемый Казиміръ Адамычъ. Вашъ приказчикъ разорвалъ Гаврилѣ Насущному барабанную перепонку. Я долженъ былъ отмѣтить то, что нашелъ при осмотрѣ. Мы, врачи,—и докторъ покраснѣлъ, и голосъ его задрожалъ отъ волненія,—мы знаемъ только больного, для насъ должно быть безразлично, рабочій онъ или управляющій, богатъ или бѣденъ, разбойникъ или святой. Одинаковымъ образомъ мы спѣшимъ подать ему помощь, отстоять его жизнь, сохранить его силы для семьи и государства. И если законы бытія или... иногда... несовершенства нашей науки говорятъ намъ свое veto, — то хоть облегчить его страданія. Медицина, какъ солнце, проливаетъ свѣтъ и жизнь безразлично на каждаго, для нея нѣсть ни еллинъ, ни іудей!

— Не думаю,—сказалъ приставъ.—Вамъ объявлять, Ка-

зиміръ Адамычъ... Извините за выраженіе, не думаю, чтобы вашъ Ракловъ дѣйствительно разбилъ перепонку Гаврилѣ. Случается причинить увѣчье и съ одного разу, при неумѣньи и излишней силѣ-съ. Но вѣдь Ракловъ, извините за выраженіе, не дитя малодушное: онъ служитъ въ экономіи уже тридцать лѣтъ; слава Богу, долженъ понимать! Вѣрнѣе всего, что Гаврилку жидки научили ухо расковырять, за рубль они не пожалѣютъ искалѣчить человѣка... Ну, дайте время,—ужъ я, извините за выраженіе, выведу отсюда эту язву!

— Ясное дѣло!—сказалъ управляющій.—Безъ козырей ... Двѣ трефы. Пасъ. Пасъ. Пасъ. Двѣ черви...

— Вамъ играть.

— Да, я знаю.

— Коли не съ чего, такъ съ бубенъ.

— Наполеонъ былъ уменъ!

— Больше часу думать нельзя.

— Ну, хоть такъ.

— Эхъ, Илья Петровичъ!

— Не дурно.

— Что „Илья Петровичъ?“

— Такъ-съ.

— Вотъ видишь... Какъ же можно было, Илюша?

— А почему ты мнѣ туза?...

— Господа, посторонніе разговоры строго воспрещаются!

— Такъ-съ.

— Дама.

— А мы ее по усамъ.

— Кто, какъ не свой подведетъ!...

— Ну, остальныя мои...

— За одиннадцать взятокъ шестьсотъ, за партію тысячу... У васъ сколько тузовъ было, Казиміръ Адамычъ?

— Вамъ сдавать, Николай Иванычъ.

— За малый шлемъ тысячу...

— Ваше благородіе, господинъ докторъ!—послышался неожиданно женскій голосъ: въ дверяхъ, низко кланяясь, остановилась поджарая, бураго цвѣта старуха, и непріятный запахъ пота и лука разошелся по докторскому кабинету.— Сдѣлайте милость, ваше благородіе, дайте лѣкарства. Дуже боленъ человѣкъ мой. Ужъ я васъ поблагодарю!

— Отчего ты, женщина, не пріѣхала во-время, какъ вамъ сказано? Ты видишь...

— У насъ, ваше благородіе...

— Ты видишь, пріемъ оконченъ, и я теперь занятъ. Ты видишь, у меня гости?.. Кажется, я засдался. Сколько у тебя, Илья Петровичъ?.. Иди и дожидайся, женщина.

— У насъ, господинъ докторъ..

— Иди и дожидайся, надо раньше пріѣзжать.

— У насъ, ваше благородіе, господинъ докторъ...

— У насъ, у васъ,—засмѣялся управляющій.—Эхъ ты, луковица! Ну, иди.

— Ступай,—сказалъ приставъ,—слышала?

— Иди и жди,—сказалъ докторъ. — Сейчасъ вернется фельдшеръ.

V.

— Давеча мнѣ помѣшала старуха,—говорилъ докторъ управляющему, когда окончили робберъ и мѣнялись мѣстами.—А я желалъ бы выяснить вамъ, Казиміръ Адамычъ, какъ я смотрю на свою дѣятельность врача въ деревнѣ. Взгляните на всѣхъ этихъ мужиковъ, бабъ и ребятишекъ, на эти сто милліоновъ человѣческихъ существъ, невѣжественныхъ, нищихъ, страдающихъ. Заживо гнія и въ мукахъ погибая, одинако озираются они за помощью. А когда я спѣшу къ нимъ съ моею помощью, они встрѣчаютъ ее недовѣріемъ и враждою. Грубость ума и грубость нравовъ мѣшаютъ крестьянину повѣрить благодѣтельности предписаній медицинской науки. Чтобы лѣчить, врачъ долженъ вносить свѣтъ въ темную массу народа! Душа крестьянина глубока и прекрасна, какъ мѣтко выразился Илья Петровичъ, но некультурна, некультурна... Пики... Она нуждается въ живомъ примѣрѣ интеллигентнаго человѣка... Черви... Такова, по моему, великая миссія врача, этого скромнаго труженика на нивѣ народной!... Двѣ пики.

.... Пасъ. Двѣ черви. Пасъ. Три черви. Пасъ...

— Къ сожалѣнію, сельскій врачъ слишкомъ одинокъ передъ своей обширной задачей. Его ближайшіе помощники,—нашъ фельдшерскій персоналъ,—это наше больное мѣсто,—не обладаетъ достаточнымъ развитіемъ, не прошелъ строгой школы научнаго мышленія. Фельдшерица и фельдшеръ не умѣютъ понять стремленій врача и нерѣдко оказываются прямо-таки вредными для его интеллигентной работы. Приведу такой примѣръ. Мой предшественникъ,—конечно, прекраснѣйшій врачъ, онъ ушелъ отсюда въ московское земство,—разрѣшалъ зимою палатнымъ больнымъ имѣть свои платки, бурнусы и кофты, потому что въ больницѣ не хватало теплыхъ халатовъ и одѣялъ... пасъ... а помѣщеніе у насъ холодное... пасъ... въ корридорахъ сквозитъ, вообще зданіе построено нѣсколько нераціонально... Пасъ.

.... Три бубны. Пасъ. Три безъ козырей. Четыре бубны...

— Хорошо... разрѣшалъ... И вы можете себѣ представить, во что превратилась больница. Здѣсь больной накрытъ бурнусомъ, тутъ стонетъ подъ свиткой, тамъ укутанъ платками. Отвратительно, ненаучно, противно основамъ гигіены! Я постарался вывести этотъ обычай и выдаю лѣтніе парусино-

вые одѣяла и халаты, если не хватаетъ теплыхъ зимнихъ. Я согласенъ, что отдѣльнымъ больнымъ холодно и неудобно! Но я разсуждаю такъ... Пара бубенъ.

...Пасъ. Пасъ. Тоже. Три пики. Трефишки...

— Я разсуждаю такъ. Что же подѣлать, если нужды дѣла расходятся съ нуждами лицъ, которымъ оно служитъ. Таковъ, вообще, современный порядокъ вещей. Конечно, это печально! Но, разъ мнѣ довѣрено дѣло, — для меня впереди всего должна стоять польза дѣла, а не случайныя удобства или неудобства отдѣльныхъ лицъ... Позвольте, а мнѣ не нужно говорить?

— Виноватъ, извольте...

— Мм... Ну!.. Я пасъ.

...Три черви. Пасъ. Тоже. И я. Тоже. Ходите...

— Мнѣ пришлось вести упорную борьбу. Больные не хотѣли мерзнуть, боялись простудиться и пускались на всякія хитрости. Прислуга была за одно съ ними. И вотъ,—что хуже всего,—и фельдшерица, и фельдшеръ не хотѣли видѣть полезности моихъ начертаній и держали сторону больныхъ. Я вынужденъ былъ удалить ихъ. Мнѣ это было непріятно, ибо я, теоретически, врагъ всякаго насилія,—и они были полезные работники. Но наше дѣло прежде всего требуетъ солидарности... Трефы.

...Трефы-мефы. Бубендрясы. Пасъ. Червоточина.

— Мы на войнѣ, въ передовой цѣпи, мы всѣ: и врачъ, и фельдшеръ, и даже служитель. Каждый день, спасая жизнь крестьянина, мы всѣ одинаково стоимъ передъ опасностью заразиться и погибнуть или выйти искалѣченными. Успѣхъ нашей работы зависитъ отъ самоотверженія каждаго изъ насъ и нашего живого, бодраго сотрудничества... Черви!

...Безъ пузырей. Двѣ черви. Два безъ пузырей. Пасище...

— Врачъ имѣетъ свои права, фельдшеръ и фельдшерица должны знать свое мѣсто... и дѣлать то, что имъ прикажетъ врачъ... а не критиковать его. Это непріятно, обидно для врача и мѣшаетъ ему работать, пользы же дѣлу все равно не приноситъ... Въ нашемъ дѣлѣ, прежде всего, необходима дисциплина, если хотите—деспотизмъ. Да, просвѣщенный деспотизмъ... Черви.

...Двѣ пики. Двое червей... Три пички. Пасъ. Трое трефъ...

— Вопросы узкаго самолюбія должны отойти на задній планъ предъ ложемъ больного. Этого требуетъ польза дѣла! Фельдшерица не могла или не хотѣла меня понять. фельдшеръ былъ въ нее влюбленъ, и мнѣ пришлось ихъ разослать... Если мнѣ дорога жизнь крестьянина,—а она мнѣ дорога, иначе я не сидѣлъ бы здѣсь съ вами... двѣ пики... мнѣ предлагали мѣсто въ городѣ... но жена не захотѣла... Два безъ козыря.

...Три бубновки. Пасъ. Четверо бубенъ. Пасъ-пасъ. Ну, куда ни шло...

— Нынѣшнимъ персоналомъ моимъ я почти доволенъ. Фельдшеръ, хотя и невѣжда, какъ вообще всѣ фельдшера, но исполняетъ, что ему приказано, и не страдаетъ этой утомительной обидчивостью, какъ его предшественникъ. Фельдшерица—божья коровка...

— Ну, и карта,—сказалъ приставъ.

...Двѣ бубны. Двѣ черви. Пасъ. Пасъ. Два безъ козыря. Три пики. Три трефы. Три черви. Пасъ. Четыре черви. Четыре бубны. Пять пикъ.

— Пять бубенъ,—сказалъ управляющій.

— Пять червей,—сказалъ докторъ.

— Пасъ,—сказалъ приставъ.

— Пасъ,—сказалъ Илья Петровичъ.

— Шесть бубенъ,—сказалъ, сопя, управляющій.

— Шесть червей,—сухо возразилъ докторъ.

— Пасъ,—сказалъ приставъ.

— Пасъ,—сказалъ Илья Петровичъ.

— Большіе бубны,—сказалъ управляющій, багровѣя и шевеля ногами.

— Большой въ червяхъ,—сказалъ докторъ и подавился слюною.

— Пасъ,—сказалъ приставъ.

— Пасъ,—сказалъ Илья Петровичъ.

— Тоже,—сказалъ управляющій.

— Ходите,—сказалъ управляющій.

— Не торопись, Коля,—сказалъ Илья Петровичъ.

— Ваше благородіе...

— Такъ.

— Ваше благородіе, тамъ больной, что привезла старуха...

— Пусть подождетъ. Сейчасъ пріѣдетъ фельдшеръ... Такъ.

— Ваше благородіе, его бы, можетъ...

— Не мѣшай... Такъ.

— Онъ, ваше благородіе...

— Не мѣшай. Уходи... Такъ.

— Проситъ старуха, ваше благородіе...

— Убирайся!—закричалъ докторъ.

— Вотъ такъ!—сказалъ управляющій.

— А мы ее такъ,—сказалъ Илья Петровичъ.

— А мы ее вотъ этакъ-съ, извините за выраженіе!—сказалъ приставъ...

. . . . . .

— Вы прямо, извините за выраженіе, министръ финансовъ, Казиміръ Адамычъ,—радовался приставъ, подсчитывая взятки.—Ей-Богу!.. Но сидѣть бы вамъ на мели безъ меня, съ моею тройкой!

VI.

...Пасъ. Трефенція. Пасъ. Тоже. Пасъ. Двѣ пикашки...

— Однако, здѣсь жарковато,—сказалъ управляющій, сбрасывая пиджакъ и обмахиваясь краями жилета.—И послѣ старухи доселѣ скверный воздухъ. Нельзя ли отворить окно?

— Какой чудесный видъ у тебя изъ кабинета, Коля,—говорилъ Илья Петровичъ, стоя у окна.—Отсюда можно писать картину. Чортъ возьми! Вверху синее небо съ мягкими грудами бѣлыхъ облаковъ. Внизу золотая равнина, золотое море полей. Въ немъ, какъ рифы, бѣлѣютъ деревни, окаймленныя зеленымъ прибоемъ вишневыхъ садовъ. Темнѣютъ острова лѣсовъ. Блестя, плывутъ осколки рѣчки. И все осыпано сіяющимъ зноемъ полудня, обвѣяно горячимъ дыханіемъ солнца. Сколько здѣсь счастья, богатства, здоровья!.. Посреди, господствуя надъ всѣмъ, высятся къ небу гордыя, сильныя трубы завода...

— Это нашъ винокуренный заводъ, — сказалъ управляющій.

— Чудная картина!—Какъ жаль, что я не художникъ. Сколько здѣсь солнца, страсти, приволья!.. Вы говорили, Казиміръ Адамычъ, о крестьянкѣ... Вы говорили: въ ней есть что-то, чего не достаетъ, чего нѣтъ въ женщинѣ нашего круга. Вы совершенно правы... И это что-то дано крестьянкѣ ея прекрасной матерью-природой!

— Не можетъ быть,—сказалъ приставъ.—Впрочемъ, виноватъ, вѣрно... Это у васъ двадцать шесть, а я думалъ—тридцать восемь...

— Какъ греческая Афродита,—продолжалъ Илья Петровичъ,—выступила изъ голубыхъ волнъ Средиземнаго моря, такъ наша крестьянка выходитъ изъ могучаго чернозема и золотой парчи ея полей. Она ихъ цвѣтъ, ихъ символъ, ихъ богиня. Ея и ихъ красота—одна и та же, красота первозданной жизни!.. Какъ вольная птица или лѣсной звѣрь, крестьянка рождена у истоковъ природы. И она черпаетъ изъ нѣдръ природы ея крѣпость, тепло и силу. Природа...

— Что за вздоръ,—сказалъ приставъ,—ерунда какая-то! Никакъ не сходится... Пять да девять—тринадцать...

— Природа,—продолжалъ Илья Петровичъ, глядя на жирную шею пристава,—куетъ ей ея упругое, выносливое тѣло, ея сильную грудь, ея твердую круглую ногу. Природа даетъ ей бѣлые зубы, золотой загаръ, блескъ ея глазъ, ея смѣлую душу. Природа... Помнишь, Коля, здѣсь въ больницѣ съ сестрою оставалась Даша...

— Онѣ суть таковы, какъ вы воспѣли,—сказалъ управляющій,—пока онѣ молоды и не вышли замужъ. Лишь только

мужичка вышла замужъ, красота ея увядаетъ въ немного лѣтъ, иногда за одну зиму. Причина тому, какъ говорится, неизбѣжна—рожденіе дѣтей, нищета, побои и прочее... Но между дѣвушками есть красавицы, и онѣ не безъ причины волнуютъ кровь. Онѣ имѣютъ, какъ говорится, жесткія ступни и ладони, но могутъ весьма любить, въ любви покорны... и выносливы. Я въ этомъ дѣлѣ имѣю нѣкоторое знаніе, и въ иные годы я былъ большой разбойникъ. Да и теперь...

— Явиться честь имѣю,—сказалъ фельдшеръ изъ корридора.

— А, вы вернулись, Карпъ Ѳомичъ... Ну, что тамъ съ Маріей Безкровной?

— Ничего особеннаго... Заворотъ кишекъ.

— Заворотъ кишекъ?—взволновался докторъ.

— Такъ точно. Съ понедѣльника. Надежды нѣтъ, баба уже безъ сознанія. Впрочемъ, я далъ тинктуры симплексъ. Приказывалъ везти въ больницу, но они не желаютъ.

— Печально!—сказалъ докторъ.—Но отчего они раньше не пріѣхали?

— Извѣстно—мужичье,—сказалъ фельдшеръ.

— Тебѣ сдавать, Коля.

— Сейчасъ... Отчеты у васъ готовы, Карпъ Ѳомичъ? Несите ихъ сюда, я провѣрю и подпишу. Я уѣзжаю и послѣ обѣда не буду. Да! Посмотрите тамъ больного,—старуха приходила ужъ нѣсколько разъ,—что съ нимъ?

— Я уже видѣлъ... Попрошу васъ выйти ко мнѣ на минуту.

— Кончимъ прежде робберъ,—протестовалъ приставъ.

— Я сію минуту,—сказалъ докторъ, выходя въ корридоръ.

— Ну, что случилось?

— Этотъ больной, Николай Иванычъ, что привезла старуха,—изъ Песчанковой онъ...

— Ну, да, ну, да...

— Такъ онъ... уже умеръ.

VII.

— Почему же они раньше не пріѣхали? Почему раньше не пріѣхали?

— Извѣстно—мужичье. Не понимаютъ своей пользы.

— Нѣтъ, но почему они не пріѣхали? И что вы такъ долго пропадали у этой Безкровной? Я не понимаю!.. Я не понимаю!.. Такъ нельзя относиться къ дѣлу... Это не служба, а Богъ знаетъ что... Давайте сюда отчеты!

І. Бертоллетовъ.

И. С. Тургеневъ—поэтъ міровой скорби.

I.

Назначеніе человѣка — борьба, вѣчная, неустанная борьба съ самимъ собой, съ окружающимъ мракомъ и зломъ для достиженія того наивысшаго счастья, какое возможно на землѣ. Его путь никогда не усѣянъ розами,—онъ тернистъ и опасенъ, какъ путь, по которому шелъ великій Данте. Не разъ на этомъ долгомъ пути позорный сонъ овладѣваетъ утомившимся человѣкомъ; не разъ, пробудившись вновь, онъ съ ужасомъ видитъ себя въ темномъ лѣсу и дорогу истины — потерянной; не разъ ему путь преграждаютъ ужасныя чудовища, а сумракъ ночи зоветъ его на отдыхъ... не разъ, побѣдивъ себя, онъ принимаетъ великія рѣшенія, но вслѣдъ затѣмъ имъ овладѣваютъ мучительныя сомнѣнія и малодушный страхъ, терзаютъ его сердце и колеблютъ разумъ:

„Боязнь людей отводитъ каждый день
Отъ честныхъ подвиговъ, какъ призракъ ложный
Страшитъ коня, когда ложится тѣнь".
(Данте, Адъ II, 46).

Много нужно умственныхъ и нравственныхъ силъ, чтобы выйти изъ всѣхъ противорѣчій жизни, или даже пассивно противостоять тѣмъ бурямъ, которыя ожидаютъ насъ на каждомъ шагу въ неспокойномъ морѣ нашей жизни. И, конечно, счастливъ тотъ, кто самъ найдетъ въ себѣ достаточно такихъ умственныхъ и—главное—нравственныхъ силъ, кто не потеряется въ этомъ опасномъ морѣ и выйдетъ изъ него побѣдителемъ или, по крайней мѣрѣ, — съ неповрежденной душой. Счастливъ тотъ, кто можетъ безбоязненно смотрѣть прямо въ глаза житейской правдѣ, какъ бы ни была она страшна и ужасна, кто не станетъ прятаться отъ истины ни за какія ширмы и ни въ какіе колпаки... Собственный разумъ и собственное сердце выведутъ его на правильный путь, какъ вывели они Данте, помогутъ ему распутать тѣ противорѣчія, которыя бросаетъ намъ подъ ноги жизнь. „Кого утомляетъ, — говорилъ Берне, — малѣйшая неровность дороги, кто сбивается съ толку отъ малѣйшаго противо-

рѣчія, тотъ пусть не ходитъ, не думаетъ,—ложится въ постель и закрываетъ глаза. „Развѣ есть такая правда, въ которой нѣтъ хоть небольшой доли лжи? Развѣ есть такая красота, которая не имѣетъ своихъ пятенъ? Развѣ есть что-нибудь возвышенное, рядомъ съ которымъ не стоитъ смѣшное?.. Природа сочиняетъ рѣдко, а стиховъ не пишетъ никогда; кому не нравятся ея проза и безпримѣнность, тотъ пусть обращается къ поэзіи...“

Но „бываютъ дни“, бываютъ цѣлыя эпохи... Человѣкъ устаетъ бороться съ окружающей его тьмой и неправдой, слишкомъ долго длящаяся ночь кажется ему безконечной и, не видя впереди просвѣта, ни тѣни надежды на лучшее будущее, онъ падаетъ духомъ, и руки его безсильно опускаются. Такія эпохи бываютъ въ жизни и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества и, если тамъ и здѣсь онѣ случайно совпадутъ, катастрофа личности неизбѣжна. Не находя опоры ни въ обществѣ, ни въ личной жизни, человѣкъ уходитъ въ самого себя, безпощадно разлагаетъ каждое свое душевное движеніе, каждую мысль, подвергаетъ безпощадному анализу всѣ человѣческія отношенія и неизбѣжно приходитъ къ скептицизму, отъ котораго одинъ только шагъ до пессимизма. Все представляется ему окрашеннымъ въ темныя краски. Сегодня кажется ему, какъ двѣ капли воды, похожимъ на вчера, а завтра до отвращенія похожимъ на сегодня... и вся жизнь человѣческая вдругъ очень ясно представится ему длинной цѣпью сѣрыхъ, скучныхъ дней, пока, наконецъ, какая-то тайная сила, дѣйствующая съ роковой необходимостью, не прерветъ этой безцѣльной, никому ненужной канители, которая называется жизнью. Зачѣмъ все это? для чего?—встаютъ передъ нимъ мучительные вопросы. Для чего изо дня въ день, изживая самихъ себя, мы, какъ поденщики, работаемъ, сами не вѣря въ полезность и нужность своего труда? Зачѣмъ, стараясь трудомъ заглушить гнетущую насъ скуку жизни, сознаніе ея безцѣльности и собственной безпомощности, мы обманываемъ себя и другихъ, создавая себѣ различныя иллюзіи и прикрываясь болѣе или менѣе красивыми словами, въ которыя сами уже не вѣримъ?

Какъ примирить всѣ противорѣчія жизни?.. Оптимизмомъ? — Но онъ не можетъ объяснить вѣчныхъ страданій міра... Пессимизмъ?—Но вѣдь, не смотря на всѣ страданія, мы живемъ, и все въ мірѣ живетъ и страстно хочетъ жизни во что бы то ни стало во всякой обстановкѣ и при всякихъ обстоятельствахъ... Должно же быть что-нибудь въ жизни — какой нибудь смыслъ, какая нибудь цѣль!.. Неужели же принять формулу поэта:

„Надо жить—вотъ они роковыя слова,
Вотъ она—роковая задача!..“

Принять безъ разсужденій и покориться ей безропотно?..

И мы видимъ, какъ человѣкъ мучается, какъ онъ мечется

изъ стороны въ сторону, нигдѣ не находя отвѣта на запросы мятежнаго духа. Не въ этомъ ли трагизмъ человѣческаго существованія? Природа дала намъ бренную оболочку обыкновеннаго животнаго и вдохнула въ нее мятежный духъ Прометея, и мечется этотъ духъ днемъ и ночью, не зная покоя и не находя себѣ выхода. „Онъ мучается—вотъ каково быть смертнымъ и стремиться къ тому, что лежитъ за предѣлами смертнаго міра“ („Манфредъ“ Байрона).

Громадный путь сдѣлалъ умъ человѣка прежде, чѣмъ дошелъ до этого ужаснаго предѣла, дальше котораго идти нельзя. Въ огнѣ инквизиціонныхъ костровъ позналъ онъ движеніе земли, на которой появился. Но этого было ему слишкомъ мало: онъ хотѣлъ знать, куда она несется по безпредѣльному пространству, что даетъ ей это движеніе?

И онъ узналъ, что границы этого движенія безпредѣльны, что движеніе это совершается по опредѣленнымъ числовымъ законамъ, и что никакая сила не можетъ измѣнить эти законы. Но откуда они? Кто начерталъ ихъ на невидимыхъ скрижаляхъ? Кто или что эта таинственная сила?—этого человѣку не дано было знать. Смущенный и печальный, онъ ушелъ въ самого себя и началъ изучать тотъ самый пытливый духъ, который смущалъ его этими вопросами. Кто вложилъ его въ мою душу? Кто мнѣ далъ мой пытливый разумъ? Откуда эти мысли, — то свѣтлыя какъ лазурь неба, то темныя, какъ свинцовыя тучи?.. Какая цѣль моей жизни, и имѣетъ ли жизнь, вообще, какую нибудь цѣль? Зачѣмъ она? Что такое „я“ въ огромномъ пространствѣ безконечныхъ міровъ? Что такое жизнь, что такое смерть, которая виситъ каждую минуту надъ моей головой?..

И человѣкъ узналъ, что ничего этого онъ узнать не можетъ; человѣкъ узналъ, что границы его ума весьма опредѣленны, что дальше извѣстнаго предѣла его мышленіе не можетъ простираться. Однимъ словомъ, для него стало ясно, что онъ, подобно великому мудрецу Греціи, знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Это ужасное сознаніе, и его постигъ человѣкъ. У Гейне есть одно чудное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Вопросы“. У берега шумнаго моря стоитъ юноша и вопрошаетъ волны о вѣковѣчныхъ вопросахъ о смыслѣ жизни, о цѣли мірозданія, о Богѣ... Но... „вѣетъ вѣтеръ, бѣгутъ облака, блещутъ звѣзды, безучастно-холодныя, — и ждетъ безумецъ отвѣта!“... Этотъ безумецъ-юноша—печальный символъ всего человѣчества.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь міръ облетѣла странная молва. Въ одномъ изъ маленькихъ нѣмецкихъ городковъ случилось происшествіе, которое нарушило и смутило его тихую, однообразную жизнь. Въ одинъ, какъ принято говорить, прекрасный день полиція констатировала смерть какого-то старика-еврея, покончившаго жизнь самоубійствомъ при нѣсколько необычайной

обстановкѣ. На дверномъ крюкѣ висѣлъ трупъ старика, а на столѣ лежала раскрытая „Критика чистаго разума“ Канта, на одной изъ страницъ которой рукой самоубійцы была сдѣлана надпись: „Не стоитъ жить“... Несчастный старикъ рѣшилъ, что жить не стоитъ, коль скоро съ математической точностью доказано, что умъ человѣческій имѣетъ очень опредѣленныя границы, дальше которыхъ онъ не можетъ ничего познать и никогда ничего не узнаетъ... „Du bist am Ende—was du bist“—сказалъ онъ самъ себѣ, какъ Мефистофель Фаусту: ты—только ты: ты просто человѣкъ и напрасно пытаешься выйти за отведенные твоей ограниченной природѣ предѣлы... Дальше этихъ предѣловъ можетъ быть вѣра во что угодно, каждый баронъ можетъ создать себѣ какую угодно фантазію... но все это будетъ уже только вѣра и фантазія, а не знаніе. Благо тому, кто способенъ примириться съ этимъ, кому область вѣры и фантазіи можетъ всецѣло замѣнить потребность точнаго знанія: словомъ, „блаженъ кто вѣруетъ—тепло ему на свѣтѣ“!...

Но если человѣкъ въ вѣрѣ видитъ именно только вѣру и въ фантазіи только фантазію, если разумъ безпощадно разрушаетъ всѣ искусственно созданныя иллюзіи, если, въ силу этого, человѣкъ допускаетъ одну только вѣру—вѣру во всемогущество разума, и если этотъ всемогущій разумъ, разложивъ самого себя на составныя части, какъ дважды два—четыре, доказалъ собственную свою ограниченность, ничтожество и безсиліе и съ ужасомъ видитъ крушеніе этой послѣдней своей опоры, — что *тогда* остается человѣку? Стоитъ ли *тогда* жить? Старикъ-еврей рѣшилъ, что не стоитъ. По своему онъ былъ правъ. Ему ничего болѣе не оставалось въ жизни: слишкомъ поздно было создавать какую-нибудь иллюзію, какую нибудь вѣру,—слишкомъ поздно для того, чтобы можно было въ нее повѣрить. Подобныя средства дѣйствительны только въ юности.

Не нова въ исторіи человѣческаго сознанія мысль о томъ, что наша жизнь есть только „скоропреходящій сонъ“, въ концѣ концовъ, „пустая и глупая шутка“, „суета суетъ и всяческая суета“; что все видимое многообразіе явленій, изъ которыхъ она слагается, въ сущности есть лишь сплошная цѣпь сновидѣній—радужныхъ или мрачныхъ, пріятныхъ или страшныхъ. „Мысли наши, замѣчаетъ Шатобріанъ въ „La vie du christianisme“, почти всегда кончаются размышленіемъ о ничтожествѣ человѣка и быстротечности жизни“... Pourquoi douter des songes?—спрашиваетъ Bernardin de St-Pierre въ „Paul et Virginie“: La vie, remplie de tant de projets passagers et vains, est-elle autre chose qu'un songe?..“ *).

Эта мысль стара, какъ самъ міръ. Она должна была неиз-

*) Къ чему сомнѣваться въ снахъ? Наша жизнь, наполненная мимолетными и пустыми предположеніями, развѣ сама не сонъ?

бѣжно появиться на зарѣ человѣческаго самосознанія и достигаетъ особенной, почти мучительной остроты въ моменты углубленія человѣка въ себя самого. Величайшіе умы міра не разъ останавливались на этой пессимистической мысли, пытаясь анализировать, развить и обосновать ее. Вспомнимъ пессимистическую философію Будды, мрачное міросозерцаніе Эсхила, вспомнимъ чудную пѣснь хора въ „Эдипѣ-царѣ“ Софокла—о ничтожествѣ жизни и иллюзорности земного счастья, вспомнимъ грустное„ Carpe diem“ эпикурейца Горація... И далѣе: Шекспира и Шопенгауэра, Леопарди и Байрона, Гёте, Гейне, Ленау и Лермонтова. Вспомнимъ, наконецъ, чудную „комедію“ Кальдерона „La vida es sueno“ („Жизнь есть сонъ“) и ея грустный выводъ:

«Que es la vida?—Un frenesi;
Que es la vida?—Un ilusiòn,
Una sombra, un ficciòn,
Y el mayor bien es pequeno,
Que toda la vida es sueno...

Что жизнь?—безуміе... Что жизнь?—иллюзія, тѣнь и созданье нашей мечты. И великое благо въ ней ничтожно, такъ какъ вся жизнь только сонъ.—По мнѣнію Тургенева, который вообще увлекался Кальдерономъ, это—„самая величественная драматическая концепція, какую онъ когда-либо видѣлъ или читалъ. Въ ней царитъ дикая энергія, глубокое и мрачное презрѣніе къ жизни“ (Письма Тургенева къ г-жѣ Полинѣ Віардо и пр. Собр. и изд. Гальпериным-Каминскимъ. М. 1900, стр. 25 и пр.).

Даже великій оптимистъ—Пушкинъ и тотъ однажды усомнился въ цѣлесообразности жизни и съ горечью спросилъ себя, подобно Кальдерону:

. . . . . Иль вся наша
И жизнь—ничто, какъ сонъ пустой.
Насмѣшка рока надъ землей?..“
(„Мѣдный Всадникъ“).

Мудрено-ли, что такой чуткій художникъ, какимъ былъ нашъ Тургеневъ, тоже не разъ возвращался къ этому мучительному вопросу—о смыслѣ жизни и цѣли мірозданія? Мудрено-ли, что этотъ вопросъ, повидимому, всегда его мучилъ, а подъ старость и совершенно овладѣлъ его вниманіемъ?..

О Тургеневѣ писалось очень много, но почти никто не затронулъ этой стороны его личности и творчества, и философское міросозерцаніе его до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Настоящій очеркъ и является посильнымъ отвѣтомъ, могущимъ хоть сколько-нибудь заполнить этотъ существенный пробѣлъ въ литературѣ о великомъ писателѣ. Попробуемъ же привести въ систему его разрозненныя мысли и такимъ образомъ возстановить цѣльную картину его философскаго міровоззрѣнія, насколько это представляется возможнымъ.

II.

„Какъ пустъ и вялъ, и ничтоженъ почти всякій прожитый день! Какъ безсмысленно глупо пробѣжали эти часы за часами“!.. Такъ начинаетъ Тургеневъ одно изъ своихъ „Senilia“, одно изъ старческихъ „стихотвореній въ прозѣ“, озаглавленное: „Завтра! Завтра!“... Но человѣку страстно хочется жить, онъ дорожитъ жизнью, точно какимъ-то дорогимъ, безцѣннымъ сокровищемъ, онъ возлагаетъ самыя несбыточныя надежды на эту жизнь, на себя, на будущее... „О, какихъ благъ ждетъ онъ отъ будущаго“!.. Глупецъ, онъ воображаетъ, что другіе, грядущіе дни не будутъ похожи на этотъ, только что прожитой день. Онъ воображаетъ даже, что этимъ новымъ, непохожимъ на всѣ предыдущіе, днемъ будетъ завтра. „Вотъ завтра, завтра!“—утѣшаетъ онъ себя, пока это „завтра“ не свалитъ его въ могилу...

Да и чѣмъ другимъ можетъ быть это „завтра“, какъ не глупымъ повтореніемъ того же „сегодня“ и „вчера“—съ небольшими варіаціями для разнообразія?!.. Такова жизнь! Ничего новаго въ ней не можетъ быть: все, что въ ней есть, всегда „было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ—и какъ вспомнишь, что все это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность — словно по указу, по закону—даже досадно станетъ! Да, досадно!“ („Довольно“)...

Но какъ же такъ? Развѣ человѣкъ не созданъ для счастья? Развѣ не ему именно предопредѣлила мать-природа подняться высоко надо всѣмъ существующимъ на землѣ и своею мыслью объять всю безконечность міровъ? Не онъ ли, человѣкъ, этотъ носитель великаго, безсмертнаго духа, столько вѣковъ стремится къ усовершенствованію жизни, къ торжеству добра, разума, справедливости, прогресса?.. Какъ же это совмѣстить съ ничтожнымъ результатомъ его нервной дѣятельности? Тургеневъ отвѣчаетъ намъ на эти вопросы другимъ стихотвореніемъ въ прозѣ: „Природа“.

Поэту снится, что онъ вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. „Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный ровный свѣтъ. По самой серединѣ храма сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу. Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама Природа,—и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ. Я приблизился къ сидящей женѣ и, отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!—воскликнулъ я. — О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совер-

шенства и счастья?" — Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза:

„— Я думаю о томъ, какъ бы придать бо̀льшую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

„— Какъ?—пролепеталъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?..

„Женщина чуть-чуть наморщила брови:

„— Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она: — и я одинаково о нихъ забочусь и одинаково ихъ истребляю.

„— Но добро... разумъ... справедливость... — пролепеталъ я снова.

„— Это—человѣческія слова, — раздался желѣзный голосъ:— я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ, — и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, — червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся — и не мѣшай мнѣ!

„Я хотѣлъ было возражать... Но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула, и я проснулся..."

Еще ярче та-же мысль выступаетъ въ отрывкѣ, рисующемъ настроеніе, которое охватываетъ человѣка въ русскомъ дремучемъ лѣсу. Глубокой, неподдѣльной грустью вѣетъ отъ этого поэтическаго отрывка. Болѣзненно передается каждому это настроеніе, какъ призракъ, преслѣдующее поэта.

Вотъ это описаніе настроенія одинокаго охотника въ русскомъ дремучемъ лѣсу, относящееся къ 1857 году.

„Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона воды поднимается тотъ же голосъ: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, — говоритъ природа человѣку, — я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть". Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью, какъ будто намъ чуждой. Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо — и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Не однѣ дерзостныя надежды и мечтанія молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи,— нѣтъ, вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его собратій можетъ исчезнуть съ лица земли— и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣткахъ; онъ чувствуетъ

свое одиночество, свою слабость, свою случайность,—и съ торопливымъ тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ; здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и силу...

„Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтями на колѣни и послѣ долгаго безмолвія медленно поднялъ голову и оглянулся. О! Какъ все кругомъ было тихо и сурово-печально, нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время. Сердце во мнѣ сжалось. Въ одно мгновеніе на этомъ мѣстѣ я почуялъ вѣяніе смерти, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Я снова почти со страхомъ опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку... Я закрылъ глаза рукою и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать свою жизнь... Возможно ли? Эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла, вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто,—это я, тотъ прежній я? Какъ! Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала, вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ—и ни одной капли не смочило алкавшихъ губъ?.. О, сердце! Къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: „прости и навсегда“. Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка-радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга, не смотри туда, гдѣ блаженство, вѣра и сила — тамъ не наше мѣсто!..“ („Поѣздка въ Полѣсье“. Соч., VII, 239—240; 248—250).

Итакъ, добро, разумъ, справедливость, право, свобода — все это человѣческія слова, хотя великія и утѣшительныя; много людей живетъ ими и для нихъ... Но на самомъ дѣлѣ ничего этого не существуетъ. На самомъ дѣлѣ существуетъ въ природѣ одна вѣчная жизнь, которая сама является самодовлѣющей цѣлью, внѣ которой нѣтъ иной цѣли, для людей одинаково, какъ и для червей: „Человѣкъ—дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтеній: все, что̀ существуетъ въ ея лонѣ, возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому—она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что̀ она создаетъ, что̀ она разрушаетъ — лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ... Безсознательно и неуклонно, покорная законамъ, она не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго“ („Довольно“).

Такова для Тургенева природа, такова жизнь. Люди, эти ничтожные черви и мошки, воображаютъ, что они—вѣнецъ творенія, что они—свободныя существа, что жизнь ихъ—это нѣчто серьезное, полное глубокаго смысла. На самомъ же дѣлѣ она безсмысленна и безцѣльна. Самое страшное въ ней не фантастическія подземныя и небесныя силы... Нѣтъ! Страшно то, что въ ней нѣтъ ничего страшнаго, что „самая суть жизни мелка, неинтересна и и нищенски плоска...“ (ibid). Вся жизнь человѣческая — суета, ненужность и пошлая фальшь... „Вездѣ все то же вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнее, то же толченіе воды, то же наполовину добросовѣстное, наполовину сознательное самообольщеніе,—чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало,—а тамъ вдругъ, ужъ точно какъ снѣгъ на голову, нагрянетъ старость—и вмѣстѣ съ нею тотъ постоянно возрастающій, все разъѣдающій и подтачивающій страхъ смерти... и бухъ въ бездну! Хорошо еще, если такъ *разыграется* (sic!) жизнь! А то, пожалуй, передъ концомъ, пойдутъ, какъ ржа по желѣзу, немощи, страданія...“ („Вешнія воды“).

Не бурными волнами покрытымъ, какъ описываютъ поэты, представляется нашему писателю жизненное море... Нѣтъ, оно рисуется въ его воображеніи „невозмутимо-гладкимъ, неподвижнымъ и прозрачнымъ до самаго темнаго дна“. Человѣкъ сидитъ въ маленькой, валкой лодкѣ,—а тамъ, на этомъ темномъ, илистомъ днѣ, на подобіе громадныхъ рыбъ, едва виднѣются безобразныя чудища: всѣ житейскіе недуги, болѣзни, горести, безуміе, бѣдность, слѣпота.

„Это отвратительное чудовище извивается, ползетъ все выше и выше, протягиваетъ къ человѣку свои грязныя щупальцы все ближе и ближе... И не уйти отъ него некуда человѣку: день урочный придетъ, и перевернетъ оно лодку“ (ib).

Эта ужасная картина разрушенія человѣческой жизни явственно стоитъ передъ глазами поэта, повсюду преслѣдуетъ его, и онъ не можетъ отъ нея избавиться... Это ужасное чудище — символъ смерти и разрушенія, и вотъ почему Тургеневъ-человѣкъ содрогается при мысли о немъ.

Но не самое это чудище, не самая смерть и разрушеніе страшны Тургеневу-мыслителю: ему опять-таки страшна та безцѣльность, безсмысленность и, такъ сказать, нераціональность жизни, которая въ нихъ выражается. Бороться съ этимъ безполезно: такъ всегда было, есть и будетъ; не сегодня и не вчера народились эти чудовища: они всегда тамъ, гдѣ человѣкъ, и пойдутъ съ нимъ до скончанія вѣка.

Если бы въ наше время вновь народился Шекспиръ, то „его проницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи.

То же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безсмысленныя страданія во имя... ну, хоть во имя того же вздора, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ осмѣяннаго Аристофаномъ, тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ легко попадается многоголовый звѣрь—людская толпа, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды — словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ... Шекспиръ опять заставилъ бы Лира повторить свое жестокое: „нѣтъ виноватыхъ", что другими словами значитъ: „нѣтъ и правыхъ... („Довольно").

Въ самомъ дѣлѣ: „кто бываетъ когда нибудь въ чемъ нибудь виноватъ—одинъ? Или, лучше сказать, всѣ мы виноваты, да винить-то насъ всетаки нельзя" („Переписка", соч. VII, 104). Однимъ словомъ, Тургеневъ вполнѣ согласенъ съ Шекспиромъ, что „наша жизнь—одна бродячая тѣнь; жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой нибудь часъ на сценѣ, — а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти; сказка, разсказанная безумцемъ, полная звуковъ и ярости—и не имѣющая ровно никакого смысла." („Макбетъ", V, 5).

А человѣчество... скажемъ словами Гейне, которыми какъ нельзя лучше выражается мысль о немъ самого Тургенева: „Человѣчество, этотъ герой, который безпрестанно умираетъ и безпрестанно воскресаетъ, безпрестанно любитъ, безпрестанно ненавидитъ,—больше любитъ, чѣмъ ненавидитъ,—сегодня пресмыкается, какъ червь, завтра орломъ взлетаетъ къ самому небу, сегодня заслуживаетъ дурацкій колпакъ, завтра — лавровый вѣнокъ, но чаще — и то и другое вмѣстѣ, великій карликъ, маленькій великанъ, гомеопатически приготовленный богъ, — но всегда существуетъ... О, не будемъ слишкомъ много говорить о геройствѣ этого героя, не будемъ, изъ скромности и стыда" („Женщина Шекспира").

Нужно, однако, оговориться. Тургеневъ, какъ и Гейне, правда, презираетъ людей, но въ то же время и жалѣетъ ихъ,—жалѣетъ потому, что не они устроили эту безсмысленную, безцѣльную жизнь: они вошли въ нее не хозяевами, а рабами.

Если безсмысленна и безцѣльна жизнь, то вѣдь и люди—слѣпы, безпомощны, несчастны и потому жалки. Жизнь будетъ вѣчно безсмысленна и безцѣльна, но и люди вѣчно будутъ слѣпыми, безпомощными, несчастными созданіями — презрѣнными и въ то же время жалкими. За что же винить ихъ?.. Въ этомъ пунктѣ Тургеневъ-мыслитель радикально расходится съ Л. Толстымъ, Ничше и вообще со всѣми проповѣдниками царства Божія на небѣ или на землѣ, возстававшими противъ *временной* порчи людей, призывавшими людей обновиться и на развалинахъ старой жизни создать новое идеальное человѣчество, вѣрившими въ ко-

нечное торжество добра и правды на землѣ. Тургеневъ не вѣритъ въ эти химеры, не вѣритъ въ возможность превращенія *человѣка* въ *сверхчеловѣка* (въ той или иной формѣ), а слѣдовательно—и въ возможность перемѣны человѣческой жизни къ лучшему. „Человѣкъ“ — это звучитъ для него далеко не гордо: напротивъ, онъ полагаетъ, что человѣкъ всегда останется человѣкомъ, останется тѣмъ, что онъ есть, т. е. совершеннѣйшимъ ничтожествомъ. Подобно m-me Аккерманъ („Pensées“), онъ не скажетъ человѣчеству: „Иди впередъ!“—Онъ скажетъ ему: „умирай, потому что никакой прогрессъ не улучшитъ твоей участи на землѣ“. Все къ худшему въ этомъ худшемъ изъ міровъ.—Не на вратахъ ада, а въ преддверіи жизни нужно написать дантовское: „оставьте всякую надежду, входящіе сюда!..“

У Тургенева нѣтъ вѣры въ человѣка, въ его нравственную силу, какъ нѣтъ ея у Леопарди, Гейне, Ленау, Шатобріана, Лермонтова. Но особенно близокъ онъ по міросозерцанію къ Байрону и Шопенгауэру, который былъ его любимымъ писателемъ. Его пессимизмъ проведенъ съ такой же безпощадной послѣдовательностью, какъ и у великаго поэта міровой скорби и не менѣе великаго философа-пессимиста. Приглядимся поближе къ оттѣнкамъ философской мысли нашего писателя.

Жизнь—мелка, неинтересна, нищенски плоска и не имѣетъ никакого смысла, никакой цѣли.

Человѣкъ — ничтожество, полное ничтожество, съ какой стороны на него ни смотри.

Право, справедливость, свобода, добро, разумъ, истина — все это человѣческія слова, представленія, не имѣющія въ мірѣ дѣйствительности соотвѣтствующихъ реальностей.

Вотъ выводы, которые могли быть сдѣланы до сихъ поръ. Всѣ доводы въ пользу раціональности и смысла жизни, такимъ образомъ, разбиты...

Только передъ двумя доводами останавливается Тургеневъ какъ бы въ нерѣшимости, — но и то на самое короткое время, точно для того, чтобы, сведя и ихъ „на нѣтъ“, сдѣлать еще болѣе ужаснымъ обступающій насъ со всѣхъ сторонъ мракъ.

Въ мірѣ есть двѣ силы, которыя даютъ хотя бы видимый смыслъ всему существующему, которыя, повидимому, одухотворяютъ и осмысливаютъ жизнь человѣка. Эти двѣ силы—любовь и искусство—внѣшнее выраженіе красоты.

Любовь, какъ движущая міромъ сила,—несомнѣнна. „Любовь, думаетъ и самъ Тургеневъ, сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь...“ Счастье любви, полнаго сближенія, безвозвратной преданности—сладчайшее и величайшее счастье, лучшее, что дано испытать человѣку.

Но... если жизнь мелка, неинтересна и нищенски плоска, если она безсмысленна и безцѣльна, если такова сама жизнь, которая

держится и движется этой любовью, ради которой она создана,— то къ чему она, эта любовь, не жалка ли, не смѣшна ли ея роль на землѣ?.. Вѣдь „проникнувшись *этимъ* сознаніемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой ужъ медъ не покажется сладкимъ, и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви... даже оно теряетъ свое обаяніе; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну, да: человѣкъ полюбилъ, загорѣлся, залепеталъ о *вѣчномъ* блаженствѣ, о *безсмертныхъ* наслажденіяхъ—смотришь: давнымъ давно уже нѣтъ слѣда самаго того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка.

„Такъ, поздней осенью, въ морозный день, когда все безжизненно и нѣмо въ посѣдѣлой травѣ, на окраинѣ обнаженнаго лѣса— стоитъ солнцу выйти на мигъ, изъ тумана, пристально взглянуть на застывшую землю—тотчасъ отовсюду поднимутся мошки: онѣ играютъ въ тепломъ его лучѣ, хлопочутъ, толкутся вверхъ, внизъ, вьются другъ около друга... Солнце скроется—мошки валятся слабымъ дождемъ—и конецъ ихъ мгновенной жизни“ („Довольно“).

Итакъ, любовь вовсе не сильнѣе смерти и страха смерти, какъ это думалось Тургеневу... Правда, любовью держится и движется жизнь, но... не ею одною она держится и движется. У Любви есть родной братъ, о которомъ съ неменьшимъ правомъ можно сказать то же самое, которому ничуть не менѣе, чѣмъ Любви, обязано жизнью все существующее на землѣ. Имя ему—Голодъ.

Оба они—Любовь и Голодъ—неразлучными товарищами шествуютъ по землѣ, опираясь каждый на плечо другого. Мягкая ручка перваго брата лежитъ, какъ виноградный гроздь, на сухой ключицѣ второго; узкая кисть второго съ длинными, тонкими пальцами протянулась, какъ змѣя, по женоподобной груди перваго. Въ такомъ видѣ предстали они въ видѣніи нашему поэту. И послышался ему голосъ:

„Передъ тобой Любовь и Голодъ—два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго. Все, что живетъ движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить. Любовь и Голодъ—цѣль ихъ одна: нужно, чтобы жизнь не прекращалась,— собственная и чужая—все та же, всеобщая жизнь...“

Ту же мысль—только образно,—какъ извѣстно, высказываетъ и Шопенгауэръ, по мнѣнію котораго „вся исторія заключается въ томъ, что каждый Гансъ ищетъ свою Гретхенъ...“

Такимъ образомъ, и здѣсь насмѣшка надъ человѣкомъ и *этотъ* доводъ въ пользу „смысла жизни“, одинъ изъ сильнѣйшихъ (если не самый сильный), также безпомощно падаетъ. Къ такому выводу пришелъ Тургеневъ въ теоріи, путемъ абстракціи; это же онъ подтверждалъ, еще болѣе осязательно, своими художественными произведеніями: извѣстно, что въ послѣднихъ любовь всегда носитъ меланхолическій, грустный характеръ и всегда оканчивается пе-

чально... Герои Тургенева, какъ и онъ самъ, болѣзненно ищутъ въ жизни этого „высшаго, сладчайшаго счастья“, счастья любви... и часто находятъ его... Но ихъ, говоря словами Пигасова, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшиваетъ голова: въ рѣшительную минуту они начинаютъ производить химическій анализъ надъ своими чувствами и, рѣшивъ, что любить „на время—не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно“, отказываются отъ этого счастья, убиваютъ въ себѣ эту любовь... Вотъ вамъ и „коренная основа всего живущаго“, которою одною только „держится и движется жизнь!..“ Ненадежная основа!..

Но искусство? красота?.. Неужели же и они—ничто?..

„Да—сознается Тургеневъ—это сильныя слова; они, пожалуй, сильнѣе другихъ.“ Онъ даже думаетъ, что „Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89 года.“ Онъ съ легкимъ сердцемъ проходитъ мимо обычныхъ въ данномъ случаѣ возраженій, что и сама красота дѣло условное, что китайцу она представляется совсѣмъ иначе, нежели европейцу...

Тургеневъ оставляетъ эти возраженія безъ отвѣта, такъ какъ не въ нихъ дѣло: не условность искусства смущаетъ его. Его бренность, опять-таки его бренность, его тлѣнъ и прахъ — вотъ что лишаетъ его бодрости и вѣры. Онъ готовъ даже признать, что искусство въ данный мигъ, пожалуй, сильнѣе самой природы, потому что въ послѣдней нѣтъ ни симфоніи Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте; одни лишь тупые педанты или недобросовѣстные болтуны могутъ еще, по его мнѣнію, толковать объ искусствѣ, какъ о подражаніи природѣ. Да, искусство сила, громадная сила!..

„Но... въ концѣ концовъ природа неотразима; ей спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная законамъ, она *не знаетъ искусства*, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она *не терпитъ* ничего *безсмертнаго*, ничего *неизмѣннаго*. Человѣкъ—ея дитя; но человѣческое, *искусственное ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ* *... Она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что она создаетъ, что она разрушаетъ—лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ... А потому она такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла“...

---

*) Эта мысль тревожила Тургенева еще раньше. Еще въ 1840 году, въ письмѣ къ Грановскому по поводу смерти Станкевича, онъ задается вопросомъ, почему на землѣ должно гибнуть или страдать все прекрасное; ему кажется, что „наказаніе неотразимо ожидаетъ все превышающее блаженную посредственность“. „Или—продолжаетъ онъ—возмущается зависть Бога, какъ прежде зависть греческихъ боговъ? Или намъ вѣрить, что все прекрасное,

Мало того: эта стихійная, всесокрушающая сила природы дѣйствуетъ посредственно—руками людей—въ своей истребительной работѣ. Развѣ не та же стихійная сила, не сила природы сказалась въ палицѣ варвара, безсмысленно дробившаго лучезарное чело Аполлона, въ звѣриныхъ вопляхъ, съ которыми онъ бросалъ въ огонь картину Апеллеса?..

И нѣтъ возможности сладить съ этой глухонѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая. Безконечно и безустанно надвигаются эти тяжелыя, грубыя волны всеуничтожающей стихіи, противъ которой ничто не устоитъ...

Бѣдные, слѣпые люди! И они еще вѣрятъ въ значеніе и достоинство тѣхъ бренныхъ образовъ, которые въ темнотѣ, на краю бездны лѣпятъ изъ праха на мигъ!.. Не смѣшно ли это? Можно ли говорить серьезно о *такомъ* искусствѣ, какъ объ основѣ жизни, какъ о доказательствѣ цѣлесообразности творенія?.. Но... пытается возражать самъ себѣ Тургеневъ: можетъ быть, бренность искусства еще ничего не говоритъ противъ его значенія, какъ міровой основы?.. Пусть оно мгновенно, преходяще; но вѣдь „красотѣ и не нужно безконечно жить; чтобы быть вѣчной—ей довольно одного мгновенья". Даже больше того: для этой цѣли ей не только не нужно, но именно *не должно* безконечно жить, ибо прекрасно—одно преходящее, какъ сказалъ Шиллеръ. И подтвержденіе этого мы какъ бы видимъ въ самой природѣ. Въ непрерывной игрѣ своихъ возникающихъ, исчезающихъ формъ она не чуждается красоты. „Не она ли старательно убираетъ самыя мгновенныя изъ своихъ дѣтищъ—лепестки цвѣтовъ, крылья бабочекъ—такими прелестными красками, не она ли придаетъ имъ такія изящныя очертанія?"... Итакъ, казалось бы, красотѣ для выполненія ея великой роли на землѣ вовсе не нужна вѣчность существованія; повидимому, она ей даже излишня, мѣшаетъ... Казалось бы повидимому, но это не такъ. Это, пожалуй, справедливо только тамъ, гдѣ нѣтъ личности, нѣтъ человѣка, нѣтъ—хотя бы и кажущейся духовной свободы, нѣтъ искусства, творенія его собственныхъ рукъ. „Поблекшее крыло бабочки возникаетъ вновь и черезъ тысячу лѣтъ тѣмъ же са-

---

святое, любовь и мысль—холодная иронія Іеговы? Что же тогда наша жизнь?" Такая же мысль возникала и у Гейне „Или правъ поэтъ—спрашиваетъ онъ—утверждая, что какъ мы, люди, ненавидимъ обезьяну за то, что она болѣе всѣхъ млекопитающихъ походитъ на насъ и тѣмъ оскорбляетъ нашу гордость,—такъ и боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію и имѣющихъ съ ними столько оскорбительнаго сходства; и что чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, прекраснѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его боги всякаго рода невзгодами и, наконецъ, совершенно губятъ, тогда какъ маленькихъ, отвратительныхъ, скотоподобныхъ милосердно щадятъ и оставляютъ процвѣтать и лбаженствовать"...

мымъ крыломъ, той же самой (?) бабочки; тутъ строго и правильно, и безлично совершаетъ свой кругъ необходимость... Но человѣкъ не повторяется „какъ бабочка, и дѣло *его рукъ, его искусства, его свободное твореніе,* однажды разрушенное,—погибаетъ навсегда... Ему одному дано „творить"... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на часъ,—какъ былъ, говорятъ, калифъ на часъ. Въ этомъ наше преимущество и наше проклятіе: каждый изъ этихъ „творцовъ" самъ по себѣ, именно онъ, никто другой, именно это я, словно созданъ съ преднамѣреніемъ, съ предначертаніемъ; каждый болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему вѣчному—и живетъ, долженъ жить въ мгновеньи для мгновенья"... („Довольно"). И поэтъ вспоминаетъ тутъ слова Мефистофеля къ Фаусту:

«Er (Gott)—findet sich in einem ew'gen Glanze,
Uns hat er in die Finsterniss gebracht—
Und euch taugt einzig Tag und Nacht» *).

Итакъ, вотъ въ чемъ вѣчное непримиримое противорѣчіе человѣческаго существованія: человѣкъ—творецъ, но... его творенія и самъ онъ мгновенны; въ душѣ человѣка какою-то жестокой рукой зажженъ безсмертный, божественный огонь, но, не имѣя выхода, онъ сжигаетъ самого человѣка; послѣднему суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано. „Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу!"—какъ бы насмѣшливо говоритъ ему природа. „Величайшіе изъ насъ—именно тѣ, которые глубже всѣхъ другихъ сознаютъ это коренное противорѣчіе; но, въ такомъ случаѣ,—спрашивается,—умѣстны ли слова: величайшій, великій?.. Что же сказать о тѣхъ, къ которымъ, при всемъ желаніи, нельзя примѣнить эти имена даже въ томъ значеніи, которое придаетъ имъ слабый человѣческій языкъ?"...

Такъ рухнули любовь и искусство,—два послѣднихъ и единственныхъ довода въ пользу цѣлесообразности и смысла жизни... „И міръ былъ пустъ"—говоря словами тургеневскаго перевода „Тьмы" Байрона: „То хаосъ смерти былъ... тьма была повсюду"... Душевный міръ человѣка пустъ, въ немъ царятъ только хаосъ смерти и вѣковѣчная тьма... Страхъ смерти и покорность передъ ужасной необходимостью—одно остается человѣку...

Но что же это за ужасная сила, которая слѣпо и безучастно правитъ міромъ и изъ людей-творцовъ дѣлаетъ ничтожныхъ мошекъ, слѣпыхъ червей? Это—необходимость, necessitas, anankе, это—слѣпой fatum, судьба, „та судьба, отъ которой не уйти человѣку" („Старуха"). Она встаетъ въ воображеніи нашего писасателя въ отвратительномъ образѣ высокой, костлявой старухи,

*) Въ вѣчномъ блескѣ живетъ Онъ (Богъ), насъ ввергнулъ онъ во тьму вамъ дана только смѣна дня и ночи.

съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно-тупымъ взоромъ, которая идетъ большими шагами и сухою, какъ палка, рукою толкаетъ передъ собою другую женщину. „Женщина эта огромнаго росту, могучая, дебелая, съ мышцами, какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычачьей шеѣ—и слѣпая,—въ свою очередь, толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку. У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, оборачивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки; ея оживленное лицо выражаетъ нетерпѣніе и отвагу... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкаютъ... И всетаки должна повиноваться и идти. Necessitas—vis—libertas *). Кому угодно,—пусть переводитъ"—заканчиваетъ Тургеневъ. Перевести, конечно, не трудно... Гораздо труднѣе согласиться съ этимъ гордому человѣку, привыкшему кичиться своею якобы свободною волей. А на самомъ дѣлѣ—какая же это свобода, которою вертитъ во всѣ стороны по произволу сила, въ свою очередь слѣпо покорная необходимости, судьбѣ. Немного позже, за годъ до смерти, Тургеневъ снова возвращается къ этой мысли: „*Никогда*" (пишетъ онъ Полонскому) ничего неожиданнаго не случается,—ибо даже глупости имѣютъ свою логику". Это, по его словамъ, одинъ изъ тѣхъ афоризмовъ, которые созрѣли въ немъ „въ теченіе долгой жизни".

Невольно вспоминается здѣсь извѣстная насмѣшка Лейбница надъ свободною волей человѣка, которая очень напоминаетъ этому философу стрѣлку компаса: если бы послѣдняя, говоритъ онъ, могла мыслить, то, безъ сомнѣнія, поворачиваясь на сѣверъ, она бы утверждала: „я поворачиваюсь потому, что *мнѣ* такъ нравится, что *я* такъ хочу"... И, конечно, она была бы права, такъ какъ ей невѣдома та сила, которая съ неизбѣжной необходимостью всегда поворачиваетъ ее на сѣверъ. Такова и та человѣческая свобода, которою такъ гордятся люди. „Сущность ея—комментируетъ Спиноза—сводится къ тому, что люди сознаютъ свои стремленія, но не знаютъ внѣшнихъ причинъ, ихъ вызывающихъ. Такъ дитя воображаетъ, что оно свободно желаетъ того молока, которое составляетъ его пищу"...

Судьба, рокъ, самый безпощадный эсхиловскій рокъ—вотъ та сила, которая все создаетъ и все разрушаетъ. Все остальное передъ нею безпомощно, безсильно—даже Божество. Одно только можетъ бороться съ этой слѣпой силой, это—крѣпкая, безотчетная, тоже слѣпая вѣра, вѣра въ чудо; но и то только на время, пока разумъ не возстанетъ противъ этой безсмыслицы. Такъ думаетъ Тургеневъ.

„О чемъ бы ни молился человѣкъ — онъ молится о чудѣ. — Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два — не было четыре". Только такая молитва и

*) Необходимость, сила, свобода.

есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемірному Духу, Высшему Существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному Богу — невозможно и немыслимо. Но можетъ ли даже личный, живой, образный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два — не было четыре? Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: *можетъ*, и обязанъ убѣждать самого себя въ этомъ. Но если разумъ его возстанетъ противъ такой безсмыслицы? Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо“ и т. д. А если ему станутъ возражать во имя истины,— ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: „Что есть истина?..“ Итакъ, непоколебимая, торжествующая вѣра, лишенная даже и тѣни какого либо сомнѣнія или размышленія“, это—великая сила. Въ ней искалъ спасенія отъ пессимизма Кальдеронъ („Поклоненіе Кресту“, „Чистилище св. Патрика“). Но... „это уничтоженіе всего, что составляетъ достоинство человѣка, передъ божественной волей“—непонятно Тургеневу: „Я—говоритъ онъ — всетаки предпочитаю Прометея, сатану, типъ возмущенія и индивидуальности. Пусть я буду атомъ, — но я самъ себѣ владыка; я хочу истины, но не спасенія, и ожидаю ее получить отъ разума, а не отъ благодати“ *).

А истины отъ „разума“, какъ онъ сказалъ раньше, не существуетъ вовсе: это безсмысленное слово, изобрѣтенное самими людьми. Не потому ли и не отвѣтилъ на этотъ вопросъ Христосъ,—если, конечно, Онъ зналъ, что отвѣтить? Быть можетъ, Онъ не хотѣлъ смутить людей отвѣтомъ, что ея, этой истины, о которой Его вопрошаютъ, вовсе нѣтъ?.. „Кто скажетъ, что такое жизнь, что такое истина? Вспомните, *кто* не далъ на этотъ вопросъ отвѣта“. („Переписка“. Соч. VII, 133).

Выводъ Тургенева интересенъ: „А потому, заключаетъ онъ, станемъ пить и веселиться—и молиться...“

Конечно, это ничто иное, какъ грустный юморъ, смѣхъ сквозь слезы: plus poëtice, quam humane locutus est.

Такимъ образомъ, во всемъ огромномъ мірѣ одинъ хозяинъ— судьба, которая самодержавно, деспотически правитъ людьми-пѣшками. Съ нею никто не можетъ бороться, ей ничто не можетъ противостоять. Лишь одно невѣжество не хочетъ признавать ея власти надъ собой; но вѣдь глупость не могутъ побѣдить и сами боги, какъ давно уже сказалъ Шиллеръ.

„Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба—и только на первыхъ порахъ мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самими собой—не чувствуемъ ея черствой руки.—Пока можно обманываться и не стыдно лгать,—можно жить и не стыдно надѣяться. Истина—не полная истина (о той и помину быть не можетъ), но даже та малость, которая намъ доступна,—замыкаетъ

*) Письма Тургенева къ Віардо. Собр. и изд. Гальп. Кам. М. 1900. Стр. 25.

тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ „на нѣтъ...“ Что же тогда остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не разрушиться въ прахъ, не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія, самопрезрѣнія?..“

Выходъ Тургеневъ указываетъ одинъ: „спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно!—и, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества; то достоинство, на которое намекаетъ Паскаль, когда онъ, называя человѣка мыслящимъ тростникомъ, говоритъ, что если бы цѣлая вселенная его раздавила,—онъ, этотъ тростникъ, былъ бы всетаки выше вселенной, потому что онъ бы зналъ, что она его давитъ,—а она бы этого не знала... Слабое достоинство! Печальное утѣшеніе!..“ („Довольно“).

Тургеневъ здѣсь, очевидно, не договорилъ: это не только печальное утѣшеніе, но и ужасное несчастіе. Мыслящій тростникъ, сознающій собственное ничтожество—что можетъ быть ужаснѣе, что можетъ быть чудовищнѣе этого образа!..

— —

Подведемъ итоги философскаго міросозерцанія Тургенева.

Міръ, это—огромная шахматная доска, на которой въ различныхъ положеніяхъ разставлены люди-пѣшки. Какая-то невидимая, рука — рука судьбы, необходимости разставила ихъ такъ отъ вѣка и отъ вѣка же передвигаетъ ихъ съ одной клѣтки на другую; однихъ людей-пѣшекъ побиваетъ людьми же пѣшками, другимъ сама дѣлаетъ „матъ“, но тѣхъ и другихъ въ урочное время убираетъ съ доски, замѣняя ихъ новыми, съ которыми, въ свою очередь, продѣлываетъ то же... Все это совершается не случайно, не въ безпорядкѣ, а по заранѣе составленному строгому плану, по начертаннымъ отъ вѣчности законамъ необходимости—желѣзнымъ, неизмѣннымъ. Такъ всегда было, такъ есть и, повидимому, такъ будетъ вѣчно. Цѣль всего этого одна: самый процессъ передвиженія, процессъ вѣчной, не прекращающейся на землѣ жизни. Значитъ, цѣль жизни—въ ней самой, она самодовлѣетъ; а назначеніе человѣка, какъ всего живого, изжить назначенное ему количество жизненной энергіи, сдѣлать большее или меньшее число ходовъ по этой шахматной доскѣ, на извѣстной клѣткѣ остановиться, получить „матъ“ и—спрятаться въ коробку. На его клѣткѣ будетъ поставлена другая пѣшка, которая съ тѣмъ же блестящимъ результатомъ завершитъ свою земную карьеру.

Итакъ, смерть это—первая ужасная загадка, дѣлающая невозможнымъ достиженіе человѣческаго счастья на землѣ; смерть это—злая насмѣшка надъ человѣкомъ, помѣха тѣмъ высокимъ грандіознымъ задачамъ, въ которыхъ онъ видитъ весь смыслъ своего существованія. Но не въ этомъ еще бѣда! Умираетъ растеніе,

умираетъ бабочка, умираетъ животное,—но если у нихъ и есть инстинктъ смерти, безотчетный страхъ передъ нею, то у нихъ нѣтъ сознанія ея необходимости, неизбѣжности, того сознанія, которое присуще одному человѣку.

Можно подумать, что природа сдѣлала страшную ошибку, надѣливъ человѣка-пѣшку, это безвольное и безпомощное существо, сознаніемъ, надѣливъ его способностью анализа и логической мысли. Но, конечно, эта ошибка—условная, ошибка съ нашей, человѣческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія самой пѣшки, какъ заинтересованной стороны. Природѣ нѣтъ никакого дѣла до желаній и даже страданій пѣшекъ; она не считается и не можетъ считаться съ ихъ условнымъ языкомъ, съ ихъ условными, обоюдоострыми понятіями—добра, справедливости, прогресса, счастья, страданія и проч. Ихъ понятія не только постоянно мѣняются, но часто въ одно и то же время, въ опредѣленный моментъ своего существованія, имѣютъ различный и даже противоположный смыслъ у различныхъ людей-пѣшекъ... Какое же до всего этого дѣло природѣ?.. Ея область—безусловное, абсолютное, и нашъ языкъ ей непонятенъ.

Итакъ, человѣкъ—пѣшка, но отъ всѣхъ другихъ тварей-пѣшекъ онъ отличается тѣмъ, что, по своеобразной, почти саркастической игрѣ природы, онъ—пѣшка мыслящая, пѣшка сознающая себя.

Это отличіе—то несчастное преимущество ея, которое служитъ причиной самыхъ ужасныхъ ея страданій,—самыхъ ужасныхъ потому, что избавиться отъ нихъ нѣтъ средства.

Это мучительное сознаніе ведетъ человѣка къ крушенію троякимъ путемъ, дѣйствуетъ на него съ трехъ сторонъ.

Оно проявляется, во-первыхъ: въ сознаніи неизбѣжности смерти и, слѣдовательно, въ сознаніи человѣческаго ничтожества;

во-вторыхъ: это сознаніе усиливается отъ сознанія своей личности, своего „я“, именно какъ „я“, во всемъ проявляющагося, исчезающаго вмѣстѣ съ человѣкомъ и болѣе не повторяющагося;

и въ-третьихъ: въ сознаніи противорѣчія, на которомъ построено человѣческое бытіе: противорѣчія между тѣмъ, *что есть въ человѣкѣ*, и *что* въ дѣйствительности *онъ есть*.

Остановимся немного на каждой изъ этихъ сторонъ въ отдѣльности.

Для каждаго человѣка очевидна неизбѣжность смерти: ея нельзя отрицать, когда „она сама насъ отрицаетъ“ („Отцы и дѣти“). „Carpe diem!“ воскликнулъ эпикуреецъ Горацій, но онъ же съ грустью добавилъ:

«Sed... omnes una manet nox,
Et calcanda via leti...» *).

*) Всѣхъ зоветъ одна ночь и одна дорога къ смерти.

Бренность человѣка, кратковременность его земного существованія, сознаніе неизбѣжности конца—вотъ первое несчастіе человѣка. Оно порождаетъ страхъ смерти—тяжелый, мучительный страхъ, не слушающійся голоса разсудка, не поддающійся никакимъ доводамъ. Большинство людей, правда, не думаетъ о смерти до поры до времени; но если это сознаніе, этотъ страхъ даже изрѣдка закрадывается въ душу человѣка, то можетъ ли онъ быть спокойнымъ, а слѣдовательно—счастливымъ?... А вѣдь есть люди, которые ежедневно, ежечасно носятъ въ себѣ это мучительное сознаніе... Они уже свыклись съ нимъ... Но спрашивается: можетъ ли при этомъ быть какая нибудь вѣра въ себя и свои силы, въ благотворность своего труда, въ цѣлесообразность своей жизни? Не является ли всему этому помѣхой сознаніе неизбѣжности смерти и ежеминутный страхъ передъ этой роковой, таинственной силой?..

Такъ ужасны результаты этого перваго сознанія человѣка—сознанія своего ничтожества, которое особенно ярко выступаетъ у Тургенева. Мысль эта преслѣдуетъ его повсюду, какъ призракъ, какъ кошмаръ, не давая ему покоя: „Что значатъ—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ онъ самъ себя (въ „Призракахъ")—тѣ пронзительно-чистые и острые звуки, звуки гармоники, которые я слышу, какъ только заговорятъ при мнѣ о чьей нибудь смерти? Они становятся все громче, все пронзительнѣй... И зачѣмъ я такъ мучительно содрогаюсь при мысли о ничтожествѣ?.."

Но это сознаніе дѣлается особенно мучительнымъ при наличности другого, еще болѣе тяжелаго сознанія.

Человѣкъ—смертенъ, жизнь его преходяща, и трудъ его съ нимъ умретъ. Но человѣкъ—личность, онъ „не повторяется, какъ бабочка, и дѣло *его рукъ, его искусства, его свободное твореніе*, однажды разрушенное,—погибаетъ навсегда..." Ему одному дано „*творить*" и въ этомъ творчествѣ проявлять свою личность, именно *свое* духовное „я". Эта творческая личность понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что она какъ будто призвана выполнить что-то высшее, вѣчное. Но она сознаетъ въ то же время свое безсиліе и свою бренность, она провидитъ въ будущемъ уничтоженіе своего дѣтища, этого своего второго „я", въ которое она вдохнула частицу своей души, своего безсмертнаго огня...

И вотъ, въ этомъ ужасномъ сознаніи новый трагизмъ существованія человѣка...

Мы подходимъ къ коренному противорѣчію человѣческаго бытія,—едва ли не самому ужасному.

Человѣкъ по своей физической природѣ ничѣмъ не отличается отъ остального животнаго міра: у него тѣ же физическія потребности, тѣ же отправленія. Значитъ, по своей физической природѣ, онъ—обыкновенное животное; но въ немъ горитъ какой-то небесный огонь, который зоветъ его отъ земли къ небу, къ чему-то

высшему, идеальному. Постоянно чувствуя въ себѣ присутствіе этого безпокойнаго огня, человѣкъ не можетъ удовлетвориться той животной жизнью и дѣятельностью, которая ему предназначена природой, не можетъ помириться съ мыслью, что единственная цѣль его жизни, единственное его назначеніе это—самый процессъ жизни, какъ таковой. Не только не можетъ, но явно тяготится этимъ сознаніемъ: пытается подняться выше своей физической природы, но она его не пускаетъ, и въ результатѣ — человѣкъ тянется къ небу, сидя въ грязи, говоря словами Тургенева.

Эта вѣчная борьба въ человѣкѣ духа съ плотью, божества съ животнымъ—вотъ то коренное противорѣчіе, сознаніе котораго мучаетъ и дѣлаетъ несчастнымъ человѣка—мыслящую пѣшку: „Мы—сочетаніе праха съ божествомъ,—говоритъ Манфредъ Байрона, развивая эту именно мысль,—которымъ ни парить, ни пресмыкаться не суждено; мы цѣлый вѣкъ ведемъ борьбу съ своею двойственной природой: то платимъ дань возвышеннымъ стремленьямъ, то жалкихъ нуждъ мы жалкіе рабы...“

А все это, взятое въ совокупности, должно доказывать человѣку, по мнѣнію Тургенева, полную безсмысленность и безцѣльность его земного существованія, совершенную безполезность его жизни.

Величайшіе изъ людей — именно тѣ, которые глубже всѣхъ другихъ сознаютъ всѣ эти противорѣчія, всю эту безсмыслицу, въ которыхъ это сознаніе ясно формулировано, которые не обманываютъ себя различными иллюзіями, не прикрываются болѣе или менѣе красивыми словами... Но это значитъ, что величайшіе изъ людей — самые несчастные: „Знаніе — скорбь: кто больше всѣхъ знаетъ, тотъ глубже всѣхъ чувствуетъ печальную роковую истину, что древо знанія—не древо жизни“ (ibid.)...

Но есть другой родъ людей, болѣе многочисленный,—у которыхъ нѣтъ этого сознанія, которые не задумываются надъ этими вопросами или искусственно устраняютъ ихъ изъ своего умственнаго обихода, хорошо зная тяжесть и безполезность подобной ноши. Это — обыкновенные, дюжинные, второстепенные, третьестепенные люди-труженики, кто бы они ни были—государственные люди, ученые, художники, рабочіе, трудящіеся изъ-за куска хлѣба... Счастливы ли они въ своей духовной слѣпотѣ, въ своемъ наивномъ самообманѣ? — Гёте думаетъ, что да: „Я согласенъ,— говоритъ онъ устами Вертера, — что наиболѣе счастливы тѣ изъ людей, которые живутъ день за днемъ, какъ дѣти, одѣвая и раздѣвая куклу, водя ее на прогулки, вертясь съ величайшимъ почтеніемъ около комода, гдѣ мамаша спрятала конфекты: если имъ удается заполучить лакомый кусочекъ, они щелкаютъ зубами и кричатъ „еще“!.. Но положимъ даже, что такъ; положимъ, что временно они счастливы — думаетъ Тургеневъ... А что, если въ

одинъ прекрасный день и у нихъ откроются глаза, и имъ въ голову закрадется мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба?.. „Чѣмъ тогда — спрашиваетъ Тургеневъ — заставить ихъ стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь опять ихъ на поле битвы? Какими вѣнками прельстятся они — они, для которыхъ и лавры, и тернія стали равно незначительны? Изъ чего они станутъ снова подвергаться смѣху „толпы холодной“ или „суду глупца“,—*стараго* глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвернулись отъ прежнихъ кумировъ, — *молодого* глупца, который требуетъ, чтобы они тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ стали на колѣни, легли плашмя передъ новыми, только что открытыми идолами? Зачѣмъ пойдутъ они опять на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ, и покупатель равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко—и все такъ бѣдно и дрянно? Зачѣмъ „съ изнеможеніемъ въ кости“ поплетутся они вновь въ этотъ міръ, гдѣ народы, какъ крестьянскіе мальчишки въ праздничный день, барахтаются въ грязи изъ-за горсти пустыхъ орѣховъ, или дивятся, разинувъ рты, на лубочныя картины, раскрашенныя сусальнымъ золотомъ, — въ этотъ міръ, гдѣ живуче только то, что не имѣетъ права на жизнь, — и, оглушая самого себя собственнымъ крикомъ, каждый судорожно спѣшитъ къ неизвѣстной и непонятной ему цѣли?..“ („Довольно“). Этотъ страстный монологъ лишній разъ подчеркиваетъ основную мысль мрачнаго міросозерцанія Тургенева.

III.

Мы не задавались цѣлью въ предлагаемомъ очеркѣ *объяснить* причины, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось такое оригинальное по своей прямолинейности и крайности міровоззрѣніе. Наше желаніе было болѣе скромно: такъ или иначе, это послѣднее *выяснить*, представить его въ извѣстной степени систематизированнымъ и мотивированнымъ, поскольку вообще позволительны, безъ натяжекъ, подобнаго рода синтезы.

Но, само собой разумѣется, невозможно совсѣмъ обойти этотъ вопросъ молчаніемъ: нѣкоторыя соображенія напрашиваются сами собой. Мы ими и ограничимся, предоставляя другимъ болѣе подробно освѣтить этотъ интересный вопросъ, рѣшеніе котораго должно пролить свѣтъ на многія, до сихъ поръ темныя стороны Тургеневскаго творчества.

Было бы ошибкой, принимая пессимизмъ Тургенева достаточно установленнымъ, стараться пріурочить начало его къ какому нибудь опредѣленному моменту его жизни и творчества, сыгравшему, въ этомъ отношеніи, роль рѣшающаго фактора. Такого мо-

мента не было. Можно сказать только, что это настроеніе, эта міровая скорбь идетъ у него crescendo, прогрессивно увеличиваясь и достигая своей кульминаціонной точки въ концѣ 70-хъ годовъ въ его старческихъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ"... Проблески этого настроенія замѣтны уже въ его стихотвореніяхъ: уже здѣсь Тургеневъ груститъ при мысли о невозможности „знать тайны бытія" („Вечеръ"); онъ ничего не ждетъ отъ жизни и, какъ холодный скептикъ, больше по привычкѣ тянетъ „съ усмѣшкой торопливой" („Тоска")

Холодной злости, злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино...

Далѣе эти грустные аккорды звучатъ все явственнѣе и сильнѣе, особенно съ конца 50-хъ годовъ.

Впервые наиболѣе рѣзко мрачныя думы Тургенева выразились въ „Поѣздкѣ въ Полѣсье" (57 г.)—произведеніи, о которомъ мы уже говорили. Черезъ три года, въ „Наканунѣ", онъ задается уже вопросомъ,—имѣетъ ли человѣкъ право на жизнь, и не есть ли уже то, что онъ живетъ,—преступленіе, за которое онъ долженъ нести наказаніе въ своей жизни...

Въ „Отцахъ и дѣтяхъ" (62 г.) онъ вложилъ въ уста Базарову разсужденія о ничтожествѣ человѣка передъ вѣчностью и всеуничтожающей силой смерти, т. е. то, что онъ самъ столько разъ повторялъ въ своихъ письмахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Затѣмъ, въ 63 г. идутъ „Призраки", гдѣ мрачное настроеніе Тургенева доходитъ до презрѣнія къ людямъ и чувства отвращенія къ жизни, какъ у Шекспира въ „Тимонѣ Аѳинскомъ" и „Троилѣ и Крессидѣ"... Еще сильнѣе тоска и разочарованіе жизнью звучатъ въ отрывкѣ „изъ записокъ умершаго художника"—„Довольно" (64 г.), въ которомъ отчасти, подъ вліяніемъ крушенія своего романа, Тургеневъ вылилъ обиду и горечь, причиненныя ему разладомъ съ русскимъ обществомъ, а болѣе всего — подробно, въ цѣлую систему, развилъ свое пессимистическое міропониманіе, свою міровую скорбь... Въ 67 г. въ романѣ „Дымъ" не только вся русская жизнь, но и вся жизнь человѣческая во всѣхъ ея проявленіяхъ называется дымомъ и миражемъ.

„Дымъ, дымъ"... повторилъ нѣсколько разъ, глядя въ окно вагона, уѣзжавшій Литвиновъ... „И все вдругъ показалось ему дымомъ,—все: собственная жизнь, русская жизнь, все людское, особенно все русское... Дымъ, шепталъ онъ, дымъ... и вспоминались ему горячіе споры, крики и толки у Губарева, у другихъ высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей... Дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ,—и даже все то, что проповѣдывалъ Потугинъ... дымъ... дымъ—и больше ничего... Все торопится, спѣшитъ куда-то, и все исчезаетъ безъ слѣда, ничего не достигая, другой вѣтеръ подулъ,—и

бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная—и ненужная игра"...

Наконецъ, все это зданіе пессимистическаго міросозерцанія вѣнчаютъ „Senilia", „стихотворенія въ прозѣ", 78—82 гг... Это уже настоящій „Requiem" жизни и человѣчеству... Лейтмотивъ этого реквіема—страхъ смерти и признаніе ничтожества человѣка... „Завтра", „Природа", „Два брата", „Necessitas", „Молитва", „Лазурное царство", „Старуха", „Насѣкомое"... и, наконецъ, „Разговоръ", самое холодное и самое ужасное стихотвореніе въ прозѣ Тургенева,—послѣдній, потрясающій аккордъ. Земной шаръ обратился въ мертвую, замерзшую глыбу льда, которая безцѣльно и безшумно несется въ безпредѣльномъ пространствѣ. Все мертво, всюду могильная тишина... Только двѣ горы, вершины Альпъ, разговариваютъ между собой, смотря съ презрѣніемъ со своихъ недосягаемыхъ высотъ на копошащихся внизу людей-козявокъ и передавая другъ другу результаты своихъ тысячелѣтнихъ наблюденій... Проходятъ десятки вѣковъ, и все меньше замѣтно козявокъ, такъ надоѣвшихъ имъ своимъ плачемъ, смѣхомъ, своей неугомонной возней... Наконецъ, исчезли и послѣднія... Теперь горы свободны: „Опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ снѣгъ, ровный снѣгъ и ледъ... Застыло все... хорошо теперь, спокойно... Спятъ громадныя горы, спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей"...

Таковъ ходъ постепеннаго развитія пессимизма нашего поэта. Какъ видимъ, начало его невозможно пріурочить ни къ какому опредѣленному моменту его жизни и творчества. Нельзя, поэтому, утверждать, подобно Скабичевскому (Исторія новой русской литературы, 132), что „*задатки* пессимизма въ произведеніяхъ Тургенева *впервые* начали проявляться *подъ конецъ его жизни*". Это глубокое заблужденіе, которое не трудно опровергнуть.

Помимо всѣхъ приведенныхъ фактовъ, самыя *темы* произведеній Тургенева указываютъ на то, что пессимизмъ, такъ сказать,—родная стихія поэта, и „задатки" его теряются въ самой ранней порѣ его творчества. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно любопытно прослѣдить тѣ любимыя темы, которыя красной нитью проходятъ черезъ всѣ его произведенія, къ которымъ онъ постоянно возвращается... Неудавшаяся любовь, кончающаяся охлажденіемъ или разрывомъ; неудавшаяся жизнь „лишняго человѣка"; смерть, какъ послѣдній исходъ; воспоминанія о быломъ счастьѣ при невозможности вернуть его—вотъ эти немногія любимыя темы Тургенева, вотъ тотъ мрачный фонъ, на которомъ развертываются его безотрадныя картины. Выше мы уже говорили мимоходомъ о томъ, что любовь, играющая во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева такую видную (если не самую главную) роль, всегда носитъ у него грустный, меланхолическій характеръ

и почти всегда оканчивается печально. Мало того, нерѣдко любовь представляется у Тургенева какой-то стихійной силой, ведущей человѣка къ несчастью и гибели, и даже, какъ въ „Пѣснѣ торжествующей любви", прямо ассоцируется со смертью.—„Лишніе люди"—любимые герои Тургенева; онъ живетъ и страдаетъ со всѣми этими „Гамлетами Щигровскаго уѣзда", Чулкатуриными, Рудиными и Лаврецкими... Ихъ неудавшаяся, бурная жизнь рисуется у него такими поэтическими, мягкими красками...

Что касается смерти, то ею, какъ извѣстно, оканчивается цѣлый рядъ его повѣстей, разсказовъ и романовъ. Наконецъ, это постоянное обращеніе героевъ Тургенева къ прошлому, эти муки воспоминаній о быломъ счастьѣ, когда его уже не вернуть—это лучшія страницы Тургенева по художественности и силѣ впечатлѣнія... „Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria"—„нѣтъ большаго мученья, какъ о порѣ счастливой вспоминать въ несчастіи"—вотъ тема, выраженная словами Данте, которая лежитъ въ основѣ этихъ чудныхъ страницъ Тургенева, которою онъ владѣетъ съ такимъ совершенствомъ.

Итакъ, пессимизмъ Тургенева это—его стихія; „задатки" его не пріурочены ни къ какому опредѣленному моменту его жизни и творчества: онъ съ годами у него прогрессивно увеличивается, достигая крайней степени въ послѣднихъ произведеніяхъ и особенно въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ".

Вотъ почему, приступая къ выясненію причинъ пессимистическаго міровоззрѣнія Тургенева—задачѣ, намѣченной нами выше, необходимо заранѣе отдѣлить *причины, породившія* пессимизмъ поэта,—причины *основныя*, отъ *причинъ, способствовавшихъ* дальнѣйшему развитію идей Тургенева въ этомъ направленіи, причинъ, такъ сказать, *дополнительныхъ*, и соотвѣтственно этому, подвергнуть анализу все имѣющееся у насъ подъ руками...

Есть странные люди... Неизвѣстно, какъ и для чего заброшенные въ нашъ сѣрый, скучный міръ, въ которомъ такъ тѣсно и обыкновеннымъ человѣческимъ стремленіямъ, великіе и красивые душой, они являются къ намъ со своими необыкновенными масштабами *неземныхъ* идеаловъ, которыми начинаютъ измѣрять наши *человѣческія*—маленькія, незамѣтныя мысли и дѣла... Конечно, они очень скоро убѣждаются въ совершенной безполезности подобныхъ опытовъ... Обойдя весь міръ съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ, эти Діогены съ горькой насмѣшкой объявляютъ, что они искали на землѣ „человѣка"—и не могли найти его... Неудовлетворенные, обманувшіяся въ своихъ ожиданіяхъ, они начинаютъ косо посматривать на людей, подвергая безпощадному анализу все человѣческое, съ холодной ироніей и скептическимъ отрицаніемъ относясь ко всѣмъ явленіямъ жизни.

И вотъ, въ то время какъ жизнь каждую минуту требуетъ

самой настойчивой, мелкой, будничной работы, въ то время какъ люди борются и погибаютъ за каждый проблескъ надежды, за каждый лучъ свѣта, обѣщающій имъ въ будущемъ царство истины и счастья,—эти странные люди отворачиваются съ презрѣніемъ отъ жизни и человѣка, мучимые несоотвѣтствіемъ своихъ идеаловъ съ тѣмъ, что они находятъ въ дѣйствительности.

Не понятые людьми, которыхъ они презираютъ, не нашедшіе себѣ мѣста и дѣла въ жизни, тоскующими тѣнями проходятъ они мимо насъ, одинокіе, оторванные отъ жизни, неся въ душѣ своей кромѣшный адъ разочарованій и сомнѣній... Ихъ томятъ окружающіе будни, „скучныя пѣсни земли“ не могутъ замѣнить имъ „звуковъ небесъ“... Въ „угрюмомъ уединеніи“ являются имъ неясныя „грезы души“, говорящія имъ про „міръ иной и образовъ иныхъ существованіе“... Отсюда ихъ тоска по идеалу, ихъ вѣчная неудовлетворенность жизнью, вѣчное стремленіе къ чему то неясному, неопредѣленному, порой мистическому... Кто же эти искатели, „взыскующіе града“, эти носители вѣковѣчнаго противорѣчія, на которомъ построено человѣческое бытіе?.. Ихъ много... Это—Гамлетъ, Байронъ, Лермонтовъ... Это—люди, напрасно ищущіе на землѣ „сверхчеловѣка“, это—люди не отъ міра сего.

Такимъ искателемъ на землѣ „сверхчеловѣка“, такимъ человѣкомъ не отъ міра сего былъ и Тургеневъ. Ему скучно и тѣсно было среди нашего будничнаго міра „полезныхъ“ людей: онъ искалъ „красивыхъ“, „плѣнительныхъ“. „Теперь,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго, нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной *и даже* жизненной работы... Мы вступаемъ въ эпоху *только полезныхъ* людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много, *красивыхъ, плѣнительныхъ очень мало*“.

Идеалъ Тургенева—Донъ-Кихотъ, который весь—энтузіазмъ, „весь—самопожертвованіе“, который „вѣритъ крѣпко и безъ оглядки“, „духомъ великъ и смѣлъ“... Но, сознается Тургеневъ,—„въ наше время Гамлетовъ стало гораздо болѣе, чѣмъ Донъ-Кихотовъ...“ А Гамлетъ, по его мнѣнію, весь—анализъ и, значитъ, прежде всего—эгоизмъ и безвѣріе; Гамлетъ это—безхарактерность, нерѣшительность, неспособность отдаться чему нибудь вполнѣ, беззавѣтно...

Самъ Тургеневъ мучился сознаніемъ того, что онъ—Гамлетъ. Порой ему страстно хотѣлось, чтобы и его „закрутилъ порывъ вѣры, любви, самопожертвованія—и не въ творчествѣ лишь, а въ жизни“: словомъ, онъ хотѣлъ быть Донъ-Кихотомъ и въ то же время понималъ, что онъ—Гамлетъ, что „каждому свое“... Это мучительное сознаніе и вѣчная борьба съ самимъ собой отразились въ созданіи его лучшихъ типовъ, и въ нихъ — главная,

основная причина его пессимизма, его меланхоліи, которая разлита во всѣхъ его произведеніяхъ... Онъ *былъ*, пользуясь его терминологіей, *Гамлетомъ*, и въ этомъ его первое несчастіе; онъ *хотѣлъ быть Донъ-Кихотомъ*—и въ этомъ его второе несчастіе... Всеразъѣдающій анализъ и скептицизмъ, какъ природныя особенности его ума,—вотъ тѣ зерна, которыя дали первые ростки меланхоліи Тургенева, постепенно, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, перешедшей въ самый мрачный пессимизмъ. *Въ нихъ* нужно искать разгадки страннаго, на первый взглядъ, выбора темъ его художественныхъ произведеній и его любимыхъ типовъ. Прочитавъ романы „Дворянское гнѣздо" и „Наканунѣ", Л. Н. Толстой (Фетъ, „Воспоминанія", I, 317) со свойственной ему рѣзкостью и прямолинейностью замѣтилъ, что „писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни..." По этимъ двумъ произведеніямъ Толстой прекрасно разгадалъ Тургенева. Онъ, дѣйствительно, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ всегда грустно и которые никогда не знаютъ, чего въ концѣ концовъ они хотятъ отъ жизни: они одинаково ничему не вѣрятъ, одинаково отрицательно относятся ко всему, ихъ ничто не можетъ удовлетворить, и пессимизмъ—ихъ стихія, вѣчный спутникъ ихъ жизни.

Съ такими именно задатками вошелъ въ жизнь Тургеневъ, а вся дальнѣйшая его жизнь—представляетъ только развитіе этихъ природныхъ задатковъ, обрѣтшихъ себѣ какъ нельзя болѣе благопріятную почву. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить жизнь болѣе неудавшуюся, чѣмъ жизнь Тургенева. „Среди побоевъ и истязаній", по его собственнымъ словамъ, прошло его дѣтство, оставивъ въ душѣ его рядъ тяжелыхъ, „безотрадныхъ, часто драматичныхъ" впечатлѣній... Изо дня въ день, въ теченіе всего дѣтства, передъ глазами мальчика-Тургенева, точно въ кинематографѣ, безконечно развертывались картины, одна другой безобразнѣе, одна другой возмутительнѣе,—картины, о которыхъ онъ съ такимъ ужасомъ вспоминалъ впослѣдствіи... Лишенный всего того, что дѣлаетъ „золотыми" годы дѣтства, — теплой семейной обстановки, нѣжной материнской ласки и любви, брошенный въ этотъ омутъ насилія и нравственной распущенности, — мальчикъ очень рано началъ остро чувствовать тоску одиночества, которой суждено было сдѣлаться спутницей всей его долгой жизни. Вмѣстѣ съ Надсономъ, Тургеневъ имѣлъ бы право сказать о себѣ, что онъ „росъ одиноко, росъ позабытымъ,

Пугливымъ ребенкомъ,—угрюмый, больной,
Съ умомъ, не по дѣтски печалью развитымъ,
И чуткой, болѣзненно-чуткой душой"...

Этотъ не дѣтскій умъ такъ много понималъ изъ того, что было доступно его наблюденію; эта чуткая душа такъ сильно, такъ болѣзненно чувствовала каждый фальшивый звукъ, каждую фальшивую ноту... И не надо особенной дальновидности, чтобы понять, въ какую сторону должно было пойти развитіе этого созерцательнаго ума, такъ наклоннаго къ анализу и скепсису, этой души, такъ болѣзненно чувствовавшей и не нашедшей себѣ отклика въ окружающихъ. Она должна была замкнуться въ самой себѣ, уйти въ себя, какъ улитка,—и вотъ почему прирожденный Тургеневу духъ *анализа* съ годами все болѣе и болѣе переходитъ въ *самоанализъ*, который увеличивается отъ духовнаго одиночества.

Странное дѣло! Этотъ человѣкъ всю свою жизнь мечталъ о тихомъ семейномъ счастьѣ, о своемъ уютномъ „гнѣздѣ", объ „отрадѣ ежедневныхъ отношеній и привычекъ", и на всю жизнь, по его собственнымъ словамъ, онъ осужденъ былъ на „цыганскую жизнь", ему не суждено было „свить себѣ гнѣзда нигдѣ и никогда..." Эта цыганская жизнь Тургенева началась съ 1856 г. и продолжалась до самой его смерти. „Я уже слишкомъ старъ (писалъ онъ въ этомъ году изъ Парижа Л. Н. Толстому), чтобы не имѣть гнѣзда, чтобы не сидѣть дома. Весной я непремѣнно вернусь въ Россію, хотя вмѣстѣ съ отъѣздомъ отсюда — я долженъ буду проститься съ послѣдней мечтой о такъ называемомъ счастьѣ— или, говоря яснѣе — съ мечтой о веселости, происходящей отъ чувства удовлетворенія въ жизненномъ устройствѣ..."

Этой „послѣдней мечтой о счастьѣ", съ которой Тургеневъ думалъ проститься еще на 38 году жизни,—была его любовь къ Віардо. Мучимый тоской одиночества, онъ тѣмъ сильнѣе привязался къ этой чужой ему въ сущности семьѣ, мечтая найти въ ней пріютъ отъ житейскихъ бурь и невзгодъ. „Судьба — писалъ онъ—не послала мнѣ собственнаго моего семейства, и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чужой семьи. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи. Здѣсь на меня смотрятъ не какъ на литератора, а *какъ на человѣка*, и среди ея мнѣ спокойно и тепло. Перемѣняетъ она мѣстожительство — и я съ нею; отправляется она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ—и я переношу свое мѣстопребываніе вмѣстѣ съ нею..." Письма Тургенева полны самаго теплаго чувства къ этому семейству, которое онъ называлъ „своимъ", самой трогательной привязанности къ дѣтямъ Віардо, которыя платили ему тѣмъ же... Но въ этихъ же письмахъ по временамъ прорываются иныя, уже знакомыя намъ ноты, снова все яснѣе слышатся мучительная тоска одиночества, старыя жалобы на неудавшуюся жизнь... По временамъ онъ, очевидно, начиналъ понимать всю невозможность счастья, о которомъ онъ такъ мечталъ, всю обманчивость иллюзіи, которую онъ создалъ себѣ въ своемъ больномъ воображеніи... Среди роскошной, шумной

и веселой обстановки дома Віардо, всегда полнаго цвѣтовъ, звуковъ музыки и пѣнія, тоска одиночества еще сильнѣе должна была чувствоваться больнымъ, забытымъ писателемъ, и минуты уединенія были минутами его душевныхъ страданій... Онъ могъ бы сказать вмѣстѣ съ Джузеппе Джусти: „Мрачный и одинокій иду я впередъ, а мысли мои бѣгутъ назадъ. Безпріютенъ, какъ человѣкъ, не имѣющій домашняго очага и переѣзжающій изъ одной гостиницы въ другую, я показываюсь то тутъ, то тамъ, вѣчно въ людской толпѣ и вѣчно одинокій...“ („Ad una donna“).

Г-жа Апрѣлева (Ардовъ), посѣтившая Тургенева въ 1876 г., въ Буживалѣ на дачѣ „Les Frênes“, свидѣтельствуетъ именно о такомъ настроеніи нашего писателя. „Мнѣ казалась,—пишетъ она („Русскія Вѣд.“ 1904),—въ такія минуты уединенія онъ чувствовалъ себя одинокимъ и оторваннымъ отъ родной почвы и сознавалъ, что какъ ни близка ему дружественная семья и какъ ни любимъ онъ всѣми членами этой семьи, а всетаки онъ, волей судьбы, *„прилѣпился къ корешку чужого гнѣзда“*, какъ онъ выразился въ письмѣ къ пріятелю... Но, можетъ быть, я ошибаюсь—продолжаетъ она—быть можетъ, печаль его была печалью старости объ утраченной и невозвратной молодости; о разрѣженныхъ смертью и нравственными утратами рядахъ сверстниковъ, съ которыми онъ одновременно началъ жизнь, или же о новомъ, почти уже законченномъ трудѣ „Новь“... Не имѣлъ ли онъ основаній предположить, что романъ этотъ навлечетъ на него обычныя за послѣднія годы гоненія и нареканія?..“ Къ сожалѣнію, г. Апрѣлева не ошибалась. Правда, всѣ эти причины тоже необходимо принять во вниманіе, но, несомнѣнно, сильнѣй всего въ это время у Тургенева было чувство личнаго одиночества отъ отсутствія семейной обстановки, отъ сознанія того, что онъ только „прилѣпился съ корешку *чужого* счастья“, а своего не видѣлъ и не увидитъ... Это, какъ мы сказали, показываютъ и его письма.

„Подъ старость—пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ Полонскому въ 1873 г.—всѣ мы становимся болѣе или менѣе одинокими—физически и нравственно, если у насъ нѣтъ семьи или великой и разнообразной общественной дѣятельности...“ Мы знаемъ, что ни того, ни другого у Тургенева не было. Семьи онъ себѣ не создалъ, а, „прилѣпившись къ корешку чужого счастья“, напротивъ, создалъ себѣ по отношенію къ любимой женщинѣ и ея семьѣ какія-то ненормальныя, уродливыя отношенія, мучился сознаніемъ ихъ и не могъ, не имѣлъ силъ измѣнить ихъ... Каковы бы ни были эти странныя отношенія, ничего, кромѣ несчастія, душевныхъ мукъ и тоски, они не могли принести Тургеневу...

Что касается второго фактора духовнаго одиночества нашего писателя, а слѣдовательно, и его пессимизма, фактора, на который указываетъ онъ самъ въ приведенномъ отрывкѣ изъ его письма,—что касается отсутствія у него „великой и разнообразной обще-

ственной дѣятельности", то, надо сознаться, ея у него вовсе не было никогда, да и не могло быть. Въ первые сознательные годы юности, когда, подъ вліяніемъ заграничныхъ впечатлѣній, нѣмецкой науки и такихъ людей, какъ Бакунинъ, Станкевичъ, Грановскій, еще только слагалось міросозерцаніе Тургенева и его общественно-политическія убѣжденія, онъ, какъ извѣстно, мечталъ о борьбѣ за свободу и далъ себѣ знаменитую аннибаловскую клятву. „Все, что я видѣлъ вокругъ себя,—сознавался онъ впослѣдствіи,—возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надобно было либо покориться и смиренно побрести общей колеей по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся", даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу... Другого пути предъ собою я не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ..." Мы знаемъ, что выбралъ Тургеневъ: онъ бѣжалъ на Западъ, чтобы „изъ самой дали сильнѣе напасть" на своего врага—на крѣпостное право, и черезъ 10 лѣтъ исполнилъ свою аннибаловскую клятву—„Записками Охотника"...

Прошло еще восемь лѣтъ, и Тургеневъ снова ушелъ на Западъ, но теперь уже навсегда... Не борьба за свободу, не прежнее желаніе „изъ самой дали сильнѣе напасть" на своего стараго врага заставили его теперь покинуть горячо любимую родину. „Не жить внѣ Россіи—говоритъ онъ—я по обстоятельствамъ всесильнымъ—не могу..." И мы знаемъ, какія это были „всесильныя обстоятельства"; мы знаемъ, что они касались исключительно *личной* жизни Тургенева; мы знаемъ, что на всю послѣдующую его жизнь, до конца его дней, эти „всесильныя обстоятельства" оторвали его отъ родины и непосредственной общественной дѣятельности въ Россіи. Но только ли они? Не крылись ли причины этого гораздо глубже? По свойствамъ своего ума, по своимъ природнымъ наклонностямъ, Тургеневъ *не могъ* быть общественнымъ дѣятелемъ въ узкомъ смыслѣ этого слова... Для того, чтобы быть послѣднимъ, необходимо быть хоть немножко Донъ-Кихотомъ, нужно, по выраженію самого Тургенева, хотя бы „сбиваться" на Донъ-Кихота,—а онъ „сбивался" на Гамлета, если только не былъ имъ вполнѣ. Его аналитическій умъ, наклонный къ скептицизму, давалъ очень мало простора энтузіазму и самопожертвованію, служенію какой нибудь опредѣленной идеѣ. Какъ извѣстно, онъ не терпѣлъ никакой „ортодоксальности и кружковщины"... Достаточно вспомнить одинъ его романъ „Дымъ", съ его рѣзкими, страстными выходками противъ „идола" Губарева; достаточно перечесть его переписку съ Герценомъ: на всѣ увлеченія своего друга Тургеневъ твердилъ одно: „На этотъ счетъ я больше мизантропъ, чѣмъ ты. *Шопен-*

гауэра, братъ, надо читать поприлежнѣе, Шопенгауэра" (Батуринскій, Герценъ, его друзья и знак. 196).

Тургеневъ былъ прежде всего *созерцатель* и скептикъ, а никакъ не общественный и не политическій *дѣятель*, и въ этомъ, какъ мы уже сказали, кроется одна изъ важныхъ причинъ его пессимизма. Кромѣ того, никогда не нужно забывать, что Тургеневъ былъ въ полномъ смыслѣ слова художникъ, поэтъ и, какъ таковой, не считалъ себя рожденнымъ для „житейскаго волненья и битвъ..." Однимъ словомъ, это былъ типичный человѣкъ 40-хъ годовъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ самъ съ такимъ совершенствомъ нарисовалъ намъ въ „Рудинѣ", „Дворянскомъ гнѣздѣ" и другихъ своихъ произведеніяхъ. Сороковые годы—это были годы Гамлетовъ и „лишнихъ людей", которыхъ еще болѣе расплодили пятидесятые годы съ ихъ растлѣвающей реакціей и безпросвѣтной мглой... Какъ извѣстно, на всѣхъ писателяхъ сороковыхъ годовъ сказалось вредное вліяніе этой реакціи, сообщившей ихъ произведеніямъ мрачный и разъѣдающій характеръ. „Они утратили, говоритъ Скабичевскій, ту бодрость духа и жизнерадостность, какая отличаетъ многія первыя ихъ произведенія, написанныя до 1848 года, и усвоили скептическій взглядъ на жизнь и людей подчасъ вполнѣ пессимистическаго характера..." Это, конечно, особенно касается Тургенева, который, какъ мы старались показать, никогда не имѣлъ наклонности къ бодрости духа и жизнерадостности, всегда относился скептически къ жизни и людямъ и, наконецъ, выработалъ себѣ вполнѣ пессимистическое міросозерцаніе... Вотъ почему ему не удались его положительные типы въ родѣ Инсарова, Базарова, Литвинова и проч... Вотъ почему шестидесятые годы, эта эпоха великихъ реформъ, прошли для Тургенева, въ сущности, совершенно незамѣченными: „сути" ихъ онъ не уловилъ; къ новымъ людямъ и къ новымъ общественнымъ движеніямъ онъ отнесся съ тѣмъ же скептическимъ отрицаніемъ, съ какимъ привыкъ относиться ко всему въ жизни, съ какимъ смотрѣлъ на людей раньше, съ какимъ посмотрѣлъ на нихъ и впослѣдствіи, въ 70-е годы. Конечно, тутъ не малую роль играла его жизнь вдали отъ родины, и отсюда его незнакомство съ русской жизнью, съ новыми ея явленіями. Но, во всякомъ случаѣ, смыслъ-то ихъ онъ угадывалъ и ничуть не иначе отнесся бы къ нимъ, если бы даже жилъ безвыѣздно въ Россіи и прекрасно изучилъ современныя ему общественныя теченія. Это можно сказать съ увѣренностью, принимая во вниманіе все то, что до сихъ поръ сказано о природныхъ наклонностяхъ Тургенева и характерѣ его художественныхъ произведеній. Реакція пятидесятыхъ годовъ только еще болѣе усилила скептицизмъ Тургенева, заставила его глубже уйти въ самого себя и еще болѣе сгустила мрачныя краски его міросозерцанія. Въ повѣсти „Переписка" есть мѣсто, гдѣ герой, обра-

щаясь къ себѣ, точно фотографируетъ самого Тургенева: „Экая, какъ подумаешь, моя судьба-то! Въ первой молодости я непремѣнно хотѣлъ завоевать себѣ небо... потомъ я пустился мечтать о благѣ всего человѣчества, о благѣ родины; потомъ и это прошло: я думалъ только, какъ бы устроить себѣ домашнюю, семейную жизнь... да споткнулся о муравейникъ—и бухъ о-земь, да въ могилу... *Ужъ какіе мы, русскіе, мастера кончать такимъ манеромъ!* *).

Это очень интересное заключеніе, и въ этой же повѣсти Тургеневъ пытается, повидимому, объяснить намъ причину этой способности русскаго человѣка—„кончать такимъ манеромъ". „*Слишкомъ рано*—говоритъ онъ—*пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ рано начинаемъ мы наблюдать за самими собою... У насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности*, и вотъ мы, едва возмужалыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность! Не получивъ извнѣ никакого опредѣленнаго направленія, ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя, что хотимъ... и вотъ опять на свѣтѣ однимъ уродомъ больше, больше однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ... однимъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной мысли которыхъ незнакомо во вѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія... Совмѣщая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей, выкупающей стороны... Мы глупы, какъ дѣти, но мы не искренни, какъ они; мы холодны, какъ старики, но старческаго благоразумія нѣтъ въ насъ... За то мы психологи. *О, да, мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологію*; наша психологія это—хитростное изученіе законовъ больного состоянія и больного развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла... А главное, мы не молоды, въ самой молодости не молоды!.." **). Несомнѣнно, въ этихъ словахъ Тургеневъ рисуетъ намъ характерную, типичную физіономію человѣка сороковыхъ годовъ и прежде всего—себя самого. Но въ нихъ и нѣчто большее, далеко выходящее за предѣлы недавняго прошлаго русской исторической жизни. Намъ кажется, что Тургеневъ вполнѣ вѣрно схватилъ характерную черту русскаго человѣка *вообще*—копаться въ собственной душѣ и приходить отъ этого къ самымъ отчаяннымъ выводамъ, къ самымъ пессимистическимъ обобщеніямъ. Онъ не договорилъ только, почему же „у насъ, русскихъ, нѣтъ иной жизненной задачи, какъ опять-таки

*) Соч., VII, 132—33.
**) Соч., VII, 105—106.

разработка нашей личности", почему это „полезное, дѣльное занятіе", какъ иронизируетъ въ „Наканунѣ" Шубинъ, особенно свойственно намъ, русскимъ,—„грызунамъ, гамлетикамъ и самоѣдамъ..."

Онъ не договорилъ, почему же „наша психологія сбивается на патологію", почему мы „въ самой молодости не молоды", почему мы такіе пессимисты... Не секретъ же, въ самомъ дѣлѣ, что наша русская поэзія,—почти цѣликомъ, издавна носитъ особенно мрачный колоритъ. Еще Пушкинъ замѣтилъ, что „печалію согрѣта гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ..."

Самъ Пушкинъ былъ далеко не пессимистомъ; однако и онъ сознавался, что ему „нравится ихъ жалобный напѣвъ", въ „сердечной тоскѣ" пѣсенъ ямщика ему слышалось что-то родное, близкое русскому сердцу... Послѣ него, это можно утверждать безъ особой натяжки, почти вся русская поэзія—„облита горечью и злостью", а русская муза—„муза мести и печали", начиная Лермонтовымъ и кончая современной намъ „сумеречной литературой" съ ея печальными пѣвцами и героями... Иностранцы давно уже отмѣчали эту странную особенность русской поэзіи и въ частности пытались объяснить присутствіе ея въ художественныхъ произведеніяхъ Тургенева—расовыми особенностями русскаго народа или, вѣрнѣе, всего славянскаго племени. „Славянскій темпераментъ склоненъ къ меланхоліи—говоритъ англійскій критикъ Рольстонъ *),—а Тургеневъ былъ истый славянинъ"... „Русская степь—вторитъ ему Альфонсъ Додэ **)—сообщила свою ширь чувствамъ и сердцу Тургенева. Люди становятся лучше, прислушиваясь къ природѣ, и тотъ, кто любитъ ее, никогда не теряетъ участія и къ человѣку. Изъ этого источника вытекаетъ та сострадательная, заунывная, какъ пѣсня мужика, грусть, которая звучитъ въ глубинѣ твореній славянскаго романиста. Это тотъ человѣческій вздохъ, о которомъ говорится въ креольской пѣснѣ, тотъ клапанъ, который не даетъ міру задохнуться: „Если бъ міръ не могъ вздыхать, онъ задохся бы"... Шире и глубже взглянулъ на дѣло датскій критикъ Брандесъ, давшій намъ прекрасное объясненіе тѣхъ причинъ общественнаго характера, которыя обусловливали пессимизмъ Тургенева. Указавъ на то, что скорбь Тургенева—прежде всего скорбь мыслителя, что старались показать и мы, Брандесъ говоритъ слѣдующее: „Меланхолія Тургенева, по своему общему характеру, есть именно славянская скорбь, тихая и грустная, та самая нота, которая звучитъ во всѣхъ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ... Скорбь Тургенева въ одно и то же время скорбь патріота, пессимиста и друга человѣчества: не смотря на свой кажущійся кос-

*) Иностранная критика о Тургеневѣ. 192.
**) Ibid. 196.

мополитизмъ, онъ былъ патріотъ, но патріотъ, грустящій о своемъ отечествѣ и сомнѣвающійся въ его судьбахъ. Онъ не раздѣлялъ энтузіазма къ русскому народу своихъ болѣе наивныхъ и менѣе знающихъ соотечественниковъ. Онъ находилъ, что у него нѣтъ великаго прошлаго. Когда авторъ этихъ строкъ стоялъ однажды на римскомъ форумѣ, ему пришла въ голову мысль, что тамъ у каждаго фута земли есть болѣе богатая исторія, чѣмъ у всей русской имперіи. Хотя и русскій человѣкъ, Тургеневъ думалъ почти такъ же. Онъ описываетъ гдѣ-то печаль, охватившую его на всемірной выставкѣ, при видѣ ничтожности вклада Россіи въ общую сумму промышленныхъ изобрѣтеній человѣчества... Основной тонъ поэзіи Тургенева богатъ и своеобразенъ тѣмъ, что онъ въ одно и то же время и пессимистъ, и другъ человѣчества, что онъ истинно любитъ родъ человѣческій, о которомъ имѣетъ такое низкое мнѣніе и которому такъ мало довѣряетъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что въ Россіи все идетъ какъ-то вкривь и вкось; никакая любовная исторія не кажется ему чисто русской, если она не имѣетъ несчастнаго исхода, благодаря непостоянству мужчины или безсердечности женщины; никакое стремленіе не является въ его глазахъ чисто русскимъ, если оно не превышаетъ силъ людей, предпринявшихъ его, или не погибаетъ, встрѣтивъ равнодушіе тѣхъ, ради кого оно предпринято; но все же онъ не можетъ удержаться, чтобы снова и снова не описывать непрочную русскую любовь и безплодныя русскія стремленія. Въ его глазахъ современная Россія это—страна, гдѣ все не удается, страна всеобщихъ крушеній. И основное его чувство это—скорбное волненіе, смѣшанное чувство зрителя при видѣ кораблекрушенія, въ которомъ виноваты сами потерпѣвшіе. Это сильное, затаенное чувство, постоянно сдерживаемое при каждомъ его порывѣ. Ни одинъ великій и плодотворный писатель не былъ болѣе скроменъ въ выраженіи своихъ чувствъ, чѣмъ Тургеневъ" *)... Тургеневъ, дѣйствительно, былъ болѣе чѣмъ скроменъ въ выраженіи своихъ чувствъ—уже потому, что, по мѣткому замѣчанію Брандеса, былъ только *зрителемъ* тѣхъ кораблекрушеній, которые происходили на его родинѣ. Но, и будучи только зрителемъ, онъ не могъ не страдать вмѣстѣ съ потерпѣвшими и эти страданія перелилъ въ грустные звуки своей поэзіи... Такія эпохи кораблекрушеній бываютъ въ исторіи каждаго народа. Такія эпохи, когда „при упадкѣ общественности, личная жизнь получаетъ особую цѣнность", когда „широкія цѣли дѣятельности заказаны или еще не раскрылись, и прогрессъ ограниченъ предѣлами личности", по мнѣнію академика А. Н. Веселовскаго *),— суть „эпохи общественнаго затишья, ожиданія или реакціи"...

*) Ibid. 40, 42, 44—45.

**) „Чтеніе о Жуковскомъ". Изд. Акад. Наукъ.

Исторія русскаго народа представляетъ въ этомъ отношеніи совершенно исключительное, единственное въ своемъ родѣ явленіе: это—почти сплошная цѣпь кораблекрушеній, это—почти постоянная смѣна эпохъ, о которыхъ говоритъ почтенный академикъ. Не мудрено, поэтому, что въ исторіи нашего самосознанія „личная жизнь" имѣетъ всегда „особую цѣнность", что „у насъ, русскихъ, какъ говоритъ Тургеневъ,—нѣтъ иной жизненной задачи, какъ опять таки разработка нашей личности", не мудрено, что почти вся наша литература такая безпросвѣтная и безрадостная... И если все сказанное примѣнимо и къ нашему времени, то удивительно-ли, что эти результаты должны были особенно рѣзко сказаться въ 50-е годы, когда, при уродливыхъ условіяхъ русской общественной жизни, иныя „жизненныя задачи", кромѣ указанной Тургеневымъ, были почти немыслимы?.. Удивительно-ли, что они особенно рѣзко сказались на міросозерцаніи и творчествѣ Тургенева? Послѣ всего сказаннаго выше это должно быть признано совершенно естественнымъ, и мы думаемъ, что, въ этомъ именно смыслѣ, мрачный пессимизмъ философской мысли Тургенева, замѣтно усиливающійся именно съ конца 50-хъ годовъ, носитъ на себѣ явные слѣды тяжелой руки русской дѣйствительности, этой ужасной руки, произведшей на своемъ короткомъ вѣку такъ много разрушеній!..

Намъ остается сказать еще очень немного въ объясненіе пессимизма Тургенева.

„Подъ старость,—говоритъ Тургеневъ, — всѣ мы становимся болѣе или менѣе одинокими—физически и нравственно, если у насъ нѣтъ семьи или великой и разнообразной общественной дѣятельности"... Но у Тургенева не было и *литературной* семьи, и въ ней былъ онъ совершенно одинокъ. Заброшенный на чужбинѣ, онъ не могъ и не умѣлъ завязать на родинѣ какихъ-нибудь прочныхъ литературныхъ связей, и вся его жизнь наполнена безконечными недоразумѣніями и ссорами, то съ другими писателями, то съ публикой. Отношенія съ Л. Н. Толстымъ, Достоевскимъ, Герценомъ, Гончаровымъ, Фетомъ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ Тургеневъ былъ иногда даже друженъ, то и дѣло омрачались какой-нибудь тучей, какимъ-нибудь недоразумѣніемъ и даже разрывомъ... Съ Некрасовымъ онъ враждовалъ почти всю жизнь, и только смерть, по его собственнымъ словамъ, ихъ „примирила": онъ говоритъ объ этомъ въ одномъ стихотвореніи въ прозѣ. Только съ однимъ, кажется, Полонскимъ онъ никогда не ссорился... Нельзя, конечно, во всемъ винить одного Тургенева, но нельзя всю вину сваливать исключительно на его друзей, дѣйствительныхъ и мнимыхъ. Не разъ друзья его оказывались неосторожными, распространяя о немъ завѣдомо ложные слухи, не разъ они упрекали его въ „фразерствѣ", въ мелочномъ самолюбіи, въ искательствѣ, въ „подлизываніи" къ молодежи и даже въ

„измѣнѣ“ своимъ убѣжденіямъ; не разъ въ утрированномъ видѣ они изображали его въ литературѣ, какъ это сдѣлали — Достоевскій въ „Бѣсахъ“ и Некрасовъ въ „Человѣкѣ сороковыхъ годовъ“. Но многіе упреки по его адресу были не безъосновательны, хотя до сихъ поръ еще трудно разобраться во многихъ, подчасъ очень туманныхъ и ускользающихъ отъ насъ мелочахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, во благовременіи могли имѣть нерѣдко рѣшающую роль. Во всякомъ случаѣ, Тургеневъ былъ вполнѣ правъ въ своей жалобѣ Полонскому на отсутствіе у насъ въ Россіи литературнаго товарищества: „всякъ, — говорилъ онъ, — тянетъ свою пѣсенку, идетъ своей дорожкой“... (Письмо 73 г.). Особенно болѣзненно отзывались на Тургеневѣ недоразумѣнія и размолвки съ русскимъ обществомъ въ его массѣ, съ читающей публикой, съ молодежью. Это и понятно: живя вдали отъ родины, чувствуя, что связи съ нею постепенно слабѣютъ, Тургеневъ слишкомъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ, которое могло быть для него единственнымъ критеріемъ его вліянія и значенія на родинѣ, въ которомъ одномъ онъ могъ искать оправданія отъ нападокъ друзей и враговъ.

Но не всегда и общественное мнѣніе становилось на его сторону, и это были самые тяжелые, самые смутные моменты жизни Тургенева, когда онъ начиналъ сомнѣваться въ своемъ талантѣ, въ полезности своей литературной дѣятельности... Такъ было въ 1862 г., послѣ появленія „Отцовъ и дѣтей“, когда Тургенева, по его собственнымъ словамъ, обвинили въ оскорбленіи молодого поколѣнія, „въ отсталости и мракобѣсіи“, когда его извѣщали, что „съ хохотомъ презрѣнія сжигаютъ его фотографическія карточки...“ Такъ было въ 1867 г., послѣ появленія „Дыма“, когда многіе обидѣлись такими рѣзкими красками изображенной въ романѣ картиной жизни русскаго общества за границей. Все больнѣе ударяли по нервамъ Тургенева эти литературныя неудачи, все меньше надѣялся онъ на перемѣну въ отношеніяхъ къ нему русскаго общества къ лучшему. „Мое 25-тилѣтнее служеніе музамъ— говорилъ онъ въ 1869 г. *) — окончилось среди постепеннаго охлажденія публики, и я не предвижу причины, почему бы она снова согрѣлась“. Она, дѣйствительно, не согрѣлась... Еще до появленія „Нови“ Тургеневъ чувствовалъ, что этотъ романъ не будетъ имѣть успѣха. „Нѣтъ никакого сомнѣнія—писалъ онъ,— что если за „Отцовъ и дѣтей“ меня били палками, то за „Новь“ будутъ лупить бревнами—и точно такъ же съ обѣихъ сторонъ...“ Ожиданія его сбылись: романъ не имѣлъ никакого успѣха, критика въ большинствѣ отозвалась о немъ весьма отрицательно. Тургеневъ еще болѣе загрустилъ, и еще болѣе укрѣпился въ мысли, что пора ему замолчать: „Наступили новыя времена—го-

*) Ардовъ (Апрѣлева) „Русск. Вѣд.“ 1904.

воритъ онъ въ 76—77 г. *) — нужны новые люди: устарѣлому писателю надо умолкнуть." Не разъ онъ и раньше давалъ себѣ слово замолчать; еще послѣ „Отцовъ и дѣтей" сказалъ самъ себѣ: „Довольно" и хотѣлъ сложить „на пустой груди *ненужныя* руки..." Но, къ счастью, онъ не могъ не писать: у него, какъ у Рудина, была „проклятая привычка каждое движеніе жизни и своей, и чужой—пришпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой..." Подъ конецъ жизни счастье, казалось, улыбнулось Тургеневу: его не только начали понимать, общественное мнѣніе не только повернулось въ его сторону, но нѣсколько разъ онъ сдѣлался даже предметомъ восторженныхъ овацій со стороны публики и особенно молодежи. Такъ было въ 1879 году, когда онъ пріѣхалъ въ Россію, какъ онъ самъ шутя говорилъ, „мириться съ русской публикой и молодежью", и особенно въ 1880 году въ знаменитые „Пушкинскіе дни", когда московскій университетъ избралъ его въ число своихъ почетныхъ членовъ, а публика встрѣчала его шумными оваціями и рукоплесканіями...

По свидѣтельству лицъ, видѣвшихъ его близко въ это время, Тургеневъ пріободрился, сдѣлался даже жизнерадостнымъ. Онъ былъ „опять на родинѣ", чувствовалъ, что имъ дорожатъ, что его любятъ, „послѣдняя туча разсѣянной бури", казалось, пронеслась... Но ничто не могло уже залѣчить всѣхъ старыхъ ранъ, глубоко засѣвшихъ въ его сердцѣ, физическій недугъ все сильнѣе давалъ себя знать и все болѣе напоминалъ о близкомъ „началѣ конца", а самое главное — мимолетные успѣхи или неудачи не могли имѣть особеннаго вліянія на то, что слагалось въ тайникахъ его души въ теченіе всей долгой жизни, что крылось въ природѣ этой глубоко вдумчивой натуры, такъ внимательно наблюдавшей жизнь и такъ пристально заглянувшей въ самое „святая святыхъ" сердца человѣческаго. Вотъ почему, не смотря на этотъ лучъ свѣта, озарившій его послѣдніе годы, Тургеневъ не разстается съ мучительной мыслью объ одиночествѣ и только на словахъ равнодушно говоритъ о немъ, какъ о неизбѣжной участи всякаго человѣка, перешедшаго за извѣстный возрастъ: „Что касается до одиночества, до уединенія—пишетъ онъ въ 1882 г. Салтыкову—то кто же послѣ пятидесяти лѣтъ—въ сущности не одинокъ,—не „обломокъ" стараго поколѣнія? — Тутъ ничего не подѣлаешь; — это смерть насъ понемножку подготовляетъ, чтобы не такъ было жалко разставаться съ жизнью..."

Одинокій въ личной жизни и въ литературной семьѣ, Тургеневъ особенно долженъ былъ чувствовать свое одиночество на Западѣ, вдали отъ родины, которую онъ такъ любилъ... „Всесильныя обстоятельства" заставили его бросить Россію и на чужбинѣ искать хотя призрака семейнаго счастья... Но этотъ призракъ

*) Ibid.

обманулъ его: погнавшись за нимъ, онъ терялъ и то, что имѣлъ, онъ терялъ связь съ родиной и, чувствуя, что съ каждымъ годомъ эта связь становится все слабѣе, все сильнѣе ощущалъ тоску по родинѣ, тоску одиночества вдали отъ нея... „Что ни говори—писалъ онъ Дружинину въ 56-мъ году—на чужбинѣ точно вывихнутый.—Никому не нуженъ—и тебѣ никто не нуженъ.—Надо пріѣзжать сюда молодымъ, когда еще собираешься только жить—или уже старымъ,—когда покончилъ жизнь...“ Это было еще въ первый годъ постояннаго пребыванія Тургенева за границей. Понятно, что съ годами это ощущеніе „вывихнутости“ должно было чувствоваться все сильнѣе. „Любя и ненавидя Россію, свою странную, милую, скверную, дорогую родину“, онъ чувствовалъ какую-то неразрывную органическую связь между нею и собой, какъ человѣкомъ и писателемъ. „Голосъ остался—пишетъ онъ въ 1871 г. М. А. Милютиной—да пѣть нечего... А пѣть нечего потому, что я живу внѣ Россіи...“ „Что касается до меня и до невыгоды житья за границей,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ, Салтыкову, въ 1876 году,—вдали отъ родной почвы, вдали отъ столкновеній и состязаній, вы тысячу разъ правы... Въ литературныхъ дѣлахъ я принужденъ, какъ медвѣдь зимой, сосать собственную лапу: отъ того-то и не выходитъ ничего.“ „Чтобы писать—повторяетъ онъ эту же мысль въ письмѣ къ Полонскому въ 1878 году—особенно теперь, надо жить въ Россіи; жить я тамъ постоянно не могу, ergo—писать не слѣдуетъ.“ Въ 1882 г., получивъ отъ жены Полонскаго письмо, въ которомъ та выражала надежду, что Тургеневъ вернется въ Россію, какъ только его *потянетъ* туда,—онъ писалъ д-ру Л. Б. Бертенсону, что его „не только *тянетъ*,—*рветъ* въ Россію...“ И всетаки Тургеневъ не вернулся, теперь онъ уже, дѣйствительно, *не могъ* вернуться,—и отъ этого, конечно, тоска его по родинѣ не уменьшилась... Теперь его приковало къ мѣсту дѣйствительно „всесильное обстоятельство“, которое вернуло его родинѣ, но уже мертвымъ. Это была болѣзнь, которая свела его въ могилу и—что для насъ особенно важно—не мало *способствовала* развитію пессимистическаго міросозерцанія Тургенева.

Еще въ 1856 г., по словамъ самого Тургенева, „болѣзнь порядкомъ ему мѣшала“ (письмо Л. Н. Толстому). Въ слѣдующемъ году она оказываетъ уже замѣтное вліяніе на его душевное настроеніе. Онъ пишетъ А. В. Дружинину о своемъ „препакостномъ настроеніи духа“ *), Полонскому,—что ему „всячески скверно—и физически, и нравственно“ **). Въ 1858 году онъ съ грустью пишетъ Колбасину изъ Рима, что, вѣроятно, ему „придется маячиться до вожделѣннаго момента околѣнія“ ***). Дальше—все

*) Письма, 42.
**) Ibid., 47.
***) Ibid., 56.

больше. Онъ уже не надѣется „выйти изъ минорнаго тона", примѣняетъ къ себѣ стихъ Тютчева: „День пережитъ — и слава Богу!", и Полонскому совѣтуетъ то же: „Живи изо дня въ день: мудрѣе этого ничего придумать нельзя" (1868 г.). „Темная туча, которая у каждаго человѣка виситъ на горизонтѣ, — по его словамъ — надвинулась на него своимъ передовымъ рукавомъ" (1869 г.) и все болѣе заслоняла отъ него свѣтъ жизни. „Холодъ старости съ каждымъ днемъ глубже проникаетъ въ его душу;" его пугаетъ равнодушіе ко всему, которое онъ замѣчаетъ въ себѣ (1873 г., письмо къ Полонскому). По его собственнымъ словамъ (письмо Фету изъ замка Жоржъ-Зандъ, 1873 г.), онъ сталъ „существомъ, постоянно, какъ часовой маятникъ, колеблющимся между двумя одинаково безобразными чувствами: отвращеніемъ къ жизни и страхомъ смерти..." Въ такомъ состояніи ему остается одно печальное утѣшеніе, о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ къ г. Суворину 1875 г. „Послѣ 40 лѣтъ жизни—пишетъ онъ — жить точно не совсѣмъ весело, особенно въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ. Ну, а потомъ, подъ вліяніемъ холодка, вѣющаго отъ могилы, человѣкъ успокаивается. Мнѣ одна петербургская нѣмка-старуха, бывало, говорила: „подъ старость *жисть* подобна есть мухѣ: пренепріятный *насѣкомъ*.—Надо *терпѣйть*!" „Именно: надо *терпѣйть*!"—заключаетъ Тургеневъ. Тѣмъ не менѣе страданія все увеличиваются, а съ ними увеличивается и странное смѣшанное чувство жажды смерти, какъ единственнаго избавленія отъ нихъ, и самаго мучительнаго страха передъ этой таинственной силой... „Полночь—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ (письмо Полонскому 1877 г.). Сижу я опять за своимъ столомъ... а у меня на душѣ темнѣе темной ночи... могила словно торопится поглотить меня; какъ мигъ какой, пролетаетъ день пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель. Ни права жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать." Иногда онъ еще пробуетъ себя утѣшить, иронизируетъ надъ своимъ безвыходнымъ положеніемъ: „Оказывается,— пишетъ онъ, — что можно отлично существовать, не будучи въ состояніи ни стоять, ни ходить, ни ѣздить. Живутъ же такъ устрицы и никакого желанія и перемѣщенія не желаютъ..." „Но— прибавляетъ онъ съ горечью—устрица ничего другого не испытала, да и не желаетъ ничего другого..." Въ концѣ концовъ, прикованный къ своей кровати, онъ самъ превратился въ тѣ „живыя мощи," о которыхъ онъ такъ трогательно повѣствуетъ въ своемъ разсказѣ. Надежда на смерть остается ему единственнымъ утѣшеніемъ, хотя самая мысль о ней пугаетъ его, наводитъ на него ужасъ. „Болѣзнь не только не ослабѣваетъ—пишетъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Полонскому—она усиливается; страданія постоянныя, невыносимыя, не смотря на великолѣпную погоду; надежды никакой, жажда смерти все растетъ, и мнѣ остается

просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали бы осуществленія желанія вашего несчастнаго друга...“ Ждать Тургеневу пришлось недолго: желаніе его осуществилось очень скоро.

Мы сказали выше, что болѣзнь, мучившая такъ долго Тургенева, не мало *способствовала* развитію его пессимистическаго міросозерцанія. Иначе, конечно, и не могло быть: слишкомъ ужъ нечеловѣческія страданія приходилось ему выносить. Близко стоявшіе къ нему люди могли наблюдать, какъ постепенно, подъ вліяніемъ приступовъ болѣзни, портился его характеръ, его настроеніе духа. Посѣтившая Тургенева въ 1876 году Апрѣлева (Ардовъ) разсказываетъ, что зимой этого года на него довольно часто находило пессимистическое настроеніе—подъ вліяніемъ ли приступовъ подагры или другихъ, неизвѣстныхъ ей, причинъ. „Въ такія минуты,—говоритъ она,—Тургеневъ первымъ долгомъ начиналъ отрицать все русское: и русское искусство, и русскую музыку, и русскую литературу“ *), находя, что великороссъ ни на что не способенъ, и ссылаясь при этомъ на иностранное происхожденіе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго. Эти и подобныя имъ болѣзненныя выходки, подъ вліяніемъ минуты, между прочимъ, и послужили поводомъ къ многочисленнымъ, часто рѣзкимъ, обвиненіямъ Тургенева въ слѣпомъ западничествѣ, даже въ „ненависти“ къ Россіи, — обвиненіямъ, которыя теперь такъ странно звучатъ. Отрицательное отношеніе ко всему русскому было, конечно, лишь частичнымъ проявленіемъ все усиливавшагося пессимизма вообще. Въ этомъ отношеніи очень характерно для настроенія Тургенева въ эту пору его стихотвореніе въ прозѣ „Старикъ“, написанное, кажется, въ 1879 году. „Настали—говоритъ онъ—темные, тяжелые дни, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно, гибнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога. Что же дѣлать? Скорбѣть, горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь... На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листъ мельче и рѣже, но зелень его та же. Сожмись и ты, *уйди въ себя*, въ свои воспоминанія и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской, и силой весны... Но будь остороженъ... Не гляди впередъ, бѣдный старикъ!..“ И мы знаемъ, что Тургеневъ-старикъ дѣйствительно „сжался“, все болѣе уходилъ въ себя, въ свои воспоминанія... Воспоминанія молодости все чаще вставали передъ нимъ, но... „тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души“ было слишкомъ мало свѣтлаго и ободряющаго, и мы знаемъ, какою горечью всегда были пропитаны эти воспоминанія,—знаемъ по его письмамъ и еще лучше по его разсказамъ и

*) «Русск. Вѣд.», 904 г.

романамъ... Итакъ, глядѣть впередъ было страшно, оттуда надвигался мучительный призракъ смерти, а чѣмъ болѣе онъ уходилъ въ себя, назадъ, въ свои воспоминанія, тѣмъ яснѣе вставало передъ нимъ сознаніе безполезности и ненужности того, что называется жизнью, тѣмъ болѣе усиливался его пессимизмъ...

Подводя итоги, мы должны будемъ сказать слѣдующее. Главная основная причина Тургеневскаго пессимизма, породившая его, крылась въ немъ самомъ, въ особенностяхъ его духовнаго міра: его умъ по самой природѣ своей былъ наклоненъ къ анализу и скептицизму, а отъ послѣдняго только одинъ шагъ до пессимизма...

Тяжелыя впечатлѣнія дѣтства, неудавшаяся семейная жизнь, отсутствіе не только „великой и разнообразной", но и всякой общественной дѣятельности, оторванность отъ родины и тоска по ней, литературныя неудачи и непріятности, тяжелая болѣзнь, наконецъ, реакція 50-хъ годовъ, въ результатѣ же — полное одиночество въ продолженіе всей почти жизни, одиночество личное, гражданское и духовное — вотъ причины, такъ сказать, дополнительныя, которыя въ различной степени *способствовали* дальнѣйшему развитію пессимистическаго міросозерцанія Тургенева, — то давая наглядное подтвержденіе уже раньше сложившимся или еще только слагавшимся теоретическимъ выводамъ, то заставляя его снова и снова углубляться въ самого себя и подвергать новому анализу и скепсису обломки, быть можетъ, сохранившихся устоевъ... Что въ данномъ случаѣ природныя наклонности Тургенева играли рѣшающую роль, что пессимизмъ его, *по существу*, независимъ отъ бытовыхъ и временныхъ условій,—это, кромѣ всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ соображеній, подтверждается словами самого Тургенева, которому мы и предоставляемъ говорить. Поэтъ летитъ надъ міромъ; странное призрачное существо несетъ его надъ Россіей и показываетъ ему міръ съ птичьяго полета. Глубокая печаль овладѣваетъ поэтомъ при этомъ зрѣлищѣ: „Грустно стало мнѣ и какъ-то равнодушно-скучно. И не потому стало мнѣ грустно и скучно, что пролеталъ я именно надъ Россіей. Нѣтъ! Самая земля, эта плоская поверхность, которая разстилалась подо мною; весь земной шаръ съ его населеніемъ, — мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою, горемъ, болѣзнями, прикованнымъ къ глыбѣ презрѣннаго праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этотъ наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступала плѣсень, величаемая нами органическимъ, растительнымъ царствомъ; эти люди-мухи, въ тысячу разъ ничтожнѣе мухъ; ихъ слѣпленныя изъ грязи жилища, крохотные слѣды ихъ мелкой, однообразной возни, ихъ забавной борьбы съ неизмѣняемымъ и неизбѣжнымъ,—какъ это мнѣ вдругъ все опротивѣло! Сердце во мнѣ медленно перевернулось, и не захотѣлось мнѣ болѣе глазѣть на

эти незначительныя картины, на эту пошлую выставку... Да, мнѣ стало скучно,—хуже, чѣмъ скучно! Даже жалости я не ощущалъ къ своимъ собратьямъ: всѣ чувства во мнѣ потонули въ одномъ, которое я назвать едва дерзаю: въ чувствѣ отвращенія, и сильнѣе всего, и болѣе всего во мнѣ было отвращеніе — къ самому себѣ"... *)

Таковы грустные, до боли грустные взгляды, къ которымъ пришелъ Тургеневъ. Подобно Байрону и Леопарди, онъ достигъ крайнихъ предѣловъ презрѣнія къ людямъ и отвращенія къ жизни. Эта тоска и презрѣніе, какъ мы уже сказали, идутъ у него, прогрессивно увеличиваясь, впервые рѣзко проявляясь съ конца 50-хъ годовъ и достигая своей кульминаціонной точки въ концѣ 70-хъ годовъ въ его старческихъ стихотвореніяхъ въ прозѣ.

Со всѣхъ сторонъ надвигались на поэта темныя силы, приведшія къ крушенію всѣхъ его идеаловъ. Безпощадно надвинулись онѣ на бѣднаго поэта-мыслителя—одинокаго, больного, не нашедшаго семейнаго счастья, непонятаго на родинѣ, забрасываемаго грязью, незаслуженно обвиненнаго въ ренегатствѣ и отсталости,—надвинулись... и покрыли мракомъ послѣднія полоски свѣта въ его опустошенной душѣ.. Говоря его же словами, „свѣтъ, который даетъ краскамъ жизни и значеніе, и силу,—тотъ свѣтъ, который исходитъ изъ сердца человѣческаго",—погасъ въ немъ навсегда...

Тургеневу не суждено было найти выходъ изъ мучившихъ его сомнѣній, какъ нашли его братья его по духу — Шекспиръ, Байронъ, Гете и Гейне, которые въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ являются передъ нами уже излѣчившимися отъ своего мрачнаго пессимизма. Какъ Леопарди и Ленау, Тургеневъ умеръ не примиреннымъ съ жизнью, унеся съ собою въ могилу свое презрѣніе къ человѣчеству, свои мрачныя думы...

Но странное дѣло! Послѣднія мысли его были обращены къ родинѣ. Чѣмъ-то глубоко человѣческимъ и юношески-чистымъ вѣетъ отъ его послѣдняго обращенія къ далекой родинѣ, въ послѣднемъ его стихотвореніи въ прозѣ, почти наканунѣ его смерти въ 1882 году. Онъ говоритъ въ немъ о „дняхъ сомнѣній и тягостныхъ раздумій о судьбахъ своей родины," объ отчаяніи, которое охватываетъ его „при видѣ всего, что совершается дома..." Русскій языкъ, „великій, могучій, правдивый и *свободный* (какая горькая иронія!) русскій языкъ"—одинъ только онъ остался ему послѣдней поддержкой и опорой, одинъ только онъ не позволяетъ ему впасть въ полное отчаяніе... Онъ отказывается вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу... Съ этой вѣрой въ великое будущее русскаго народа ушелъ Тургеневъ въ могилу. Какъ Фаустъ *первой* части поэмы Гете, ничѣмъ не удовлетворен-

*) „Призраки".

ный, онъ исчезъ въ поискахъ за мгновеніемъ, которое можно будетъ назвать прекраснымъ, которому хотѣлось бы крикнуть: „остановись“!..

Нашелъ ли онъ его, какъ Фаустъ *второй* части поэмы, который принесъ на землю свой идеалъ—работы на пользу ближняго, идеалъ, примирившій его съ жизнью?

Фаустъ Гете вернулся, Фаустъ-Тургеневъ не вернется: жизнь человѣческая, къ сожалѣнію (а можетъ быть и къ счастью?), не имѣетъ второй части...

Но чтобы сказалъ Тургеневъ-Фаустъ, если бы онъ вернулся?..

Когда-то, въ сравнительно еще молодые годы, устами героя своей повѣсти „Фаустъ“ (1855 г.), пишущаго письмо своему другу, онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Кончая, скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь—не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденье... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были,—исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку: не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ дальше уѣдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза. Прощай! Прежде я прибавилъ бы: будь счастливъ; теперь скажу тебѣ: старайся жить, оно не такъ легко, какъ кажется...“ *).

Еще раньше, въ 1840 году, значитъ 22 лѣтнимъ юношей, у Тургенева вырвалась совсѣмъ оптимистическая фраза. Передавая въ письмѣ Грановскому свои мрачныя мысли по поводу смерти Станкевича, негодуя на жизнь и Бога, столь нецѣлесообразно устроившаго міръ, онъ кончаетъ такимъ сильнымъ аккордомъ: „Нѣтъ—мы не должны унывать и преклоняться (передъ Богомъ, рокомъ, смертью?). Сойдемтесь—дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ—быть можетъ, лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и, рано ли, поздно,—*свѣтъ побѣдитъ тьму*...“ **).

Но прошли долгіе годы, а свѣтъ все не побѣждалъ тьму; порой могло даже казаться, что глухая ночь будетъ длиться безконечно, что трудъ и отреченіе—безполезны, и не было просвѣта въ мрачныхъ думахъ Тургенева. Всю жизнь его окутывалъ какой-то мракъ, и только на смертномъ одрѣ онъ вернулся къ завѣтамъ своей юности: „Живите и любите людей, какъ я ихъ

*) Соч., VII, 238.
**) Письма, 4

любилъ"... сказалъ онъ, обратившись къ окружавшимъ его. Вѣра въ жизнь, въ людей, въ ихъ нравственную силу, вѣра въ великое будущее родины, въ конечную побѣду свѣта надъ тьмою—снова проснулась въ немъ, когда счеты съ собственной жизнью были уже почти покончены.

Вотъ почему намъ думается, что если бы Тургеневъ-Фаустъ вернулся на землю, онъ, несомнѣнно, повторилъ бы слова своего прототипа—Фауста Гете. Жизнь, по существу, можетъ быть, и безсмысленна, и безцѣльна—сказалъ бы Тургеневъ-Фаустъ. Человѣкъ смертенъ, слабъ и ничтоженъ, жизнь его коротка, счастье его мгновенно и непрочно. Поэтому, съ сверхчеловѣческой точки зрѣнія, жить, быть можетъ, и не стоитъ... Но—въ жизни каждаго человѣка, какъ бы ни была она тяжела и мучительна, всегда есть хоть нѣсколько свѣтлыхъ моментовъ счастья или призрака счастья, что, въ концѣ концовъ, вѣдь все равно. Къ тому же (какъ справедливо замѣтилъ самъ Тургеневъ) „счастье людей состоитъ именно въ томъ, что они поступаютъ не сообразно съ законами *логики*,—а въ силу мгновенныхъ чувствъ и увлеченій" *).

И вотъ, если жизненное начало въ человѣкѣ одержитъ верхъ, если ради хотя бы этихъ немногихъ свѣтлыхъ моментовъ жизни,—преждевременной смерти (духовной или физической) онъ предпочтетъ жизнь со всѣми ея треволненіями и дрязгами, со всей ея видимой безцѣльностью и суетой, и если тогда передъ нимъ естественно встанетъ вопросъ, какъ устроить ее, эту жизнь, наиболѣе разумно и продуктивно, какъ наполнить ее внутреннимъ содержаніемъ,—то отвѣтъ на него будетъ только одинъ, тотъ именно, который даетъ Гете во *второй* части своего „Фауста": „Наслажденіе пошло, нужно дѣло. Безумецъ тотъ, кто предается заоблачнымъ мечтаніямъ. Стой твердо здѣсь на ногахъ, здѣсь озирайся кругомъ. Здѣшній міръ полонъ интереса для достойнаго, честнаго человѣка; зачѣмъ парить въ вѣчности?!.. Трудъ—вотъ послѣднее слово нашей жизни. Послѣдній выводъ всей мудрости таковъ: лишь тотъ достоинъ жить и быть свободнымъ, кто и жизнь, и свободу долженъ ежедневно завоевывать. Такъ, окруженные опасностями со всѣхъ сторонъ, живутъ и юность, и зрѣлый возрастъ, и старость. Вотъ какое поколѣніе я желалъ бы увидѣть: я хотѣлъ бы стоять со свободнымъ народомъ на свободной землѣ, и тогда я сказалъ бы мгновенью: остановись! Ты такъ прекрасно... Въ ожиданіи этого великаго счастья я теперь переживаю лучшую минуту своей жизни"...

Тургеневъ-Фаустъ не дожилъ до этого прекраснаго мгновенья, не дождался этого великаго счастья. Онъ завѣщалъ это родному народу—своей жизнью и своими великими твореньями... Будемъ же вѣрить вмѣстѣ съ Рольстономъ, что „быть можетъ, памят-

(* Письма, 145.

никъ, который воздвигается въ честь его благодарной Россіей, будетъ позлащенъ лучами новой зари, которая, надо надѣяться, скоро возсіяетъ надъ его родиной,—родиной, которую онъ такъ горячо любилъ, для которой онъ такъ много сдѣлалъ, и гдѣ теперь покоится прахъ его" *)...

Александръ Евлаховъ.

Изъ Англіи.

I.

Въ ноябрѣ 1847 г. бѣдная женщина Роулэндсъ, едва прикрытая лохмотьями, робко постучалась въ ворота рабочаго дома маленькаго уэльскаго городка. Она вела съ собою шестилѣтняго мальчика, Джона Роулэндса, съ некрасивымъ, изрытымъ оспой, но смышленнымъ лицомъ. Матери и ребенку некуда было дѣться. Имъ оставалось или умереть съ голода, или идти въ рабочій домъ. Многіе бѣдняки въ Англіи, въ такомъ положеніи, какъ Роулэндсъ, предпочитаютъ теперь умереть, чѣмъ стучаться въ рабочій домъ, хотя теперь онъ реформированъ. Побуждаетъ поступать такъ—гордость свободнаго человѣка. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, да еще въ глухой провинціи, рабочіе дома вполнѣ соотвѣтствовали описаніямъ, которыя далъ Диккенсъ въ „Оливерѣ Твистѣ" или въ „Путешественникѣ не по торговымъ дѣламъ."

„Члены комитета, завѣдывавшаго рабочимъ домомъ,—съ горькимъ сарказмомъ говоритъ Диккенсъ,—были очень умные, проницательные люди, умѣющіе мыслить философски. Поэтому, когда они вошли въ составъ комитета, то сразу замѣтили нѣчто, недоступное пониманію простыхъ смертныхъ: именно, что бѣдняки *любятъ* рабочій домъ и смотрятъ на него, какъ на клубъ, какъ на безплатную гостиницу, гдѣ проѣзжему круглый годъ даютъ завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ. Проницательные члены комитета открыли, что бѣдняки считаютъ рабочій домъ своего рода раемъ изъ кирпича и камня, гдѣ можно жить припѣваючи, ничего не дѣлая.

— Нѣтъ! — сказали тогда проницательные члены комитета,—мы живо перемѣнимъ все это. Насъ не проведешь! — И комитетъ установилъ такой порядокъ, что бѣдняку предлагалось на выборъ или постепенно умирать съ голода въ рабочемъ домѣ, или сразу—за стѣнами его". И теперь, черезъ пятьдесять

---

*) Иностр. критика о Тургеневѣ, 193.

лѣтъ, комитеты стараются сдѣлать режимъ рабочаго дома до такой степени суровымъ, чтобы онъ не представлялъ никакого соблазна для лѣнтяевъ.

Но Роулэндсъ всетаки была загнана отчаянной нуждой въ рабочій домъ. За скудную пищу, которая давалась тамъ, женщины обязаны были щипать цѣлый день пеньку, стирать бѣлье на тюрьмы и пр. Дѣтей подвергали желѣзной дисциплинѣ. Предполагалось теоретически, что если родители ихъ такъ бѣдны, что попали въ рабочій домъ, то у дѣтей, несомнѣнно, должна быть „злая воля", которую слѣдуетъ смирить, покуда не поздно, иначе выростутъ воры и разбойники. И „злая воля" вытравлялась съ ранняго дѣтства при помощи суровой дисциплины, тяжелаго труда и систематическаго держанія впроголодь. Время отъ времени рабочій домъ сбывалъ цѣлыми партіями дѣтей на фабрики или въ колоніи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ рабочій домъ вытравлялъ въ дѣтяхъ не только злую, но и всякую волю. Онъ выпускалъ дряблыхъ, забитыхъ, слабыхъ людей, которые потомъ попадали въ тюрьмы или околачивались возлѣ кабаковъ. Самая блестящая карьера, которая открывалась предъ воспитанникомъ рабочаго дома, была попасть солдатомъ въ казармы или же матросомъ во флотъ. Повидимому, такое же будущее ожидало и Джона Роулэндса. Но сильную волю мальчика не сломило даже девятилѣтнее пребываніе въ рабочемъ домѣ. Въ начальной школѣ при домѣ мальчикъ выучился грамотѣ. Въ 1856 г. молодой Джонъ поступилъ юнгой на купеческій корабль и отправился искать счастья въ Америку, въ Новый Орлеанъ. Мать его осталась въ рабочемъ домѣ.

II.

Конецъ мая 1904 г. Торжественно гудитъ органъ подъ высокими сводами Вестминстерскаго Аббатства. Мощные, величественные звуки возвѣщаютъ, что англійскій народъ оказываетъ послѣднюю и самую большую честь усопшему знаменитому человѣку, хороня прахъ его въ національномъ пантеонѣ. Лучи солнца, проникнувъ сквозь цвѣтныя стекла, фантастически освѣщаютъ ряды мраморныхъ статуй, тѣснящихся у изъѣденныхъ вѣками стѣнъ. Вотъ почти изглаженныя почернѣвшія изображенія рыцарей, сурово сжимающихъ стальными рукавицами рукоятки громадныхъ мечей. Тутъ лежитъ прахъ воиновъ, сражавшихся вмѣстѣ съ Ричардомъ Львинымъ Сердцемъ въ степяхъ Палестины и съ Генрихомъ V при Азинкурѣ. Дальше—епископы въ митрахъ, государственные дѣятели, отстаивавшіе вольности британскаго народа. При жизни они принадлежали къ различнымъ партіямъ, но благодарная нація одинаково цѣнитъ ихъ заслуги: Гладстонъ

стоитъ почти рядомъ съ Дизраэли, на мраморномъ лицѣ котораго окаменѣла саркастическая улыбка; Питъ—рядомъ съ Фоксомъ. Одна изъ плитъ гласитъ, что подъ нею лежитъ „все, что было смертнаго въ Исаакѣ Ньютонѣ". Дальше изъ ниши глядитъ бородатое лицо съ нахмуренными бровями автора „Происхожденія видовъ". Въ „углу поэтовъ" лежитъ прахъ великихъ людей, которыхъ знаетъ каждый грамотный мальчикъ во всѣхъ странахъ.

Сегодня похороны обставлены особенно торжественно. Громадное Аббатство не можетъ вмѣстить не только всѣхъ любопытныхъ, но даже нѣкоторыя депутаціи. Могилу окружили представители университетовъ, ученыхъ обществъ, политическихъ организацій, торговыхъ компаній. Тутъ представители двухъ королей. На вѣнкахъ значится, что опускаютъ въ могилу великаго изслѣдователя, поразительно смѣлаго путешественника, открывшаго неизвѣстный край, образцоваго патріота, имперіалиста калибра Сесила Родса,—словомъ, сэра Генри Стэнли. Газеты, вышедшія въ этотъ день, наполнены хвалебными статьями. Консервативная печать отмѣчаетъ, кромѣ того, что сэръ Генри Стэнли былъ тоже по убѣжденіямъ имперіалистъ, мечтавшій о томъ, чтобы надъ всею Африкой развѣвался британскій флагъ. Изъ газетныхъ статей мы узнали, что Стэнли былъ кавалеромъ многихъ орденовъ, членомъ цѣлаго ряда университетовъ и ученыхъ обществъ и очень богатымъ человѣкомъ.

Удивительнѣе всего то, что сэръ Генри Стэнли и воспитанникъ рабочаго дома Джонъ Роулэндсъ—одно и то же лицо. Въ Новомъ Орлеанѣ юнга поступилъ конторщикомъ къ нѣкоему Генри Стэнли и принялъ имя хозяина. Пока онъ сталъ изслѣдователемъ Африки, Стэнли мѣнялъ много профессій: онъ былъ солдатомъ и матросомъ. За геройскій подвигъ во время войны Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными его произвели въ офицеры. Затѣмъ Стэнли сталъ репортеромъ „New York Herald" и по порученію газеты ѣздилъ въ сѣверную Африку и въ Испанію, словомъ всюду, гдѣ въ то время дрались.

Почему же Стэнли достигъ такой громадной извѣстности? Мнѣ кажется, отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ не только спеціальный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ. Путешествія Стэнли свидѣтельствуютъ о поразительной смѣлости, настойчивости и выносливости его. Второе путешествіе (1874—78 гг.) въ особенности замѣчательно. Стэнли тогда перерѣзалъ африканскій континентъ отъ Индійскаго океана до Атлантическаго. Сто шестьдесятъ пять дней Стэнли шелъ тогда первобытнымъ тропическимъ лѣсомъ, въ которомъ до него не былъ никогда ни одинъ европеецъ. Но подобные подвиги совершали и другіе путешественники, умершіе въ неизвѣстности. Таковы, напр., майоръ Уолбертонъ, Джонъ Форестъ, Грегори, Эйръ, Эрнестъ Джильсъ и др., пересѣкавшіе путемъ невѣроятныхъ усилій австралійскій конти-

нентъ. Стэнли повѣдалъ міру тайны экваторіальной Африки; но это сдѣлали также Мунго Паркъ, Давидъ Ливингстонъ, Бертонъ, Спикъ и Гордонъ. Наблюденія нѣкоторыхъ изъ этихъ путешественниковъ гораздо глубже и основательнѣе, чѣмъ зачастую репортерскія замѣтки автора „How j found Livingstone". Стэнли съ поразительнымъ мужествомъ проникъ въ страну „дикарей"; но онъ шелъ всегда во главѣ большого вооруженнаго отряда, тогда какъ Ливингстонъ или Миклуха-Маклай жили среди дикарей безъ всякаго вооруженнаго конвоя. Итакъ, мнѣ кажется, широкая слава Стэнли обусловливается не только его географическими заслугами, важность которыхъ, конечно, никто не можетъ оспаривать. Судьба Стэнли могла бы служить иллюстраціей къ писаніямъ какого нибудь новаго Смайльса; но, конечно, не за то осыпали Стэнли золотомъ и орденами, что онъ показалъ, какъ много значитъ „самопомощь" и „характеръ". Мнѣ кажется, объясненіе славы и популярности Стэнли лежитъ совсѣмъ въ другомъ. Стэнли — открыватель и завоеватель новыхъ рынковъ, требовавшихся биржевому и промышленному капиталу по мѣрѣ его роста. Съ именемъ Стэнли у меня всегда ассоціируются имена Джона Гаукинса, Фрэнсиса Дрэка и другихъ знаменитыхъ буканировъ XVI вѣка, пріобщенныхъ теперь къ лику великихъ имперіалистовъ (см., напр., „Men Who have Made the Empire" Джорджа Грифизса). Джонъ Гаукинсъ, „Врагъ Господній", какъ прозвали его испанцы, былъ торговецъ невольниками и морской разбойникъ. Фрэнсисъ Дрэкъ, „El Dragon" (т. е. драконъ), „Бичъ церквей", „Грабитель вѣрующихъ", какъ его звали испанцы, или „Маленькій пиратъ", какъ его любовно величала королева Елизавета, занимался тоже торговлей невольниками и морскимъ грабежомъ; но и Гаукинсъ, и Дрэкъ были „имперіалисты".

Походъ Стэнли черезъ Африку ознаменовался такими ужасами и такими жестокостями, что они выплыли даже изъ чащи тропическихъ лѣсовъ и стали достояніемъ прессы. Только великія заслуги Стэнли спасли его отъ большихъ непріятностей. За Стэнли, какъ шакалы за волчьей стаей, послѣдовали организаторы различныхъ торговыхъ компаній и захватчики земель и скота дикарей. Со Стэнли началось безпримѣрное въ исторіи расхищеніе цѣлаго континента. Стэнли, въ нѣкоторомъ родѣ, является однимъ изъ творцовъ „Вольнаго государства Конго", исторіи котораго я коснусь дальше.

III.

По словамъ Келти, секретаря Лондонскаго Географическаго общества и автора книги „The Partition of Africa", „процессъ захвата Африки европейскими странами не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ исторіи". До 1875 г. Европа интересовалась въ Африкѣ только сѣвернымъ и южнымъ побережьемъ да еще узкой полосой на западѣ и на востокѣ. Громадная часть континента была еще не изслѣдована. Изрѣдка туда проникали путешественники, но, отправляясь изъ Европы, они не запасались еще готовыми договорами съ негритянскими вождями. Келти считаетъ франко-прусскую войну первой причиной захвата Африки. „Когда прошло отчаяніе, порожденное разгромомъ, то снова пробудилась энергія французскаго народа. Сперва безсознательно, государственные дѣятели Франціи стали искать за предѣлами ея новыя территоріи, которыя могли бы замѣнить утерянныя провинціи. Съ другой стороны,—продолжаетъ Келти,—побѣда усилила стремленіе Германіи къ новымъ завоеваніямъ. Но такъ какъ значительная часть земного шара имѣла уже владѣльцевъ, то и Германія, и Франція устремились въ Африку". Ученый авторъ не указываетъ на другую причину громадной важности. Колоссальный ростъ промышленности въ Германіи и во Франціи создалъ потребность въ новыхъ рынкахъ. У Германіи совсѣмъ не было колоній. Что же касается французскихъ колоній, то онѣ были растеряны въ значительной степени во время революціи и наполеоновскихъ войнъ. Франція тогда утеряла колоніи въ Индіи и въ Сѣверной Америкѣ.

Въ 1875 г. положеніе европейскихъ странъ въ Африкѣ сводилось къ слѣдующему. Свои колоніи здѣсь имѣли: Франція (168,250 кв. м.), Англія (241,461 кв. м.), Испанія (853 кв. м.) и Португалія (34,387 кв. м.). Владѣнія туземныхъ государствъ занимали такія пространства:

Трансвааль	110,000 кв. м.
Оранжевая республика	49,000 „
Либерія	14,000 „
Египетъ и Суданъ	1.406,250 „
Тунисъ	42,000 „
Марокко	219,000 „
Абиссинія	?
Занзибаръ	?

Въ центральной Африкѣ находились королевства, о которыхъ европейцы имѣли только самое смутное представленіе. Къ числу нхъ нужно отнести, прежде всего, Уганду. Въ апрѣлѣ 1875 г. появилнсь первыя письма Стэнли, въ которыхъ онъ восторженно

говорилъ о естественныхъ богатствахъ Уганды. Къ тому времени въ Европѣ были высоко развитыя въ промышленномъ отношеніи страны, совершенно не имѣвшія колоній, какъ, напр., Германія, Италія и Бельгія. Королю Леопольду, собственно, первому принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Африки. Въ сентябрѣ 1876 г. онъ созвалъ въ Брюсселѣ на конгрессъ представителей Великобританіи, Бельгіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Россіи съ цѣлью выработать „планъ изслѣдованія Африки, пріобщенія ея къ цивилизаціи и превращенія чернаго континента въ рынокъ для европейскихъ фабрикатовъ". Конгрессъ носилъ совершенно неоффиціальный характеръ. Совѣщанія продолжались три дня и повели къ основанію „Международной Африканской Ассоціаціи", центромъ которой назначался Брюссель. Рѣшено было также основать въ различныхъ странахъ „національные комитеты", которымъ предназначалось собирать средства и посылать делегатовъ въ „Международную Ассоціацію". Такимъ образомъ, предполагалось содѣйствіемъ всей Европы „пріобщить Африку къ цивилизаціи", но это оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. *Международная Ассоціація* быстро приняла характеръ чисто бельгійскаго учрежденія и впослѣдствіи превратилась въ *Вольное* государство Конго, подъ протекторатомъ короля Леопольда. Сперва Ассоціація посылала изслѣдователей къ берегамъ центральныхъ озеръ Африки; но изъ экспедицій этихъ ничего не выходило. Леопольдъ, наконецъ, остановился на Конго, куда рѣшилъ послать Стэнли.

Въ іюнѣ 1878 г. Стэнли посѣтилъ короля Леопольда въ Брюсселѣ, а въ ноябрѣ назначенъ былъ комитетъ для изслѣдованія верхняго теченія Конго. Въ январѣ 1879 г. Стэнли оставилъ Европу, какъ уполномоченный агентъ Леопольда и упомянутаго комитета. Цѣль путешествія держалась въ глубокой тайнѣ. Утверждалось, что экспедиція должна подняться вверхъ по Конго и помочь другой партіи изслѣдователей, двинувшейся въ Центральную Африку отъ восточнаго берега. Въ августѣ 1879 г. Стэнли былъ въ устьяхъ Конго. „Я имѣю теперь новую миссію,—писалъ онъ.—Я хочу основать на берегахъ Конго цивилизованныя поселенія для мирнаго завоеванія страны и для пріобщенія ея къ европейской культурѣ. Въ преобразованныхъ туземныхъ государствахъ долженъ установиться порядокъ. Купцы-негры пойдутъ рука объ руку съ европейскими торговцами. Я имѣю миссію принести туземцамъ счастье, законность, справедливость и уничтожить грубый произволъ, беззаконіе, убійства и безстыдный торгъ невольниками". Мы знаемъ теперь, что такое Вольное государство Конго! Какая страшная иронія заключается въ напыщенныхъ словахъ Стэнли! Путешественникъ основалъ первое поселеніе въ Вивн, между устьемъ рѣки и порогами. Выше пороговъ агентъ Леопольда основалъ факторію Леопольдвиль.

Французы подозрѣвали, что миссія Стэнли носитъ не только гуманитарный и научный характеръ. Угадывалось, что замышляется захватъ новыхъ территорій. И вотъ французскій комитетъ Международной Ассоціаціи отправилъ къ устьямъ Конго своего изслѣдователя де-Браца.

Въ то время, какъ агентъ Леопольда основывалъ факторіи на южномъ берегу рѣки и заключалъ договоры съ негритянскими вождями, де-Браца дѣлалъ то же самое на сѣверномъ берегу Конго. Оффиціальной цѣлью путешественника было изслѣдовать край между Габуномъ и озеромъ Чадъ, въ дѣйствительности де-Браца долженъ былъ по возможности мѣшать Стэнли на берегахъ Конго. Въ октябрѣ 1880 г. де-Браца заключилъ договоръ съ негритянскимъ вождемъ на сѣверномъ берегу рѣки, который утверждалъ, что ему принадлежитъ и южный берегъ. Путешественникъ немедленно переправился на другой берегъ и основалъ факторію возлѣ Леопольдвиля. Возникъ споръ между двумя агентами. Стэнли отстаивалъ хозяйскіе интересы и доказывалъ, что южный берегъ находится подъ протекторатомъ Бельгіи; де-Браца, ссылаясь на договоръ съ негритянскимъ королемъ, утверждалъ, что берегъ теперь состоитъ подъ покровительствомъ Франціи. Въ концѣ концовъ де-Браца уступилъ и перенесъ факторію на противоположный сѣверный берегъ, гдѣ она находится и понынѣ (Брацавиль). Соперничество французскаго и бельгійскаго агентовъ не прошло незамѣченнымъ въ Лиссабонѣ. Португальское правительство, ссылаясь на договоры XV и XVI вв., предъявило претензіи на весь западный берегъ Африки между 5°2′ и 8° южной широты. На основаніи договора, заключеннаго въ 1484 г., Португалія предъявляла права на территорію на сѣверъ отъ устьевъ Конго. За Франціей и Португаліей послѣдовали Англія, Италія, Испанія и Германія. Послѣдняя дѣйствовала наскокомъ. Исторія возникновенія германскихъ колоній въ Африкѣ очень любопытна. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ германскіе миссіонеры, являвшіеся въ то же время комивояжерами различныхъ торговыхъ фирмъ, стали проникать въ территорію Дамара и Намаква. Часто между миссіонерами и негритянскими вождями возникали недоразумѣнія, которыми отлично пользовались различныя колоніальныя общества, возникшія въ Германіи. Большой публикѣ толковалось, что государство должно принять мѣры „съ цѣлью доставить миссіонерамъ возможность спокойно проповѣдывать язычникамъ слово Божіе“. Въ ноябрѣ 1882 г. бременскій купецъ Людеритцъ съ разрѣшенія Бисмарка отправился основывать факторію между рѣками Оранжевой и Малой Рыбной. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ пріобрѣлъ у негритянскаго вождя участокъ земли въ 215 кв. миль, который потомъ былъ расширенъ. А черезъ годъ германское правительство заявило, что императоръ беретъ подъ свое непосредственное

покровительство территорію, принадлежащую на западномъ берегу Африки Людеритцу. Такимъ образомъ, возникла первая германская колонія, куда германское правительство немедленно отправило д-ра Нахтигаля, который заключилъ договоръ съ королемъ Того. Черезъ недѣлю весь Камерунъ былъ объявленъ подъ протекторатомъ Германіи. Англія и Франція немедленно стали заключать договоры съ негритянскими вождями на западномъ берегу Африки. Захватъ территорій пошелъ такъ быстро, что заинтересованныя страны нашли необходимымъ собраться въ Берлинѣ съ цѣлью выработать какія нибудь „правила игры", чтобы не перегрызться сразу. За одиннадцать дней до того, какъ собрался конгрессъ, Германія захватила себѣ громадный кусокъ земли на восточномъ берегу Африки. Четвертаго ноября 1884 г. прибыли на частномъ пароходѣ въ Занзибаръ три нѣмецкихъ машниста. То были переодѣтые члены „Германскаго Колонизаціоннаго Общества": д-ръ Карлъ Петерсъ (предсѣдатель общества), графъ Пфейль и д-ръ Юльке. Багажъ ихъ состоялъ изъ германскихъ флаговъ да изъ бланковъ договоровъ съ негритянскими королями. Девятнадцатаго ноября молодые люди заключили первый договоръ въ Мбузини. Такимъ образомъ, возникла колонія на восточномъ берегу. Съ такой же стремительностью Англія, Франція и Италія бросились захватывать бассейнъ рѣки Нигера.

Въ ноябрѣ 1884 г. открылись засѣданія Берлинскаго конгресса, собравшагося, чтобы выработать правила захвата чернаго континента. На конгрессъ явились представители Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, Даніи, Испаніи, Франціи, Италіи, Голландіи, Португаліи, Россіи, Швеціи-Норвегіи и Турціи. Въ протоколѣ конгресса не говорится еще о раздѣлѣ Африки, но обсуждается свобода плаванья по Конго, торговля невольниками, нейтралитетъ территорій бассейна Конго, свобода торговли на берегахъ этой рѣки, плаванье по Нигеру и правила, которыя должны соблюдать государства при захватѣ новыхъ владѣній въ Африкѣ. Государство, заключающее договоръ съ туземными королями, обязывалось извѣщать объ этомъ всѣхъ подписавшихъ протоколъ. Конгрессъ окончательно призналъ Вольное государство Конго. Не смотря на правила, захватъ туземныхъ государствъ продолжался. Англія, Франція и Германія—объявляли свой протекторатъ, гдѣ только могли. Въ Африкѣ образовалась поразительная „черезполосица". И вотъ въ 1890 г. собрался новый конгрессъ, который раздѣлилъ Африку. Дипломаты дѣлили карту по меридіанамъ, не имѣя никакого представленія о томъ, кого дѣлятъ и что дѣлятъ. Одинъ и тотъ же народъ, не подозрѣвая того, оказывался подѣленнымъ между тремя различными государствами. Дѣлежъ едва не породилъ потомъ войну между Англіей и Франціей. Съ такой же безцеремонностью, какъ и конти-

нентъ, захвачены были острова, лежащіе у береговъ Африки (Занзибаръ, архипелагъ Коморо и Мадагаскаръ).

Посмотримъ, какъ подѣленъ черный континентъ теперь.

Британскія колоніи.

Каплэндъ	277.151 кв. м.
Наталь и Зулулэндъ	29.434 „ „
Басутолэндъ	10.293 „ „
Бэчуаналэндъ	386.200 „ „
Трансвааль	119.139 „ „
Колонія Оранжевой Рѣки	48.326 „ „
„ Родезія	600.000 „ „
Британская Центр. Африка	42.217 „ „
Британская Восточн. Африка и Уганда	670.000 „ „
Сомалилэндъ	68.000 „ „
Сѣверная Нигерія	310.000 „ „
Южная Нигерія	21.500 „ „
Лагосъ и Іоруба	20.500 „ „
Золотой берегъ	74.500 „ „
Сьерра Моне	33.100 „ „
Гамбія	3.550 „ „
	2.713.910 кв. миль.

Сюда нужно прибавить еще:

Собственно Египетъ	400.000 кв. м.
„ Суданъ	610.000 „ „
	1.010.000 кв. м.

Такимъ образомъ, *Африканская имперія*, о которой мечтаютъ поклонники Сесиля Родса, занимаетъ площадь въ 3.723,910 кв. миль. За двадцать девять лѣтъ владѣнія Великобританіи въ Африкѣ увеличились на 3.482,449 кв. миль, что въ полтора раза больше Европейской Россіи. И если теперь имперіалисты горько жалуются на то, что британскіе агенты проявили большую косность при захватѣ чернаго континента и, такимъ образомъ, упустили много хорошихъ кусковъ, — то слѣдуетъ придти къ заключенію, что жалобы нѣсколько не основательны.

Французскія колоніи:

Алжирія	184,474 кв. м.
Алжирская Сахара	123,500 „ „
Тунисъ	51,000 „ „
Сенегалъ	182,000 „ „
Гвинея	92,000 „ „
Слоновый берегъ	119,500 „ „
Дагомея	59,000 „ „
Суданъ	183,000 „ „
Конго и Габунъ	550,000 „ „
Багрими, Вадаи, Канемъ	126,000 „ „
Сахара, включая Тибести	1.892,000 „ „
Сомали	14,000 „ „
Мадагаскаръ	228,500 „ „
	3.804,974 кв. м.

За двадцать девять лѣтъ французскія владѣнія въ Африкѣ увеличились на 3.636,724 кв. м.

Германскія колоніи:

Восточная Африка	385,000 кв. м.
Юго-западная Африка	322,450 „ „
Камерунъ	191,130 „ „
Того	34,800 „ „
	933,380 кв. м.

Африканскія владѣнія Германіи, нахватанныя въ какой нибудь десятокъ лѣтъ, въ четыре раза больше ея самой. Положеніе негровъ въ германскихъ колоніяхъ не лучше, чѣмъ въ Конго. Теперь въ Восточной Африкѣ возстаніе. Солдаты, побѣдившіе французскія войска, терпятъ пораженіе отъ доведенныхъ до отчаянія гереровъ.

Италіанскія колоніи:

Эритера	88,500 кв. м.
Сомали	100,000 „ „
	188,500 кв. м.

Португальскія владѣнія:

Гвинея	4.394 кв. м
Ангола	484,730 „ „
Восточная Африка	301,000 „ „
	790.124 кв. м.

Испанскія колоніи:

Золотой берегъ	167,400 кв. м.
По рѣкѣ Муни	1,750 „ „
	169,150 кв. м.

Отъ прежнихъ громадныхъ турецкихъ владѣній въ Африкѣ остались еще Триполи и Бенгази (398,900 кв. м.). Отъ многочисленныхъ самостоятельныхъ государствъ, которыя были въ Африкѣ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, теперь остались Либерія (52,000 кв. м.), Марокко (219,000) и Абиссинія (320,000). Одно „Вольное государство"—Конго — основано послѣ 1875 г. (400,000 кв. м.). Итакъ, территоріи, расхватанныя европейцами, занимаютъ площадь въ 7.640,765 кв. м., а независимая Африка — площадь въ 1.491,000 кв. м. Въ ближайшемъ будущемъ исчезнетъ еще одно независимое государство — Марокко. Теперь, по англо-французскому соглашенію, судьба его рѣшена. Англичане предоставили французамъ право свободно распоряжаться въ Марокко, а за это получили разрѣшеніе дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ Египтѣ. Абиссинія, по всей вѣроятности, тоже перестала бы существовать,

если бы не Массова. Но въ Алжиріи, въ Египтѣ и въ Тунисѣ туземцамъ, несомнѣнно, живется теперь гораздо лучше, чѣмъ въ прежнее время, подъ безконтрольнымъ владычествомъ туземныхъ беевъ и султановъ. Не то приходится сказать о территоріяхъ, которыя открылъ для европейцевъ Стэнли.

IV.

Мнѣ кажется, газеты ошибались, когда говорили въ некрологахъ объ *одномъ* Стэнли. Знакомство съ произведеніями африканскаго путешественника убѣдитъ насъ, что было *нѣсколько* Стэнли. По мѣрѣ того, какъ имя его становилось все болѣе извѣстнымъ,— мѣнялись стиль, разсужденія и духовный обликъ Стэнли. Въ первомъ произведеніи (How j found Livingstone) предъ нами только бойкій, расторопный, смѣлый и въ достаточной степени невѣжественный газетный репортеръ, привыкшій, чтобы ему не вѣрили. Главная забота его, какъ бы возможно лучше угодить „хозяину". Во второмъ произведеніи (Through the Dark Continent) мы встрѣчаемъ путешественника, имѣющаго предъ собою опредѣленныя научныя задачи. При разрѣшеніи ихъ онъ проявляетъ поразительную настойчивость и удивительную смѣлость. Стиль книги *Throungh the Dark Continent* совершенно не тотъ хлестскій репортерскій языкъ, которымъ написанъ отчетъ о первой экспедиціи. Въ книгѣ „The Congo and the Founding of its Free State" мы видимъ автора-дѣльца, имѣющаго предъ собою интересы торговой компаніи. Это, — въ нѣкоторомъ родѣ, отчетъ, такъ сказать, государственнаго комивояжера. Наконецъ, въ отчетѣ объ освобожденіи Эмин-паши (In the Darkest Afrika), новый Стэнли—важный, преисполненный сознанія собственнаго величія, „созидатель имперіи", герой „калибра Мольтке и Китченера", какъ аттестовалъ его *Times*. Но во всѣхъ произведеніяхъ, мнѣ кажется, можно найти отличительныя черты Франсиса Дрэка, Гудзона и Веселаго Рочера: ненужную жестокость, глубокую вѣру въ силу оружія и въ спасительное дѣйствіе устрашенія. Стэнли „was ever a fighter", т. е. всегда былъ воякой, какъ въ великую похвалу путешественнику аттестуетъ его одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ. Какъ увидимъ дальше, разрѣшеніе научныхъ вопросовъ въ области географіи отнюдь не находится въ зависимости отъ численности экспедиціи и боевой способности ея. Наоборотъ, мирная экспедиція всегда имѣетъ больше шансовъ разрѣшить темный вопросъ, чѣмъ военный отрядъ. Теперь же познакомимся съ Стэнли въ различныхъ фазисахъ его литературной дѣятельности. Прежде всего, вотъ Стэнли—бойкій, ловкій репортеръ. Знаменитый діалогъ съ редакторомъ *New York Herald*'а цитировался много разъ. Гордонъ Бенетъ вызвалъ въ 1869 г. телеграммой

Стэнли въ Парижъ изъ Испаніи. Стэнли немедленно выѣхалъ и черезъ день постучался ночью въ двери редактора, который лежалъ уже въ постели.

— Кто вы?—спросилъ Бенетъ.

— Мое имя Стэнли.

— А, садитесь. У меня къ вамъ дѣло. Гдѣ теперь, по вашимъ соображеніямъ, Ливингстонъ?

— Право, не знаю.

— Какъ думаете? Живъ онъ?

— Можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ.

— А я думаю, что онъ живъ и его можно найти. Я вамъ хочу поручить это.

„Журналистъ, какъ гладіаторъ, долженъ быть всегда готовъ къ бою,—философствуетъ Стэнли.—Малѣйшее колебаніе, малѣйшее проявленіе трусости, и онъ погибъ. Гладіаторъ видѣлъ предъ собою мечъ, который могъ пронзить ему грудь. Летучій журналистъ или странствующій корреспондентъ могутъ каждую минуту получить приказъ, который пошлетъ ихъ на вѣрную смерть. Репортеръ долженъ быть всегда готовъ идти на бой или на пиръ.“ И Стэнли согласился отправиться въ Центральную Африку. „По дорогѣ“ онъ присутствовалъ на открытіи Суэцкаго канала, разузналъ, зачѣмъ посылаютъ Самуэля Бэкера въ Верхній Египетъ, осмотрѣлъ раскопки въ Іерусалимѣ, посѣтилъ Константинополь, Одессу, Крымъ, Кавказъ, Персію и Индію. Затѣмъ онъ поѣхалъ на о. Занзибаръ, откуда должна была отправиться экспедиція для поисковъ Ливингстона. Стэнли называетъ ее „An Icarian flight of journalism“, т. е. стремительнымъ газетнымъ полетомъ.

Въ предисловіи къ первому изданію своей первой книги Стэнли подчеркиваетъ, что онъ только исполняетъ хозяйскій приказъ. „Въ книгѣ иногда я говорю: „моя экспедиція“ или „мой караванъ“; но это отнюдь не означаетъ, что я хочу присвоить себѣ чужія права. Читатель долженъ твердо помнить, что экспедиція была снаряжена редакторомъ „New York Herald'a“. Я исполнялъ только приказъ Джемса Гордона Бенета и являлся только наемнымъ служителемъ“ *). Стэнли заботится только о томъ, чтобы возможно лучше исполнить хозяйскій приказъ. Въ Занзибарѣ ходятъ слухи, что Ливингстонъ не желаетъ, чтобы его нашли. И вотъ у Стэнли забота, какъ бы ему поймать человѣка, котораго онъ идетъ „спасать“. „Я хотѣлъ добраться до Уджиджи (на берегу Танганайки), покуда Ливингтонъ узнаетъ, что я ищу его. Я боялся, что тогда онъ уйдетъ куда нибудь подальше за тропическія болота, такъ что моя экспедиція кончится ничѣмъ“. Главная забота Стэнли состоитъ въ томъ, чтобы въ Занзибарѣ не

*) „How I found Livingstone“, 1872, p. XXIII.

узнали о цѣли экспедиціи. Какъ настоящій газетный репортеръ, Стэнли боится, что у него „выхватятъ“ Ливингстона, въ поискахъ за которымъ снарядится другая экспедиція. Къ тому же въ Занзибарѣ находятся три англійскихъ офицера, которые собираются снарядить караванъ къ берегамъ Танганайки, чтобы доставить Ливингстону различныя вещи. Стэнли обманываетъ офицеровъ, хитритъ и старается скрыть отъ нихъ свои намѣренія.

Для первой экспедиціи Стэнли былъ подготовленъ, какъ американскій репортеръ, т. е. совершенно не имѣлъ никакой подготовки. Онъ не имѣлъ даже представленія о томъ, что такое Занзибаръ, и очень удивился, когда увидалъ большой городъ и богатую тропическую растительность тамъ, гдѣ разсчитывалъ найти только „клочекъ Сахары“. Стэнли вѣритъ только въ оружіе. „Африканскій путешественникъ долженъ имѣть много ружей и большой запасъ пороха и пуль, чтобы дать рядъ хорошихъ сраженій“. Тотъ человѣкъ, котораго онъ шелъ спасать, проникъ въ центральную Африку безъ вооруженнаго отряда, въ сопровожденіи только слуги негра. Такимъ же образомъ раньше путешествовалъ Мунго Паркъ. Въ первой своей экспедиціи Стэнли чувствуетъ себя не просто репортеромъ, но еще репортеромъ *американскимъ*. Въ то время, т. е. въ 1871 г., отношенія между Соединенными Штатами и Англіей были натянуты. Въ эпоху американской междуусобной войны Англія симпатизировала Южнымъ Штатамъ. Промышленная Англія желала бы видѣть распаденіе могучаго соперника. Вотъ почему, когда война кончилась, американскія газеты, когда могли только, втыкали шпильки Англіи. На живописномъ газетномъ жаргонѣ это называлось „крутить хвостъ у британскаго льва“ (to twist the tail of the british lion). И будущій англійскій баронетъ и опора имперіализма не забываетъ въ первомъ изданіи своей книги операціи „крученія“. Описывая своего вѣчно пьянаго и грубаго спутника Джона Шау, Стэнли замѣчаетъ: „онъ наглядно доказалъ, что грубые англичане совершенно не умѣютъ обращаться съ инородцами“.

Читателямъ извѣстно, что послѣ стремительнаго похода и ряда стычекъ съ неграми, Стэнли добрался до береговъ Танганайки. Въ Уджиджи въ толпѣ негровъ кто-то окликнулъ Стэнли по-англійски. Онъ оглянулся и увидѣлъ сіяющаго негра, чернаго, какъ уголь.

— Ты кто такой!—воскликнулъ Стэнли.

— Я Суси, слуга д-ра Ливингстона.

— Какъ, развѣ Ливингстонъ здѣсь?

— Да, сэръ.

— Въ этой деревнѣ?

— Да, сэръ.

— Ты не ошибаешься?

— Да я только что отъ него.

„Чтобы я отдалъ теперь,—пишетъ Стэнли,—за глухой уголокъ въ лѣсу, гдѣ бы я могъ проявить мой восторгъ въ бѣшенной пляскѣ, въ кувырканьи, въ идіотскомъ визгѣ или въ хлопаньи себя по бедрамъ; но я долженъ былъ сдержать мой восторгъ, чтобы не уронить достоинства бѣлаго человѣка въ глазахъ негровъ. И я сохранилъ невозмутимое спокойствіе. Мнѣ хотѣлось побѣжать къ Ливингстону, но я боялся мнѣнія толпы. Я желалъ бы обнять его, но Ливингстонъ былъ англичанинъ, и я не зналъ, какъ онъ приметъ меня, американца. Вотъ почему я чинно пошелъ на встрѣчу къ Ливингстону". Встрѣча была дѣйствительно чинная.

— Вы, вѣроятно, д-ръ Ливингстонъ?—сказалъ Стэнли, снимая шляпу.

— Да,—отвѣтилъ миссіонеръ, слегка приподнявъ шапку".

„Приказъ" Гордона Бенета былъ исполненъ. Стэнли нашелъ Ливингстона. Забравъ съ собою письма и дневникъ миссіонера, Стэнли возвратился въ Европу. Сообщеніе объ успѣхѣ было встрѣчено всеобщимъ недовѣріемъ. Скептицизмъ газетъ выражался слишкомъ безцеремонно: выражалось сомнѣніе даже въ подлинности тѣхъ документовъ, которые привезъ съ собою Стэнли. Путешественнику пришлось взять удостовѣреніе отъ сына Ливингстона, что онъ признаетъ дневникъ своего отца подлиннымъ. Этотъ оправдательный документъ приложенъ къ первому изданію книги „How I found Livingstone". Лондонское Географическое общество долго считало Стэнли шарлатаномъ и обманщикомъ, пока, наконецъ, стало внѣ сомнѣнія, что онъ дѣйствительно былъ въ Центральной Африкѣ и дѣйствительно нашелъ тамъ Ливингстона. Стэнли не забылъ обиды, нанесенной ему обществомъ. Во время банкета, который устроили нью-іоркскіе редакторы и журналисты путешественнику, когда онъ сталъ признанною всемірной знаменитостью,—Стэнли свелъ счеты свои съ Географическимъ обществомъ.

„Благодарю васъ за пріемъ,—сказалъ онъ.—Вы всегда относились ко мнѣ хорошо и поддержали, когда я впервые собирался въ Африку. Въ то время я встрѣтилъ благороднаго англійскаго лорда, члена Географическаго общества. Меня представили ему, какъ человѣка, который собирается разыскать Ливингстона. Лордъ только снисходительно посмотрѣлъ на меня. Когда я нашелъ Ливингстона и возвратился изъ Африки, вы, представители прессы, сказали обо мнѣ много лестнаго. Благородный лордъ, котораго я встрѣтилъ, снизошелъ ко мнѣ и подалъ одинъ палецъ. Я опять собрался въ Африку; вы поддержали и ободряли меня, а благородный лордъ сунулъ мнѣ два пальца. Я возвратился изъ экспедиціи. Печать привѣтствовала меня. Еще разъ я встрѣтился съ благороднымъ лордомъ, который на этотъ разъ протянулъ мнѣ всю ладонь. Господа, вся моя дѣятельность, въ сущности, симво-

лизируется этимъ снисходительнымъ взглядомъ вначалѣ и рукопожатіемъ впослѣдствіи".

„Благородный лордъ", о которомъ съ такой злобой упоминаетъ Стэнли – бывшій вице-президентъ Королевскаго Географическаго общества, баронъ Хоутонъ. Географическое общество впослѣдствіи приняло *Amende honorable*: оно присудило Стэнли золотую медаль, избрало его почетнымъ членомъ и дало въ честь его обѣдъ. И вотъ на этомъ банкетѣ Стэнли въ своей извѣстной рѣчи предсѣдателю счелъ необходимымъ высчитать всѣ обиды, принесенныя когда то ему обществомъ. Вышелъ почти скандалъ, о которомъ долго потомъ толковала печать.

V.

Въ 1874 г. Стэнли задумалъ свое второе, самое грандіозное и важное по результатамъ, путешествіе, во время котораго онъ больше всего явился ученымъ изслѣдователемъ.

Стэнли только что возвратился въ Англію изъ страны Ашантіевъ, гдѣ онъ былъ военнымъ корреспондентомъ. Въ Лондонѣ онъ узналъ про смерть Ливингстона и задумалъ продолжить работу его, а также выяснить вопросы, намѣченные изслѣдователями экваторіальной Африки: Бертономъ, Спикомъ и Грантомъ. Предстояло прослѣдить окончательно истоки Нила, изслѣдовать озера Танганайка и Викторія-Ніанца и выяснить, куда течетъ рѣка Ливингстона? Каждый изъ этихъ вопросовъ, помимо всего, имѣлъ громадное практическое значеніе. Первый изъ нихъ, вопросъ объ истокахъ Нила, поставленъ на очередь еще за пять вѣковъ до Р. Х.

„Что касается нѣкоторыхъ явленій, наблюдаемыхъ на Нилѣ,— писалъ Геродотъ,—то я не могъ получить никакихъ свѣдѣній ни отъ жрецовъ, ни отъ другихъ людей. Я хотѣлъ, тѣмъ не менѣе, узнать отъ нихъ, почему въ Нилѣ, начиная съ лѣтняго солнцестоянія, начинаетъ прибывать вода и почему она, продержавшись сто дней, спадаетъ потомъ. Рѣка зимой входитъ въ межень. Египтяне не могли объяснить мнѣ явленіе. Я спрашивалъ у всѣхъ также, почему Нилъ единственная рѣка, отъ которой не тянетъ вѣтеръ? Нѣкоторые греки, желая похвалиться предо мною своею мудростью, пытались дать мнѣ троякое объясненіе. Двѣ причины едва ли стоятъ того, чтобы о нихъ упомянуть. Такъ, напримѣръ, меня увѣряли, что причиной разлива Нила—морскіе вѣтры, не дающіе рѣкѣ излить свои воды въ море. Но вѣтеръ иногда не дуетъ, а между тѣмъ вода въ Нилѣ прибываетъ. Кромѣ того, если бы причиной разливовъ были морскіе вѣтры, дующіе періодически, то такое же явленіе, какъ въ Нилѣ, должно было бы наблюдаться и въ другихъ рѣкахъ.

Больше того. Такъ какъ эти рѣки мельче Нила и имѣютъ болѣе слабое теченіе, то разливы ихъ, если бы они обусловливались періодическими вѣтрами, должны были быть еще шире. Между тѣмъ, есть много рѣкъ и въ Сиріи, и въ Ливіи, которыя совсѣмъ не разливаются. Второе объясненіе, которое я слышалъ, еще больше несообразно, хотя въ немъ еще больше чудеснаго. Меня увѣряли, что причиной разливовъ—рѣка Океанъ, опоясывающая землю... Изъ этой рѣки, будто бы, вытекаетъ Нилъ. Третье объясненіе болѣе правдоподобно на видъ, но совершенно не основательно. Утверждать, что причиной разливовъ—таянье снѣговъ—значитъ, ничего не сказать. Въ самомъ дѣлѣ, рѣка течетъ изъ Ливіи, перерѣзываетъ Эѳіопію и потомъ входитъ въ Египетъ. Какимъ же образомъ разливъ можетъ обусловливаться таяньемъ снѣговъ, если рѣка течетъ изъ очень жаркой страны въ болѣе умѣренную? *) Люди, умѣющіе разсуждать, легко убѣдятся, что водополье Нила не можетъ обусловливаться таяньемъ снѣговъ. Первымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ является то, что изъ страны, откуда идетъ Нилъ, тянетъ только горячій вѣтеръ. Затѣмъ, въ странѣ, гдѣ не бываетъ дождя, не можетъ быть и снѣга. Если бы падалъ снѣгъ, то выпадалъ бы и дождь. Жители верховьевъ Нила—черны лицомъ, такъ какъ ихъ постоянно печетъ солнце. Ласточки и ястребы держатся тамъ круглый годъ. Туда улетаютъ на зиму журавли изъ Скиѳіи. Люди, толкующіе про то, что разливы обусловливаются Океаномъ, изъ котораго вытекаетъ Нилъ, основываются, въ сущности, на баснѣ. Я не видалъ рѣки, которую зовутъ Океанъ. По всей вѣроятности, Гомеръ или другой древній поэтъ придумали сами это названіе". Прямыми предшественниками Бэкера, Бертона, Спика, Гордона и Стэнли являются члены экспедиціи, посланной къ верховьямъ Нила Нерономъ. Они прослѣдили рѣку до тѣхъ поръ, покуда она теряется въ болотахъ. Въ серединѣ XIX вѣка истоки Нила были найдены, но нужно было окончательно нанести ихъ на карту. Нужно было выяснить, не находятся ли разливы рѣки въ зависимости отъ громаднаго бассейна прѣсной воды въ Центральной Африкѣ. Затѣмъ, не было еще полной карты оз. Танганайка. Въ 1858 г. лейтенантъ Спикъ дошелъ до береговъ громаднаго озера Укереве (Викторія-Ніанца), которое до тѣхъ поръ европейцы знали лишь по смутнымъ разсказамъ арабовъ. Лейтенантъ Спикъ такъ формулировалъ результатъ своего путешествія: „Я убѣдился, что старый Нилъ, безъ всякаго сомнѣнія, вытекаетъ изъ озера Викторія-Ніанца. Оно является источникомъ священной рѣки, носившей когда-то колыбель религіознаго законодателя евреевъ. Это озеро, лежащее подъ 3° с. ш., питаетъ рѣку и даетъ ей воз-

*) Какъ извѣстно, разливы Нила обусловливаются дождями муссоновъ, какъ разливы Амазонки или Амура.

можность протекать 2,300 миль". Спикъ полагалъ, что озеро Викторія-Ніанца занимаетъ площадь въ 29,000 кв. миль (въ дѣйствительности—68,000 кв. м.). Открытіе Спика оспаривалось многими географами. Предстояло изслѣдовать таинственное озеро и нанести его на карту. Затѣмъ темнымъ вопросомъ было, что такое рѣка Ливингстона, которую нашелъ этотъ путешественникъ въ 1867 г. Послѣ изслѣдованій Стэнли, который доказалъ, что рѣка Ливингстона—верховье Конго,—въ Центральную Африку найденъ удобный водяный путь изъ океана. Теперь, когда любой туристъ, имѣющій нѣсколько свободныхъ денегъ, можетъ съ комфортомъ отправиться въ вагонѣ перваго класса на берегъ таинственныхъ озеръ,—не вѣрится даже, что весь этотъ край былъ абсолютно неизвѣстенъ всего только 30 лѣтъ тому назадъ.

Стэнли усиленно изучалъ литературу предмета, во всякомъ случаѣ, все то, что вышло на англійскомъ языкѣ, такъ какъ другого онъ не зналъ. Наконецъ, Стэнли разъ завелъ въ редакціи Daily Telegraph разговоръ съ однимъ изъ сотрудниковъ о путешествіи въ Центральную Африку. Въ это время вошелъ одинъ изъ редакторовъ, сэръ Эдвинъ Арнольдъ, авторъ поэмы „Свѣтъ Азіи" и извѣстный географъ.

— Желали ли бы вы и могли ли бы вы завершить работу Ливингстона, если бы мы васъ послали въ Экваторіальную Африку?—поставилъ Эдвинъ Арнольдъ вопросъ ребромъ.—Что остается еще сдѣлать въ Африкѣ?—Стэнли отвѣтилъ, что, помимо того, что не изслѣдованы еще великія озера,—вся западная половина континента совершенно еще неизвѣстна.

Вопросъ объ экспедиціи былъ рѣшенъ въ нѣсколько минутъ. Редактору New-York Herald послали телеграмму, желаетъ ли его газета поддержать экспедицію. Гордонъ Бенетъ лаконически отвѣтилъ изъ Нью-Іорка односложнымъ да. Черезъ нѣсколько дней Daily Telegraph помѣстилъ передовую статью, въ которой говорилось, между прочимъ: „Цѣль новаго путешествія Генри Стэнли закончить трудъ, оборванный безвременной смертью д-ра Ливингстона, и разрѣшить темные вопросы географіи Центральной Африки. Стэнли найдетъ также край, гдѣ рабовладѣльцы покупаютъ невольниковъ, и составитъ подробный докладъ о позорномъ торгѣ. Стэнли явится представителемъ двухъ націй, одинаково заинтересованныхъ въ возрожденіи Африки... Можно надѣяться, что экспедиція дастъ громадные результаты для науки и цивилизаціи".

Итакъ, Генри Стэнли началъ свое второе и самое замѣчательное путешествіе, какъ ученый и какъ носитель европейскаго гуманизма. Внѣ сомнѣнія, второе путешествіе — одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и поразительныхъ подвиговъ, когда либо свершенныхъ человѣкомъ. Для героическаго подвига требуется напряженіе энергіи въ теченіе очень непродолжительнаго времени. Выполненіе путешествія потребовало отъ Стэнли чрезмѣрныхъ усилій

въ теченіе трехъ лѣтъ. Путь отъ Багамойо (на берегу Индійскаго океана) до Танганайки былъ уже извѣстенъ. Стэнли прошелъ уже тутъ, когда искалъ Ливингстона. Верховья неизвѣстной рѣки, идущей на с.-з. отъ Танганайки, были описаны Ливингстономъ. До страны Веніа (3° с. ш. и 26° в. д.) доходили иногда арабскіе купцы; но дальше начинался абсолютно неизвѣстный край, населенный людоѣдами, о которыхъ разсказывали ужасы. Таинственная Ливингстонова рѣка поворачивала прямо на сѣверъ, черезъ тропическій лѣсъ; и никто не зналъ, въ какое море она впадаетъ. Стэнли рѣшилъ спуститься по ней до самаго океана. Это заняло почти полтора года, что одно уже говоритъ о страшныхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть. На порогѣ таинственнаго края, въ Веніа-Нджара, Стэнли устроилъ военный совѣтъ. „Фрэнкъ (спутникъ Стэнли) былъ такъ же, какъ и я, убѣжденъ, — говоритъ Стэнли,—что неизвѣстная рѣка выведетъ, въ концѣ концовъ, насъ къ морю; но моего товарища нѣсколько смущало то, что мощная, многоводная и быстрая рѣка такъ прямо поворачивала на сѣверъ (нужно помнить, что Стэнли шелъ къ берегу Атлантическаго океана, т. е. на западъ). Это смущеніе Фрэнкъ, наконецъ, выразилъ. „Увѣрены ли вы, что рѣка выведетъ насъ?—сказалъ онъ.— Спрашиваю не потому, что предлагаю вернуться послѣ того, какъ мы уже такъ далеко зашли, а потому, что противъ насъ такъ много шансовъ.“—Увѣренъ ли я! Да, я не сомнѣваюсь, что мы, въ концѣ концовъ, гдѣ нибудь выйдемъ, хотя предъ нами теперь все темно, какъ ночь. Очень можетъ быть, острова и лѣса неизвѣстной рѣки задержатъ насъ такъ же сильно, какъ и Де Сото, когда онъ изслѣдовалъ Миссисипи. Мы находимся теперь на высотѣ 1650 саж. надъ уровнемъ моря. Изъ этого вытекаетъ слѣдующее. Или рѣка направляется на сѣверъ, за экваторомъ дѣлаетъ громадный изгибъ и впадаетъ потомъ въ Конго; въ такомъ случаѣ, врядъ ли она образуетъ много пороговъ. Или рѣка сразу поворачиваетъ на западъ. Въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, проходитъ глубокимъ ущельемъ, какъ Колорадо, и образуетъ цѣлый рядъ пороговъ. Быть можетъ также, неизвѣстная рѣка окажется Нигеромъ или даже Ниломъ. Я думаю, мы теперь на Конго. Если это Конго, то предъ нами много пороговъ. Но будь то Нигеръ, Нилъ или Конго—мы пойдемъ впередъ. Я люблю жизнь, какъ вы или какъ наши люди; но чтобы добиться успѣха, я пожертвую и моею жизнью, и жизнью всего каравана. Рискъ великъ, но кто не рискуетъ,—не выигрываетъ.“ *) Караванъ Стэнли находился тогда въ плачевномъ состояніи. „Духъ нашъ сильно упалъ. Среди моихъ людей свирѣпствовала оспа. Дизентерія унесла уже многихъ. Человѣкъ пятьдесятъ были больны чесоткой, человѣкъ двадцать страдали отъ язвъ всякаго рода; многіе жаловались на грудь, лихорадка трясла почти всѣхъ. Въ

*) Through the Dark Continent, v. II, p. 151—152.

моемъ отрядѣ было нѣсколько случаевъ заболѣванія тифомъ. Короче сказать, работы хватило бы десятку докторовъ. Каждый день мы кидали въ глубокія воды Ливингстоновой рѣки два-три трупа.“ Не смотря на всѣ усилія, чтобы ободрить упавшихъ духомъ спутниковъ, они „походили на тѣни“ и смотрѣли на экспедицію, какъ на гибель. Воинственное населеніе таинственнаго края встрѣтило на самомъ порогѣ Стэнли и его спутниковъ крайне враждебно и требовало, чтобы экспедиція плыла назадъ.— Мы вамъ не причиняемъ зла,—просилъ Стэнли.—Впередъ ведетъ насъ рѣка, а она не можетъ повернуть обратно или же остановиться.—Это наша рѣка!—отвѣчали негры. — Хорошо. Такъ скажите ей, чтобы она насъ повезла назадъ, и тогда мы возвратимся.— Если вы не повернете,—грозили негры,—мы будемъ сражаться съ вами.—Не дѣлайте этого: мы друзья.—Мы не желаемъ имѣть васъ друзьями. Мы съѣдимъ васъ,—отвѣчали негры.

„Дикари приблизились къ намъ на 50 — 60 шаговъ и стали пускать въ насъ стрѣлы, завывая все время: „мяса! мяса! у насъ будетъ много мяса! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу“! Мы не питали злобы къ этимъ людоѣдамъ. Можно ли питать гнѣвъ противъ народа, который смотритъ на человѣка, какъ обжора на жирную пулярду? Иногда мнѣ приходила мысль, что все это—тяжелый кошмаръ, и что свирѣпые крики: „мяса, мяса!“ — снятся мнѣ только“. Сцена закончилась ружейными выстрѣлами. „Въ пять минутъ рѣка была очищена.“ Нужно имѣть въ виду, что дикари имѣли вообще основаніе бояться чужихъ. Въ отрядѣ Стэнли были негры, принадлежащіе къ племенамъ, часто вторгавшимся въ страну Веніа и уводившимъ оттуда плѣнниковъ, которыхъ продавали потомъ партіями арабскимъ купцамъ. Такимъ образомъ, дикіе крики: „плывите назадъ или мы съѣдимъ васъ!“ получаютъ объясненіе. Когда подобныя же племена не опасались, что чужеземцы явились, чтобы захватить невольниковъ, — они привѣтливо встрѣчали одинокихъ путешественниковъ. Такъ было съ Мунго Паркомъ и Ливингстономъ. Миклуха-Маклай прожилъ долгое время совершенно одинъ среди дикарей, которыхъ считали самыми свирѣпыми людоѣдами. Стэнли вѣрилъ только въ вооруженную силу, поэтому отчеты объ его путешествіяхъ пестрѣютъ эпизодами въ родѣ слѣдующаго. „Снова и снова кидались дикари на наши засѣки, осыпая насъ стрѣлами и дротиками; но каждый разъ мы отбивали ихъ съ громаднымъ урономъ. Иногда намъ приходилось стрѣлять почти въ упоръ. Вопли, боевые крики, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, глухой звукъ военныхъ роговъ, вой дикарей, стоны раненыхъ, хрипѣнье умирающихъ—все это составило такую адскую музыку, воспоминаніе о которой не скоро изгладится изъ моей памяти. Бой продолжался два часа. Не разъ мои черные спутники хотѣли оставить бой и кинуться къ лодкамъ, но мои помощники прикладами

загоняли ихъ снова въ засѣки. Къ вечеру непріятель бѣжалъ" *). Стэнли не только отбивалъ нападенія. Онъ водилъ свой отрядъ также на штурмъ и бралъ приступомъ деревни. Подобныя страницы, которыми пестритъ отчетъ о второмъ, т. е. наиболѣе научномъ путешествіи Стэнли, даютъ намъ возможность предвидѣть, какая почва была подготовлена для „шакаловъ", явившихся потомъ за смѣлымъ изслѣдователемъ. Территорія, гдѣ происходили эти сраженія, входитъ теперь въ составъ *„Вольнаго"* государства Конго. Самъ Стэнли приводитъ факты, опровергающіе его положеніе, что безъ большого вооруженнаго отряда путешественникъ не можетъ подвигаться впередъ въ Экваторіальной Африкѣ. Вотъ, напр., выдержка изъ дневника смѣлаго путешественника. „18 декабря 1876 г. Проплыли нѣсколько миль и остановились на берегу рукава, отдѣляющаго островъ Мпика. Дикари собрали большую армію, чтобы атаковать насъ съ рѣки." Стэнли, однако, удалось убѣдить дикарей, что онъ не рабовладѣлецъ и не имѣетъ намѣренія ловить невольниковъ. „По всему острову быстро распространилась вѣсть, что прибыли друзья." Путешественнику былъ оказанъ сердечный пріемъ. Все населеніе острова провожало потомъ Стэнли.

Но вотъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, великое путешествіе стало близиться къ концу. Неизвѣстная рѣка повернула съ сѣвера на западъ, потомъ—на югъ. Не подлежало уже сомнѣнію, что это—Конго. Невѣдомая территорія была пройдена. Стэнли былъ теперь въ странѣ, куда съ берега Атлантическаго океана проникали уже купцы негры съ европейскими товарами. Эти негры, принадлежащіе къ племенамъ баконго и базамбо, отличаются такими правильными чертами лица, что Стэнли принялъ ихъ за мулатовъ, потомковъ португальскихъ колонистовъ. „Повидимому,—пишетъ Стэнли,—негры эти не особенно были довольны тѣмъ, что бѣлый человѣкъ проникъ въ страну, которую они до тѣхъ поръ считали своимъ собственнымъ рынкомъ. Купцы зловѣще качали головами и предвѣщали предстоящее раззореніе. „Всюду, куда проникаютъ бѣлые, они несутъ съ собой гибель",—твердили купцы. Бѣдные, темные консерваторы! — прибавляетъ Стэнли.— Существуетъ ли такой человѣкъ, желтый, черный, краснокожій или бѣлый, который не думалъ бы, что онъ былъ счастливѣе при старыхъ, чѣмъ при новыхъ условіяхъ! Исторія человѣчества показываетъ, съ какою враждою встрѣчается каждое нововведеніе. Я спросилъ у стараго ворчуна, который нашелъ большую толпу сочувствовавшихъ ему слушателей,—откуда онъ получилъ ружье?

— Съ Мпуту (т. е. съ берега Атлантическаго океана).

— А платье, которое на тебѣ, откуда оно?

— Съ Мпуту.

— А бисеръ, который тебѣ такъ къ лицу?

---

*) Ib., v. II, p. 140.

Ворчунъ улыбнулся и отвѣтилъ, что съ Мпуту.

— А откуда ты получилъ прелестную мѣдную проволоку въ браслетахъ, изъ которой ваши женщины глядятъ такими красавицами?

Негръ былъ еще болѣе доволенъ и отвѣтилъ, что они все получаютъ съ Мпуту.

— И вино вы получаете оттуда?

— Да.

— И ромъ?

— Да.

— Обижали васъ бѣлые когда нибудь?

— О, нѣтъ.

— Вотъ видите,—сказалъ я неграмъ,—этотъ человѣкъ счастливъ, потому что имѣетъ ружье, платье, бисеръ, проволоку, вино и ромъ. Все это идетъ отъ бѣлыхъ, которые обращаются хорошо съ вами. Не видите ли развѣ теперь, что вы будете счастливѣе, когда узнаете бѣлыхъ людей! Вы знаете, почему старикъ сердится? Онъ хочетъ вамъ самъ продавать товары съ *Мпуту* по дорогой цѣнѣ".

„Мѣстный консерваторъ и протекціонистъ", — продолжаетъ Стэнли,—сразу потерялъ все свое вліяніе" *). Позднѣйшія событія въ „Вольномъ" государствѣ Конго показали, что „старый протекціонистъ" былъ правъ. Бѣлые принесли съ собою ружья, но не для того, чтобы продавать неграмъ, а чтобы убивать ихъ. Начались такія жестокости, предъ которыми поблѣднѣли совершенно ужасы войнъ между различными племенами. Стэнли нашелъ на берегахъ Конго богатыя деревни, большія стада, засѣянныя поля, банановые сады и пр. Европейскіе хищники сразу забрали все это себѣ. „Вольное" государство Конго и сосѣднія колоніи превратились въ колоссальный разбойничій притонъ... Такъ какъ бѣлыхъ было очень мало, то они набрали полки изъ самыхъ свирѣпыхъ дикарей. Людоѣды превратились въ носителей европейской цивилизаціи.

Путешествіе близилось къ концу. Въ августѣ 1877 г. изнуренный, измученный караванъ былъ неподалеку отъ европейскаго поселенія Эмбомма. Объ отчаянномъ положеніи экспедиціи говоритъ слѣдующая выдержка изъ письма Стэнли.

„Къ кому-нибудь въ Эмбоммѣ, кто говоритъ по-англійски. Я прибылъ съ 115 спутниками изъ Занзибара. Мы всѣ теперь погибаемъ съ голода. Мы ничего не можемъ купить у туземцевъ, потому что они не хотятъ брать ситцевъ, бусъ и проволоки, имѣющихся у меня. Къ тому же провизію можно пріобрѣтать только по базарнымъ днямъ, а мы такъ нуждаемся, что не можемъ ждать. Поэтому, я рѣшился отправить впередъ трехъ моло-

*) Ib., v. II, p. 330.

дыхъ спутниковъ, уроженцевъ Занзибара, и съ ними мальчика туземца, говорящаго по-англійски. Умоляю васъ о помощи. Я не знакомъ съ вами, но мнѣ сказали, что въ Эмбоммѣ живетъ англичанинъ, и я рѣшился обратиться къ вамъ, какъ къ христіанину и джентельмэну. Мальчикъ переводчикъ опишетъ вамъ наше отчаянное положеніе. Мы находимся въ крайней нуждѣ, но если ваши запасы прибудутъ своевременно, мы доберемся до Эмбоммы черезъ четыре дня". Стэнли просилъ риса, а для себя — немного чая, сахара, кофе и сухарей. Гонцы отправились. Голодный караванъ съ нетерпѣніемъ сталъ высматривать ихъ. Черезъ два дня раздался радостный крикъ: „идутъ!" Голодные, апатичные, истощенные спутники Стэнли вскочили съ выжженной травы.

— Кто идетъ?

— Гонцы! Съ ними много людей. Несутъ ѣду. Много ѣды! Мы спасены!

Дѣйствительно, прибылъ караванъ, нагруженный не только рисомъ, но сушеной рыбой, хлѣбомъ и платьемъ. Европейцы, получившіе письмо, не забыли прислать вина, сладостей, чая, табаку и пр. Черезъ день все бѣлое населеніе факторіи устроило Стэнли торжественную встрѣчу. Это было только начало ряда торжественныхъ пріемовъ, устроенныхъ смѣлому путешественнику въ Африкѣ и въ Европѣ.

„Путешествіе, считая со дня отправленія изъ Занзибара, продолжалось 999 дней. Стэнли за это время прошелъ 11,663 километра. Ему пришлось перебираться черезъ водопады и пороги, взрывать скалы, таскать волокомъ лодки черезъ лѣса и заросли. Онъ терпѣлъ голодъ, страдалъ отъ лихорадки, тридцать два раза вступалъ, большею частью, слишкомъ поспѣшно, въ бой съ дикарями. Изъ четырехъ европейцевъ, участвовавшихъ въ экспедиціи— Стэнли одинъ остался въ живыхъ. Когда караванъ оставилъ Занзибаръ, онъ насчитывалъ 356 негровъ. Изъ нихъ только 115 дошли до берега Атлантическаго океана. Послѣ этого удивительнаго путешествія, которое обнаружило въ иниціаторѣ его поразительную смѣлость и энергію, неукротимую настойчивость, безпримѣрную силу воли и первокласный военный талантъ, географу остается только разработать нѣкоторыя не важныя детали въ районѣ бассейна Конго" *). Такъ оцѣниваетъ знаменитый географъ значеніе великаго подвига Стэнли.

VI.

Въ 1879 г. Стэнли былъ посланъ на Конго „Интернаціональной Африканской Ассоціаціей" съ цѣлью „открыть рѣку для европейской цивилизаціи". Много красивыхъ и хорошихъ словъ

*) Elisée Reclus, Nouvelle Géographie Universelle, v. XIII, p. 147.

было сказано тогда! Предсказывалось, что въ ближайшемъ будущемъ жестокіе нравы исчезнутъ совершенно въ Экваторіальной Африкѣ. Свирѣпые туземные царьки отойдутъ въ область преданій. Отъ людоѣдства останется только страшное воспоминаніе въ сказкахъ. Бѣлые будутъ обращаться въ „Вольномъ" государствѣ Конго съ черными, какъ съ младшими братьями. Стэнли нашелъ всюду по берегамъ Конго цвѣтущія негритянскія деревни и города; но предвидѣлось, что съ появленіемъ бѣлыхъ край зацвѣтетъ еще больше. Въ третьей экспедиціи Стэнли является талантливымъ коммивояжеромъ и блестящимъ организаторомъ „хозяйскихъ" дѣлъ. Къ 1834 г. Стэнли основалъ на Конго и на притокахъ его двадцать двѣ факторіи. Въ концѣ 1884 г. берлинскій конгрессъ призналъ территорію, занятую Интернаціональной Ассоціаціей, независимымъ государствомъ подъ личнымъ протекторатомъ короля Леопольда II. Конго превратилось въ колонію, куда направились бельгійскіе капиталы для эксплуатаціи мѣстныхъ богатствъ при помощи туземнаго труда, что всегда, во всѣ времена, во всѣхъ странахъ приводило къ рабству въ болѣе или менѣе откровенной формѣ. Всѣ народы попрекаютъ другъ друга злоупотребленіями при эксплуатаціи колоніальныхъ богатствъ туземнымъ трудомъ, что свидѣтельствуетъ только о томъ, что Тартюфы долго не переведутся. Единственно, что сдерживаетъ хищниковъ—страхъ общественнаго контроля. По причинѣ отдаленности и неизвѣстности Конго, это сдерживающее начало сводилось почти къ нулю. Только мало по малу въ печать стали проникать глухіе слухи про порядки, установившіеся въ Конго. Эти слухи приняли потомъ болѣе опредѣленную форму. Теперь—уже внѣ сомнѣнія, что слухи, не смотря на ужасный характеръ ихъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Приведу нѣсколько выдержекъ изъ наиболѣе нашумѣвшихъ памфлетовъ.

„Чтобы быть настоящимъ „цивилизаторомъ" Конго, нужно быть однимъ изъ тѣхъ свирѣпыхъ негодяевъ, совѣсть которыхъ не останавливается ни предъ какимъ преступленіемъ. Нужно безжалостно истреблять всѣхъ, отказывающихся подчиняться мучительству искателей богатствъ. „Цивилизаторы" эти, зачастую, негодяи, которыхъ голодъ и преступленія выгнали изъ родной страны. Изслѣдователь Конго инженеръ Бюрассъ сжегъ и разграбилъ въ верховьяхъ рѣки сотни деревень. Онъ же жестоко стегалъ плетью негритянокъ, все преступленіе которыхъ состояло въ нежеланіи подчиняться ласкамъ Бюрассъ. Изслѣдователь забивалъ на смерть негровъ, забиравшихся въ его черный гаремъ... Пароходныя компаніи на Конго ввели систему настоящаго невольничества.

...Людоѣдство не ослабѣваетъ въ „Вольномъ" государствѣ, не смотря на то, что на проповѣдь христіанства жертвуются гро-

мадныя суммы. Миссіонерская дѣятельность существуетъ, главнымъ образомъ, на бумагѣ... Невольничьи рынки находятся всего въ двухъ дняхъ пути отъ Matadi: сюда рабовъ пригоняютъ на продажу, какъ вьючный скотъ. Здѣсь продаютъ также людей на съѣденіе. Кто не имѣетъ средствъ купить цѣлаго человѣка, пріобрѣтаетъ часть, которую намѣчаетъ на тѣлѣ табачной золой. Раба тутъ же убиваютъ и дѣлятъ на части. Пятнадцатилѣтній негръ стоитъ около 80 фр., тридцатилѣтній—40 фр. Въ сорокъ лѣтъ невольникъ уже не имѣетъ никакой цѣнности, какъ продуктъ питанія. Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка стоитъ на рынкѣ отъ 80—200 фр. Двадцатилѣтняя женщина—50 фр. Въ тридцать лѣтъ невольница теряетъ всякую стоимость. Негры, осужденные за какой-нибудь ничтожный проступокъ, работаютъ, скованные вмѣстѣ, какъ когда-то каторжники въ Тулонѣ" *).

„Богатство въ „Вольномъ" государствѣ Конго,—говоритъ членъ бельгійской палаты депутатовъ Оскаръ Пакэ,—заключается въ движимомъ имуществѣ и въ живомъ инвентарѣ. Послѣдній состоитъ изъ женщинъ, дѣтей и рабовъ. Женщинъ, рожденныхъ не рабынями, можно пріобрѣсти у родителей ихъ за нѣсколько подарковъ. Рабынь покупаютъ по сходной цѣнѣ на рынкѣ. Невольникъ стоитъ отъ 60—80 франковъ" **)... Рядомъ съ такими фактами странно звучатъ слова защитниковъ колонизаціи Конго. Апологетами являются или иниціаторы промышленныхъ предпріятій, или священники, убѣждающіе благочестивыхъ дамъ жертвовать деньги на миссіонерскую дѣятельность среди черныхъ. Нужно торопиться,—уговариваютъ при этомъ священники,—потому что иначе этихъ дикарей обратятъ въ масульманство арабы. Крестъ снова, такимъ образомъ, столкнулся съ полумѣсяцемъ. Роковая борьба скоро должна начаться. Исламу необходимо для гаремовъ человѣческое мясо, которое теперь онъ можетъ найти уже только въ Африкѣ. Такимъ образомъ, исламъ держится на рабствѣ и не можетъ существовать безъ охоты на людей. Съ другой стороны, христіанская церковь, какъ извѣстно, стремится освободить всѣхъ. Она вырветъ бѣдныхъ невольниковъ изъ рукъ рабовладѣльцевъ" etc. ***)

VII.

Въ 1875 г. германскій путешественникъ Эдуардъ Шнитцеръ, принявшій исламъ и извѣстный съ тѣхъ поръ подъ именемъ Эмина-бея, а потомъ Эмина-паши,—отправился въ Каиръ, а оттуда въ Хартумъ въ надеждѣ проникнуть въ Экваторіальную Аф-

*) Léon van Paris. „Les Hontes de la Civilisation" p. 5—15.
**) La Verité sur le Congo, Bruxelles, 1895.
***) Aux Antipatriotes. A propos d'une Grande Oeuvre. Bruxelles. 1896, p. 44.

рику. Черезъ годъ генералъ Гордонъ, погибшій потомъ въ Хартумѣ, былъ назначенъ губернаторомъ Экваторіальной Африки и пригласилъ Эмина-пашу на службу. Еще черезъ два года Гордона назначили генералъ-губернаторомъ всего Судана, а прежній постъ Гордона получилъ Эминъ-паша, который оказался распорядительнымъ и способнымъ администраторомъ.

Въ 1882 г. началось возстаніе Магди, которое мало по малу захватило и Экваторіальную Африку. Черезъ два года египетское правительство очистило Суданъ. Эминъ-паша тогда вынужденъ былъ оставить свою станицу Ладо и удалиться въ Ваделаи. Губернатора извѣстили, что египетское правительство не можетъ помочь ему, и ему совѣтовали, поэтому, сдѣлать попытку добраться до Занзибара. Эминъ-паша сперва думалъ послѣдовать совѣту, а потомъ рѣшилъ остаться, разсчитывая, повидимому, что ему удастся удержать край. Египетскій хедивъ послалъ въ 1887 г. Стэнли освобождать Эмина-пашу. Судя по дневнику и письмамъ Шиитцера, опубликованнымъ послѣ смерти его (Emin Pasha in Central Africa), Эминъ-паша не особенно желалъ, чтобы его „освобождали“ *), такъ какъ былъ убѣжденъ, что ему не трудно будетъ „отсидѣться“. Стэнли отправился во главѣ вооруженнаго отряда въ 1.000 человѣкъ. У путешественника теперь были помощники-офицеры. Такимъ образомъ, Стэнли дѣйствительно явился главнокомандующимъ. Въ 1888 г. онъ нашелъ Эмина-пашу и убѣдилъ его послѣдовать за собой въ Багамайо (на берегу Индійскаго океана), куда экспедиція прибыла въ декабрѣ 1889 г. Какъ и прежнія экспедиціи, путешествіе съ цѣлью освобожденія Эмина-паши поражаетъ своею смѣлостью. Стэнли отправился изъ Стэнлипуля на р. Конго и перерѣзалъ первобытный тропическій лѣсъ. Книга „In the Darkest Africa“, въ которой Стэнли описалъ свой походъ, замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ. Авторъ чувствуетъ себя въ ней имперіалистомъ-воиномъ, администраторомъ, но отнюдь не скромнымъ путешественникомъ. По тону, по описаніямъ безчисленныхъ битвъ, пожаровъ, набѣговъ и прочихъ подвиговъ, „In the Darkest Africa“ напоминаетъ мемуары какого нибудь знаменитаго буканера XVI или XVII вѣка. Многія страницы приводятъ на память докладъ Джона Хаукинса, товарища Фрэнсиса Дрэка, „пирата, негроторговца и англійскаго джентльмэна“, по опредѣленію Джорджа Грифита. Книга Стэнли произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи. Она породила рѣдкую критику. Не смотря на то, что газеты биржевого капитала, какъ „Times“, защищали Стэнли, въ печати выплывали очень непріятные для знаменитаго путешественника

*) «So far as Emin was concerned, the expedition was undertaken on a complete misunderstanding» (Келти), т. е. „Что касается рѣшенія освободить Эмина-пашу, то оно основывалось на полномъ недоразумѣніи“.

факты, собранные, между прочимъ, въ книгѣ Фокса Боурна (The Other Side of the Emin Pasha Relief Expedition, London, 1891).

Достаточно матеріаловъ, впрочемъ, даетъ самъ путешественникъ. Въ книгѣ „In the Darkest Africa" Стэнли, напр., описываетъ военный судъ, устроенный имъ надъ тремя спутниками, которые совершили мелкое воровство и пытались бѣжать изъ лагеря. Путешественникъ присудилъ ихъ къ смертной казни. „Одинъ долженъ умереть сегодня,—гласитъ протоколъ,—другой завтра, а третій послѣзавтра. Каждаго, уличеннаго въ воровствѣ, ждетъ отнынѣ казнь. Осужденные вытащили жребій: кому попалась самая короткая бумажка, долженъ былъ умереть первымъ. Жребій достался Фаржалла-билъ-Али. Перекинули веревку черезъ крѣпкую вѣтвь. Осужденному надѣли петлю, затѣмъ сорокъ человѣкъ, по моему приказу, взялись за другой конецъ.

— Имѣешь ли ты что сказать?—спросилъ я.—Осужденный отрицательно мотнулъ головой. Я далъ сигналъ, и осужденнаго вздернули. Караванъ двинулся въ путь, раньше чѣмъ въ тѣлѣ исчезли признаки жизни" *). Стэнли, казнившій грума за воровство, спокойно разсказываетъ, какъ отдавалъ приказъ разграбить деревни мирныхъ негровъ. „Мы устроили великолѣпный пиръ. Въ домахъ мы нашли горшки съ сочнымъ мясомъ. Въ юртахъ мои люди разыскали жареныхъ куръ, лепешки, бананы" **). Грабежъ сталъ правильнымъ занятіемъ экспедиціи. „Четвертаго декабря мы остановились лагеремъ. Мои ребята, сложивъ ношу, для развлеченія отправились шарить въ деревнѣ. Они наскочили такъ неожиданно, что возвратились съ богатымъ запасомъ куръ, сахарнаго тростника и спѣлыхъ банановъ" ***). Черезъ страницу Стэнли повѣствуетъ объ успѣшномъ набѣгѣ на деревню, которую ограбилъ. Имперіалисту все разрѣшено, въ особенности, если онъ читаетъ библію каждый вечеръ, какъ дѣлалъ это Стэнли. Чтобы получить провизію, одинъ изъ спутниковъ Стэнли, Джемсонъ, отдаетъ приказъ поймать какую нибудь женщину. „Мы поймали двухъ, да еще мальчика и дѣвочку. Мы могли бы изловить мужчинъ, но не хотѣли этого, такъ какъ знали, что за женщинъ дикари дадутъ выкупъ. Мальчика мы отпустили, но остальныхъ плѣнниковъ держали до тѣхъ поръ, покуда намъ доставили выкупъ" ****). Черезъ недѣлю одна изъ женщинъ убѣжала; но другую женщину и младенца скоро выпустили за двѣ козы, девять куръ и немного рыбы. Это было 17 іюля. Черезъ четыре дня Джемсонъ отмѣчаетъ въ дневникѣ. „Рѣшительно не-

*) In the Darkest Africa, v. I, p. 202.
**) Ib. v. I. 272.
***) Ib., p. 278.
****) Story of the Rear-Column, p.p. 82, 83.

вижу возможности купить провизію. Остается поймать еще нѣсколько женщинъ". Перваго августа отмѣчается. „Туземцы на много миль кругомъ покинули свои деревни и разбѣжались. Къ сожалѣнію, они угнали съ собою всѣхъ козъ и забрали куръ. Добычи (loot) совсѣмъ не осталось, хотя мы шныряемъ всюду, чтобы разыскать чего поѣсть. Иногда мы приходимъ въ большую, совершенно пустынную деревню. Нигдѣ ни души, хотя, судя по дымящимся очагамъ, населеніе только что разбѣжалось. Для насъ настоящая загадка, кто сообщаетъ дикарямъ о нашемъ приближеніи" *).

Я упомянулъ уже про книгу „The Other Side of the Emin Pasha Relief Expedition" (Лондонъ, 1891 г.).

Авторъ ея говоритъ, между прочимъ.

„Въ своей книгѣ „In the Darkest Africa" Стэнли горячо обличаетъ торговлю невольниками; но, повидимому, забываетъ, что его дѣятельность сводилась къ борьбѣ со всѣми усиліями, цѣль которыхъ уничтожить невольничество. Стэнли вступалъ въ союзъ съ негроторговцами и проложилъ дорогу черезъ великій лѣсъ Центральной Африки, которой прежде всѣхъ воспользовались работорговцы" **). Авторъ доказываетъ дальше, что „экспедиція флибустьеровъ", вмѣсто того, чтобы освободить Эмина-пашу, только ухудшила его положеніе. Стэнли и не могъ дать какую либо помощь Эмину-пашѣ, такъ какъ весь багажъ путешественника состоялъ изъ ящиковъ съ патронами...

На могильной плитѣ, подъ которой теперь лежитъ тѣло знаменитаго путешественника, значится его прозвище: „Прокладыватель дорогъ". Оно дано арабами и неграми. Съ такимъ же правомъ можно было бы вырѣзать на камнѣ: „Завоеватель рынковъ". Благодарный капиталъ не забылъ своего усерднаго слугу...

Въ этомъ письмѣ я привелъ много печальныхъ фактовъ, явившихся послѣдствіемъ смѣлыхъ вторженій Стэнли въ сердце Африканскаго материка. Теперь упомяну про факты, нѣсколько болѣе отрадные. Къ берегамъ озера Викторія-Ніанца, самое существованіе котораго казалось почти миѳическимъ тридцать лѣтъ тому назадъ, теперь можно добраться изъ Каира по желѣзной дорогѣ и въ каютѣ удобнаго парохода. Озеро Танганайка тоже можно объѣхать на пароходѣ. Отъ береговъ Викторія-Ніанца до Момбаза на Индійскомъ океанѣ, черезъ первобытный тропическій лѣсъ, населенный карликовыми племенами, ведетъ желѣзная дорога. У знаменитаго Кука можно взять теперь круговой билетъ изъ Лондона черезъ Суданъ, гдѣ Стэнли освобождалъ Эмина-пашу, на Момбазъ, Суэцъ, Портъ-Саидъ и обратно въ Лондонъ... Для будущаго Стэнли нѣтъ больше работы. Человѣчество осмот-

*) Ib.. p. 100.
**) Fox Bourne, p. 200.

рѣло уже всю эту крупицу космоса, отведенную ему въ удѣлъ. За то, быть можетъ, доступность чернаго материка сдѣлаетъ общественный контроль надъ нимъ возможнымъ. Тогда исчезнутъ тѣ страшныя насилія бѣлыхъ надъ черными, которыя происходятъ теперь въ захваченныхъ недавно колоніяхъ.

Діонео.

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

IV. Вальдэкъ-Руссо.

Изучая, несомнѣнно, крупную фигуру Вальдэка-Руссо, мы можемъ отдать себѣ довольно ясный отчетъ, какія умственныя силы еще заключаются въ третьемъ сословіи, „окна котораго", какъ уже во времена Гамбетты говорилъ одинъ народофильствующій поэтъ, „обращены на западъ". Буржуазія, какъ отживающій, но не отжившій классъ, обнаруживаетъ въ лицѣ своихъ наиболѣе яркихъ представителей еще немало талантовъ и способностей. Тѣмъ интереснѣе прослѣдить границы, которыя не могутъ переступить въ своемъ пониманіи, а еще болѣе въ своемъ дѣйствіи, даже и самые крупные выразители класса, обреченнаго на гибель общимъ историческимъ движеніемъ. На примѣрѣ „великаго буржуа" или „аристократа буржуазіи", какъ часто называютъ Вальдэка его біографы, можно лучше всего видѣть, въ чемъ сила и въ чемъ слабость третьяго сословія, которое еще полвѣка тому назадъ вызывало въ одно и то же время и диѳирамбы, и обличенія Прудона *) и которое съ тѣхъ поръ все рѣже можетъ претендовать на восхищеніе и все чаще должно подвергаться критикѣ.

Для людей, мыслившихъ и писавшихъ въ половинѣ XIX-го вѣка и нѣсколько раньше того, историческая задача третьяго сословія представлялась въ формѣ безпрерывнаго преобразованія общественныхъ и политическихъ условій, безпрестаннаго прогресса и новаторскихъ стремленій.

Но вотъ уже полвѣка, говоря въ общемъ, какъ буржуазія стала ревностною защитницею общественной неподвижности и соціальнаго консервантизма. А само „примиреніе" ея съ „пролетаріатомъ", о чемъ говорилъ Прудонъ, въ глазахъ буржуазіи является лишь но-

---

*) P.-J. Proudhon, *Idée générale de la Revolution au XIX siècle*; Парижъ 1851, стр. I—VI, *passim*.

вымъ и по нынѣшнимъ временамъ наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ закрѣпить разъ навсегда основныя учрежденія современнаго строя. Да, пожалуй, придется еще прибавить, что и этотъ сравнительно дальновидный взглядъ раздѣляется далеко не всею буржуазіею, которая, на словахъ отрицая всякую борьбу классовъ и считая ее даже за измышленіе соціальныхъ демагоговъ, на практикѣ рѣзко отграничиваетъ свои интересы отъ интересовъ трудящихся и ожесточенно подчеркиваетъ свои привилегіи. Вальдэкъ-Руссо принадлежитъ, однако, не къ этой наиболѣе распространенной категоріи буржуазіи, а къ тому относительно дальновидному меньшинству ея, которое ищетъ въ „примиреніи съ пролетаріатомъ" орудіе затушевыванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и увѣковѣченія своего соціальнаго господства. Въ какой степени здѣсь играетъ непосредственную роль казуистика Маккіавели, опредѣлявшаго, какъ извѣстно, случаи, когда „правителю", т. е. въ нашей гипотезѣ имущему и правящему классу, лучше возбуждать симпатіи, чѣмъ страхъ въ массахъ, — è meglio essere amato che temuto, — этотъ вопросъ можно оставить въ сторонѣ. Во всякомъ разѣ, какими бы аффектами благорасположенія ни окрашивалась у отдѣльныхъ представителей дальновидной буржуазіи политика „примиренія съ пролетаріатомъ", сама эта политика должна разсматриваться почти какъ общественная необходимость, сознаваемая, однако, лишь упомянутымъ наиболѣе проницательнымъ меньшинствомъ буржуазіи. Разсмотрѣніе взглядовъ Вальдэка-Руссо съ подобной точки зрѣнія тѣмъ болѣе интересно, что на примѣрѣ этого исключительно крупнаго дѣятеля третьей республики можно прослѣдить отчасти преемственность такого отношенія къ соціальному вопросу въ нѣкоторыхъ слояхъ третьяго сословія. Не заявилъ-ли однажды авторъ законодательства о синдикатахъ, что въ этомъ вопросѣ онъ лишь слѣдуетъ по пути, на который нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ступилъ его отецъ? Вальдэкъ-Руссо, дѣйствительно, принадлежитъ къ тѣмъ такъ называемымъ „республиканскимъ династіямъ" третьей республики, которыя заключаютъ въ себѣ уже нѣсколько поколѣній государственныхъ дѣятелей и обладаютъ нѣкоторыми наслѣдственными традиціями, какъ-то можно замѣтить на семьяхъ Карно, Дешанэлей, Пелльтановъ, Кавеньяковъ, Казиміровъ Перье и т. п. Личная біографія Вальдэка-Руссо была бы поэтому отчасти непонятна, если бы мы не предпослали ей краткой біографіи его отца.

Нѣкоторые факты изъ жизни этого отца можно найти въ филистерски-панегирической біографіи, написанной—о, иронія судьбы!—пресловутымъ Кенэ-де-Борепэромъ, бывшимъ генеральнымъ прокуроромъ, нѣкогда громившимъ, передъ верховнымъ судомъ сената, Буланже, Рошфора и Диллона, а во время дѣла Дрей-

фуса внезапно выступившимъ въ лагерѣ милитаристовъ и клерикаловъ противъ „измѣнниковъ отечества“ и заслужившимъ восторженный отзывъ того же Рошфора и прочихъ націоналистовъ. Въ то время, когда писалась эта біографія,—напечатанная въ 1898 г. въ одномъ изъ политическихъ журналовъ Франціи,—Кенэ-де-Борепэръ усердно вращался въ оппортунистскихъ сферахъ и расточалъ въ упомянутой статьѣ законнически-тяжелыя похвалы отцу Вальдэка-Руссо ради того сильнаго вліянія, которымъ пользовался среди правившихъ тогда умѣренныхъ республиканцевъ его сынъ; всего черезъ годъ послѣ того, заклейменный своими бывшими политическими друзьями названіемъ „ренегата“ и ведшій, въ качествѣ перваго министра, борьбу противъ націоналистовъ и въ томъ числѣ Кенэ-де-Борепэра. Какъ бы то ни было, сквозь дымъ куреній, разстилающійся въ біографіи, можно разобрать нѣкоторыя черты отца Вальдэка-Руссо, которыя придется отмѣтить здѣсь въ виду ихъ значенія для жизненной и политической карьеры далеко его затмившаго славой сына.

Отецъ Вальдэка-Руссо, Ренэ Вальдэкъ-Руссо, родился въ 1809 г. въ нормандскомъ городкѣ Авраншѣ отъ офицера наполеоновской арміи въ отставкѣ, который служилъ въ министерствѣ финансовъ и, въ качествѣ сборщика податей (percepteur), долго кочевалъ по всей Франціи, пока, наконецъ, не осѣлъ на болѣе спокойномъ и выгодномъ мѣстѣ окружнаго податнаго чиновника (receveur particulier) въ Жонзакѣ, въ департаментѣ Нижней-Шаранты. Ренэ кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ въ городѣ Реннѣ, старой столицѣ Бретани, былъ нѣкоторое время помощникомъ присяжнаго повѣреннаго въ Жонзакѣ, а затѣмъ переселился для адвокатской практики въ большой торговый, на половину рѣчной, на половину приморскій городъ Нантъ. Здѣсь онъ женился и скоро пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ защитникъ, благодаря своему несомнѣнному дару слова, который, однако, въ началѣ каждой рѣчи неизмѣнно парализовался у него природной застѣнчивостью:

Когда ему давали слово,—патетически разсказываетъ Кенэ-де-Борепэръ,—онъ испытывалъ несказанное волненіе. Съ опущенными въ землю глазами, съ повисшими по бокамъ руками, онъ начиналъ свою рѣчь глухимъ и медленнымъ голосомъ; но скоро, при звукѣ какой-нибудь энергичной своей фразы, онъ преображался и становился мастеромъ своего дѣла; то былъ атлетъ, который сокращалъ сначала свои мускулы и затѣмъ однимъ скачкомъ бросался впередъ. Его діалектика была поистинѣ страшна, а форма рѣчи превосходна; каковъ бы ни былъ предметъ, его обширный умъ охватывалъ его общей идеей. Никто не умѣлъ лучше его устремляться вверхъ, къ высотамъ и однимъ взмахомъ крыльевъ возвращаться къ вопросу и т. д. *).

Проще сказать, Вальдэкъ-Руссо былъ хорошимъ адвокатомъ; а такъ какъ онъ отличался сверхъ того большою профессіональ-

*) J. Quesnay de Beaurepaire, *Waldeck-Rousseau* (1809–1822); „Revue politique et parlementaire“, № отъ 10-го февраля 1898, стр. 234—235.

ною добросовѣстностью и былъ честнымъ человѣкомъ въ общемъ значеніи этого слова, то уже рано онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе популярныхъ защитниковъ нантскаго окружнаго суда, и матеріальное его положеніе прочно установилось. По взглядамъ онъ былъ типичный буржуа, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ филантропическихъ стремленій и симпатій сверху внизъ къ рабочему классу; въ молодости вступилъ было въ тайное „общество правъ человѣка", которое, какъ извѣстно, отличалось рѣзко революціонными и слегка соціалистическими тенденціями *). Но эта принадлежность не пошла, повидимому, далѣе дружбы и личныхъ симпатій къ мѣстнымъ членамъ конспираціи: типографщику Манжэну и врачу Гэпэну, міровоззрѣніе которыхъ носило слѣдъ идей Сэнъ-Симона и Пьера Леру. Даже чувство религіозности, бывшее отличительной чертой людей этого поколѣнія, не смотря на возможныя различія ихъ взглядовъ, принимало у Вальдэка-Руссо формы самаго ортодоксальнаго католицизма. Но какъ бы то ни было, знаменитый нантскій адвокатъ былъ искреннимъ, хотя и умѣреннымъ республиканцемъ и считался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ оппозиціи въ Бретани.

Когда вспыхнула февральская революція, Вальдэкъ-Руссо былъ выбранъ однимъ изъ представителей отъ департамента Нижней-Луары въ учредительное собраніе. Членъ коммиссіи труда, онъ поддерживалъ въ ней умѣренные взгляды, шедшіе въ разрѣзъ со всякой радикальной постановкой дѣла въ этой области, но признавалъ цѣлесообразность „примиренія съ пролетаріатомъ", хотя не въ смыслѣ Прудона, а въ смыслѣ устраненія или, по крайней мѣрѣ, смягченія великаго историческаго антагонизма между трудомъ и капиталомъ. Такъ, въ качествѣ докладчика по вопросу объ „анкетѣ" условій труда во Франціи, онъ произнесъ съ трибуны собранія слѣдующую рѣчь, изъ которой мы приведемъ наиболѣе характерныя мѣста:

У труда есть свои страданія, свои препятствія, свои разочарованія и свои формы нищеты. Зло бросается въ глаза. Язва словъ растравлена антагонизмомъ извѣстныхъ интересовъ, которые обнаруживаютъ страсть, какъ разъ когда должны были бы примиряться... Анкета лишь возьметъ въ руки уже существующее возбужденіе умовъ; она не позволитъ ему пойти по ложному пути, но направитъ его на изученіе фактовъ и средствъ... Впрочемъ, раздѣленные теперь интересы скорѣе примирятся между собою, встрѣчаясь близко другъ съ другомъ и обмѣниваясь выраженіемъ своихъ претензій и надеждъ, чѣмъ продолжая наблюдать взаимно другъ друга издали, какъ два непріятеля, предпочитающіе стратегическія хитрости откровенному объясненію... Нынѣ мы желаемъ противопоставить словамъ, указывающимъ на зло настоящаго, но не уничтожающимъ его, утѣшеніе и средство **).

---

*) О немъ см., между прочимъ, у Georges Weill, *Histoire du Parti républicain en France de 1814 à 1870*; Парижъ, 1900, стр. 98 и слѣд.

**) Цитировано Кенэ-де-Борепэромъ на стр. 237—238 по „Moniteur" отъ 25 мая 1848 г.

Само собою, эти старанія примирить непримиримые интересы сопровождаются у Вальдэка-Руссо энергичнымъ желаніемъ отстоять основы современнаго строя даже въ ихъ злоупотребленіяхъ. Такъ, предлагая собранію отбросить предложеніе одного депутата обязать собственниковъ расчищать непроизводительно запущенныя земли подъ контролемъ представителей націи, онъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ свое отрицательное отношеніе къ проекту (дѣло шло, очевидно, объ обязательствѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ не злоупотреблять расширеніемъ парковъ, мѣстъ для охоты и т. п., такъ какъ крестьянина нечего принуждать обработывать землю: онъ и безъ того послѣдній клочокъ пуститъ въ ходъ):

Этимъ путемъ вы желаете вызвать глубокое нарушеніе права каждаго свободно распоряжаться своею собственностью. Поощряйте земельныя улучшенія: нѣтъ ничего лучше. Но дѣлать ихъ обязательными значитъ отрицать собственность и свободу... А что касается до посылки насъ въ департаменты для контроля, то я долженъ напомнить, что избиратели выбрали насъ для того, чтобы мы были здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ *).

Точно также Вальдэкъ-Руссо, уже послѣ іюньскихъ дней,—въ которые онъ увѣщевалъ стоявшихъ за баррикадами рабочихъ сдаться арміи Кавеньяка,—рѣзко высказался противъ различныхъ проектовъ „раздачи пособій пролетаріату". Онъ называлъ ихъ „подачей милостыни" и отвергалъ,— какъ это обыкновенно принято у буржуазныхъ экономистовъ и политиковъ,—во имя „нравственнаго достоинства народа":

Облегчать страданія значитъ ли это оживить трудъ? Къ несчастію, эта оффиціальная милостыня не успокоитъ раздраженія... Бойтесь черезчуръ отдаляться отъ настоящаго пути поданія помощи. Достойная, нравственная, допустимая форма помощи это та, которая пускаетъ въ ходъ трудъ человѣка и открываетъ просторъ его гордой дѣятельности. Вотъ истинное средство умиротворенія. Мой протестъ противъ подачки есть требованіе труда **).

Само собою разумѣется, что это „требованіе труда" понималось Вальдэкомъ-Руссо какъ возможно полное сохраненіе обычныхъ формъ отношенія между нанимающимъ капиталомъ и нанимаемымъ трудомъ. Ибо, когда въ учредительномъ собраніи зашла осенью 1848 г. рѣчь объ организаціи дешеваго кредита рабочимъ ассоціаціямъ, нашъ адвокатъ всѣми силами возсталъ противъ этой „привилегіи снизу", которая оказалась бы, по его мнѣнію, аналогичной съ „привилегіями сверху, отмѣненными въ 1789 г.":

Какъ! Учредительное собраніе хочетъ доставлять рабочимъ ассоціаціямъ капиталы по $3^1/_2$%, тогда какъ частной промышленности приходится платить вдвойнѣ за занимаемыя суммы? Нѣтъ и нѣтъ, не надо привилегій! Я не врагъ опытовъ, которые мы должны дѣлать, чтобы рѣшить практическими путями

*) Ibid., стр. 238 (по „Moniteur" отъ 27-го мая).
**) „Moniteur" отъ 15-го августа.

задачу полезности или опасности ассоціацій. Но я заявляю, что если вы желаете освѣтить будущее и дать осязательныя доказательства, то вы должны ставить вступающихъ въ ассоціацію рабочихъ въ нормальныя условія промышленности. (*Очень хорошо!*). Если вы предоставляете имъ чрезмѣрныя права и необыкновенныя выгоды, по сравненію съ обычнымъ ходомъ свободной конкурренціи, то что произойдетъ въ такомъ случаѣ? Вы разрушите равенство, вы разорите фабриканта, расходы котораго поднимаются до 7%, тогда какъ ассоціаціи будутъ платить лишь 3½%. Болѣе того: глава промышленнаго предпріятія будетъ осужденъ въ формѣ налоговъ и патентовъ уплачивать часть государственнаго бюджета, употребляемаго на поддержаніе тѣхъ самыхъ ассоціацій, которыя его разоряютъ; и когда у него не останется ничего, онъ будетъ вынужденъ за неимѣніемъ работы распустить своихъ рабочихъ, т. е. всѣхъ рабочихъ, не вступившихъ въ ассоціацію и составляющихъ большинство рабочаго класса. И тогда привилегія, данная нѣкоторымъ лицамъ, послужитъ орудіемъ гибели громаднаго большинства. Это—неравенство, нарушеніе равновѣсія, это—несправедливость. (*Очень хорошо! Очень хорошо! На голоса!*) *).

Вскорѣ Вальдеку-Руссо, какъ и многимъ другимъ умѣреннымъ и даже радикальнымъ, но буржуазнымъ республиканцамъ, пришлось испытать на себѣ слѣдствіе реакціи, фатально обострившейся послѣ іюльскихъ дней и гнавшей неумолимо Францію въ цѣпкія объятія авантюриста. Онъ былъ докладчикомъ результатовъ выбора въ президенты республики и замогильнымъ голосомъ провозгласилъ „гражданина Бонапарта“ избраннымъ 5.434,226 голосами на общее число 7.327,345 поданныхъ голосовъ, въ то время, какъ личный другъ Вальдэка-Руссо, генералъ Кавеньякъ, политику котораго онъ такъ ревностно поддерживалъ въ іюльскіе дни и послѣ нихъ, получилъ всего 1.448,107 голосовъ **). Докладчикъ закончилъ свою рѣчь словами: „имѣйте довѣріе! Да защититъ Богъ Францію!“,—а на выборахъ 13-го мая 1849 г. въ законодательное собраніе былъ забаллотированъ, и отнынѣ до самаго паденія имперіи, въ теченіе почти 20 лѣтъ, устранялся отъ активной политической дѣятельности, посвятивъ себя исключительно адвокатурѣ и проводя все свободное отъ занятій время въ кругу своей семьи, состоявшей изъ жены и двухъ сыновей.

Его соціальныя идеи нисколько не измѣнились подъ вліяніемъ политическаго кризиса: то же рѣзкое отношеніе къ „притязаніямъ“ соціализма и то же отстаиваніе привилегій современнаго буржуазнаго режима, отстаиваніе, смягчающееся лишь признаніемъ полезности участія рабочихъ ассоціацій въ подрядахъ по выполненію общественныхъ работъ и организаціей частной благотворительности для инвалидовъ труда и сиротъ при осторожномъ вмѣшательствѣ государства. Такъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ концѣ 1849 г. въ качествѣ предсѣдателя филантропически-

*) Ibid., „Moniteur“ отъ 16-го ноября.

**) См. трагикомическую сцену этого засѣданія 20-го декабря 1848 г. по оффиціальному журналу у Eugene Ténot, *Paris en décembre 1851*, Парижъ, 1868, 3-е изд., стр. 13—16.

промышленнаго общества, основаннаго имъ въ Нантѣ, онъ развивалъ свои идеи о значеніи благотворительности слѣдующимъ образомъ:

Вмѣшательство государства должно носить лишь попечительный характеръ; иначе оно породитъ *квіетизмъ личности*... Нашъ общій законъ это—трудъ. Трудъ это общественный долгъ человѣка, долгъ никогда не допускающій униженія, всегда сохраняющій свое достоинство, а порою и славу.

Но по отношенію къ тому, кто истощилъ свои силы въ тяжелой работѣ; по отношенію къ тому, кто исчерпалъ источники труда; по отношенію къ тому, кого природные недуги сдѣлали непроизводительнымъ; по отношенію къ тому ребенку, котораго несчастная случайность рожденія бросила въ міръ безпомощнымъ; по отношенію къ этимъ бѣднымъ сиротамъ, которыхъ небо лишило родительскихъ поцѣлуевъ и покровительства; по отношенію къ этимъ преждевременнымъ жертвамъ порока, просящимъ о сожалѣніи въ прошломъ и о реабилитаціи въ будущемъ,—о, господа, это мнѣ говоритъ законъ моего сердца и убѣжденіе моего ума!—по отношенію ко всѣмъ этимъ людямъ общество имѣетъ свои обязанности. Я и не хочу, чтобы оно смиренно преклонялось передъ этой нищетой, какъ должникъ передъ кредиторомъ, но я желаю, чтобы оно протянуло ей свои руки, какъ предусмотрительная и самоотверженная мать открываетъ свои объятія дѣтямъ.

Если государство въ этихъ границахъ присоединитъ свои усилія къ усиліямъ частной благотворительности, оно совершитъ дѣло разумнаго пониманія. Оно заставитъ замолчать жалобы, рисующія общество эгоистичнымъ, жестокимъ, безпечно смотрящимъ на человѣческое несчастіе; страна возвратитъ государству въ формѣ могущества и безопасности то, что оно дало ей въ формѣ помощи нуждающимся...

Когда говорятъ о благотворительности, чувства ненависти и мысли раздора забываются; сердце вступаетъ въ свои права, руки ищутъ взаимнаго пожатія. Будьте увѣрены: люди примирятся рано или поздно между собой въ объятіяхъ благотворительности *).

Я привелъ по возможности полно эти чувствительныя тирады адвоката о благотворительности, имѣя въ виду тѣхъ черезчуръ восторженныхъ біографовъ Вальдэка-Руссо сына, которые и его отца хотятъ представить какъ серьезнаго соціальнаго реформатора. Всматриваясь хладнокровно во взгляды стараго Вальдэка, мы можемъ только сказать, что между отцомъ и сыномъ въ этомъ отношеніи была извѣстная преемственность; что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ отецъ вносилъ нѣсколько большую благожелательность въ отношенія къ массамъ, чѣмъ это было обычно у большинства тогдашней буржуазіи, которая порою прямо бравировала своимъ жестокимъ исповѣдываніемъ началъ свободной конкурренціи и войны всѣхъ противъ всѣхъ. Соціальныя же новшества стараго Вальдэка, не выходя изъ рамокъ буржуазнаго міровоззрѣнія, сводились къ признанію необходимости примирить противорѣчивые интересы, расширить нѣсколько границы хозяйственной дѣятельности ассоціацій, наконецъ, придать болѣе активный характеръ частной и государственной благотворительности. Въ

*) Цитировано у Кенэ-де-Борепэра, (стр. 246—247) по „Annales de la Société industrielle de France".

остальномъ нантскій адвокатъ былъ типичнымъ буржуа и при томъ буржуа-законникомъ, у котораго были даже извѣстные узко-корпоративные предразсудки, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одна изъ его парламентскихъ рѣчей, въ которой онъ защищалъ хорошіе оклады судейскаго сословія, служащаго „всему, что только есть самаго священнаго, самаго возвышеннаго, самаго консервативнаго въ интересахъ общества“.

Остальная часть его біографіи не можетъ особенно занимать насъ. Наиболѣе рельефныя черты его личности обрисовались въ періодъ, изображенный нами. Можно прибавить лишь, что его адвокатская популярность все болѣе и болѣе росла съ годами; что онъ былъ въ самый разгаръ цезаристской реакціи выбранъ (и продолжалъ выбираться до конца жизни) старшиною нантскаго адвокатскаго сословія; защищалъ порою республиканцевъ на политическихъ процессахъ, большею частію по дѣламъ печати; при паденіи имперіи былъ мэромъ Нанта и пытался патріотическими прокламаціями возбудить воинственное настроеніе у своихъ, слабо отвѣчавшихъ на этотъ призывъ, согражданъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ, повидимому, провелъ среди смѣшанныхъ чувствъ отцовскаго удовлетворенія, видя быстрые адвокатскіе и политическіе успѣхи своего сына, и недовольства антиклерикальной политикой тѣхъ республиканскихъ слоевъ, которые подъ предводительствомъ Гамбетты становились у власти, борясь съ представителями отживающихъ партій не только на политической, но и на религіозной почвѣ. Въ то время, какъ Вальдэкъ-Руссо сынъ дѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ адъютантовъ Гамбетты, произнесшаго знаменитую фразу (взятую имъ у стараго республиканца Пейра) „клерикализмъ вотъ нашъ врагъ“, Вальдэкъ-Руссо отецъ подавалъ въ отставку отъ должности мэра Нанта, муниципальный совѣтъ котораго высказался за свѣтскую школу; протестовалъ (въ 1880 г.) противъ изгнанія изъ Франціи религіозныхъ орденовъ и вообще при всякомъ случаѣ высказывалъ свое отрицательное отношеніе къ тактикѣ большинства тогдашней республиканской партіи. Вальдэкъ-Руссо отецъ умеръ на 74 году жизни, въ февралѣ 1882 г., значитъ, успѣвъ увидать своего сына министромъ внутреннихъ дѣлъ въ „великомъ министерствѣ“ Гамбетты.

У Вальдэка-Руссо сына съ самаго почти начала его общественной карьеры было много восторженныхъ біографовъ, но писавшихъ по большей части на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Болѣе серьезныя, но во всякомъ случаѣ пристрастныя въ пользу этого политическаго дѣятеля біографическія данныя находятся, между прочимъ, въ предисловіяхъ къ изданіямъ его рѣчей *). Первая

*) Напр., въ сборникѣ (сдѣланномъ нѣкіимъ Лекуфлэ) его рѣчей 1879—

подробная и вмѣстѣ съ тѣмъ претендующая на безпристрастіе попытка обрисовать характеръ и жизнь Вальдэка-Руссо принадлежитъ нѣкоему Ж. Эрнесту-Шарлю, литературному критику „La Revue bleue“, который въ послѣдніе годы начинаетъ пріобрѣтать довольно видное мѣсто между своими собратами, благодаря желанію добросовѣстно относиться къ своей писательской роли, оставивъ въ сторонѣ обычные пріемы большинства французскихъ журналистовъ хвалить пѣтуха съ тѣмъ, чтобы тотъ похвалилъ въ свою очередь кукушку. Эрнестъ Шарль, — сказалъ я,—задался цѣлью написать безпристрастную біографію Вальдэка-Руссо; таково, по крайней мѣрѣ, его намѣреніе *). Но такъ какъ онъ врагъ антиклерикальной политики бывшаго премьера, то у автора противъ его воли прорываются нѣкоторыя ироническія нотки по отношенію къ Вальдэку-Руссо, заставляющія читателя внимательнѣе всматриваться въ подлинную физіономію одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей третьей республики. Однако это обстоятельство скорѣе, какъ мнѣ кажется, помогаетъ, чѣмъ вредитъ дѣлу. Дѣло въ томъ, что Эрнестъ-Шарль умѣренный республиканецъ и по взглядамъ убѣжденный защитникъ современнаго буржуазнаго міровоззрѣнія. Не будь этого отрицательнаго отношенія нашего критика къ извѣстной сторонѣ политической дѣятельности Вальдэка-Руссо, можно было бы поэтому опасаться, что подъ его перомъ біографія „аристократа буржуазіи“ приметъ обычный характеръ панегирика, какъ это случилось съ Кенэ-де-Борепэромъ по отношенію къ отцу Вальдэка. Но это частное несогласіе жизнеописателя съ жизнеописуемымъ изощряетъ и дѣлаетъ болѣе проницательнымъ взоръ біографа, хотя для него современный строй столь же дорогъ въ своихъ основныхъ чертахъ, какъ и для самого Вальдэка. А при общемъ добросовѣстномъ и серьезномъ отношеніи Эрнеста-Шарля къ задачѣ писателя, читатель только выигрываетъ отъ невольнаго иронизированія біографа. И, прежде всего, эта иронія способствуетъ Эрнесту-Шарлю болѣе критически отнестись къ условіямъ среды и воспитанія Вальдэка-Руссо, чѣмъ того можно было бы ожидать отъ человѣка, стоящаго, повторяю, обѣими ногами на почвѣ мѣщанства. Разумѣется, упомянутой біографіей надо пользоваться съ нѣкоторой осторожностью и провѣрять ее другими біографическими данными, которыя мы будемъ при случаѣ цитировать.

Итакъ, Пьеръ-Мари-Ренэ-Эрнестъ-Вальдэкъ-Руссо родился 2-го декабря 1846 г. въ Нантѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, отецъ его зани-

---

1889: *Discours parlementaires*; Парижъ, 1889. Во время послѣдняго министерства были изданы слѣдующіе сборники рѣчей Вальдэка: *Questions sociales*, 1900; *Associations et congrégations*, 1901; *La défense républicaine*, 1902; *Action républicaine et sociale*, 1903; *Politique française et etrangère*, 1903.

*) См. „Préface“ въ J. Ernest-Charles, *Waldeck-Rousseau;* Парижъ, безъ даты (вышло въ 1902 г.).

малъ исключительное положеніе въ адвокатскомъ мірѣ и былъ, что называется, однимъ изъ великихъ людей провинціи. Молодой Вальдэкъ отнюдь не былъ чудомъ-ребенкомъ, ни даже особенно выдающимся мальчикомъ. Онъ учился въ теченіе 10 лѣтъ въ католической гимназіи Нанта, такъ называемомъ Externat des Enfants-Nantais; въ 1865 г. выдержалъ экзаменъ на баккалавра (приблизительно нашъ аттестатъ зрѣлости) и поступилъ студентомъ на юридическій факультетъ въ Пуатье, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ началѣ 1869 г. До самыхъ высшихъ классовъ гимназіи онъ отличался лишь послушаніемъ и прилежаніемъ, и только въ самомъ концѣ своего гимназическаго ученія выдвинулся впередъ по нѣкоторымъ предметамъ. Въ университетѣ онъ шелъ также не особенно быстро, но вѣрно къ своей цѣли. Лишь по окончаніи курса умъ, энергія и таланты начинаютъ проявляться все болѣе и болѣе ярко. Двадцати трехъ лѣтъ онъ начинаетъ свою адвокатскую карьеру въ приморскомъ портѣ Сэнъ-Назэрѣ, гдѣ онъ поселяется въ небольшой, но красивой квартирѣ, выходящей окнами на прибрежные холмы величественной Луары, у самаго ея впаденія въ океанъ,—отъ этого уютнаго гнѣзда молодого адвоката до Нанта, гдѣ живутъ его родители, нѣтъ и пятидесяти верстъ: и старики всячески стараются облегчить первые шаги своего дѣтища на избранномъ имъ поприщѣ. Мать самолично устраиваетъ помѣщеніе сына; отецъ представляетъ его своимъ старымъ товарищамъ, судьямъ, адвокатамъ, стряпчимъ. Начинающій юристъ купается въ лучахъ заходящаго, но тѣмъ болѣе яркаго солнца адвокатской славы стараго Вальдэка; и вліяніе этой протекціи устраняетъ первыя препятствія съ дороги дебютанта и позволяетъ ему почти безъ всякихъ усилій выйти въ люди.

Эрнестъ-Шарль не безъ нѣкотораго основанія замѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ біографіи Вальдэка-Руссо, что въ „общемъ онъ находится въ наихудшихъ условіяхъ для посредственнаго ума“, такъ какъ „человѣкъ хуже справляется съ счастливой, чѣмъ съ несчастной фортуной“. Но тутъ же прибавляетъ, что Вальдэкъ, по крайней мѣрѣ, „тотчасъ же торжествуетъ надъ пагубными условіями своего черезчуръ легкаго существованія“, серьезно принимаясь за дѣло и уже въ этой первой молодости вырабатывая серьезныя же черты своего характера. Вальдэкъ рисуется въ эту пору высокимъ, статнымъ молодымъ человѣкомъ съ холодными, но правильными чертами лица, съ изящными манерами, всегда прекрасно одѣтымъ, всегда вѣжливымъ, но сдержаннымъ, предпочитающимъ улыбку смѣху, флегматическую элегантность рѣзкимъ жестамъ и кругъ родныхъ и нѣсколькихъ близкихъ друзей разсѣянной свѣтской жизни. Восторженные біографы много обѣщающаго юноши стараются скрасить нѣкоторую прозаичность его натуры упоминаніемъ о томъ, что Вальдэкъ съ са-

мой своей молодости хранитъ страсть къ искусству (онъ довольно недурно рисуетъ до сихъ поръ акварелью) и любитъ довольно ревнивою любовью природу, предпочитая наслаждаться ея красотами въ одиночествѣ: ужъ не этимъ ли въ такомъ случаѣ объясняется его влеченіе къ рыбной ловлѣ, позволяющей голубымъ глазамъ нашего „флегматика", слѣдящимъ за поплавкомъ, останавливаться отъ времени до времени на мирномъ сельскомъ пейзажѣ? Но „это все деревья, деревья, деревья, а гдѣ же люди, люди, люди?"—какъ спрашивалъ одинъ англійскій юмористъ,—деревья реальныя или нарисованныя, изъ-за которыхъ не видишь отношенія нашего акварелиста и рыболова къ живымъ мыслящимъ и чувствующимъ, дѣйствующимъ и страдающимъ существамъ. Каковъ Вальдэкъ съ людьми? И прежде всего, въ частности, каково его отношеніе къ любви и женщинамъ?—вопросъ, представляющій для большинства французовъ большое значеніе, какъ дающій ключъ къ нѣкоторымъ основнымъ чертамъ личнаго характера.

Вальдэкъ-Руссо поражаетъ въ этой сферѣ съ самой молодости своей замѣчательною сдержанностью и, какъ выражаются нѣкоторые его біографы, „искреннимъ пуританизмомъ". Этотъ красивый, изящный, выдающійся юноша долженъ былъ, очевидно, имѣть большой успѣхъ среди женщинъ. Но самыя нескромныя провинціальныя сплетни умалчиваютъ о какихъ бы то ни было внѣшнихъ проявленіяхъ этого успѣха. И позже того, когда на 35-лѣтняго министра въ „великомъ кабинетѣ" Гамбетты были обращены взоры „всего Парижа", парижская свѣтская хроника, передергивающая личную жизнь всякаго мало-мальски извѣстнаго въ какомъ либо отношеніи человѣка и не останавливавшаяся, напр., передъ пикантными анекдотами о времяпрепровожденіи даже страшнаго своимъ мѣткимъ языкомъ и не менѣе мѣткимъ пистолетомъ Жоржа Клемансо,—эта, говорю, парижская скандальная хроника почти совсѣмъ не касалась жизни нашего флегматичнаго дэнди. Когда, годъ спустя, Вальдэкъ снова занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, но уже въ „долгомъ министерствѣ" Ферри, то его изящная наружность вызывала саркастическія остроты Рошфора, который называлъ его и „напомаженнымъ", и „надушеннымъ Вальдэкомъ" и „Вальдэкомъ любимцемъ дамъ" (Waldeck le Pommadé, Waldeck le Parfumé, Waldeck cheri des dames). Но дальше этихъ каламбуровъ дѣло не шло; и парижанинъ, останавливаясь передъ популярной въ то время фотографіей „молодого" по французскимъ понятіямъ министра, съ его правильнымъ оваломъ лица, красивымъ лбомъ, обрамленнымъ безукоризненно причесанными свѣтлорусыми волосами, холодными, нѣсколько стальными глазами, расчищенными волнистыми усами надъ энергичной линіей рта, и энергичнымъ же раздвоеннымъ

подбородкомъ, въ недоумѣніи соображалъ, что никакая фривольная ассоціація идей не соединялась у него съ именемъ Вальдэка, и что онъ въ сущности ровно ничего не зналъ о личномъ существованіи этого держащагося вдали отъ свѣтской сутолоки и ея скандальной хроники человѣка. Лишь глухо, изъ десятыхъ рукъ передавались слухи, что въ жизни Вальдэка была серьезная любовная исторія, и что онъ былъ женатъ на вдовѣ одного изъ своихъ друзей, образованной и умной женщинѣ (падчерицѣ знаменитаго Шарко), имѣющей большое вліяніе на энергичнаго и авторитетнаго министра.... Такимъ образомъ, выходило, что, повидимому, столь флегматичный Вальдэкъ способенъ какъ будто къ извѣстной аффективной привязанности, и что, можетъ быть, его настоящая физіономія маскируется его замкнутостью. Естественно возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ, а каково же вообще отношеніе Вальдэка къ людямъ, какъ реагируетъ онъ на впечатлѣнія, получаемыя имъ отъ окружающихъ лицъ, его друзей и его враговъ?

Большинство его біографовъ любятъ подчеркивать его безстрастіе, его хладнокровіе, флегматическую проницательность его ума, его презрительное отношеніе къ большинству людей, за исключеніемъ родныхъ и нѣкоторыхъ приближенныхъ. Въ 1895 г., по поводу новаго выступленія Вальдэка-Руссо на политическую арену (мы увидимъ ниже, при какихъ обстоятельствахъ), нѣкто Мишель Саломонъ набросалъ слѣдующій портретъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ вожаковъ умѣренныхъ:

„Я не легко испытываю негодованіе",—сказалъ однажды Вальдэкъ-Руссо. Обобщимъ это: онъ не легко испытываетъ различныя эмоціи. И у него это слабый пунктъ въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ самъ это думаетъ.

Никогда не чувствовать черезчуръ живо, никогда не терять самообладанія и постоянно сохранять ясность разсудка среди общаго опьяненія окружающихъ—это, конечно, сила. Но совершенно игнорировать страсть, оставаться недоступнымъ ей, что бы ни случилось, во всемъ видѣть лишь предметъ для діалектики, это уже значитъ страдать нравственнымъ недугомъ. Особенно, когда выражаешь открыто свое желаніе вести за собою людей. Какъ бы вы ни были ловки и вооружены логикой, приступъ, который вы дѣлаете на волю людей, не можетъ производиться въ видѣ геометрической операціи или шахматной партіи.

Я слышалъ, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ нѣсколько презираетъ тѣхъ людей, которые умѣютъ увлекать массы (remueurs de masses). Они, видите ли, ловятся на такія грубыя удочки, и нити, которыми ихъ проводятъ въ движеніе, такъ бросаются въ глаза! Онъ пренебрегалъ искать популярность даже въ той непосредственной сферѣ, которая была связана съ его постомъ; онъ оставался изолированнымъ даже у власти, неспособнымъ къ малѣйшимъ проявленіямъ гибкости, чуждымъ фамильярности корридоровъ палаты, крайне не любящимъ обычныя рукопожатія. Люди подчинялись господству его хладнокровной рѣчи; люди апплодировали ему, не неистово, а сдержанно, какъ нѣкой рѣдкостной вещи, не привязываясь къ нему ни какъ къ министру, ни какъ къ товарищу, ни какъ къ человѣку *).

*) Michel Salomon, *Etudes et portraits littéraires*; Парижъ, 1896 г., стр.

Съ своей стороны, Эрнестъ-Шарль изображаетъ такими чертами нравственную физіономію Вальдэка:

Намъ кажется, что этотъ еще молодой Вальдэкъ-Руссо прочно обезпечиваетъ каждый свой шагъ впередъ, потому что постоянно остается на самой землѣ. Во всѣхъ сферахъ онъ пользуется извѣстнаго рода личнымъ авторитетомъ, который онъ принимаетъ какъ нѣчто должное. Онъ оправдываетъ его своими усиліями, но онъ считаетъ себя окруженнымъ естественнымъ престижемъ. Онъ не ослабляетъ его, черезчуръ приближаясь къ простымъ смертнымъ. Онъ изгоняетъ изъ обращенія всякую фамильярность. Да и какъ не тяготѣть ему къ сухости чувствъ? Самъ успѣхъ осуждаетъ его на это. Онъ обнаруживаетъ едва замѣтную жесткость и безграничное, но тщательно скрываемое презрѣніе къ людямъ. Самое его происхожденіе и его черезчуръ прославляемые таланты дѣлаютъ изъ него извѣстнаго рода аристократа во всѣхъ мірахъ, къ которымъ ему придется примѣшаться. Если ему случится войти въ политическій міръ, то онъ постарается поддержать этотъ соціальный и умственный аристократизмъ, который здѣсь необходимъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Вальдэкъ-Руссо смотритъ поэтому вполнѣ естественно на всю вселенную нѣсколько сверху внизъ. Въ жизни онъ отличается замѣчательной вѣжливостью; но его вѣжливость идетъ съ устъ, а не изъ сердца. Этотъ слишкомъ счастливый молодой человѣкъ держитъ на разстояніи отъ себя слабыхъ и маленькихъ людей, мыслителей, идеологовъ и апостоловъ, великія идеи и великія чувства. И, несомнѣнно, онъ очень много думаетъ о себѣ *).

Къ тому послѣднему пункту,—отношенію Вальдэка къ общимъ идеямъ,—мы еще вернемся. Но уже сейчасъ намъ хотѣлось бы провѣрить черезчуръ прямолинейное и слишкомъ простое объясненіе нѣкоторыхъ сторонъ его психологіи. Онъ,—говорятъ намъ,—всегда хладнокровенъ, всегда владѣетъ собою, недоступенъ эмоціи, неизмѣнно увѣренъ въ себѣ и исполненъ высокаго мнѣнія о своей личности. Что въ общихъ чертахъ эта характеристика передаетъ удачно наиболѣе выпуклыя внѣшнія стороны индивидуальности Вальдэка, это можно признать охотно. Но нѣкоторыя черты этой физіономіи, въ силу самихъ особенностей своихъ, не закрываютъ ли собою другихъ чертъ и не даютъ ли намъ черезчуръ упрощенную и схематичную психологическую формулу если и цѣльнаго, то сложнаго типа „аристократа буржуазіи?“ Въ самомъ дѣлѣ, эта изолированность, эта замкнутость, это избѣганіе малѣйшей фамильярности не дѣлаютъ ли правдоподобнымъ предположеніе, что Вальдэка могутъ знать хорошо лишь его интимные друзья, и что обычное представленіе о его личности заключаетъ въ себѣ немало ложныхъ элементовъ?

Періодъ послѣдняго министерства Вальдэка былъ какъ разъ отмѣченъ нѣкоторыми нескромностями его друзей, позволяющими внести кой какія небезъинтересныя „ретуши“ въ классическую, можно сказать, легендарную физіономію безстрастнаго и холоднаго

243—244 (изъ статьи *M. Waldeck-Rousseau orateur*, напечатанной первоначально въ „La Quinzaine“ отъ 1-го декабря 1895 г.

*) J. Ernest Charles, l. c., стр. 14—15.

адъютанта Гамбетты и соратника Ферри. On n'est jamais trahi que par les siens, и я не знаю, въ какой степени Вальдэкъ остался доволенъ откровенностью своихъ благожелательныхъ „предателей". Какъ бы то ни было, страстные поклонники Вальдэка изъ газетчиковъ—со словъ нѣкоторыхъ друзей министра, не достаточно сдерживающихся въ изліяніяхъ своихъ восторговъ и симпатій къ „великому человѣку",—поставили публику въ извѣстность относительно такой особенности характера Вальдэка-Руссо, которую мало кто подозрѣвалъ. Оказывается, что этотъ столь, повидимому, хладнокровный и увѣренный человѣкъ, не смотря на очень высокое мнѣніе о себѣ, обладаетъ чрезмѣрною чувствительностью въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ приходится всего чаще проявлять свою личность политическому дѣятелю, живущему въ странѣ парламентаризма и демократіи. Гордое сознаніе своихъ внутреннихъ достоинствъ сопровождается у Вальдэка-Руссо болѣзненнымъ опасеніемъ неудачности ихъ внѣшнихъ проявленій и страданіями очень трудно удовлетворяемаго самолюбія.

Взять хотя бы его ораторскую дѣятельность. Съ самаго начала его адвокатской карьеры онъ страшно волнуется внутренно, готовясь къ рѣчи; и, позже, въ то время, какъ апплодисменты свидѣтельствуютъ о впечатлѣніи, произведенномъ только что произнесенными словами, зачастую „берется въ отчаяніи за голову"—буквальное выраженіе одного изъ его друзей—находя, что былъ недостоинъ принятой на себя въ данномъ случаѣ роли, т. е., повидимому, того исключительно высокаго мнѣнія, которое онъ имѣетъ о своей личности. Это, пожалуй, объясняется вліяніемъ наслѣдственности, ибо мы видѣли, какихъ усилій стоило его отцу побѣдить свое первое волненіе. Можете себѣ представить, насколько эта болѣзненная чувствительность должна усиливаться у Вальдэка, когда дѣло идетъ не объ адвокатскомъ, а о парламентарномъ краснорѣчіи, когда человѣку приходится сражаться словомъ съ политическими врагами въ атмосферѣ, страшно нагрѣтой могущественными аффектами любви и злобы, среди рукоплесканій друзей и прерывающихъ криковъ враговъ. И Вальдэкъ больше любитъ въ общемъ адвокатское, чѣмъ парламентарное краснорѣчіе. Я отмѣчу кстати то обстоятельство, что если ораторы въ родѣ Гамбетты и Клемансо охотно пробовали свою силу не только надъ парламентарной, болѣе или менѣе „корректной"—далеко впрочемъ, не всегда!—толпой, но и надъ гораздо болѣе смѣшанной и страстной толпой народныхъ собраній, то Вальдэкъ-Руссо крайне рѣдко выступалъ на публичныхъ митингахъ и, самое большее, говорилъ на банкетахъ, организуемыхъ сторонниками. Эта градація тяготѣнія нашего оратора къ различнымъ видамъ краснорѣчія,—адвокатскому, парламентарному, собственно трибунскому,—указываетъ, несомнѣнно, на существованіе уже упо-

мянутой черты болѣзненно чувствительнаго самолюбія, которое черезчуръ страдаетъ отъ ударовъ, наносимыхъ порою не наиболѣе крупными умственно или нравственно, а наиболѣе страстными и импульсивными врагами.

Въ своей прошлой статьѣ (о Комбѣ) я въ видѣ параллели нарисовалъ двѣ сцены чтенія министерской „декларацiи",— Вальдэкомъ при выступленіи на политическую арену кабинета „республиканской обороны" и Комбомъ при дебютѣ остающагося до сихъ поръ у власти министерства. И читатель припомнитъ, что эта параллель оказалась не къ выгодѣ Вальдэка, хваленое самолюбіе котораго и внѣшняя флегма не могли на сей разъ скрыть волненіе, овладѣвшее имъ при видѣ мятущейся палаты, пріученной націоналистической демагогіей къ сценамъ умышленнаго скандала. Друзья Вальдэка говорили въ его оправданіе, что онъ отвыкъ отъ „безобразій", ставшихъ въ послѣднее время обычнымъ явленіемъ въ палатѣ, и что въ его времена, въ періодъ Ферри или даже буланжизма, бѣснованіе оппозиціи никогда не выливалось въ такія крайнія формы, какъ теперь. Но вѣдь и Комбъ,—и даже въ еще большей степени, чѣмъ Вальдэкъ-Руссо,—могъ бы претендовать на то, что его парламентарная карьера не пріучила его къ реву и адскому стуку рыцарей милитаризма и реакціи, ибо онъ былъ постоянно въ сенатѣ, гдѣ такихъ сценъ не бываетъ. И, однако, Комбъ, какъ мы видѣли, проще и удачнѣе выдержалъ искусъ, не смущаясь лаемъ, мяуканьемъ и ударами ножей по пюпитрамъ пылкихъ „патріотовъ." Дѣло тутъ, очевидно, въ гораздо болѣе чувствительномъ къ вражескимъ уколамъ и ударамъ темпераментѣ Вальдэка-Руссо.

Присматриваясь къ этой особенности „аристократа буржуазіи," мы можемъ лучше построить его психологическій типъ, отклоняющійся въ данной области отъ традиціоннаго представленія о Вальдэкѣ, столь долго царившаго въ большой публикѣ. Мы видимъ, что этотъ внѣшнимъ образомъ всегда хладнокровный и флегматичный человѣкъ въ общемъ обладаетъ сильно вибрирующей нервной системой; и что лишь его гордость, та самая гордость, которая опредѣляетъ его высокое мнѣніе о себѣ и вызываетъ страданія его крупнаго самолюбія, помогаетъ ему и скрыть отъ внѣшняго міра волненія и замѣшательство энергичной, но болѣзненно чувствительной души. Говоря такъ, не надо, однако, увлекаться, если можно такъ выразиться, этимологической стороной дѣла. Нервная *чувствительность* именно лишь этимологически близка къ психологической области *чувства*: Вальдэкъ-Руссо, обладающій легко возбудимой нервной системой, не есть человѣкъ чувства и глубокаго аффекта. Съ этой стороны, общее представленіе о немъ не ошибается, и недостатокъ настоящей страсти вѣрно, какъ мы видѣли, подчеркивается нѣкоторыми біографами. Голосъ разсудка всегда громко говоритъ въ Валь-

дэкѣ-Руссо, энтузіазмъ почти неизвѣстенъ ему, и единственная полоса въ его жизни, когда можно констатировать проявленія нѣкотораго своеобразнаго спокойнаго энтузіазма, это—моментъ, когда дѣло Дрейфуса заставило Вальдэка рѣшительно выступить въ защиту истины и справедливости. Но дрейфусіада отличалась вообще способностью совершать психологическія чудеса.

Элементъ разсудка составляетъ центральный пунктъ индивидуальности Вальдэка, хотя не исключающій значительной энергіи, которая носитъ, однако, опять-таки разсудочный характеръ. За то, повторяю, сторона чувства и страсти слабо развита и выражена; и эта слабость развитія въ значительной степени даже объясняетъ ту чисто нервную чувствительность, ту гиперестезію страдающаго самолюбія, которая оставалась долго извѣстною лишь интимнымъ друзьямъ „императора умѣренныхъ",—какъ остроумно назвалъ Вальдэка на одной изъ своихъ каррикатуръ рисовальщикъ Леандръ. Дѣло въ томъ, что интенсивность аффекта, раскрашивающаго и поэтизирующаго наши дѣйствія, является цѣлесообразнымъ психологическимъ механизмомъ для человѣка борьбы и дѣйствія, какимъ приходится быть политику: напряженіе страсти дѣлаетъ борца сравнительно нечувствительнымъ къ перипетіямъ идейной войны, въ которой побѣды смѣняются пораженіями и выигрыши урономъ, и достиженіе цѣли заставляетъ забывать объ ударахъ и препятствіяхъ на пути. Но для этого нужно быть именно человѣкомъ аффекта, ибо аффектъ создаетъ то настроеніе, при которомъ,—какъ говоритъ грубоватая, но психологически вѣрная пословица,—„въ дракѣ волосъ не жалѣютъ." Поставьте теперь въ положеніе такого борца человѣка, у котораго черезчуръ господствуетъ разсудокъ и сверхъ того ярко выражено самолюбіе: анестезирующее вліяніе страсти отсутствуетъ; удары враговъ, уколы ядовитой булавкой, возможный успѣхъ вульгарныхъ, внушающихъ презрѣніе противниковъ, ложь и клевета,—все это должно слишкомъ больно чувствоваться личностью, разсудочный аппаратъ которой все время дѣйствуетъ съ обычной точностью. И таковъ долженъ быть Вальдэкъ-Руссо, гордость котораго даетъ ему единственное противоядіе противъ ею же вливаемаго яда: надѣть броню равнодушія, неизмѣнной флегмы, всегдашняго хладнокровія, дѣлать видъ и большой публикѣ, и врагамъ, и пріятелямъ (кромѣ самыхъ близкихъ друзей), что „это не больно", и молча, съ иронической полуулыбкой на устахъ, пускать въ ходъ задерживающіе центры, которые обуздываютъ черезчуръ вибрирующую порою нервную систему.

Разумѣется, каждый организмъ, отстаивая себя въ борьбѣ за существованіе, идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія и, какъ говорилъ еще Спиноза, ищетъ своего блага „необходимо въ законахъ своей природы,"—ex legibus suae nasurae necessario appetit. Такъ и мастерски носимая Вальдэкомъ маска постоянной

флегматичности не могла бы такъ хорошо прилаживаться къ этой незаурядной физіономіи, если бы въ самомъ характерѣ крупнаго человѣка не было данныхъ для упражненія себя въ этой задачѣ казового безразличія. Отсутствіе сильныхъ аффектовъ и необходимость подавлять исключительно капризы нервной системы и больные приступы могучаго и съ трудомъ удовлетворяемаго самолюбія значительно облегчаютъ эту задачу: ясный умъ зорко слѣдитъ за ея выполненіемъ, а „для души" остается кругъ родныхъ и близкихъ друзей, среди которыхъ удовлетворяются тѣ чисто личные аффекты, какіе остаются у Вальдэка за дѣятельной „культурой своего я." Дѣйствительно, этотъ человѣкъ, являющійся типомъ могучаго и разсудительнаго эгоиста, мало доступный альтруистическимъ страстямъ и общественному энтузіазму, представляетъ собою, по отзывамъ всѣхъ хорошо знающихъ его лицъ, примѣрнаго семьянина и вѣрнаго друга. Самъ онъ бездѣтенъ, но біографы съ чувствомъ распространяются о томъ, что этотъ государственный человѣкъ, подавляемый заботами по управленію, находилъ время аккуратно писать дѣтямъ своего брата. Біографы же говорятъ о его почтительной привязанности къ родителямъ. Глуше говорится о его давней и прочной любви къ женщинѣ, которая стала его женою. Но уже почти всѣ жизнеописатели прославляютъ отношенія Вальдэка къ друзьямъ и единомышленникамъ: „быть самоотверженнымъ для друзей—вотъ и вся его политическая вѣра,"—восклицаетъ даже не безъ ироніи уже знакомый читателямъ Эрнестъ-Шарль. Не заходя такъ далеко, мы можемъ во всякомъ случаѣ признать, что у Вальдэка остается мѣсто для чисто личныхъ привязанностей. И это можетъ удивлять только тѣхъ, кто полагаетъ, что узко личные, и т. п. аффекты находятся въ прямо пропорціональномъ отношеніи къ общественнымъ, и что хорошій семьянинъ долженъ быть склоненъ и къ альтруистическимъ чувствамъ вообще. Мы знаемъ, наоборотъ, что семейственность зачастую противорѣчитъ общественности; и разсудительный эгоизмъ Вальдэка удачно дополняется развитіемъ личныхъ аффектовъ къ „своимъ"—семейнымъ, друзьямъ, кліентамъ—и оттѣняется слабымъ проявленіемъ собственно общественной страсти.

Преобладаніе элемента разсудительности надъ страстью ярко обнаруживается въ наиболѣе видной сторонѣ индивидуальности Вальдэка: я разумѣю его ораторское искусство. Прежде всего Вальдэкъ адвокатъ, и если онъ измѣнялъ парламентарной дѣятельности для адвокатуры, то обратное вынуждалось лишь крайне исключительными условіями „республиканской обороны". Но, будучи адвокатомъ и адвокатомъ очень крупнаго калибра, онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ защитниковъ, которые берутъ не

ораторскимъ краснорѣчіемъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, не паѳосомъ, не чувствительнымъ обращеніемъ къ присяжнымъ засѣдателямъ и судьямъ, а логикой, убѣдительностью, необыкновенно методическою и ясною постройкою рѣчи и детальнымъ, строго фактическимъ разсмотрѣніемъ каждаго изъ отдѣловъ ея. Его конекъ — гражданскіе процессы; въ уголовныхъ процессахъ онъ особенно мастерски разбираетъ вопросы, сопредѣльные съ чисто дѣловыми сторонами дѣла, и преимущественно практикуетъ пріемы гражданскаго же адвоката. Не ищите въ его рѣчахъ ни классическаго общаго вступленія, говорящаго о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, ни патетическаго заключенія, разсчитаннаго на возбужденіе аффекта у присутствующихъ. Но когда дѣло идетъ о логичности и доказательности, у Вальдэка нѣтъ соперниковъ среди адвокатовъ современной Франціи.

Однажды, въ окружномъ судѣ Парижа, въ знаменитой salle des Pas perdus, защитники обмѣнивались товарищескими замѣчаніями, дожидаясь продолженія одного крупнѣйшаго процесса, въ которомъ адвокатская реторика уже нѣсколько дней лилась нескончаемымъ и не всегда прозрачнымъ потокомъ. „А у меня дѣло пойдетъ проще,—воскликнулъ Вальдэкъ,—я не люблю образчиковъ краснорѣчія, попадающихъ въ хрестоматіи". И исполнилъ обѣщаніе—выигравъ своей простой рѣчью приходившееся на его долю дѣло. Что касается до патетическихъ заключеній, то любители традиціонныхъ „концовъ" были крайне скандализированы однажды, услышавъ слѣдующія заключительныя слова изъ устъ Вальдэка, мастерски изложившаго передъ этимъ всѣ обстоятельства, говорившія въ пользу его кіента: „затѣмъ, мнѣ остается поставить точку и сѣсть". Вальдэкъ не безъ основанія избѣгаетъ „высокаго стиля" въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ: непогрѣшимый инстинктъ подсказываетъ ему, что это идетъ противъ характера его краснорѣчія и потому будетъ носить отпечатокъ неудачной фальши. И тѣ рѣдкіе случаи, когда Вальдэкъ считалъ нужнымъ отступать отъ своей простой манеры и платить дань обычной реторикѣ, его рѣчь поражала страшной напыщенностью и вызывала заслуженныя насмѣшки. Если чувствительная защита Вальдэкомъ „молодости и страстей" въ процессѣ знаменитаго „Максиньки-сахаровара" *) располагала публику только къ улыбкамъ, то заключительныя фразы его рѣчи, произнесенной въ защиту финансоваго пирата Эйфеля, насчетъ башни носящей это имя, которая должна, видите ли, представлять для „великой униженной 70-го года" (т. е. Франціи) „милостыню славы",—эти фразы, говоримъ мы, были уже прямо подняты на смѣхъ. И самъ Вальдэкъ долженъ былъ, по всей вѣроятности, „хва-

*) См. объ этомъ процессѣ въ моей книгѣ „Очерки современной Франціи". Спб. 1904, изд. второе, стр. 161.

таться въ отчаяніи за голову", среди своихъ интимныхъ друзей послѣ этой реторической шумихи. Но тамъ, гдѣ простота, сдержанность, наполовину скрытая иронія рѣчи не портятся этими, къ счастью, рѣдкими цвѣтами реторики, судебное краснорѣчіе Вальдэка производитъ сильное и цѣльное впечатлѣніе.

Ироническъ Вальдэкъ, несомнѣнно, выдающійся; и чѣмъ менѣе подчеркнута эта иронія, тѣмъ ея дѣйствіе рѣшительнѣе. На процессѣ Панамы публика, защитники, судьи, всѣ вплоть до подсудимыхъ не могли удержаться отъ смѣха, когда не возвышая голоса, не прибѣгая къ лишнимъ жестамъ, Вальдэкъ флегматически произнесъ слѣдующую фразу:

Въ Панамѣ столяру платится 25 франковъ въ сутки, что представляетъ мм. гг., содержаніе депутата, если позволено будетъ сравнить съ поденной платой вознагражденіе представителей народа, которые, при исполненіи своихъ обязанностей, не ищутъ, какъ мы знаемъ, чего либо другого, кромѣ чувства удовлетворенія, вытекающаго изъ сознанія выполненнаго долга.

И эта иронія, и всѣ другія обычныя свойства рѣчи Вальдэка переносятся имъ и въ парламентъ, гдѣ, впрочемъ, можно наблюдать тѣмъ меньшій успѣхъ „аристократа буржуазіи", чѣмъ бурнѣе засѣданіе и чѣмъ болѣе ускользаютъ отъ ушей возбужденныхъ слушателей оттѣнки этой ясной, элегантной, спокойной внѣшнимъ образомъ рѣчи. Правда, Вальдэкъ всегда усердно поддерживается друзьями и, въ концѣ концовъ, окружаемый жаркими симпатіями своихъ сторонниковъ, импонируетъ и враждебнымъ группамъ, какъ то происходило все чаще и чаще въ концѣ его послѣдняго министерства. Во всякомъ случаѣ, онъ не пламенный трибунъ; и „сила верженія" его рѣчей, если можно такъ выразиться, опредѣляется ихъ ясностью, методичностью, правильностью архитектуры и внѣшнимъ выраженіемъ вѣжливаго презрѣнія къ противникамъ, равно какъ уже упомянутою наполовину скрытою ироніею и искусствомъ быстрой и мѣткой реплики. Это обстоятельство, если мы обратимъ вниманіе на тщательно скрываемую Вальдэкомъ, но значительную чувствительность нервной системы, показываетъ, между прочимъ, какъ ясенъ его умъ, и какъ велико его умѣнье забирать себя въ руки. Своей „репликой" Вальдэкъ порою удачно отражалъ даже такія колючія фразы, какими прерываетъ рѣчь враждебныхъ ораторовъ Клемансо, у котораго онѣ вылетаютъ съ быстротою и мѣткостью пули. Во время преній по вопросу о рецидивистахъ (весной 1883 г.) между Вальдэкомъ-Руссо и Клемансо завязался небезъинтересный по живости и остроумію діалогъ. Вальдэкъ, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Ферри, произнося рѣчь въ защиту своего законопроекта, иронически намекнулъ на неудачу Клемансо поднять агитацію въ странѣ за уничтоженіе сената:

Вальдэкъ-Руссо. ...Когда дѣло идетъ объ идеяхъ... составляющихъ лишь достояніе нѣкоторыхъ маленькихъ кружковъ, тогда, — и у насъ имѣются на этотъ счетъ примѣры, и примѣры совсѣмъ недавніе,—тогда всѣ усилія и всѣ таланты терпятъ неудачу, и что бы они ни предпринимали, имъ не удается дѣйствительно взволновать страну. (*Одобрительный смѣхъ на лѣвой*)...

Клемансо. Это еще не кончено...

Вальдэкъ-Руссо. Я знаю...

Клемансо. Тотъ будетъ смѣяться громче, кто засмѣется послѣднимъ...

Вальдэкъ-Руссо. Любезный коллега...

Клемансо. Вотъ у васъ такъ, кажется, нѣтъ расположенія къ смѣху...

Вальдэкъ-Руссо. Вы ссылаетесь на пословицу: „тотъ будетъ смѣяться лучше, кто засмѣется послѣднимъ". Повѣрьте мнѣ, я нисколько не претендую на то, чтобы помѣшать вамъ смѣяться, но вы позволите мнѣ замѣтить, что вамъ-то, пожалуй, не пришлось засмѣяться такъ скоро, какъ бы вы того желали. (*Новый смѣхъ*) *).

Какъ образецъ не только остроумной, но и идейной ироніи, можно привести конецъ рѣчи Вальдэка въ іюнѣ 1884 г., когда этотъ авторитетный министръ отказался, однако, закрыть, по требованію реакціонеровъ, „Историческій музей" въ Тулузѣ, показывавшій на ярмаркѣ „ужасы инквизиціи". Обращаясь къ депутатамъ правой, онъ своимъ обычнымъ, флегматичнымъ, но яснымъ и твердымъ голосомъ бросилъ нѣсколько заключительныхъ фразъ, исполненныхъ ѣдкаго юмора:

Каждый день мы встрѣчаемъ васъ, господа,—по крайней мѣрѣ, въ теоретическихъ обсужденіяхъ,—среди самыхъ горячихъ сторонниковъ свободы, приложите же эту доктрину къ практикѣ. Содержатель балагана выставляетъ орудія пытокъ, которыя являются доказательствомъ нетерпимости и злоупотребленій инквизиціи: но кто же вамъ мѣшаетъ показать намъ зрѣлище ея благодѣяній? (*Громкій смѣхъ и шумные апплодисменты на лѣвой и въ центрѣ*).

Я вполнѣ искренно прибавлю, что не могу же я приказать хозяину музея замѣнить болѣе или менѣе подлинные предметы его коллекціи, относящейся къ средневѣковымъ пыткамъ, эмблемами другого рода, поучающими насъ совершенно противоположнымъ вещамъ; я не могу, напр., зайти такъ далеко, чтобы принудить его публично заявить, что именно инквизиція установила доктрину свободной критики, и что какъ разъ Галилей и замучилъ своихъ судей въ тюрьмѣ. (*Всеобщій смѣхъ и продолжительные апплодисменты*) **).

Въ pendant я приведу, какъ новый хорошій образчикъ краснорѣчія Вальдэка, слѣдующее мѣсто изъ его тулузской рѣчи 28-го октября 1900 г., относящейся, стало быть, къ самому послѣднему періоду его дѣятельности, когда онъ былъ премьеромъ. Этотъ образчикъ показываетъ намъ уже вполнѣ зрѣлаго Вальдэка и въ моментъ, когда исключительныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ напрягли всю энергію его души и придали наибольшій блескъ его индивидуальности. Лучше и законченнѣе Вальдэкъ врядъ ли когда говорилъ, такъ что этотъ кусокъ можетъ дать несомнѣнное понятіе читателю объ ораторскихъ пріемахъ „великаго буржуа":

*) Discours parlamentaires стр. 92.

**) Ibid., стр. 131—132.

Мы не испытаемъ ни малѣйшаго затрудненія сравнить, когда то понадобится, настоящее положеніе вещей и то, которое мы получили отъ предшественниковъ.

Послѣ двадцатипятилѣтняго упражненія власти, республиканцы ощутили новое чувство: безпокойство за завтрашній день. Казовой и тщетно насмѣшливый скептицизмъ плохо скрывалъ очевидность все возраставшей агитаціи. Все смѣшалось. Націонализмъ, въ ожиданіи великолѣпныхъ побѣдъ, давалъ полиціи ежедневныя битвы. У него уже были свои историческіе дни: Рейльи, Сэнъ-Лазарская станція, площадь Пирамидъ и площадь Согласія, и возмутительная засада въ Отейлѣ. Насильственный ударъ не удался наканунѣ: ну, что же, если на будущее время лучше приняться за дѣло, то оно увѣнчается успѣхомъ. Два министерства уже пали всего на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; уже болѣе угрожащія перспективы, чѣмъ безконечная продолжительность министерскаго кризиса, развертывались передъ одними, какъ угроза, передъ другими, какъ надежда.

Надо было считаться не только съ могучей организаціей вѣчныхъ враговъ республики, но съ новыми, страстными и до этихъ поръ неизвѣстными дѣленіями партій.

И я подумалъ, что бываютъ часы, когда прежде, чѣмъ быть человѣкомъ партіи,—и оставляя въ сторонѣ вопросъ, были ли ея ошибки вмѣстѣ и нашими,—должно быть прежде всего республиканцемъ...

Господа, съ этой систематической агитаціей нынѣ покончено. Умокли митинги, на которыхъ подготовлялись безпорядки завтрашняго дня. Улица снова стала оживленной и мирной, и шумъ процессій пересталъ наполнять ее...

Мы призвали къ уваженію республиканскихъ учрежденій тѣхъ, кого временное состояніе нравственной анархіи удалило отъ этого уваженія *).

Но какому же міровоззрѣнію, какимъ идеямъ служитъ у Вальдэка-Руссо это стройное, дѣловитое, сдержанно ироническое и очень рѣдко патетическое краснорѣчіе? И, прежде всего, въ какой степени самъ Вальдэкъ дорожилъ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ? Каково его общее культурное развитіе? Вопросъ, повидимому, нѣсколько странный, но имѣющій значеніе. Вѣдь сторонники умѣреннаго республиканца любятъ гордиться общею высотою культуры у своихъ представителей и противоставлять ее ограниченному свободомыслію банальныхъ радикаловъ à la Homais, какъ любятъ говорить они, намекая на каррикатурный типъ свободомыслящаго аптекаря, выведенный Флобэромъ въ „Госпожѣ Бовари.“ Придется сказать, что такой умный, способный, талантливый человѣкъ, какъ Вальдэкъ-Руссо, не особенно заботился о выработкѣ собственно такъ называемаго общаго міровоззрѣнія, взявъ просто преобладающія общія идеи политическихъ сферъ, среди которыхъ началъ и продолжалъ свою карьеру и лишь спеціально остановился на нѣкоторыхъ частныхъ приложеніяхъ и не безъ оттѣнка индивидуальности развивалъ ихъ. Наиболѣе мыслящіе біографы даже не особенно согласны насчетъ характера самыхъ этихъ идей и подчеркиваютъ интеллектуальный индифферентизмъ Вальдэка. Даже его общее образованіе, его культурное

*) См *La Défense républicaine*, стр. 138.

развитіе, возбуждая различіе оцѣнокъ у разныхъ жизнеописателей, подвергается ими нѣкоторому сомнѣнію, которое, наоборотъ, исчезаетъ, когда рѣчь заходитъ о юридическихъ и узко-политическихъ вопросахъ, гдѣ Вальдэкъ проявляетъ компетентность спеціалиста.

Анализируя сущность ораторской физіономіи Вальдэка, Мишель Саломонъ констатируетъ ея малую доступность „моральнымъ интересамъ и ея тяготѣніе къ дѣловымъ вопросамъ:

Говоря правду, прежній товарищъ Гамбетты по кабинету былъ не единственнымъ, кто ввелъ эту манеру краснорѣчія. Но онъ олицетворяетъ ее лучше, чѣмъ кто либо другой. Избранный образецъ поколѣнія, питавшагося Огюстомъ Контомъ, онъ самой реторикой своей выражаетъ тенденціи этой философіи: въ немъ конденсируется позитивизмъ окружающей среды *).

Тутъ Вальдэкъ-Руссо признается, по крайней мѣрѣ, практическимъ позитивистомъ. Но можно ли его назвать дѣйствительно ученикомъ позитивной школы? Эрнестъ-Шарль отвѣчаетъ на это отрицательно, какъ отвѣчаетъ отрицательно на общій вопросъ, задумывался ли вообще Вальдэкъ надъ идейными задачами современной цивилизаціи:

Старался ли онъ расширить свой умъ, украсить свою душу занятіемъ всѣми тѣми философскими, соціальными и моральными проблемами, которыя бурно ставятся въ теченіе этихъ смутныхъ лѣтъ? Познакомился ли онъ съ Дарвиномъ, съ Огюстомъ Контомъ, котораго съ такою непринужденною легкостью (si aisément) углублялъ добрый Гамбетта? Проникся ли онъ общей литературой? Почувствовалъ ли желаніе вліять мыслью на эпоху? Снабдилъ ли онъ идеаломъ свою жизнь, снабженную всѣмъ другимъ? Мы не думаемъ этого.

И любовь Вальдэка къ общимъ идеямъ надо искать развѣ подъ перомъ способнаго и мыслящаго, но черезчуръ преклоняющагося передъ сильными міра сего Гастона Дэшана, который, впрочемъ, все же принужденъ отодвигать эти мнимыя тенденціи Вальдэка въ его юные годы и сплетать ихъ въ одну сантиментальную гирлянду вмѣстѣ съ добродѣтелями стараго Вальдэка:

Прежде, чѣмъ взяться за частные предметы, вызывающіе размышленія ораторовъ на судѣ или съ высоты трибуны, г. Вальдэкъ-Руссо почерпнулъ вкусъ къ общимъ идеямъ въ отеческихъ наставленіяхъ того честнаго человѣка, который былъ его первымъ учителемъ права, краснорѣчія и политики**).

Здѣсь надо кстати замѣтить, что Вальдэкъ-Руссо не только не питаетъ чрезмѣрной любви къ общимъ идеямъ, но даже и не особенно старается показать эту любовь, какъ то дѣлалъ хотя бы „добрый Гамбетта“, который „углублялъ“, по словамъ Эрнеста Шарля, „Огюста Конта“. Гамбетта, не имѣвшій склонности къ

*) Michel Salomon, l. c., стр. 249.

**) См. Gaston Deschamps, *Un Homme d'Etat Français*: *M. Waldeck Rousseau*; въ журналѣ „Revue Politique et Parlementaire“, отъ 10 марта 1904 г. (статья первая), стр. 443.

занятіямъ философіей и никогда не чувствовавшій потребности критически вырабатывать общее міросозерцаніе, настолько обладалъ, однако, высшимъ тактомъ главы партіи, что любилъ говорить о сихъ важныхъ матеріяхъ и, отличаясь очень значительными ассимилирующими способностями, безъ „принужденности“ „углублялъ“ любого изъ крупныхъ мыслителей, даже и не читая ихъ, а лишь послушавъ Спюллера: на весь кружокъ Гамбетты поставлялъ философію Спюллеръ, бывшій „ходячей энциклопедіей“ выдающихся оппортунистовъ, какъ Поль Бэръ поставлялъ собственно такъ называемую „науку“. Но природа Вальдэка-Руссо настолько враждебна общимъ идеямъ, что этотъ очень умный человѣкъ, хотя и сознавая престижъ, который соединенъ съ абстрактной дѣятельностью ума, избѣгаетъ пускаться въ океанъ общихъ умствованій и предоставляетъ лишь своимъ вѣрнымъ друзьямъ и поклонникамъ разносить слухи о высоко культурной и артистической натурѣ патрона. Мнѣ же, наоборотъ, Вальдэкъ-Руссо представляется очень крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, но изъ типа тѣхъ высоко практичныхъ политическихъ дѣятелей Англіи, которые, зарядившись нѣсколькими „кусочными“ идеями, на рѣдкость умѣло проводятъ ихъ въ жизнь и не отступаютъ при этомъ отъ политическихъ компромиссовъ, смущающихъ людей менѣе проницательнаго и трезваго склада ума. Чего стоитъ хотя бы мысль ввести въ кабинетъ одновременно свирѣпаго рубаку Галлиффэ и соціалиста Милльрана, какъ то осуществилъ Вальдэкъ-Руссо въ періодъ своего министерства „республиканской обороны“,—всѣ знаютъ, съ какимъ успѣхомъ.

Намъ остается прослѣдить лишь въ самыхъ главныхъ эпизодахъ политическую карьеру Вальдэка-Руссо, поскольку она выражается въ нѣсколькихъ „кусочныхъ“ идеяхъ. Мы оставили его молодымъ адвокатомъ въ Сэнъ-Назэрѣ, серьезно занятымъ „дѣлами“ и покровительствуемымъ репутаціей своего отца. Въ 1873 г. ему удается вести крупный процессъ передъ сэнъ-назэрскимъ судомъ и перенести его для аппелляціи въ Реннъ, столицу Бретани, обративъ на себя, такимъ образомъ, вниманіе публики и получивъ возможность поселиться въ сравнительно большомъ городѣ. Въ 1879 г. онъ выступаетъ противъ знаменитаго адвоката Аллу, „славнаго, несравненнаго“ Аллу, который пріѣзжаетъ для состязанія изъ Парижа и считаетъ долгомъ, выслушавши рѣчь своего противника и приступая къ отвѣту, сказать нѣсколько крайне лестныхъ комплиментовъ молодому сопернику и даже любезно назвать его „великимъ ораторомъ“. Отнынѣ самъ Вальдэкъ становится великимъ человѣкомъ провинціи, и благодарные обитатели Ренна посылаютъ его въ палату депутатовъ представителемъ перваго городского округа большинствомъ 8703 голо-

совъ: дѣло происходило 6-го апрѣля 1879 г. И вотъ Вальдэкъ-Руссо въ Парижѣ, на большой сценѣ парламентарнаго театра. Куда пойдетъ онъ? Онъ садится на одной изъ скамей такъ называемаго „Республиканскаго союза" (Union républicaine) и дѣлается ревностнымъ сторонникомъ политики Гамбетты.

Нѣкоторые изъ его біографовъ черезчуръ умаляютъ, по моему мнѣнію, значеніе этого шага, отказывая въ данномъ случаѣ Вальдэку-Руссо во всякой „оригинальности" и считая его политику лишь „продолженіемъ" политики отца. Между тѣмъ, не смотря на большое почтеніе къ отцу, Вальдэкъ не ограничивается республиканствомъ стараго Вальдэка и, сохраняя и подновляя нѣкоторыя идеи отца въ соціальной сферѣ, заходитъ рѣшительно дальше его въ чисто политической области. Онъ не только республиканецъ, но антиклерикалъ и даже слегка радикализирующій реформаторъ въ вопросахъ магистратуры. Не идетъ онъ, конечно, въ ряды крайней лѣвой, но уже его присоединеніе къ гамбеттистамъ показываетъ, что у этого 33-лѣтняго человѣка, чуждаго идейнаго энтузіазма, было большое чутье по части относительной силы партій въ данный моментъ. Отнынѣ онъ каждый разъ удачно схватываетъ направленіе равнодѣйствующей не окончательно еще сформировавшагося оппортунизма и съ энергіей и умѣніемъ способствуетъ торжеству этой „политики своевременности."

Такъ, когда республиканское правительство, желая произвести смѣщенія и перемѣщенія среди судебнаго сословія, усиленно работавшаго въ пользу реакціи, поставило на очередь вопросъ о смѣщаемости судей, и многочисленные проекты въ этомъ смыслѣ были предложены депутатами, Вальдэкъ-Руссо былъ докладчикомъ коммиссіи по „реформѣ магистратуры" и произнесъ очень искусную рѣчь противъ Рибо въ защиту точки зрѣнія республиканскаго большинства. Такъ, когда въ этой же борьбѣ противъ реакціонной магистратуры упомянутое большинство останавливается на полдорогѣ и отступаетъ передъ послѣдовательнымъ проведеніемъ начала смѣняемости, то и Вальдэкъ-Руссо сознательно отказывается отъ продолженія борьбы и вмѣстѣ съ большинствомъ же открываетъ кампанію уже въ другой области, а именно на почвѣ антиклерикальной политики.

Его вліяніе быстро возрастаетъ: на выборахъ 21-го августа 1881 г. онъ получаетъ въ Реннѣ уже 8899 голосовъ противъ 4,192 голосовъ, поданныхъ за монархическаго кандидата; и зимою того же года, формируя свое „великое министерство", Гамбетта даетъ въ немъ Вальдэку очень важный постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Вальдэкъ тотчасъ же обнаруживаетъ здѣсь свои авторитарные вкусы, ибо если, согласно мнѣнію Сэнъ-Симона, повторенному Огюстомъ Контомъ, въ грядущемъ общественномъ строѣ „управленіе людьми" смѣнится „администраціей вещей", то нашъ молодой юристъ является любителемъ именно „управленія людьми"

и въ его наиболѣе энергичной и дѣятельной формѣ. Ему нравится приведеніе въ ходъ и наблюденіе за дѣйствіемъ той огромной и сложной машины, которую представляетъ собою современное государство; его привлекаетъ эта координирующая функція великихъ общественныхъ силъ, которая въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны такъ или иначе захватываетъ въ сферу своего притяженія живыхъ, повидимому, не связанныхъ между собою индивидуумовъ и стремится направить ихъ къ извѣстнымъ общимъ цѣлямъ. Централизованная государственность является одною изъ основныхъ „кусочныхъ" идей Вальдэка-Руссо, и самое республиканство его выражается въ дѣятельномъ упражненіи „сильной власти."

Быть правительствомъ,—сказалъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей 1883 г.,—значитъ думать, что эта страна не для того въ теченіе столь долгаго времени добивалась полной свободы выработки своихъ мнѣній и воли выражать ихъ, чтобы въ тотъ день, когда желаніе ясно обнаружилось и страна произнесла свой приговоръ, вдругъ не нашлось человѣка, который могъ бы гарантировать его исполненіе *).

Вальдэкъ-Руссо, несомнѣнно, считалъ себя такимъ человѣкомъ, и въ другой своей рѣчи (произнесенной въ Динанѣ въ 1885 г.) слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ эту свою дѣятельность:

Въ политику я внесъ постоянную заботу о томъ, чтобы республика была скорѣе черезчуръ сильною, чѣмъ чтобы она была черезчуръ слабою... и, цѣною столькихъ критикъ и страстныхъ нападокъ, я всетаки желаю лучше быть порицаемымъ за то, что слишкомъ хотѣлъ защищать ее, чѣмъ за то, что хотѣлъ слишкомъ оставить ее беззащитной **).

И вотъ эту-то свою всегдашнюю и излюбленную мысль о сильной и дѣятельной центральной власти онъ сейчасъ же приложилъ къ дѣлу, какъ только сталъ министромъ. Исходя изъ того принципа, что законодательная власть не должна вмѣшиваться въ дѣйствія исполнительной, которая должна быть въ своей сферѣ совершенно независимой, онъ составилъ свой знаменитой циркуляръ къ префектамъ, произведшій такое волненіе въ административныхъ и парламентарныхъ кругахъ. Въ немъ онъ ни много, ни мало, какъ объявлялъ, что отнынѣ не приметъ никакой бумаги, никакой рекомендаціи изъ департаментовъ, если она не будетъ направлена къ нему іерархическимъ путемъ, черезъ префектовъ. Циркуляръ этотъ вызвалъ рѣзкое неудовольствіе депутатовъ и сенаторовъ, которые обыкновенно старались пріобрѣсти себѣ популярность среди избирателей, принимая на себя различныя хлопоты по просьбѣ обывателей и осаждая рекомендаціями пред-

*) Discours parlementaires, стр. 119—120.
**) Ibid., стр. VII введенія.

ставителей администраціи. И несомнѣнно, что авторитарный актъ Вальдэка былъ одною изъ причинъ, сократившихъ и безъ того короткіе дни разочаровавшаго публику „великаго министерства“ Гамбетты, которое просуществовало всего два съ половиною мѣсяца,—съ 14-го ноября 1881 г. по 30-е января 1882 г.

Но, покинувъ власть, Вальдэкъ продолжаетъ быть дѣятельнымъ защитникомъ политики большинства, которая скоро должна будетъ получить названіе политики „республиканской концентраціи.“ Въ январѣ 1883 г. онъ въ двухъ засѣданіяхъ (26-го и 28-го числа) борется противъ устраненія принципа несмѣняемости судей и, признавъ два года тому назадъ частичную и временную отмѣну этого начала, теперь энергично возстаетъ противъ предложенія избирать судей, внесеннаго Клемансо. Палата становится на сторону Вальдэка, и 274 голоса противъ 224 высказываются противъ выборной магистратуры.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этой рѣчи, Вальдэкъ становится снова министромъ, и по прежнему министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ „долгомъ кабинетѣ“ Жюля Ферри, просуществовавшемъ, дѣйствительно, болѣе 25 мѣсяцевъ (съ 21-го февраля 1883 г. по 6-е апрѣля 1885 г.), т. е. дольше, чѣмъ какое-либо изъ предшествовавшихъ ему министерствъ третьей республики. Этотъ періодъ времени принадлежитъ къ числу наиболѣе заполненныхъ дѣятельностью полосъ въ жизни Вальдэка-Руссо, который главнымъ образомъ работаетъ въ двухъ направленіяхъ: надъ авторитарнымъ укрѣпленіемъ „порядка“ и надъ законодательствомъ о профессіональныхъ синдикатахъ,—въ чемъ можно видѣть другую изъ его излюбленныхъ „кусочныхъ“ идей, въ которой отчасти выражаются подновленные взгляды его отца, хотя сыновняя привязанность и преувеличиваетъ, повидимому, въ глазахъ Вальдэка степень этой идейной зависимости и преемственности.

Относительно первой стороны министерской дѣятельности Вальдэка-Руссо говорить много не приходится: она настолько упорно и ярко проявляется въ теченіе этого его двухгодового пребыванія у власти, что для многихъ даже совершенно заслонила другія черты этого государственнаго дѣятеля и ассоціировала съ фигурой Вальдэка представленіе о человѣкѣ „зажима“. Такъ, благодаря упорству и энергіи министра, прошелъ законъ о рецидивистахъ, который обсуждался въ теченіе 1883—1885 гг. въ обѣихъ палатахъ и былъ вотированъ уже послѣ паденія кабинета Ферри, въ маѣ 1885 г., и который назначалъ ссылку въ колоніи не только для людей, совершавшихъ нѣсколько разъ преступленія и проступки, но даже для нѣкоторыхъ „опасныхъ категорій профессіональныхъ нищихъ и людей, живущихъ обыч-

ной эксплуатаціей разврата" (individus de profession inavouable). Такъ, благодаря Вальдэку же, были вотированы (февраль 1884 г.) законодательныя мѣры противъ публичныхъ манифестацій, собраній на открытомъ воздухѣ, криковъ, пѣсенъ, „возмутительныхъ эмблемъ" и т. д. Наконецъ, Вальдэкъ же настоялъ на томъ, чтобы были отвергнуты предложенія политической амнистіи (мартъ 1883 г. и іюль 1884 г.). Авторитарный министръ con amore, какъ видите, выполнялъ свою провиденціальную миссію „слишкомъ защищать республику"...

Другой стороной своей дѣятельности,—законодательной организаціей рабочихъ союзовъ,—Вальдэкъ-Руссо проявлялъ черты соціальнаго реформатора консервативнаго, но не лишеннаго смѣлости и проницательности направленія, напоминающаго пріемы крупныхъ торійскихъ политиковъ Англіи. Вальдэкъ гордится названіемъ,—и, дѣйствительно, можетъ заслуживать его,—„отца профессіональныхъ синдикатовъ". Уже съ 1880 г. республиканское правительство пыталось легализировать существованіе рабочихъ союзовъ. Но лишь благодаря энергичной и умѣлой защитѣ профессіональной организаціи Вальдэкомъ-Руссо (въ палатѣ въ 1883 г., въ сенатѣ въ 1884 г.), французскимъ демократамъ удалось восторжествовать надъ сопротивленіемъ реакціонеровъ; и законъ, разрѣшающій существованіе профессіональныхъ синдикатовъ, ихъ союзовъ и синдикальныхъ палатъ былъ вотированъ окончательно 21-го марта 1884 г.

Не надо только преувеличивать значеніе первоначальной идеи Вальдэка-Руссо и перелицовывать его,—какъ это приходилось порою дѣлать въ послѣднее время „министерскимъ соціалистамъ" съ легкой руки Милльрана, — въ апостола и піонера сознательной классовой организаціи труда. Къ плану Вальдэка можно буквально приложить апеллесовское ne sutor ultra crepidam: башмачникъ не долженъ подниматься, въ мысли Вальдэка, выше башмака, выше профессіональныхъ интересовъ труда. Организація рабочихъ, согласно этой концепціи, отнюдь не должна вести за собою классовое обособленіе трудящихся въ одно великое цѣлое, которое также стремится преобразовать весь современный строй согласно міровоззрѣнію труда, какъ третье сословіе преобразовало феодальный режимъ въ соотвѣтствіи съ началами свободной конкурренціи и капиталистической собственности. Наоборотъ, профессіональная организація въ глазахъ Вальдэка является средствомъ обломать всѣ острые углы у требованій трудящагося класса, приручить его и вдвинуть его въ современный режимъ, какъ законную часть цѣлаго, заинтересованную въ сохраненіи настоящаго строя и примиряющую интересы труда и капитала. Это именно знаменитая формула Вальдэка, предъ которой падаютъ ницъ въ экстазѣ его жаркіе поклонники изъ лагеря демократической буржуазіи: „надо, чтобы капи-

талъ работалъ, а трудъ обладалъ собственностью" (il faut que le capital travaille et que le travail possède). Въ извѣстномъ смыслѣ Вальдэкъ-сынъ лишь шире и смѣлѣе, и примѣняясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ, прилагаетъ на практикѣ старыя pia desideria Вальдэка-отца, который тоже желалъ примиренія общественныхъ антагонизмовъ, но при сохраненіи основного характера современнаго строя. На то, не смотря на свою проницательность и рѣшительность, онъ представитель буржуазіи, а отнюдь не перебѣжчикъ изъ ея рядовъ, и въ качествѣ такого представителя не можетъ перейти извѣстныхъ границъ, поставляемыхъ иниціативѣ самыхъ смѣлыхъ буржуа историческими интересами имущаго и правящаго класса.

Но, само собою разумѣется, разъ получившіе возможность существовать, развиваться и организоваться между собою, профессіональные союзы выросли въ такую самостоятельную силу и пріобрѣли такой характеръ классовой группировки труда, что первоначальная идея Вальдэка оказалась далеко превзойденною жизненными результатами законодательства 1884 г. Не типично ли для положенія вещей то обстоятельство, что впослѣдствіи, когда кабинетъ Вальдэка-Руссо въ лицѣ Милльрана захотѣлъ пойти дальше по пути законодательныхъ мѣръ во вкусѣ формулы „надо, чтобы капиталъ работалъ, а трудъ обладалъ собственностью" и съ этой цѣлью стремился легализировать употребленіе синдикатами средствъ на комерческія цѣли,—то федерація биржъ труда рѣзко высказалась противъ этой попытки, и эта непримиримая точка зрѣнія была принята всѣми биржами труда во Франціи, за исключеніемъ лишь четырехъ? Вотъ, дѣйствительно, какая резолюція была вотирована федеральнымъ комитетомъ синдикатовъ (9-го марта 1900 г.):

Федерація биржъ труда, подвергнувъ изученію измѣненія, предложенныя правительствомъ въ законѣ 21-го марта 1884 г. и принимая во вниманіе, что тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ цѣлью уполномочить синдикаты дѣлать комерческое употребленіе изъ находящихся у нихъ рессурсовъ, извратили бы въ результатѣ характеръ корпоративныхъ организацій, привлекая въ нихъ людей, воодушевляемыхъ только духомъ наживы (esprit de lucre), и отстраняя отъ нихъ тѣхъ, которые видятъ въ синдикатѣ, *прежде всего*, общество сопротивленія капиталистической эксплуатаціи... принимая также во вниманіе, что при настоящемъ состояніи борьбы, на которую фатально вынуждаетъ рабочій классъ само экономическое неравенство, этотъ классъ нисколько не заинтересованъ въ сохраненіи современнаго режима и т. д. *).

Словомъ, выросшіе изъ законодательства Вальдэка профессіональные союзы отказывались отъ знаменитой формулы патрона и ярко подчеркивали свое нежеланіе ступить на путь соціальнаго примиренія. Но во всякомъ случаѣ фигура Вальдэка-Руссо по-

*) См. интересную фактическими данными книгу Барту (бывшаго министра въ кабинетѣ Мелина): Louis Barthou, *L'Action syndicale*; Парижъ 1904.

лучаетъ небезъинтересный отпечатокъ серьезнаго буржуазнаго реформатора, который еще въ половинѣ 80-хъ годовъ пытается организовать рабочіе союзы на почвѣ обсужденія чисто профессіональныхъ вопросовъ и выработки среди трудящихся консервативныхъ тенденцій...

За первымъ періодомъ усиленной работы въ жизни Вальдека-Руссо наступаетъ полоса политическаго затишья. Раздѣляя непопулярность павшаго „тонкинца", онъ и самъ, повидимому, чувствуетъ разочарованіе въ политической дѣятельности, и хотя снова (въ октябрѣ 1885 г.) избирается, правда не безъ труда (послѣднимъ изъ девяти), депутатомъ отъ Рениа, принимаетъ сравнительно мало участія въ дебатахъ новой палаты. Даже начинающаяся агитація буланжизма, которой противодѣйствуютъ съ такой энергіей республиканцы различныхъ оттѣнковъ отъ радикаловъ до крайне умѣренныхъ, не пробуждаетъ на сей разъ Вальдэка отъ его, повидимому, флегматическаго сна. Его политическія рѣчи можно перечесть по пальцамъ за это время. За то онъ дѣятельно принимается снова за адвокатство и съ 1886 г. приписывается къ парижскому сословію адвокатовъ, среди которыхъ занимаетъ исключительное положеніе, не только благодаря своимъ профессіональнымъ способностямъ, но и тому ореолу, который окружаетъ его, какъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ министровъ въ „долгомъ кабинетѣ" Ферри. На выборахъ 1889 г. онъ совсѣмъ не представляется; и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его имя встрѣчается лишь на страницахъ судебнаго краснорѣчія: самые крупные процессы, въ особенности же гражданскаго характера, неизмѣнно ставятъ передъ волнующейся публикой, въ числѣ прочихъ первоклассныхъ защитниковъ, и бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Уходя съ политической арены, Вальдэкъ пріобрѣтаетъ очень крупное значеніе въ адвокатскомъ и дѣловомъ мірѣ. Его матеріальное положеніе, и безъ того уже давно упроченное, достигаетъ кульминаціоннаго пункта: онъ зарабатываетъ своей практикой сотни тысячъ въ годъ, а въ нѣкоторые исключительные года (панамское дѣло и т. п.) сумма его гонораровъ доходитъ до милліона. Тѣмъ временемъ его многочисленные и вѣрные друзья всячески работаютъ въ пользу его репутаціи и создаютъ вокругъ него очень благопріятную атмосферу и въ политическомъ мірѣ. Все чаще и чаще раздаются сожалѣнія, что такой исключительный человѣкъ, гордость и украшеніе партіи умѣренныхъ, упорно держится въ сторонѣ отъ той самой политики, которая въ молодости такъ улыбалась ему. А Вальдэкъ по-прежнему „заставляетъ себя желать", какъ выражаются французы, и продолжаетъ пожинать лавры на судѣ, защищая самыхъ типичныхъ представителей буржуазнаго пиратства и буржуазнаго разложенія въ родѣ Эйфеля.

Но „міръ принадлежитъ равнодушнымъ“, какъ воскликнулъ, обращаясь къ Робеспьеру, Сэнъ-Жюстъ; или „власть—удѣлъ флегматиковъ“, какъ любилъ говорить Людовикъ Бонапартъ голландскій,—флегматиковъ, или умѣющихъ казаться таковыми. Вальдэкъ съ честью и пользою для себя выдержалъ искусъ политическаго воздержанія. И его противники подчеркиваютъ мастерство, съ какимъ бывшій адъютантъ Гамбетты и правая рука Ферри выбралъ моментъ своего вторичнаго выступленія на политическіе подмостки. Буланжизмъ и Панама дискредитировали радикаловъ и умѣренныхъ. Быстрые успѣхи соціализма, поразившіе весь міръ на выборахъ 1893 г., произвели переполохъ до размѣровъ настоящаго пароксизма страха: имущіе и правящіе классы, какъ послѣ февральской революціи, лихорадочно стали всматриваться въ разные концы горизонта, ища „спасителя“. Тогда-то, уступая жаркимъ просьбамъ друзей и поклонниковъ, Вальдэкъ-Руссо поставилъ свою не депутатскую, а сенаторскую кандидатуру, какъ и подобаетъ человѣку, который гордится до нѣкоторой степени своимъ скептическимъ отношеніемъ къ капризамъ всеобщей подачи голосовъ и ищетъ надлежащей оцѣнки среди „серьезныхъ элементовъ общественнаго мнѣнія страны“, т. е. среди избирателей въ верхнюю палату. Одинъ изъ третьестепенныхъ сенаторовъ департамента Луары нарочно подалъ въ отставку, чтобы уступить свое мѣсто Вальдэку, и послѣдній былъ дѣйствительно избранъ сенаторомъ 7-го октября 1894 г. (и переизбранъ на общихъ сенатскихъ выборахъ 3-го января 1897 г.). Великій человѣкъ буржуазіи снова вступалъ въ ряды политическихъ дѣятелей, и его друзья могли ожидать отъ него крупныхъ услугъ умѣренной партіи.

Вальдэкъ продолжаетъ, однако, еще съ годъ усердно заниматься адвокатурой (къ этому времени относится его защита „Максиньки-сахаровара“—отъ опекунскаго совѣта), и въ сенатѣ рѣдко показывается на трибунѣ, но отъ времени до времени говоритъ къ странѣ, произнося рѣчи на организуемыхъ его друзьями банкетахъ въ провинціи. То былъ періодъ, когда вѣялъ „новый духъ“ Спюллера, Мелинъ заключалъ свой союзъ съ „присоединившимися“, а буржуазія выказывала сильное стремленіе къ „къ консервативному республиканству“. Въ Вальдэкѣ надѣялись найти первостепеннаго вождя этой консервативной республиканской партіи и жадно прислушивались къ его рѣчамъ. Неудача Вальдэка на президентскихъ выборахъ 17-го января 1895 г., когда на мѣсто подавшаго въ отставку Казиміра Перье было выбрано такое претензіонное ничтожество, какъ Феликсъ Форъ (430 голосами противъ 361, поданныхъ за Бриссона; Вальдэкъ получилъ при первомъ вотумѣ 184 голоса противъ 338 голосовъ за Бриссона и 244 за Феликса Фора и снялъ свою кандидатуру), эта неудача показала, однако, что даже въ чисто парламентскихъ

сферахъ популярность Вальдэка была гораздо меньше, чѣмъ предполагали его друзья и сторонники. Тѣмъ больше ожидали отъ дальнѣйшихъ шаговъ Вальдэка въ сторону уже упомянутаго республиканскаго консерватизма. Нельзя, однако, сказать, что Вальдэкъ достаточно рѣшительно пошелъ навстрѣчу этимъ возлагавшимся на него надеждамъ и ожиданіямъ. И прежде всего, перечитывая его рѣчи за періодъ наиболѣе яраго господства мелинизма въ странѣ, я нахожу, что теперь онѣ производятъ гораздо болѣе неопредѣленное впечатлѣніе въ смыслѣ „консерватизма", чѣмъ въ тотъ моментъ, когда произносились. И это понятно: не одинъ только тонъ дѣлаетъ музыку; ее еще дѣлаетъ тотъ резонансъ, тотъ характеръ среды, въ которой произносятся и отъ которой отражаются извѣстные звуки. Несомнѣнно, консервативные республиканцы жадно искали въ рѣчахъ Вальдэка отклика на тѣ запросы всполошенной въ первой половинѣ 90-хъ годовъ буржуазіи, которые не совсѣмъ удовлетворялись лицемѣрной и двуличной политикой Мелина. Въ сущности мелинизмъ прекрасно работалъ на пользу реакціи, и даже правая отлично понимала это; но у представителей этого направленія было все же въ модѣ отъ времени до времени, что называется, пѣть куплеты во славу демократіи. Вотъ этихъ-то куплетовъ не любила консервативно-республиканская буржуазія; и пыталась, въ противоположность имъ, отыскивать въ рѣчахъ Вальдэка болѣе откровенные призывы къ необходимости „охранять интересы", и дѣйствительно какъ будто находила такіе. А за этой буржуазіей находили ихъ у Вальдэка уже и искренніе сторонники демократіи, возмущавшіеся, напротивъ, именно этимъ охранительнымъ характеромъ его политическихъ рѣчей. Почитайте ихъ теперь, когда исчезла окружавшая ихъ среда той эпохи, исчезъ современный имъ резонансъ желаній или негодованій: вы увидите, что въ сущности Вальдэкъ остается на его традиціонной почвѣ „республиканской концентраціи" и отличается отъ мелинистовъ развѣ отсутствіемъ лицемѣрія. Правда, въ нѣкоторыхъ его ораторскихъ упражненіяхъ можно встрѣтить слабые намеки на „свободу совѣсти" и „свободу преподаванія", намеки, которые можно было бы при желаніи истолковать какъ отказъ даже отъ оппортунистскаго антиклерикализма (нейтральной народной школы и т. п.). Но если взять эти рѣчи въ совокупности, то преобладающее впечатлѣніе отъ нихъ это именно приглашеніе къ „республиканской концентраціи", т. е. къ традиціонной политикѣ гамбеттистовъ.

Вотъ наиболѣе рѣзкая и опредѣленная фраза, которую можно было бы истолковать въ смыслѣ консерватизма:

... Страна всеобщей подачи голосовъ пойметъ, что она въ настоящее время поставлена между двумя совершенно различными альтернативами, которыя не могутъ быть скрыты отъ наименѣе проницательнаго взора ни чарами слова, ни ловкостью, ни перифразами: ей должно будетъ, — я сказалъ

это и еще повторяю,—выбирать между идеями *соціальнаго консервированія* и между идеями соціальнаго разрушенія, между *прогрессомъ* и контръ-революціей (рѣчь въ Монбризонѣ 25-го октября 1896 г.).

Но вы видите, что даже и здѣсь Вальдэкъ употребляетъ слово прогрессъ, который столько трепался „прогрессистами" мелиновскаго типа, и не рѣшается идти далѣе. Мало того, въ другой своей рѣчи Вальдэкъ даже, какъ будто, если не противопоставляетъ, то сопоставляетъ республиканскій консерватизмъ съ республиканскимъ прогрессомъ и высказывается за послѣдній: „долгъ республиканской партіи — принять во вниманіе, что если рядомъ съ нею появляется консервативная республиканская партія, то сама она можетъ и должна быть болѣе прогрессивной" (рѣчь въ Бордо 13-го ноября 1897 года). И одинъ изъ біографовъ не безъ остроумія замѣчаетъ, что это же въ сущности онъ сказалъ уже въ качествѣ премьера кабинета „республиканской обороны", заявивъ (18-го ноября 1899 г.), что „демократія не ищетъ консервированія внѣ прогресса."

Консерватизмъ Вальдэка этой эпохи проглядываетъ болѣе или менѣе ярко развѣ въ его отношеніи къ соціализму: и позже его противники, увидавъ Милльрана въ сформированномъ имъ кабинетѣ „республиканской обороны", не безъ ироніи противоставляли этой попыткѣ „министерскаго соціализма" слѣдующую мысль Вальдэка, развитую имъ въ рѣчи, которую онъ произнесъ 24-го октября 1896 г. въ городкѣ Феръ (Feurs, въ избравшемъ его въ сенаторы департаментѣ Луары):

Коллективизмъ есть и долго еще будетъ дѣломъ теоріи. Но существуютъ двѣ манеры практиковать соціализмъ: открыто, объявляя совершенно искренно, что намѣрены низвергнуть всѣ основы, которыми только живетъ современное общество, и косвенно, при помощи еще гораздо болѣе, можетъ быть, опасной стратегіи, расшатывая мало-по-малу и разрушая тѣ же самыя основы.

И, однако, Вальдэкъ, консервированный Вальдэкъ, настолько примирился въ послѣднее время съ этой второй—„косвенной" — манерой низвергать „основы", что прямо пригласилъ одного изъ мастеровъ этой манеры участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ защитѣ республиканскихъ учрежденій и, стало быть, и „основъ" страны. И эта послѣдняя стадія политической карьеры Вальдэка является наиболѣе интересной и едва ли не наиболѣе почетной, дѣлающей наиболѣе чести его проницательности и энергіи. Именно здѣсь онъ мнѣ напомнилъ всего болѣе высшаго политика англійской школы, который способенъ на такую комбинацію, что она приведетъ въ ужасъ девять десятыхъ традиціонныхъ политическихъ совѣтниковъ буржуазіи. Исторія образованія и дѣятельности кабинета „республиканской обороны" настолько, впрочемъ, еще на памяти у всѣхъ, что здѣсь мнѣ достаточно будетъ ограничиться

самыми короткими указаніями. И прежде всего придется сказать, что выступленіе Вальдэка въ роли главы упомянутаго кабинета говоритъ не только о его политической проницательности, но и о достоинствѣ его характера.

Вальдэкъ-Руссо, несомнѣнно, типичный представитель буржуазіи и долженъ чувствовать себя дома лишь въ сферѣ буржуазнаго міросозерцанія. Но онъ строго честный человѣкъ, не смотря на свою снисходительность къ подвигамъ тѣхъ членовъ своего класса, въ родѣ пресловутаго хапуги, инженера Эйфеля, которые съ беззастѣнчивостью „употребляютъ и злоупотребляютъ" принципомъ своей, а главное—чужой собственности. Кромѣ того, Вальдэкъ въ силу самыхъ профессіональныхъ занятій своихъ долженъ, — и долженъ, можетъ быть, не столько сердцемъ, сколько головой, — тяготѣть къ извѣстнымъ формамъ законности и энергично возставать противъ грубаго нарушенія ихъ. А именно элементарная честность и элементарная же законность были нарушены въ дѣлѣ Дрейфуса; и можно представить себѣ ту нравственную встряску, которую долженъ былъ испытать Вальдэкъ, этотъ гордый и могучій эгоистъ, но вполнѣ чистоплотный и далеко не вульгарный человѣкъ. Какъ бы то ни было, удовлетворяя своимъ нравственнымъ запросамъ, Вальдэкъ удовлетворялъ и своимъ политическимъ стремленіямъ, которыя въ данный моментъ, подъ вліяніемъ несомнѣнно охватившаго его своеобразнаго спокойнаго энтузіазма къ республикѣ, сводились къ сознанію необходимости защитить свободный строй Франціи, находившійся на краю гибели подъ ударами клерикаловъ, націоналистовъ и военщины.

Формою защиты была и на сей разъ „республиканская концентрація", но включающая въ себѣ такіе неожиданно сближенные за общимъ министерскимъ столомъ элементы, какими были, съ одной стороны, свирѣпый укротитель коммуны, Галиффэ, съ другой—соціалистъ Милльранъ. Именно въ этой комбинаціи сказалась проницательность Вальдэка. Соціалисты могутъ препираться между собою о пользѣ или вредѣ того новаго вида оппортунизма, который выросъ въ цѣлую теорію и практику „министерскаго соціализма", какъ буржуа могутъ вести нескончаемые споры о благодѣтельномъ или гибельномъ вліяніи „измѣны" Вальдэка на состояніе „основъ". Но съ точки зрѣнія общаго демократическаго прогресса несомнѣнно, что Вальдэкъ достигъ своей цѣли—спасти республику и при томъ въ рамкахъ современнаго строя, не поступившись ни однимъ существеннымъ принципомъ его. Всѣ поступки Вальдэка носятъ на себѣ этотъ характеръ и показываютъ, что этотъ человѣкъ дѣйствительно недюжинный представитель своего класса и знаетъ, чего хочетъ, и докуда ему слѣдуетъ идти.

Смотрите: онъ усмиряетъ мятежную военщину, но закономъ

объ амнистіи (окончательно прошедшимъ 24-го декабря 1900 г.) поставляетъ извѣстныя границы антимилитаристской агитаціи, такъ какъ полагаетъ, что, идя далѣе по этому пути, страна должна придти къ революціонному положенію вещей, а въ качествѣ сторонника „консервированія", онъ возстаетъ всей душой противъ такой перспективы.

Онъ ставитъ извѣстные предѣлы гибельному дѣйствію клерикализма на общество, однимъ и тѣмъ же закономъ (28-го іюня 1901 г.) давая право свѣтскимъ ассоціаціямъ формироваться безъ предварительнаго разрѣшенія и заявленія, но исключая изъ этого параграфа религіозныя конгрегаціи. И онъ же не хочетъ идти такъ далеко, чтобы огуломъ отказать въ разрѣшеніи цѣлымъ группамъ конгрегацій, какъ это было сдѣлано новой палатой и Комбомъ, при чемъ является вопросъ, не была ли цѣлесообразнѣе съ точки зрѣнія „соціальнаго консервированія" тактика Вальдэка, такъ какъ, несомнѣнно, теперь на этомъ дѣло не остановится, и въ перспективѣ можетъ оказаться та самая конфискація церковной собственности, которую съ неохотой допуститъ самая радикальная буржуазія.

Еще интереснѣе, можетъ быть, обнаруживается проницательность Вальдэка въ области соціальной политики. Ибо здѣсь стоитъ только всмотрѣться безпристрастно въ тѣ мѣропріятія и декреты, которые Милльранъ проводилъ не только съ согласія, но съ одобренія „аристократа буржуазіи", чтобы вѣрить, что вся эта дѣятельность является простою разновидностью той дѣятельности „примиренія интересовъ", которая проявляется въ вальдэковскомъ законодательствѣ 1884 г. о синдикатахъ.

Словомъ, куда бы вы ни обратили взоры, вездѣ вамъ приходится констатировать проявленія дальнозоркой и дѣятельной мысли Вальдэка, которая не останавливается передъ неожиданными и въ извѣстномъ смыслѣ оригинальными комбинаціями, но никогда не сходитъ съ той почвы „соціальнаго консервированія", какая является основною задачею „великаго буржуа". Въ моей прошлой статьѣ (о Комбѣ) я разсказалъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ добровольное удаленіе отъ власти Вальдэка и его сотрудниковъ. Вальдэкъ остается вѣренъ себѣ и своей природѣ: человѣкъ разсудочной энергіи, не довѣряющій взрывамъ общественной страсти, которая можетъ заводить людей дальше, чѣмъ бы они того хотѣли, онъ ставитъ себѣ извѣстную цѣль и, достигнувъ ея и боясь, чтобы самый напоръ приведенныхъ въ движеніе демократическихъ аффектовъ не увлекъ еще и еще впередъ поддерживавшую его коалицію республиканцевъ, отказывается отъ руководительства. Столкновенія между теперешнимъ большинствомъ и кабинетомъ Комба, съ одной стороны, и бывшими сотрудниками Вальдэка (Милльраномъ, де-Ланессаномъ и т. д.), съ другой, ясно показываютъ, что демократическая Франція не мо-

жетъ, дѣйствительно, остановиться на чертѣ, хотя бы и проведенной однимъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи и, пожалуй, всего цивилизованнаго міра.

Во всякомъ случаѣ, Вальдэкъ-Руссо представляетъ цѣльную, но сложную фигуру политика, на примѣрѣ котораго можно лучше всего видѣть размѣры талантовъ, заключающихся еще въ буржуазіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и роковую ограниченность ея міровоззрѣнія. И, однако, не смотря на всѣ изъяны, вытекающіе изъ этого міровоззрѣнія у Вальдэка, люди, которымъ дорогъ общій демократическій прогрессъ, не могутъ отказать въ симпатіяхъ этому государственному человѣку высшей школы. Со времени кабинета „республиканской обороны" его популярность значительно возрасла среди населенія; и когда недавно разнесся слухъ о серьезной операціи, которую долженъ былъ выдержать Вальдэкъ, вся мало-мальски сознательная Франція интересовалась судьбой „аристократа буржуазіи", сослужившаго такую службу республиканской демократіи, а чрезъ нее и общечеловѣческому прогрессу. Этотъ гордый и замкнутый человѣкъ былъ недаромъ, среди критическихъ обстоятельствъ, тѣмъ проницательнымъ и энергичнымъ „совѣтникомъ" республики, типъ котораго римляне характеризовали вѣскими словами: homo multi consilii et optimi!... Въ пантеонѣ современныхъ знаменитостей Франціи Вальдэку-Руссо принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Н. Е. Кудринъ

Новыя книги.

Н. Тимковскій.—Повѣсти и разсказы. Т. I. Изданіе 2-е. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1904.

Среди группы беллетристовъ, выступившихъ въ послѣднее десятилѣтіе, г. Тимковскій занимаетъ особое мѣсто. Нельзя сказать, чтобы его литературная физіономія выдѣлялась особенной яркостью; въ его манерѣ нѣтъ ничего „оригинальнаго", но за то у него нѣтъ и того оригинальничанія, которое такъ часто стремится выдать себя за „новизну". Голосъ его не покрываетъ другихъ въ общемъ хорѣ, но за то въ немъ нѣтъ и тѣхъ скрипучихъ нотъ, которыя часто способны выдѣлить иного пѣвца, далеко не на пользу общаго ансамбля. Г. Тимковскій говоритъ вещи не особенно новыя, не дѣлаетъ открытій; но то, что онъ говоритъ,— интересно, умно, и по большей части нужно. Читая его разсказы, вы чувствуете, что имѣете дѣло съ умнымъ собесѣдникомъ, думающимъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ стоитъ подумать.

Два разсказа занимаютъ первое мѣсто по объему и, пожалуй, по значенію, въ первомъ томѣ разсказовъ г. Тимковскаго. Одинъ изъ нихъ „Малыя дѣла и большіе вопросы“ знакомъ многимъ читателямъ „Русскаго Богатства“, такъ какъ былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Но такъ какъ это было давно, то мы позволимъ себѣ напомнить его основный мотивъ. Студентъ Лукинъ, сотрудникъ городскаго попечительства о бѣдныхъ, посѣщаетъ жилища столичной бѣдноты, съ цѣлью опредѣлить степень нужды и размѣры необходимой помощи. Студенту Лукину очень нравится дѣятельность попечительствъ: „передъ нимъ рисовалась свѣтлая огромная зала, гдѣ собралось столько дѣльныхъ, энергичныхъ людей, гдѣ говорилось такъ много умнаго и дѣльнаго; лица молодежи, подрумяненныя морозомъ, казались ему всѣ сплошь такими красивыми и выразительными... Ужъ одно то хорошо, думалъ Лукинъ, что всѣ собрались дѣлать дѣло... никто не заносился за предѣлы своихъ ближайшихъ задачъ, не докапывался ни до какихъ корней... все было просто, дѣльно, практично. Поминутно раздавалось: „семнадцать старухъ...“ „ежемѣсячное пособіе въ размѣрѣ трехъ рублей“ и т. д. Настроеніе Лукина намъ близко и понятно: „съ одной стороны, онъ уже разувѣрился въ пользѣ широкихъ задачъ и крупныхъ вопросовъ, на которые онъ истратилъ такъ много душевнаго жара и умственныхъ усилій... тысячу разъ онъ спрашивалъ себя: когда же, наконецъ, мы перейдемъ отъ словъ къ дѣлу...“ Въ „попечительствѣ“ люди именно перешли отъ словъ къ дѣлу. „Но, съ другой стороны, сидя на засѣданіи и внимательно слушая разговоры о тюфякахъ для богадѣлокъ,— онъ смутно чувствовалъ, что ему здѣсь чего-то не хватаетъ: хотѣлось той электрической искры, которая, бывало, вдругъ пробѣжитъ по всей толпѣ молодежи и какъ будто удесятеритъ въ каждомъ жизнь, силы, отвагу...“

Настроеніе Лукина, какъ видите, есть настроеніе средняго думающаго и чувствующаго русскаго человѣка, поставленнаго между стремленіемъ къ живой широкой дѣятельности, поднимающей и захватывающей и „маленькими дѣлами“, между общими формулами, и ничѣмъ съ ними не связанной практикой. Нужны ли „маленькія дѣла?“ Да, несомнѣнно. „Большіе вопросы“ останутся отвлеченными и мертвыми, если ихъ рѣшеніе не стремится въ конечномъ результатѣ облечься въ плоть этихъ житейскихъ мелочей, которыя разнесутъ ихъ по всѣмъ артеріямъ будничной жизни. Истинно велико только то, что способно рано или поздно, круто или постепенно, войти въ жизнь, чтобы перестраивать ея самыя мелкія детали по какому-то великому и новому плану. Но трагедія нашей русской жизни состоитъ въ разобщенности общихъ формулъ и жизненныхъ деталей, она состоитъ именно въ томъ, что наши формулы только безплодно волнуютъ кровь, а наши „мелкія дѣла“ разобщены отъ великихъ вопросовъ и по-

тому совсѣмъ неспособны ни волновать, ни подымать, ни возбуждать активныя силы... И выходитъ та двусторонняя тоска, которая то гонитъ студента Лукина отъ теоретическихъ разговоровъ, „поднимающихъ, какъ электрическая искра", и остающихся безъ примѣненія къ практикѣ „трехъ-рублевыхъ пособій" и улучшенія тюфяковъ, то зоветъ его обратно къ „вопросамъ"...

Сказать, что г. Тимковскій разрѣшаетъ эту трагическую коллизію, значило бы сказать неправду. Но онъ ведетъ читателя, вмѣстѣ со своимъ Лукинымъ, въ подвалы и жилища тѣхъ самыхъ людей, для которыхъ назначены и тюфяки, и „пособія", и передъ читателемъ лишній разъ, облеченный въ живые образы— встаетъ и самый вопросъ, и жалкое значеніе палліативовъ, можетъ быть нужныхъ, можетъ быть всетаки полезныхъ, но тѣмъ сильнѣе апеллирующихъ къ „великимъ вопросамъ". Лица, которыхъ выводитъ г-нъ Тимковскій, выхвачены изъ дѣйствительности, не прикрашены, не идеализированы. Это настоящіе люди, порой жалкіе, порой смѣшные, иной разъ не лишенные своеобразной логики, которая судитъ наши „малыя дѣла" со своей собственной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія великой нужды и великаго горя. И тѣмъ живѣе тотъ вопль, который невольно вырывается у читателя, какъ и у героя г-на Тимковскаго: „Но вѣдь надо же, надо же что нибудь дѣлать, чтобы остановить это проклятое колесо"...

Другой значительный разсказъ разбираемаго сборника—„Сергѣй Шумовъ"—даетъ намъ исторію душевнаго кризиса юноши-гимназиста. Здѣсь очень много деталей изъ жизни въ гимназическомъ пансіонѣ. Передъ читателемъ проходятъ типическія фигуры учениковъ, надзирателей, учителей, учебной администраціи, и это сближаетъ разсказъ съ нѣкоторыми очерками изъ этой области, привлекающими вниманіе общества въ послѣдніе годы въ связи съ вопросами учебной реформы. Но свою задачу г. Тимковскій поставилъ въ условія болѣе сложныя, чѣмъ большинство авторовъ: его Шумовъ переживаетъ также и тяжелую семейную драму, впечатлѣнія которой проходятъ для него въ рамкахъ гимназической жизни. И нужно сказать, что это и умно, и правдиво. Шумовъ является не только „ученикомъ", но и живымъ, многосторонне чувствующимъ человѣкомъ. Ему тяжело и внѣ школы; уже впечатлѣнія семьи ложатся бременемъ на юную душу. Но отъ этого сухой формализмъ школы, не чувствующей этого надлома, не считающейся съ нимъ и безпощадной къ надломленному молодому существованію, выступаетъ еще рельефнѣе. Можетъ быть, эту тему можно было развить нѣсколько болѣе сжато. Нужно, однако, сказать, что множество деталей, которыми усѣянъ, а иногда и нѣсколько отягченъ разсказъ, набросаны правдиво, а порой и прямо мастерски, и юная толпа живетъ передъ вами своею характерной жизнью. Уже этихъ двухъ

разсказовъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать книгу г-на Тимковскаго очень замѣтнымъ явленіемъ въ литературѣ, и намъ остается только пожелать ей заслуженнаго успѣха.

Н. Покровскій. Культурное болото. Повѣсть-трилогія. СПБ. 1904.

Повѣсть-трилогія г-на Покровскаго состоитъ, какъ это и полагается, изъ трехъ частей. Въ первой („Желѣзозаводчикъ") разсказывается, какъ иногда невыгодно передавать желѣзный заводъ въ руки акціонерной компаніи, вмѣсто того, чтобы отдать его умѣлому и дѣльному управляющему въ аренду. Прочитавъ эту повѣсть, мы подумали, что это правда: дѣйствительно, иногда бываетъ невыгодно; но, съ другой стороны, иной разъ положительно лучше устроить хорошую акціонерную компанію, чѣмъ передавать заводъ въ аренду управляющему: вѣдь и управляющіе попадаются ой-ой какіе. Объ этомъ тоже можно бы написать трилогію. Наконецъ, всего лучше хозяйскій глазъ, а если хозяинъ глупъ, какъ въ данномъ случаѣ... ну, тогда ему и съ компаніей худо, да врядъ не хуже-ли и безъ компаніи. Это такъ ясно, что, пожалуй, не стоитъ даже писать „трилогіи".

Во второй части („Семейное болото") тотъ самый управляющій Каневскій, который хотѣлъ взять заводъ въ аренду, разговорился случайно съ однимъ господиномъ да и разсказалъ ему исторію своей весьма неудачной женитьбы. Прежде онъ „увлекался женщинами; какъ грекъ, поклонялся красотѣ и не думалъ о бракѣ. Какъ могъ я думать о бракѣ,—говоритъ онъ,—когда я обожалъ женщину, какъ богиню". Этотъ бѣдный человѣкъ, очевидно, плохо зналъ греческую исторію и миѳологію: извѣстно, что греки совсѣмъ по иному смотрѣли на это дѣло, и если рѣдко женились на богиняхъ законнымъ бракомъ (бывало и это), то никогда не упускали случая, если таковой представлялся, вступить съ ними въ неосвященныя церковью связи. Примѣровъ можно бы привести много. Но Каневскій этого не зналъ и потому упустилъ время, а потомъ ему стали приходить „мысли о женщинѣ по привычкѣ, по атавизму" (!), онъ „почувствовалъ въ сердцѣ сладкую фибру любви" (стр. 123). Въ то же самое время и нѣкая Дуня „предалась восторгу къ нему" (122), что и неудивительно,—„въ Каневскомъ было все, что, по русскому неиспорченному (sic) взгляду на жизнь, составляетъ идеалъ человѣка: онъ былъ дѣловитъ и скроменъ" (стр. 121). Ну, однимъ словомъ, Каневскій не поостерегся, забылъ, что, „выбирая себѣ жену, надо считаться съ атавизмомъ..., провѣряя ея натуру по ея матери и по ея восходящимъ родственницамъ" (126), и женился, при чемъ, какъ о томъ выразительно свидѣтельствуетъ авторъ на стр. 117,—„пріобрѣлъ себѣ дьявола".

Все это тоже бываетъ, но, если ужъ писать объ этомъ три-

логіи, то, право, слѣдовало бы дѣлать это грамотнѣе и толковѣе, чѣмъ это сдѣлалъ г. Покровскій. За то, перейдя къ третьей части, мы были пріятно удивлены: „Апоѳеозъ Блѣднова"... Блѣдновъ, Блѣдновъ... что-то, какъ будто знакомое... Да, вѣдь это герой „повѣсти злобы дня, въ двухъ частяхъ", того же автора, вышедшей еще въ 1894 году, а это совершенно освобождаетъ насъ отъ чтенія третьей части, такъ какъ въ свое время въ „Русскомъ Богатствѣ" объ этомъ Блѣдновѣ, человѣкѣ въ высокой степени нелѣпомъ, былъ данъ очень опредѣленный отзывъ. Съ тѣхъ поръ, правда, воды утекло много. Блѣдновъ когда-то, если не ошибаемся, „бывшій въ когтяхъ кагала", ставъ статскимъ совѣтникомъ, говоритъ о томъ, что формула „Россія для русскихъ" уже устарѣла, и теперь „намъ нужна другая формула: „русскіе для Россіи"... Но умнѣе, увы!—не сталъ ни на іоту... Въ наказаніе за это, авторъ сводитъ его со своимъ скучнѣйшимъ Каневскимъ, и тотъ опять заводитъ канитель о своей несчастной женитьбѣ... На этомъ мы и оставляемъ этихъ почтенныхъ собесѣдниковъ.

Впрочемъ, еще два слова: съ Каневскимъ случались и другія непріятности, кромѣ женитьбы: началъ онъ, напримѣръ, писать, но „и въ этой, кажется, свободной дѣятельности, встрѣтилъ препятствія: его статьи не находили пріема въ редакціяхъ. Въ журналахъ ему говорили: ваша статья слишкомъ нова по идеѣ (вотъ вѣдь какіе любезные люди!), это отъ васъ примутъ въ газету; а въ газетахъ онъ слышалъ: въ вашемъ вопросѣ мы держимся другихъ взглядовъ". Такъ самъ Каневскій повѣствуетъ на стр. 109. И вдругъ, о радость: его повѣсть принимаютъ въ серьезный журналъ... Впрочемъ, просимъ прощенія: это мы ошиблись. Это случилось не съ Каневскимъ, а съ самимъ г. Покровскимъ, первая часть трилогіи котораго, дѣйствительно, была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы", о чемъ г. Покровскій безжалостно сообщаетъ въ примѣчаніи, въ началѣ первой повѣсти. Правда, фактъ не лишенъ своего рода пикантности: совершенно лубочная повѣсть на страницахъ серьезнаго журнала!.. Но всетаки намъ кажется, что ужъ самому-то г-ну Покровскому не слѣдовало напоминать объ этомъ, хотя бы просто изъ благодарности: со всякимъ можетъ случиться ошибка, и хорошіе журналы не гарантированы отъ промаховъ. А г-ну Покровскому непремѣнно понадобилось печатно напомнить объ этомъ по истеченіи двухъ лѣтъ.

Евгеній Чириковъ. Пьесы. Изд. товарищества „Знаніе". Спб. 1904.

Нашу драму обвиняютъ въ томъ, что она не литературна. Въ одномъ смыслѣ это обвиненіе не лишено основанія: въ самомъ дѣлѣ, наша драма, за немногими исключеніями, отстала отъ литературы. Сплошь и рядомъ намъ приходится видѣть въ театрѣ не новые образы, новыя положенія, новые вопросы, а драматизиро-

ванные разговоры о томъ, чѣмъ въ данный моментъ полна наша блѣдная и односторонняя печать; сплошь и рядомъ авторъ наблюдаетъ жизнь не à travers le temperament, какъ опредѣляла натуралистическая критика, но à travers le journal: „новости дня“ стоятъ между нимъ и дѣйствительностью, и онъ переноситъ на сцену „маленькую хронику“—марксистовъ и декадентовъ, классическую гимназію и еврейскій погромъ... Хорошо еще, когда авторъ знаетъ что нибудь кромѣ своей газеты: онъ вноситъ въ свое изображеніе хоть какія нибудь свѣжія черточки изъ непосредственнаго наблюденія. Но это бываетъ не часто.

Такимъ перенесеніемъ на сцену знакомыхъ мотивовъ представляется намъ драматическое творчество г. Чирикова. Онъ опытный литераторъ, и это хорошо отразилось на его произведеніяхъ. Онъ умѣло овладѣлъ драматической формой, и его пьесы со сцены могутъ произвести впечатлѣніе. Но когда вчитаешься въ нихъ, то бѣлыя нитки, не видныя при свѣтѣ рампы, выступаютъ съ достаточной очевидностью: это драма, пригодная и для чтенія, и для исполненія, но, въ основныхъ своихъ чертахъ, она изъ вторыхъ рукъ.

Въ подробностяхъ — тамъ, гдѣ авторъ вращается въ кругѣ знакомой ему общерусской провинціальной жизни, его пьесы богаты подлинными чертами дѣйствительности. Хороша и поучительна въ его изображеніи судьба русской провинціальной газеты, ея мелкіе самоотверженные дѣятели, ея друзья, столь легко превращающіеся въ враговъ, ея умѣренный и аккуратный цензоръ, подвластный всѣмъ вліяніямъ и всѣмъ настроеніямъ. Но въ этой пьесѣ нѣтъ ни одной дѣйствительно живой, индивидуальной фигуры: отдѣльныя дѣйствующія лица тусклы до послѣдней степени. Неопредѣленностью индивидуальной характеристики ихъ превосходятъ только герои послѣдней пьесы г. Чирикова „Евреи“: здѣсь дѣйствующія лица только подаютъ другъ другу реплики изъ еврейскихъ газетъ; среди изображенныхъ здѣсь евреевъ есть истерическій сіонистъ, есть исключенный за безпорядки студентъ, есть соціалъ-демократъ рабочій, есть старикъ, держащійся вѣры отцовъ; но что представляютъ собою эти люди внѣ этихъ ярлыковъ, совершенно неизвѣстно—и читатель не проникается вѣрой въ ихъ существованіе. А вѣдь внѣ индивидуальной психологіи драма не существуетъ: остаются только діалоги. Между тѣмъ, психологическій анализъ никогда не былъ сильной стороной дарованія г. Чирикова: онъ хорошій, хотя подчасъ тенденціозный наблюдатель бытовыхъ чертъ, но области драматической характеристики ему лучше не касаться. Исчерпывающія доказательства этого представляетъ недурно задуманная, но совершенно неудавшаяся пьеса „За славой“. Здѣсь серьезно только то, что смѣшно; а то, что автору кажется серьезнымъ, боимся, покажется зрителю только смѣшнымъ.

Октавъ Мирбо. Разсказы. Пер. съ французскаго съ предисл. Б. А. Витмера (книгоиздательство „Оріонъ"). Спб. 1904.

Имя Октава Мирбо извѣстно русскимъ читателямъ не столько по его литературной дѣятельности, сколько по его участію въ дѣлѣ Дрейфуса, гдѣ этотъ другъ Зола былъ однимъ изъ самыхъ пылкихъ и стойкихъ „интеллигентовъ", поборниковъ справедливости. Всѣмъ памятна, вѣроятно, сцена въ Реннѣ въ день покушенія на Лабори, когда горячій Мирбо, не выдержавъ тисковъ внѣшней корректности, позволяющей французскимъ писателямъ сходится на нейтральной почвѣ личныхъ отношеній при діаметрально противоположныхъ убѣжденіяхъ, набросился въ ресторанѣ на одного изъ наиболѣе гнусныхъ представителей націоналистской прессы и чуть не задушилъ его. Этотъ взрывъ характеренъ и для писательской личности Мирбо, поскольку, однако, такая крайность можетъ быть характерна для человѣка, столь пестраго по натурѣ. Пестрота эта, связанная съ извѣстной непосредственностью и силой темперамента, отразилась съ удивительной яркостью на жизненныхъ испытаніяхъ французскаго писателя. Сынъ уравновѣшенной и разсудительной Нормандіи, воспитанникъ іезуитской коллегіи, которая сумѣла внушить ему глубокую ненависть къ католической іерархіи, ранній прожигатель жизни и курильщикъ опіума, который едва не свелъ его въ могилу, подъ тридцать лѣтъ—провинціальный администраторъ, супрефектъ въ Аріежѣ, гдѣ онъ пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, затѣмъ вдругъ изступленный биржевой игрокъ, потомъ въ теченіе полутора года—рыбакъ въ Бретани, наконецъ, дѣятельный дрейфуссаръ и, въ теченіе всего этого времени, прежде всего и всѣми фибрами своей души—писатель, плодовитый, разносторонній и интересный, критикъ и романистъ, публицистъ и драматургъ, послѣдняя пьеса котораго имѣетъ большой успѣхъ. Въ автобіографическихъ романахъ „Le calvaire" и „Le jardin des supplices", то грязно непристойныхъ, то трогательно лирическихъ, то философски возвышенныхъ, нашла наиболѣе полное выраженіе эта душа, странная, сложная, далеко не столь уравновѣшенная, какой ее считаетъ предисловіе къ русскому сборнику, то судорожно страстная, то болѣзненно скептическая, но всегда и прежде всего правдивая.

Скептика, пессимиста и обличителя отразили болѣе всего разсказы Мирбо, нынѣ впервые появляющіеся на русскомъ языкѣ. Безнадежное презрѣніе къ человѣческимъ особямъ, изуродованнымъ нашей нелѣпой жизнью,—таково основное настроеніе этихъ разсказовъ; ядовитый шаржъ—такова ихъ форма. Французская литература выдвинула за послѣднія десятилѣтія не одного представителя эстетически-анархическаго индивидуализма, смѣнившаго свой былой общественный индифферентизмъ опредѣленно и рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ лжи и лицемѣрію современнаго буржуазнаго общества. Но въ то время, какъ у другихъ—

напримѣръ, у Анатоля Франса—это отрицаніе подернуто пассивной философской грустью, у Мирбо оно дошло до отвращенія. И краски, сгущенныя имъ въ творческомъ негодованіи, образы, извращенные до непристойности, гнусныя, но правдивыя детали, подобранныя въ неподдѣльномъ бѣшенствѣ обличителя, способны внушить читателю ужасъ предъ лживой и разлагающейся жизнью, къ которой мы такъ легко привыкаемъ. Галлерея образовъ Мирбо широка и ярка; здѣсь и министры, и мужики, и профессора, и депутаты, и мелкіе авантюристы, и уличныя женщины, и воры, воры, воры, большіе и малые, профессіональные и случайные, ночные и дневные: быть можетъ, слишкомъ много воровъ...

Въ общемъ Мирбо—талантъ среднихъ размѣровъ; онъ слишкомъ страстенъ, чтобы быть непосредственнымъ наблюдателемъ; онъ склоненъ къ каррикатурѣ, всегда богатой средствами и бѣдной содержаніемъ. Но тѣмъ, кого въ художественномъ произведеніи интересуетъ не только личность автора, но и міръ, изображенный имъ—хотя бы и въ своеобразно обличительной формѣ—тѣмъ надо познакомиться съ Мирбо.

Матеріалы для физіологіи русскаго общества. Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ **К. Скальковскій.** Спб., 1904.

„Когда, испытавъ на своей шеѣ всѣ прелести отечественной административной, общественной и литературной дѣятельности,—разсказываетъ г. Скальковскій въ предисловіи къ своей книгѣ,—я удалился въ Парижъ на покой, то послѣ кипучихъ повседневныхъ занятій относительное бездѣйствіе вызвало скуку, и я предался усиленно чтенію“. Нельзя сказать, чтобы выборъ книгъ отличался при этомъ особенной разборчивостью. Повидимому, г. Скальковскій бралъ все, что ему случайно попадалось, до князя Мещерскаго включительно, и выписывалъ изъ прочитаннаго на клочкахъ бумаги то, что ему нравилось. Такъ какъ во время чтенія г. Скальковскій находился, какъ онъ говоритъ, „въ нѣсколько скептическомъ настроеніи“, то и вниманіе его привлекало преимущественно то, что соотвѣтствовало такому настроенію. Затѣмъ, собравши всѣ эти клочки, напечаталъ ихъ — и получилась „Маленькая хрестоматія для взрослыхъ“. Книгѣ своей г. Скальковскій склоненъ придавать очень серьезное значеніе. Онъ утверждаетъ, что собранныя имъ мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ дали ему „отвѣты на мучительные вопросы: отчего мы такъ отстали? Отчего послѣ тысячелѣтней государственной жизни мы все еще стоимъ какими-то недорослями? Почему учрежденія, которыя оказались пригодными даже для антильскихъ негровъ и для японцевъ, не говоря уже о разныхъ „братушкахъ“, кажутся еще для насъ чѣмъ-то преждевременнымъ? и т. д.“

Всѣ эти вопросы, дѣйствительно, серьезны и заслуживаютъ полнаго вниманія. Но отвѣтовъ на нихъ было немного наивно искать въ случайно сказанныхъ, случайно прочитанныхъ и случайно собранныхъ отрывкахъ множества авторовъ, отъ Аристотеля до гг. Буренина и Суворина. Любопытно здѣсь, однако, то, что даже такіе легкіе и веселые писатели, какъ г. Скальковскій, пылкій поклонникъ „женскаго вопроса" и хореографіи, начинаютъ искать отвѣтовъ на „мучительные вопросы" русской жизни. Въ своемъ предисловіи г. Скальковскій, пытаясь отвѣтить на тѣ „почему" и „отчего", которыя цитированы выше, высказываетъ нѣсколько отрицательныхъ положеній, которыми устраняетъ стереотипныя ссылки на историческія условія, климатъ, бѣдность и т. п. Относительно монгольскаго ига, напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что насъ тогда „эксплуатировали" не монголы, номинальные повелители, а наши же князья, дѣйствовавшіе въ качествѣ уполномоченныхъ тѣхъ же монголовъ." Что же касается климата и бѣдности, то „финны, эсты, латыши, норвежцы, канадцы живутъ гораздо въ худшихъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, чѣмъ живутъ двѣ трети русскихъ, они тоже небогаты, но дѣятельность ихъ не проявляется, однако, только въ томъ, чтобы сводить лѣса, засыпать рѣки навозомъ и, немного образовавъ себя, искать казеннаго жалованья..."

Такъ въ чемъ же дѣло? „Объясненіе всему то, что мы народъ некультурный въ европейскомъ смыслѣ..." Выходитъ, какъ будто такъ, что мы некультурны, потому что некультурны... Но тутъ на помощь г. Скальковскому приходитъ г. Сыромятниковъ и объясняетъ, что всему виною „русскій коммунизмъ", ибо онъ есть „исконное разрушительное начало русскаго народа." — Совершенно вѣрное разсужденіе, — радостно восклицаетъ г. Скальковскій и на этомъ успокаивается, и опять приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о нашей некультурности. Мучительные же вопросы такъ и остаются безъ разрѣшенія.

Въ своихъ разсужденіяхъ г. Скальковскій является типичнымъ представителемъ россійскаго обывателя, который большей частью вѣрно указываетъ на отрицательныя явленія жизни, правильно разсуждаетъ о томъ, что и это у насъ неладно, и то не такъ, какъ тому слѣдуетъ быть, но какъ только дѣло коснется положительной стороны, такъ и ляпнетъ что нибудь въ родѣ „русскаго коммунизма" или объявитъ, что всему виной наши степные овраги.

Г. Скальковскій очень неблагосклонно относится къ журналистамъ. „Господа журналисты, говоритъ онъ, не преминутъ выругать мою книгу, какъ выбранили и остальныя, но я убѣжденъ, что они тайкомъ будутъ ее покупать и въ теченіе многихъ лѣтъ черпать оттуда свою премудрость, тщательно скрывая источникъ". Не будемъ разубѣждать г. Скальковскаго въ этомъ его убѣжденіи, и позволимъ себѣ почерпнуть изъ его книги, не скрывая,

впрочемъ. источника, одно изреченіе, принадлежащее князю Мещерскому, издателю „Гражданина“.

Столичный консерваторъ въ своемъ родѣ интересный субъектъ. Если онъ въ чаяніи что нибудь хапнуть отъ казны, онъ консерваторъ; если надежда хапнуть лопнула, если штука сорвалась, если не удался планъ воздушнаго полета, то онъ сразу дѣлается либераломъ и разноситъ правительство на всѣ корки (стр. 118).

В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка (Библіотека для самообразованія, издаваемая подъ редакціей А. С. Бѣлкина, А. А. Кизеветтера, проф. М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова. XXVII). М. 1903.

Г. Икономовъ поставилъ себѣ интересную и благодарную задачу—дать читателямъ въ сжатомъ и популярномъ изложеніи характеристику главныхъ сторонъ государственной, общественной и частной жизни Россіи передъ петровскою реформой. Соотвѣтственно такой задачѣ, онъ, предпославъ своей работѣ небольшое введеніе, излагающее важнѣйшія явленія русской исторіи до начала XVII столѣтія, затѣмъ въ рядѣ послѣдовательныхъ главъ описываетъ территорію и населеніе Московскаго государства въ XVII вѣкѣ, классы и сословія, на какіе дѣлилось русское общество того времени, устройство управленія и суда, церковное управленіе и религіозный бытъ народа, государственное и народное хозяйство, устройство народной обороны, сношенія Москвы съ иностранцами, образованность русскаго общества и, наконецъ, его домашній бытъ и нравы. Таковы внѣшнія рамки книги г. Икономова. Къ сожалѣнію, содержаніе, вложенное въ эти рамки, оставляетъ желать многаго, такъ какъ авторъ не вполнѣ удачно справился съ трудностями избранной имъ задачи. Его изложеніе нерѣдко страдаетъ отсутствіемъ правильной исторической перспективы, благодаря чему сравнительно мелкія явленія подчасъ выдвигаются на первый планъ, тогда какъ болѣе крупныя остаются въ тѣни или обрисовываются лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Съ другой стороны, тѣ характеристики, какія даются г. Икономовымъ явленіямъ русской жизни XVII вѣка, часто черезчуръ блѣдны и неполны, и это обстоятельство тѣмъ болѣе рѣзко бросается въ глаза, что изложеніе автора почти совершенно лишено сколько-нибудь яркихъ красокъ, отличаясь большою вялостью. Не уберегся г. Икономовъ и отъ фактическихъ ошибокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ объясняются простою небрежностью со стороны автора и легко поддаются исправленію. Такъ, напримѣръ, сказавъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, что по миру 1686 г. за Москвою была навсегда закрѣплена „Кіевская область“ (61), г. Икономовъ уже на слѣдующей страницѣ сооб-

щаетъ читателю болѣе точныя свѣдѣнія, указывая, что по этому миру Московское государство получило на правомъ берегу Днѣпра только г. Кіевъ (62—63). Въ другомъ мѣстѣ, авторъ, описывая порядокъ раздачи чиновъ въ XVII вѣкѣ, говоритъ: „чины давались постепенно, за службу—это обычный порядокъ; но въ Московскомъ государствѣ весьма часты были случаи, когда даже высшіе чины боярина и окольничаго раздавали, руководствуясь не продолжительностью службы, а знатностью происхожденія или дѣловитостью человѣка, его способностями и заслугами“ (76). И наряду съ этимъ изъ дальнѣйшаго изложенія самого г. Икономова читателю выясняется, что обычнымъ порядкомъ раздачи чиновъ въ старой Москвѣ было пожалованіе ихъ въ зависимости отъ происхожденія служилаго человѣка, а не отъ продолжительности его службы или отъ степени его заслугъ. Далеко не всегда, однако, читатель будетъ въ состояніи исправить допущенныя г. Икономовымъ ошибки на основаніи текста его же книги, такъ какъ въ послѣдней встрѣчаются и прямо невѣрныя свѣдѣнія. Г. Икономовъ утверждаетъ, напримѣръ, будто русскіе горожане въ XVII вѣкѣ занимались только ремеслами и торговлей, тогда какъ хлѣбопашество составляло исключительное занятіе сельскихъ жителей (189). Равнымъ образомъ обычай „своза“ крестьянъ находитъ себѣ у автора совершенно неправильное истолкованіе (90). Говоря о донскихъ казакахъ, авторъ замѣчаетъ: „преступникамъ было особенно выгодно бѣжать на Донъ, потому что московское правительство прощало и забывало всякое преступленіе, если только виновный въ немъ поступалъ въ казачій полкъ и защищалъ государство отъ его враговъ—степныхъ кочевниковъ“ (207). И проще, и правильнѣе было бы, конечно, сказать, что донскіе казаки не выдавали московскому правительству поселявшихся у нихъ бѣглецовъ. Но еще болѣе странныя свѣдѣнія сообщаетъ г. Икономовъ о казакахъ малороссійскихъ. По его словамъ, „главнѣйшая часть“ малороссійскихъ казаковъ въ XVII вѣкѣ „имѣла свои поселенія за днѣпровскими порогами и составляла знаменитую Запорожскую Сѣчь“. Администрація же Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія, если вѣрить автору, состояла изъ гетмана, полковниковъ, сотниковъ и эсауловъ (208). Почему авторъ нашелъ нужнымъ упомянуть объ эсаулахъ, одновременно умалчивая обо всей генеральной и полковой старшинѣ, догадаться не легко, если только не предположить, что существованіе этой старшины для него самого осталось неизвѣстнымъ. Подобные пропуски и ошибки не составляютъ въ книгѣ г. Икономова рѣдкаго исключенія.

Въ свою очередь объясненія, даваемыя авторомъ историческимъ фактамъ, не всегда соотвѣтствуютъ истинному значенію этихъ фактовъ. Ограничимся для иллюстраціи двумя примѣрами. Происхожденіе теремовъ г. Икономовъ объясняетъ слѣдующимъ

образомъ: „чтобы защитить и уберечь своихъ женъ, дочерей и родственницъ отъ гнусныхъ уличныхъ сценъ и отъ грубости мужчинъ, состоятельные люди ничего не могли придумать другого, какъ устроить для женщинъ особыя отдѣленія въ своихъ хоромахъ—терема, въ которыхъ и жили женщины, какъ въ монастыряхъ, совершенно удаленныя отъ свѣта“ (277—278). Не менѣе поверхностно, чтобы не сказать—наивно, и объясненіе, даваемое авторомъ суровости уголовнаго законодательства XVII-го вѣка. Сказавъ, что въ Россіи XVII-го столѣтія были очень часты грабежи, разбои и убійства, г. Икономовъ продолжаетъ: „поэтому вполнѣ естественно, что и наказанія въ то время не могли отличаться мягкостью, а, напротивъ, при общей некультурности и грубости нравовъ, они были очень суровы“ (278). Читателю остается заключить, что суровость наказаній XVII-го вѣка вызывалась не столько даже общею некультурностью страны, сколько большимъ количествомъ преступленій.

Всѣ указанныя особенности книги г. Икономова дѣлаютъ ее, въ концѣ концовъ, мало пригодной для той цѣли, для какой ее предназначали ея авторъ и редакція московской „Библіотеки для самообразованія“. Мало подготовленный читатель врядъ ли особенно заинтересуется этой книгой и во всякомъ случаѣ не извлечетъ изъ нея достаточнаго запаса вполнѣ надежныхъ свѣдѣній по русской исторіи XVII вѣка.

С. А. Чистяковъ. **Исторія Петра Великаго.** Спб. 1903.

По словамъ самого г. Чистякова, его книга „имѣетъ цѣлью дать сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ,—сводъ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, но въ видѣ интереснаго историко-біографическаго очерка, строго основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ одинаково доступнымъ и занимательнымъ какъ для взрослаго читателя, такъ и для юноши“. Въ дѣйствительности, однако, приведенная характеристика менѣе всего подходитъ къ книгѣ г. Чистякова. Вознамѣрившись представить читателю „сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ“, авторъ, повидимому, не далъ себѣ труда сколько-нибудь внимательно ознакомиться съ этими „изысканіями“. Въ результатѣ его книга представляетъ собою не исторію Петра и даже не біографію его, а лишь высокопарное повѣствованіе о нѣкоторыхъ, по преимуществу внѣшнихъ, фактахъ изъ жизни Петра, повѣствованіе, изложенное въ тонѣ не то апологіи, не то житія и пестрящее крупными и мелкими ошибками. Благодаря такому своему характеру, книга г. Чистякова окажется равно непригодной и для взрослаго читателя, и для юноши, если тотъ или другой пожелаютъ ознакомиться съ дѣйствительною исторіей петровскаго времени.

Къ тексту книги г. Чистякова приложено большое количество хорошихъ снимковъ съ извѣстныхъ историческихъ картинъ, старинныхъ гравюръ, портретовъ, медалей и автографовъ и вообще съ внѣшней стороны книга издана роскошно. Можно только пожалѣть, что внутреннее ея содержаніе не соотвѣтствуетъ ея внѣшности.

І. Тюрканъ. Генеральша Бонапартъ. Переводъ съ французск. Л. Т. Спб. 1903.

І. Тюрканъ далъ нѣсколько монографій о семьѣ Бонапартовъ. Настоящая книга представляетъ опытъ историческаго портрета Жозефины Бонапартъ, первой жены консула и императрицы, съ которой впослѣдствіи Наполеонъ разошелся, чтобы вступить въ бракъ съ Маріей-Луизой австрійской. Книга написана живо, хотя и нельзя сказать, чтобы вполнѣ объективно. Г. Тюрканъ очень благоволитъ къ Наполеону и слишкомъ строгъ къ бѣдной Жозефинѣ. Онъ произвелъ строжайшее историческое слѣдствіе, и въ результатѣ оказалось, что вдова Богарне, гражданка Бонапартъ, впослѣдствіи императрица французовъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго снисхожденія. Главная ея вина въ томъ, что она не оцѣнила сразу своего великаго супруга. Наполеонъ въ изображеніи Тюркана рисуется страстно влюбленнымъ, преданнымъ, нѣжнымъ, немного смѣшнымъ, но еще болѣе трогательнымъ въ своемъ нераздѣленномъ чувствѣ. „Какимъ юнымъ мальчуганомъ представляется Бонапартъ передъ своей обожаемой женой!"... „А она? Ничуть!" Тюрканъ доказываетъ, что г-жа Бонапартъ предпочитала порой юныхъ адъютантовъ своему прославленному супругу. Извѣстно давно, что женское сердце своенравно, и ему нельзя отдавать приказы, точно по арміи. Между тѣмъ, уже въ періодѣ „гимназической влюбленности" Наполеона, его письма, длинныя и страстныя, звучатъ порой категоричностью настоящей команды: „Ахъ, не будь безпечно весела, будь лучше немного грустна!" „Пиши мнѣ десять страницъ"! (какая точность). „Пиши мнѣ скорѣе цѣлыя четыре страницы!"... „Въ одну изъ ближайшихъ ночей двери твои съ трескомъ распахнутся, какъ подъ рукою ревнивца, и вотъ—я въ твоихъ объятіяхъ"... Все это указываетъ, кажется, на такія черты этого влюбленнаго, которыя гораздо умѣстнѣе въ генералѣ, чѣмъ въ юномъ вздыхателѣ. А вотъ картинка, рисующая Наполеона-мужа уже совершенно опредѣленными чертами. Жозефина страдаетъ мигренью, но Наполеонъ настаиваетъ, чтобы она ѣхала на прогулку. „Бонапартъ вмѣстѣ съ Буррьеномъ ѣхалъ верхомъ впереди; онъ то бѣшено скакалъ, пришпоривая лошадь, то возвращался назадъ къ коляскѣ, нѣжно прикасался къ жениной рукѣ, улыбался ей и снова скакалъ впередъ: это была очень милая картина... Но вотъ экипажъ подъѣхалъ къ небольшому ручью, съ весьма крутыми берегами...—„Я

не хочу ѣхать дальше,—кричала г-жа Бонапартъ.—Вы меня уроните въ обрывъ! Пусть скажутъ первому консулу, что я возвращаюсь домой". Дѣйствительно она приказала повернуть экипажъ, и уже онъ былъ на пути къ Мальмезону, когда услыхала, что за ними кто-то гонится верхомъ. Обернувшись, онѣ увидали генерала Бонапарта.—Это еще что такое значитъ?—крикнулъ онъ, мрачно сдвигая брови...—Что еще за новый капризъ? Сейчасъ же возвращайтесь!—Онъ коснулся плеча кучера кончикомъ своего хлыста, и экипажъ снова повернулъ. Скоро они опять очутились на берегу ручья.—„Ну,—обратился генералъ къ кучеру,—хорошій разбѣгъ, потомъ опусти поводья и ты перескочишь".—Г-жа Бонапартъ принялась кричать:—„Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что. Я сойду. Бонапартъ, прошу тебя, ради Бога, дай мнѣ выйти изъ экипажа. О, умоляю тебя"... Она простирала къ нему руки, она плакала, какъ маленькая дѣвочка; жаль было смотрѣть на нее". Г-жа Жюно, находившаяся вмѣстѣ съ нею въ коляскѣ, стала просить въ свою очередь, чтобы имъ позволили выйти.—„Вамъ,—конечно",—любезно отвѣтилъ Бонапартъ и самъ провелъ ее на другую сторону ручья. Отсюда онъ увидѣлъ, что коляска съ его женой все еще не трогалась съ мѣста. Жозефина такъ плакала, такъ умоляла, что кучеръ не рѣшался двигаться впередъ.—„А, такъ-то, негодяй!—крикнулъ генералъ, снова перебѣгая на эту сторону.—Ты не желаешь исполнять моихъ приказаній". И онъ вытянулъ его хлыстомъ по плечамъ. Кучеръ пустилъ лошадей, коляска рванулась, покосилась направо, налѣво, качнулась впередъ, назадъ и, наконецъ, побѣдоносно поднялась на противоположный берегъ... „Первый консулъ подалъ женѣ руку, чтобы помочь выйти изъ экипажа. Онъ былъ очень недоволенъ, видя, что слезы ея продолжаются, и проявилъ свою досаду тѣмъ, что сильно рванулъ ее за руку, когда она выходила изъ коляски"...

Конечно, для исторіи это—мелочь. Но для жены „великаго человѣка" „эти мелочи могли имѣть значеніе гораздо большее, чѣмъ иное выигранное сраженіе, и въ нихъ Жозефина имѣетъ немаловажныя „смягчающія обстоятельства", которыхъ не хочетъ дать ей бонапартистъ-историкъ. За этими оговорками,—можно всетаки признать, что монографія Тюркана, представляющая интимныя стороны жизни Наполеона, — можетъ быть прочитана съ интересомъ.

І. Н Иллюстровъ. Сборникъ росссійкихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904.

Вопросъ о томъ, какъ сдѣлать ученую работу, не будучи ученымъ, всегда рѣшался очень просто: для этого надо собирать матеріалы, которые считаются пригодными для научной обработки. Это пріятная и нетрудная работа: она не требуетъ предварительной подготовки, она занимаетъ мысль, охотно движущуюся по

линіи наименьшаго сопротивленія, она заключается въ механическомъ собираніи, имѣющемъ въ результатѣ видимость научнаго труда. Этимъ объясняется популярность всякаго коллекціонированія. Попутно здѣсь возможны и цѣнные результаты; но надо помнить, что міръ совсѣмъ не такъ богатъ силами, чтобы тратить ихъ на громожденіе и перетасовку сырыхъ фактовъ; надо указать коллекціонированію его мѣсто въ наукѣ и его моральную цѣну.

Сборниковъ пословицъ у насъ много, и научному работнику, который взялся бы за изученіе этого драгоцѣннаго и богатаго матеріала, пришлось бы съ трудомъ разыскивать ихъ во множествѣ мелкихъ, періодическихъ, провинціальныхъ изданій. Естественно является мысль объ ихъ сводѣ—и опытъ такого свода даетъ г. Иллюстровъ. Сожалѣемъ, что не можемъ признать этотъ опытъ удачнымъ.

Сводъ прежде всего предполагаетъ сознательное критическое отношеніе къ матеріалу: надо уяснить себѣ, что собираешь. Этого важнаго свойства мы не нашли у составителя. Онъ беретъ все, что кто нибудь назвалъ ему пословицей: формулу закона, афоризмъ литератора, стихъ поэта, быть можетъ и удачный, но очень далекій отъ безличности народнаго творчества и употребленія. Въ одномъ изъ сборниковъ, объединяемыхъ въ его собраніи, онъ находитъ подъ видомъ пословицы стихи:

Хоть райскіе законы напиши,
Да если нѣтъ въ судьѣ души,
Такъ и посредствомъ ихъ такой крючокъ онъ вставитъ,
Что будь, какъ ангелъ, чистъ, и тутъ въ тюрьму отправитъ.

Неужто достаточно напечатать эти вирши въ видѣ прозы, чтобы назвать ихъ пословицей? Или: „никто невѣдѣніемъ закона отговариваться не можетъ“, или: „законъ назадъ не дѣйствуетъ“, или: „недаромъ пѣтухъ-то съ мужикомъ бранился: а ты, говоритъ: одной жены соблюсти не умѣешь, а я хоть бы двадцать куръ—всѣхъ спасаю“, или: „наставила мужу рога“. Какія же это пословицы? Двѣ первыя формулы—цитаты изъ законовъ, а совсѣмъ не „иносказательныя народныя изреченія“, какъ опредѣляетъ самъ составитель пословицу; третій примѣръ—шутливый разсказъ, четвертый—поговорка. Впрочемъ, уяснить себѣ разницу между пословицей и поговоркой по опредѣленіямъ и примѣрамъ г. Иллюстрова невозможно. „Пословица—по его теоріи — есть краткое, въ складной формѣ, иносказательное народное изреченіе, заключающее въ себѣ какую либо истину“, а поговорка—„краткое въ простой формѣ народное изреченіе, выражающее истину“. Такимъ образомъ, поговоркѣ не достаетъ присущей пословицѣ иносказательности и „складная“ форма пословицы замѣнена въ ней „простой“ формой. Едва ли кто нибудь найдетъ смыслъ въ этомъ раз-

личенія, тѣмъ болѣе, что авторъ тутъ же приводитъ въ видѣ примѣра поговорки изреченія, которымъ, конечно, никто не откажетъ ни въ складности, ни въ иносказательности: „береги денежку на черный день“, „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Самое опредѣленіе пословицы, данное г. Иллюстровымъ, конечно, не подходитъ ко множеству пословицъ, которыя могутъ быть и не въ складной формѣ, и не иносказательныя, и не народныя. Какъ въ своемъ сборникѣ онъ набралъ безъ всякой критики стишки И. Богдановича, въ которыя стихотворецъ XVIII-го вѣка счелъ умѣстнымъ переложить пословицы, такъ въ своемъ теоретическомъ введеніи онъ замѣнилъ всякими устарѣлыми разговорами теорію, которую могъ бы себѣ усвоить изъ пособій, названныхъ въ его же указателѣ—напр., изъ книжки Потебни. Тогда онъ не громоздилъ бы ненужныхъ цитатъ и не давалъ бы опредѣленій, которыя рождаютъ только недоразумѣнія.

Какъ и слѣдовало ожидать, болѣе всего этотъ теоретическій сумбуръ отразился на системѣ расположенія матеріала, которое въ такомъ собраніи имѣетъ громадное значеніе не только потому, что оно состоитъ изъ множества микроскопически мелкихъ произведеній, но особенно потому, что мѣстомъ пословицы въ системѣ можетъ опредѣляться ея смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ: пословица вѣдь есть произведеніе поэтическое, иносказательное; она есть форма, которая только въ примѣненіи наполняется содержаніемъ. Если вы самымъ мѣстомъ, куда помѣстили ее, указываете тотъ смыслъ, который вкладываете въ нее, она погибла для мысли, она потеряла ту безконечность содержанія, которое могла охватить въ своей формулѣ. Напримѣръ: „сытый голоднаго не разумѣетъ“—какое множество разнообразнѣйшихъ жизненныхъ явленій опредѣляется этимъ изреченіемъ; сколько въ немъ печальной глубины и смысла: это цѣлая пессимистическая философія. У г. Иллюстрова оно имѣетъ одинъ опредѣленный смыслъ: оно помѣщено въ главѣ IX. *О преступленіяхъ и наказаніяхъ*, въ подъотдѣлѣ II. *Отдѣльные виды преступленій*, въ § 2. *Изъ преступленій по службѣ*, подъ рубрикою в: *Медленность въ производствѣ дѣлъ*. „Далѣе—говоритъ составитель—указываются какъ бы отговорки должностныхъ лицъ“ и приводитъ пословицу: „дѣло не медвѣдь—въ лѣсъ не уйдетъ“. Но почему же это относится непремѣнно къ должностнымъ лицамъ: вѣдь это, увы, грустная характеристика слишкомъ многихъ русскихъ людей,—не только чиновниковъ. Однако, вполнѣ понятно, что пословицѣ приданъ этотъ смыслъ: ее необходимо было сузить, чтобы она нашла какое нибудь мѣсто въ удивительно неподходящей классификаціи г. Иллюстрова.

О системѣ расположенія пословицъ онъ говоритъ много и подробно. Онъ излагаетъ разныя системы и перечисляетъ, кто въ какомъ порядкѣ располагалъ собранныя пословицы. Всѣ эти системы не удовлетворяютъ его; „относительно расположенія по-

словицъ и поговорокъ въ систематическомъ порядкѣ нельзя не замѣтить,—говоритъ онъ,—что ни одинъ изъ этихъ сборниковъ не представляетъ собою какого либо стройнаго, *основаннаго на научныхъ началахъ* сборника; самые предметы, которыхъ касаются пословицы и поговорки, не приведены въ систему". Такимъ образомъ, не смотря на то, что предъ г. Иллюстровымъ была система Снегирева, переработанная въ англійскомъ „Handbook of folklore" Гомма, онъ предпочелъ свою—исключительно юридическую—схему, въ которую насильно втиснулъ какъ можно больше общаго матеріала. Ничего „научнаго" изъ этого, конечно, получиться не могло. Мы слышали когда-то о гимназистѣ, который, развивая въ сочиненіи тему „Обстоятельства, препятствующія осуществленію добрыхъ намѣреній", расположилъ свои разсужденія по категоріямъ грамматическихъ обстоятельствъ: а. обстоятельства мѣста, б. обстоятельства времени, в. обстоятельства образа дѣйствія, и такъ далѣе. Приблизительно также поступилъ г. Иллюстровъ. Оттого пословица „голому разбой не страшенъ" относится у него къ рубрикѣ „разбой" въ отдѣлѣ „изъ преступленій противъ собственности", а выраженіе „остался съ носомъ" къ рубрикѣ „выговоры" въ отдѣлѣ „о наказаніяхъ вообще"; почему?—потому что нѣкогда „наклеивали пестрый носъ изъ папки тому, кому дѣлали выговоръ". Исторически эти нелѣпости понятны: обширный сборникъ г. Иллюстрова выросъ изъ его старой работы о русскихъ юридическихъ пословицахъ; теперь онъ издалъ какъ будто общій сводъ „россійскихъ пословицъ", но ни словомъ не обмолвился о томъ, что въ сборникъ вошли только тѣ пословицы, которымъ составитель сумѣлъ придать юридическій смыслъ. О научности ему бы лучше не упоминать: она вовсе не такой жупелъ, чтобы имъ пугать другихъ, и прежде всего заключается въ глубоко сознательномъ отношеніи къ предмету изслѣдованія; механической кропотливостью ее замѣнить нельзя. Объ этой боязливой точности составителя лучше всего говоритъ мелочно сохраненные имъ варіанты. Варіанты вообще не были нужны, если сборникъ не ставилъ себѣ филологическихъ цѣлей, которыя и не могутъ быть достигнуты попутно. Но если ужъ занимать мѣсто въ книгѣ варіантами, то, конечно, не такими: „Жена по мужѣ". „По мужѣ жена". Или: „При худѣ—худо; а безъ худа—и того хуже". „При худѣ-то—худо; а безъ худа-то—(и еще) хуже". „При худѣ худо; а безъ худа—еще хуже". „При худѣ худо; а безъ худа—и вовсе худо". И такъ далѣе, и такихъ примѣровъ множество.

Мы не остановились бы на этихъ нелѣпостяхъ, если бы сборникъ г. Иллюстрова представлялъ собой заурядное произведеніе книжной спекуляціи. Но о его недостаткахъ стоитъ говорить только потому, что онъ имѣетъ и достоинства. Онъ представляетъ собою результатъ многолѣтней внимательной работы; онъ даетъ

представленіе о народныхъ взглядахъ на все безконечное разнообразіе его правоваго быта; онъ, наконецъ, даетъ хорошую библіографію русской пословицы. Здѣсь тоже не все въ порядкѣ—обойдена, напр., „Живая старина", но въ общемъ много очень полезныхъ указаній.

Ф. А. Витбергъ. Указатель книгъ и статей по вопросамъ преподаванія исторіи русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1903 г.

Нѣсколько лѣтъ назадъ—также подъ эгидой Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній—былъ изданъ сходный съ работой г. Витберга по содержанію и выполненію „Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку." Необходимость въ такомъ изданіи, очевидно, продолжаетъ чувствоваться, и она совершенно понятна. Русская словесность есть наиболѣе общеобразовательный предметъ преподаванія въ программѣ нашей средней школы; и духовные запросы ученика, и пріемы педагогической практики естественно сходятся на томъ, что литература есть не только школьный „предметъ", что она могучее средство для воспитанія не только мысли, но и чувства, что она есть не только совокупность подлежащихъ сообщенію знаній, но нѣчто возвышающееся надъ этими знаніями, ихъ объединяющее въ высшемъ синтезѣ. Надо только поставить ея преподаваніе широко; надо раскрыть ученикамъ ея внутренній смыслъ, личный и общественный, надо связать ее съ сопредѣльными областями знанія, надо показать, какъ въ ней бьется пульсъ жизни и захватываются ея высшіе запросы. Для этого нужны знанія, и люди свѣдующіе должны показать учителю,—особенно провинціалу, оторванному отъ большихъ дорогъ научнаго движенія, — гдѣ ихъ искать.

Эту задачу взялъ на себя авторъ лежащаго предъ нами указателя, но, къ сожалѣнію, представилъ лишь „предварительный опытъ", въ которомъ едва ли была нужда даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ выполненъ очень хорошо. Самъ составитель понимаетъ, что безъ указанія на содержаніе и достоинство перечисленныхъ въ указателѣ книгъ и статей онъ не можетъ служить пособіемъ при выборѣ того, что нужно изъ массы печатнаго матеріала. Для этой трудной работы у составителя не было времени, и онъ ограничился подготовительнымъ къ ней трудомъ.

Не разъ на страницахъ нашего журнала мы возставали противъ этого собиранія сырья подъ тѣмъ предлогомъ, что кто нибудь когда нибудь соберется его обработать. Всякій производившій эту работу *осмысленной*—въ противоположность механической — библіографіи, знаетъ, что, не смотря на существованіе всякихъ такихъ каталоговъ и списковъ, работу систематическую, научную приходится всегда начинать съ начала. Ибо тотъ, кто берется составить

только списокъ книгъ, не зная ихъ содержанія, не можетъ сдѣлать и этого: онъ, очевидно, не спеціалистъ, онъ не слѣдитъ за литературой предмета, онъ составляетъ свои указатели, судя по заглавіямъ. Въ сущности вѣдь нѣтъ ничего легче, какъ составить такой указатель: выбрать изъ каталоговъ подходящія заглавія, дополнить ихъ заглавіями изъ указателей статей, а затѣмъ отъ времени до времени заносить на карточки прочія заглавія, случайно попадающіяся на глаза; потомъ все это разсортировать—и подавать въ печатномъ видѣ. О количествѣ пробѣловъ и несообразностей, получающихся при этихъ первобытныхъ пріемахъ, можетъ судить всякій; мы представимъ нѣсколько примѣровъ, но должны оговориться, что полное обозрѣніе работы г. Витберга затруднено однимъ обстоятельствомъ: этотъ своеобразный указатель имѣетъ невѣроятное количество опечатокъ, но не имѣетъ ни оглавленія, ни алфавита именъ. Къ тому же матеріалъ расположенъ въ немъ довольно прихотливо. „Общія понятія о поэзіи“ Мизко названы въ отдѣлѣ I, который называется „Опредѣленіе исторіи литературы, какъ науки“; книга Ореста Миллера „О нравственной стихіи въ поэзіи“—въ отдѣлѣ IX: „Эстетика“; разсужденіе Мерзлякова „Объ истинныхъ качествахъ поэта и оратора“—въ отдѣлѣ X: „Взглядъ русскихъ писателей и художниковъ на значеніе художника (поэта) и художественныхъ произведеній“; „Нѣсколько мыслей о поэзіи“ Рылѣева въ отдѣлѣ XI: „Взгляды русскихъ писателей по вопросамъ, относящимся къ теоріи поэзіи“. При такомъ произволѣ, конечно, не легко найти упущенія: то, чему слѣдуетъ быть и чего нѣтъ въ одномъ отдѣлѣ, можетъ вдругъ оказаться въ другомъ. Но всетаки пробѣлы указателя такъ своеобразны, что многое сразу бросается въ глаза. Такъ, напримѣръ, въ этомъ указателѣ книгъ по вопросамъ преподаванія исторіи русской литературы не указана—только всего!—книга Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“; его же замѣчательные „Историческіе очерки русской народной словесности“ упомянуты только въ отдѣлѣ эстетики,—потому что въ нихъ вошла статья „Русская эстетика XVII вѣка“. Это было бы невѣроятно, но въ отдѣлѣ „Критика“, гдѣ указана басня Измайлова (на критиковъ) „Павлинъ, два гуся и нырокъ“, нѣтъ не только упоминанія о Писаревѣ и Добролюбовѣ, но обойденъ торжественнымъ молчаніемъ даже Лессингъ; о десяткахъ менѣе значительныхъ пропусковъ не стоитъ говорить; за то указана книга 1808 года: Евст. Станевичъ, „Способъ разсматривать книги и судить о нихъ“. Такихъ курьезовъ сколько угодно въ другихъ отдѣлахъ. „Искусство поэзіи“ Буало, „Гамбургская драматургія“ Лессинга, „Языкъ и мысль“ Потебни, „Поэтика“ Воскресенскаго (!), „Поэзія, какъ предметъ науки“ Аландскаго, „Работа и ритмъ“ Бюхера не упомянуты тамъ, гдѣ указаны, напримѣръ, статья Витевскаго о значеніи искусствъ, напечатанная въ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣ-

домостяхъ" 1872 года, и статья С. I. „Единство творческаго процесса" съ такимъ указаніемъ: „Слово"? Хорошо г. Витбергу, котораго мало интересуютъ статьи „указанныя" имъ; но что дѣлать читателю съ такими „указаніями"?

И думается намъ: „Указатель" г. Витберга есть только „указатель" нашей культурности: право, едва ли гдѣ либо возможна такая безобразная неряшливость въ работѣ, единственное достоинство которой въ худшемъ случаѣ могли бы составлять хоть полнота и точность.

Толковый указатель книгъ для чтенія. Подъ редакціей В. П. Алексѣева, проф. А. И. Кирпичникова, проф. И. Х. Озерова, проф. А. Н. Реформатскаго, М. А. Сабашниковой, Н. В. Тулупова и Г. Н. Шмелева. Изданіе Московскаго Столичнаго Попечительства о Народной Трезвости. Выпускъ первый. М. 1904 г.

„Настоящій указатель книгъ для чтенія представляетъ собою первую попытку у насъ придти на помощь читателямъ народныхъ библіотекъ при *самостоятельномъ* выборѣ книгъ, помочь имъ *самимъ* (курсивъ подлинника) разобраться въ томъ матеріалѣ для чтенія, который предлагается библіотеками этого рода". Такъ объясняется въ предисловіи цѣль изданія этой книги. Мысль дать въ руки читателя изъ народа „программы для чтенія" въ высокой степени симпатична. Интеллигентный читатель имѣетъ потребность въ такихъ указателяхъ, и это доказывается громаднымъ успѣхомъ „Программъ для домашняго чтенія" изданія московской коммиссіи, „Программами чтенія для самообразованія" петербургскаго изданія, „Домашними библіотеками" покойнаго А. В. Панова и др. Тѣмъ большую потребность въ этомъ отношеніи долженъ испытывать „темный" читатель, читатель изъ народа, еще недавно удовлетворявшій свою духовную жажду исключительно чтеніемъ „Англійскаго милорда", „Разбойника Чуркина", да развѣ еще житіями святыхъ. До сихъ поръ по народной литературѣ мы имѣли только такіе указатели, которые были предназначены не для самихъ читателей, а для руководителей народнаго чтенія. Теперь передъ нами первый опытъ, такъ сказать, чистаго народно-читательскаго указателя.

Удалось ли московскому попечительству о народной трезвости справиться съ поставленной имъ задачей? Думаемъ, что не вполнѣ... Прежде всего—цѣна. Книга стоитъ 75 коп. Такая цѣна совсѣмъ не по средствамъ читателю изъ народа, и можно ручаться, что вслѣдствіе одной только этой причины книга „въ народъ" не пойдетъ. Соотвѣтствующіе указатели для читателей изъ интеллигенціи стоятъ вдвое и втрое дешевле, и такъ какъ они издаются не на благотворительные капиталы, то, очевидно, въ денежномъ отношеніи изданіе ихъ оправдывается. Нельзя думать, чтобы московское попечительство о народной трезвости изданіемъ „Толковаго указателя" преслѣдовало коммерческія цѣли. А располагая болѣе

чѣмъ полумилліоннымъ годовымъ бюджетомъ и тратя по 400 рублей на одно представленіе въ Новомъ театрѣ, попечительство могло бы, не рискуя разориться, уменьшить цѣну „Указателя“ до четвертака или двугривеннаго. И это вѣдь еще только первый выпускъ... А ихъ обѣщается еще нѣсколько. Перейдемъ теперь къ самому содержанію книги. Указатель распадается на двѣ части. Въ одной послѣ краткихъ введеній или предисловій указываются книги по словесности, русской исторіи, естествознанію и географіи, въ другой перечисляются книги для дѣтей и юношества. Отдѣлъ словесности начинается съ объясненій, что называется словесностью вообще, что такое эпосъ, лирика, баллада, трагедія, комедія и пр.,—однимъ словомъ, предисловіе къ этому отдѣлу состоитъ собственно изъ краткаго курса теоріи словесности, изложеннаго приблизительно такъ, какъ онъ излагается въ учебникахъ, проходимыхъ въ 5 классѣ гимназій. Вотъ, напр., что говорится о трагедіи:

Трагедія—древнѣйшая форма драматическаго произведенія, черпаетъ свое содержаніе изъ народныхъ сказаній или изъ историческаго событія. Дѣйствующими лицами являются герои или выдающіяся личности изображаемаго времени, въ жизни которыхъ выразилась какая нибудь высокая мысль, имѣющая значеніе не только для этого времени, но и для нашего и для всѣхъ временъ и народовъ. Трагедіи Эсхила, Софокла въ Греціи, „Юлій Цезарь“ Шекспира, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, драматическая трилогія гр. А. Толстого могутъ быть приведены какъ образцы этого рода драматическихъ произведеній.

Допустимъ даже, что это опредѣленіе безупречно и вѣрно, но что изъ него можетъ понять начинающій читатель изъ народа? Да и для чего этому читателю раньше, чѣмъ читать книги по словесности, надо еще проходить курсъ теоріи словесности? Не похоже ли это на требованіе ознакомиться съ краткимъ курсомъ ботаники прежде, чѣмъ сѣять въ огородѣ рѣпу, капусту или огурцы? Обращеніе „къ читателямъ“ передъ отдѣломъ русской исторіи содержитъ краткое обозрѣніе послѣдней и составлено очень хорошо, но опять таки для неподготовленнаго читателя совершенно безполезно, ибо предполагаетъ нѣкоторое знакомство съ предметомъ. Общее предисловіе къ отдѣлу естествознанія начинается такъ:

Въ отдѣлѣ „Естествознаніе“ собраны всѣ тѣ книги, въ которыхъ разсказывается о природѣ—о Божьемъ мірѣ. Великъ безпредѣленъ Божій міръ! Много въ немъ и людей, и звѣрей, и всякихъ другихъ животныхъ; не менѣе и различныхъ деревьевъ, цвѣтовъ, травъ и вообще всякихъ растеній. Сколько различныхъ камней, глинъ и другихъ землистыхъ веществъ! А, кромѣ нашей земли, какое неисчислимое множество другихъ міровъ находится въ небесной высотѣ. Да, безпредѣленъ Божій міръ! И весь онъ — во всѣхъ своихъ частяхъ — живетъ! Смѣняются времена года, смѣняются дни и ночи, текутъ ручьи и рѣки и т. п.

И послѣ такого восклицательнаго многословія, въ которомъ, пожалуй, и не было большой надобности, въ предисловіи нѣтъ

точнаго опредѣленія отдѣльныхъ естественно-историческихъ наукъ, такъ что читающій не узнаетъ, напр., чѣмъ разнятся между собой геологія и минералогія. „Вступительное слово къ чтенію книгъ по физикѣ“ написано совсѣмъ по ученому, и такія фразы, какъ: „для того, чтобы наше мышленіе было для насъ полезно, надо, чтобы оно согласовалось съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ есть въ природѣ“, останутся совершенно непонятными для читателя. Вообще можно сказать, что всѣ эти „руководящія статьи“ на практикѣ не достигнутъ своего назначенія. Для неподготовленныхъ читателей онѣ недоступны по своей серьезности, а для руководящаго чтеніемъ начинающаго онѣ всетаки излишни по своей элементарности. Болѣе основательно предисловіе ко второй части книги, обращенное „къ родителямъ, воспитателямъ и прочимъ руководителямъ чтенія дѣтей и юношества“. Это предисловіе безусловно полезно прочесть всѣмъ, для кого оно предназначено (предполагая, конечно, что эти лица по своему образованію могутъ быть руководителями). Въ этомъ предисловіи видно, что всѣ разсужденія и указанія составителей основаны на строго-педагогическихъ соображеніяхъ и подкрѣплены путемъ опыта.

Что касается самаго выбора книгъ, рекомендуемыхъ для чтенія, то въ этомъ отношеніи, можно сказать, *плохихъ* книгъ въ „Указателѣ“ нѣтъ, а относительно полноты подбора приходится мириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что „составители, какъ говорится въ предисловіи, руководствовались прежде всего желаніемъ дать характеристику той наличности книгъ, которая, при началѣ работъ, имѣла мѣсто въ безплатныхъ библіотекахъ и читальняхъ Московскаго Столичнаго Попечительства о народной трезвости“, и что настоящій выпускъ является только первымъ. Нельзя только въ частности не замѣтить, что въ отдѣлѣ книгъ по естествознанію нѣтъ, какъ въ другихъ отдѣлахъ, распредѣленія книгъ для читателей начинающихъ и для читателей подготовленныхъ. Среди книгъ по физикѣ наряду съ доступной для простого читателя книжкой г. Герасимова („Первое знакомство съ физикой посредствомъ общедоступныхъ приборовъ“) указываются сочиненія Тиндаля, Гельмгольца и Гексли, которыя для неподготовленнаго читателя совсѣмъ не годятся. Отзывы объ отдѣльныхъ книгахъ (въ числѣ 355), въ противоположность „предисловіямъ“, написаны большею частью вполнѣ доступно. По беллетристикѣ въ нѣкоторыхъ отзывахъ передается все содержаніе книги (не уменьшитъ ли это интересъ къ послѣдующему чтенію?), въ другихъ разсказано только начало произведенія и отзывъ кончается вопросомъ, отвѣтъ на который заинтересованный читатель долженъ уже самъ найти въ книгѣ.

Подводя итогъ всѣмъ недостаткамъ и достоинствамъ „Толковаго Указателя“, можно сказать, что прямого своего назначенія быть руководствомъ для самостоятельнаго выбора въ чтеніи онъ

если и можетъ достигнуть, то въ весьма незначительной степени. Для лицъ же, близко стоящихъ къ дѣлу внѣшкольнаго образованія народа, онъ можетъ быть очень полезенъ. Кто знаетъ, какъ трудно по простымъ каталогамъ, руководствуясь часто только одними заглавіями, подбирать книги для народной библіотеки, тотъ вполнѣ оцѣнитъ значеніе подобнаго „Указателя", по которому выбирающій можетъ въ то же время ознакомиться и съ содержаніемъ выбираемыхъ книгъ. Давая читателю ту или иную книгу, руководитель, если не знакомъ самъ съ этой книгой, легко можетъ съ ней ознакомиться по отзыву „Указателя". Въ силу этого очень желательно, чтобы дальнѣйшіе выпуски „Указателя" не замедлили своимъ появленіемъ и чтобы изданный теперь первый выпускъ получилъ широкій доступъ во всѣ народныя библіотеки и читальни.

Русско-японская война. Японія, Корея, Маньчжурія. Событія, предшествовавшія объявленію войны. Военныя дѣйствія. Со множествомъ рисунковъ, портретовъ, фотографій и картой Дальняго Востока. Составилъ **Н. Т.** М. Изданіе Т-ва Сытина. 1904.

Подзаголовокъ: „Японія, Корея и пр." больше соотвѣтствуетъ содержанію книги, чѣмъ основное заглавіе „Война". Изъ 159 страницъ на войну приходится только 27. Книга составлялась ad hoc, и заголовокъ „война" дастъ ей, конечно, гораздо бо̀льшій сбытъ, чѣмъ „географическое" названіе. Цензурное дозволеніе помѣчено 14 февраля. Если составитель не обладалъ даромъ предвѣдѣнія, то ему пришлось выполнить очень спѣшную работу. Помимо текста ему нужно было собрать еще и разсортировать дѣйствительно большое количество иллюстрацій („Множество" въ заглавіи соотвѣтствуетъ множеству и въ текстѣ). Большая половина книги занята описаніемъ Японіи, свѣдѣнія о Кореѣ и Манчжуріи значительно короче по объему и ниже по качеству: читатель очень немного узнаетъ изъ книжки объ этихъ странахъ. Военныя событія заканчиваются второй блокадой Портъ-Артура (11 февр.) Не смотря на очевидно спѣшный характеръ работы, книга въ литературномъ отношеніи выдержана и читается съ интересомъ, такъ что можетъ быть доступна самому широкому кругу читателей. Мы не встрѣтили въ ней ни „патріотическихъ" выкрикиваній, ни предварительнаго восхваленія нашихъ будущихъ побѣдъ и славы русскаго оружія, ни глумленія или брани по адресу враговъ. Иллюстраціи выполнены довольно отчетливо. Цѣна (40 коп.) не дорога.

Масленниковъ, А. В. Опытъ медико-статистической разработки уголовно-судебнаго матеріала (По даннымъ Могилевскаго Окружнаго Суда). Диссертація на степень доктора медицины. Спб. 1904.

Медицинскія диссертаціи касаются обыкновенно такихъ спеціальныхъ отдѣловъ медицинскаго вѣдѣнія, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ не только не имѣютъ общаго значенія, но врядъ ли могутъ сильно заинтересовывать и самихъ врачей. Работа д-ра Масленникова должна бы по своей темѣ составлять въ этомъ случаѣ исключеніе. Такая тема способна заинтересовать не только медика или юриста, но и простого читателя. „Есть бюджетъ, говоритъ Кетлэ, который уплачивается съ поразительной правильностью, это—бюджетъ тюрьмы, каторги и эшафота". Правильность этого бюджета порой, дѣйствительно, поразительна. Вотъ, напр., нѣсколько цифръ, заимствованныхъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ медицинскаго департамента. Въ 1893 году по всей Россіи было произведено всѣхъ судебно-медицинскихъ осмотровъ и вскрытій мертвыхъ тѣлъ 2,556, при чемъ насильственная смерть признана въ 15,093 случаяхъ, т. е. въ 59,1%. Въ 1894 году—вскрытій 25,057, насильственныхъ смертей—14,591, т. е. 58,2%. Въ 1895 году соотвѣтствующія цифры были 25,009 и 14,845 — 59,4%. Дѣтоубійствъ за эти годы было 813, 819 и 804, въ % къ насильственнымъ смертямъ 5,4%, 5,6% и 5,4% *). Такое же изъ году въ годъ совпаденіе, доходящее до процента и даже до десятыхъ долей процента, можно встрѣтить и въ другихъ отдѣлахъ уголовной статистики. Г. Масленниковъ темою своей диссертаціи беретъ анализъ одной частички этого „бюджета преступленій"—именно фактовъ преступности по одной губерніи, точнѣе раіону одного окружнаго суда. Онъ просмотрѣлъ и изучилъ уголовныя дѣла могилевскаго окружнаго суда за тринадцать лѣтъ, съ 1884 (года открытія суда) по 1896 включительно. Всѣхъ дѣлъ оказалось 7376. Общее число обвинявшихся за разныя преступленія было 10,507—0,6% на все населеніе губерніи. Свѣдѣнія о нихъ обработаны авторомъ по полу, возрасту, званію, семейному положенію, занятіямъ, грамотности, народности и нѣкоторымъ другимъ признакамъ. Кромѣ того, отдѣльно обслѣдованы вопросы о мотивахъ преступленія, мѣстѣ преступленія, орудіи, прежней судимости обвинявшихся и о вліяніи на нихъ алкоголя. Разбору всѣхъ этихъ данныхъ предшествуетъ краткое описаніе Могилевской губерніи въ географическомъ, статистическомъ, этнографическомъ, бытовомъ и культурномъ отношеніи. Этотъ обзоръ приводитъ автора къ заключенію, что въ данныхъ условіяхъ „преступность населенія Могилевской губерніи является какъ бы естественной".

---

*) Отчетъ о судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и осмотрахъ мертвыхъ тѣлъ и пр. за 1893—1895 гг. Вѣстн. Общ. Гигіены, Судеб. и Практ. Мед. 1899, XI.

Такой общій выводъ, однако, никакой опоры въ разработкѣ фактическихъ данныхъ о преступности подъ собою не имѣетъ. Г-на Масленникова, повидимому, не интересуетъ даже выясненіе существованія извѣстной правильности соотношеній въ самыхъ фактахъ преступности, въ распредѣленіи преступленій, въ ихъ постоянствѣ, въ составѣ преступниковъ и пр. Такъ, напр., разсматривая половой составъ преступниковъ, онъ вычисляетъ за всѣ годы общую преступность мужчинъ (1,7%) и женщинъ (0,17%) по отношенію ко всему населенію губерніи, затѣмъ вычисляетъ относительное количество женщинъ по различнымъ группамъ преступленій, выясняетъ зависимость нѣкоторыхъ преступленій отъ полового состава преступниковъ и пр. Несомнѣнно, что все это очень любопытныя вещи, но по отношенію къ „естественности" преступленій было бы важнѣе указать на постоянство отношенія числа женщинъ-преступницъ къ числу мужчинъ-преступниковъ. То же самое оказывается и по отношенію къ другимъ признакамъ „естественности" изучаемыхъ авторовъ фактовъ преступности. Вообще эта „естественность" такъ и остается висящею въ пустомъ пространствѣ.

Въ „ученой диссертаціи" г. Масленникова мы можемъ отмѣтить и грѣхи болѣе элементарные и грубые: авторъ не сводитъ концовъ съ концами въ своихъ цифрахъ. Такъ, годовые итоги таблицы съ распредѣленіемъ преступниковъ по полу оказались не совпадающими съ годовыми итогами въ таблицѣ съ распредѣленіемъ преступниковъ по возрасту. По „половой" таблицѣ въ 1884 году было всего 432 человѣка, а по „возрастной" только 419; въ слѣдующемъ году въ „половой" 465, а въ возрастной 481 и т. д. Общій итогъ тоже не сходится 10,587 и 10,299. Такое же несоотвѣтствіе и въ таблицѣ съ распредѣленіемъ по народностямъ (10512), по грамотности (10293) и т. д. Что ни таблица, то новая комбинація по годамъ и новый итогъ. Понятно, что подобная небрежность въ значительной мѣрѣ подрываетъ довѣріе ко всѣмъ вычисленіямъ автора и сильно обезцѣниваетъ его работу, которая при болѣе внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ ней могла бы быть крайне интересной.

Свободному обращенію д-ра Масленникова съ цифрами соотвѣтствуетъ и вообще категоричность и храбрость его сужденій. Такъ, напр., для уменьшенія преступности въ Могилевской губерніи, по его мнѣнію,

...необходимы слѣдующіе (я) мѣры: во 1-хъ, распространеніе просвѣщенія и религіозныхъ понятій о нравственности въ народѣ путемъ увеличенія числа школъ и обязательнаго введенія грамотности среди крестьянъ и мѣщанъ, дающихъ громадный процентъ преступниковъ; во 2-хъ, распространеніе заводской и фабричной промышленности въ губерніи, какъ противовѣсъ матеріальной недостаточности главной массы населенія—крестьянъ и мѣщанъ и, наконецъ, въ 3-хъ, принятіе мѣръ противъ склонности населенія къ спирт-

чнымъ напитко(а)мъ посредствомъ публичныхъ чтеній и брошюръ о вредѣ пьянства и вліяніи алкоголя на нравственныя и умственныя силы человѣка.

Не правда ли, какъ все это просто? Только три „мѣры" — и все тутъ. Третья мѣра, между прочимъ, по свидѣтельству д-ра Масленникова, уже начала дѣйствовать въ губерніи: попечительство о народной трезвости работаетъ успѣшно „противъ склонности населенія къ спиртнымъ напиткамъ".

Такъ же успѣшно истолковываетъ докторъ и свои цифровые выводы. Вычисливъ процентное отношеніе преступниковъ къ количеству населенія по отдѣльнымъ сословіямъ, онъ говоритъ:

Сравнительно большой процентъ преступниковъ дворянъ (1,15) среди остальныхъ сословій зависитъ несомнѣнно отъ того, что въ Могилевской губерніи много дворянъ изъ бывшихъ польскихъ шляхтовъ, которые ровно ничѣмъ, ни въ умственномъ отношеніи, ни въ обыденной жизни не отличаются отъ само(а)го простого крестьянина Могилевской губерніи, къ которымъ и слѣдовало бы ихъ причислить.

Съ одной стороны, дворяне *ровно ничѣмъ* не отличаются отъ крестьянъ, а съ другой—у нихъ *поэтому* больше преступность. Что за абсурдъ?

Не касаясь спеціально-медицинской части работы д-ра Масленникова, мы заключимъ нашъ отзывъ сожалѣніемъ, что этотъ опытъ медико-статистической разработки уголовно-судебнаго матеріала совершенъ такъ неудовлетворительно, и будемъ надѣяться, что тема, избранная д-ромъ Масленниковымъ для диссертаціи, найдетъ, можетъ быть, болѣе серьезныхъ изслѣдователей.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Н. Н. Потапенко. Побѣда. Повѣсти и разсказы. Томъ V. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ третій. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Артуръ Шнитцлеръ. Одинокимъ путемъ. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Пер. съ нѣмецкаго А. Ф. Даманской. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 50 коп.

Александръ Новиковъ. Единственная повѣсть Каценбогена. Баку. 1903. Ц. 15 коп.

Н. Е. Очкуновъ. Печорскія былины. Спб. 1904. Ц. 2 руб. 50 коп.

Генрихъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Пер. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Томъ VII. Москва. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

E. L. Voynich. Olive Latzam. London (William Heineman). 1904.

Изданія т-ва „Знаніе": Сборникъ. Книга вторая. Ц. 1 р.—***Семенъ***

Юшневичъ. Разсказы. Томъ I. Ц. 1 р.—***Н. Гаринъ.*** Корейскія сказки. Ц. 60 к.—***Н. Гаринъ.*** По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Карандашемъ съ натуры. Ц. 1 р.—***С. Найденовъ.*** Пьесы. Томъ первый. Ц. 1 р. Спб. 1904.

Изданія ***О. Н. Поповой***: Въ гору. Исторія одной глухонѣмой дѣвочки. ***М. Пеньковой.*** Ц. 50 к.—Снѣжинки. ***В. Мировичъ.*** Ц. 30 к. Спб. 1904.

Стихотворенія ***Н. П. Огарева.*** Подъ редакціей М. О. Гершензона. Томъ I. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1904. Ц. 3 р. 50 к. за два тома.

Ив. Наживинъ. У дверей жизни. Очерки и разсказы. М. 1904. Ц 1 р.

„Думы за работой". Разсказы и стихотворенія крестьянина ***Егора К. Кузьмичева.*** М. 1904. Ц. 50 к.

Е. Н. Любичъ. Тѣни жизни. Разсказы и наброски. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

М. Твэнъ. Томъ Соуэръ. Романъ въ переводѣ съ англійск. М. Н. Дубровиной. Изд. I. Ясинскаго. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Ф. Заринъ. „Рагузада" (Послѣдній ударъ). Историческая трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Вл. Воморгъ. Слезы ангела. Житейскія миніатюры. Сборникъ разсказовъ. М. 1904. Ц. 75 к.

С. И. Семеновъ. Въ цѣпяхъ невзгодъ. Разсказы, этюды и стихотворенія. 3-ье изд. Е. Надеждиной. Царицынъ. 1904. Ц. 1 р.

Муравей. Повѣсти. Томъ II. Казань. 1903. Ц. 1 р.

Hermann Stehr. Der Schindelmacher. Nowelle. Berlin. Ц. 1 м. 50 пф.

Изданія товарищества „Донская Рѣчь": №№ 50—82 г. Ростовъ на Дону. 1903—1904 гг. Ц. отъ $1^1/_2$ к. до 10 к.

Влад. Стасовъ. Венеціанскій купецъ Шекспира. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1904.

Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ. ***Викторъ Гюго.*** Изд. акціон. южно-русск. общ. печатн. дѣла. Одесса. 1904. Ц. 2 руб.

Димитрій Языковъ. Библіографическая библіотека. Выпуски VIII (Августѣйшій поэтъ К. Р.). IX (Ѳ. А. Туманскій), X (кн. В. Ѳ. Одоевскій), XI (кн. П. А. Вяземскій). Москва. 1903—1904. Цѣна выпуска 20 коп.

О. Г. Полетаева. Наши боли и скорби. Спб. 1903.

И. Тэнъ. Исторія англійской литературы. Томъ V. Современники. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, какъ искатель правды. ***Н. Быкова.*** г. Екатеринославъ. 1904.

Мих. Лемне. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій ***Н. И. Костомарова.*** Книга третья. Сѣверноруcскія народоправства. Изд. „Литературнаго Фонда". Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Монархіи Древняго Востока и Греко-римскаго міра. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія—характеристики. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. ***Н. П. Василенка.*** Изд. журнала „Кіевская Старина". Кіевъ. 1904.

Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Н. Булича. Часть первая. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 5-е. Спб. 1904. Ц. 50 к.

„Мысли". Сочиненіе отст. штабсъ-капитана ***А. А. Петрова.*** Изд. М. А. Петровой. Елисаветградъ. 1903. Ц. 75 к.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

С. Смирновъ. Очеркъ теоріи цѣнности. Спб. 1904.

Русскій государственный кредитъ (1769—1903). Опытъ историко-критическаго обзора. ***П. П. Мигулина.*** Харьковъ. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

Проф. П. П. Мигулинъ. Выкупные платежи. Къ вопросу о ихъ пониженіи. Харьковъ. 1904. Ц. 50 к.

В. Тотоміанцъ. Задачи городского самоуправленія. Изд. редакціи журнала „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 20 к.

В. Д. Кузьминъ-Короваевъ. Земство и деревня (1898 — 1903). Статьи, рефераты, доклады и рѣчи. Изд. т-ва „Общественная Польза". Спб. 1904. Ц. 2 р.

И. М. Бондаренко. Англійскій городъ въ средніе вѣка. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

А. А. Пеликанъ. Очерки современной Японіи. Очеркъ I. Спб. 1904. Ц. 40 к.

В. В. Авчинникова. Проституція и проф. В. М. Тарновскій. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Докторъ А. Б. Розенбаумъ. Мальтузіанизмъ и дѣторожденіе. Ме-

дико-соціологическіе этюды. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Да-Коста. Націонализмъ въ германской средней школѣ. Переводъ съ франц. С. Кондратьева. М. 1904. Ц. 20 к.

П. Первовъ. Международная школьная переписка. М. 1904.

П. Казанцевъ. Задачи внѣшкольнаго образованія. Выпускъ I. Саратовъ. 1904. Ц. 40 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Переводъ съ нѣм. Е. И. Кентманъ. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Гёте. Зоологія. Переводъ подъ редакціей проф. П. П. Сушкина. М. 1904. Ц. 40 к.

Начальный курсъ географіи *Г. И. Иванова*. Изд. 3-ье. Спб. 1904. Ц. 60 к.

А. Щетинскій. Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Изд. 2-ое. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Грецъ. Краткій курсъ электричества. Переводъ съ нѣм. В. М. Филиппова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 80 к.

Я. Недымовъ. Химическая природа мірового эфира (по Д. И. Менделѣеву). Изд. журнала „Наука и Жизнь". Спб. 1904. Ц. 25 к.

Царство минераловъ. Сочиненіе д-ра *Р. Браунса*. Выпускъ I. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1904. Ц. за 10 выпусковъ 25 р.

Памяти профессора В. В. Докучаева. Сборникъ кружка любителей естествознанія, сельскаго хозяйства и лѣсоводства при Ново-Александрійскомъ институтѣ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

А. П. Лукинъ (Скромный Наблюдатель). Кавказскіе курорты и ихъ переустройство „по системѣ" В. В. Хвощинскаго. М. 1904. Ц. 75 к.

Попечительства о народной трезвости въ 1901 г. Составилъ *Д. А. Тушинскій* Спб. 1904.

Н. С. Лобасъ. Каторга и поселеніе на Сахалинѣ. Изд. В. С. Лобасъ. Павлоградъ. 1904. Ц. 75 к.

Изъ иностранной литературы.

Paul et Victor Margueritte, *La commune*; Парижъ, 1904, 31-е изд.

„Коммуна" братьевъ Поля и Виктора Маргеритъ представляетъ одно изъ наиболѣе видныхъ произведеній французской литературы за послѣдній годъ. Критика, отмѣчая нѣкоторые недостатки этого романа—да и то подъ вліяніемъ политическихъ взглядовъ того или другого рецензента, не сходящагося съ точкой зрѣнія авторовъ,—въ общемъ очень благопріятно отзывается о книгѣ. А публика, даже и не дожидаясь, чтобы критика стала шумѣть о послѣднемъ произведеніи братьевъ Маргеритъ, повидимому, сильно заинтересовалась имъ. На моемъ экземплярѣ стоитъ уже „31-е изданіе"; и любопытство читателей, какъ кажется, еще далеко не исчерпано: „Коммуна" сильно спрашивается и во Франціи, и въ другихъ странахъ. Полагаю, что и русскому читателю будетъ не безынтересно познакомиться съ содержаніемъ, характеромъ и значеніемъ этого романа.

Много, конечно, успѣхъ книги объясняется самимъ сюжетомъ, выбраннымъ авторами: уже слово „Коммуна" вызываетъ у читателей представленіе о самомъ трагическомъ эпизодѣ новой французской исторіи,—мало того: объ очень крупномъ, сложномъ и возбу-

ждающемъ крайне смѣшанныя чувства событіи, носящемъ несомнѣнный міровой характеръ. Такъ или иначе, съ этимъ роковымъ словомъ связано столько страховъ и надеждъ, благословеній и проклятій, энтузіазма и отвращенія, что самая разнообразная публика можетъ находить живой интересъ въ чтеніи „Коммуны".

Новый романъ Маргеритъ заканчиваетъ серію историческихъ романовъ, предпринятыхъ авторами для изображенія цѣлой „Эпохи" (таково общее заглавіе ряда), знаменующей коренной поворотъ въ судьбахъ Франціи: то—эпоха франко-прусской войны и крушенія второй имперіи, на развалинахъ которой выросъ,—не безъ трудностей, потрясеній и конвульсій,—демократическій режимъ третьей республики. Первый романъ серіи носилъ, какъ извѣстно, названіе „Бѣдствіе", или „Катастрофа" (Le Désastre; Парижъ, 1901), напоминая отчасти и по темѣ „Разгромъ" Золя; онъ изображалъ начало кампаніи, которое завершилось капитуляціей Меца. Второй романъ, содержаніе котораго удачно выражено самимъ заглавіемъ „Обломки меча" (Les Tronçons du glaive; Парижъ, 1902), описываетъ періодъ такъ называемой „національной защиты", когда страна, преданная врагу измѣною или неспособностью бонапартистскихъ генераловъ, пыталась сама организовать сопротивленіе. Третій романъ „Молодцы" или „Славные люди" (Les Braves Gens; Парижъ, 1903) изображаетъ различныя эпизодическія происшествія того же періода. И, наконецъ, четвертый и послѣдній романъ серіи, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ этой статьи, цѣликомъ посвященъ великой гражданской распрѣ, которая бросила одну часть націи противъ другой на глазахъ остававшихся еще во Франціи нѣмцевъ.

Было бы, можетъ, излишне останавливаться подробно на характерѣ писательства Маргеритъ въ связи съ литературной эволюціей ихъ,—или вѣрнѣе его, а именно старшаго брата, Поля, который лишь въ послѣдніе годы вступилъ въ тѣсную литературную ассоціацію съ своимъ младшимъ братомъ, Викторомъ, и отнынѣ пишетъ исключительно въ сотрудничествѣ съ нимъ. Но сказать нѣсколько словъ объ обычныхъ пріемахъ братьевъ не мѣшаетъ. Даже и послѣ разрыва съ Эмилемъ Золя, какъ главою натуралистической школы,—разрыва, который, какъ извѣстно, было публично объявленъ автору „Земли" пятью изъ его учениковъ, въ томъ числѣ Маргеритомъ, въ 1887 г.,—даже и послѣ этого громкаго отпаденія отъ „натурализма", Поль Маргеритъ остался любителемъ „документа" и тщательнымъ собирателемъ фактическихъ матеріаловъ для своихъ романовъ. И поклонники этого автора сближаютъ его по скрупулезной добросовѣстности съ Гонкурами, которыхъ онъ напоминаетъ точностью и, порою, микрологическимъ изяществомъ своей документировки. Во всякомъ случаѣ, его оригинальность заключается въ симпатіи, съ которой онъ рисуетъ своихъ героевъ (напр., въ „Силѣ вещей"), рѣзко отличаясь этимъ

отъ большинства французскихъ натуралистовъ, относящихся къ своимъ персонажамъ индифферентно или даже съ какимъ-то ожесточеніемъ.

Въ послѣднее время, соединясь съ своимъ братомъ, Поль Маргеритъ принялся за историческіе романы. И вкусъ къ уже упомянутому „документу" нашихъ двухъ авторовъ въ связи съ яркимъ до болѣзненности изображеніемъ деталей позволяетъ имъ достигать въ этой области сильныхъ художественныхъ эффектовъ, которые если и утомляютъ читателя вѣчнымъ мерцаніемъ и пестротой моментальныхъ сценъ, напоминающихъ кинематографъ и мѣшающихъ изъ-за деревьевъ видѣть лѣсъ, то, съ другой стороны, вызываютъ интенсивную иллюзію жизни. Тутъ, конечно, возникаетъ старый эстетическій вопросъ, въ какой степени историческій романъ, особенно трактуемый такими фанатиками „документа", можетъ производить цѣльное художественное впечатлѣніе. Ибо желаніе фотографировать прошлое и вводить цѣлыми кусками строго-историческій матеріалъ въ созданіе художественнаго творчества должно, несомнѣнно, разрушать въ читателѣ единство эстетическаго настроенія, заставляя его переходить отъ требованій чисто художественной правды къ требованіямъ правды исторической и обратно. Вспомните, какъ даже такой мастеръ въ области историческаго романа, какимъ былъ Вальтеръ Скоттъ, чувствовалъ неудобство этого положенія и считалъ долгомъ (въ предисловіи къ „Айвэнго") пространно защищаться противъ упрековъ въ перемѣшиваніи вымысла съ истиной (intermingling fiction with truth).

Конечно, Коммуна отдѣлена отъ насъ не сотнями, а едва тремя десятками лѣтъ; и потому романистъ, изображающій это движеніе, можетъ избѣжать ошибокъ, угрожающихъ историку средневѣковья и состоящихъ въ приписываніи слишкомъ современныхъ мыслей и чувствъ людямъ давней эпохи. Но, не говоря уже о томъ, что ему грозитъ здѣсь противоположная опасность, а именно чрезчуръ подчиниться въ томъ или другомъ направленіи голосу еще не улегшихся страстей и политическихъ предразсудковъ, самая близость изображаемаго событія только усиливаетъ ощущеніе эстетическаго противорѣчія, лежащаго въ извѣстномъ смыслѣ въ самой природѣ историческаго романа. Читатель слишкомъ еще помнитъ или знакомъ по разсказамъ очевидцевъ, по крайней мѣрѣ, съ важнѣйшими перипетіями, событіями и съ поступками и характеромъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. И переплетеніе въ романѣ вымышленныхъ героевъ съ героями, реально существовавшими, заставляетъ читателя въ каждый данный моментъ спрашивать себя: что же было на самомъ дѣлѣ съ тѣмъ или инымъ персонажемъ? такъ ли въ дѣйствительности происходила эта часть событія? поступило ли данное историческое лицо точь въ точь, какъ то изображаетъ авторъ, или же оно только

должно было бы такъ поступить, согласно требованіямъ художественной правды?

Уже греческая мысль, съ свойственной ей проницательностью, схватывала въ лицѣ Аристотеля это послѣднее важное различіе между истиной поэтическаго творчества и голой исторической истиной и, стало быть, въ сущности вѣрно ставила вопросъ о трудности сочетанія вымысла и факта, Warheit'a и Dichtung'a, какъ скажетъ впослѣдствіи, великій нѣмецкій поэтъ. Послушайте, въ самомъ дѣлѣ, универсальнаго философа древняго міра: „Очевидно..., что дѣло поэта разсказывать не то, что произошло, а то, что могло произойти, то, что было возможно въ силу необходимости или правдоподобія. Историкъ и поэтъ отличаются другъ отъ друга не тѣмъ, что одинъ пишетъ стихами, а другой прозой: можно и Геродота переложить на стихотворный размѣръ, и тѣмъ не менѣе его исторія останется столь же исторіей въ стихахъ, какъ была исторіей въ прозѣ. Но разница та, что одинъ говоритъ о томъ, что случилось, а другой о томъ, что могло бы случиться. Вотъ почему поэзія есть вещь болѣе глубокомысленная и серьезная (φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον), чѣмъ исторія. Поэзія, дѣйствительно, выражаетъ преимущественно общее, а исторія—частныя подробности. Это общее состоитъ въ томъ, что долженъ сказать или сдѣлать такой-то или такой-то согласно своему характеру въ соотвѣтствіи съ необходимостью или правдоподобностью; и на это общее поэзія стремится наложить лишь собственныя имена. А исторія это, напр., то, что сдѣлалъ или что претерпѣлъ Алкивіадъ“ (Aristot. Pöet., IX).

Этотъ крайне серьезный взглядъ на поэзію и даже предпочтеніе ея въ смыслѣ общаго философскаго значенія исторіи объясняются, конечно, и самымъ состояніемъ тогдашняго ума, и характеромъ тогдашней исторіи, обнаруживавшей лишь первые приступы философскаго объясненія событій. Но въ сущности замѣчательная мысль Аристотеля ставитъ проблему о возможности сочетать „исторію“ и „поэзію“, правду художественную и правду историческую, для всякой литературной попытки, претендующей на совмѣщеніе Wahrheit'a и Dichtung'a и прежде всего для всякаго историческаго романа. У васъ на каждомъ шагу поднимаются вопросы: вполнѣ вѣренъ ли былъ въ данномъ случаѣ историческій герой романа „своему характеру, въ соотвѣтствіи съ необходимостью и правдоподобіемъ“, или же авторъ вынужденъ былъ просто на просто точно слѣдовать дѣйствительной біографіи этого историческаго лица; а кому же неизвѣстно, что въ дѣйствительности царятъ случайныя и побочныя—съ художественной точки зрѣнія—происшествія, и зачастую характеръ героя не можетъ проявиться въ той цѣльности и чистотѣ, какія требуются эстетической правдой? Съ другой стороны, докуда можетъ простираться это право художника исправлять, если позволительно

такъ выразиться, дѣйствительность во имя того закона эстетической условности, который обязателенъ даже для глубоко реалистическаго произведенія? Припомнимъ интересный споръ, который велся между такими знатоками исторіи и при томъ философской исторіи,—какими были Марксъ и Лассаль, по поводу исторической трагедіи, написанной послѣднимъ: „Францъ фонъ-Зикингенъ".

Марксъ упрекалъ Лассаля въ отступленіи отъ исторической правды при изображеніи нѣкоторыхъ важныхъ коллизій, опредѣлявшихъ дѣятельность его героя. Лассаль въ отвѣтъ на это прямо заявлялъ, что „въ драмѣ дѣло идетъ не о критически-философской истинѣ, но объ эстетической иллюзіи (ästhetische Täuschung) и правдоподобіи" (см. изданныя Мерингомъ письма Лассаля къ Марксу, составляющія 4-й томъ сборника „Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle"; Штутгартъ, 1902, стр. 157). Историческая трагедія или историческій романъ—суть дѣла отъ этого не мѣняется, и трудная роль художника, эстетически обработывающаго исторію, вырисовывается съ достаточной ясностью въ глазахъ каждаго мыслящаго читателя.

Оттого-то зачастую и бываетъ, что художникъ этого типа дѣлаетъ изъ настоящихъ историческихъ героевъ лишь второстепенныхъ персонажей своего произведенія, которые являются только на минуту въ нѣкоторые моменты дѣйствія, чтобы придать ему большую иллюзію историчности и снова исчезнуть, а своихъ главныхъ героевъ измышляетъ цѣликомъ, хотя и на основаніи „необходимости и правдоподобія" характеровъ эпохи. Наконецъ, бываетъ и такъ, что романистъ беретъ главнѣйшія черты дѣйствительнаго историческаго лица, но снабжаетъ его нѣкоторыми другими деталями и вымышленнымъ именемъ, чтобы имѣть право трактовать его свободнѣе наравнѣ съ чисто вымышленными героями. Примѣръ такой обработки мы находимъ какъ разъ у братьевъ Маргеритъ въ образѣ славнаго историка, нѣкоего Тэдна (Thèdenat), въ которомъ легко узнать Мишлэ, но котораго авторы умышленно снабжаютъ нѣкоторыми вымышленными чертами вплоть до фамиліи и затѣмъ уже свободно утилизируютъ для своихъ художественныхъ цѣлей.

Надобность въ созданіи этого, наполовину дѣйствительнаго, наполовину художественно созданнаго, лица можетъ, конечно, оспариваться у авторовъ романа. Но разъ они рѣшили, что это такъ, намъ остается только преклониться передъ этимъ рѣшеніемъ и лишь спросить себя, почему братьямъ Маргеритъ понадобился наполовину реальный, наполовину миѳическій Мишлэ? Повидимому, авторы чувствовали потребность, для оправданія значительнаго количества чисто историческихъ данныхъ, введенныхъ ими въ свой романъ, имѣть подъ рукой такое дѣйствующее лицо,

которое, обладая страстью Мишлэ къ документамъ и вмѣстѣ живѣйшимъ интересомъ къ дѣйствительности, лихорадочно собирало бы прокламаціи, афиши, вырѣзки изъ газетъ и горячо комментировало бы ихъ. Что Тэдна—это Мишлэ, легко узнать по тѣмъ чертамъ, которыми снабжаютъ его авторы: это онъ „покрытый славою“ профессоръ исторіи; онъ, „чей избранный умъ освѣщалъ настоящее, какъ воскрешалъ прошлое“; онъ—страстный демократъ, любившій „здравый смыслъ“ массъ и бывшій тѣмъ,—добавлю я, употребляя русское выраженіе,—„народникомъ“, который въ предисловіи 1847 г. къ своей „Исторіи французской революціи“, напоминалъ, какъ еще въ своей книжкѣ „Народъ“, онъ, „сколько то было силъ у него, громко заявилъ о правахъ инстинкта, правахъ вдохновенія, противъ его аристократической сестры, рефлексіи, резонирующей науки, мнящей себя царицею міра“.

Но у Тэдна есть отъ Мишлэ отличія, которыя позволяютъ авторамъ въ случаѣ возраженій заявить, что это лицо—созданіе ихъ художественной фантазіи. Тэдна рисуется намъ 65-лѣтнимъ, но еще очень бодрымъ старикомъ, который переживаетъ вмѣстѣ съ парижанами всѣ лишенія осады и живо принимаетъ, по крайней мѣрѣ, аффективное участіе въ различныхъ перипетіяхъ борьбы. Настоящему же Мишлэ было уже въ эту пору 73 года (онъ, какъ извѣстно, родился въ 1798 г.); и все время осады онъ оставался въ Италіи, страдая отъ начинавшихся приступовъ болѣзни сердца, которая всего черезъ три года должна была свести его въ могилу. У Тэдна—жена сверстница своего мужа по возрасту, раздѣлявшая съ самаго начала его сознательной жизни всѣ его мысли, труды, лишенія и успѣхи. Настоящій Мишлэ, опять таки какъ извѣстно, женился въ началѣ 50-хъ годовъ вторымъ бракомъ на дѣвушкѣ, которая была на 30 лѣтъ моложе его и жива до сихъ поръ. Можетъ быть, это обстоятельство и заставило братьевъ Маргеритъ измѣнить нѣкоторыя черты дѣйствительнаго Мишлэ, хотя фактъ живого идейнаго общенія славнаго историка съ своей (второй) женой переданъ совершенно вѣрно...

Перейдемъ къ самому роману, и прежде всего къ его документировкѣ. Коммуна вызвала къ жизни очень обширную литературу, начиная съ оффиціальнаго изслѣдованія о причинахъ движенія (Enquête sur le 18 mars) и кончая многочисленными книгами, брошюрами и, всего чаще, страстными памфлетами за и противъ. Въ числѣ противниковъ Коммуны можно цитировать: аббата Видьё (*Vidieu. Histoire de la Commune*; Парижъ, 1876), анонимнаго „высшаго офицера“ Версальской арміи (*La Guerre des Communaux de Paris*, Парижъ, 1871), Морьяка (E. Moriac, *Paris sous la Commune*), Добана (C. A. Dauban, *Le Fond de la*

société sous la Commune; Парижъ, 1873), генерала Винуа (J. Vinoy, *L'armistice et la Commune*; Парижъ, 1872), и въ особенности Дю-Кана (Maxime Du Camp. *Les Convulsions de Paris*; Парижъ, 1878—1879, 4 т.). Между произведеніями защитниковъ выдаются, прежде всего, брошюра „Гражданская война во Франціи (*Der Bürgerkrieg in Frankreich*; первое изданіе на главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ въ 1871 г., сейчасъ же послѣ подавленія коммуны), представляющая „адресъ Генеральнаго Совѣта Международной Ассоціаціи рабочихъ" и написанная Марксомъ; и затѣмъ рядъ болѣе или менѣе обширныхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ апологій движенія, написанныхъ самими участниками, каковы: Лиссагарэ (Lissagaray, *Histoire de la Commune*; Брюссель, 1876), Малонъ (B. Malon, *La Troisième défaite du Prolétariat français*; Невшатель, 1871), Арну (A. Arnould, *Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris*; Брюссель, 1878, 3 т.), Лефрансэ (Lefrançais, *Histoire du mouvement communaliste*; Невшатель, 1871), Журдъ (Jourde, *Souvenirs d'un membre de la Commune*, Брюссель, 1877) и, совсѣмъ недавно, Да-Коста (Gaston Da Costa, *La Commune vécue*; Парижъ, 1903—1904, 2 т.). Особое положеніе занимаютъ: горячо написанные, но обличающіе лишь свирѣпое подавленіе Коммуны, а отнюдь не защищающіе ея точку зрѣнія этюды Камилла Пелльтана (C. Pelletan, *Question d'histoire: le Comité central et la Commune*; Парижъ, 1879), и его же, *La semaine de mai*; Парижъ, 1880); богатый документами трудъ Ланжаллэ и Коррьеза (Lanjalley et Corriez, *Histoire de la revolution du* 18 *mars*; Bruxelles, 1871); и замѣчательная по безпристрастію и обработкѣ фактическихъ данныхъ книга Фіо (Louis Fiaux, *Histoire de la Guerre civile de* 1871; Парижъ, 1879).

Изучая романъ братьевъ Маргеритъ при свѣтѣ этихъ документовъ, приходится отмѣтить, что авторы добросовѣстно воспользовались, по крайней мѣрѣ, наиболѣе популярными изъ этихъ работъ, а главнымъ образомъ искусно резюмирующимъ большую часть ихъ трудомъ Фіо. Много сценъ,—напр., убійство генераловъ Клэмана, Тома и Леконта коммунарами, первый разстрѣлъ военно-плѣнныхъ версальцами и т. п.,—и даже характеристики членовъ Коммуны написаны братьями Маргеритъ по Фіо, порою вплоть до простой перифразировки или прямого заимствованія выраженій. Пусть, для примѣра, читатель сравнитъ страницы 82, 166, 216 „Коммуны" и страницы 76, 155 и 195 „Исторіи гражданской войны", и онъ самъ убѣдится въ этомъ. Это, конечно, не только ничего не говоритъ противъ романистовъ, но, наоборотъ, показываетъ ихъ искреннее желаніе держаться на строго исторической почвѣ при изображеніи самого движенія, какъ той волнующейся и трагической обстановки, въ которую они замыкаютъ дѣйствія своихъ героевъ. Но и самая точка зрѣнія авторовъ, окраска ихъ симпатій и антипатій, въ значительной

степени приближается ко взглядамъ Фіо, какъ это можно часто замѣтить, вдумываясь въ то объясненіе причинъ Коммуны, которое даютъ обѣ книги.

Характеристично уже самое посвященіе романа: „Побѣдителямъ и побѣжденнымъ Коммуны, чья святотатственная война окончательно разорвала Францію на глазахъ иностранца,—этимъ братьямъ-врагамъ, примиреннымъ въ смерти и забвеніи, мы посвящаемъ эти страницы, какъ свидѣтельство нашего ужаса и ненависти къ самой возмутительной изъ войнъ.“ Въ короткомъ предисловіи къ „Коммунѣ“ авторы еще разъ подчеркиваютъ эту точку зрѣнія, говоря, что въ романѣ они „задавались цѣлью показать глубоко-жизненную, настоятельную необходимость войны, самой ожесточенной войны, когда она защищаетъ родную землю и будущность отечества; ея ненавистное варварство, когда она служитъ лишь интересамъ барыша и завоеванія; и въ особенности ея позорное безуміе, когда она бросаетъ другъ противъ друга обитателей одной и той же страны,—словомъ, братьевъ“ (II).

Эта ненависть къ междуусобной войнѣ носитъ у авторовъ еще тотъ особый оттѣнокъ, что къ ней присоединяется спеціальное чувство недовольства на Тьера, версальское правительство и вообще имущіе классы тогдашней Франціи, которые дали волю своимъ инстинктамъ антипатіи, презрѣнія и злобы къ республиканскимъ и демократическимъ массамъ, хотя, казалось, должны были бы обнаружить, наоборотъ, при фатальномъ столкновеніи съ Парижемъ чувство политическаго такта и государственной мудрости: на то они и люди „порядка“ и разумѣнія. Тогда какъ Коммуна, не смотря на ужасъ и отвращеніе братьевъ Маргеритъ къ самому факту инициативы междуусобной войны, взятой на себя инсургентами, и къ многочисленнымъ проявленіямъ массового безумія, находитъ въ ихъ глазахъ извиненіе въ томъ, что нѣкоторыя фатальныя ошибки правительства 4-го сентября и Бордосскаго собранія „деревенщины“ подготовили почву для возстанія; и что мятежники, взятые въ массѣ и помимо кучки маніаковъ насилія и убійства, руководились далеко не презрѣнными чувствами республиканскаго патріотизма и инстинктами демократической справедливости.

Вотъ какой портретъ Тьера рисуютъ, напр., авторы „Коммуны“, влагая эту характеристику въ уста ученаго химика Понсэ, стараго республиканца, но отнюдь не коммунара: „Маленькій государственный, но великій дѣловой человѣкъ, великій въ особенности въ представленіи, которое онъ самъ создалъ о себѣ и которое онъ сумѣлъ издавна навязать Европѣ. Типъ буржуа, со всѣми его достоинствами и недостатками, словно отчеканенный въ 1840 г. и навсегда оставшійся такимъ; совершенное выраженіе іюльской монархіи, богатой и мизерной въ одно и то же время, монархіи, которой онъ служилъ въ качествѣ безжалостнаго

и ловкаго министра, умѣвшаго на посту министра финансовъ наполнять шкатулку, а на посту министра внутреннихъ дѣлъ усмирять въ крови возстаніе. Любя абсолютизмъ у власти, либеральничая въ оппозиціи, этотъ Жакъ на всѣ руки (maître Jacques изъ комедіи „Слѣпой" Мольера,—комическое лицо, являющееся, смотря по обстоятельствамъ, то поваромъ, то кучеромъ. Э. В.) такъ же удачно стряпалъ грязный арестъ герцогини Беррійской, какъ и открытую оппозицію министерствамъ, изъ которыхъ былъ исключенъ. Неутомимый работникъ на первомъ планѣ, какъ и за кулисами, онъ дѣйствуетъ при заходящемъ солнцѣ Людовика-Филиппа, какъ и при восходящей звѣздѣ Людовика-Наполеона, пока надѣется на паденіе одного и возвышеніе другого. Затѣмъ наступаетъ гнетущая для него отставка. Какая честолюбивая жажда, изсушающая вотъ уже тридцать лѣтъ его душу! Какъ нетерпѣливо дрожатъ его руки, державшія Францію, и какой зудъ чувствуетъ онъ въ нихъ, чтобы снова захватить ее! А его поистинѣ универсальное тщеславіе, свирѣпѣющее при одной мысли, что теперь онъ обреченъ лишь писать исторію, въ то время, какъ претендуетъ на то, чтобы дѣлать ее: что за грозный завоеватель въ туфляхъ, раздувающій себя до калибра фигуръ, которыхъ изучаетъ въ кабинетѣ! А его ясный, но столь близорукій взглядъ на вещи, который въ іюлѣ видѣлъ пропасть, куда ведетъ война, но который, даже послѣ уроковъ Садовы, толкалъ его отказывать правительству въ военныхъ кредитахъ и презрительно трактовать, какъ басню, какъ фантасмагорію, опасность многочисленныхъ нѣмецкихъ армій. А его манія крайней централизаціи, его фетишизмъ къ словамъ „правительство", „законность", и ровно ничего въ головѣ, чтобы понять надлежащимъ образомъ требованія труднаго положенія и смутнаго момента! А его здравый, но узкій смыслъ, лишенный малѣйшей высоты, и его не столько краснорѣчіе, сколько говорливость, пробавляющаяся гораздо больше общими мѣстами, чѣмъ идеями. Наконецъ, его ловкая система обращенія съ людьми, располагающая всѣми тонкостями ума, но не согрѣваемая живительнымъ источникомъ сердца."

„И Понсэ снова продолжалъ:

„— Теперь онъ является провиденціальнымъ человѣкомъ, послѣдней надеждой Франціи. И ни въ чьихъ глазахъ съ такой очевидностью, какъ въ своихъ собственныхъ. Одни привѣтствуютъ въ немъ возстановителя королевскаго трона, другіе— основателя республики. Но онъ обманетъ ихъ всѣхъ. Ему мало дѣла до самого режима: онъ видитъ во всемъ только Тьера! И ради торжества своего эгоизма онъ способенъ сдѣлать все!" (стр. 46).

Или вотъ страницы, въ которыхъ обрисовывается планъ Тьера немедленно же, при самомъ началѣ возстанія,—которое,

по увѣренію самихъ же генераловъ, можно было бы подавить тогда безъ особаго кровопролитія и въ какіе нибудь два часа,—оставить Парижъ, вернуться въ него съ обширной и организованной арміей и дать страшный урокъ инсуррекціи, надолго, можетъ быть, навсегда раздавивъ возможность революціонной оппозиціи массъ:

„Опытъ былъ сдѣланъ: невозможно пока болѣе бороться противъ Парижа въ самомъ же Парижѣ; слѣдовало временно покинуть его и затѣмъ снова взять. И учитель исторіи выступалъ наружу въ тщеславномъ министрѣ Людовика-Филиппа.

„— Господа, при видѣ этого возстанія я былъ пораженъ однимъ воспоминаніемъ: воспоминаніемъ о 24-мъ февраля 1848 г. Король, когда дѣла приняли плохой оборотъ, сталъ просить у меня совѣта, что дѣлать. Я отвѣтилъ ему, что слѣдуетъ выйти изъ Парижа съ маршаломъ Бюжо и затѣмъ войти снова, но уже съ пятидесяти-тысячной арміей... Но король вспомнилъ Бурбоновъ и Наполеона, и то, что, разъ удалясь изъ города, они уже не могли въ него вступить. И онъ отказался отъ этого плана. Здѣсь и заключалась его гибель! Да, господа, таковъ урокъ исторіи. Я напомню вамъ также примѣръ маршала Виндишгрэца, который, отступая изъ Вѣны передъ разразившейся инсуррекціей, вошелъ въ столицу побѣдителемъ вскорѣ послѣ того...

„Тьеръ не прибавилъ,—и никто не замѣтилъ ему,—чѣмъ было это вступленіе Виндишгрэца и Еллашича въ Вѣну; онъ, впрочемъ, зналъ это и находилъ, что такъ и слѣдуетъ быть: и нѣсколько разъ повторенные приступы, и бомбардированіе предмѣстій, и пожаръ, и опустошеніе, и разстрѣлянные плѣнные, и весь городъ, отданный на разграбленіе кроатамъ въ красныхъ плащахъ!

„Его слушали почтительно, но не особенно убѣждаясь его доводами. Жюль Фавръ возвысилъ, однако, голосъ:

„— Подобное отступленіе представляетъ актъ отчаянія, можетъ погубить Францію!

„Пикаръ, Жюль Симонъ, Потюо двинулись на выручку Фавра. Почему въ самомъ дѣлѣ не защищать себя въ ратушѣ, гдѣ находятся еще мэръ Парижа, Жюль Ферри, который умѣетъ бороться, и генералъ Дэррожа? Къ чему очищать Военную школу? Развѣ нельзя было бы укрѣпиться въ Трокадэро, стратегическомъ пунктѣ удобномъ для защиты, куда навѣрное собрались бы подъ знамя національные гвардейцы изъ категоріи друзей порядка, наконецъ-то, открывшіе глаза на происходящее вокругъ нихъ?

„Но старый Тьеръ нетерпѣливо качалъ головой, оставаясь глухимъ ко всѣмъ мольбамъ. И если бы онъ уже заранѣе не принялъ рѣшенія, то онъ принялъ бы его сейчасъ, оцѣнивъ положеніе Парижа въ то время, какъ шелъ въ Лувръ. Словно закоренѣлый въ операціяхъ врачъ-практикъ, онъ уже пощупалъ пульсъ у больного. Поздно прибѣгать къ декоктамъ! Надо крово-

пусканіе! хорошее кровопусканіе, чтобы успокоить эту горячку!.. И его пронзительный голосъ, повысившись еще на тонъ, повелительно выразилъ безповоротное рѣшеніе:

„— Я уже отдалъ приказъ генералу Винуа перевести свои войска по другую сторону Сены и занять всѣ мосты. Дѣло спѣшное: надо спасти обломки арміи отъ соприкосновенія съ народомъ, который развращаетъ ее. А затѣмъ мы займемся ея преобразованіемъ.

„Винуа сказалъ:

„— Я—солдатъ: приказывайте.

„Министры въ нерѣшительности переглядывались: бѣжать такимъ образомъ, когда ничего еще не было потеряно, когда они располагали всѣми вѣтвями администраціи, городскими стѣнами, фортами!.. Они не могли примириться съ мыслью о такомъ отступленіи. Что сдѣлается съ генераломъ Ле-Фло? Послѣдуетъ ли онъ за г. Тьеромъ въ Версаль?.. А г. Тьеръ настаивалъ и все возвращался къ своимъ принципамъ: образовать пустое пространство, снова создать армію, а пока, не теряя ни минуты, оставить Парижъ...

. . . . . .

„И среди шума прощальныхъ привѣтствій, г. Тьеръ проскочилъ въ дверь. Поше-елъ! Гони во всю!

„Между тѣмъ какъ Фавръ принималъ делегаціи, а Жюль Симонъ, Пикаръ и Потюо возвращались каждый въ свое министерство, коляска неслась во весь духъ уже далеко, среди конвоировавшихъ ее кавалеристовъ. По временамъ, Тьеръ наклонялся къ окошку и кричалъ: „Скорѣе, скорѣе! Да погоняй же!“ На Севрскомъ мосту, онъ протянулъ поручику, командовавшему конвоемъ, набросанную карандашомъ записку:

„— Для генерала Винуа! Не теряйте ни секунды!

„То былъ еще разъ повторенный приказъ очистить форты. Лошадямъ дали передохнуть только на подъемѣ въ Вирофлэ: онѣ едва держались на ногахъ“ (стр. 78—79).

Такъ впервые писатель-буржуа, обращаясь къ читателямъ-буржуа, говоритъ о такомъ идолѣ буржуазіи, какимъ еще недавно Тьеръ былъ для большинства третьяго сословія. Это показываетъ, что историческая истина начинаетъ мало по малу проступать сквозь изидино покрывало „условной лжи“, и что страстные предразсудки при оцѣнкѣ обѣихъ боровшихся сторонъ и ихъ представителей смѣняются болѣе спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Замѣчательно, что когда одинъ изъ извѣстныхъ критиковъ умѣреннаго направленія, нѣкто Гастонъ Дэшанъ, пишущій литературныя обозрѣнія въ газетѣ „Le Temps“, счелъ нужнымъ, произнося общій хвалебный отзывъ о „Коммунѣ“, возразить авторамъ по поводу ихъ, якобы, несправедливо рѣзкаго сужденія о Тьерѣ, то онъ сдѣлалъ это въ крайне сдержанной формѣ и даже при-

зналъ въ возникшей отсюда полемикѣ съ братьями Маргеритъ подлинность разсужденій Тьера о Виндишгрецѣ и пріемахъ подавленія возстаній. Онъ лишь старался показать, что романисты не воздали должнаго крупной и сложной, по его мнѣнію, личности Тьера и не считались въ достаточной степени съ исключительной трудностью обстоятельствъ, среди которыхъ „освободителю территоріи" пришлось закладывать фундаментъ третьей республики. Ниже намъ придется еще коснуться этого пункта; но уже и теперь мы можемъ отмѣтить знаменательность того факта, что даже на столбцахъ такого типичнаго органа буржуазіи, какимъ является „Le Temps", становится возможной полемика по поводу „переоцѣнки цѣнностей" личностей и явленій, относящихся къ движенію 18-го марта. А подобной „переоцѣнки цѣнностей" мы встрѣтимъ немало въ „Коммунѣ" братьевъ Маргеритъ, которая, какъ мы уже сказали, основана на значительномъ количествѣ утилизированныхъ документовъ и въ силу этого принимаетъ порою не столько характеръ романа, сколько живого, нѣсколько растрепаннаго и эпизодическаго, но историческаго изслѣдованія. Такъ, впрочемъ, смотрятъ и сами авторы, объясняя въ своемъ предисловіи слѣдующимъ образомъ этотъ двойственный характеръ книги: „Но почему,—прежде всего спросятъ насъ,—мы обратили нашъ романъ на служеніе исторіи? Потому что этимъ путемъ намъ показалось возможнымъ заинтересовать въ страшномъ и черезчуръ скоро забытомъ урокѣ прошлаго бо́льшее число соотечественниковъ, чѣмъ мы могли надѣяться, ограничиваясь лишь строгимъ изученіемъ документовъ. И мы полагали, что этою попыткою столько же гражданъ, сколько писателей, мы не только не нанесемъ ущерба собственно искусству, но даже возвеличимъ его" (стр. 1).

Оставляя въ сторонѣ затронутый выше общій эстетическій вопросъ о предѣлахъ возможности сочетанія двухъ элементовъ,—историческаго и художественнаго,—посмотримъ, при помощи какого литературнаго пріема наши авторы вводятъ фактическій матеріалъ въ изображеніе такого сложнаго явленія, какимъ была Коммуна. Они создаютъ нѣсколько параллельныхъ „дѣйствій" или коллизій страстей и интересовъ между вымышленными цѣликомъ или наполовину персонажами въ двухъ мірахъ, среди версальцевъ и среди парижанъ, и дѣлаютъ ихъ актерами или свидѣтелями различныхъ перипетій гражданской войны.

Такова идиллія между майоромъ Дю-Брёйлемъ и Аниной, дочерью лотарингца Берсгейма, идиллія, осложненная ревностью другого офицера, д'Аволя, друга Дю-Брёйля и кузена Анины: эта идиллія, начатая въ „Катастрофѣ", продолжается въ „Коммунѣ", пока смерть Дю-Брёйля, убитаго шальной пулей коммунара, когда возстаніе было уже подавлено, не превращаетъ ее въ трагическій эпизодъ междуусобной войны. Эта группа лицъ, вмѣстѣ съ род-

ственной Берсгеймамъ семьей де-Гранпрэ,—богатаго человѣка и убѣжденнаго консерватора съ еле-еле замѣтнымъ оттѣнкомъ республиканства à la Tiers, при которомъ онъ состоитъ секретаремъ,—позволяетъ авторамъ обрисовать различные оттѣнки взглядовъ среди скопившихся въ Версали представителей имущихъ и правящихъ классовъ. Напримѣръ, Де-Гранпрэ, не смотря на свой „любезный скептицизмъ на подкладкѣ пятидесятитысячной ренты, который прекрасно уживается съ несчастіями другихъ" (стр. 123), убѣжденный сторонникъ энергичнаго подавленія и восхищается неутомимостью и государственнымъ умомъ Тьера, быстро и методически дисциплинирующимъ войска, возвращающіяся изъ нѣмецкаго плѣна, для правильной осады Парижа. Д'Аволь—храбрый, но замкнувшійся въ своемъ ремеслѣ военный, который считаетъ своимъ высшимъ долгомъ проливать кровь за Францію, даже нарушая честное слово, данное имъ нѣмцамъ при взятіи его въ плѣнъ, откуда онъ бѣжалъ, чтобы продолжать сражаться противъ врага, но который съ такой же готовностью будетъ лить кровь и своихъ соотечественниковъ, коммунаровъ, когда того потребуетъ дисциплина. И эта точка зрѣнія окрашивается у него все болѣе и болѣе ожесточеннымъ отношеніемъ къ коммунарамъ, по мѣрѣ того, какъ затягивается сопротивленіе инсургентовъ и особенно по мѣрѣ того, какъ клерикальныя и реакціонныя идеи привилегированной среды начинаютъ почти безраздѣльно царить въ его душѣ. Дю-Брёйль, наоборотъ, подъ вліяніемъ Анины Берсгеймъ и особенно ея отца, все чаще и чаще испытываетъ колебанія между воинскимъ долгомъ и гуманнымъ отношеніемъ къ мятежникамъ, у которыхъ, не смотря на частыя проявленія коллективнаго безумства, онъ замѣчаетъ значительную напряженность патріотическихъ и республиканскихъ чувствъ. А самъ Берсгеймъ, хотя и принадлежалъ къ привилегированному классу, прощалъ многое коммунарамъ, видя въ нихъ прежде всего именно заблуждающихся, но искреннихъ патріотовъ, которые вымещали на правительствѣ Тьера злобу за неожиданно рѣшенную капитуляцію Парижа, равно какъ горячихъ защитниковъ только что основанной республики, за которую они страшно боялись въ виду монархическаго состава Бордосскаго собранія. Наоборотъ, къ версальскому правительству Берсгеймъ питалъ едва ли не болѣе враждебныя чувства, чѣмъ къ инсургентамъ, вслѣдствіе того, что эти представители господствующихъ классовъ сознательно заостряли положеніе дѣлъ, надѣясь однимъ энергичнымъ подавленіемъ надолго покончить съ оппозиціоннымъ настроеніемъ массъ и возвратиться къ только что рухнувшему подъ напоромъ событій режиму. Къ этому демократическому недовольству на Тьера и собраніе Берсгеймъ присоединялъ еще болѣе рѣзкія чувства патріотическаго негодованія по адресу людей, заправлявшихъ теперь судьбами Франціи, которые только и мечтали о томъ, чтобы

заключить какой угодно мирный договоръ съ Германіей, лишь бы скорѣе, и въ то же время обнаруживали самую крайнюю готовность къ пролитію крови французовъ. Нашъ лотарингецъ,—Берсгеймъ былъ родомъ изъ Меца,—не могъ въ особенности простить правительству Тьера и бордосскимъ депутатамъ ту готовность, съ какой они согласились на уступку территоріи, только бы не продолжать войны. И у него еще звучали слова, которыми Тьеръ характеризовалъ Гамбетту, стремившагося довести до конца отчаянное сопротивленіе: „буйный помѣшанный" (fou furieux). Вотъ почему Берсгеймъ съ горечью и негодованіемъ указывалъ своимъ версальскимъ знакомымъ на враждебное отношеніе правительства къ тѣмъ искреннимъ демократамъ-патріотамъ, которые употребляли всѣ усилія, чтобы своимъ посредничествомъ остановить въ самомъ же началѣ братоубійственную войну.

Наши авторы изображаютъ и группу этихъ посредниковъ, составляя ее наполовину изъ дѣйствительныхъ, наполовину изъ вымышленныхъ лицъ, между которыми активную роль играетъ старый Понсэ, извѣстный химикъ, въ описаніи романистовъ, а горячо сочувствующимъ предпріятію единомышленникомъ является уже извѣстный читателю историкъ Тэдна. Братьямъ Маргеритъ удается ярко характеризовать все трагическое безсиліе этихъ преисполненныхъ добрыми намѣреніями людей, которые тщетно пытались разнять двѣ свирѣпо борющіяся арміи гражданской войны и съ обѣихъ сторонъ получали удары, встрѣчая въ лагерѣ версальцевъ раздраженіе за свое, якобы, мирволенье инсуррекціи, а среди коммунаровъ подвергаясь опасности прослыть за шпіоновъ правительства.

Совсѣмъ на противоположномъ концѣ рисуются коммунары, среди которыхъ, рядомъ съ очень значительнымъ числомъ дѣйствительныхъ лицъ, очерченныхъ цѣликомъ на основаніи документовъ эпохи, наши авторы помѣщаютъ нѣсколько очень выразительныхъ типовъ, представляющихъ движеніе 18-го марта въ его низкихъ и звѣрскихъ, но также и въ его высокихъ и героическихъ проявленіяхъ. Вотъ прежде всего типъ человѣка въ общемъ порядочнаго, но слабаго, который сильно подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ и становится то на сторону Коммуны, то на сторону ея ожесточенныхъ враговъ, но въ томъ и другомъ случаѣ плыветъ по теченію, на буксирѣ событій, ни въ одинъ моментъ не отдаваясь цѣликомъ общественной страсти, и тяготѣя скорѣе къ нѣкоторымъ личнымъ аффектамъ и вкусамъ. Таковъ Марціалъ Понсэ, сынъ уже упомянутаго извѣстнаго химика, художникъ по призванію и профессіи, который въ то время, какъ его родители выѣхали изъ Парижа въ провинцію, остался въ столицѣ и пережилъ всю осаду, раздѣляя лишенія жителей. Здѣсь, въ это трагическое время, онъ сошелся близко съ дѣвушкой изъ настоящихъ рабочихъ слоевъ предмѣстья. И эта Нини, въ которой, по

словамъ романистовъ, выражалась вся „героическая душа Парижа“, была причиной его симпатіи къ трудящимся массамъ, а въ особенности къ нѣкоторымъ рабочимъ семьямъ изъ круга Нини. Ужасныя условія осажденнаго города свели въ гробъ эту энергическую, самоотверженную, но хрупкую натуру. И послѣ того, какъ эта трагическая исторія любви кончилась (см. „Обломки меча“), мы сначала встрѣчаемъ въ „Коммунѣ“ Марціала среди его пріятелей изъ рабочихъ, вся обстановка жизни которыхъ живо напоминала ему утраченную любовницу, и жаркими стремленіями которыхъ къ общественному идеалу онъ былъ невольно увлеченъ. А затѣмъ мы его находимъ уже среди жестокихъ враговъ инсургентовъ, въ Версали, куда онъ укрылся по просьбѣ отца, но гдѣ, подъ давленіемъ окружающей среды, онъ сталъ смотрѣть съ такою одностороннею враждою на своихъ бывшихъ товарищей по осадѣ и даже личныхъ друзей, что лишь вліяніе его отца и Тэдна помогли ему стать на болѣе справедливую точку зрѣнія, оплакивающую ужасы междуусобной войны.

Людей совсѣмъ иного,—цѣльнаго,—типа представляетъ семья сапожника Симона, состоящая изъ его самого, его второй (незаконной) жены, которая вошла въ его домъ, послѣ того, какъ ушла отъ него его первая жена, и стала настоящей самоотверженной матерью его двухъ сыновей, Людовика и Антуана; и, наконецъ, пріемыша-племянницы Розы. Это все люди простые, честные, скромные, работящіе, энергичные, исполненные глубокой вѣры въ идеалъ и готовые умереть за него, и дѣйствительно почти всѣ полегшіе костьми за мечту всей своей жизни, которая и на сей разъ отодвинулась отъ нихъ кровавымъ миражемъ, среди грома версальскихъ пушекъ и отчаянной баррикадной перестрѣлки. Вотъ какъ описываютъ романисты состояніе души главы этого семейства, Симона, въ тотъ моментъ, когда передъ восторженной толпой парижанъ дефилировали безконечные батальоны національной гвардіи, за три недѣли до объявленія Коммуны:

„Симонъ... повернулся, показывая на всю эту толпу солдатъ, національныхъ гвардейцевъ и просто гуляющихъ, на все это человѣческое море, кипящее патріотизмомъ и вѣрой.

„Сапожникъ переживалъ снова жгучіе часы своей жизни, ураганъ революціонныхъ дней, которые открылись въ іюлѣ 1830 г., открылись въ февралѣ 1848 г. зарей освобожденія и померкли въ крови іюня и въ разстрѣлахъ 2-го декабря. Но не смотря на все опьяненье зрѣлищемъ этого народа, чье сердце снова билось надеждою послѣ 18-тилѣтняго молчанія подъ сапогомъ Наполеона,—какое глубокое раздраженіе отравляло его душу, испытывавшую отчаяніе униженія при мысли, что этимъ всѣмъ французы были обязаны лишь пораженію, лишь завоевателю, вотъ этой непріятельской ордѣ, которая охватывала Парижъ желѣз-

нымъ поясомъ фортовъ и. побѣдоносное дыханіе которой, ея оскорбительное издѣвательство побѣжденный чувствовалъ у самаго затылка!

„Но тѣмъ страстнѣе, тѣмъ съ болѣе серьезнымъ пыломъ онъ любилъ эту республику, которую въ данный моментъ встрѣчала виватами толпа,—ее, которая уже столько разъ обманывала его надежды и которую онъ все же увидитъ теперь прежде, чѣмъ умретъ; ее, наконецъ, эту волшебную фею, которая терпѣливо будетъ врачевать раны народа и на дымящихся развалинахъ воздвигнетъ иное, лучшее общество. И все это Симонъ выразилъ и бросилъ впередъ въ одномъ хрипломъ виватѣ, столь заразительномъ, что и проходившая рота, и весь батальонъ, и часть толпы отвѣтили цѣлымъ эхомъ криковъ“ (стр. 9—10).

И, какъ бы въ pendant къ этой сценѣ наивной народной вѣры въ идеалъ, авторы рисуютъ намъ послѣднюю страшную сцену баррикадной борьбы, когда вся семья Симона вмѣстѣ съ кучкой товарищей погибаетъ въ неравной битвѣ; когда старый сапожникъ уже палъ, съ раздробленнымъ пулей черепомъ, когда его сынъ Людовикъ и его племянница Роза, всего нѣсколько дней назадъ перевѣнчавшіеся въ мэріи передъ чиновникомъ-коммунаромъ, крѣпко обнимали другъ друга, окруженные со всѣхъ сторонъ солдатами, отважно смотря въ лицо неминуемой смерти; и когда майоръ Дю-Брёйль, пораженный видомъ молодой четы, тщетно хочетъ остановить руку обезумѣвшихъ въ свирѣпой битвѣ солдатъ:

„Секунда невыразимаго волненія вдругъ соединила на моментъ взоры Дю-Брёйля и четы молодыхъ людей.

„Они держали другъ друга за талію, бравируя ружья улыбкой, полной ненависти и презрѣнія, блистая лучезарной красотой гордыхъ лицъ, дышавшихъ высшимъ расцвѣтомъ всѣхъ силъ жизни и гордостью любви, той любви, что была могущественнѣе смерти. Какъ молнія, передъ Дю-Брёйлемъ пронеслось видѣніе его Анины и ихъ любви. Мучительная жалость охватила его сердце; таинственно врывались въ его жизнь эти два существа, которыхъ отнынѣ онъ уже не въ силахъ будетъ забыть, блещущія молодостью и красотой и такъ же любящія другъ друга, какъ онъ и Анина. Кричать, дѣйствовать, спасти ихъ!—и инстинктъ поднялъ его на стременахъ, и изъ груди его вырвался хриплый звукъ:

— „Стой!

„Но всесокрушающій залпъ грянулъ уже, какъ громъ. Роза и Людовикъ пали, словно сраженные молніей. Но и въ смерти ихъ руки не разомкнули объятій.

„Въ ушахъ вдругъ прозвучалъ острый, пронзительный вой,—такая сверхъ-человѣческая жалоба, что самые остервенѣлые двуногіе звѣри были потрясены ею до глубины души: то была

мать, оплакивавшая своихъ дѣтей. Тереза,—это была она,—разразилась воплемъ проклятій и безконечно мучительныхъ словъ... Пусть же прикончатъ и ее! Уже снова гнѣвъ закипалъ въ сердцахъ солдатъ; но пока поручикъ внѣ себя бросался на стараго служаку, тряся его, Дю-Брёйль пришпорилъ лошадь и упалъ среди ничего не слушавшихъ солдатъ. Его негодованіе прорвало, какъ плотину:

— „Освободить эту женщину! сейчасъ же! Развѣ убиваютъ безоружныхъ?.. Дикари, звѣри!

„Видя, что вокругъ него солдаты ворчали и не повиновались, онъ сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе, чтобъ успокоиться. Страшно блѣдный, онъ выхватилъ револьверъ изъ кобуры и холодно сказалъ:

— „Первый, кто двинется...

„И обращаясь къ Терезѣ, промолвилъ серьезнымъ голосомъ:

— „Бѣдная женщина, идите домой!

„Солдаты были укрощены, и кругъ раздвинулся.

„Тереза стояла, какъ вкопанная, оглядываясь кругомъ и ничего не понимая. Дю-Брёйль догадался: убитые были ея...

— „Уходите же,—съ нѣжностью въ голосѣ сказалъ онъ.

„Онъ уводилъ ее, придерживая твердою рукою за плечо.

— „Вы послѣ возвратитесь,—прибавилъ онъ тихо.

„Не взглянувъ на него, не вымолвивъ ни слова, Тереза двинулась. Она шаталась на ногахъ; ея руки, казалось, ощупывали кругомъ пустое пространство.

„Дю-Брёйль, полный мучительнаго волненія, съ чувствомъ безконечнаго стыда смотрѣлъ, какъ она удалялась. Быть солдатомъ! Быть человѣкомъ! И видѣть это!..“ (стр. 554—555).

И въ дополненіе къ этой картинѣ, въ которой братьямъ Маргеритъ удалось нарисовать трагическую фигуру современной Ніобеи, Ніобеи пролетаріата, вотъ другая не менѣе мучительная картина смерти самого Дю-Брейля, павшаго жертвою анонимной ненависти коммунара къ офицеру версальскихъ войскъ, когда инсуррекція была уже, повидимому, совсѣмъ подавлена:

„Дю-Брёйль пустилъ лошадь быстрымъ аллюромъ. Теперь затихли уже и послѣдніе раскаты битвы. Отъ времени до времени едва доносились слабые отголоски выстрѣловъ. Дю-Брёйль только что перерѣзалъ Бастильскую площадь и въѣхалъ въ Шарантонскую улицу, какъ вдругъ, сзади его, окошко одного изъ домовъ пріотворилось и спрятанный въ комнатѣ федералистъ прицѣлился изъ ружья въ офицера. Дю-Брёйль, съ пробитой спиной, рухнулся какъ масса...

„Смутныя, безконечно тянущіяся минуты... Въ одной изъ залъ больницы на улицѣ Пикпюсъ онъ лежитъ въ полузабытьи, почти безъ сознанія, на боку, съ прозондированной раной, на узкой бѣлой кровати. Хирургъ, приложивъ палецъ къ губамъ, раздви-

нулъ присутствующихъ и тихо сказалъ „безполезно“ адъютанту генерала Винуа, знавшему, что у Дю-Брёйля есть невѣста, и предлагавшему поскакать въ Версаль, чтобы предупредить и привести сюда Берсгеймовъ...

„А умирающій блуждаетъ въ кругу смутныхъ образовъ... Вотъ залитый сіяніями огней Сэнъ-Клу, теперь теряющійся въ туманномъ освѣщеніи... Глупая смерть Лакоста: „да, французы, убиваемые французами же“... Потомъ мецская грязь, семейный домъ Анины, большіе часы въ высокомъ-высокомъ футлярѣ... *Vulnerant omnes, ultima necat* (насъ ранятъ всѣ бѣгущіе часы, а убиваетъ лишь послѣдній)... а тамъ, въ зеленой Крёзѣ, всѣ родные... отецъ, мать... Но чего же они плачутъ?.. Затѣмъ, въ безсвязной процессіи недавнихъ видѣній, образъ двухъ крѣпко обнявшихся любовниковъ на баррикадѣ, которыхъ онъ не могъ спасти...

„Невидимый убійца, который только что поразилъ его, теперь стоитъ зачѣмъ то здѣсь, у кровати; у него лицо Людовика, и онъ держитъ за руку Розу... Дю-Брёйль глубоко вздыхаетъ... Но куда же это его уносятъ?..

„Онъ протягиваетъ руку, хочетъ удержаться за Анину... Зачѣмъ она даетъ ему удаляться такъ, съ этой улыбкой скорбнаго безсилія?.. Вѣдь онъ хочетъ остаться возлѣ нея, хочетъ подняться, дѣйствовать... Ахъ, ему еще столько нужно сдѣлать... ну, хоть немного добра!.. А онъ сдѣлалъ такъ мало... Анина!.. Какъ далеко она уже отъ него, почти скрылась, и въ траурѣ... Анина, дорогая Анина...

„Безконечная, грустная нѣжность расправляла его сокращенныя дотолѣ конвульсіями черты... Потомъ все вдругъ стало черно.

„Его блѣдная голова, полная мирной красоты, лежала на изголовьѣ съ широко раскрытыми глазами. На мгновенье по нимъ скользнулъ отблескъ далекаго свѣта, словно они увидѣли день“ (стр 611—612).

Взгляните также на сѣрую и грустную фигуру нѣкоего Катисса, которому и въ голову не приходило быть созиательнымъ сторонникомъ Коммуны, а который остался служить маленькимъ чиновникомъ революціонному правительству, какъ онъ служилъ версальцамъ,—и все для того, чтобы кормить пять маленькихъ дочерей, одна другой меньше, которыя остались ему послѣ смерти жены. Кровавый ураганъ захватилъ своимъ всесокрушающимъ порывомъ и его, и версальскія пули застали его врасплохъ съ мучительнымъ вопросомъ недоумѣнія: „за что же, за что разстрѣливаютъ его, бѣднаго, слабаго, никому не вредившаго человѣка, который только думалъ что о своей семьѣ и жалкомъ кускѣ хлѣба?

Но, посмотрите, съ другой стороны, на омерзительную фигуру консьержа Лушара, выражающаго психологію подонковъ населенія

Парижа. При осадѣ столицы пруссаками онъ трепещетъ каждаго выстрѣла, прячется въ погребъ, лишь бы избѣгнуть необходимости идти съ товарищами на крѣпостныя стѣны или участвовать въ вылазкѣ, но въ то же время своимъ ловкимъ хвастовствомъ и игрой въ патріотизмъ успѣваетъ стяжать репутацію храбреца и получить за мнимую рану орденъ почетнаго легіона. При Коммунѣ онъ оказался въ чинѣ „гражданина поручика", командовавшаго ротой національныхъ гвардейцевъ, терроризировавшаго буржуазныхъ жильцовъ дома, гдѣ былъ консьержемъ, вѣчными доносами и вымогавшаго у нихъ деньги и драгоцѣнныя вещи, а порою и прямо расхищавшаго ихъ имущество, пользуясь смутнымъ временемъ возстанія. Шпіоня за „людьми порядка", онъ въ то же время шпіонилъ и за своими друзьями коммунарами, уже заранѣе подготовляя себѣ лазейку на тотъ случай, когда версальцы снова станутъ господами Парижа. Онъ вступилъ въ переговоры съ агентами Тьера, чуть было не отперъ воротъ версальцамъ и, въ концѣ концовъ, во время „кровавой недѣли" превратился въ такого же подлаго и свирѣпаго доносчика на службѣ у законнаго правительства,—клевеща на своихъ личныхъ враговъ или просто людей, съ которыми ему было выгодно расквитаться,—какимъ былъ въ рядахъ коммунаровъ, хладнокровно участвуя во всѣхъ актахъ коллективнаго безумія.

Такимъ образомъ, выводя коллекцію различныхъ типовъ съ обѣихъ сторонъ, братья Маргеритъ безпристрастно изображаютъ высокія и низкія стороны человѣческой души, которая была до самаго дна взбудоражена междуусобной войной. И если, напр., наши романисты яркими красками рисуютъ кровожадность свирѣпой и вмѣстѣ трусливой толпы, которая убивала „заложниковъ", жандармовъ, семинаристовъ, священниковъ и т. п.,—только что сама убѣжавъ съ баррикадъ (стр. 587), то авторы же „Коммуны" набрасываютъ негодующимъ перомъ разстрѣлъ первыхъ плѣнныхъ коммунаровъ версальцами, нарушившими самые основные принципы войны (стр. 216 — 217). Они не набрасываютъ покрывала и на ту бойню, которую регулярныя войска устроили въ Парижѣ, не прекращая ее и въ Версалѣ среди взятыхъ въ плѣнъ тысячъ коммунаровъ, подвергавшихся — что всего ужаснѣе—безпримѣрнымъ издѣвательствамъ элегантныхъ господъ и дамъ, которые бередили изящными зонтиками свѣжія раны коммунаровъ и выкалывали имъ глаза (стр. 595). Словомъ, если и можно найти у авторовъ „Коммуны" извѣстную разницу въ отношеніи къ перипетіямъ борьбы съ двухъ сторонъ, то развѣ въ томъ, что они охотнѣе извиняютъ эти ужасы междуусобной войны толпѣ, проявленіямъ массовыхъ аффектовъ, чѣмъ холодному, разсчитанному поведенію государственныхъ дѣятелей буржуазіи.

———

Не входя въ подробности тѣхъ патетическихъ сценъ „Коммуны“, которыя авторы умѣло проводятъ передъ глазами читателей, заинтересовывая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлымъ рядомъ личныхъ приключеній вымышленныхъ героевъ,—мы считаемъ нужнымъ сказать въ заключеніе, каково значеніе этого историческаго романа съ точки зрѣнія именно историческихъ выводовъ, къ какимъ приходятъ братья Маргеритъ. Говоря вообще, заслуга авторовъ заключается въ томъ, что они даютъ возможность познакомиться большой публикѣ съ нѣкоторыми интересными заключеніями о причинахъ и характерѣ Коммуны, которыя достаточно извѣстны спеціалистамъ, но далеко не вошли въ сознаніе средняго читателя.

И, прежде всего, романъ братьевъ Маргеритъ разрушаетъ ту легенду, которая черезчуръ долго держалась у традиціонныхъ историковъ новаго времени, а вслѣдъ за ними у большой публики. Эту легенду я бы назвалъ этимологическимъ предразсудкомъ, который на основаніи того, что слово „коммуна“ можетъ имѣть двоякое значеніе, и выраженія „коммунистическій“ и „коммуналистическій“ происходятъ отъ одного корня, видитъ въ движеніи 18-го марта инсуррекцію коммунистовъ, желавшихъ якобы основать на развалинахъ современнаго строя режимъ общей собственности со всѣми ея слѣдствіями и результатами. Въ дѣйствительности же, Коммуна была прежде всего движеніемъ политическаго характера, стремленіемъ къ коммунальной автономіи Парижа; и можно сказать, что „коммуналисты“ 1871 г. въ значительной степени соотвѣтствуютъ „автономистамъ“ и сторонникамъ „правъ Парижа“, выступающимъ въ послѣдующіе годы существованія третьей республики.

Этому преимущественно политическому характеру Коммуны соотвѣтствуетъ составъ тѣхъ слоевъ населенія, которые давали тонъ всему движенію. И это можно сказать какъ относительно самихъ этихъ слоевъ, являвшихся матеріальною силою Коммуны, такъ и относительно ихъ представителей, бывшихъ ея теоретическою силою. Конечно, рабочій классъ составлялъ большинство арміи коммунаровъ, какъ онъ составлялъ большинство населенія Парижа. Но, во первыхъ, то не былъ классическій пролетаріатъ большихъ фабрикъ и заводовъ, а нѣчто среднее между собственно рабочимъ и ремесленникомъ-мастеркомъ, не то рабочій, не то мелкій буржуа. Во вторыхъ, собственно мелкіе буржуа,—маленькіе торговцы, маленькіе служащіе, низшіе чиновники,—входили очень важнымъ элементомъ въ армію коммунаровъ и, будучи наиболѣе развитыми элементами ея, накладывали свой отпечатокъ и на все движеніе, которое и было поэтому преимущественно радикально политическимъ, а не соціалистическимъ и того менѣе коммунистическимъ движеніемъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что даже средняя буржуазія далеко не въ цѣломъ отно-

силась отрицательно къ провозглашенной Коммунѣ,—фактъ очень знаменательный.

Что касается до уже упомянутыхъ представителей Коммуны, то большинство ихъ принадлежало къ категоріи крайнихъ демократовъ изъ буржуазіи лишь съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ соціалистическихъ и при томъ очень неопредѣленныхъ тенденцій. Эти люди стремились въ политическомъ отношеніи подражать якобинцамъ 1793 г.; въ соціальномъ же отношеніи большинство не шло далѣе взгляда стараго заговорщика, извѣстнаго публициста Делеклюза, который опредѣлялъ соціализмъ, какъ „благо народа",—формула, могущая своею расплывчатостью приближаться даже къ консервативнымъ идеаламъ. Было въ Коммунѣ, сверхъ того, дѣйствительно соціалистическое и рабочее меньшинство; но оно не выходило изъ этой роли меньшинства и лишь въ очень малой степени могло окрасить своимъ міросозерцаніемъ мѣры, принимавшіяся Коммуной наскоро и подъ жерлами версальскихъ пушекъ.

Самый бѣглый взглядъ на эти мѣры позволяетъ видѣть, что ихъ лишь теоретически, лишь въ смыслѣ первыхъ шаговъ, которые тутъ же были прерваны кровавой развязкой, можно разсматривать какъ попытки соціалистическаго или даже, точнѣе, соціальнаго характера. Коммуна запретила ночную работу булочниковъ. Коммуна отняла у предпринимателей право облагать рабочихъ штрафами. Коммуна вотировала передачу закрывшихся промышленныхъ заведеній въ руки рабочихъ ассоціацій, предоставляя посредническому „жюри" установить впослѣдствіи вознагражденіе экспропріированнымъ владѣльцамъ. Коммуна закрыла посредническія конторы для пріиска работы и замѣнила ихъ доставленіемъ даровыхъ свѣдѣній обѣимъ сторонамъ,—и фабрикантамъ, и рабочимъ,—въ мэріяхъ, гдѣ находились для этого особые реестры. Коммуна разрѣшила безвозмездную выдачу заложенныхъ вещей изъ парижскаго ломбарда, если ссуда не превышала 20 франковъ. Наконецъ, Коммуна разсрочила платежъ всевозможнаго рода долговыхъ обязательствъ и взносовъ на два года.

Какъ видите, большинство этихъ распоряженій принадлежитъ къ категоріи мѣръ, которыя вынуждались нѣкоторыми особенностями исключительнаго положенія, и частію были позже проведены въ большей или меньшей степени правительствами республики (напр., замѣна конторъ даровыми справочными бюро труда), въ общемъ же не превосходили границы реформъ, возможныхъ въ современномъ обществѣ. Не мѣшаетъ подчеркнуть мѣру о разсрочкѣ долговыхъ обязательствъ, такъ какъ она касалась почти исключительно мелкой и средней буржуазіи, ставшей жертвою всеобщаго застоя въ дѣлахъ, а отнюдь не рабочаго класса, и дѣйствительно почти съ самаго начала франко-прусской кампаніи требовалась именно упомянутыми слоями буржуазіи.

Гораздо дальше Коммуна пошла въ политическомъ отношеніи, Она требовала „абсолютной автономіи коммуны, распространенной на всѣ мѣстности Франціи“, съ правомъ вотировать свой бюджетъ, назначать и смѣнять всѣхъ своихъ судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ должностныхъ лицъ, организовать національную гвардію съ выборомъ начальниковъ самими солдатами и замѣною при помощи этой милиціи постоянныхъ армій, устроить народное образованіе на началахъ всеобщаго, свѣтскаго и даровому обученія, и т. д. Во главѣ этой своей „Декларацiи“ Коммуна ставила, какъ предварительное условіе, „признаніе и укрѣпленіе республики, этой единственной формы правительства, совмѣстимой съ правами народа и правильнымъ и свободнымъ развитіемъ общества“.

И опять таки можно сколько угодно строго разбирать эту программу, указывать на ея непрактичность, на черезчуръ далеко идущее примѣненіе мѣстной автономіи, хотя и тутъ не мѣшаетъ замѣтить, что, по отзывамъ спеціалистовъ, именно Франція черезчуръ страдаетъ централизаціей. и что въ послѣднее время какъ разъ консерваторы желали бы, въ пику современному правительству, пріобрѣсти широкую коммунальную автономію въ вопросахъ образованія. Во всякомъ случаѣ, и политическая программа Коммуны не можетъ сама по себѣ возбуждать того скрежета зубовъ, той ненависти, тѣхъ проклятій, а главное того отношенія къ ней, какъ къ страшному врагу всего современнаго строя, которое обнаружилось въ лагерѣ версальцевъ. Вотъ тутъ и возникаетъ вопросъ: гдѣ же лежитъ источникъ необыкновеннаго взрыва ненависти къ коммуналистическому (а не коммунистическому, — повторимъ еще разъ это) движенію 18-го марта? Братьямъ Маргеритъ принадлежитъ заслуга показать впервые, въ качествѣ романистовъ, большому кругу читателей то, что было извѣстно спеціалистамъ и людямъ, знакомымъ съ исторіею современныхъ политическихъ и соціальныхъ движеній. А именно: Коммуна возбуждала ненависть въ національномъ собраніи,—которое, къ слову сказать, находило черезчуръ либеральнымъ даже Тьера,—именно потому, что поднялась на защиту республики и демократіи противъ реакціонныхъ стремленій „деревенщины“ (ruraux). Бордосскому собранію, переселившемуся въ Версаль, надо было во что бы то ни было сломить силу сопротивленія, заключавшуюся въ вооруженномъ Парижѣ. И послѣдующая исторія показала, что если для этойцѣл и оно переносило Тьера въ теченіе двухъ лѣтъ, то въ 1873 г., когда опасность миновала, и надъ демократическимъ Парижемъ опустилась, повидимому, навсегда крышка свинцоваго гроба, реакція сейчасъ же свалила „великаго маленькаго человѣка“ и стала на путь откровеннаго возвращенія къ старому режиму.

Что касается до самого Тьера, то, не будучи такимъ отчаян-

нымъ сторонникомъ политической реакціи, какимъ было собраніе, онъ былъ неизмѣннымъ врагомъ господства демократіи и полагалъ, что существованіе какого то ни было „порядка“ не мыслимо при выступленіи на широкую политическую арену тѣхъ самыхъ широкихъ „новыхъ слоевъ“, появленіе которыхъ „предчувствовалъ“ и привѣтствовалъ Гамбетта. Республика, но безъ республиканцевъ—таковъ былъ крайній предѣлъ уступокъ Тьера новымъ политическимъ стремленіямъ, но и то при условіи, что необходимымъ человѣкомъ и „первымъ гражданиномъ“ этой странной республики будетъ онъ, вѣчно юный Несторъ крупной орлеанистской буржуазіи. Въ этомъ отношеніи намъ остается только отослать читателей къ рельефному портрету Тьера, нарисованному братьями Маргеритъ.

Не трудно теперь понять, почему реакціонная палата съ такимъ исполнителемъ, какъ „либеральный“ Тьеръ, постаралась подавить Коммуну съ самой неумолимой безпощадностью,—и мало того, что подавить: окружить движеніе 18-го марта такой ужасной легендой, чтобы оно перешло въ исторію въ видѣ безпримѣрно чудовищнаго и безсмысленнаго взрыва милліоннаго стада звѣрей. При этомъ произошло то странное и исполненное глубокой ироніи явленіе, что крупная буржуазія въ ея реакціонныхъ представителяхъ, думая изобразить въ ужасномъ видѣ возстаніе рабочаго класса, на самомъ дѣлѣ заклеймила своей легендой тѣ слои мелкой и отчасти средней буржуазіи, которые играли такую роль въ Коммунѣ и въ гораздо большей степени отразили въ ней свои идеалы и свои политическія стремленія, чѣмъ собственно пролетаріатъ, поставлявшій въ данномъ случаѣ почти лишь одну матеріальную силу. Этотъ выводъ вытекаетъ съ значительною степенью убѣдительности изъ романа братьевъ Маргеритъ, которые, такимъ образомъ, являются удачными разрушителями исторической легенды для широкихъ слоевъ читающей, прежде всего буржуазной, публики. И, напротивъ того, реакціонные писатели правы лишь въ томъ смыслѣ, что Коммуна можетъ разсматриваться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ первая попытка рабочаго класса выдвинуть свои особые историческіе классовые же интересы и тѣмъ самымъ отмѣтить новую эволюцію четвертаго сословія, стремясь самому захватить въ свои руки власть и превратить ее въ орудіе преобразованія общества. Но и здѣсь мы видѣли тѣ ограниченія, съ какими приходится принимать эту точку зрѣнія консервативныхъ писателей, раздѣляемую, впрочемъ, и крайними представителями труда.

Повидимому, значеніе Коммуны въ глазахъ послѣднихъ опредѣляется тѣмъ, что ее можно разсматривать если не какъ реакцію, то все же какъ символъ роста трудового міровоззрѣнія. Ужасная легенда на одной сторонѣ и „великій фетишъ“, выражаясь языкомъ Конта, на другой — таковы полюсы различныхъ взглядовъ

на Коммуну, пониманію которой въ широкихъ слояхъ публики будетъ значительно способствовать историческій романъ братьевъ Маргеритъ. И намъ остается только пожелать побольше распространенія этой книгѣ, заслуживающей—не смотря на нѣкоторые недостатки разбросанности и детальности—полнаго вниманія мыслящихъ читателей.

Э. Вернеръ.

Новый трудъ по воскреснымъ школамъ.

„А земля всетаки вертится“ — вотъ слова, которыя какъ нельзя болѣе подходятъ къ положенію нашего народнаго образованія и въ особенности къ судьбамъ различныхъ отраслей такъ называемаго внѣшкольнаго образованія. Трудно представить себѣ болѣе тяжелыя внѣшнія условія, нежели тѣ, въ которыя поставлена у насъ эта важная отрасль общественной жизни, опутанная тысячью всяческихъ стѣсненій, ограниченій и заподозрѣваній. Трудно представить себѣ, какая огромная масса труда, благодаря этимъ условіямъ, пропадаетъ совершенно безплодно, такъ какъ идетъ не на производительную работу, а на всякаго рода приспособленія для того только, чтобы производительная работа сохранила право на существованіе и могла проявляться хоть въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Жизнь, однако же, беретъ свое: наперекоръ всему, она или опрокидываетъ, или обходитъ воздвигаемыя передъ ней преграды, все болѣе и болѣе обнаруживая, что онѣ отжили свое время и не могутъ быть дальше терпимы. То тамъ, то здѣсь выдвигаетъ она и такихъ работниковъ на нивѣ просвѣщенія, которые берутъ на себя осуществленіе задачъ, при нормальныхъ условіяхъ составляющихъ функцію правильно организованныхъ общественныхъ учрежденій.

Передъ нами одно изъ такихъ явленій, вполнѣ заслуживающее общественнаго вниманія. Мы имѣемъ въ виду недавно вышедшую въ свѣтъ работу Д. Д. Вольфсона, посвященную воскреснымъ школамъ. Въ этомъ трудѣ авторъ не только использовалъ уже существующія работы по исторіи и современному положенію воскресныхъ школъ въ Россіи вообще, но и произвелъ самостоятельное изслѣдованіе воскресныхъ школъ въ Сибири по спеціально составленной имъ для этой цѣли программѣ. *)

---

*) См. Д. Д. Вольфсонъ. „Сибирскія воскресныя школы“. Томскъ 1903. Ц. 1 р. и его же. „Отчетность воскресной школы“. Томскъ, 1903. Авторомъ отпечатанъ также бланкъ программы, по которой онъ намѣренъ продолжать свою работу по изученію сибирскихъ воскресныхъ школъ.

Судьба нашихъ воскресныхъ школъ представляетъ едва ли не самую характерную страницу въ исторіи развитія русскаго образованія. Эти школы никогда не входили въ оффиціальную программу „народнаго просвѣщенія", въ качествѣ такого звена, о которомъ волей неволей приходилось заботиться, и были предоставлены частной иниціативѣ. Благодаря этому, на нихъ съ наибольшей яркостью могли проявить свою сущность, съ одной стороны, внѣшнія условія, создававшіяся для русской просвѣтительной работы, съ другой—начала, которыя клались самимъ русскимъ обществомъ во главу угла этой работы.

Воскресныя школы были у насъ первыми общественными учебными заведеніями, появившимися на самой зарѣ свободной отъ рабства народной жизни, наканунѣ паденія крѣпостного строя. Въ 1858 году право разрѣшать открытіе частныхъ школъ было предоставлено попечителямъ учебныхъ округовъ, и въ слѣдующемъ же году возникли первыя воскресныя школы въ Петербургѣ и Кіевѣ. Въ основу ихъ сразу были положены тѣ самыя начала, которыя и до сихъ поръ являются типичными для нашихъ воскресныхъ школъ. „Даровое обученіе, безвозмездный трудъ учащихъ, серьезное, сознательное отношеніе къ дѣлу преподаванія, идейная работа, чисто товарищескія отношенія между учащими и учащимися — составляли особенную черту нашихъ воскресныхъ школъ и рѣзко отличали ихъ отъ ежедневныхъ министерскихъ школъ". На безотрадномъ фонѣ этихъ послѣднихъ въ дореформенное время новыя школы представлялись особенно яркими, свѣтлыми точками, быстро завоевавшими себѣ симпатіи населенія и привлекавшими къ себѣ множество безкорыстныхъ общественныхъ работниковъ. Ихъ авангардомъ было русское студенчество, иниціативѣ котораго обязаны своимъ возникновеніемъ кіевскія воскресныя школы. На первыхъ порахъ обаяніе свободной просвѣтительной общественной дѣятельности было такъ велико, что организаторами воскресныхъ школъ нерѣдко являлись даже лица изъ высшей администраціи. Иногда, однако, даже исходя изъ совершенно чистыхъ побужденій, они невольно вносили въ общее движеніе чуждыя ему начала. Такъ, одинъ губернаторъ, сообщая министерству народнаго просвѣщенія объ открытіи мѣстной воскресной школы, писалъ, что онъ распорядился, „чтобы всѣ цеховые мастера непремѣнно каждое воскресенье, въ назначенный часъ, посылали въ школу всѣхъ своихъ учениковъ, чисто и прилично одѣтыхъ".

Въ отвѣтъ на это сообщеніе министерство разъяснило, что „какъ бы ни было желательно увеличить число учащихся новоучрежденной школы, но прибѣгать въ этомъ случаѣ къ принудительнымъ мѣрамъ было бы безполезно и даже вредно, ибо принужденіе это можетъ произвести лишь нерасположеніе и недовѣріе къ школамъ, а мастера всегда найдутъ средства не исполнять

требованіе начальства подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ". Въ самый разгаръ общественнаго движенія въ пользу открытія воскресныхъ школъ, въ 1860 году, послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, изданный по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, который давалъ этому движенію правительственную санкцію: „Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ, можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками", министръ предлагалъ губернаторамъ „обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городѣ", то прдположенія свои по сему предмету они должны „сообщить въ министерство для дальнѣйшихъ соображеній". По странной ироніи судьбы, непосредственно вслѣдъ за этимъ циркуляромъ послѣдовало новое распоряженіе о воскресныхъ школахъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія: было установлено раздѣленіе воскресныхъ школъ на мужскія и женскія, объемъ ихъ курса приравненъ къ курсу приходскихъ училищъ, книги допущены въ нихъ лишь одобренныя для этихъ послѣднихъ. Мѣра эта, однако, не могла сразу замѣтно отразиться на общемъ движеніи въ пользу открытія воскресныхъ школъ. Общее количество воскресныхъ школъ въ 1860 году достигало, вѣроятно, до 200, въ одномъ Петербургѣ ихъ было 23, въ Москвѣ 12, въ казанскомъ учебномъ округѣ открылось до 40 школъ, и сама учебная администрація дала о нихъ слѣдующій отзывъ въ годичномъ отчетѣ: „эти заведенія, не имѣя въ основаніи своемъ ничего общаго съ прочими учебными заведеніями, при всемъ разнообразіи состава ихъ, возбуждали полное сочувствіе общества, и не было недостатка ни въ преподавателяхъ, ни въ учащихся, ни даже въ матеріальныхъ средствахъ для содержанія школъ". Въ 1860 году появляются первыя извѣстія объ открытіи воскресныхъ школъ и въ селахъ.

Слѣдующій годъ съ самаго начала принесъ съ собой новыя мѣры противъ воскресныхъ школъ, сразу затормозившія ихъ развитіе. Указомъ 8 января этого года постановлено было: предложить губернаторамъ „о содѣйствіи съ ихъ стороны учебному вѣдомству въ наблюденіи за воскресными школами"; подтвердить попечителямъ „о неослабномъ наблюденіи за воскресными школами" и предписать епархіальнымъ начальствамъ, чтобы они „сдѣлали распоряженіе о назначеніи въ каждую воскресную школу священника, который, сверхъ обязанности преподаванія Закона Божьяго, наблюдалъ бы, вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, чтобы въ школѣ не допускалось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности". Вслѣдъ за тѣмъ, „по случаю допущеннаго въ нѣкоторыхъ воскресныхъ

школахъ преподаванія предметовъ, выходящихъ изъ программы обученія въ этихъ школахъ", вновь предписывается усилить „наблюденіе" за воскресными школами.

Что же именно въ дѣятельности воскресныхъ школъ начала шестидесятыхъ годовъ возбудило къ себѣ такое недовѣріе? Для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся къ имѣющимся свѣдѣніямъ о томъ, какъ были организованы эти школы, и какъ относилась къ нимъ окружающая среда.

Общее количество учащихся въ воскресныхъ школахъ шестидесятыхъ годовъ опредѣляется около 30 тыс.; при чемъ на долю женскихъ школъ приходится около 10 тыс. По многолюдности прежнія школы значительно уступали современнымъ и по нѣсколько сотъ учащихся имѣли всего 3—4 школы. Такъ же, какъ и теперь, воскресныя школы были доступны всѣмъ, желавшимъ учиться, безъ различія религіи, сословія, національности и возраста. Среди преподавательскаго персонала школъ были лица всѣхъ ранговъ и профессій, всѣмъ былъ открытъ свободный доступъ для работы въ школѣ: учащими въ нихъ были ученики уѣздныхъ училищъ, гимназисты высшихъ классовъ, студенты высшихъ учебныхъ заведеній, учителя низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, офицеры, священники, чиновники, частныя лица обоего пола и т. д. Источниками для содержанія школъ были обыкновенно частныя пожертвованія, сборы со спектаклей, концертовъ и лекцій, устраиваемыхъ въ пользу школъ; нѣкоторыя школы содержались на средства одного какого-нибудь лица или на средства общества. Въ помѣщеніяхъ школы никогда не нуждались: имъ охотно отводили зданія не только приходскихъ, уѣздныхъ училищъ, но и гимназій, университетовъ и даже частныя лица нерѣдко отдавали имъ безвозмездно свои дома. Какъ и слѣдовало ожидать, воскресныя школы на первыхъ порахъ должны были встрѣтиться съ крайнимъ недовѣріемъ со стороны населенія. Такъ, въ отчетѣ херсонской школы говорится, что ученики приходили неохотно, такъ какъ опасались, „что если ихъ начнутъ учить, то станутъ и бить". Въ отчетѣ воскресной школы при пѣвчевскомъ хорѣ епископа волынскаго объясняется, что „нѣкоторые изъ числа обучавшихся въ воскресной школѣ не внесены въ списокъ, по причинѣ нежеланія ихъ. Между простонародіемъ носятся слухи, будто воскресныя школы открываются правительствомъ съ цѣлью современемъ имѣть въ войскѣ грамотныхъ солдатъ". Время и школы, однако, дѣлали свое дѣло; первоначальное недовѣріе къ школѣ скоро уступило свое мѣсто искренней симпатіи и привязанности къ ней. Благодаря полному отсутствію формализма и обязательности и теплому отношенію къ учащимся, успѣхи воскресныхъ школъ въ преподаваніи далеко оставляли за собой плачевные результаты обычной учебы въ казенныхъ училищахъ. Въ отчетѣ каменецъ-по-

дольской школы читаемъ, что по словамъ самихъ учащихся „въ приходское училище ихъ посылаютъ родители, а въ школу они ходятъ сами, потому что въ школѣ учителя добрые, ласкаютъ ихъ и хорошо имъ объясняютъ“.

Въ отчетахъ школъ ясно формулированы тѣ основныя задачи, которыя ими преслѣдовались и которыя сами собой опредѣляли всю школьную жизнь. Такъ, завѣдующій чистопольской воскресной школой поставилъ своей цѣлью „развить умственныя способности учащихся и сообщить имъ понятія, могущія принести пользу въ общественной жизни, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи“.

Объемъ учебной программы школъ въ однѣхъ ограничивался курсомъ приходскихъ училищъ, въ другихъ, согласно запросу самихъ учащихся, былъ значительно шире, но послѣ ограничительнаго циркуляра министерства школы должны были прекратить начавшееся было преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ. Для совмѣстнаго обсужденія школьныхъ вопросовъ преподаватели каждой школы естественно организовывались въ школьные совѣты, на которыхъ всѣ вопросы рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ и которые были основаны на чисто товарищескихъ, равноправныхъ отношеніяхъ всѣхъ участниковъ. Эти совѣты выбирали одного или нѣсколькихъ распорядителей; они же сами избирали себѣ предсѣдателей. Понимая, что никакая живая работа не нуждается въ тайнѣ, воскресныя школы стремились ввести въ свою дѣятельность широкую гласность и публичность. Нѣкоторыя школы представляли собой правильно организованное общество съ особымъ уставомъ; были общества, объединявшія дѣятельность нѣсколькихъ школъ.

Внѣшнее отношеніе къ воскреснымъ школамъ авторъ резюмируетъ слѣдующими строками: „Часть общества, въ лицѣ лучшихъ его представителей, горячо пропагандировала идею воскресныхъ школъ, видя въ нихъ лучшій разсадникъ просвѣщенія, другая часть—тѣ, которые только что лишились крѣпостныхъ, а съ ними потеряли даровыя рабочія силы—относилась къ нимъ враждебно. Оффиціальныя лица, представители власти, министерства то поощряли открытіе школъ, то разными стѣснительными мѣрами парализовали ихъ работу и этимъ усиливали недовольство воскресными школами въ тѣхъ, которые и такъ были къ нимъ недоброжелательны“.

Для характеристики отношенія къ школамъ темной части общества можетъ служить хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ отчета вятской воскресной школы: „Не мало нареканій навлекаетъ на себя воскресная школа ласковымъ, вѣжливымъ обращеніемъ наставниковъ къ ученикамъ, отсутствіемъ всякаго принужденія и наказаній. Не далѣе какъ вчера случилось намъ говорить объ этомъ съ однимъ добрымъ, почтеннымъ, нравственнымъ знатокомъ

своего дѣла, мастеромъ... „Нѣтъ,—сказалъ онъ,—что ни говорите, а такое ученіе испортитъ на вѣкъ человѣка. Въ этой школѣ всякому, даже какому ни на есть оборванцу, учитель, лицо образованное, благородное, а можетъ быть, и высокоблагородное говоритъ:—скажите *вы* мнѣ то и это, а за шалость какую-нибудь много-много, коли изъ терпѣнія выйдетъ, молвитъ: стыдно вамъ, да еще самъ сконфузится, сказавши это. Послѣ такого-то обращенія, какую же онъ можетъ прилежность къ наукѣ имѣть или, напримѣръ, почтеніе къ хозяину, когда тотъ не то что палку обломаетъ объ его голову или ремнемъ вздуетъ, а еще такъ, на скоро, по отечески, за чупрынъ да по зубамъ наваляетъ"...

Что касается отношенія къ дѣлу оффиціальныхъ круговъ, то еще въ 1861 году „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" находилъ, что „быстрое въ минувшемъ году открытіе воскресныхъ школъ во всѣхъ концахъ Россіи представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій, въ которомъ ярко и отчетливо выразилось у насъ стремленіе къ образованію". Рядомъ съ этимъ продолжали приниматься репрессивныя мѣры, результатомъ которыхъ было то, что энергія частныхъ лицъ стала ослабѣвать, а въ 1862 году по частному почину не было открыто уже ни одной новой воскресной школы; въ этомъ году было учреждено только нѣсколько воскресныхъ школъ въ войсковыхъ частяхъ, по особому распоряженію правительства.

Въ половинѣ 1862 года былъ сдѣланъ доносъ на двѣ петербургскія воскресныя школы и, хотя справедливость доноса никѣмъ не могла быть доказана, тѣмъ не менѣе было признано, что „надзоръ, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточнымъ"; посему было предложено „немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ", а „впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни".

Такимъ образомъ, сразу были уничтожены плоды безкорыстной культурной работы множества лицъ. Ко времени закрытія, всѣхъ воскресныхъ школъ насчитывалось 331 (изъ нихъ 269 мужскихъ, 56 женскихъ и 6 смѣшанныхъ); расположены онѣ были въ 178 городахъ 53 губерній. Вскорѣ послѣ закрытія было разъяснено, что это распоряженіе не распространяется на Прибалтійскій край, затѣмъ съ высочайшаго разрѣшенія была вновь открыта воскресная школа въ г. Нарвѣ, а, вмѣсто изданія предположенныхъ сначала новыхъ правилъ для воскресныхъ школъ, въ концѣ 1864 года предписано было соединить ихъ составленіе съ производившейся тогда разработкой общаго новаго закона о народныхъ училищахъ. Дѣйствительно, по изданному въ 1864 году положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, къ числу этихъ училищъ, на одинаковыхъ съ прочими основаніяхъ, были отне-

сены и воскресныя школы. Такое же положеніе сохранили воскресныя школы и по дѣйствующему положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, изданному въ 1874 году. Такимъ образомъ, подъ однѣ и тѣ же нормы были подведены двѣ категоріи учебныхъ заведеній, по существу совершенно другъ отъ друга различныя: одна, назначенная для обученія дѣтей, другая, назначенная для обученія взрослыхъ. Разница эта еще больше усугублялась тѣмъ, что послѣднія могли разчитывать въ то время почти исключительно на необязательный, безвозмездный трудъ учительскаго персонала. Фактически развитіе воскресныхъ школъ пріостановилось на очень длинный промежутокъ времени. Правда, были единичные случаи открытія воскресныхъ школъ, но эти школы скоро снова закрылись, и ни одна изъ нихъ не дожила до 1870 г. Въ этомъ году были открыты двѣ женскія воскресныя школы въ Харьковѣ (Х. Д. Алчевской) и въ Петербургѣ (І. С. Старынкевичъ), которыя существуютъ и по настоящее время; за цѣлыхъ 12 лѣтъ послѣ этого не существовало другихъ воскресныхъ школъ, открываемыхъ по частной иниціативѣ; немногія же школы, учреждавшіяся городами, земствомъ, учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами, обыкновенно существовали очень недолго и по своей постановкѣ были очень далеки отъ частныхъ воскресныхъ школъ.

Нѣкоторое оживленіе въ дѣлѣ учрежденія воскресныхъ школъ наступило только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но развитіе ихъ все же шло до того медленно, что къ концу десятилѣтія всѣхъ частныхъ воскресныхъ школъ насчитывалось едва два десятка. Съ изданіемъ въ 1884 году правилъ о церковно-приходскихъ школахъ получила начало новая тенденція сосредоточить завѣдываніе воскресными школами въ рукахъ духовенства; въ 1891 году она получила свое полное выраженіе въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія, изданномъ по иниціативѣ оберъ-прокурора св. синода. Не смотря на то, что положеніе 1874 года, нормировавшее также, какъ мы видѣли, и воскресныя школы, сохраняло по прежнему свою силу, административнымъ циркуляромъ было установлено подчиненіе духовному вѣдомству всѣхъ воскресныхъ школъ для православнаго населенія, учреждаемыхъ въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній. Это ограниченіе, не отмѣненное и до сихъ поръ, вызвало резолюцію втораго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію (1895—1896 г.), въ которой говорится, что „полученіе разрѣшенія на открытіе воскресной школы въ настоящее время безъ всякой нужды и вопреки закону обставлено такими затрудненіями, преодолѣть которыя не у всякаго хватитъ энергіи. Въ результатѣ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ воскресныя школы остались не открытыми, не смотря на то, что для учрежденія такихъ школъ имѣлись средства и люди, которые безкорыстно готовы были поработать въ этомъ святомъ дѣлѣ“. Тотъ же съѣздъ

принялъ рядъ постановленій, клонящихся къ обезпеченію для воскресныхъ школъ болѣе нормальныхъ условій существованія и дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти пожеланія остаются неосуществленными и до сихъ поръ; и до сихъ поръ сохраняютъ свое полное значеніе слѣдующія строки оффиціальнаго отчета завѣдывавшаго XIX отдѣломъ всероссійской выставки въ Нижнемъ Новгородѣ: „Нерѣдко случается, что открытіе и веденіе воскресной школы требуетъ большого, иногда совершенно исключительнаго запаса энергіи. Мы знаемъ случаи, когда хлопоты объ открытіи воскресной школы велись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и иногда такъ и оставались безуспѣшными,—случаи, когда школѣ ставились разнаго рода стѣсненія, не допускающія ея развитія; такъ, напр., въ одномъ случаѣ число учащихся ограничивается 25, въ другомъ—дозволяется принимать лишь малолѣтнихъ; иногда ограничивается количество преподающихъ: то воспрещается участвовать въ воскресной школѣ преподающимъ въ ежедневныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то разрѣшается исключительно этимъ лицамъ; не допускаются къ преподаванію лица, не имѣющія свидѣтельства на званіе народнаго учителя, хотя бы они и обладали высшимъ образованіемъ; не утверждаются лица, лично неизвѣстныя инспекціи народныхъ училищъ, хотя бы губернская администрація и дала о нихъ самый благопріятный отзывъ; не дается помѣщенія ни въ одномъ изъ ежедневныхъ учебныхъ заведеній; требуется, чтобы во главѣ воскресной школы непремѣнно стоялъ кто нибудь изъ преподающихъ того ежедневнаго училища, при которомъ она открыта, между тѣмъ какъ организаторами являются частныя лица; ходатайства объ открытіи воскресныхъ школъ отклоняются и направляются изъ одного вѣдомства въ другое“... Неудивительно, что, благодаря этимъ условіямъ, къ 1 января 1903 года на всемъ громадномъ пространствѣ нашей родины насчитывались едва 352 воскресныя школы, въ томъ числѣ 170 женскихъ, 132 мужскихъ и 50 смѣшанныхъ. Расположены онѣ въ 197 городахъ 69 губерній и областей, такъ что громадное большинство нашихъ городовъ до сихъ поръ еще не имѣетъ ни одной воскресной школы; не имѣетъ ихъ и около четвертой части всѣхъ губерній. При крайне слабомъ у насъ развитіи начальнаго народнаго образованія, при огромномъ процентѣ неграмотныхъ среди взрослаго населенія, цифры эти особенно поражаютъ, если сопоставить ихъ съ положеніемъ воскресныхъ школъ въ цивилизованныхъ странахъ Запада. По даннымъ копенгагенскаго съѣзда дѣятелей воскресныхъ школъ, къ 1900 году на всемъ земномъ шарѣ насчитывалось около милліона воскресныхъ школъ съ двумя милліонами учащихъ и двадцатью милліонами учащихся. Америка имѣетъ около 100 тыс. воскресныхъ школъ, Англія болѣе 14 т., Италія около 6 т., Швеція около 6 т., Шотландія около 5 т., Германія 3½ т., Данія около 400 и Норвегія болѣе 200.

Таковы общія судьбы воскресныхъ школъ на нашей родинѣ. Перейдемъ теперь къ главной части труда г. Вольфсона, посвященной спеціально сибирскимъ воскреснымъ школамъ.

Первыя воскресныя школы въ Сибири, о которыхъ сохранились данныя, относятся къ 1733 году и обязаны своимъ возникновеніемъ епископу иркутскому и нерчинскому Иннокентію. Особымъ указомъ онъ предписывалъ „каждому священнику въ своей опредѣленной парохіи въ воскресные дни и въ господскіе праздники, по литургіи, своихъ прихожанъ со вниманіемъ, не скоро, дабы всякъ уразумѣлъ, поучать и заповѣди Божія прочитывать". Въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка нерчинскіе старики и старухи еще помнили, что въ былыя времена въ мѣстныхъ церквахъ былъ слѣдующій порядокъ: „Большая часть прихожанъ мужскаго и женскаго пола, бывшихъ у литургіи въ воскресные и праздничные дни, обыкновенно садились въ трапезѣ на длинныя лавки и начинали пѣть „Царю небесный" и проч. Между тѣмъ, какъ мальчики подъ руководствомъ причетниковъ читали азбуки и часословы, возрастные мужчины и женщины учились съ диктаціи священнослужителей разнымъ молитвамъ и заповѣдямъ Божіимъ". Такимъ образомъ, иркутское и нерчинское духовенство явилось проводникомъ просвѣщенія въ своихъ епархіяхъ при посредствѣ воскресныхъ школъ; остальная Сибирь того времени не имѣла и этихъ школъ, и ея монастыри „были скорѣе богадѣльнями, чѣмъ разсадниками христіанства и просвѣщенія". Однако и въ иркутскомъ краѣ воскресныя школы при монастыряхъ просуществовали недолго и въ 1789 году были повсемѣстно закрыты, какъ не „соотвѣтствующія высокому назначенію храмовъ". О дальнѣйшей дѣятельности духовенства въ этомъ же направленіи автору не удалось собрать никакихъ данныхъ.

Школьное дѣло подвигалось въ Сибири вообще до крайности туго, „такъ какъ не въ видахъ сибирскихъ сатраповъ было, конечно, просвѣщать народъ". Къ 1860 году во всей Сибири было лишь 133 начальныхъ школы всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ. Настоящими иниціаторами воскресныхъ школъ, въ современномъ смыслѣ слова, явились въ Сибири ея невольные интеллигентные обитатели: „декабристы, потомъ петрашевцы, а съ ними и польскіе повстанцы, люди ума, таланта, великодушные и гуманные, имѣли вліяніе на поднятіе умственнаго уровня края. Они давали частные уроки, устраивали подвижныя школы, учили народъ читать и писать. Но такъ какъ взрослое населеніе по буднямъ занято обычной работой, то... занятія съ нимъ велись въ воскресные и праздничные дни, и, такимъ образомъ, эти занятія и положили начало воскреснымъ школамъ". Первыя частныя воскресныя школы въ Сибири, о которыхъ имѣются оффиціаль-

ныя свѣдѣнія, возникли въ 1860 году (въ Троицкосавскѣ, Омскѣ, Иркутскѣ, Тобольскѣ), въ этомъ же году появляются въ Иркутской губерніи и сельскія воскресныя школы. Ко времени повсемѣстнаго закрытія воскресныхъ школъ (1862 г.) въ Сибири было 15 воскресныхъ школъ въ 12-ти городахъ. „Школы эти, открытыя независимо отъ такихъ же школъ Европейской Россіи, по своей организаціи ничѣмъ отъ нихъ не отличались. Безвозмездное преподаваніе, безплатный трудъ учащихъ, дружескія отношенія учащихъ съ учащимися, взаимное довѣріе, система преподаванія, основанная на развитіи воспитанниковъ, частныя средства—все это было достояніемъ первыхъ сибирскихъ воскресныхъ школъ". Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, „частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія проявилъ себя въ Сибири въ тѣ времена, когда страна эта еще была очень невѣжественна, когда цивилизація еще не коснулись ея, когда на огромную территорію въ 12 милл. квадр. верстъ приходилось всего157 начальныхъ школъ"...

Со времени повсемѣстнаго закрытія воскресныхъ школъ, въ теченіе 19 лѣтъ, въ Сибири не было открыто ни одной воскресной школы. Идея ихъ впервые возродилась въ 1880 году въ Томскѣ, когда во всей Россіи были только двѣ воскресныя школы — въ Харьковѣ и Петербургѣ. Обѣ эти школы не имѣли, однако, никакого вліянія на организацію томскихъ воскресныхъ школъ, явившихся отголоскомъ такихъ же школъ въ Сибири шестидесятыхъ годовъ. Затѣмъ въ продолженіе трехъ лѣтъ въ Сибири не открылось ни одной новой воскресной школы, въ послѣдующіе годы открытіе ихъ шло также очень туго—по одной-двѣ школы въ годъ, и болѣе значительный ростъ школъ наблюдается только съ начала нынѣшняго столѣтія. За все время до 1903 года автору удалось собрать свѣдѣнія о 42 воскресныхъ школахъ, изъ которыхъ 7 школъ были или закрыты, или преобразованы, такъ что къ 1 января 1903 года на всю Сибирь приходилось 35 воскресныхъ школъ, открытыхъ въ 22 городахъ; изъ нихъ 15 было женскихъ, 11 мужскихъ и 9 смѣшанныхъ. Большая половина этихъ школъ находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, меньшая—въ вѣдѣніи духовенства. Громадное большинство школъ обязано своимъ возникновеніемъ частной иниціативѣ; 35% всѣхъ школъ содержатся исключительно частными лицами, 41%—находятся при просвѣтительныхъ обществахъ, 14% основаны городскими самоуправленіями и 10% находятся при обществахъ вспомоществованія учащимся. О внѣ-городскихъ воскресныхъ школахъ имѣются лишь самыя скудныя свѣдѣнія, и авторъ почти ихъ не касается. По линіи Сибирской желѣзной дороги воскресныя школы начали возникать съ 1898 года. Всѣ дальнѣйшія данныя касаются исключительно частныхъ городскихъ воскресныхъ школъ.

Развитіе сибирскихъ школъ происходило далеко не гладко и

не мало всякаго рода внѣшнихъ препятствій пришлось имъ преодолѣть на своемъ пути. Какого характера были эти препятствія, видно хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ. Минусинская мужская школа вскорѣ послѣ своего возникновенія должна была прекратить свое недолгое существованіе... за отсутствіемъ лицъ, готовыхъ отдать свой воскресный досугъ школѣ, и лица, которое взялось бы вести это дѣло. Инспекторъ народныхъ училищъ отклонилъ отъ себя эти обязанности, а учителя не рѣшались принять ихъ на себя, опасаясь непріятностей. Въ томъ же Минусинскѣ выяснилась настоятельная нужда въ открытіи въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій третьей воскресной школы; было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство, а въ ожиданіи разрѣшенія иниціаторы дѣла приступили уже къ организаціи школы и начали занятія; однако, вслѣдствіе резолюціи епархіальнаго начальства, они должны были прекратиться; согласіе на открытіе школы не признано возможнымъ „безъ участія священника, какъ наблюдателя за преподаваніемъ и преподавателя закона Божія, при учительницѣ іудейскаго вѣроисповѣданія". Въ настоящее время въ Минусинскѣ только одна воскресная школа. Въ Красноярскѣ въ первый же годъ открытія воскресной школы она была закрыта въ самый разгаръ занятій, вслѣдствіе „какого то невыясненнаго недоразумѣнія"; къ счастью, черезъ двѣ недѣли недоразумѣніе, очевидно, разъяснилось, и школу снова было разрѣшено открыть. Въ Енисейскѣ понадобилось болѣе трехъ лѣтъ, чтобы осуществить назрѣвшую потребность въ воскресной школѣ; препятствіемъ явились здѣсь обстоятельства матеріальнаго свойства—недостатокъ средствъ. Омскую воскресную школу по требованію духовнаго вѣдомства пришлось раздѣлить на мужскую и женскую, что „самымъ невыгоднымъ образомъ отразилось на ходѣ учебнаго дѣла, такъ какъ и безъ того небольшой добровольческій учительскій персоналъ, едва хватавшій на одну школу, пришлось раздѣлить на двѣ, вслѣдствіе чего обѣ школы въ теченіе всего года страдали отъ недостатка учащихъ". Кромѣ того, школѣ было отказано въ прежнемъ помѣщеніи и отведено новое, очень неудобное. Курганская школа просуществовала два года и была закрыта за неимѣніемъ учащихъ. Барнаульское общество попеченія о начальномъ образованіи рѣшило открыть въ городѣ воскресныя школы еще въ 1884 году, но „явившіяся тогда внѣшнія препятствія казались не преодолимыми". Въ 1892 году внутренняя организація дѣла была налажена и въ дирекцію народныхъ училищъ было направлено ходатайство объ открытіи воскресной школы. Въ отвѣтъ было получено сообщеніе, что „по высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 10 іюня 1862 года, всѣ существовавшія воскресныя школы закрыты впредь до преобразованія ихъ на новыхъ основаніяхъ, каковаго преобразованія до сего времени не послѣдовало", а потому ходатайство объ открытіи въ г. Бар-

наулѣ воскресныхъ школъ не признано возможнымъ удовлетворить. Въ 1896 году, т. е. черезъ четыре года, общество снова рѣшило поднять вопросъ и на этотъ разъ направило ходатайство уже къ епархіальному начальству; отвѣтъ на это ходатайство послѣдовалъ черезъ годъ, и только тогда, наконецъ, въ Барнаулѣ возникли воскресныя школы. Въ Ишимѣ ходатайство объ открытіи воскресной школы также было направлено къ епархіальному начальству; отвѣтъ тщетно ожидался цѣлыхъ два года и ходатайство было удовлетворено только послѣ командировки въ Омскъ спеціальнаго лица. Въ Семипалатинскѣ мѣстное общество попеченія о начальномъ образованіи задумало открыть воскресную школу около десяти лѣтъ тому назадъ, но мысль эту пришлось отложить до болѣе удобнаго времени вслѣдствіе недостатка лицъ, пожелавшихъ заниматься въ школѣ, и школа возникла только въ 1902 году.

Для выясненія дѣйствительныхъ причинъ того недостатка учащихъ, который, какъ мы видѣли, такъ печально вліялъ на судьбу нѣкоторыхъ воскресныхъ школъ въ Сибири, очень характерна грустная исторія съ воскресной школой во Владивостокѣ—единственной во всей Приморской области. Изъ состава преподающихъ здѣсь должны были выйти всѣ учительницы женской гимназіи, такъ какъ начальница ея запретила имъ участвовать въ воскресной школѣ; по мнѣнію начальницы, учительницамъ вовсе не подобаетъ учить „мужиковъ", портовыхъ рабочихъ, народъ испорченный; они могутъ задать такіе вопросы, на которые учительницы не найдутся, что и отвѣтить. Директоръ мужской гимназіи, съ своей стороны, нашелъ, что преподавателямъ гимназіи по воскресеньямъ слѣдуетъ заниматься не въ воскресной школѣ, а съ неуспѣвающими гимназистами. Особенно характерно то, что именно этому директору генералъ-губернаторомъ было поручено руководство воскресной школой; директоръ вскорѣ же отказался отъ этого руководства на томъ основаніи, что „встрѣтилъ своимъ благимъ мѣрамъ препятствія". Упомянемъ еще, что попытки открыть воскресную школу въ Каинскѣ не увѣнчались успѣхомъ на томъ основаніи, что подобныя просвѣтительныя учрежденія не предусмотрѣны уставомъ мѣстнаго школьнаго общества, а въ Тарѣ на открытіе воскресной школы не было дано разрѣшеніе „на томъ основаніи, будто бы воскресныя школы не предусмотрѣны нашими законами". По свидѣтельству автора, развитію воскресныхъ школъ въ Сибири сильно препятствуетъ отсутствіе земства и то обстоятельство, что въ учебномъ отношеніи въ ней до сихъ поръ дѣйствуетъ устарѣлый уставъ 1828 года.

Помѣщаются сибирскія воскресныя школы обыкновенно въ зданіяхъ приходскихъ училищъ, и одна только минусинская нашла себѣ пріютъ въ стѣнахъ средняго учебнаго заведенія. Помѣщенія предоставляются школамъ съ большимъ трудомъ, но от-

нимаются за то очень легко. Въ настоящее время еще ни одна школа не имѣетъ собственнаго помѣщенія, и только томскія школы ко времени своего двадцатипяти-лѣтняго юбилея въ 1905 году будутъ имѣть свое собственное прекрасное трехъэтажное зданіе съ 19 классными комнатами, музеемъ и обширнымъ рекреаціоннымъ заломъ для актовъ, чтеній и спектаклей. Воздвигается это зданіе на 37 т. р., ассигнованныхъ городомъ, и $1^1/_2$ т. р., выдѣленные на это самими воскресными школами изъ своего скуднаго бюджета.

Содержатся воскресныя школы на средства городовъ, просвѣтительныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Въ первые годы по возникновеніи школъ больше всего давали на ихъ содержаніе города, такъ что ассигнованія городовъ доходили до 60 и болѣе процентовъ общаго школьнаго расхода; денежное участіе частныхъ лицъ было незначительно, а просвѣтительныя общества доставляли не болѣе 12% бюджета. Съ развитіемъ воскресныхъ школъ главными вкладчиками на ихъ нужды становятся уже частныя лица, при чемъ возрастаетъ также и матеріальная поддержка просвѣтительныхъ обществъ. По даннымъ за 1901—1902 учебный годъ, частными лицами было покрыто 52,5% всѣхъ школьныхъ расходовъ, городами 32,6% и обществами 14,9%. Всѣми воскресными школами Сибири было въ этомъ году израсходовано 5,686 р., что составляетъ 1 р. 50 к. на одного учащагося; большій расходъ падаетъ на мужскія воскресныя школы (2 р. 10 к.), меньшій на женскія (1 р. 22 к.). Расходы воскресныхъ школъ сводятся къ расходамъ на библіотеки, учебныя пособія, на наемъ сторожей и пр. За отчетный годъ школы ухитрились съэкономить изъ своихъ поступленій 213 р., которые составили запасный капиталъ для слѣдующаго учебнаго года.

Главная статья расхода въ обыкновенныхъ школахъ—содержаніе учащихъ—въ воскресныхъ школахъ совершенно отсутствуетъ, такъ какъ всѣ преподающіе работаютъ безплатно. Исключеніемъ является лишь тюменская воскресная школа, въ которой законоучителю платится по 50 коп. за урокъ. Составъ преподавателей воскресныхъ школъ очень разнообразенъ: учительницы и учителя начальныхъ школъ, служащіе различныхъ учрежденій, иногда лица свободныя отъ какихъ бы то ни было служебныхъ обязанностей, рѣдко учащіе среднихъ учебныхъ заведеній. Учащіеся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній къ занятіямъ въ воскресныхъ школахъ вовсе не допускаются, а между тѣмъ среди нихъ, навѣрное, нашлось бы не мало желающихъ. Одно время, правда, въ томскихъ школахъ занимались ученицы восьмаго класса гимназіи, для которыхъ, какъ будущихъ учительницъ, занятія въ воскресной школѣ были полезной практикой, но вскорѣ же преподаваніе имъ было запрещено. Въ настоящее время только въ благовѣщенскихъ воскресныхъ шко-

лахъ въ число учащихъ допущены ученики старшихъ классовъ семинаріи. За двадцати-двухлѣтній періодъ существованія сибирскихъ воскресныхъ школъ, въ нихъ, по очень неполнымъ даннымъ, перебывало 2,959 учащихъ; среди нихъ почти три четверти (72,4%) было женщинъ, образовательный цензъ большинства (55,2%) средній. За послѣдній отчетный годъ въ школахъ было 448 учащихъ, изъ которыхъ около $^2/_5$ составляли женщины. Громадное большинство учащихъ имѣли среднее образованіе (82,%), лицъ съ высшимъ образованіемъ было 6,4%, а съ начальнымъ 11,1%. Особенныя условія существованія воскресныхъ школъ влекутъ за собой очень быструю смѣну учащихъ; среди нихъ насчитывается преподающихъ первый годъ больше половины (51,3%) и преподающихъ 2—4 года—38,1%; преподающіе 5 и болѣе лѣтъ составляютъ едва десятую часть всѣхъ учащихъ (10,6%).

Отдавая школѣ свой трудъ и время совершенно безкорыстно, учительскій персоналъ ищетъ только внутренняго удовлетворенія, и это одно уже обусловливаетъ собой тотъ внутренній строй всей школьной жизни, который такъ типиченъ для воскресныхъ школъ и сущность котораго характеризуется, напр., слѣдующими строками одного изъ отчетовъ по благовѣщенскимъ воскреснымъ школамъ: учителя хорошо поняли, что „успѣхъ воскресной школы исключительно обусловливается духовной близостью и взаимнымъ пониманіемъ учащихъ и учащихся, когда устанавливаются между ними простыя, дружескія, искреннія отношенія и совершенно забывается различіе ихъ общественнаго положенія. Создается, такимъ образомъ, новая, свѣжая атмосфера, въ которой и дышется хорошо, свободно, и работается радостно, вольготно. Въ этомъ отрадная и свѣтлая сторона воскресной школы, чуждой формализма и казенщины". Понятно, что и отношенія между самими учащими носятъ совершенно товарищескій характеръ,—среди нихъ нѣтъ ни начальниковъ, ни подчиненныхъ. Вездѣ, гдѣ только не являются помѣхой внѣшнія причины, вся внутренняя организація построена на началахъ полной равноправности и выборности.

Воскресныя школы представляются обыкновенно учрежденіями съ многочисленнымъ преподавательскимъ персоналомъ, и потому самъ собой явился на сцену вопросъ о необходимости организовать школьные совѣты или собранія преподающихъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, вытекающихъ изъ жизни школъ. Однако, эти собранія очень долго должны были носить совершенно частный характеръ. Въ томскихъ воскресныхъ школахъ школьные совѣты были оффиціально разрѣшены только спустя 13 лѣтъ по открытіи школъ, а соединенныя засѣданія преподавателей всѣхъ городскихъ воскресныхъ школъ получили санкцію только въ 1900 году. Такія же собранія допущены теперь и

въ другихъ школахъ, но оффиціальная организація ихъ оставляетъ желать очень многаго: распоряженіями учебной администраціи во многихъ школахъ до крайности съуженъ кругъ вопросовъ, разрѣшеннымъ для обсужденія во время собраній, а самыя собранія не могутъ быть публичными. Исключеніемъ является только тюменская школа, на собранія которой допускаются и постороннія лица, а о времени и мѣстѣ этихъ собраній каждый разъ публикуется въ мѣстной газетѣ.

Воскресныя школы обслуживаютъ главнымъ образомъ бѣднѣйшій слой городского населенія. Въ иркутскихъ школахъ, напр., составъ учащихся пополняется въ большинствѣ изъ прислуги, ремесленниковъ и т. д. „Лишь немногіе изъ учащихся находятся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что могутъ посѣщать школу исправно, не пропуская почти уроковъ въ теченіе трехъ, четырехъ лѣтъ. Большинство же учащихся ходитъ въ школу годъ, два, а то и меньше". Учащіеся томскихъ школъ—„бѣднѣйшее населеніе города. Не смотря на ежедневный утомительный трудъ, они охотно посѣщаютъ по собственному почину школы, куда влечетъ ихъ сознательное желаніе учиться". „Наибольшій процентъ учащихся — лица, занятыя въ продолженіе недѣли обязательной, зачастую нелегкой работой: служанки, подмастерья, ремесленники, живущіе въ услуженіи и т. д. Не смотря на недѣльное переутомленіе, нерѣдкіе случаи препятствій со стороны хозяевъ, все же они идутъ въ школу; приходятъ бодрые, веселые, съ сильной жаждой получить свѣдѣнія и уходятъ счастливые, позанявшись три, четыре часа". Въ отчетахъ школъ нерѣдко отмѣчаются случаи, доказывающіе, что школа достается учащимся не дешевой цѣной. „Въ школѣ я хочу учиться", пишетъ, напр., одна ученица томской школы, „но жизнь моя много и много препятствуетъ: я нахожусь въ услуженіи, гдѣ каждый часъ трепещу передъ хозяйкой изъ за куска хлѣба". Какъ въ Томскѣ, такъ и въ другихъ городахъ, отношеніе къ школамъ „хозяевъ" и родителей было (въ особенности въ первые годы существованія школъ) недовѣрчивое, а иногда даже злобное: одни изъ нихъ не любили школы, потому что она отнимаетъ у нихъ рабочія руки въ воскресный день, другіе потому, что въ грамотѣ не видали пользы. Нерѣдки случаи, когда учащіеся, нанимаясь въ услуженіе, выговариваютъ себѣ право посѣщать воскресную школу. Среди учащихся воскресныхъ школъ попадаются даже такіе, которые должны отыскивать себѣ пропитаніе милостыней, другіе живутъ тяжелой поденной работой. Неудивительно поэтому, что многіе учащіеся вынуждены бываютъ покидать школу въ срединѣ учебнаго года, за отсутствіемъ обуви, теплой одежды и т. д. Для характеристики воскресныхъ школъ очень интересны случаи поступленія въ нихъ учащихся въ другихъ училищахъ: для того, чтобы попасть въ воскресную школу, они или скрываютъ

фактъ своего ученія въ ежедневныхъ школахъ, или даже выбываютъ изъ нихъ. Къ 1 января 1903 года во всѣхъ сибирскихъ воскресныхъ школахъ перебывало около 21 т. учащихся, а за послѣдній отчетный годъ общее число ихъ достигло 3617 человѣкъ, изъ которыхъ около четверти выбыло до конца учебнаго года. По возрасту наибольшее число учащихся принадлежитъ къ подросткамъ (43,5%), затѣмъ идутъ взрослые (32,4%) и малолѣтніе. Судя по имѣющимся даннымъ, съ теченіемъ времени среди учащихся воскресныхъ школъ малолѣтнихъ дѣлается все меньше и меньше, а число взрослыхъ, наоборотъ, увеличивается. Составъ учащихся по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ самый разнообразный. По занятіямъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: домашнее хозяйство—48,8%, ремесла—39,9%, прислуга—5,9%, учащіеся другихъ учебныхъ заведеній — 2,2%, торгующіе — 1,4%, служащіе — 1,%, чернорабочіе — 0,4%, земледѣльцы—0,4%.

Занятія въ школахъ происходятъ обыкновенно только по воскреснымъ днямъ и продолжаются съ небольшими перерывами съ 11 ч. утра до 3 ч. дня. Системы преподаванія практикуются различныя—групповая, предметная, смѣшанная, а программа ученія соотвѣтствуетъ программѣ приходскихъ училищъ и только въ благовѣщенскихъ школахъ она значительно расширена. Пріемъ учащихся происходитъ круглый годъ и прохожденіе всѣхъ предметовъ для нихъ необязательно: каждый учится тому, чему самъ считаетъ нужнымъ. Эта особенность воскресныхъ школъ долго смущала ремесленниковъ-педагоговъ и нерѣдко дѣлались попытки подогнать ихъ подъ обычный шаблонъ казенныхъ заведеній, но въ концѣ концовъ пришлось примириться съ реальными требованіями жизни. Очень характерна въ этомъ отношеніи исторія иркутскихъ школъ. До 1896 года, по предписанію директора народныхъ училищъ, школы имѣли право принимать только тѣхъ лицъ, которыя изъявляли согласіе обучаться всѣмъ предметамъ въ полномъ ихъ объемѣ, но школы „очень часто лишались послѣ первыхъ же воскресеній, быть можетъ, лучшихъ учащихся“, такъ какъ въ воскресную школу“ одни, будучи совершенно неграмотными и полуграмотными, приходятъ научиться читать и писать, другіе, умѣя читать и писать,—научиться въ школѣ считать и вообще расширить свои познанія, и, наконецъ, третьи со спеціальною цѣлью—изучить какой либо одинъ изъ преподаваемыхъ предметовъ. Учащіеся этой послѣдней группы обыкновенно состоятъ прислугою и бываютъ отпущены въ школу на часъ или два“. Въ концѣ концовъ школамъ было разрѣшено принимать и тѣхъ лицъ, которыя желаютъ изучить хотя бы только одинъ предметъ, съ тѣмъ, однако же, что-бы каждый православный непремѣнно изучалъ Законъ Божій.

По своей программѣ воскресныя школы являются исключи-

тельно общеобразовательными учебными заведеніями и попытки ввести въ нихъ профессіональные предметы ни къ чему не привели. Такъ, въ томской мужской школѣ были введены уроки рисованія и черченія, но, не смотря на то, что „преподаваніе это отличалось особеннымъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла“, уроки продолжались недолго, такъ какъ не отвѣчали запросу большинства. Въ женской школѣ были введены уроки кройки, но за годъ было дано всего 12 уроковъ, и посѣтило ихъ 15 ученицъ, т. е. 2,6% всего количества. Столь же неудачны были однородныя попытки красноярской, читинской и другихъ воскресныхъ школъ. Говоря объ этихъ попыткахъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что „цѣль и задача воскресныхъ школъ—воспитать и развить своихъ питомцевъ, и потому онѣ носятъ общеобразовательный характеръ.“ Имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченное количество времени и непостоянный контигентъ учащихся, онѣ, конечно, не вправѣ врываться въ область спеціальнаго знанія.

Просвѣтительная дѣятельность воскресныхъ школъ до крайности осложняется различными ограниченіями. Въ такихъ ограниченіяхъ постоянно сказывается стремленіе свести учебную программу воскресной школы къ учебной программѣ обыкновенной начальной одноклассной школы, но эта тенденція до того рѣзко противорѣчитъ интересамъ дѣла, стремленіямъ учащихъ и запросамъ учащихся, что оказывается въ концѣ концовъ безсильной достигнуть чего либо иного, кромѣ постояннаго осложненія нормальнаго развитія школьной жизни. Невозможность удовлетворить умственные запросы взрослаго населенія обученіемъ элементарной грамотѣ и внѣшнія препятствія для расширенія общеобразовательнаго курса воскресной школы повсемѣстно приводятъ въ концѣ концовъ къ стремленію открыть при нихъ дополнительные курсы съ болѣе широкой программой преподаванія. Въ Сибири почти при всѣхъ воскресныхъ школахъ такіе курсы или уже существуютъ, или необходимость ихъ вполнѣ выяснена, и дѣло останавливается только за внѣшними препятствіями.

Въ Томскѣ вечерніе классы при женской школѣ были открыты въ 1899 г. въ отвѣтъ на запросы ученицъ, которыя прошли полный курсъ воскресной школы и желали получить свѣдѣнія въ большомъ размѣрѣ; были запросы и извнѣ, со стороны дѣвушекъ, кончившихъ приходскую школу. Классы были разрѣшены по географіи, русской исторіи и естествовѣдѣнію; они послужили прототипомъ для такихъ же классовъ въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. Вскорѣ группа учениковъ мужской школы подала заявленіе, въ которомъ просила заниматься съ ними по вечерамъ по расширенной программѣ, такъ какъ курсъ воскресной школы ими уже пройденъ; ученики выражали готовность даже оплачивать трудъ учителей. Учащіе воскресной школы, разумѣется, съ радостью откликнулись на это заявленіе. Было возбуждено над-

лежащее ходатайство, но результатъ его былъ совершенно неожиданный: открытіе вечернихъ классовъ хотя и было разрѣшено, „но съ тѣмъ, чтобы занятія въ этихъ классахъ происходили по программѣ городского приходскаго училища по уставу 1828 года, безъ всякихъ отступленій, и чтобы преподаваніемъ въ классахъ занимались лица мужского пола, состоящія на учебной службѣ по министерству народнаго просвѣщенія". Классы были открыты, но при созданной для нихъ постановкѣ, разумѣется, не могли отвѣтить на тѣ запросы, благодаря которымъ возникла сама мысль объ ихъ учрежденіи. Дальнѣйшія ходатайства о расширеніи программы и дарованіи права преподавать въ вечернихъ классахъ хотя бы тѣмъ лицамъ, которыя уже допущены къ преподаванію въ воскресной школѣ, систематически отклонялись. О такой же потребности въ болѣе широкомъ объемѣ обученія свидѣтельствуетъ и отчетъ красноярскихъ школъ: „Многіе ученики стремятся пополнить свое начальное образованіе и получить болѣе широкія свѣдѣнія по различнымъ предметамъ; ихъ интересуютъ вопросы первобытной культуры и этнографіи, жизнь окружающей природы, историческія и географическія свѣдѣнія". Такіе запросы—общее, повсемѣстно-наблюдаемое явленіе, и тѣ же отчеты свидѣтельствуютъ, что на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на что-то не серьезное, навѣянное какими-либо поверхностными побужденіями. Нѣтъ, въ этихъ запросахъ проявляется глубокая потребность массы населенія въ серьезномъ научномъ знаніи, и тамъ, гдѣ эта потребность получила удовлетвореніе, результаты не оставляли желать лучшаго. Для примѣра достаточно было бы привести хотя бы тѣ прекрасные образцы письменныхъ работъ ученицъ томскихъ классовъ, которые помѣщены въ работѣ г. Вольфсона, но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ это сдѣлать. Приведемъ только общій отзывъ автора, что „всѣ вообще работы ученицъ, въ особенности старшей группы, доказываютъ ихъ сознательное, критическое отношеніе къ дѣлу. Работы по ариѳметикѣ, русскому языку, исторіи и другимъ предметамъ часто бываютъ образцовыми работами, такъ какъ видно въ нихъ не шаблонное заучиваніе, не механическое усвоеніе, а вполнѣ сознательное; виденъ пытливый умъ, серьезное знаніе, развитіе"...

Такъ же, какъ и воскресныя школы, дополнительные при нихъ классы преслѣдуютъ исключительно общеобразовательныя задачи. Въ нѣсколькихъ школахъ, однако, по желанію учащихся были устроены спеціальныя занятія съ желающими подготовиться на званіе учительницъ народныхъ училищъ. Такъ, при тюменской школѣ съ 1898 г. желающихъ изъ старшей группы учащихся стали готовить къ экзаменамъ на званіе учительницъ школъ грамоты. Та же мысль возникла въ иркутской школѣ, но на возбужденное ходатайство былъ полученъ отказъ на томъ основаніи, что проектируемые классы имѣли бы видъ педагогическихъ курсовъ,

на себя вниманіе всякаго сколько-нибудь вдумчиваго наблюдателя.

На одинъ изъ такихъ вопросовъ, созданный многочисленными попытками усилить обращаемыя на войну средства государственнаго казначейства путемъ пожертвованій со стороны земскихъ и городскихъ учрежденій, мнѣ приходилось уже указывать три мѣсяца тому назадъ. Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ не успѣлъ получить никакого общаго рѣшенія ни въ литературѣ, ни въ жизни. Въ прессѣ высказанный на страницахъ „Русскаго Богатства" взглядъ, согласно которому общественные уполномоченные, распоряжающіеся средствами, собираемыми съ мѣстнаго общества на опредѣленныя нужды, не могутъ и не должны по своему желанію расходовать эти средства на нужды совершенно иного характера, нашелъ себѣ безусловное признаніе, сколько мнѣ извѣстно, только у журнальнаго обозрѣвателя „Образованія", г. Луначарскаго. Большинство же органовъ нашей прессы заняло въ этомъ вопросѣ совсѣмъ другія позиціи.

Часть реакціонной прессы готова была привѣтствовать пожертвованія земскихъ денегъ на военныя нужды, но вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая на незаконность такихъ пожертвованій, выражала пожеланіе, чтобы они были санкціонированы спеціальнымъ правительственнымъ актомъ. Эту точку зрѣнія особенно усердно выдвигали „Московскія Вѣдомости", оставшіяся вѣрными ей до послѣдняго времени. „Всякая война—писала не такъ давно названная газета — вызываетъ громадные расходы и неизбѣжное, поэтому, напряженіе финансовыхъ средствъ страны. Намъ кажется, что ничего не можетъ быть естественнѣе, если при подобныхъ обстоятельствахъ отдѣльныя области окажутъ свою добровольную и посильную поддержку государственной казнѣ или вообще на военныя цѣли, или на какія-либо особыя военныя нужды, сознаніемъ которыхъ особенно проникласъ народная мысль, вродѣ, напримѣръ, назначеній на флотъ и т. п. Почему, отчего государство должно отказываться отъ такой помощи въ нужную минуту? Прежде всего, такой отказъ оскорбилъ бы патріотическое чувство жертвующихъ. А затѣмъ, ему трудно было бы подыскать какое-нибудь оправданіе: развѣ, по минованіи трудныхъ дней, отъ государства не зависитъ возвратить данной области эти средства съ излишкомъ въ той или другой формѣ? Именно потому, конечно, всѣ приношенія общественныхъ учрежденій въ текущую войну и принимаются правительствомъ съ благодарностью. Но если это такъ, если практика вполнѣ освѣтила этотъ вопросъ, почему же не предусмотрѣть эти приношенія закономъ, почему не включить въ земское и городское положеніе статей, прямо разрѣшающихъ общественнымъ органамъ ассигновывать извѣстныя суммы въ распоряженіе правительства на военныя нужды? Точно также,—продолжала газета,—по нашему мнѣнію, нѣтъ никакихъ

препятствій для того, чтобы предусмотрѣть закономъ участіе мѣстныхъ учрежденій въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ и раненыхъ воиновъ". Въ этомъ послѣднемъ случаѣ спеціальный законъ, по мнѣнію газеты, былъ бы тѣмъ болѣе нуженъ, что при его изданіи можно было бы рѣшительно устранить возникшія въ настоящее время „явно-искусственныя и тенденціозныя формы" помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, вродѣ „обще-земской организаціи" такой помощи *). Эта обще-земская организація представляется „Моск. Вѣдомостямъ" чѣмъ-то необыкновенно страшнымъ, и, вѣрная своей привычкѣ беззастѣнчиваго чтенія въ сердцахъ, московская газета приписываетъ руководителямъ названной организаціи цѣлую программу крайне коварныхъ дѣйствій, направленныхъ къ потрясенію основъ существующаго порядка путемъ посылки на театръ военныхъ дѣйствій лѣкарствъ, врачей и сестеръ милосердія. Но, возражая противъ нѣкоторыхъ формъ земскихъ пожертвованій на военныя нужды и настаивая на желательности санкціонированія этихъ пожертвованій спеціальнымъ закономъ, „Моск. Вѣдомости" въ сущности ничего не имѣютъ противъ самаго факта подобныхъ пожертвованій, усматривая въ немъ лишь проявленіе „безкорыстной и возвышенной любви къ родинѣ". Тѣмъ не менѣе ихъ указаніе на отсутствіе законной почвы подъ такими пожертвованіями не осталось безъ горячаго отпора.

Прежде всего, какъ мнѣ приходилось уже указывать въ свое время, такой отпоръ послѣдовалъ со стороны „Н. Времени", наставительно замѣтившаго своему московскому собрату, что кромѣ „буквы закона" существуетъ еще „законъ сердца". Но вслѣдъ затѣмъ на ту же самую точку зрѣнія стали и нѣкоторые органы печати, не имѣющіе ничего общаго съ реакціонною прессой и пріучившіе своихъ читателей къ иного рода разсужденіямъ. „Пожертвованія земствъ и городовъ на нужды военнаго времени, вошедшія въ обычай въ эпоху войны 1877—78 гг.,—читаемъ мы въ апрѣльскомъ внутреннемъ обозрѣніи „Вѣстника Европы"—не встрѣчали до сихъ поръ принципіальныхъ возраженій. Самые ярые противники самоуправленія, старающіеся заключить его въ возможно тѣсныя рамки, не рѣшались оспаривать, съ формальной точки зрѣнія, право земскихъ и городскихъ учрежденій на активную роль въ борьбѣ съ результатами такихъ бѣдствій, какъ война. Небывалое оказалось, однако, возможнымъ: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" какой-то „Старый Земецъ" задумывается надъ вопросомъ, могутъ ли земства, оставаясь на почвѣ закона, жертвовать что-либо по случаю войны. Въ виду того, что жертвуемыя суммы, за отсутствіемъ у земства, большею частью, свободныхъ капиталовъ, должны поступать въ раскладку, авторъ статьи видитъ въ пожертвованіи скрытый налогъ, установлять

*) „Моск. Вѣдомости", 21 мая 1904 г.

который земство не въ правѣ: единственной законной задачей земства въ военное время признается обязательная для него забота о семьяхъ ушедшихъ на войну мѣстныхъ жителей. Не споримъ, буква земскаго положенія можетъ быть толкуема именно такъ, какъ понимаетъ ее г. „Старый Земецъ"; но буквоѣдство— не подходящее занятіе въ критическіе моменты народной жизни. Правильная постановка вопроса должна быть слѣдующая: есть ли въ военное время такія потребности, полное удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть достигнуто ни затратами изъ государственной казны, ни частными пожертвованіями, — и если есть, то не открывается ли именно здѣсь широкое поле дѣятельности для общественныхъ учрежденій?" Исходя изъ этой „правильной постановки вопроса", обозрѣватель „Вѣстника Европы" признаетъ земскія и городскія пожертвованія на нужды военнаго времени вполнѣ правомѣрными, устанавливая для нихъ лишь два ограниченія: такія пожертвованія, согласно его указанію, должны „соотвѣтствовать средствамъ города или земства" и „служить дополненіемъ къ государственнымъ расходамъ, но отнюдь не ихъ замѣной". „Защита вооруженною рукою—прибавляетъ онъ—всецѣло задача государства; къ участію въ ней органы самоуправленія не призваны, назначеніе ихъ исключительно и безусловно мирное. Все необходимое для отпора врагу, несомнѣнно, будетъ сдѣлано государствомъ, а земскимъ и городскимъ учрежденіямъ въ военное время надлежитъ только пополнять неизбѣжные пробѣлы правительственной дѣятельности" *). Вслѣдъ за „Вѣстникомъ Европы" такой же взглядъ на данный вопросъ былъ высказанъ и „Р. Мыслью", при томъ въ сопровожденіи почти тѣхъ же самыхъ аргументовъ **).

Нельзя не замѣтить, однако, что въ приведенныхъ разсужденіяхъ далеко не все обстоитъ благополучно. Прежде всего обозрѣватель „Вѣстника Европы" неправъ, утверждая, будто „пожертвованія земствъ и городовъ на нужды военнаго времени, вошедшія въ обычай въ эпоху войны 1877—78 гг., не встрѣчали до сихъ поръ принципіальныхъ возраженій". Въ данномъ случаѣ память нѣсколько измѣнила почтенному публицисту. Если бы онъ припомнилъ строки, въ свое время посвященныя покойнымъ Салтыковымъ подобнымъ пожертвованіямъ въ эпоху русско-турецкой войны, онъ безъ труда убѣдился бы, что послѣднія и до настоящаго времени встрѣчали принципіальныя возраженія, исходившія къ тому же вовсе не изъ среды „ярыхъ противниковъ самоуправленія". Между тѣмъ аргументы, на которые опирался Салтыковъ, сохранили всю свою силу и для нашего времени, такъ какъ и положеніе спорнаго вопроса ни-

*) „Вѣстникъ Европы", апрѣль, „Внутреннее обозрѣніе", стр. 777—779.
**) „Р. Мысль", май, „Внутреннее обозрѣніе", стр. 201—204.

сколько не измѣнилось. Самъ по себѣ этотъ вопросъ какъ нельзя болѣе ясенъ. Жертвовать на что угодно свои собственныя деньги никому, конечно, не возбраняется. Но произвольно распоряжаться общественными деньгами, собираемыми въ силу закона на опредѣленныя нужды, и присвоивать такому распоряженію названіе пожертвованій едва-ли приходится. Во всякомъ случаѣ въ такихъ пожертвованіяхъ трудно видѣть доказательство „безкорыстной и возвышенной любви къ родинѣ“ и не менѣе трудно отстаивать ихъ полную правомѣрность.

Какъ мы видѣли, впрочемъ, обозрѣватель „Вѣстника Европы“ и самъ соглашается, что „буква земскаго положенія можетъ быть толкуема именно такъ“, какъ понимаютъ ее люди, отрицающіе за земскими собраніями право дѣлать пожертвованія на нужды войны и тѣмъ самымъ устанавливать своего рода военные налоги для населенія. Нѣсколько правильнѣе было бы, конечно, сказать, что земское положеніе только и можетъ быть толкуемо въ этомъ смыслѣ. Но такъ какъ „буквоѣдство не подходящее занятіе въ критическіе моменты народной жизни“, то почтенный журналъ предлагаетъ иную, „правильную постановку вопроса“, рекомендуя справиться, „есть ли въ военное время такія потребности, полное удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть достигнуто ни затратами изъ государственной казны, ни частными пожертвованіями“, и, если подобныя потребности окажутся, обращать на нихъ средства общественныхъ учрежденій. Надо думать, устанавливаемое такимъ путемъ отношеніе къ закону, какъ къ чему-то пригодному только въ спокойныя времена, а въ критическіе моменты народной жизни составляющему лишь ненужное препятствіе, для многихъ читателей почтеннаго журнала явится совершенно неожиданнымъ откровеніемъ. Когда „Н. Время“ различаетъ „букву закона“ отъ „закона сердца“ и рекомендуетъ по преимуществу послѣдній полагать въ основу государственной дѣятельности, въ этомъ еще нѣтъ ничего особенно удивительнаго, но аналогичныя рекомендаціи на страницахъ внутренняго обозрѣнія „Вѣстника Европы“ производятъ крайне странное впечатлѣніе и могутъ найти себѣ нѣкоторое объясненіе развѣ лишь въ необыкновенной сумбурности переживаемой нами дѣйствительности. Повидимому, отъ вниманія автора названнаго обозрѣнія совершенно ускользнули неизбѣжныя послѣдствія рекомендуемаго имъ способа дѣйствій, замѣняющаго въ финансовой практикѣ общественныхъ учрежденій указанія закона соображеніями о наличности вызванныхъ войною потребностей. А между тѣмъ, казалось бы, не трудно было предугадать, что первымъ же изъ такихъ послѣдствій должно явиться уничтоженіе тѣхъ „нормальныхъ предѣловъ“, которые самъ авторъ ставитъ земскимъ пожертвованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ рѣчь идетъ только объ удовлетвореніи вызываемыхъ войною потребностей и земскія средства могутъ

быть расходуемы для этой цѣли, независимо отъ закона, предназначающаго ихъ на другія нужды, то опредѣленіе границъ такого расходованія становится уже задачей, допускающей лишь чисто субъективныя рѣшенія. Самъ обозрѣватель „Вѣстника Европы“ находитъ, правда, что органы самоуправленія „не призваны къ участію“ въ расходахъ по организаціи вооруженной защиты государства. Но въ той постановкѣ, какую онъ придалъ вопросу, эти слова являются не болѣе, какъ личнымъ мнѣніемъ журналиста, ни для кого не обязательнымъ. Мало того,—высказывая это мнѣніе, авторъ непонятнымъ образомъ совершенно игнорируетъ окружающую его дѣйствительность, какъ бы забывая о томъ, что тѣ самыя земскія собранія, правильность дѣйствій которыхъ онъ взялся доказать, весьма значительную долю пожертвованныхъ ими на нужды военнаго времени средствъ обратили именно на организацію вооруженной обороны, ассигновавъ ихъ частью на нужды флота, частью вообще на нужды войны.

Судя по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ, уклонилось отъ подобныхъ ассигновокъ лишь весьма небольшое количество земствъ. Изъ уѣздныхъ земствъ особенно рѣшительно вступило на этотъ путь земство устюженское. Мѣстная управа въ своемъ докладѣ земскому собранію по поводу пожертвованій земствъ на военныя нужды указала, что какъ нужды флота, такъ и вообще нужды войны принадлежатъ къ числу государственныхъ, а не земскихъ повинностей и, въ качествѣ таковыхъ, не должны быть относимы на земскія средства. Будучи заинтересовано во всякомъ государственномъ отправленіи, населеніе Устюженскаго уѣзда должно, однако, по мнѣнію управы, участвовать въ расходахъ на государственныя повинности, равно важныя для всего государства, лишь на одинаковыхъ со всѣми другими плательщиками основаніяхъ. Но подобное положеніе въ свою очередь возможно только тогда, когда необходимыя государству средства изыскиваетъ оно само, облагая всѣхъ плательщиковъ внѣ зависимости отъ нахожденія ихъ на той или иной территоріи. Земскія же ассигнованія неизбѣжно будутъ нарушать это платежное равновѣсіе въ зависимости отъ большей или меньшей щедрости земскаго собранія, такъ какъ никакого другого, болѣе объективнаго критерія для опредѣленія участія въ такихъ расходахъ каждаго отдѣльнаго земства не только нѣтъ, но при существующемъ положеніи и быть не можетъ. Поэтому участіе въ пополненіи государственныхъ средствъ въ большемъ, сравнительно съ другими плательщиками, размѣрѣ должно быть предоставлено доброй волѣ каждаго и ни въ какомъ случаѣ не можетъ носить принудительнаго характера. Между тѣмъ единственнымъ источникомъ средствъ для земства является обложеніе имущества земскихъ плательщиковъ, и такимъ образомъ пожертвованіе, сдѣланное земствомъ на тотъ или иной предметъ, будетъ доброволь-

нымъ только для большинства участвовавшихъ въ постановленіи собранія гласныхъ и принудительнымъ какъ для меньшинства гласныхъ, такъ и для огромной массы населенія, не принимающаго прямого участія въ рѣшеніяхъ собранія. Въ силу указанныхъ соображеній устюженская управа не нашла возможнымъ предложить собранію сдѣлать какое-либо ассигнованіе на военные нужды, но вмѣстѣ съ тѣмъ сочла нужнымъ обратить вниманіе собранія и на то, что земство должно заботиться о населеніи уѣзда, на которое, въ силу обстоятельствъ военнаго времени, можетъ въ случаѣ мобилизаціи лечь обязанность поставить въ дѣйствующую армію запасныхъ. У многихъ, если не у большинства, запасныхъ останутся при этомъ на мѣстѣ семьи, немалая часть которыхъ окажется въ затруднительномъ положеніи. По дѣйствующему уставу о воинской повинности семейное положеніе не избавляетъ запаснаго отъ призыва даже тогда, когда этотъ запасный является единственнымъ работникомъ въ семьѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ семья, потерявшая своего единственнаго кормильца, можетъ остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію, и забота о такихъ семьяхъ и по закону, и по справедливости должна составить обязанность земства. Устюженское собраніе согласилось съ доводами своей управы и приняло ея докладъ *). Аналогичныя рѣшенія были приняты шадринскимъ и осинскимъ земствами Пермской губерніи **).

Изъ губернскихъ земствъ рѣшеніе подобнаго характера приняло земство самарское. Согласно предложенію одного изъ своихъ членовъ, самарское губернское земское собраніе, обсуждая вопросъ о помощи земства на военныя нужды, признало желательной внутре-губернскую, а не внѣ-губернскую форму помощи со стороны земства, т. е. не пожертвованія на военныя нужды, а облегченіе участи жертвъ войны. При этомъ названное собраніе постановило не ограничиваться одною только обязательною для земства по закону помощью семьямъ призванныхъ на войну запасныхъ чиновъ арміи, но организовать также возможно широкую помощь пострадавшимъ на войнѣ лицамъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ, преимущественно уроженцамъ Самарской губерніи, принявъ всѣ расходы такого рода на счетъ губернскаго земства, независимо отъ средствъ, ассигнуемыхъ уѣздными земствами и частными лицами ***).

Но большая часть земствъ, какъ извѣстно, избрала въ виду военныхъ событій другой путь. Согласно свѣдѣніямъ „Правительственнаго Вѣстника,“ только до 11-го марта пятнадцатью губернскими земствами было ассигновано по случаю войны

---

*) „Право“, 1904 г., № 17.
**) „Р. Вѣдомости“, 29 мая 1904 г.
***) „Н. Время“, 19 мая; „Р. Вѣдомости“, 5 іюня 1904 г.

4.710,000 р.*); изъ этого числа 1.475,000 р. были пожертвованы на нужды войны, 760,000 р.—на усиленіе флота, 1.150,000 р.—на помощь больнымъ и раненымъ на войнѣ и только 1.325,000 р. были предназначены на обезпеченіе семействъ призванныхъ въ армію запасныхъ. Приблизительно такимъ же образомъ были распредѣлены и ассигновки большинства уѣздныхъ земскихъ собраній, при чемъ внутри самихъ собраній такое распредѣленіе, за рѣдкими исключеніями, почти не встрѣтило протеста. Позже, правда, нѣкоторыя изъ подобныхъ ассигновокъ стали наталкиваться на препятствія внѣ земскихъ собраній, но эти препятствія вызывались не самымъ существомъ упомянутыхъ ассигновокъ, а исключительно ихъ внѣшней формой, и потому относились лишь къ одному ихъ разряду. Такъ, въ Бессарабской губерніи мѣстный губернаторъ пріостановилъ исполненіе постановленія состоявшагося въ минувшемъ маѣ чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, ассигновавшаго было, въ числѣ другихъ назначеній на нужды войны, 60,000 р. для присоединенія бессарабскаго земства въ обще-земской организаціи врачебно-санитарной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Протестъ губернатора, мотивированный требованіями статьи 3-ей положенія о земскихъ учрежденіяхъ, ограничивающей кругъ вѣдѣнія земства мѣстными пользами и нуждами, по сообщеніямъ газетъ, былъ вызванъ министерскимъ циркуляромъ, предписывающимъ не допускать дальнѣйшаго присоединенія къ названной организаціи такихъ земствъ, которыя до появленія этого циркуляра еще не успѣли присоединиться къ ней. Наряду съ этимъ, однако, другія части того же постановленія земскаго собранія, заключающія въ себѣ ассигнованіе 10,000 р. на организацію врачебно-санитарной помощи на театрѣ войны въ распоряженіе императрицы Александры Ѳеодоровны и ассигнованіе 5,000 р. на нужды пострадавшихъ на войнѣ бессарабскихъ уроженцевъ, не были опротестованы и остались въ силѣ. Бессарабское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, въ которое былъ внесенъ протестъ губернатора, не согласилось съ нимъ и признало постановленіе земскаго собранія правильнымъ, губернаторъ же, оставшись при особомъ мнѣніи, вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ объ отмѣнѣ опредѣленія присутствія. Съ своей стороны земство, предугадывавшее возможность такого исхода, принявъ свое постановленіе и имѣя въ виду, что въ разъясненіяхъ статьи 3-й земскаго положенія имѣется указаніе, согласно которому земскія ассигнованія, выходящія по своему назначенію изъ круга мѣстныхъ нуждъ, могутъ быть исполнены лишь съ высочайшаго разрѣшенія,

*) Воронежскимъ, екатеринославскимъ, казанскимъ, калужскимъ, костромскимъ, курскимъ, московскимъ, полтавскимъ, псковскимъ, петербургскимъ, тульскимъ, уфимскимъ, харьковскимъ и ярославскимъ.

немедленно возбудило по телеграфу черезъ министра двора ходатайство о высочайшемъ соизволеніи на присоединеніе бессарабскаго земства къ обще-земской организаціи врачебно-санитарной помощи на театрѣ войны *). Подобный же случай произошелъ въ Пермской губерніи. Въ послѣдней губернаторъ опротестовалъ постановленія чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія о передачѣ въ распоряженіе московской коммиссіи объединенной земской организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ 100,000 р., ассигнованныхъ пермскимъ земствомъ на устройство двухъ врачебныхъ отрядовъ съ лазаретами, объ избраніи уполномоченнаго отъ пермскаго земства для участія въ трудахъ московской коммиссіи на время снаряженія отрядовъ въ Москвѣ и объ ассигнованіи 300 р. на поѣздку этого уполномоченнаго въ Москву. Губернское присутствіе по земскимъ и городскимъ дѣламъ, разсмотрѣвъ эти постановленія собранія и протестъ губернатора, нашло, что „губернское земское собраніе, рѣшивъ передать въ распоряженіе московской коммиссіи объединенной земской организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ 100,000 р., вышло изъ круга вѣдомства и предѣловъ предоставленной ему по закону власти, такъ какъ избранный имъ способъ расходованія на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ крупной суммы земскихъ денегъ черезъ посредство несанкціонированнаго закономъ учрежденія, каковымъ въ данномъ случаѣ является названная московская коммиссія, долженъ быть признанъ стоящимъ въ противорѣчіи съ требованіемъ закона“. Равнымъ образомъ присутствіе признало „выходящими изъ круга дѣйствій земскихъ учрежденій“ и два другія приведенныя выше постановленія земскаго собранія, въ виду чего и постановило всѣ эти постановленія отмѣнить. Вслѣдъ затѣмъ телеграфъ принесъ извѣстіе, что пермское губернское земское собраніе постановило изъ ассигнованныхъ имъ на нужды войны 341,000 р. предоставить 100,000 р. въ распоряженіе императрицы Александры Ѳеодоровны на удовлетвореніе нуждъ больныхъ и раненыхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ, и это постановленіе, повидимому, уже не подверглось пріостановкѣ **). Такимъ образомъ, если стремленіе земствъ объединить свои усилія въ дѣлѣ организаціи врачебно-санитарной помощи на театрѣ войны и встрѣтило извѣстныя препятствія, то эти препятствія во всякомъ случаѣ не распространились на всѣ вообще земскія пожертвованія на нужды войны и не остановили такихъ пожертвованій.

Между тѣмъ эти пожертвованія повлекли за собою серьезное истощеніе и безъ того скудныхъ земскихъ кассъ, получившее особенно важное значеніе съ того момента, когда принявшая

*) „Од. Новости,“ 28 мая; „Н. Время“, 6 іюня 1904 г.
**) „Пермскія Губ. Вѣдомости,“ 14 мая; „Н. Время,“ 31 мая 1904 г.

широкіе размѣры мобилизація арміи во многихъ мѣстностяхъ поставила на очередь вопросъ объ обезпеченіи семействъ призванныхъ подъ ружье запасныхъ. Согласно статьѣ 38-й устава о воинской повинности, „семейства нижнихъ чиновъ, выступившихъ въ походъ, а также семейства чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призванныхъ въ военное время на дѣйствительную службу, призрѣваются земствомъ, равно какъ городскими и сельскими обществами", при чемъ „тѣмъ обществамъ, которыя не въ состояніи будутъ своими средствами обезпечить нуждающіяся семейства, выдается необходимое пособіе изъ казны". Размѣръ такого обезпеченія недостаточныхъ семей запасныхъ опредѣляется закономъ въ слѣдующемъ видѣ: жена и дѣти призваннаго на службу имѣютъ право получать отъ города или селенія, въ которомъ они проживаютъ,—безплатное помѣщеніе съ отопленіемъ, если не имѣютъ собственнаго жилища или дароваго пріюта, и отъ земства, въ предѣлахъ котораго находятся на жительствѣ,—продовольствіе натурой или деньгами, полагая на каждое призрѣваемое лицо, безъ различія возраста, не менѣе 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы и 4 ф. соли въ мѣсяцъ; призрѣніе же отца, матери, дѣда, братьевъ и сестеръ (круглыхъ сиротъ) призваннаго, если эти лица содержались его трудомъ, возлагается на городское или сельское общество, къ которому они принадлежатъ.

Указанный минимальный размѣръ обезпеченія семействъ запасныхъ нельзя, конечно, назвать сколько-нибудь значительнымъ. Тѣмъ не менѣе, даже при условіи сохраненія этого минимальнаго размѣра, отъ земствъ потребуются для выполненія лежащей на нихъ обязанности весьма серьезныя затраты. О величинѣ этихъ затратъ могутъ дать понятіе приблизительные подсчеты, произведенные уже нѣкоторыми земствами. Рязанская губернская управа подсчитала, что въ случаѣ производства мобилизаціи во всей губерніи (въ настоящеее время изъ 13 уѣздовъ Рязанской губерніи мобилизація произведена въ восьми) въ призрѣніи со стороны земства будутъ нуждаться 45.000 человѣкъ и на удовлетвореніе ихъ нуждъ при минимальномъ размѣрѣ пособія только до 1 января 1905 года потребуется около 478.000 р. *). На харьковскомъ губернскомъ собраніи выяснилось, что пособіе недостаточнымъ семьямъ запасныхъ нижнихъ чиновъ Харьковской губерніи потребуетъ со стороны земства ежемѣсячнаго расхода въ суммѣ, равной приблизительно 220.000 р.; такимъ образомъ до 1 января 1905 года харьковскому земству предстоитъ затратить для этой цѣли около $1^1/_2$ милліона рублей **). Наличныхъ средствъ для такихъ крупныхъ расходовъ у земствъ не имѣется и въ виду этого для нихъ остается лишь путь займовъ изъ продовольствен-

*) „Р. Вѣдомости", 3 іюня 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости"; 3 іюня „Русь", 31 мая 1904 г.

ныхъ и страховыхъ капиталовъ. Но заемъ изъ продовольственныхъ капиталовъ осложняется тѣмъ, что они въ послѣднее время переданы изъ вѣдѣнія земства въ вѣдѣніе правительственныхъ учрежденій. Страховые же капиталы, не составляя собственности земства, вдобавокъ уже сильно ослаблены тѣми позаимствованіями, которыя сдѣланы изъ нихъ большинствомъ земствъ при пожертвованіяхъ на военныя нужды. Въ виду такихъ условій нѣкоторыя губернскія земства, какъ, напримѣръ, рязанское и саратовское, признали уже необходимымъ возбудить передъ правительствомъ ходатайства о принятіи части расходовъ по призрѣнію недостаточныхъ семей запасныхъ нижнихъ чиновъ на обще-государственный счетъ, и можно ожидать, что такія же ходатайства послѣдуютъ и со стороны многихъ другихъ земствъ. Насколько подобныя ходатайства могутъ разсчитывать на удовлетвореніе,—покажетъ будущее. Пока же въ виду надвигающейся на десятки и сотни тысячъ семействъ нужды нельзя не пожалѣть, что земскіе дѣятели въ своей массѣ проявили слишкомъ мало благоразумія и сдержанности въ критическій моментъ народной жизни и не нашли въ себѣ достаточно мужества противостоять необдуманному порыву.

Печальнымъ положеніемъ массы семействъ, которыя потеряли своихъ кормильцевъ, призванныхъ въ войско, далеко не исчерпываются вопросы внутренняго быта, выдвинутые войною. Послѣдняя оказала большое и въ общемъ крайне тяжелое вліяніе на всю экономическую жизнь страны. Прежде всего это вліяніе дало себя чувствовать въ Сибири, въ которой многія торговыя фирмы, благодаря отказу Сибирской желѣзной дороги принимать частные грузы, очутились въ затруднительномъ положеніи и даже вынуждены были прекратить платежи. Это обстоятельство въ свою очередь не осталось безъ вліянія на нѣкоторые изъ торговыхъ центровъ Европейской Россіи, но послѣдняя, помимо того, скоро испытала на себѣ и прямое воздѣйствіе военныхъ событій. Съ особенною силою проявилось такое воздѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ и въ сѣверо-западномъ краѣ. „Съ самаго начала войны—писалъ въ минувшемъ маѣ одинъ изъ газетныхъ корреспондентовъ—вліяніе послѣдней отозвалось въ польскомъ краѣ отсутствіемъ наличныхъ денегъ и сокращеніемъ кредита. Хотя центромъ промышленности всего края является Лодзь, но главнымъ денежнымъ рынкомъ слѣдуетъ считать Варшаву, которая, благодаря своимъ многочисленнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, снабжала деньгами всю провинцію; большую роль въ этомъ отношеніи играли и крупныя торговыя фирмы Варшавы, открывавшія кредитъ болѣе мелкимъ фирмамъ и торговцамъ въ провинціальныхъ городахъ. Сама же Варшава въ значительной степени получала денежное питаніе изъ-за границы, пользуясь

широкимъ кредитомъ заграничныхъ банковъ. Съ началомъ войны послѣдніе закрыли кредитъ, варшавскіе банки сдѣлали то же самое, и въ результатѣ крупныя фирмы, сами лишенныя кредита, отказали въ немъ и своимъ кліентамъ, мелкимъ провинціальнымъ торговцамъ; слѣдствіемъ же послѣдняго обстоятельства явилось прекращеніе платежей многими изъ такихъ торговцевъ. Это—затрудненія чисто денежныя... Что же касается фабричной и заводской дѣятельности, то и въ Варшавѣ, и въ Лодзи, и въ Сосновицахъ она находится въ періодѣ застоя. Мелкіе фабриканты принуждены, за неимѣніемъ сбыта и уменьшеніемъ заказовъ, сокращать работы; многіе даже совершенно прекратили работы, и большое количество фабрикъ и заводовъ бездѣйствуетъ... Одна только Лодзь выбросила на улицу 15.000 человѣкъ безработныхъ" *). Положеніе оставшихся безъ труда рабочихъ въ Лодзи уже въ началѣ мая дошло до того, что нерѣдки были случаи паденія людей на улицахъ въ обморокъ отъ истощенія, вызваннаго голодомъ **). Не лучше обстоятъ дѣла и въ промышленныхъ центрахъ сѣверо-западнаго края. Изъ Бѣлостока газетамъ уже въ концѣ апрѣля сообщали, что „злобою дня въ городѣ является призрѣніе большого числа рабочихъ, временно оставшихся безъ работы вслѣдствіе сокращенія производства мѣстными фабрикантами" ***). „Мануфактурныя фабрики въ Бѣлостокѣ—по словамъ одной изъ газетныхъ корреспонденцій—сократили производство болѣе, чѣмъ на половину, и распускаютъ значительную часть рабочихъ. Содержатели торгово-промышленныхъ заведеній заявляютъ, что некуда отпускать товара. Прежніе заказчики или сократили въ 20—30 разъ свои заказы, или прекратили платежи, или совершенно неблагонадежны въ дальнѣйшемъ. Склады и магазины фабрикъ и заводовъ наполнились небывалыми запасами, и всѣ постарались прежде всего сократить число рабочихъ. Это поставило рабочій классъ въ ужасное положеніе. Получая весьма скромное вознагражденіе за трудъ, рабочее населеніе совершенно не имѣетъ сбереженій и вынуждено при лишеніи мѣста жить впроголодь. Особенно сильно сократили штаты мануфактурныя фабрики, и въ настоящее время въ городѣ нѣсколько тысячъ семействъ ткачей сидятъ безъ хлѣба. Нѣкоторые ткачи эмигрируютъ въ Америку, но далеко не у всѣхъ имѣются на то средства. Самый большой процентъ страдающихъ отъ безработицы—евреи" ****). Сокращеніе работъ сказалось и въ Витебскѣ, гдѣ, по словамъ газетъ, уже въ серединѣ апрѣля насчитывалось около 3.000 ремесленниковъ, не имѣвшихъ работы. То были каменщики, красильщики, столяры, плотники, мостовщики и другіе рабочіе, находящіе себѣ обыкно-

*) „Сѣв.-Западный Край". Цитирую по „Нижегор. Листку", 24 мая 1904 г.
**) „Спб. Вѣдомости", 9 мая 1904 г.
***) „Сѣв.-Зап. Край". Цитирую по „Руси", 30 апр. 1904 г.
****) „Спб. Вѣдомости", 1 мая 1904 г.

венно заработокъ при возведеніи новыхъ и ремонтѣ старыхъ построекъ *).

Такое же обостреніе торгово-промышленнаго кризиса, хотя, быть можетъ, и въ нѣсколько меньшей степени, проявилось и въ прибалтійскомъ районѣ. Въ Ригѣ магазины мануфактуры и обуви уже въ мартѣ испытывали серьезныя затрудненія въ дѣлахъ. Банковыя учрежденія сократили до минимума кредитъ даже крупнымъ фирмамъ. На многихъ фабрикахъ было распущено много рабочихъ, а на другихъ было сокращено число рабочихъ дней. Кертельская суконная фабрика на островѣ Даго также сократила штатъ своихъ рабочихъ. Подобныя же явленія повторились и въ другихъ мѣстностяхъ прибалтійскаго края **). Аналогичныя извѣстія приходятъ изъ юго-западныхъ и южныхъ губерній. Въ Бердичевѣ, по словамъ корреспондента „Кіевлянина", „экономическій упадокъ охватилъ всѣ слои населенія. Въ послѣднее время положеніе еще ухудшилось. Неожиданныя банкротства нѣкоторыхъ торговыхъ фирмъ указываютъ на то, что положеніе торговаго класса весьма печально. Наряду съ этимъ переживаетъ большія затрудненія мѣстная фабрично-заводская промышленность. Многіе заводы и фабрики сократили производство, вслѣдствіе чего много рабочихъ осталось безъ работы. Часть этихъ рабочихъ буквально умираетъ съ голоду, и они въ настоящее время ходятъ изъ дома въ домъ, прося о помощи" ***). „Нѣтъ ни одного торговаго или промышленнаго заведенія,—пишутъ „Р. Вѣдомостямъ" изъ Екатеринослава,—гдѣ бы вы не услышали жалобъ на критическое положеніе. Нѣсколько крупныхъ препріятій ликвидируютъ свои дѣла, а менѣе крупныя подъ давленіемъ всякаго рода платежей объявляютъ себя несостоятельными. Совершенно пріостановилась торговля въ книжныхъ магазинахъ, а нѣсколько переплетныхъ мастерскихъ вынуждены были распустить рабочихъ. Штаты понемногу сокращаются во всѣхъ магазинахъ и конторахъ... Общество пособія бѣднымъ разослало циркуляръ, въ которомъ, указывая на необычайный ростъ числа нуждающихся, проситъ вербовать побольше членовъ въ общество. Общество взаимопомощи приказчиковъ, такое же общество учителей и ссудо-сберегательное товарищество завалены просьбами о ссудахъ и пособіяхъ" ****). Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи за послѣднее время, по словамъ газетъ, разнесся сильно смутившій сельскихъ хозяевъ слухъ, что многія табачныя фабрики, преимущественно маленькія, ведущія свои дѣла на капиталъ, добытый въ кредитъ, временно пріостанавливаютъ производство работъ, вслѣдствіе вызваннаго войною сокращенія банками выдачи ссудъ. Помимо того, въ на-

*) „Сѣв.-Зап. Край". Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ", 2 мая 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости", 4 мая 1904 г.
***) Цитирую по „Нижегор. Листку", 6 іюня 1904 г.
****) „Р. Вѣдомости", 6 іюня 1904 г.

званной мѣстности наблюдается общій застой въ дѣлахъ и, въ частности, въ торговлѣ, замѣтно отразившійся, между прочимъ, на весеннихъ ярмаркахъ *).

Не обошелъ такой застой и центральныхъ губерній. Изъ Владимірской губерніи сообщаютъ, что здѣсь на многихъ фабрикахъ въ такихъ районахъ, какъ Ивановъ-Вознесенскъ, Орѣхово-Зуево, Карабаново и т. п., требованіе на рабочихъ сильно уменьшилось, а въ г. Юрьевѣ-Польскомъ изъ трехъ ткацкихъ фабрикъ одна прекратила работу совершенно и, какъ слышно, до сентября, а двѣ другія сократили число станковъ почти на половину **). Въ Нижегородской губерніи кустарямъ павловскаго района также пришлось считаться съ паденіемъ цѣнъ на издѣлія и сокращеніемъ сбыта, такъ какъ крупныя фабрики этой мѣстности уменьшили производство на двѣ трети, а мелкія совершенно отказали въ работѣ ***).

Приведенные факты обрисовываютъ, конечно, лишь небольшую часть общей картины того обостренія экономическаго разстройства, которое создано въ существованіи страны войною и въ свою очередь вызвало къ жизни армію лишившихся труда рабочихъ. Но все же и указанные примѣры позволяютъ видѣть, какъ быстро возростаетъ эта армія безработныхъ и какъ роковымъ образомъ вмѣстѣ съ ея ростомъ все болѣе ухудшается ея положеніе. Возможно быстрое уменьшеніе кадровъ этой арміи и связанное съ нимъ улучшеніе условій жизни рабочаго класса являются однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ текущаго дня, требующимъ самаго пристальнаго вниманія и самыхъ горячихъ заботъ. Но сколько-нибудь серьезное рѣшеніе этого вопроса врядъ-ли мыслимо безъ устраненія коренныхъ причинъ, обусловившихъ собою его появленіе.

Если въ городѣ послѣдствія войны сказались усиленіемъ безработицы, то въ деревнѣ они, какъ мнѣ приходилось уже указывать, ослабили и безъ того не особенно энергичную борьбу съ результатами прошлогодняго неурожая, хотя мѣстами такая борьба являлась крайне необходимой. Согласно свѣдѣніямъ опубликованнаго недавно правительственнаго сообщенія, въ теченіе осени и зимы 1903 года и весны 1904 года правительственная помощь пострадавшему отъ неурожая населенію потребовалась въ 15 губерніяхъ Европейской Россіи, въ губерніяхъ Томской, Тобольской, Иркутской и Енисейской и въ Забайкальской области, при чемъ всего на эту помощь было израсходовано 7.933,023 р. Изъ этой суммы 683.210 р. были затрачены изъ мѣстныхъ средствъ,

*) „Кіевлянинъ". Цитирую по „Нижегор. Листку", 27 мая 1904 г.
**) „Р. Вѣд.", 4 мая 1904 г.
***) „Р. Вѣд.", 31 мая 1904 г.

остальные же расходы пали на долю общаго продовольственнаго капитала, изъ котораго было отпущено 1.420.728 р. на продовольствіе, 5.023.085 р. на обсѣмененіе полей и 806.000 р. на прочія мѣропріятія. Не вездѣ, однако, эта помощь оказалась достаточной, и особенно рѣзко выступила ея недостаточность въ весенніе мѣсяцы, когда вызванное войною общее сокращеніе издержекъ казны коснулось и продовольственнаго дѣла.

Всего болѣе пострадала отъ неурожая, по словамъ названнаго сообщенія, Нижегородская губернія, изъ одиннадцати уѣздовъ которой правительственная помощь потребовалась въ десяти. Въ теченіе минувшей весны изъ различныхъ мѣстъ этой губерніи непрерывно приходили печальныя вѣсти. „Положеніе нашего села — писали въ концѣ марта „Нижегородской Земской Газетѣ“ изъ с. Шутилова Лукояновскаго уѣзда — въ настоящее время чрезвычайно тяжелое. Народъ замаялся съ покупкой хлѣба, а подсобныхъ работъ почти никакихъ нѣтъ. Пособіе слишкомъ слабо и мало удовлетворяетъ нуждамъ. Особенно плохо приходится скоту“. „Крестьянамъ не забыть будетъ—сообщали той же газетѣ изъ д. Княжъ-Павлово—прошлый 1903 годъ и только что минувшую зиму. Очень плохъ былъ урожай ржаного, ярового не собрали даже и сѣмянъ, скотину большей частью пораспродали на разныя нужды и платежи повинностей. Кормиться стало нечѣмъ, купить не на что, да и продать нечего. Хоть суму надѣвай, да по міру ступай“ *). „Крестьяне—писали въ апрѣлѣ изъ с. Сосновскаго Горбатовскаго уѣзда — сильно обѣднѣли отъ недостатка кормовъ. Каждый нуждается не только въ овсѣ, но и въ сѣнѣ; продаютъ послѣднюю лошадь или корову“. О распродажѣ крестьянами скота сообщали также и изъ различныхъ мѣстностей Нижегородскаго уѣзда, не менѣе другихъ пострадавшаго отъ неурожая. „Крестьянъ каждый день только и тревожатъ сборами, — писалъ корреспондентъ „Нижегор. Земской Газеты“ изъ д. Шерменево—а не то что на платежи, ѣсть нечего ни себѣ, ни скотинѣ“. По словамъ другого корреспондента той же газеты изъ Ардатовскаго уѣзда, „нынѣшній годъ настолько оказался плохъ, что крестьяне придутъ надолго въ раззореніе. Скотину лишнюю всю продали осенью по дешевой цѣнѣ. Скотъ, оставленный на зиму, переносилъ ее трудно, кормъ плохъ, а то и вовсе его не было“ **). При такихъ условіяхъ одна лишь сѣменная ссуда, сопровождаемая небольшимъ продовольственнымъ пособіемъ, не могла, конечно, предохранить хозяйство массы отъ раззоренія. Нуждающіяся семьи получали продовольственное пособіе по 1 пуду на ѣдока въ мѣсяцъ, а въ февралѣ даже по 36 фунтовъ. Въ свою очередь сѣменною ссудой, даже тамъ, гдѣ она была выдана во-время,

*) „Нижегор. Земская Газета“, 15 апрѣля 1904 г.
**) „Нижегор. Земская Газета“, 22 апр. 1904 г.

крестьяне не всегда могли воспользоваться: у нѣкоторыхъ уже не было къ этому времени рабочаго скота, у другихъ онъ, вслѣдствіе вызваннаго безкормицей истощенія, отказывался работать уже въ половинѣ рабочаго дня.

Аналогичныя вѣсти сообщались и изъ сильно пострадавшей Саратовской губерніи. Такъ, въ Камышинскомъ уѣздѣ, по разсказу корреспондента „Спб. Вѣдомостей", среди истощеннаго уже предыдущими неурожаями крестьянскаго населенія „недостатокъ въ хлѣбѣ и кормовыхъ средствахъ обнаружился въ началѣ зимы. Нѣкоторымъ было выдано продовольствіе въ декабрѣ: выдавалось пособіе на стариковъ, дѣтей и женщинъ, неспособныхъ къ труду. Но и эта помощь оказалась безсильной. Работъ—никакихъ, промысла—тоже. И крестьяне вынуждены были продавать послѣднюю животину: кто продавалъ послѣднюю коровенку, кто кляченку, а тѣ изъ бѣдняковъ, которые давно ужъ лишились этой животинки, продавали „живность": куръ, утокъ и проч., а также послѣднюю домашнюю рухлядь. Однимъ словомъ, крестьяне колотились всю зиму, какъ рыба объ ледъ. Какъ на зло, и весна запоздала. А когда настало время сѣва яровыхъ, тому сѣять нечѣмъ, у другого ни лошади, ни семейству ѣсть нечего" *).

Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, считавшихся сравнительно благополучными. Пермская губернія, повидимому, была признана не особенно сильно пострадавшей, такъ какъ въ ней, по словамъ правительственнаго сообщенія, было истрачено изъ средствъ общаго продовольственнаго капитала всего 140.000 р. Между тѣмъ въ Чердынскомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ экстренное земское собраніе, происходившее въ началѣ апрѣля, констатировало крайнюю нужду, требовавшую неотложной помощи **). Рязанская губернія оказалась совсѣмъ не внесенной въ списокъ нуждавшихся въ правительственной помощи мѣстностей, тогда какъ населеніе этой губерніи минувшимъ лѣтомъ не добрало сѣна на 5 милліоновъ пудовъ противъ 1902 года. Въ виду такого неурожая кормовъ рязанское губернское земское собраніе возбудило было даже ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи ввоза въ Рязанскую губернію по льготному тарифу отрубей, жмыховъ, сѣна и другихъ кормовыхъ средствъ. Однако въ отвѣтъ на это ходатайство земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ рязанскаго губернатора, что въ виду особо неблагопріятнаго положенія желѣзныхъ дорогъ, вызваннаго военными дѣйствіями на Дальнемъ Востокѣ, министерство финансовъ не нашло возможнымъ установить испрашиваемый льготный тарифъ ***). Не примѣнялась правительственная помощь

*) „Спб. Вѣдомости", 1 мая 1904 г.
**) „Новое Время", 11 апрѣля 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости", 15 марта 1904 г.

и въ Минской губерніи, немалая часть крестьянскаго населенія которой тяжело пострадала отъ неурожая 1903 года. Зиму крестьяне кое-какъ перебились, распродавая скотъ и имущество. Съ началомъ весны нѣкоторыя волости стали ходатайствовать о выдачѣ ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Земскіе начальники, объѣздивъ нуждающіяся мѣстности, рѣшили возбудить ходатайство о выдачѣ крестьянамъ такихъ ссудъ и представили соображенія волостныхъ правленій о нужномъ количествѣ сѣмянъ. Съ своей стороны уѣздные съѣзды, констатировавъ фактъ крайней нужды въ хлѣбѣ, произвели разсчетъ нужнаго для раздачи количества зерна и препроводили ходатайства на усмотрѣніе и окончательное рѣшеніе губернскаго присутствія. Однако ходатайства эти не получили удовлетворенія, а вмѣсто него явился циркуляръ продовольственнаго отдѣленія губернскаго присутствія, преподавшій уѣзднымъ съѣздамъ и земскимъ начальникамъ точныя указанія о порядкѣ возбужденія подобныхъ ходатайствъ. Согласно этимъ указаніямъ, земскіе начальники прежде всего должны обозначить въ спискахъ нуждающихся въ ссудахъ число взрослыхъ ѣдоковъ и дѣтей и, согласно этому числу, произвести разсчетъ продовольственной ссуды съ исчисленіемъ нужды по мѣсяцамъ. При испрошеніи же ссудъ на обсѣмененіе полей, земскіе начальники должны точно обозначить число подлежащихъ обсѣмененію десятинъ земли, отдѣльно подъ озимые и яровые посѣвы, и произвести разсчетъ ссуды на основаніи потребнаго по мѣстнымъ обычаямъ количества зерна на каждую десятину, съ обозначеніемъ этого количества въ мѣрѣ и вѣсѣ. Равнымъ образомъ земскимъ начальникамъ поручается слѣдить за правильнымъ составленіемъ общественныхъ приговоровъ на этотъ счетъ. Уѣздные же съѣзды, согласно указаніямъ циркуляра, должны строго и неуклонно слѣдить за выполненіемъ предписаннаго порядка и провѣрять представляемые имъ разсчеты, не удовлетворяясь засвидѣтельствованіемъ ихъ правильности со стороны земскаго начальника. „Такимъ образомъ — говоритъ одинъ изъ сообщившихъ объ этой исторіи корреспондентовъ—продовольственное отдѣленіе губернскаго присутствія оставило всѣ ходатайства уѣздныхъ съѣздовъ безъ движенія. На приведеніе же въ исполненіе указаннаго циркуляра потребуется не мало времени: при разбросанности и обширности участковъ земскихъ начальниковъ послѣдніе не будутъ имѣть никакой физической возможности объѣхать всѣ деревни, въ которыхъ замѣчается нужда въ продовольствіи, и произвести разсчетъ потребнаго количества хлѣба, согласно числу ѣдоковъ. Поручить это дѣло волостнымъ правленіямъ земскій начальникъ не рѣшится въ виду циркуляра, и вопросъ о снабженіи населенія продовольствіемъ или посѣвнымъ матеріаломъ текущей весной надо считать оставленнымъ безъ разрѣшенія. Между тѣмъ изъ уѣздовъ доходятъ невеселыя вѣсти: то и дѣло приходится слышать о настоящей го-

лодовкѣ среди многихъ крестьянъ. Время посѣва приходитъ къ концу, а многія поля остаются необсѣмененными. Положеніе крестьянъ съ каждымъ днемъ становится все хуже" *).

Но едва-ли не въ наиболѣе тяжеломъ положеніи оказалось населеніе тѣхъ мѣстностей Сибири, которыя прошлымъ лѣтомъ пострадали отъ неурожая, а въ настоящее время вынуждены нести на себѣ въ усиленномъ размѣрѣ всѣ тягости войны. Продовольственная помощь и въ этихъ мѣстностяхъ, судя по многочисленнымъ сообщеніямъ сибирской печати, частью запоздала, частью была оказана не въ надлежащемъ размѣрѣ. Къ тому же во многихъ мѣстахъ крестьянскіе начальники въ теченіе минувшей зимы весьма энергично занимались сборомъ недоимокъ и ссудъ, данныхъ крестьянамъ въ полуголодную зиму 1901—1902 г., настойчиво требуя внесенія таковыхъ въ указанные сроки и нисколько не считаясь съ тѣмъ, что это подчасъ совершенно раззоряло маломощныхъ хозяевъ. Иногда, по словамъ газетъ, „процедура взысканія недоимокъ совершалась почему-то весьма спѣшно, и крестьянскіе начальники щедрою рукою разсыпали штрафы, аресты и увольненія по адресу старостъ и писарей за „неаккуратность" и „бездѣятельность" **). Съ началомъ весны бѣдствіе населенія во многихъ мѣстностяхъ дошло до крайности. Особенно сильно дало себя чувствовать это бѣдствіе въ Забайкальской области. Изъ Оловской волости „Забайкалью" уже въ началѣ марта сообщали, что тамъ многіе начали, за неимѣніемъ хлѣба, питаться лебедой, тогда какъ скотъ валится отъ полной безкормицы. Одновременно съ этимъ той же газетѣ писали изъ Селенгинской волости: „хлѣбъ, бывшій раньше не дороже 80 к. пудъ, дошелъ до 1 р. 40 к., мясо съ 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. дошло до 3 р. 60 к.; возъ сѣна стоитъ 8 р., возъ соломы—4 р. 50 к." ***). Въ началѣ мая во всѣхъ селахъ и деревняхъ Нерчинскаго округа наблюдалась уже полнѣйшая безхлѣбица. Доведенное трехлѣтними неурожаями до крайней бѣдности, населеніе распродавало скотъ, но хлѣба всетаки находило мало, и то за крайне дорогую цѣну ****). Около этого же времени въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Селенгинскаго уѣзда появилась цынга, при чемъ заболѣвавшіе ею оставались безъ всякой медицинской помощи *****).

Въ настоящій моментъ, конечно, уже поздно поправлять ошибки продовольственной кампаніи минувшаго года. Но эти ошибки, по крайней мѣрѣ, должны послужить урокомъ для будущаго, быть можетъ, даже недалекаго. Уже теперь изъ различныхъ мѣстностей Россіи приходятъ вѣсти о крайне неблагопріят-

*) „СПБ. Вѣдомости", 22 мая 1904 г.
**) „Восточное Обозрѣніе", 21 мая 1904 г.
***) Цитирую по „Вост. Обозрѣнію", 19 марта 1904 г.
****) „Вост. Обозрѣніе", 27 мая 1904 г.
*****) „Вост. Обозрѣніе", 11 мая 1904 г.

номъ состояніи хлѣбовъ и травъ, и весьма возможно, что текущее лѣто готовитъ намъ новый неурожай, чреватый еще болѣе серьезными послѣдствіями для массы населенія, чѣмъ прошлогодній. Правда, за послѣднее время голодовка въ деревнѣ и безработица въ городѣ стали для насъ почти привычными явленіями. Но черезчуръ разсчитывать на такую привычку всетаки не приходится, тѣмъ болѣе, что вызванныя войною экономическія затрудненія способны оказать слишкомъ энергическое содѣйствіе развитію обоихъ указанныхъ явленій.

II.

На убогихъ поляхъ современной россійской прессы время отъ времени произрастаютъ удивительные махровые цвѣтки. Въ послѣднее время однимъ изъ любопытнѣйшихъ цвѣтковъ такого рода является издаваемый кн. Мещерскимъ „для народа" журналъ „Дружескія Рѣчи". Самъ по себѣ этотъ журналъ, выходящій въ свѣтъ уже около года, замѣчателенъ развѣ лишь поразительнымъ невѣжествомъ и столь же поразительною безграмотностью своего содержанія. Но объ этихъ качествахъ новаго журнала, составляющихъ неотъемлемое достоинство всѣхъ писаній кн. Мещерскаго и его сотрудниковъ, едва-ли стоитъ говорить. Любопытнѣе пріемы, пускаемые въ ходъ для распространенія „Дружескихъ Рѣчей" среди читательской массы. Проникшія въ печать свѣдѣнія о такихъ пріемахъ рисуютъ крайне своеобразную картину, которой нельзя, впрочемъ, отказать въ извѣстной выдержанности „русскаго стиля".

Въ концѣ прошлаго года нѣкоторыми волостными правленіями Вятской губерніи были получены печатные листки слѣдующаго содержанія: „Въ волостное правленіе. Въ маѣ нынѣшняго года мною было послано въ правленіе, съ согласія г. министра внутреннихъ дѣлъ, объявленіе о подпискѣ съ 1-го мая 1903 г. по май 1904 г. на предпринятый мною для крестьянскаго чтенія еженедѣльный журналъ съ картинами подъ заглавіемъ „Дружескія Рѣчи". Въ то же время посланъ былъ мною первый нумеръ журнала для ознакомленія съ изданіемъ. Между тѣмъ отъ волостного правленія не послѣдовало никакого отвѣта. Вслѣдствіе сего, препровождая вновь объявленіе о журналѣ, прошу волостное правленіе меня увѣдомить, съ приложеніемъ списка о крестьянахъ, желающихъ подписаться въ волости. Каждому подписчику будутъ высланы всѣ нумера съ перваго. Цѣна годовой подписки—1 р. съ пересылкой. Деньги можно высылать разомъ или съ разсрочкой чрезъ волостное правленіе. Въ случаѣ требованія 10-ти экземпляровъ на волость 11-й высылается безплатно. Редакторъ-издатель князь В. Мещерскій. С.-Петербургъ, Гродненскій, пер.,

6.—5 декабря 1903 г.—Дозволено цензурой. Спб., 8 декабря 1903 г.—Типографія князя В. П. Мещерскаго, Спасская, 27" *). Приведенный листокъ, обошедшій, по всей вѣроятности, волостныя правленія не одной только Вятской губерніи, написанъ не безъ нѣкоторой дозы хитрости. Разослать по волостнымъ правленіямъ дозволенныя цензурой объявленія возможно, конечно, и безъ спеціальнаго согласія министра внутреннихъ дѣлъ. Но упоминаніе въ листкѣ о такомъ согласіи и самый стиль листка, близко напоминающій слогъ оффиціальныхъ бумагъ, должны, очевидно, служить особымъ цѣлямъ, давая понять деревенскимъ читателямъ, что газета кн. Мещерскаго газета не совсѣмъ обыкновенная, и что онъ, дѣйствительно, имѣетъ какое-то право требовать отъ волостныхъ правленій, чтобы они явились его безплатными агентами по пріему подписки на „Дружескія Рѣчи" и распространенію послѣднихъ въ деревнѣ.

Въ своихъ требованіяхъ отъ волостного начальства кн. Мещерскій готовъ, впрочемъ, идти и дальше. Когда въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, по волостямъ котораго также были разосланы листки съ „предложеніемъ" понуждать крестьянъ къ выпискѣ „Дружескихъ Рѣчей", подписчиковъ на этотъ журналъ не нашлось, кн. Мещерскій разослалъ волостнымъ правленіямъ названной мѣстности уже настоящее „требованіе" о доставкѣ ему свѣдѣній, „сколько грамотныхъ крестьянъ въ каждой волости". Правда, и на этотъ разъ, по разсказу корреспондента „Кіевскихъ Откликовъ", „кн. Мещерскій потерпѣлъ фіаско: волостныя правленія, будучи обременены массою такъ называемой срочной работы, и до сихъ поръ еще, вотъ уже около пяти мѣсяцевъ, составляютъ статистику грамотныхъ въ волости" **). Надо думать, однако же, редакторъ-издатель „Дружескихъ Рѣчей" не остановится передъ какимъ-нибудь новымъ требованіемъ для уничтоженія этой медленности.

Ожидать отъ него этого тѣмъ болѣе основаній, что онъ безусловно обнаруживаетъ извѣстное умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ. Когда началась война съ Японіей, кн. Мещерскій обрушился градомъ упрековъ на петербургскихъ газетчиковъ по поводу ихъ погони за пятачками. И приблизительно въ то же самое время Ѳеодосійская земская управа—надо полагать, не въ видѣ исключенія,—получила отъ того же кн. Мещерскаго слѣдующее „предложеніе": „такъ какъ съ 1 мая сего года общедоступный журналъ „Дружескія Рѣчи" съ картинами, въ виду событій войны, выходитъ два раза въ недѣлю, при чемъ цѣна годовой подписки не измѣняется, то, предполагая, что управа пожелаетъ воспользоваться для земскихъ школъ этою дешевизною

*) „Р. Вѣдомости", 26 января 1904 г.
**) „Кіевскіе Отклики", 27 мая 1904 г.

изданія, я считаю долгомъ о семъ ее увѣдомить". Неизвѣстно, какъ поступили всѣ другія земскія управы, но управа ееодосійская, подобно вятскимъ и сквирскимъ волостнымъ правленіямъ, не поняла своихъ выгодъ и не пожелала „воспользоваться" предлагавшейся ей „дешевизной" *).

Не всегда, впрочемъ, усилія кн. Мещерскаго остаются столь безрезультатными. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, какъ сообщаютъ газеты, въ земскія школы по распоряженію земской уѣздной управы выписаны на земскій счетъ „Дружескія Рѣчи". Не мѣшаетъ замѣтить, что рыбинское земство не снабжаетъ своихъ школъ ни учебниками, ни наглядными пособіями и, помимо уплаты жалованья учительскому персоналу, участвуетъ въ дѣлѣ поддержанія училищъ только ассигнованіемъ небольшой суммы (по смѣтѣ текущаго года—200 р.) „на выписку для учителей учебныхъ руководствъ", какъ значится въ отчетахъ управы **). Не снабжать школьниковъ учебными пособіями и выписывать въ школы журналъ кн. Мещерскаго—это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ правильно. Впрочемъ, насчетъ послѣдняго, повидимому, возможны различные взгляды. Въ Саратовской губерніи балашовское земское собраніе постановило было отклонить ходатайство училищнаго совѣта объ ассигнованіи земствомъ средствъ для выписки во всѣ школы уѣзда „Дружескихъ Рѣчей" кн. Мещерскаго, но вслѣдъ затѣмъ это постановленіе было пріостановлено мѣстнымъ губернаторомъ ***). Въ другихъ мѣстностяхъ эти „Дружескія Рѣчи" не менѣе усердно предлагаются и взрослому крестьянскому населенію. Такъ, въ м. Броварахъ Черниговской губерніи остерскій земскій начальникъ г. Красовскій предложилъ крестьянскому сходу выписывать для каждаго села на счетъ мірской кассы названный журналъ кн. Мещерскаго и это предложеніе начальства было принято крестьянами ****). Съ еще бо́льшею рѣшительностью поступилъ въ Смоленской губерніи земскій начальникъ 1-го участка Дорогобужскаго уѣзда, предписавшій, по словамъ газетъ, всѣмъ волостнымъ правленіямъ подвѣдомственнаго ему участка „немедленно выписать на канцелярскія средства одинъ экземпляръ журнала „Дружескія Рѣчи", издаваемаго кн. Мещерскимъ", и „принять безотлагательныя мѣры къ возможно большему распространенію среди мѣстнаго населенія одобреннаго г. министромъ сего изданія кн. Мещерскаго" *****).

„Интересно,—говоритъ по поводу этого послѣдняго факта

*) „Южный Курьеръ". Цитирую по „Нижегор. Листку", 24 мая 1904 г.
**) „Нижегор. Листокъ", 6 іюня 1904 г.
***) „Русь", 17 марта 1904 г.
****) „Кіевскіе Отклики", 9 мая 1904 г.
*****) „Днѣпровскій Вѣстникъ". Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ", 24 мая 1904 г.

сообщившая его газета,—какія мѣры будутъ принимать волостныя правленія къ распространенію „Дружескихъ Рѣчей“ и будутъ ли послѣднія выписываться крестьянами“. Быть можетъ, однако, еще болѣе интересно, въ силу какихъ узаконеній и съ какого именно времени земства обязаны выписывать въ свои школы „Дружескія Рѣчи“ кн. Мещерскаго, а земскіе начальники получили право обязывать къ выпискѣ того же журнала крестьянскія общества.

III.

За послѣдній мѣсяцъ состоялся рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Какъ сообщаетъ „Правительственный Вѣстникъ“, высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ постановлено оставить г. Кишиневъ въ состояніи усиленной охраны еще на одинъ годъ, срокомъ по 8 апрѣля 1905 года.

Курская губернская земская управа, по словамъ газетъ, получила отъ мѣстнаго губернатора запросъ, какимъ порядкомъ избираются или назначаются представители губернскаго врачебнаго совѣта на Пироговскіе съѣзды врачей. Одновременно съ этимъ отъ правленія Пироговскаго Общества было получено увѣдомленіе, что, по указанію администраціи, справочно-посредническая коммиссія при названномъ обществѣ прекратила свою дѣятельность *). Какъ сообщаютъ „Моск. Вѣдомости“, сенаторъ Турау назначенъ для ознакомленія съ дѣлами Общества Русскихъ Врачей въ память Н. И. Пирогова, третьяго съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію и перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей агрономической помощи населенію, происходившаго въ Москвѣ въ февралѣ 1901 года, и уже приступилъ къ ревизіи этихъ съѣздовъ **).

Въ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ виленскаго военнаго округа: „Въ г. Поневѣжѣ 28 февраля сего года, во время произведенной евреями демонстраціи, рядовой 7-й роты 179-го пѣхотнаго Устьдвинскаго полка Павелъ Ермаченокъ оказалъ весьма важное содѣйствіе жандармскому унтеръ-офицеру: бросившись въ толпу, среди коей были и вооруженные, стрѣлявшіе изъ револьверовъ,

*) „Р. Вѣдомости“, 1 марта 1904 г.
**) „Моск. Вѣдомости“, 16 мая 1904 г.

онъ задержалъ одного изъ участниковъ демонстраціи. За такое самоотверженное и честное исполненіе названнымъ нижнимъ чиномъ своего долга отъ лица службы благодарю командира роты капитана Никольскаго, утвердившаго въ подчиненныхъ ему нижнихъ чинахъ ясное пониманіе своихъ обязанностей, а рядовому Ермаченку объявляю мое „спасибо" и предписываю выдать въ награду 5 р. изъ экстраординарныхъ суммъ. Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ" *).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства" напечатано слѣдующее объявленіе мѣстнаго градоначальника: „По минованіи надобности, отмѣняю мною изданное 17 марта 1904 г. обязательное постановленіе о распространеніи завѣдомо ложныхъ слуховъ, волнующихъ населеніе. И. д. градоначальника Нейгардтъ" **).

Въ той же газетѣ напечатаны слѣдующія постановленія одесскаго градоначальника: отъ 2 апрѣля: „за нарушеніе дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія объ ограниченіи пользованія оружіемъ, мѣщанъ Константина Фельдмана, Шмуля-Самуила Вальковича и Юделя Бутенскаго: перваго за то, что носилъ при себѣ револьверъ, второго за то, что имѣлъ при себѣ мѣдный наручникъ, и третьяго за то, что носилъ при себѣ кинжалъ, подвергнуть аресту на три мѣсяца каждаго"; отъ 7 апрѣля: „крестьянина Кипріяна Ковбея за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собралъ на Новомъ молѣ толпу и, кромѣ того, дозволилъ себѣ нанести городовому оскорбленіе дѣйствіемъ, чѣмъ нарушилъ дѣйствующее въ градоначальствѣ обязательное постановленіе отъ 4 марта 1902 г. о воспрещеніи сходбищъ на улицахъ, подвергнуть аресту на одинъ мѣсяцъ"; отъ 12 апрѣля: „по неблагонадежности владѣльцевъ и, между прочимъ, за то, что послѣдніе допускали производство торговли и ремесла внѣ установленнаго времени, нижеперечисленныя заведенія закрыть на три дня: 1) мастерскую жестяныхъ издѣлій, содержимую въ домѣ № 17 по Госпитальной улицѣ мѣщ. Беркою Вѣрникомъ; 2) табачно-бакалейную лавку, содержимую въ д. № 60 по Болгарской ул. мѣщ. Хаимомъ Пинтомъ, 3) аптекарскій магазинъ, содержимый въ д. № 17 по Московской ул. женою провизора Хаею Райхеръ, 4) башмачную лавку, содержимую въ д. Миллера по Московской ул. мѣщ. Ицкомъ Шифринымъ, 5) посудную лавку, содержимую въ д. Миллера по Московской ул. мѣщ. Эстеръ Фишманъ, и 6) магазинъ готоваго платья и мануфактурную лавку, содержимую въ д. № 17 по Московской ул. мѣщ. Беркой Гринбергомъ" ***).

---

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 20 мая 1904 г.
**) Цитирую по „Од. Новостямъ.", 29 мая 1904 г.
***) Цитирую по „Восходу", 15 и 22 апрѣля 1904 г.

Въ „Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано: „И. д. бессарабскаго губернатора, разсмотрѣвъ протоколъ, составленный приставомъ 2 участка Соловкинымъ, нашелъ, что евреемъ Я. М. Бѣленькимъ нарушены обязательныя постановленія, изданныя 17 марта 1904 г. Нарушеніе это выразилось въ томъ, что, когда дежурный околодочный надзиратель Боровицкій обратился къ толпѣ, собравшейся въ ночь на 29 мая въ казенномъ саду около павильона Капмаре, съ требованіемъ разойтись, то находившійся среди толпы еврей Бѣленькій требованія этого не исполнилъ, а сталъ громко и дерзко возражать околодочному надзирателю и этимъ привлекъ толпу. Для удаленія его изъ сада пришлось прибѣгнуть къ полицейскимъ мѣрамъ. И. д. начальника губерніи постановилъ: подвергнуть Бѣленькаго аресту на двѣ недѣли“ *).

Въ свою очередь кіевскія газеты приводятъ слѣдующія постановленія мѣстнаго губернатора:

Постановленіемъ отъ 6 мая, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 24 іюня 1896 г. о дворникахъ и ночныхъ сторожахъ, подвергнуты аресту при полиціи: дворники: М. Богдановъ—на 7 сутокъ, С. Соболевъ, И. Ткаченко, К. Верещакъ и М. Ткаченко—на 5 сутокъ каждый, В. Казаковъ, П. Бобровскій и ночной сторожъ Д. Подлѣсный—на 2 сутокъ каждый **).

Постановленіемъ отъ 7 мая, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 15 сентября 1881 г. о воспрещеніи жителямъ г. Кіева ношенія при себѣ всякаго рода оружія, подвергнуты аресту при полиціи: мѣщ. В. А. Кищенко, А. С. Правденковъ и крест. А. С. Федоренко—на два мѣсяца каждый и мѣщ. М. А. Анцыбаровъ—на одинъ мѣсяцъ ***).

Постановленіемъ отъ 8 мая подвергнуты административнымъ взысканіямъ: мѣщ. А. А. Блейдель, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора о воспрещеніи жителямъ г. Кіева ношенія при себѣ всякаго рода оружія,—аресту при полиціи на 3 мѣсяца; мѣщ. И. П. Даниловъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія начальника края отъ 9 апрѣля 1901 г.,—аресту при полиціи на 1 мѣсяцъ; за нарушеніе обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора отъ 15 сентября 1881 г. и 9 апрѣля 1901 г.: мѣщ. П. И. Перевозчиковъ и А. М. Ткаченко—аресту при полиціи на 3 мѣсяца каждый, и Ф. Г. Соловьевъ, М. Ф. Шелкуновъ и И. К. Калиновскій—на 2 мѣсяца каждый ****).

---

*) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 9 іюня 1904 г.

**) „Кіевскіе Отклики“, 10 мая 1904 г.

***) „К. Отклики“, 11 мая 1904 г.

****) „К. Отклики“, 14 мая 1904 г.

Постановленіемъ отъ 11 мая, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 17 марта 1904 г. о воспрещеніи сходбищъ и собраній, противныхъ общему спокойствію и тишинѣ, подвергнуты административнымъ взысканіямъ: квартирохозяйка Сура Туркель—денежному штрафу въ размѣрѣ 50 р.; мѣщане Бенціановъ, Клапуха, Литвакъ, Гутгарцъ, Хуторскій и Турчинскій—аресту на 3 мѣсяца каждый, Бейлинъ и Фридманъ—аресту на 2 мѣсяца каждый; освобождены изъ-подъ ареста, въ виду вмѣненія въ наказаніе времени, проведеннаго подъ предварительнымъ арестомъ, мѣщанка Шифра Фридманъ и Злата Туркель *).

Постановленіями отъ 20 и 21 мая, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., подвергнуты аресту при полиціи: И. Н. Трандафимъ и мѣщ. М. М. Померанецъ—на 2 мѣсяца каждый, и мѣщане В. Х. Мещеряковъ и С. А. Шелякинъ—на 1 мѣсяцъ каждый. За нарушеніе обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора отъ 21 апрѣля 1879 г. и 15 сентября 1881 г. о прописке видовъ на жительство и инструкціи для домовыхъ дворниковъ и ночныхъ сторожей въ г. Кіевѣ, утвержденной 27 іюня 1896 г., подвергнуты взысканіямъ: домовладѣлецъ мѣщ. А. Ф. Желтовъ—штрафу въ 200 р. и бывшій его дворникъ А. Стаховъ—аресту при полиціи на 2 недѣли **). За нарушеніе тѣхъ же постановленій подвергнуты штрафамъ: управляющій домомъ Б. Баришпольскій—въ 100 р., завѣдующій домомъ М. Розенштейнъ— въ 50 р., смотритель домовъ Общества Трудолюбія Вл. Страховскій и завѣдующій домомъ Д. Фадбишенко—въ 20 р. каждый, домовладѣлица А. Косенко—въ 15 р. и дворникъ П. Пятакъ—въ 10 р. За нарушеніе тѣхъ же постановленій подвергнуты аресту при полиціи: ночной сторожъ А. Андреевъ—на 7 сутокъ, дворникъ А. Коврижко—на 5 сутокъ, дворники К. Семаненко и Д. Бриленко—на 4 сутокъ, ночной сторожъ Ст. Танцуровъ и дворникъ А. Ставскій—на 3 сутокъ и дворники Д. Кобзаренко и Н. Амалей — на 2 сутокъ. Кромѣ того, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 27 іюня 1888 г. объ освѣщеніи домовъ и дворовъ, 18 домовладѣльцевъ подвергнуты штрафамъ въ размѣрѣ отъ 10 р. до 1 рубля ***).

Постановленіемъ отъ 23 мая крестьянинъ А. П. Кузьменко, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., подвергнутъ аресту при полиціи на 2 недѣли, считая срокъ со дня задержанія его по настоящему дѣлу ****).

Постановленіями отъ 31 мая, за нарушеніе обязательнаго по-

*) „К. Отклики", 14 мая 1904 года.
**) „К. Отклики", 25 мая 1904 г.
***) „К. Отклики", 27 и 29 мая 1904 г.
****) „К. О.", 3 іюня 1904 г.

становленія генералъ-губернатора отъ 4 апрѣля 1901 г., подвергнуты аресту при полиціи: дворянинъ А. А. Москаленко-Александровскій и почетный гражданинъ П. П. Поповъ—на 2 мѣсяца каждый и крестьянинъ Ив. Ст. Чикуновъ—на 3 мѣсяца; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 15 сентября 1881 г., кр. М. Г. Карпенко—на 2 мѣсяца и кр. Ст. Ив. Ефимовъ—на 1 мѣсяцъ; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля 1901 г. о воспрещеніи жителямъ г. Кіева ношенія при себѣ всякаго рода оружія, кр. Дм. Ив. Коровинъ, Н. П. Асауленко и М. П. Асауленко—на 3 мѣсяца каждый *).

Постановленіемъ отъ 4 іюня, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 21 апрѣля 1879 г. и 15 сентября 1881 г. о прописке видовъ на жительство, подвергнуты штрафамъ слѣдующіе домовладѣльцы: Зд. Гурскій—въ 8 р., М. Якубовская—въ 6 р., П. Федорова, И. Бурдонъ, Р. Бѣльченко, Кс. Болотова, С. Болотовъ, П. Слуцкій и А. Борецкій—въ 5 р. каждый и Тр. Клименко, М. Гнѣвушевъ, О. Фогель, Гр. Голіонко и М. Тимошевская—въ 3 р. каждый **).

Въ г. Баку правленіе мѣстнаго армянскаго человѣколюбиваго общества получило, по словамъ „Бакинскихъ Извѣстій", отъ бакинскаго губернатора кн. Накашидзе сообщеніе, что, согласно увѣдомленію канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, ходатайство общества объ открытіи вновь библіотеки-читальни, закрытой 10 марта 1903 г. по распоряженію главнаго кавказскаго начальства, оставлено безъ уваженія, такъ какъ генералъ-адъютантъ кн. Голицынъ не усмотрѣлъ въ числѣ функцій общества, по его уставу, открытія и содержанія библіотекъ и читаленъ. Правленію общества предложено довести объ этомъ до свѣдѣнія общаго собранія и рѣшеніе послѣдняго о дальнѣйшей судьбѣ библіотеки-читальни представить губернатору ***).

Какъ сообщаютъ кавказскія газеты, генералъ-адъютантъ кн. Голицынъ, на основаніи п. 7-го именного высочайшаго указа сенату 3 марта 1897 г. и согласно съ заключеніемъ совѣта главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, призналъ нужнымъ крестьянину сел. Чочхаты, Озургерскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, Сергѣю Антонову Куталайшвили и мѣщанину г. Александрополя Крикору Арутюнову Григорянцу воспретить, какъ лицамъ, вреднымъ для общественнаго порядка и безопасности,

---

*) „К. О.", 5 іюня 1904 г.
**) „К. О.", 10 іюня 1904 г.
***) Цитирую по „СПБ. Вѣдомостямъ", 9 мая 1904 г.

жительство въ Кавказскомъ краѣ, послѣднему — въ теченіе 5 лѣтъ *).

Въ „Южномъ Краѣ“ въ ноябрѣ прошлаго года было сообщено, со словъ газеты „Кавказъ“, что помощнику присяжнаго повѣреннаго Г. Н. Егіазарову воспрещено жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края. Въ настоящее время „Южному Краю“ доставлено оффиціальное удостовѣрѣніе о томъ, что г. Егіазарову разрѣшено возвратиться на Кавказъ **).

По словамъ „Новаго Обозрѣнія“, въ кутаисскомъ тюремномъ замкѣ содержатся въ настоящее время крестьяне Озургерскаго уѣзда Григорій и Антонъ Чхартишвили и Харлампій Кавсарадзе, привлекавшіеся въ качествѣ обвиняемыхъ вмѣстѣ съ другими лицами, въ томъ числѣ кн. Ал. Мачутадзе, по дѣлу объ ограбленіи потійскаго казначества, но приговоромъ военно-окружнаго суда 13 октября 1903 года оправданные. Всѣ четыре упомянутыя лица взяты подъ стражу по распоряженію администраціи, какъ подлежащія высылкѣ за предѣлы Кавказскаго края срокомъ на 5 лѣтъ, согласно постановленію совѣта главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ ***).

Въ теченіе прошлаго мѣсяца были опубликованы также свѣдѣнія о нѣсколькихъ судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Въ люблинскомъ окружномъ судѣ, какъ сообщаютъ газеты, слушалось недавно дѣло о 25 крестьянахъ деревни Зембожицы, обвинявшихся въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Крестьяне упомянутой деревни отказались произвести взносы по раскладкѣ на гминныя школы. Увѣщанія властей, неоднократно пріѣзжавшихъ на мѣсто, не помогли. Тогда было рѣшено взыскать эти платежи принудительнымъ порядкомъ, и съ этою цѣлью въ Зембожицы выѣхали вице-губернаторъ, начальникъ уѣзда, коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ и 88 стражниковъ. Но, когда власти стали приступать къ секвестру, толпа болѣе 400 человѣкъ бросилась на стражниковъ; въ происшедшей свалкѣ съ обѣихъ сторонъ было искалѣчено нѣсколько человѣкъ. При этомъ были задержаны 25 человѣкъ, которые и предстали предъ судомъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Слѣдствіе выяснило, что крестьяне не понимали причинъ преобразованія сельскихъ школъ въ гминныя, хотя при этомъ значительно уменьшались тяготы по содержанію школъ, такъ какъ къ расходамъ на нихъ привлекались не только тѣ селенія, въ которыхъ находилась школа, но и сосѣднія, а равно и помѣщичьи усадьбы. Судъ, признавъ всѣхъ подсудимыхъ

---

*) Цитирую по „Руси“, 12 мая 1904 г.

**) Цитирую по „Кіевскимъ Откликамъ“, 30 мая 1904 г.

***) Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 20.

виновными, приговорилъ трехъ изъ нихъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, трехъ несовершеннолѣтнихъ—къ тремъ мѣсяцамъ ареста и всѣхъ остальныхъ—къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы *).

Въ московской судебной палатѣ 7 мая закончилось слушаніемъ разсматривавшееся при закрытыхъ дверяхъ дѣло о 34 рабочихъ фабрики А. И. Баранова, обвинявшихся по 269[1] статьѣ уложенія о наказаніяхъ. Приговоромъ палаты 14 подсудимыхъ были оправданы, а 20 признаны виновными по 269[1] статьѣ уложенія и приговорены: 16 человѣкъ — къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ съ лишеніемъ особыхъ правъ и 4 человѣка — къ двухмѣсячному заключенію безъ лишенія правъ. Подсудимые уполномочили защитниковъ на принесеніе кассаціонной жалобы **).

Въ г. Могилевѣ губернскомъ 27 мая выѣздною сессіей кіевской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей было разобрано дѣло по обвиненію Залмана Лаубгана, Таньи Палыковскаго и другихъ евреевъ, въ числѣ 13 человѣкъ, въ сопротивленіи властямъ и нападеніи на конвойныхъ, сопровождавшихъ 24 сентября 1903 г. въ г. Оршѣ партію арестантовъ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 271-ю и 2-ю частью 286[1]-й статей уложенія о наказаніяхъ. По спеціальному распоряженію министра юстиціи, дѣло это слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Приговоромъ палаты, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, обвиненіе какъ въ сопротивленіи властямъ, такъ и въ нападеніи на конвой было отвергнуто, и подсудимые, признанные виновными лишь въ оскорбленіи дѣйствіемъ конвойныхъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1-ю частью 286[1] статьи уложенія, были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ срокомъ: Лаубганъ— на 3 мѣсяца, а остальные на 2 мѣсяца ***).

Въ г. Смоленскѣ, по сообщенію мѣстной газеты, 29 мая временнымъ военнымъ судомъ было разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ дѣло о рядовыхъ 1 пѣхотнаго Невскаго полка Ниселя Дайновскаго и 3 пѣхотнаго Нарвскаго полка Янкеля Ройзенбаума и младшаго писаря штаба 13 армейскаго корпуса Ефима Руденко по обвиненію ихъ, по статьямъ 14, 251 и 252[1] уложенія о наказаніяхъ, и статьямъ 271[1] и 273[3] воинскаго устава о наказаніяхъ въ соціально-революціонной пропагандѣ среди нижнихъ воинскихъ чиновъ. Приговоромъ суда, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, Ройзенбаумъ оправданъ, а Дайновскій и Руденко присуждены: первый къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, исключенію изъ воинскаго званія и ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока, а второй — къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и заключенію

*) „Р. Вѣдомости", 4 мая 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости", 8 мая 1904 г.
***) „Кіевскіе Отклики", 31 мая 1904 г.

въ военной одиночной тюрьмѣ на $2^1/_2$ мѣсяца съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ на $1^1/_2$ года *).

Въ первомъ уголовномъ департаментѣ тифлисской судебной палаты 29 мая слушалось дѣло по обвиненію ахалцыхскаго мѣщанина Карапета Матевосова въ покушеніи на убійство полицейскаго пристава города Ахалцыха Альштуля, при чемъ, по распоряженію министра юстиціи, дѣло это разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ. Резолюціею палаты, объявленною при открытыхъ дверяхъ, былъ утвержденъ приговоръ тифлисскаго окружнаго суда, признавшаго Матевосова виновнымъ и приговорившаго его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ **).

Въ уголовное отдѣленіе тифлисскаго окружнаго суда, по словамъ мѣстныхъ газетъ ***), поступило дѣло съ обвинительнымъ актомъ о преданіи суду священника сел. Ахпатъ, Борчалинскаго уѣзда, Теръ-Арутина Ериникова и 18-ти крестьянъ этого селенія по обвиненію ихъ въ томъ, что, вознамѣрившись, по предварительному между собою и съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными, лицами соглашенію, противодѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ приведенію въ исполненіе рѣшенія тифлисскаго окружнаго суда по иску кн. Баратова къ ахпатскому обществу, они 8 ноября 1903 года въ сел. Ахпатъ, вооруженные ружьями, револьверами, кинжалами, камнями и палками, оказали сопротивленіе приводившимъ въ исполненіе рѣшеніе суда судебному приставу лорійскаго мирового участка Насвидову и полицейскому приставу Борчалинскаго уѣзда кн. Авалову и бывшимъ съ нимъ стражникамъ.

Въ петербургскихъ газетахъ были напечатаны слѣдующія телеграммы изъ Гельсингфорса: отъ 3 іюня: „сегодня въ 11 ч. 5 м. дня генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Бобриковъ при входѣ въ сенатъ, на площадкѣ средняго этажа, раненъ двумя выстрѣлами: однимъ въ животъ тяжело, другимъ въ шею легко. Преступникъ, чиновникъ главнаго управленія училищнаго вѣдомства Евгеній Шауманъ, сынъ уволеннаго въ отставку сенатора Шаумана, тутъ же застрѣлился“; отъ 4 іюня: „въ началѣ второго часа ночи генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ скончался; одна изъ ранъ оказалась смертельной“.

Вслѣдъ за тѣмъ въ „Финляндской Газетѣ“ было напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра

---

*) „Днѣпровскій Вѣстникъ“. Цитирую по „Одесск. Новостямъ“, 5 іюня 1904 г.

**) „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „Нижегородскому Листку“, 7 іюня 1904 г.

***) „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „Нижегородск. Листку“, 31 мая 1904 г.

статсъ-секретаря 7 (20) іюня сего года, высочайше повелѣть соизволилъ, изъявъ дѣло объ убійствѣ генералъ-адъютанта Бобрикова изъ вѣдѣнія финляндскихъ судебныхъ мѣстъ, возложить производство по оному предварительнаго слѣдствія, по правиламъ устава уголовнаго судопроизводства, на судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ с.-петербургскаго окружнаго суда, статскаго совѣтника Коробчича-Чернявскаго, подъ наблюденіемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи слѣдствія, таковое было представлено министру юстиціи, для испрошенія, по соглашенію съ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, высочайшихъ указаній относительно дальнѣйшаго направленія дѣла".

IV.

Въ теченіе мѣсяца, прошедшаго со времени предъидущей нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 17-го мая 1904 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости", воспрещенную распоряженіемъ отъ 1-го мая сего года";

2) 28-го мая 1904 г.: „имѣя въ виду статьи въ газетѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости" подъ заглавіемъ „Замѣтки" (въ №№ 135 и 137 газеты отъ 20-го и 22-го мая сего года), напрасно тревожащія общественное мнѣніе, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144 устава о цензурѣ и печати, св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ: объявить газетѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости" второе предостереженіе въ лицѣ издателя князя Эспера Ухтомскаго и редактора дворянина Александра Столыпина";

3) 7-го іюня 1904 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Русь", воспрещенную распоряженіемъ отъ 27-го апрѣля сего года";

и 4) 7-го іюня 1904 г.: „на основаніи статьи 154 устава о цензурѣ и печати, св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Сѣверный Край" на восемь мѣсяцевъ".

Помимо того, 6 іюня въ оффиціальномъ „Кавказѣ" было напечатано: „въ виду вреднаго направленія издающейся въ Тифлисѣ, подъ редакціей Тиграна Назаряна, газеты „Тяразъ", главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, на основаніи примѣчанія къ ст. 154 цензурнаго устава, призналъ необходимымъ пріостановить изданіе этой газеты и выходящаго при ней приложенія подъ названіемъ „Акбюръ" на четыре мѣсяца".

Въ свою очередь въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано: „Въ № 61, отъ 3-го марта, выходящей въ Гельсингфорсѣ газеты „Helsinfors Posten“ помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Censurernigen af krigsnyherter“. Статья эта, сообщая объ установленіи въ краѣ военной цензуры, въ то же время совершенно умалчивала о томъ, что подобная мѣра вызвана необходимостью ограниченія возможности появленія въ повременной печати завѣдомо ложныхъ извѣстій съ театра войны, а также желаніемъ доставить населенію края свѣдѣнія, сравнительно болѣе отвѣчающія дѣйствительному положенію дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что безъ объясненія мотивовъ, вызвавшихъ потребность въ установленіи военной цензуры, указанная статья, естественно, можетъ ввести въ заблужденіе читателей, финляндское главное управленіе по дѣламъ печати признало необходимымъ дать редакціи газеты „Helsinfors Posten“ письменное предостереженіе“.

В. Мякотинъ.

Рабочіе на желѣзнодорожныхъ постройкахъ.

(Изъ замѣтокъ врача).

Ежегодно десятки и сотни тысячъ крестьянъ, выгнанные нуждою изъ своихъ деревень, въ надеждѣ заработать на прокормленіе семьи, на уплату податей и аренды за нанимаемыя ими помѣщичьи земли, идутъ далеко отъ своихъ родныхъ мѣстъ копать землю, „строить“ станціи и мосты, укладывать рельсы. Ихъ трудомъ создаются тѣ грандіозныя сооруженія, на которыя съ такою гордостью указываютъ обыкновенно панегиристы нашего промышленнаго прогресса за послѣднія десятилѣтія.

О желѣзныхъ дорогахъ, о ихъ быстромъ ростѣ и о ихъ многообразномъ вліяніи на хозяйственную жизнь страны говорятъ и пишутъ очень много. Но о положеніи тѣхъ многочисленныхъ рабочихъ, которые выносятъ на своихъ плечахъ всю тяжесть постройки дорогъ, мы слышимъ, наоборотъ, очень мало.

Кромѣ небольшихъ замѣтокъ, разбросанныхъ по разнымъ газетамъ, у насъ есть по этому вопросу только нѣсколько докладовъ врачей на съѣздахъ желѣзнодорожныхъ *) и на послѣднемъ

---

*) Доклады д-ровъ Добровольскаго и Бобрикова на I совѣщат. съѣздѣ ж.-дорожныхъ врачей въ 1898 году и докладъ д-ра Михайлова III съѣзду ж. д. врачей въ Одессѣ въ 1902 г.

Пироговскомъ *), кое-какія свѣдѣнія о положеніи рабочихъ имѣются также въ отчетахъ санитарныхъ врачей Московскаго Губернскаго Земства **).

А между тѣмъ вопросъ объ обстановкѣ и условіяхъ труда желѣзнодорожныхъ рабочихъ заслуживаетъ самого серьезнаго вниманія.

И надо сказать, что здѣсь мы встрѣчаемся частью съ „казовою" стороною промышленнаго прогресса.

Нѣсколько иллюстрацій этого читатель найдетъ и въ сгруппированныхъ ниже, основанныхъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ, фактахъ.

I.

Въ 1898 и 1899 гг. мнѣ пришлось въ лѣтнее время служить на постройкѣ одной изъ ведущихъ къ Москвѣ желѣзныхъ дорогъ въ качествѣ такъ называемаго врача-консультанта (т. е. временнаго, не штатнаго врача) и завѣдывать небольшимъ пріемнымъ покоемъ и санитарнымъ надзоромъ на одномъ изъ участковъ строившейся линіи.

Составъ рабочихъ на этой постройкѣ былъ чрезвычайно разнообразенъ. Тутъ были землекопы изъ Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Черниговской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Волынской, Виленской, Ковенской, Вятской и Оренбургской губ.; каменьщики изъ Орловской, Тамбовской и Пензенской губ.; плотники изъ Рязанской и Владимірской губ.; были даже каменьщики итальянцы при постройкѣ большого моста. Въ центрѣ Россіи сошлись съ одной и той же цѣлью—заработка выгнанные нуждою рабочіе съ сѣвера и юга—коренные великороссы и литовцы, малороссы и итальянцы; всѣхъ судьба и „царь великій—голодъ" забросили далеко отъ родины на чужую сторону и поставили въ новыя, тяжелыя условія жизни.

Вдоль узкой полосы строившейся линіи скопились тысячи пришлыхъ рабочихъ, расположенныхъ то большими поселками въ 500—1500 человѣкъ, то маленькими стоянками въ 10—20 человѣкъ.

Большая часть работъ на этой постройкѣ производилась подряднымъ способомъ и лишь очень небольшая безъ участія подрядчиковъ. Но и это послѣднее, надо сказать, съ большимъ ограниченіемъ. Инженеры (начальники участковъ и дистанцій) лишь въ рѣдкихъ случаяхъ непосредственно отъ себя нанимали рабо-

*) Доклады д-ра Михайлова и автора VIII-му Пироговскому съѣзду 1902 г.

**) Отчеты санитарныхъ врачей за 1897, 1898 и 1900 гг. Помѣщены въ приложеніи къ докладамъ Московской Губ. Земск. Управы очереднымъ губернскимъ собраніямъ.

чихъ, а въ большинствѣ случаевъ сдавали работы мелкимъ предпринимателямъ—рядчикамъ, которые уже сами нанимали 15—20—30 рабочихъ, ихъ размѣщали и продовольствовали. Оговариваюсь, что я имѣю въ виду только рабочихъ болѣе или менѣе постоянныхъ, работавшихъ сдѣльно, а не поденныхъ, нанимавшихся изъ мѣстныхъ жителей.

Подрядныя работы сдавались крупнымъ подрядчикамъ по контрактамъ на всю постройку.

Контракты эти заключались съ подрядчиками главной строительной конторой — на большія работы въ разныхъ участкахъ линіи (земляныя, каменныя, укладка рельсъ, балластировка пути) или на особенно крупныя работы въ какомъ либо одномъ мѣстѣ, напр., на постройку большого моста (каменная кладка, кессонныя работы, установка мостовыхъ фермъ); небольшія же работы—въ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ, сдавались подрядчикамъ по контрактамъ начальниками участковъ.

Крупные подрядчики, не имѣя возможности лично слѣдить за всѣми работами, производимыми одновременно въ разныхъ мѣстахъ, и желая сразу легко нажить, обыкновенно сдаютъ отъ себя часть своихъ работъ болѣе мелкимъ подрядчикамъ, тѣ еще болѣе мелкимъ — такъ называемымъ рядчикамъ, имѣющимъ не болѣе 20—30 рабочихъ. Строительная контора платитъ подрядчикамъ по разсчету произведенной работы, напр., за земляныя работы по количеству вырытыхъ кубическихъ саженъ земли. Передавая часть подряда рядчику, подрядчикъ оставляетъ часть задѣльной платы, условленной имъ съ строительной конторой, въ свою пользу—въ видѣ чистой прибыли предпріятія. Такой обычай передачи крупными подрядчиками мелкимъ служитъ всегда предметомъ аферъ со стороны разныхъ дѣльцовъ, всегда въ изобиліи съѣзжающихся туда, гдѣ имъ можно легко поживиться.

Передача подрядовъ вторымъ и третьимъ лицамъ за хорошее отступное и разныя другія операціи въ этомъ же родѣ производятся очень часто.

Такимъ образомъ, между работодателемъ (строительной конторой) и простымъ рабочимъ становится цѣлый рядъ посредниковъ, въ рукахъ которыхъ остается въ видѣ чистой прибыли львиная доля задѣльной платы. Приведу примѣръ: за кубич. сажень земляныхъ работъ подрядчикъ получаетъ отъ строительной конторы отъ 1 р. 70 к. до 2 р. 50 к. (смотря по твердости грунта), а рабочій землекопъ, по заявленію самого подрядчика, обходится ему по 1 рублю въ день (включая сюда его заработную плату, харчи, помѣщеніе и рабочій инвентарь) Принимая эту цифру (очень далекую отъ истины и несомнѣнно преувеличенную, какъ мы увидимъ ниже), можно убѣдиться, что отъ 27 коп. до 87 коп. остается въ рукахъ посредниковъ ежедневно отъ каждаго рабочаго (т. е. отъ 10,6% до 34,8% задѣльной платы), а если вни-

мательно провѣрить заявленіе подрядчика, то, какъ мы увидимъ ниже, окажется, что эта разница еще больше (отъ 88 коп. до 1 рубля для землекоповъ-тачечниковъ такъ называемыхъ „1-ой руки" (т. е. отъ 40 до 51,8%).

II.

Самое большое число рабочихъ на желѣзнодорожной постройкѣ занято земляными работами; изъ общаго числа рабочихъ землекопы составляютъ 60—70%.

Какъ уже выше сказано, землекопы являются на желѣзнодорожныя постройки изъ разныхъ мѣстностей, гдѣ землекопная работа представляетъ или главный профессіональный промыселъ населенія, или же — и это чаще — только подсобный промыселъ, въ дополненіе къ земледѣльческому. Земляными работами, какъ профессіей, занимается населеніе въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, гдѣ плохая болотистая и песчаная почва не даетъ крестьянину возможности жить земледѣльческимъ трудомъ. Копачи—юхновцы бываютъ на постройкѣ почти каждой желѣзной дороги. Издавна землекопный промыселъ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Радомысльскаго и Липовецкаго уѣздовъ Кіевской губерніи, гдѣ земли у крестьянъ мало и почва плоха; такія же условія существуютъ въ полѣсскихъ уѣздахъ Волынской губ. (Овручскомъ), въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, гдѣ крестьяне нѣкоторыхъ селеній также занимаются этимъ промысломъ. Мнѣ лично извѣстна Бѣльская волость Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи, гдѣ все населеніе съ давнихъ поръ занимается земляными работами, такъ какъ песчаная и болотистая почва не даетъ возможности крестьянамъ жить земледѣліемъ.

Но очень много землекоповъ и изъ черноземныхъ губерній: Тамбовской (Козловскій у.), Рязанской (Скопинскій и Раненбургскій у.), Тульской (Бѣлевскій у.), Полтавской (Золотоношскій и Хорольскій у.), Харьковской (Старобѣльскій у.), Черниговской (Мглинскій и Конотопскій у.). Здѣсь для крестьянъ главной побудительной причиной идти въ землекопы является малоземелье: аренда помѣщичьей земли и отхожіе промыслы только и даютъ возможность кормиться крестьянину.

Наемъ землекоповъ производится такъ. Зимой или ранней весной пріѣзжаетъ въ деревню подрядчикъ или его довѣренный и оповѣщаетъ о своемъ прибытіи; къ нему являются крестьяне съ предложеніемъ услугъ; начинаются переговоры: подрядчикъ даетъ цѣну, крестьяне упрашиваютъ набавить; наконецъ, бьютъ по рукамъ, дается задатокъ на уплату податей, отбираются паспорта, распиваются магарычи—и наемъ совершенъ. Проѣздъ до мѣста работъ обычно идетъ въ счетъ подрядчика, въ IV классѣ большей частью.

Условія съ рабочими пишутся не всегда, и въ нихъ часто проставляется не условленная заработная плата, а меньшая, что даетъ возможность подрядчику всегда держать въ своихъ рукахъ рабочихъ. Плата рабочимъ разсчитывается не сдѣльно, а сразу за весь строительный періодъ—съ Пасхи до Покрова (1-е октября). Землекопы—тачечники „первой руки" (т. е. наиболѣе опытные и сильные) получаютъ за эти 6 мѣсяцевъ 80 руб; 2-ой руки — 60 руб. и 3-й — 40 руб., или, если сдѣлать разсчетъ помѣсячно, первые получаютъ 14 рублей въ мѣсяцъ, вторые—10 и третьи—8 руб.

Здѣсь я упомянулъ о рабочихъ тачечникахъ. Въ разъясненіе этого скажу, что землекопы дѣлятся на тачечниковъ и коноводчиковъ, т. е. вторые возятъ землю на лошадяхъ, а первые на себѣ въ тачкахъ. При нихъ есть всегда насыпщики, которые берутъ землю желѣзными лопатами и нагружаютъ ее въ тачки и колымажки.

Нанятые рабочіе ранней весной являются на работы. Размѣщаются они на линіи то большими стоянками въ 1000—1500 чел. на мѣстахъ крупныхъ работъ — большихъ насыпей и выемокъ, или же маленькими партіями на небольшихъ работахъ. Тотчасъ же по прибытіи рабочіе начинаютъ строить себѣ бараки для жилья.

Бараки устраиваются разными способами. Наиболѣе частый типъ это такой. Въ землѣ вырыта большая длинная четырехъугольная яма глубиной въ 1—1½ аршина, надъ которой или прямо выведена досчатая крыша, или же есть невысокія досчатыя же стѣнки, покрытыя такою же крышей. Въ первомъ случаѣ постройка надъ поверхностью земли въ разрѣзѣ имѣетъ видъ равнобедреннаго треугольника, во второмъ — треугольника, опирающагося на двѣ вертикальныя параллельныя короткія линіи. Доски и тесъ, изъ которыхъ сколачиваются бараки, обыкновенно—послѣдняго сорта, съ дырьями и трещинами; на нѣкоторыхъ баракахъ, вмѣсто тесовой, дѣлается даже плохенькая соломенная крыша. Потолка не бываетъ.

Въ тѣхъ баракахъ, въ которыхъ рабочіе живутъ въ холодное осеннее время, крыша и стѣны обкладываются дерномъ или обсыпаются землею. Въ большихъ баракахъ продѣлываются надъ дверью и въ противоположной стѣнѣ небольшія оконца; въ маленькихъ баракахъ и этого не бываетъ; свѣтъ въ нихъ проникаетъ сквозь многочисленныя дыры и щели между тесинами. Вентиляціонныя приспособленія, въ видѣ простыхъ вытяжныхъ трубъ, проходящихъ сквозь крышу, съ деревянными задвижками, устраиваются рѣдко, лишь въ очень большихъ и хорошихъ баракахъ.

Внутри бараковъ устроены изъ досокъ на деревянныхъ стойкахъ вдоль длинныхъ стѣнъ нары, которыя приходятся въ уровень съ поверхностью земли или нѣсколько ниже ея. Мѣста на

нарахъ большею частью ничѣмъ не отдѣлены другъ отъ друга: рабочіе спятъ въ повалку, тѣсно, бокъ о бокъ; въ нѣкоторыхъ баракахъ на каждаго рабочаго приходится $^1/_2$ аршина пространства, т. е. онъ можетъ спать только на боку, а не на спинѣ. Тюфяковъ почти нигдѣ нѣтъ, а большею частью или постлана на нарахъ солома, или же совсѣмъ ничего нѣтъ — однѣ голыя доски, такъ что рабочіе спятъ или на своей одеждѣ, или прямо на доскахъ, подкладывая лишь подъ головы свои зипуны. Солома на нарахъ мѣняется рѣдко, отъ долгаго употребленія измельчается, легко сбивается въ кучи и начинаетъ изобиловать паразиторной фауной — блохами, клопами и вшами. Въ нѣкоторыхъ баракахъ заводились подрядчиками соломенные тюфяки, но рабочіе сами протестовали противъ нихъ, ибо солома въ нихъ, при рѣдкой смѣнѣ ея, до того густо населялась паразитами, что спать на нихъ даже уставшему отъ работы человѣку не было никакой возможности.

Бараки другого типа отличаются устройствомъ наръ, которыя дѣлаются прямо на землѣ: по серединѣ барака идетъ канава, а на бортахъ ея—мѣста для спанья рабочихъ. Мѣста эти дѣлаются такъ: большей частью прямо на землѣ настилаются доски, на которыхъ спятъ рабочіе, или же часть земли изъ подъ этихъ досокъ выбирается, а доски подпираются короткими стойками длиной въ $^1/_4$—$^1/_2$ аршина.

Эти два типа бараковъ имѣютъ, слѣдовательно, ту характерную особенность, что они наполовину врыты въ землю.

Рѣдкое и счастливое исключеніе составляютъ бараки, выстроенные такъ, что поломъ ихъ служитъ поверхность земли, а самый баракъ представляетъ изъ себя дѣйствительно постройку со стѣнами и крышей изъ дерева, а не землянку, покрытую деревяной или соломенной крышей.

Бываютъ и настоящія землянки въ полномъ смыслѣ этого слова или, скорѣе, норы, вырытыя въ землѣ по откосу какого-нибудь оврага. Это — землянки коновозчиковъ, которые живутъ маленькими артелями въ 2—3 человѣка отъ мелкихъ рядчиковъ. Д-ръ Михайловъ описываетъ, что конновозчики помѣщаются „между штабелями шпалъ или даже въ бочкахъ“. Ихъ землянки совсѣмъ уже нельзя назвать постройками, а просто звѣриными логовами. Д-ръ Бобриковъ въ докладѣ I съѣзду желѣзно-дорожныхъ врачей называлъ ихъ „плохими будками для собакъ“.

Санитарный врачъ московскаго земства М. Ѳ. Соскинъ въ своемъ отчетѣ по Серпуховскому уѣзду за 1898 годъ такъ описываетъ жилища землекоповъ. „Жилища это—кое-какъ сколоченные шалаши, которые во многихъ случаяхъ не могли служить какой-либо защитой отъ непогоды, такъ какъ протекали, какъ рѣшето. Эти жалкія помѣщенія переполнялись народомъ, которому часто недоставало и шалашей, многимъ приходилось распола-

гаться прямо на землѣ подъ открытымъ небомъ, устраивая себѣ изъ рогожъ и древесныхъ вѣтвей кое-какую защиту" *).

Когда на строющейся линіи прокладываютъ рельсы, появляются „карьеры", въ которыхъ берется песокъ для балластировки пути. Землекопы, работающіе въ этихъ карьерахъ, помѣщаются частью въ баракахъ, частью же въ товарныхъ вагонахъ. Въ послѣднихъ рабочіе спятъ въ два яруса: одни на полу вагона, другіе надъ ними на нарахъ, устроенныхъ изъ плохо сбитыхъ шпалъ. Настланная на шпалы солома измельчается, сыплется внизъ и засариваетъ глаза и ротъ спящимъ внизу рабочимъ. Помѣщаются въ вагонахъ по 20—25 человѣкъ въ каждомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкіе рядчики бараковъ совсѣмъ не строятъ, а помѣщаютъ своихъ рабочихъ въ селеніяхъ, въ крестьянскихъ ригахъ съ плохенькими соломенными крышами и плетневыми стѣнами, плохо защищающими отъ вѣтра и холода.

Чтобы можно было судить о тѣснотѣ всѣхъ этихъ помѣщеній для рабочихъ, приведу нѣсколько цифръ. Вотъ баракъ 1-го типа, крупнаго подрядчика. Длина барака 11 саж., ширина 2,5 саж., высота до конька крыши 1,5 саж., помѣщается 60 рабочихъ; на каждаго приходится 0,34 куб. саж. воздуха. Далѣе баракъ 2-го типа, средняго подрядчика: длина его 3,27 саж., ширина 2,30 саж., высота 1,14 саж.; помѣщается 40 человѣкъ. На каждаго приходится всего 0,11 куб. саж. воздуха. Въ вагонахъ на каждаго человѣка приходится въ среднемъ 0,15—0,19 куб. саж. Эти цифры сами говорятъ за себя, но мы вернемся къ нимъ ниже.

Благодаря тѣснотѣ бараковъ, въ хорошую теплую погоду многіе рабочіе спятъ наружѣ, подъ открытымъ небомъ. Но въ холодные дождливые дни всѣ поневолѣ спятъ въ баракѣ. Духота въ нихъ тогда ужаснѣйшая. Добавьте къ этому грязь отъ протекающей дождевой воды, образующей на земляномъ полу цѣлыя лужи, и вы поймете, каково въ нихъ жить.

Печи въ баракахъ дѣлаются лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, а потому въ холодное время рабочіе зябнутъ въ своихъ баракахъ, сквозь стѣны которыхъ свищетъ холодный вѣтеръ.

III.

Питаніе землекоповъ поставлено нѣсколько болѣе удовлетворительно, чѣмъ ихъ помѣщенія; это понятно, такъ какъ только при порядочной пищѣ землекопъ можетъ выполнять свою тяжелую работу; поэтому для подрядчика прямо невыгодно плохо кормить своихъ рабочихъ.

*) Отчеты санитарныхъ врачей за 1898 г. Приложеніе къ докладамъ Московской Губ. Зем. Управы очередному Губернскому собранію сессіи 1898 года. М. 1899.

Заготовкой провизіи для рабочихъ занимается обыкновенно самъ подрядчикъ или его довѣренный; харчи покупаются обыкновенно въ ближайшемъ городѣ или торговомъ селѣ. Нѣкоторые крупные подрядчики закупаютъ въ южныхъ губерніяхъ скотъ на убой, пригоняютъ его къ мѣсту работъ и здѣсь уже убиваютъ его для продовольствія рабочихъ.

Храненіемъ провизіи, выдачей ея и приготовленіемъ пищи завѣдуетъ „кладовщикъ" съ помощью кухаря. Кухня устраивается тутъ же, подлѣ бараковъ самая примитивная: подъ крышей сдѣлана печь съ вмазанными въ ней двумя котлами,—однимъ для щей или похлебки, другимъ для каши. У крупныхъ подрядчиковъ рабочіе ѣдятъ большей частью скоромную пищу подрядъ, не соблюдая постовъ. Въ мелкихъ артеляхъ и у большинства малороссовъ посты обыкновенно соблюдаются строго.

Ѣдятъ землекопы 2 раза въ день—въ полдень обѣдъ, а по окончаніи дневной работы (въ 7—8—9 ч.) ужинъ. Въ 2 часа пьютъ чай. Обѣдъ и ужинъ состоитъ обыкновенно изъ щей съ говядиной, бараниной или солониной или же похлебки съ картофелемъ и крупой (пшенной или гречневой) и каши съ саломъ или постнымъ (льнянымъ, конопляннымъ или подсолнечнымъ) масломъ. Мяса идетъ въ день на человѣка отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ ф. Весной подрядчики обыкновенно даютъ рабочимъ солонину, часто уже „тронувшуюся".

Лѣтомъ, въ жаркое время, не смотря на протесты врачей, долго еще употребляется солонина, и лишь около второй половины іюня подрядчики начинаютъ кормить рабочихъ свѣжей говядиной или бараниной. Мясо сохраняется обыкновенно въ „погребѣ", т. е. ямѣ, покрытой накатомъ съ насыпанной на немъ землей, но, конечно, безъ льда. Въ жару въ такомъ погребѣ мясо очень часто портится, и кладовщикъ, для сдабриванія вкуса варившихся изъ такого мяса щей, употребляетъ обыкновенно лукъ, чеснокъ и стручковый перецъ, „чтобы духъ отшибало".

Капусту для щей часто приходится видѣть загнившую.

Крупа, пшено и хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ довольно удовлетворительны.

Вода для питья и для чая привозится обыкновенно въ бочкѣ и сохраняется въ ней и въ кадкахъ, поставленныхъ снаружи, подлѣ кухни. Кадки рѣдко гдѣ покрываются крышками. Воду берутъ изъ колодца, ручья, рѣки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже изъ болотъ.

Свои колодцы роютъ подрядчики только на большихъ стоянкахъ.

Обѣдаютъ рабочіе подъ открытымъ небомъ; „столовая" ихъ представляетъ рядъ кое-какъ сбитыхъ столовъ и скамеекъ. Крыши надъ „столовыми" встрѣчаются очень рѣдко, такъ что въ дождливое время рабочіе обѣдаютъ въ баракахъ.

Остатками отъ пищи у многихъ подрядчиковъ выкармливаются свиньи; хлѣвы для нихъ устраиваются по близости отъ бараковъ и издаютъ специфическое зловоніе.

Бани для рабочихъ устраиваются лишь немногими подрядчиками, и то очень плохія, а большею частью рабочіе моются кое-какъ, въ деревенскихъ баняхъ, гдѣ таковыя есть, или же просто въ рѣчкахъ.

IV.

Работа землекоповъ одна изъ самыхъ тяжелыхъ. Какъ я выше упомянулъ, землекопы раздѣляются на тачечниковъ, конновозчиковъ и насыпщиковъ. Насыпщики желѣзными лопатами, а въ твердомъ видѣ и ломами, берутъ землю и насыпаютъ ее въ тачки или колымажки. Тачечникъ вывозитъ тяжелую тачку на себѣ, онъ толкаетъ ее впереди себя, а если онъ везетъ въ гору, впереди тачки идетъ другой рабочій, который желѣзнымъ крюкомъ зацѣпляетъ тачку, надѣваетъ на себя лямку, впрягается и тянетъ за собой.

Конновозчики же возятъ на небольшихъ 4-хъ колесныхъ колымажкахъ—„грабаркахъ". Погоняютъ лошадей подростки или слабосильные рабочіе.

На большихъ выемкахъ для вывозки земли крупными подрядчиками употребляются еще вагонетки, приводимыя въ движеніе лошадьми и движущіяся по спеціально для нихъ прокладываемымъ рельсамъ.

Конновозчики составляютъ артели, обыкновенно отдѣльно отъ тачечниковъ. Они почти всѣ малороссы изъ Кіевской, Черниговской, Полтавской и Харьковской губ.

Земляная работа требуетъ сильнѣйшаго напряженія всѣхъ мышцъ тѣла, особенно у тачечниковъ, возящихъ 15—20 пудовую тачку, балансируя по доскамъ, по которымъ катится желѣзное колесо тачки. Въ этомъ напряженіи участвуютъ всѣ мышцы тѣла; наклонивъ голову, стиснувъ зубы, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, держа руками, полусогнутыми въ локтяхъ, ручки тачки, тачечникъ мѣрно ступаетъ ногами, подвигая впередъ тяжелую тачку, и когда вы смотрите на него, вы видите, что его мускулы совершаютъ огромнѣйшую работу; это не игра мышцъ, а работа во всю, на весь запасъ мускульной энергіи. Лицо тачечника покрыто потомъ, онъ тяжело дышитъ, а сердце колотитъ, какъ молотъ. Изъ всѣхъ видовъ мышечнаго труда, работу тачечную можно сравнить съ работой крючника, который таскаетъ на спинѣ тяжелые кули.

Молодые землекопы, начиная работу, часто жалуются на боли въ рукахъ, ногахъ и поясницѣ отъ этого страшнаго напряженія.

— „Надорвался", „дюже тяжело поднялъ"—жалуются они врачу.

Отъ напряженія у землекоповъ часто образуются воспаленія мышцъ и сухожильныхъ влагалищъ, такъ называемыхъ miositis et tendovaginitis crepitus, при чемъ образуется вдоль больного сухожилія опухоль, при ощупываніи которой ясно ощущается рукой скрипъ. Чаще всего такія воспаленія развиваются въ мышцахъ рукъ.

Отъ тяжелыхъ, непосильныхъ подъемовъ образуются нарывы внутренностныхъ связей и перенапряженіе мышцъ туловища, съ кровоизліяніями въ вещество мышцы и послѣдующимъ воспаленіемъ ихъ.

Работы землекоповъ ведутся обыкновенно въ самыхъ нездоровыхъ мѣстностяхъ: то засыпается насыпью болото, сырой оврагъ или низина, то насыпается дамба вдоль берега рѣки, то прорывается холмистое мѣсто выемкой, въ которой во время дождей скопляется вода. Въ выемкахъ часто сочится вода почвенная или изъ глубокихъ подпочвенныхъ слоевъ,—тогда землекопамъ приходится работать, стоя босыми ногами въ грязи или сырой глинѣ. Когда приходится копать такъ называемые котлованы, т. е. ямы, доходящія до твердаго грунта („скалы"), подъ устои мостовъ—работа ведется землекопами по колѣна въ грязи.

Въ жаркое сухое время землекопы очень страдаютъ отъ пыли, поднимаемой лошадьми и людьми при насыпкѣ земли.

Работать землекопы начинаютъ съ разсвѣтомъ (въ іюнѣ часовъ съ 3—3½); въ полдень они обѣдаютъ и два часа отдыхаютъ, пьютъ чай, а затѣмъ снова работаютъ до заката солнца.—Лѣтомъ часовъ до 16-ти въ день, съ 2-хъ часовымъ отдыхомъ въ серединѣ дня. И весь этотъ долгій тяжелый день за 25—45 коп. въ день, съ отдыхомъ только въ праздники или въ очень дождливые дни.

Трудъ землекопа не только тяжелъ, но часто и опасенъ. Дѣло въ томъ, что подрядчики часто производятъ въ выемкахъ работы посредствомъ подкопа. По техническимъ правиламъ въ выемкѣ земля должна сниматься сверху внизъ, пластъ за пластомъ. Но подрядчики, желая скорѣе кончить работу и, слѣдовательно, въ меньшій срокъ выработать большее количество кубич. саж. земли, дѣлаютъ такъ: прорываютъ глубокую траншею и изъ нея идутъ подкопомъ подъ стѣны этой траншеи; затѣмъ, когда подкопъ проведенъ достаточно далеко, выжидаютъ моментъ, когда нависшая надъ подкопомъ земляная глыба сама рухнетъ, или же ускоряютъ ея паденіе ударами сверху. Рабочіе часто не успѣваютъ во время выбѣжать изъ траншеи, и падающая глыба придавливаетъ нѣсколько человѣкъ. На каждой постройкѣ бываютъ такіе случаи со смертельнымъ исходомъ или съ исходомъ въ инвалидность.

Мнѣ пришлось видѣть въ своей больницѣ рабочаго, котораго засыпало землей въ подкопѣ; у него оказался переломъ

трехъ реберъ, кровоизліяніе въ плевру, разрывъ легкаго и связокъ селезенки; больной этотъ не умеръ, но остался калѣкой.

Въ твердомъ каменистомъ грунтѣ при работахъ употребляютъ динамитъ; при взрывахъ его также часто бываютъ тяжкія раненія рабочихъ.

Изъ наичаще встрѣчающихся у землекоповъ заболѣваній надо отмѣтить слѣдующія, кромѣ тѣхъ, о которыхъ сказано выше: малярія (болотная лихорадка), лѣтомъ дизентерія и острые желудочно-кишечные катарры, въ пыльное время острые заболѣванія соединительной оболочки глазъ, гнойныя воспаленія кожи и подкожной клѣтчатки (phlegmone et panaritium), трещины кожи на подошвахъ и ладоняхъ и экзема отъ грязи.

Страшное напряженіе всѣхъ мышцъ служитъ у землекоповъ причиной образованія грыжъ, которыя часто у нихъ встрѣчаются. Изъ инфекціонныхъ болѣзней, кромѣ дизентеріи, часто встрѣчается тифъ (главнымъ образомъ брюшной, рѣже сыпной) и рожа. Кромѣ того, изъ обыкновенно встрѣчающихся болѣзней у землекоповъ слѣдуетъ отмѣтить „куриную слѣпоту", которая всегда служитъ доказательствомъ истощенія организма, а у землекоповъ является результатомъ изнуренія тяжелой работой при неудовлетворительномъ питаніи.

V.

Выше я уже упоминалъ, что землекопы получаютъ отъ 40 до 80 рублей за рабочій періодъ (6 мѣс.), т. е. отъ 6 р. 66 коп. до 13 р. 33 коп. въ мѣсяцъ. Землекопъ „1-ой руки" вырабатываетъ въ день 1 кубич. сажень земли при мягкомъ грунтѣ, $^3/_4$ к. с. при твердомъ. Считая, что подрядчикъ за каждую кубич. сажень мягкаго грунта получаетъ съ управленія постройки 1 р. 70 коп., твердаго 2 р. 50 к. - рабочій этотъ вырабатываетъ въ день отъ 1 р. 70 к. до 1 р. 87$^1/_2$ коп. Полагая же, что въ теченіе мѣсяца приходится въ среднемъ 6 дней не рабочихъ (праздники и дождливые дни), этотъ землекопъ получаетъ за каждый рабочій день 55,5 коп. (13 р. 33 к., раздѣленны, на 24). Опредѣлить стоимость дневного продовольствія рабочаго довольно трудно, но если принять его въ 20—25 коп., то это будетъ не менѣе дѣйствительной стоимости, а скорѣе больше. Далѣе, на постройку барака, инвентарь (тачку и лопату) и проѣздъ рабочаго съ родины и обратно надо считать на каждаго рабочаго отъ 9 до 12 р. въ лѣто, т. е. 1,50—2,00 р. въ мѣсяцъ, или 5—8,5 коп. въ день. Такимъ образомъ, стоимость рабочаго въ день для подрядчика равна 55,5+5 к. (8,5 к.), т. е. 80,5—89 коп., а вырабатываетъ ему рабочій въ день, какъ мы выше сказали, 1 р. 70 к.—1 р. 87$^1/_2$ к., которые подрядчикъ получаетъ отъ строительнаго управленія за произведенныя работы. Такимъ образомъ, чистая прибыль подрядчика отъ 89,5—98,5 коп. въ день отъ каждаго рабочаго.

Подсчетъ этотъ лишь приблизительный, но онъ даетъ понятіе о степени эксплуатаціи труда землекопа. При этомъ обычное явленіе, что чѣмъ мельче подрядчикъ, чѣмъ меньше, слѣдовательно, у него оборотный капиталъ, тѣмъ сильнѣе онъ эксплуатировалъ рабочихъ: дольше заставляетъ работать (тѣмъ болѣе, что продолжительность рабочаго дня не ограничена ничѣмъ), хуже кормитъ, строитъ отвратительные бараки, часто задерживаетъ заработную плату или дѣлаетъ изъ нея произвольные вычеты.

Конновозчики (грабари) зарабатываютъ, приблизительно, то же, что и землекопы-тачечники, но получаютъ отъ своихъ рядчиковъ худшую пищу и худшее помѣщеніе. Рядчики обыкновенно заявляютъ, что они не могутъ производить никакихъ улучшеній въ содержаніи грабарей потому, что они не наемные рабочіе, а члены ихъ семьи, и что все у нихъ дѣлается сообща. Это—неправда; грабари вовсе не принадлежатъ къ членамъ семьи рядчика, а являются просто батраками ихъ, которыхъ безсовѣстно эксплуатируютъ, что подтверждаетъ также и д-ръ Михайловъ *).

Заѣхавшій на чужую сторону, за нѣсколько сотъ верстъ отъ родины, не имѣя часто никакого документа, обезпечивающаго его права, землекопъ находится въ полной зависимости отъ подрядчика. Пресловутый „договоръ сторонъ“ здѣсь является лишь въ устахъ его защитниковъ горькой насмѣшкой надъ дѣйствительностью. Эсплуатація труда здѣсь во всей своей наготѣ, не прикрытая никакими декораціями или даже хотя бы фиговымъ листкомъ. Искать огражденія своихъ правъ у желѣзнодорожной полиціи трудно, къ суду рабочіе бояться обращаться, а инженеры не всегда считаютъ возможнымъ вмѣшиваться въ отношеніе хозяевъ и рабочихъ.

VI.

Среди рабочихъ желѣзнодорожной постройки землекопы и по тяжести своей работы, и по низкому заработку, и по худшему содержанію занимаютъ послѣднее мѣсто. Это—паріи постройки.

Каменьщики находятся въ лучшихъ условіяхъ. На той постройкѣ, гдѣ мнѣ пришлось быть, они были изъ Орловской губ. (Елецкаго у.), Тамбовской (Лебедянскаго у.) и Пензенской губ. Работали они артелями въ 10—40 чел. Заработная плата ихъ значительно выше, чѣмъ у землекоповъ—отъ 80 к. до 1 р. 50 к. въ день на хозяйскихъ харчахъ. Бараки ихъ были устроены все-таки гораздо лучше, чѣмъ бараки землекоповъ. Землянокъ у

*) *В. М. Михайловъ.* О необходимости изданія обязательныхъ санитарныхъ правилъ содержанія рабочихъ при сооруженіи ж. д. Докладъ III съѣзду ж. д. врачей въ Одессѣ.

нихъ никогда не бывало, въ вагонахъ они не спали. Для примѣра укажу размѣры одного барака: длина 3 саж., ширина 2,30 саж., высота 1,5 с.; баракъ въ поперечномъ сѣченіи имѣетъ форму треугольника, помѣщается 14 человѣкъ. На каждаго приходится воздуха 0,37 к. с. Въ другомъ баракѣ приходилось 0,38 к. с., въ третьемъ 0,43 к. с. на человѣка. Конечно, всѣ эти цифры очень далеки отъ гигіеническихъ нормъ, но всетаки ихъ нельзя и сравнивать съ тѣми 0,11 куб. с. въ баракѣ землекоповъ, о которыхъ было сказано выше.

Пища каменьщиковъ въ общемъ была лучше, чѣмъ у землекоповъ. Рабочій день ихъ 10—14 часовъ; работа ихъ, хотя и тяжела, но всетаки не такъ, какъ работа землекоповъ.

Плотники занимали еще болѣе выгодное положеніе. Они были изъ Рязанской губ. (Егорьевскаго, Рязанскаго и Касимовскаго у. у.) и Владимірской губ. (Покровскаго у.) Жили они артелями въ 10—30 чел., получали 1—1 р. 50 к. въ день. Бараки ихъ не были врыты въ землю, были всегда просторнѣе, свѣтлѣе и теплѣе. Воздуха на человѣка въ нихъ приходилось 0,45—0,66 куб. саж. На нарахъ, вмѣсто соломы, въ ихъ баракахъ настилались древесныя стружки, которыя постоянно мѣнялись и содержали въ себѣ гораздо меньше паразитовъ.

Питаніе ихъ было гораздо лучше, чѣмъ у землекоповъ. Рабочій день ихъ 10—14 час. съ отдыхомъ въ 2 часа. Они обыкновенно пьютъ 2 раза въ день чай—въ 9 час. утра и въ 2 ч. дня. Работа ихъ несравненно легче, чѣмъ работа землекоповъ; ведется она не въ пыли и грязи, а постоянно среди чистаго, свѣжаго лѣсного матеріала, смолистымъ запахомъ котораго они дышатъ. Заболѣваніе каменьщиковъ и плотниковъ было значительно меньше, чѣмъ у землекоповъ. Наконецъ, всякому наблюдателю невольно бросается въ глаза высшій уровень интеллектуальности у этихъ группъ рабочихъ по сравненію съ тѣми же землекопами.

Описаніемъ этихъ трехъ группъ рабочихъ мы и ограничимся; но это главныя группы, составляющія около 90% всѣхъ рабочихъ на постройкѣ. Рабочіе въ кессонахъ заслуживаютъ спеціальнаго серьезнаго изученія, и въ этомъ отношеніи уже кое-что сдѣлано.

Остальные рабочіе—забивщики свай (закоперщики), укладчики рельсъ, сборщики желѣзныхъ мостовъ—не вошли въ наше описаніе.

VII.

Когда начинаешь говорить съ желѣзнодорожниками о дурныхъ жилищахъ землекоповъ, всегда получаешь въ отвѣтъ: „Ну что жъ? Правда, бараки землекоповъ плоховаты, но вѣдь они временные, да и работа идетъ лѣтомъ, въ теплое время. Тутъ и не надо хорошихъ жилищъ. Не казармы же имъ строить!“

Да, но въ нашемъ климатѣ лѣто вѣдь не сплошь жаркое,

даже и на югѣ Россіи. И ужъ если говорить о томъ, что въ теплое время хорошихъ жилищъ не нужно, то будетъ послѣдовательнѣе ихъ совсѣмъ не строить: пускай рабочіе спятъ подъ открытомъ небомъ въ прекрасныя лѣтнія ночи. Къ тому же работы идутъ не только лѣтомъ. Рабочимъ приходится жить въ этихъ баракахъ и ранней весной, когда только еще стаялъ снѣгъ, и въ началѣ октября, когда уже начались заморозки.

Тутъ ужъ нельзя думать о теплыхъ лѣтнихъ ночахъ, а надо теплое жилище. А въ дождливую погоду?

Тогда рабочіе волей-неволей должны сидѣть и ночевать въ баракахъ, въ атмосферѣ, насыщенной человѣческими испареніями и дымомъ махорки, испареніями отъ развѣшанныхъ въ баракѣ мокрыхъ онучъ и портянокъ, да и такой-то атмосферы приходится иногда 0,1 куб. саж. на человѣка.

Чѣмъ же дышетъ въ такомъ баракѣ рабочій?

На это обыкновенно возражаютъ: „Но вѣдь и въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ всегда живутъ эти рабочіе дома, они живутъ не лучше и къ такой тѣснотѣ и духотѣ ужъ привыкли"...

Приведу въ отвѣтъ на это возраженіе нѣсколько цифръ, взятыхъ мною изъ книги проф. Доброславина *).

Изслѣдуя количество воздуха, приходящееся на каждаго обитателя крестьянскихъ избъ, д-ръ Д. Н. Жбанковъ въ Пронскомъ у. Рязанской г. (село Большое) нашелъ, что въ среднемъ оно равно 1,9 куб. саж.; д-ра Толичеевъ (Воронежск. губ.) и Грязновъ (Череповецкій у. Новгородской г.) нашли 1 куб. саж. Д-ръ Улезко въ Опочецкомъ у. Псковской губ. опредѣляетъ среднее кубическое содержаніе воздуха на человѣка въ 0,65—0,68 куб. саж. Д-ръ Песковъ въ Дурыкинской волости Московскаго у. опредѣлилъ въ среднемъ 0,7 куб. саж. (колебанія отъ 0,3 до 2,2 куб. саж.); д-ръ Фавръ въ курныхъ избахъ Боровичскаго у. Новгородской губ. нашелъ 0,1—0,3 куб. саж., въ бѣлыхъ—0,4—2,1 куб. саж. Д-ръ Покровская въ курныхъ избахъ Опочецкаго у. Псковск. г. Глубоковской волости—2 куб. саж., въ бѣлыхъ—1,7 куб. саж. Такимъ образомъ, лишь въ одномъ изъ приведенныхъ изслѣдованій (д-ра Фавра) былъ опредѣленъ минимумъ въ 0,1 куб. саж., да и то въ курныхъ избахъ, а въ баракахъ землекоповъ выше 0,34 куб. саж. нами и не было найдено максимума.

Д-ръ А. И. Шингаревъ въ своемъ изслѣдованіи двухъ селеній Воронежской губ. **), названныхъ имъ „вымирающими", опредѣ-

---

*) *Доброславинъ*. Гигіена. Курсъ общественнаго здравоохраненія. СПБ. 1889 г.

**) *Шингаревъ*. Село Ново-Животинное и деревня Моховатка въ санитарномъ отношеніи. Опытъ санитарно-экономическаго изслѣдованія вымирающей деревни. Докладъ Воронежск. уѣздн. санит. совѣту и Воронеж. Отд. Русск. общ. охран. нар. здравія. Приложеніе къ № 38—41 „Саратовской Земской Недѣли" за 1901 годъ.

ляетъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха въ крестьянскихъ избахъ въ 12,7 куб. аршинъ, т. е. 0,47 куб. саж., а среднюю цифру въ 17,2 куб. арш., т. е. 0,64 куб. саж. Слѣдовательно, въ баракахъ землекоповъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха, *въ четыре раза* меньше минимума въ этихъ „вымирающихъ" селеніяхъ, живущихъ на предѣлѣ возможнаго минимума для человѣческаго существованія. Въ одной избѣ въ д. Моховаткѣ Шингаревъ нашелъ даже минимумъ въ 9,5 куб. арш., т. е. 0,35 куб. саж.; онъ называетъ его „гробовымъ количествомъ" воздуха; но въ баракахъ землекоповъ минимумъ, далеко не единичный, 0,11 куб. саж., т. е. *втрое* меньше „гробового".

Прямо совѣстно сравнивать эти цифры съ минимумомъ, требуемымъ гигіеной—1,5—2,5 куб. саж. Вѣдь наши 0,11 куб. саж. въ 13,6 раза меньше этой гигіенической нормы. Даже maximum въ 0,34 куб. саж. въ 4,4 раза меньше требуемыхъ гигіеной 1,5 куб. саж.

Возьмемъ еще для сравненія цифры кубическаго содержанія воздуха на фабрикахъ и въ городскихъ подвалахъ. Проф. Эрисманъ *) минимумъ „воздушнаго куба" въ фабричныхъ помѣщеніяхъ опредѣляетъ въ 0,2—0,3 куб. саж. (въ Московскомъ у. на большихъ бумагопрядильныхъ, суконныхъ и красильныхъ фабрикахъ). Въ подвалахъ знаменитой „Вяземской лавры" въ Петербургѣ приходится 0,3—0,45 куб. саж. на каждаго жильца. Произведенное въ 1899 г. обслѣдованіе жилищъ бѣднѣйшаго населенія г. Москвы—коечно-каморочныхъ квартиръ показало, что въ среднемъ на каждаго обитателя этихъ ужасныхъ помѣщеній, приходилось воздуха 1,17 куб. саж., при чемъ въ 30,8% на одного жильца приходилось менѣе 1 куб. саж. **). Къ сожалѣнію, въ статьѣ г. Вернера намъ не удалось найти указаній на минимумъ. Отмѣчено лишь, что есть квартиры съ содержаніемъ воздуха до 0,7 куб. саж., но какой низшій предѣлъ—не указано.

Такимъ образомъ, ни въ крестьянскихъ избахъ, ни на фабрикахъ, ни въ городскихъ подвальныхъ каморкахъ нѣтъ такой ужасной тѣсноты, какъ въ баракахъ землекоповъ.

Довольно близко къ землекопамъ стоятъ по условіямъ труда рабочіе на кирпичныхъ заводахъ. На нихъ работа производится только въ теплое время (6 мѣс. въ году), рабочіе живутъ во временныхъ помѣщеніяхъ, и часть производства состоитъ въ добычѣ глины, т. е. землекопной работѣ. Изслѣдуя кирпичные заводы въ Московскомъ уѣздѣ, д-ръ А. В. Погожевъ ***) нашелъ,

---

*) *Эрисманъ*. Курсъ гигіены. М. 1887, стр. 475 и 476.

**) *И. Вернеръ*. Жилища бѣднѣйшаго населенія Москвы. Извѣстія Московской Городской Думы. Октябрь 1902 г.

***) *А. В. Погожевъ*. Кирпично-гончарное производство Московск. уѣзда. Опытъ санитарно-промышлен. изслѣдованія. Сборникъ статистич. свѣд. по Москов. губ. Отдѣлъ санитарн. статистики. Т. III, вып. II. М. 1881.

что maximum кубич. содержанія воздуха въ жилыхъ помѣщеніяхъ колеблется отъ 0,2 до 3,4 куб. саж. на человѣка, minimum отъ 0,1 до 2,8 куб. саж.

Остановимся еще на одномъ вопросѣ—о продолжительности рабочаго дня у землекоповъ. Несомнѣнно, что регулировать эту продолжительность надо, ибо теперь для нея нѣтъ никакихъ предѣловъ. Въ серединѣ лѣта землекопы работаютъ по 14—16 часовъ въ день, съ перерывомъ для обѣда. Нечего говорить, что такой рабочій день существовать не долженъ. Необходима законодательная нормировка его. Но недостаточно нормировать его на бумагѣ, надо провести эту нормировку въ жизнь. Будетъ ли ее проводить фабричная инспекція, какъ высказывались нѣкоторые на послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ, или желѣзнодорожная правительственная инспекція—это не такъ важно; несомнѣнно лишь одно, что до сихъ поръ правительственная инспекція на постройкахъ дорогъ не играетъ въ этомъ отношеніи никакой роли.

Говоря о культурномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и радуясь удобствамъ, доставляемымъ ими, внимательный наблюдатель пусть вспомнитъ о тѣхъ десяткахъ тысячъ рабочихъ, которые стояли по колѣна въ мокрой глинѣ или въ знойный пыльный день возили на себѣ 20-пудовыя тачки, жили въ землянкахъ и дырявыхъ баракахъ, вспомнитъ и подумаетъ, что же даетъ культура этимъ рабамъ ея, своимъ хребтомъ и своимъ потомъ создающимъ культурные пути. Какъ ни грустно, но приходится сказать—„ничего". Они такъ же будутъ надрываться работой въ надеждѣ заработать гроши на уплату податей и прокормленіе семьи въ какой нибудь „вымирающей деревнѣ" и такъ же, кончивъ одну постройку, пойдутъ на другую, создавая новыя блага культуры для другихъ и не пользуясь ими для себя.

А пользуясь этими благами культуры и размышляя объ ея міровомъ значеніи въ покойномъ вагонѣ быстро несущагося поѣзда, надо подумать и о юхновскихъ копачахъ, и о полтавскихъ грабаряхъ, безъ которыхъ не было бы ни этого покойнаго вагона, ни быстро мчащагося поѣзда...

Д. Никитинъ.

Политика.

Два періода войны.—Дѣйствія на сушѣ.—Дѣйствія на морѣ.

I.

Пятый мѣсяцъ воюемъ... Когда-нибудь исторія разскажетъ безпристрастно и нелицепріятно объ этихъ тяжелыхъ временахъ, объ этихъ жестокихъ событіяхъ, объ ихъ виновникахъ, объ истинныхъ авторахъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій. Кому-то они были нужны. Для кого-то они пригодились. Будущій историкъ разскажетъ, гдѣ было несчастіе и неизбѣжность, гдѣ оканчивалось несчастіе и начиналось легкомысліе, гдѣ кончалось легкомысліе и переходило въ преступленіе... Интересно было бы и теперь приподнять завѣсу, скрывающую эти тайны, но для этого не только нѣтъ возможности (по очень многимъ причинамъ), но едва ли хватило бы и объективнаго хладнокровія для сужденія. Факты должны хоть немного выясниться, хоть немного отодвинуться, хоть немного меньше гнести и болѣть. Тогда наболѣвшее народное чувство почуетъ, гдѣ вина и причина, и угадаетъ ихъ раньше изслѣдованій будущаго нелицепріятнаго историка. Покуда же мы желали бы, по крайней мѣрѣ, факты знать во всей ихъ правдѣ, но перекрестная сплетня и въ этомъ отношеніи не даетъ удовлетворенія справедливому желанію націи, столь неожиданно, столь недобровольно и столь незаслуженно вовлеченной въ эти событія, полныя угрозы и бѣдствія, быть можетъ, не для одного поколѣнія. Оффиціальныя данныя скудны и неполны, (до сихъ поръ исключительно телеграфическія), а перекрестная сплетня слуховъ и сообщеній, напротивъ, неисчерпаемо обильна, неистощима и неисповѣдима... Попробуемъ, однако, снова разобраться въ этомъ дѣлѣ и хотя бы въ общихъ чертахъ изобразить ходъ событій за послѣдніе два мѣсяца, такъ какъ наше изложеніе въ апрѣльской книжкѣ мы закончили событіями начала апрѣля.

Если первые два мѣсяца войны главную роль играли событія на морѣ, то въ теченіе вторыхъ двухъ мѣсяцевъ первенствующее значеніе пріобрѣли событія на сушѣ. Выведеніе изъ строя „Ретвизана", „Цесаревича" и „Побѣды", гибель „Петропавловска", „Варяга", „Корейца", „Енисея", двухъ миноносцевъ и миннаго катера и обезоруженіе „Манчжура" представляли собою рядъ событій, которыя утвердили за японцами морскую супрематію, превратили нѣкоторое преобладаніе на морѣ въ господство. Японскія потери на морѣ за это время состояли въ потопленіи крейсеровъ „Такашихо" и „Акаши" (и быть можетъ „Ицукушима") и нѣсколькихъ миноносцевъ и совершенно не

соотвѣтствовали русскимъ потерямъ. Запереть русскія эскадры въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ японцамъ не удалось, но привести ихъ къ бездѣйствію и обезопасить отъ нихъ свои морскія сообщенія, это было японцами достигнуто и дало имъ возможность энергически повести сухопутное наступленіе, занявшее собою слѣдующій періодъ войны. Трудно сказать, завершился ли онъ уже сраженіями на перевалахъ хребта, долго раздѣляющаго двѣ враждебныя арміи, или нѣкоторое время событія будутъ развиваться еще въ томъ же направленіи, но уже теперь можно сказать, что въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ событія развивались въ сторону такого же преобладанія японцевъ на сушѣ, какъ ранѣе того въ сторону ихъ преобладанія на морѣ. Сраженія при Тюренченѣ, при Кинъ-Чжоу, при Вафангоу и на перевалахъ обнаружили это сухопутное преобладаніе японцевъ.

О первыхъ двухъ дняхъ боя имѣемъ слѣдующее оффиціальное сообщеніе Главнаго Штаба о положеніи дѣлъ на рѣкѣ Ялу за 16-е и 17-е апрѣля.

„Изъ телеграммъ командующаго манчжурскою арміею генералъ-адъютанта Куропаткина, полученныхъ 18-го сего апрѣля, видно, что переправившіеся на правый берегъ рѣки Ялу близъ деревни Синдягоу японцы заняли деревни Хусанъ и Лизавенъ. Генералъ Засуличъ, имѣя въ виду вновь занять Лизавенъ и высоты у Хусана, послѣ произведенной 16-го апрѣля усиленной развѣдки занятыхъ японцами позицій, назначилъ отрядъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Линда. Позиціи у Лизавена и Хусана оборонялъ японскій отрядъ въ составѣ двухъ батальоновъ 4-го гвардейскаго полка съ горными орудіями и съ небольшой частью гвардейскихъ кавалеристовъ. При содѣйствіи огня нашей артиллеріи отъ Потетынцзы, нашъ отрядъ выбилъ японцевъ съ позиціи, потерявъ двухъ стрѣлковъ убитыми и 13 ранеными. Японцы оставили на позиціи 10 убитыхъ, 26 раненыхъ; кромѣ того, нѣкоторая часть раненыхъ была унесена, а нѣкоторые сползли по скатамъ къ рѣкѣ Ялу. Горную батарею японцы увезли. Занявъ высоты у Синдягоу, нашъ отрядъ попалъ подъ сильный огонь японской батареи, расположенной къ сѣверу отъ Ичжю. Два наши орудія обстрѣляли понтонный мостъ, который японцы вынуждены были развести. Японскій отрядъ отъ Лизавена и Хусана отступилъ, частью къ Ялу, частью на сѣверъ. На позиціи японцевъ пока найдены 10 винтовокъ, много патроновъ, амуниціи и карты. Особенно молодецки дѣйствовали охотники 10-го и 12-го полковъ подъ командой поручика Янчиса.

„16-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, японскій отрядъ силою до 1,500 пѣхоты съ 12 орудіями началъ переправу у Амбихе и Шогопудзы. У устья Амбихе находился небольшой нашъ отрядъ подполковника Гусева. Отрядъ этотъ вынужденъ былъ отойти подъ неравнымъ огнемъ двухъ шестиорудійныхъ японскихъ батарей,

потерявъ четырехъ нижнихъ чиновъ ранеными и подполковника Гусева контуженнымъ въ голову и лѣвую руку. Наши горныя орудія за дальностью разстоянія отвѣчать не могли. Къ отряду отправлено подкрѣпленіе съ приказаніемъ прогнать японцевъ за Ялу. Отъ генерала Мищенко получено донесеніе, что утромъ 16-го же числа съ японскихъ судовъ при устьѣ рѣки Ялу былъ открытъ огонь по нашимъ войскамъ, продолжавшійся 20 минутъ и не нанесшій никакого вреда.

„17-го апрѣля съ 10 часовъ утра до 5-ти дня японцы обстрѣливали нашу позицію у Тюренчена съ батарей лѣваго берега, въ коихъ ими было выставлено до 24 полевыхъ и 12 двѣнадцати сантиметровыхъ орудій, расположенныхъ въ отлично маскированныхъ окопахъ. Непріятель выпусталъ не менѣе 2,000 снарядовъ, но позиція у Тюренчена попрежнему прочно занята нашими войсками. Утромъ же, 17-го, японцы вновь перешли рѣку Ялу у Сындягоу и атаковали наши войска, расположенныя на высотахъ у селенія Хусанъ, обходя ихъ лѣвый флангъ. Вслѣдствіе значительнаго превосходства силъ, нашъ отрядъ отошелъ на позицію у селенія Потетынцзы".

Эту битву такъ описываетъ Всеподданнѣйшая телеграмма ген.-адъют. Куропаткина, отъ 21 апрѣля.

„Генералъ Кашталинскій доноситъ: считаю долгомъ донести обстоятельства тяжкаго, но славнаго боя, веденнаго войсками подъ моимъ начальствомъ съ превосходными силами японцевъ 18-го сего апрѣля у Тюренчена. Уже утромъ 17-го апрѣля японцы стали тѣснить мой лѣвый флангъ, занявши наканунѣ съ боя Хусанскія высоты, почему мною и было приказано батальонамъ 22-го полка, занимавшимъ Хусанъ, отойти черезъ Эйхо на позицію въ Потетынзы. Въ этотъ же день съ утра началась необычайно жестокая и продолжительная бомбардировка всей Тюренченской позиціи отъ Ичжю. Чувствовалось, что японцы послѣ этой бомбардировки, когда было выпущено свыше 2.000 снарядовъ, предпримутъ наступленіе въ ночь на 18-е апрѣля. Я получилъ приказаніе генерала Засулича принять бой, оставаясь на прежней позиціи. На лѣвомъ флангѣ моей позиціи броды у Потетынзы обороняло два батальона 22-го полка и 3-я батарея 6-й бригады. Японцы начали наступленіе въ 5 часовъ утра, направивъ на броды черезъ Эйхо не менѣе дивизіи пѣхоты, которая въ колоннахъ, понеся огромныя потери, перешла броды и аттаковала позицію, обстрѣливаемую во флангъ отъ Ичжю огнемъ 36 полевыхъ и батареей осадныхъ орудій. 12-й полкъ занялъ тыловую позицію подъ прикрытіемъ 2-й батареи 6-й бригады и пулеметной роты, остановивши жестокимъ огнемъ наступленіе японцевъ. Около полудня я узналъ, что японцы сбили батальонъ 22-го полка, стоявшій у Чин-гоу, и обходятъ мой лѣвый флангъ.

Къ часу дня подошли къ моему лѣвому флангу два батальона

11-го полка и батарея подполковника Муравскаго, выдвинутые изъ резерва генераломъ Засуличемъ, съ приказаніемъ держаться до отхода 9-го и 10-го полковъ изъ Шахедзы. Я указалъ 11-му полку занять командующую тыловую позицію съ обороной на два фронта, а батареѣ Муравскаго—вернуться къ резерву, 12-му же полку, 3-й батареѣ и пулеметамъ—отходить подъ прикрытіемъ 11-го полка. Части арьергарда на позиціи выводилъ начальникъ моего штаба. Къ часу дня японцы близко придвинулись къ позиціи 11-го полка, такъ что 3-я батарея не могла пройти на дорогу, обстрѣливаемую перекрестнымъ огнемъ, и, ставъ на позицію въ близкомъ отъ японцевъ разстояніи, осталась на ней до конца боя, потерявъ командира подполковника Муравскаго. Съ арьергардной позиціи отведена первая пулеметная рота, командиръ которой, видя трудное положеніе батареи подполковника Муравскаго, по своей иниціативѣ занялъ позицію, потерялъ половину личнаго состава и весь конскій; сдѣлалъ попытку протащить пулеметы по горамъ на людяхъ, разстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ. Пулеметы выпустили около 35,000 пуль. Части 12-го полка пробились и вынесли знамя; 2-я батарея 6-й бригады, попытавшись пройти къ резерву по другой дорогѣ, не могла подняться на горы съ половиною конскаго состава и, выѣхавъ вновь на позицію, поддержала аттаку 11-го полка. 11-й полкъ держался на позиціи еще два часа и съ значительными потерями пробился въ штыки черезъ перевалъ, вынеся знамя; при этомъ погибъ командиръ 11-го полка полковникъ Лаймингъ. Наши потери около 2.000 нижнихъ чиновъ и около 40 офицеровъ. Потери японцевъ должны быть огромны. Дивизія отошла въ полномъ порядкѣ къ Фынхуанчену. Люди 3-й дивизіи духомъ сильны и свыше 700 раненыхъ съ полками дошли до Фынхуанчена.

Объ изложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству".

По болѣе точному подсчету (телеграмма ген.-ад. Куропаткина 24 апрѣля) выбыло изъ строя въ этой битвѣ 2,406 человѣкъ, кромѣ того, потеряно 22 орудія и 8 пулеметовъ. Войска отступили къ Фынхуанчену, гдѣ стояла другая дивизія второго сибирскаго корпуса, послѣ чего обѣ дивизіи и другія части этого корпуса отступили далѣе къ Ляояну, а Фынхуанченъ 23 апрѣля занятъ японцами и сталъ на полтора мѣсяца главною квартирою арміи генерала Куроки. Эти полтора мѣсяца армія Куроки собиралась съ силами и послѣ серьезнаго успѣха въ бояхъ 16, 17 и 18 апрѣля относительно бездѣйствовала, дѣлая демонстраціи по тремъ направленіямъ, по сѣверному къ Мукдену (на Саймацзы), по среднему къ Ляояну (гдѣ главная квартира Куропаткина) и по южному къ Хай-чену (на Сюянь). Аванпостныя стычки и мелкія сраженія продолжались всѣ шесть недѣль по этимъ линіямъ, преимущественно по сѣверному, гдѣ дѣйствовала

12 дивизія, имѣя противъ себя кавалерію ген. Ренненкампфа, и по южному, гдѣ, кромѣ одной дивизіи первой арміи, принимали участіе войска еще одной или двухъ дивизій третьей японской арміи (генерала Нодзу?). Только 6—7 іюня начинаетъ, повидимому, выясняться, что это южное направленіе и есть главное и что именно сюда ген. Куроки намѣренъ направить свой главный ударъ, имѣя здѣсь противъ себя въ первой линіи тотъ же второй сибирскій корпусъ (теперь генерала Келлера), съ которымъ уже имѣлъ дѣло на Ялу 16—18 апрѣля. Генералъ Куроки располагаетъ, повидимому, шестью дивизіями и одной или двумя рез. бригадами, которыя должны бы быть вполнѣ укомплектованными за эти сорокъ-пять дней относительнаго бездѣйствія.

II.

Въ безопасности и безпрерывности сообщеній, по которымъ ежедневно вливаются новыя силы въ манчжурскую армію, только и можно видѣть надежду. Если бы генералъ Куроки, послѣ занятія Фынхуанчена, ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ связалъ армію Куропаткина и развязалъ руки второй японской арміи, то и эта задача была бы заслугою въ глазахъ японцевъ. Куроки, кромѣ того, пополнилъ порѣдѣвшіе ряды, получилъ значительныя подкрѣпленія и подготовилъ наступленіе черезъ Сюянь въ тылъ корпусу Штакельберга.

Начало операцій второй японской арміи такъ излагается въ оффиціальныхъ донесеніяхъ нашихъ военачальниковъ:

„21-го апрѣля на морѣ между Бизцыво и мысомъ Конечнымъ появилось до 60 японскихъ транспортовъ и военныхъ судовъ. Для развѣдки силъ и намѣреній противника были направлены охотничьи команды, а изъ Пуландяня небольшой пѣхотный отрядъ. Развѣдками посланныхъ частей установлены: высадка японцевъ въ окрестностяхъ мыса Сяохоукоузейцы, въ бухтѣ Кинчанъ и при устьѣ рѣки Ченеухе и расположеніе ихъ 10,000 отряда по окрестнымъ деревнямъ. Изъ Бизцыво русское населеніе удалилось. Исполнивъ свою задачу, нашъ небольшой отрядъ сталъ къ вечеру 22 апрѣля отходить, но на пути былъ встрѣченъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ и свернулъ на другую дорогу, преслѣдуемый на протяженіи 8 верстъ японцами и потерявъ ранеными одного стрѣлка и убитыми трехъ лошадей. Японцы вечеромъ же 22 апрѣля направили отрядъ силою до двухъ полковъ къ Тандзяфану и еще два отряда въ направленіи на югъ и на западъ отъ мѣста высадки. Къ 8 часамъ утра 22 апрѣля ихъ разъѣздъ появился у Пуландяна и затѣмъ подошли пѣхотныя части, открывшія безрезультатную стрѣльбу по проходящему на сѣверъ почтовому поѣзду. Къ 24 апрѣля японцы очистили Пу-

ландянъ, вѣроятно по причинѣ начавшагося циклона, изъ боязни быть отрѣзанными. 25 апрѣля нашъ небольшой конный отрядъ совершилъ развѣдку къ станціи Саньшилину, Бизцыво и далѣе къ Вафандяну, сдѣлавъ въ теченіе дня 85 верстъ. Желѣзная дорога осталась свободна отъ непріятеля. Японскіе отряды силою въ полторы-три роты, наканунѣ, ночевали къ востоку отъ желѣзной дороги и выступили затѣмъ въ юго-западномъ направленіи. Верстахъ въ 10 къ сѣверо-западу отъ Бизцыво отрядъ подходилъ на одну версту къ строющемуся укрѣпленію, занятому ротой японской пѣхоты. Въ перестрѣлкѣ раненъ одинъ пограничникъ и одна лошадь. По китайскимъ свѣдѣніямъ, всего высадилось до 20,000 японцевъ съ полевой и осадной артиллеріей. Бизцыво занятъ отрядомъ до 1,500 человѣкъ. 26-го апрѣля японскій отрядъ, силою до 4 — 5 ротъ, потѣснилъ наши посты вблизи деревни Шихей, при чемъ четыре пограничника было убито и 8 ранено. 27-го апрѣля японскіе отряды отошли съ линіи желѣзной дороги. Подполковникомъ 4-го Заамурскаго желѣзнодорожнаго баталіона Спиридоновымъ съ чинами этого баталіона былъ возстановленъ желѣзнодорожный путь въ Портъ-Артуръ. 26-го и 27-го апрѣля японскіе передовые отряды занимали селенія Муцзятунь и Сядятынь въ 12 верстахъ на юго-востокъ отъ Пуландяна. Другіе передовые ихъ отряды расположились въ 10 верстахъ западнѣе Бицзыво.

„29-го апрѣля японскій отрядъ, до 1,000 пѣхоты и два эскадрона конницы, подходилъ къ станціи Пуландянъ, гдѣ японцами было произведено незначительное поврежденіе желѣзнодорожнаго пути. Поѣздъ, шедшій съ семьями служащихъ изъ Дальняго, долженъ былъ вернуться обратно. Къ вечеру японцы отошли. Станція Вафандянъ въ полночь съ 29-го на 30-е апрѣля была закрыта. Ночью Пуландянъ освѣщался прожекторами съ японскихъ судовъ въ бухтѣ Адамсъ. 30-го апрѣля японскіе отряды были обнаружены въ окрестностяхъ Пуландяна, на перевалѣ Эрдохулинъ и въ долинѣ рѣки Манюхэ, въ 12 верстахъ на востокъ отъ Сюяна. Между Саймацзы и переваломъ на главномъ пути въ Фынхуанченъ шайки китайцевъ начали нападать на наши посты летучей почты. Около станціи Янтай обнаружена большая шайка хунхузовъ. 30-го апрѣля японскій отрядъ, силою до 1,000 человѣкъ, продвинулся верстъ на десять сѣвернѣе станціи Пуландянъ; другой отрядъ человѣкъ въ 300 пѣхоты съ полуэскадрономъ слѣдовалъ въ обходъ станціи Вафандянъ. Части пограничной стражи медленно отходятъ на сѣверъ, задерживая противника“.

Къ 1 маю сообщеніе съ Портъ-Артуромъ было окончательно прервано, и о дѣйствіяхъ арміи Оку до ея обращенія (въ первыхъ числахъ іюня) противъ корпуса генерала Штакельберга мы знаемъ преимущественно изъ японскихъ источниковъ. Около не-

дѣли съ небольшимъ генералъ Оку сосредоточивалъ силы и непередвигалъ ихъ къ югу, имѣя постоянно мелкія столкновенія съ русскими разъѣздами. На сѣверъ къ Вафандяну японскій военачальникъ выдвинулъ резервныя части своей арміи, а около трехъ дивизій съ сильною артиллеріей къ 8 (21) маю сосредоточилъ противъ Цинъ-Чжоу, гдѣ въ самомъ узкомъ мѣстѣ полуострова была первая русская оборонительная линія, занятая войсками генерала Фока. Послѣ нѣсколькихъ дней подготовительнаго боя, 13 мая наступилъ день рѣшительной борьбы. Японцы послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ штурмовъ вынудили ген. Фока отвести свои войска къ Портъ-Артуру, оставивъ 68 орудій въ рукахъ японцевъ, отбитыя у китайцевъ въ 1900 году; они были, по донесенію ген. Стесселя, поставлены съ тѣмъ, чтобы не убирать съ позиціи. 18 мая японцы заняли очищенный русскими Дальній.

Предварительно оставленія Дальняго всѣ его жители были переведены въ Портъ-Артуръ, частью на китайскихъ джонкахъ выѣхали въ Чифу. Самъ городъ наполовину выгорѣлъ, пристани были сожжены и взорваны, доки испорчены, гавань забросана минами, на желѣзной дорогѣ разрушены всѣ сооруженія...

Овладѣвъ первою оборонительною линіей русскихъ, занявъ порты Таліенванъ и Дальній и обложивъ Портъ-Артуръ съ суши и съ моря, японцы пріостановили на время свои дѣйствія, пополняя убыль, подвозя тяжелую артиллерію и высаживая новыя войска. Третья армія высаживалась въ Дагушанѣ, манчжурской гавани, лежащей прямо къ югу отъ Фынхуанчена и къ юго-востоку отъ вышеупомянутаго Сюяна. Высаживаемыя войска изъ Дагушаня частью подкрѣпляли армію Куроки, частью направлялись на сюянскую дорогу, составляя лѣвое крыло всѣхъ японскихъ силъ въ Манчжуріи. Четвертую армію сперва предполагали высадить въ Гай-Пинѣ, для чего этотъ городокъ на западномъ берегу Ляодунскаго полуострова былъ обстрѣленъ японскою эскадрою береговыхъ судовъ (канонерокъ, мелкихъ крейсеровъ и миноносцевъ) и затѣмъ даже временно занятъ японскимъ дессантомъ, но какъ разъ въ это время японцы понесли морскія потери: броненосецъ „Гацусе", крейсеры „Іошино" и „Міако" и миноносецъ № 48 погибли, а броненосецъ „Фуджи" и крейсеръ „Кассуга" были повреждены и выбыли временно изъ строя, между тѣмъ какъ новая попытка запереть портъ-артурскую эскадру брандерами опять не удалась. При этихъ условіяхъ высаживать третью армію къ востоку отъ Ляодунскаго полуострова, а четвертую къ западу на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, имѣя на полпути между ними Портъ-Артуръ съ его эскадрою, было бы очень рискованно, такъ какъ значительно ослабѣвшій флотъ адмирала Того не могъ уже раздѣлиться для охраны обоихъ дессантовъ. Гай-Пинъ былъ японцами очищенъ и высадка четвертой арміи перенесена въ Бицзыво, гдѣ ранѣе высадилась

вторая армія. Бицзыво лежитъ къ западу, а Дагушань къ сѣверу отъ архипелага Элліота, превращеннаго японцами въ базу для своего флота. Адмиралъ Того могъ, такимъ образомъ, одновременно оборонять высадку третьей арміи въ Дагушанѣ и четвертой въ Бицзыво, откуда эта послѣдняя вышла на желѣзную дорогу между Пуландяномъ и Вафандяномъ, какъ ранѣе того сюда же вышла вторая армія, затѣмъ обложившая Портъ-Артуръ. Четвертая же армія имѣла назначеніемъ сначала, вмѣстѣ съ резервами второй арміи, прикрывать съ сѣвера осадную армію, а когда силы успѣли сосредоточиться, то объективомъ для нея было указано оттѣсненіе выдвинутаго далеко на югъ перваго сибирскаго корпуса ген. Штакельберга.

Къ концу мая, когда русская армія ген. Куропаткина въ составѣ 100—120 тыс. комбатантовъ (не считая осажденаго корпуса ген. Стесселя, гарнизонной и пограничной стражи) занимала позицію по линіи отъ сѣверо-востока передъ Саймацзы на юго-западъ до Вафангоу, японскія арміи расположились приблизительно слѣдующимъ образомъ: вторая армія ген. Оку выдвинула къ Портъ-Артуру двѣ дивизіи (первую и третью), одну дивизію (четвертую) помѣстила на желѣзной дорогѣ къ сѣверу отъ Таліенвана, а свои три резервныхъ бригады (значитъ, первую, третью и четвертую) продвинула еще сѣвернѣе въ Бицзыво, Фу-Чжоу и Вафандянъ. Именно въ мѣстѣ расположенія этихъ бригадъ расположилась и четвертая армія (генерала Нофи?), именно двѣ дивизіи (пятая и одиннадцатая), тогда какъ еще одна дивизія (седьмая) и резервныя бригады этой арміи еще не прибыли на театръ военныхъ дѣйствій. Эти пять дивизій и три бригады второй и четвертой арміи (всего 130 тыс.) составили южную часть японскихъ военныхъ силъ подъ общею командою ген. Оку. Другая часть, состоящая изъ первой и третьей арміи, находилась своими юго-западными частями (около Сюяна) верстахъ въ стахъ съ небольшимъ отъ сѣверо-востока конца южныхъ силъ; здѣсь около Сюяна занимала позицію девятая дивизія (третьей арміи), десятая дивизія (той же арміи) стояла у Фынхуанчена въ непосредственномъ соприкосновеніи съ гвардейской дивизіей (первой арміи), за которой непосредственно стояли двѣ другія дивизіи первой арміи (вторая и двѣнадцатая, послѣдняя у Саймацзы). Восьмая дивизія (третьей арміи) стояла позади девятой по дорогѣ изъ Дагушаня въ Сюянъ; въ Дагушанѣ высаживалась шестая дивизія, а резервныя части первой арміи занимали Анъ-Дунь и сосѣднія части Кореи. Послѣ шестой въ Дагушанѣ же начала высаживаться вышеупомянутая тринадцатая дивизія. Резервныя бригады третьей арміи еще не прибыли. Такимъ образомъ, восемь дивизій и три бригады, таковъ составъ сѣверо-восточной группы военныхъ силъ подъ общею командою ген. Куроки (ген. Нодзу, кажется, еще не прибылъ). Мы считаемъ всюду

полный составъ батальоновъ и батарей, хотя, конечно, битвы и болѣзни должны были уменьшать численность комбатантовъ. Однако, близость резервовъ и значительные промежутки между операціями должны были дозволить правильно восполнять убыль. При такомъ расположеніи силъ и ихъ составѣ произошла 1 и 2 іюня битва при Вафангоу, третье крупное сухопутное сраженіе на этой войнѣ.

III.

Оффиціальныя телеграммы русскихъ военачальниковъ такъ изображаютъ ходъ этихъ событій, кульминаціоннымъ пунктомъ которыхъ былъ кровопролитный бой 2 (15) іюня:

Телеграмма ген. маіора Харкевича въ Главный Штабъ.

„27-го, 28-го и 29-го мая, въ положеніи войскъ, находящихся въ сторонѣ ст. Вафангоу, перемѣнъ нѣтъ; на передовыхъ постахъ небольшія стычки происходятъ ежедневно. Попытки японцевъ къ югу отъ станціи Вафандянъ оттѣснить наши сторожевыя части отражаются движеніемъ впередъ казаковъ. На западномъ побережьѣ Ляодуна спокойно; появляющіеся по временамъ непріятельскія суда къ берегу не приближаются. Изъ Сюяна впередъ японцы не двинулись и, по свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ этого пункта укрѣпляются.

Въ ночь съ 29 на 30 мая, къ югу отъ станціи Вафандянъ и сѣвернѣе линіи Бицзыво-Пуландянъ, японцы атаковали нашу заставу у деревни Удяденъ, но были отражены съ урономъ. Въ ту же ночь послѣ боя, продолжавшагося до утра, нашъ отрядъ овладѣлъ дефиле и высотами у деревни Лидятунъ. Наша потеря въ этихъ ночныхъ дѣлахъ: 4 убитыхъ и 18 раненыхъ нижнихъ чиновъ. 26-го мая, вечеромъ, поручикъ Лангъ, высланный на развѣдку, подвергся въ окрестностяхъ У-дао-хедзы въ 18 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Айнямыня нападенію японскаго отряда, силою въ двѣ роты, и послѣ рукопашнаго боя успѣлъ пробиться“.

Всеподданнѣйшая телеграмма ген.-адъют. Куропаткина.

„Сегодня, 31 мая, утромъ, обнаружено наступленіе японцевъ отъ Пуландяна на сѣверъ. Къ 2 часамъ дня фронтъ наступленія опредѣлился отъ деревни Вандегоу до долины рѣки Тасахо, и общая численность наступавшихъ достигла 2-хъ дивизій, изъ коихъ одна шла долиною Тасахо. Въ 4 ч. 30 м. дня противникъ остановилъ наступленіе, занявъ деревни Таудятунъ, Чжанцятунъ, Линзятунъ и высоты южнѣе Вандегоу“.

Всеподданнѣйшая телеграмма генералъ-лейтенанта барона Штакельберга отъ 1 іюня.

„Сегодня, съ 12 час. дня, начался бой на позиціи въ 6 верстахъ южнѣе станціи Вафангоу. Непріятель дѣлалъ усиленныя

попытки сбить нашъ лѣвый флангъ. Атаки непріятеля отбиты; мы удержали свою позицію. Первый полкъ, бывшій на лѣвомъ флангѣ позиціи понесъ серьезныя потери; убитъ командиръ полка полковникъ Хвастуновъ, полковой адъютантъ подпоручикъ Драгославъ-Надточинскій. Генералъ Гернгроссъ раненъ шрапнелью въ правую нижнюю челюсть съ поврежденіемъ надкостницы, но остался въ строю".

Всеподданнѣйшія телеграммы генералъ-адъютанта Куропаткина отъ 2-го іюня 1904 года.

„Перваго іюня у Вафангоу бой происходилъ съ силами противника не менѣе двухъ дивизій. Наши потери за первое іюня: убитъ командиръ 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Вашего Императорскаго Величества полка полковникъ Хвастуновъ и полковой адъютантъ подпоручикъ Драгославъ-Надточинскій; раненъ генералъ-маіоръ Гернгроссъ, оставшійся въ строю, генеральнаго штаба капитанъ Криницкій и, кромѣ того, убито и ранено 20 офицеровъ, фамиліи коихъ пока неизвѣстны. Нижнихъ чиновъ убито и ранено 311 человѣкъ. Изъ этого числа 1-й стрѣлковый полкъ потерялъ 12 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ и 1-я артиллерійская бригада—6 офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Ночь на 2-е іюня прошла спокойно. Около двухъ часовъ пополуночи въ сторожевой цѣпи на нашемъ правомъ флангѣ завязалась перестрѣлка, скоро стихшая. Съ половины шестого часа утра на нашемъ лѣвомъ флангѣ началась канонада. Еще раньше того, около 5-ти часовъ утра 2-го іюня, конница на нашемъ правомъ флангѣ обнаружила присутствіе къ югу отъ Тафаншина значительныхъ силъ непріятеля. Японская пѣхота открыла огонь по нашей конницѣ, находившейся на высотахъ между Тафаншиномъ и Лункоо, съ опушекъ рощъ верстахъ въ двухъ отъ этихъ высотъ. Около $6^1/_2$ часовъ утра изъ этихъ рощъ противникъ, силою до полка пѣхоты съ артиллеріей, повелъ наступленіе между Тафаншиномъ и Лункоо. Между тѣмъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ канонада разгоралась. Въ $6^1/_2$ часовъ утра генералъ баронъ Штакельбергъ перешелъ съ частью силъ въ наступленіе въ обходъ праваго фланга противника на Фафанвопенъ и Гоуинъ и частью силъ на фронтъ противника. Около 10-ти часовъ утра противъ нашего праваго фланга противникъ развернулъ до бригады пѣхоты съ батареей и конницей и, оттѣснивъ нашъ конный отрядъ, направился черезъ Лункоо въ обходъ праваго фланга нашей позиціи. Для противодѣйствія этому въ $10^1/_2$ часовъ отъ Сисана генералъ баронъ Штакельбергъ выдвинулъ свой резервъ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, противникъ подвелъ къ утру 2-го іюня значительныя подкрѣпленія и общая сила японцевъ измѣряется свыше трехъ дивизій. Ко времени отправленія депеши дальнѣйшихъ свѣдѣній еще не получено.

Объ изложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству".

Отправленная 3-го іюня въ 1 ч. 44 м. пополуночи.

„Генералъ баронъ Штакельбергъ въ часъ 20 минутъ ночи съ 2 го на 3-е іюня телеграфируетъ слѣдующее: 2-го іюня предполагалъ атаковать правый флангъ противника, но въ то время, когда назначенныя для сего части съ успѣхомъ начали тѣснить правый флангъ противника, японцы съ своей стороны атаковали мой правый флангъ превосходными силами. Я вынужденъ былъ выдвинуть весь мой резервъ, но онъ оказался недостаточнымъ; я вынужденъ былъ отступить по тремъ дорогамъ въ сѣверномъ направленіи. Потери большія, но еще не приведенныя въ извѣстность. Въ теченіе боя 3 я и 4-я батареи 1-й артиллерійской бригады были буквально засыпаны снарядами японцевъ; изъ 16-ти орудій 13 были приведены въ полную негодность и брошены. Поведеніе войскъ было отличное; многія части отступали лишь послѣ неоднократно повторенныхъ приказаній".

Тоже событіе японцами излагается слѣдующимъ образомъ:

„(Вольфъ). Командующій японской арміей на Ляодунскомъ полуостровѣ доноситъ оффиціально слѣдующее: „1-го іюня японскія главныя силы выступили въ двухъ колоннахъ въ сѣверномъ направленіи, вдоль линіи желѣзной дороги и оттѣснили русскія войска изъ занятой ими мѣстности къ востоку отъ Вафандяна. Въ 5 час. дня непріятель остановился, занявъ оборонительную линію Лунванмя-Тафанченъ. Съ наступленіемъ ночи, японцы, послѣ 2-хъ часового артиллерійскаго огня, занали линію Поншитоу-Юхотоу. Вторая колонна, имѣвшая задачей угрожать правому флангу русскихъ и прикрывать флангъ и тылъ японскаго расположенія, наступала восточнѣе Фучжоу и вышла на линію Тенціакоу-Нашіялинъ. Къ русскимъ вблизи Лунванмя подошли подкрѣпленія. 2-го іюня русскіе, въ количествѣ до 2-хъ съ половиною дивизій, стоявшихъ у Телиссу, заняли позицію между Тафангоу и Ченсуаномъ. Съ разсвѣтомъ японцы перешли въ наступленіе. Главныя силы подвигались вдоль желѣзной дороги, а другая колонна наступала со стороны Тсушіату Къ 9-ти часамъ утра подошла колонна, составлявшая лѣвый флангъ, изъ Тунглункоу. Около полудня вступила въ дѣло кавалерія со стороны Шашіатуна. Такимъ образомъ, русскіе оказались окруженными вблизи Телиссу. Около 3 ч. дня, послѣ жаркаго боя, они были, наконецъ, опрокинуты и отступили къ сѣверу. По полученнымъ свѣдѣніямъ японцы потеряли менѣе 1,000 человѣкъ. Захвачено у русскихъ: четырнадцать скорострѣльныхъ орудій; взято въ плѣнъ около 300 чел., въ томъ числѣ командиръ 4-го стрѣлковаго полка. Русскіе оставили на полѣ сраженія свыше 500 раненыхъ и убитыхъ".

Точныя цифры нашихъ потерь въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ еще не опубликованы, но достигаютъ, если не превышаютъ три тысячи выбывшихъ изъ строя, при тринадцати брошенныхъ орудіяхъ. Потери японцевъ не выяснены. Съ русской стороны сражался первый сибирскій корпусъ (30 тыс. чел.), а къ концу боя прикрыть отступленіе подошли два полка (8 тыс.) четвертаго корпуса. Съ японской стороны въ битвѣ принимали участіе три дивизіи (60 тыс.) и, быть можетъ, часть резервныхъ войскъ. Перевѣсъ артиллеріи былъ еще значительнѣе.

Ходъ ближайшихъ военныхъ событій послѣ битвы подъ Вафангоу изложенъ въ телеграммахъ нашихъ военачальниковъ такъ.

Всеподданнѣйшая телеграмма ген.-ад. Куропаткина отъ 9 іюня.

„6-го и 7-го іюня въ верстахъ 11-ти къ югу отъ Сеньючена, отъ берега моря до трудно проходимой горной мѣстности къ востоку отъ желѣзной дороги, протягивалась линія передовыхъ постовъ противника, прочно занятая конницей и съ пѣхотными заставами въ видѣ репли. Проходы и перевалы въ горахъ восточнѣе желѣзной дороги тоже бдительно охраняются противникомъ. 7-го іюня съ 5-ти часовъ дня было замѣчено движеніе сильныхъ непріятельскихъ конныхъ разъѣздовъ и пѣхотныхъ поддержекъ; такъ было обнаружено передвиженіе японской пѣхоты и конницы. Въ перестрѣлкахъ у насъ потерь не было, у японцевъ нѣсколько человѣкъ убито и ранено. Кромѣ того, обнаружено увеличеніе японскихъ силъ къ югу отъ Вандзяпудзы, у селеній Мандзяпудзы, Такдзяпудзы и Хатхабея, при чемъ у послѣдняго пункта, лежащаго на дорогѣ изъ Сюяня черезъ Панчанью и Сяхотанъ въ Танчи, японцами возводятся полевыя укрѣпленія. На дорогахъ изъ Сюяня въ Гайчжоу противникъ 7-го іюня передовыми частями занималъ на сѣверной дорогѣ перевалъ между Пандзябей и Панчанью, въ 15-ти верстахъ на востокъ отъ Сяхотана и на южный перевалъ Чапанлинъ, въ 12-ти верстахъ на югъ отъ Сяхотана. На перевалѣ къ востоку отъ Саймадзы по дорогѣ въ Куаньдяньсянъ японцы возводятъ укрѣпленія и поставили здѣсь до 18 орудій. Также сильная застава противника занимаетъ въ 40 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Саймацзы селеніе Сапингай, усиливъ его окопами“.

Телеграмма генералъ-лейтенанта Сахарова въ Главный Штабъ отъ 9-го іюня 1904 г.

„8-го іюня, съ 8-ми часовъ утра, японскія передовыя части возобновили наступленіе противъ нашихъ аванпостовъ, стоявшихъ въ верстахъ шести южнѣе Сеньючена по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги. Наши конныя заставы подъ напоромъ противника медленно отходили къ Сеньючену и далѣе на Гай-чжоу; къ полудню обозначилось наступленіе на Сеньюченъ колонны противника, силою до 9-ти эскадроновъ съ батареей, и значительнаго числа пѣхоты, затѣмъ начали постепенно обнаруживаться другія

значительныя колонны противника, и къ вечеру Сеньюченъ былъ занятъ японцами, силою болѣе одной дивизіи пѣхоты, бригады конницы съ 32 орудіями. По донесеніямъ нашихъ разъѣздовъ и свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, къ югу отъ перевала Чапанлинъ, у Чандядяня и Лондядяня сосредоточены значительныя силы противника—болѣе дивизіи, далѣе перевала Чапанлинъ по направленію къ Танчи до утра 9-го іюня японцы не продвинулись.

По донесенію разъѣздовъ къ Кханзы подошелъ изъ Сюяня значительный отрядъ изъ трехъ родовъ оружія. Утромъ 9 іюня отрядъ противника, силою до баталіона, пользуясь густымъ туманомъ, имѣлъ намѣреніе атаковать врасплохъ нашу передовую позицію у Вандзяпудзы на дорогѣ изъ Сюяня въ Хайченъ; движеніе его было своевременно обнаружено нашими пѣхотными секретами, и японцы, обстрѣлянные залпами нашихъ передовыхъ ротъ, отступили съ нѣкоторымъ урономъ къ Сюяню. У насъ раненъ одинъ стрѣлокъ. 6-го іюня вечеромъ японцы заняли Вафантунъ на главной Ляоянской дорогѣ, отрядомъ силою до одного баталіона пѣхоты съ эскадрономъ конницы. Отрядъ противника, силою до одного баталіона съ эскадрономъ, занялъ Чанлиндзы въ долинѣ рѣки Цаохе, въ верстахъ десяти на сѣверъ отъ Фынхуанчена".

Телеграмма генералъ-лейтенанта Сахарова въ главный штабъ, отъ 12 го іюня 1904 г.

„Съ утра 10-го іюня противникъ продолжалъ наступленіе къ Гайчжоу. Впереди, въ трехъ группахъ, въ каждой по четыре-пять эскадроновъ, слѣдовала конница. За нею видны были густыя пѣхотныя цѣпи, а еще далѣе — походныя колонны. Къ вечеру линія его заставъ протягивалась по долинѣ рѣчки Хо въ верстахъ 14 на сѣверъ отъ Сеньючена. Позади группировалась конница; селеніе Модзятунъ на правомъ флангѣ противника было занято пѣхотой и пулеметами. Весь день прошелъ въ перестрѣлкахъ, у насъ раненъ одинъ нижній чинъ. Пограничники подъ начальствомъ корнета фонъ-Мейеръ, устроивъ засаду, внезапно обстрѣляли спѣшившійся японскій эскадронъ, понесшій значительный уронъ въ людяхъ и лошадяхъ. До перваго часа пополудни 11-го іюня противникъ впередъ къ Гайчжоу не подвинулся. Съ 8-го іюня обнаружилось движеніе противника отъ Кханза на южной дорогѣ изъ Сюяна въ Гайчжоу по промежуточному горному пути, отдѣляющемуся отъ Кханза на сѣверъ и выходящему къ Сяхотану; 9-го іюня японцы заняли селеніе Сяньдяю, но къ вечеру подъ натискомъ нашего передового отряда очистили его. Противникъ сосредоточилъ у Мадявайзы три баталіона съ шестью орудіями и четырьмя эскадронами, и съ разсвѣтомъ 10-го іюня его отрядъ въ составѣ баталіона, двухъ орудій и двухъ эскадроновъ произвелъ внезапное нападеніе на нашу передовую сотню, стоявшею на бивуакѣ у Сяньдяю. Сотня была вынуждена къ отступленію, и японцы заняли такъ называемую

Черную гору къ сѣверу отъ Сяньдяю и перевалъ къ востоку отъ нея на дорогѣ изъ Сяньдяю въ Сяньхатину. При первыхъ выстрѣлахъ наши передовыя войска были собраны на позиціи на высотахъ у Сяхотана; 4 сотнямъ съ 4-мя конно-горными орудіями было приказано наступать отъ Сяхотана черезъ перевалъ въ направленіи на Сяньдяю. Огнемъ нашей артилеріи японцы были сбиты съ занятой ими позиціи, а съ подходомъ подкрѣпленій отрядъ въ 11 часовъ дня перешелъ въ наступленіе по всему фронту. Противникъ отступилъ въ полномъ безпорядкѣ; къ первому часу пополудни занято сел. Сяньдяю и оттуда наша артилерія огнемъ преслѣдовала отступающихъ японцевъ, которые поспѣшно отходили къ Ерлдагоу и далѣе. Наши потери: ранено три офицера, контуженъ одинъ; нижнихъ чиновъ убито семь, ранено четырнадцать и безъ вѣсти пропалъ одинъ. Начальникъ отряда съ высокой похвалой отзывается о дѣйствіяхъ нашей артиллеріи. 10-го іюня казаки у Людяхе, въ семи верстахъ на сѣверъ отъ Селючжана устроили засаду, въ которую попалъ отрядъ японцевъ, потерявшій убитыми и ранеными 15 человѣкъ. У насъ раненъ хорунжій Полозовъ. Около 12 часовъ утра 9-го іюня нашъ отрядъ, въ цѣляхъ развѣдки, въ шести верстахъ восточнѣе Айянямыня завязалъ перестрѣлку съ передовыми частями противника, около полудня нашъ отрядъ перешелъ въ наступленіе на правый флангъ противника, который былъ сбитъ съ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ передовыхъ позицій. Къ пяти часамъ дня, отрядъ подошелъ къ главной позиціи противника, при чемъ было выяснено, что она была занята тремя полками пѣхоты и 18-ю орудіями. Наши войска оставались на занятыхъ позиціяхъ, не ввязываясь въ бой съ превосходными силами до 9-ти часовъ вечера. Противникъ въ наступленіе не перешелъ; около 9 час. вечера нашъ отрядъ въ полномъ порядкѣ отошелъ въ направленіи на Саймацзы. Потери пока не выяснены. Городъ Хуаженьсянь очищенъ противникомъ".

„12-го іюня передовыя части противника, занимавшія долину рѣчки Хо, въ 16-ти верстахъ на юго-западъ отъ Гайчжоу, отошли верстъ на 10 къ югу ближе къ Сеньючену. Днемъ 11-го іюня отрядъ противника, силою въ двѣ роты и два эскадрона, подошелъ къ селенію Сядянь (въ горахъ, въ 11-ти верстахъ отъ Гайчжоу въ южномъ направленіи). Непріятельскіе разъѣзды появились также въ мѣстности Хуаванфынъ (въ 25-ти верстахъ на востокъ отъ Гайчжоу и въ семи верстахъ на сѣверо-западъ отъ перевала Чапанлинъ). На южной дорогѣ изъ Сюяня въ Гайчжоу передовой отрядъ японцевъ занялъ селеніе Тамярлгоу; также на дорогѣ Кхаиза къ Сяхотану; непріятельскіе разъѣзды держатся между Ерлдагоу и Малявайза. На сѣверной дорогѣ изъ Сюяня въ Гайчжоу перевалъ между Пандзябей и Панчанью продолжаетъ

оставаться не занятымъ противникомъ. На направленіи отъ Сюяня въ Хайченъ перемѣнъ нѣтъ. На дорогѣ изъ Фынхуанчена въ Хайченъ, въ мѣстности Саргангоу (въ 25-ти верстахъ на сѣверо-западъ отъ Фынхуанчена) 11-го іюня наши охотники имѣли стычку съ непріятельскимъ разъѣздомъ, потерявшимъ одного убитаго. Къ вечеру 11-го іюня было обнаружено наступленіе японцевъ изъ Саргангоу впередъ по хайченской дорогѣ, и ихъ передовой отрядъ, силою въ двѣ роты, занялъ сел. Кангапуза; также небольшой отрядъ противника занялъ Тунгопуза (въ 8-ми верстахъ на сѣверо-западъ отъ Селючжана)".

„13-го іюня японскія войска перешли въ наступленіе противъ передовыхъ нашихъ войскъ восточнаго фронта, находившихся впереди переваловъ Феньшуйлинскаго, Модулинскаго и Далинскаго. Наши конныя и пѣшія части, отступая подъ напоромъ японцевъ, выяснили, что наступленіе противъ каждаго изъ трехъ упомянутыхъ выше переваловъ ведется превосходными силами; противъ Далинскаго перевала опредѣлено наступленіе, кромѣ другихъ войскъ, гвардейской дивизіи. Кромѣ движенія съ фронта, японцы значительными силами обходили наши войска, занимавшія Феньшуйлинскій и Модулинскій перевалы, съ обоихъ фланговъ".

„Въ теченіе 13-го іюня японскій передовой отрядъ, силой до баталіона при эскадронѣ, подвигаясь по сѣверной дорогѣ изъ Сюяня въ Гайчжоу, занялъ Чегуонтинъ въ 6 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Сяхатана.

Къ вечеру 13-го іюня на дорогѣ изъ Сюяня въ Хайченъ выяснилось сосредоточеніе къ деревнѣ Вандзяпудзы до 27-го баталіоновъ противника. Съ ранняго утра 14-го іюня японцы повели наступленіе на фронтъ нашей позиціи на Далинскомъ перевалѣ и въ обходъ ея праваго фланга силами не менѣе дивизіи пѣхоты съ тремя полевыми батареями. Бой продолжался до 7 часовъ 40 мин. утра. По выясненіи силъ противника и обнаруженіи обхода японцами нашего праваго фланга, нашъ отрядъ медленно отошелъ съ Далинскаго перевала. Противникъ пріостановилъ свое наступленіе. Наши потери еще не выяснены, но около 200 человѣкъ. Въ теченіе 13-го іюня противникъ продолжалъ наступленіе на Феньшуйлинскій и Модулинскій перевалы съ фронта и съ обходомъ фланговъ нашихъ позицій. Противъ Модулинскаго перевала было сосредоточено не менѣе 8 баталіоновъ при 10 орудіяхъ. Къ 4 часамъ пополудни на главной ляоянской дорогѣ противникъ занялъ перевалъ Коудялинъ. Съ 12-го іюня японцы предприняли также наступленіе на своемъ правомъ флангѣ и 13-го іюня утромъ заняли Саймадзы. Японскій отрядъ силою до 3-хъ ротъ съ эскадрономъ, двинувшійся изъ Саймацзы, потѣснилъ сначала наши сторожевыя сотни, но затѣмъ былъ отброшенъ.

„14-го іюня утромъ на наши войска, отошедшія съ Феньшуйлина къ Титхе, было произведено нападеніе небольшими японскими силами, отбитое безъ труда. Оттѣснивъ изъ Вандяпудзы 13-го числа вечеромъ къ Далинскому перевалу наши передовыя войска, японцы сего 14-го іюня утромъ продолжали наступленіе противъ нашей позиціи на Далинскомъ перевалѣ. Наши передовыя войска дали нѣкоторое время отпоръ наступавшей противъ нихъ бригадѣ пѣхоты съ 3-мя батареями, наступавшими съ фронта, но, угрожаемыя другими войсками обходомъ, отошли назадъ. По развѣдкамъ выясняется, что часть войскъ южной японской арміи двигается по направленію къ сѣверовостоку на соединеніе съ арміей Куроки".

„14-го іюня съ 6 часовъ утра возобновился бой у Сяхатина. Одна казачья и одна конная батареи неоднократно отгоняли непріятельскую пѣхоту и заставляли молчать японскія батареи; часть нашей пѣхоты произвела нѣсколько энергичныхъ контръатакъ и оттѣснила японцевъ на нашемъ правомъ флангѣ. Бой окончился въ пятомъ часу. Взводъ 11-й конной батареи, участвовавшей въ этомъ дѣлѣ, удивилъ всѣхъ доблестью, выѣхавъ на Сяньхайскій перевалъ и продержавшись противъ 8 орудій противника, пока не разстрѣлялъ всѣхъ своихъ патроновъ. Наши потери еще не подсчитаны, но, по полученнымъ донесеніямъ, не превышаютъ 50 человѣкъ и 20 лошадей".

„15-го іюня въ раіонѣ ст. Дашичао и на путяхъ отъ нея къ Сюяню неожиданно разразился ливень, затопившій биваки нашихъ войскъ. Японцы въ нѣкоторыхъ направленіяхъ къ восточному и южному фронтамъ, хотя и медленно, подвигаются впередъ. На южномъ фронтѣ обнаружено передвиженіе японскихъ войскъ, наступавшихъ съ юга, къ востоку на соединеніе съ арміей Куроки. Произведенною рекогносцировкою въ направленіи къ Далинскому перевалу обнаружено, что японцы нѣсколько отступили отъ занятыхъ ими наканунѣ позицій; оставленныя японцами заставы, силою въ нѣсколько ротъ, послѣ небольшой перестрѣлки отошли назадъ. Со стороны Фынхуанчена получено донесеніе, что 16-го іюня обнаружено энергичное наступленіе японскихъ силъ къ Уфангуану и къ Ляхолинскому перевалу.

Дождливая погода продолжается".

Судя по этимъ еще неполнымъ даннымъ, отчасти пополняемымъ свѣдѣніями агенствъ, можно думать, что японцы предпринимаютъ рѣшительное наступленіе всѣми арміями, съ востока первою и третьей и съ юга второй и четвертой съ силами приблизительно въ 280 тыс.

IV.

Такъ шли дѣла на сушѣ. Война продолжалась и на морѣ. Двѣ неудачныя попытки заперетъ брандерами Портъ Артуръ явились единственными активными операціями японцевъ съ половины апрѣля по 10 іюня. Вынимая русскія мины, они потеряли крейсеръ „Міако“ (1800 тоннъ водоизмѣщенія и 12 орудій, 20 узловъ хода) и миноносецъ № 48 (50 тонъ водоизмѣщенія и 1 орудіе). При блокадѣ Портъ-Артура броненосецъ „Гацусе“ наскочилъ на мину и погибъ (15200 тоннъ, 30 орудій, 18 узловъ). Тогда же броненосецъ „Фуджи“ потерпѣлъ аварію и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, погибъ около островов Мяо-Дао; по другимъ свѣдѣніямъ, поставленъ тамъ на отмель; по третьимъ, отведенъ для починки. Вѣроятнѣе всего, третье свѣдѣніе, потому что, не сообщая объ аваріяхъ судовъ, японцы обыкновенно сообщаютъ о гибели. „Фуджи“—12600 тоннъ, 38 орудій, 18 узловъ. Одновременно съ этими тяжелыми утратами, японскій флотъ понесъ еще одну отъ столкновенія собственныхъ судовъ, при чемъ крейсеръ „Іошино“ (4200 тоннъ, 34 орудія, 23 узла) погибъ, а крейсеръ „Кассуга“ (7700 тоннъ, 35 орудій, 20 узловъ) поврежденъ и ушелъ въ починку. Потомъ изъ Дальняго сообщали, что японскій броненосецъ погибъ, наскочивъ на мину. Называли „Шикишиму“ (близнецъ погибшему „Гацусе“), что было опровергнуто японцами. Потомъ называли „Яшиму“ (близнецъ пострадавшему „Фуджи“). Этому не было опроверженій, но не было и подтвержденій. То обстоятельство, что 10 іюня адмиралъ Того вывелъ въ бой только четырехъ броненосцевъ, можетъ служить косвеннымъ указаніемъ, что, кромѣ „Гацусе“ и „Фуджи“, не выбыло изъ строя (временно или окончательно) ни одного броненосца. Японцы имѣли ихъ всего шесть и никогда не раздѣляли, какъ то и требуется для силы эскадры адмирала Того.

Изъ дѣйствій русскаго флота въ восточно-азіатскихъ водахъ надо отмѣтить:

1) Набѣгъ эскадры адм. Безобразова (три крейсера „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“) въ Корейскій проливъ.

Всеподданнѣйшая телеграмма вице-адмирала Скрыдлова, отъ 8-го іюня 1904 года.

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству слѣдующее: 30-го мая для дѣйствія на морскія сообщенія японской арміи отправился отрядъ крейсеровъ въ составѣ крейсера „*Россія*“ подъ флагомъ вице-адмирала Безобразова, крейсера „*Громобой*“ и крейсера „*Рюрикъ*“. Въ ночь на 7-е іюня отрядъ возвратился во Владивостокъ. О своемъ крейсерствѣ начальникъ отряда доноситъ: утромъ 2-го іюня отрядъ подошелъ съ сѣвера

къ Симоносекскому проливу и, находясь отъ него въ 20-ти миляхъ, замѣтилъ по курсу на горизонтѣ два парохода, за которыми и началъ погоню; догнать пароходы не удалось за далностью. Въ то же время открылось третье судно, овладѣть которымъ было поручено крейсеру „*Громобой*". Пароходъ этотъ, оказавшійся затѣмъ транспортомъ „Идзуми-Мару", не останавливался, не смотря ни на какія требованія, пока въ него не попало нѣсколько снарядовъ, послѣ чего онъ остановился и люди съ него стали бросаться за бортъ Сигналомъ „*Громобой*" потребовалъ оставленія людьми парохода, что и было исполнено на двухъ шлюпкахъ, а плававшіе въ водѣ люди были подобраны катеромъ съ крейсера и приняты на „*Громобой*". Транспортъ же „Идзуми-Мару" въ три слишкомъ тысячи тоннъ, занимавшійся перевозкою войскъ и грузовъ на театръ военныхъ дѣйствій, былъ потопленъ выстрѣлами.—Среди 105 человѣкъ, принятыхъ съ транспорта на крейсеръ, находились 17 офицерскаго званія. Потопивъ транспортъ „Идзуми-Мару", съ крейсера „*Громобой*" было усмотрѣно еще два парохода, на которые онъ и устремился. Настигнутыя суда оказались транспортами „Садо-Мару" и „Хитачи-Мару", каждый около шести тысячъ регистровыхъ тоннъ; на транспортахъ, кромѣ воинскихъ грузовъ, оказалось: на первомъ—мастеровые телеграфнаго вѣдомства при 12-ти офицерахъ, кони и понтоны; на второмъ—болѣе тысячи человѣкъ войска и воинскій грузъ. Завладѣніе „Садо-Мару" было поручено крейсеру „*Россія*", „Хитачи-Мару"—„*Громобою*", отъ котораго „Хитачи Мару" пытался уйти; послѣ того, какъ нѣсколько предупредительныхъ выстрѣловъ по транспорту для его остановки не оказали дѣйствія, по транспорту былъ открытъ огонь, тогда онъ остановился. На сигналъ объ оставленіи парохода людьми пароходъ не обратилъ вниманія и только послѣ нѣсколькихъ принудительныхъ выстрѣловъ сталъ спускать шлюпки. Транспортъ тонулъ очень медленно, вслѣдствіе чего „*Громобою*" было приказано поспѣшить потопить пароходъ, что крейсеромъ вскорѣ и было исполнено. Преслѣдуемый крейсеромъ „*Россія*" транспортъ „Садо-Мару", послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ по немъ выстрѣловъ, остановился и по требованію сигналомъ сталъ спускать шлюпки и боты, которыхъ на немъ было особенно много. Шлюпки спускались торопливо и нѣкоторыя опрокинулись, остальныя приняли на себя значительное число людей и направились къ находившимся въ виду островамъ Тоусима и Икисима. — Погода тихая, море совершенно спокойно. Крейсеру „*Рюрикъ*" было приказано взять къ себѣ офицеровъ, нижнихъ чиновъ и команду, но изъ всѣхъ чиновъ оказалось возможнымъ принять только 4 иностранцевъ, служившихъ на пароходѣ, и 25 офицеровъ, остальные чины не покидали транспорта. Тогда крейсеру „*Рюрикъ*" было приказано потопить его минами. Отъ перваго взрыва транспортъ не уто-

нулъ, вслѣдствіе чего было приказано выпустить въ него вторую мину, отъ которой транспортъ сталъ погружаться. Считая дѣло съ транспортомъ оконченнымъ и въ виду наступившей пасмурности, отрядъ отправился въ дальнѣйшее крейсерство; все время за дѣйствіемъ отряда слѣдилъ японскій крейсеръ".

Этотъ набѣгъ произвелъ большое смятеніе въ Японіи. Эскадра адмирала Камимура немедленно отправилась въ погоню, но не настигла адм. Безобразова. Сообщенія Японіи съ театромъ войны на нѣсколько дней прервались и возобновились лишь послѣ усиленія морскихъ силъ въ проливѣ. Весьма возможно, что эскадра адм. Того была ослаблена... На потопленныхъ транспортахъ погибло около 1,000 чел., военная касса въ 5 милліоновъ долларовъ и часть осадной артиллеріи, предназначавшейся для бомбардировки Портъ-Артура, такъ что набѣгъ владивостокской крейсерской эскадры на морскія сообщенія японцевъ имѣлъ довольно серьезное значеніе.

2) Набѣгъ миноносной флотиліи Владивостока къ берегамъ Японіи.

2-го іюня, адмиралъ Скрыдловъ отправилъ изъ Владивостока отдѣленіе миноносцевъ подъ командою капитана 2-го ранга Виноградскаго къ берегамъ Японіи. Во время крейсерства близъ западныхъ береговъ о. Хоккандо (о. Іессо), миноносцы подходили къ порту Іезачи, лежащему въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Сангарскаго пролива. Не входя въ портъ вслѣдствіе стоявшаго тумана, миноносцы захватили и уничтожили нѣсколько промысловыхъ и перевозочныхъ японскихъ шкунъ, одну изъ которыхъ привели во Владивостокъ. Большая часть изъ уничтоженныхъ японскихъ шкунъ везла рыбные продукты и рисъ въ порта Сасебо и Симоносеки, служащіе главными отправными пунктами для снабженія войскъ, дѣйствующихъ на Ляодунскомъ полуостровѣ. Пробывъ въ плаваніи почти недѣлю, отрядъ миноносцевъ 8-го іюня вернулся во Владивостокъ.

3) Выходъ портъ-артурской эскадры 10 (23) іюня. Объ этомъ разсказываетъ всеподданнѣйшая телеграмма Намѣстника генералъ-адъютанта Алексѣева, отъ 17-го іюня.

„Рапортомъ, полученнымъ мною 17-го іюня, временно-командующій эскадрой въ Портъ-Артурѣ доноситъ: въ ночь на 10-е іюня я послалъ 8 миноносцевъ для охраны рейда, въ разстояніи 7 миль. Эти миноносцы оттѣснили подходившіе непріятельскіе. Въ этомъ дѣлѣ были легко ранены: капитанъ 2-го ранга Елисѣевъ, лейтенантъ Смирновъ 3-й и 2 нижнихъ чина. Къ утру всѣ миноносцы возвратились. Въ 8 часовъ утра на рейдъ послѣдовательно вышли: „Новикъ", „Діана", „Аскольдъ", „Севастополь", „Полтава", „Цесаревичъ", „Побѣда", „Пересвѣтъ", „Ретвизанъ", „Баянъ" и „Паллада" и стали на якорь. Усмотрѣвъ на рейдѣ двѣ плывшія японскія мины, эскадра задержалась на якорѣ, въ это время

другія мелкія тралящія суда на восточной сторонѣ рейда нашли и взорвали до 10 минъ, которыя, какъ выяснено разслѣдованіемъ, были, вѣроятно, поставлены ночью приближавшимися 2-мя непріятельскими миноносцами. Въ 2 часа дня, имѣя впереди тралящій караванъ съ миноносцами и крейсеромъ „Новикъ", эскадра въ строѣ кильватера направилась въ море и, пройдя благополучно 8 миль, легла на Зюйдъ, отпустивъ тралящія суда подъ конвоемъ канонерскихъ лодокъ; во все это время въ виду эскадры держались 2 японскихъ развѣдчика и отрядъ миноносцевъ. Въ 20 миляхъ отъ берега былъ усмотрѣнъ идущій на пересѣчку курса японскій флотъ, въ составѣ котораго при сближеніи, по наружнымъ признакамъ, усмотрѣно: 4 броненосца перваго ранга и 1 второго, 4 броненосныхъ крейсера 1-го ранга, 7 крейсеровъ 2-го ранга, 5 крейсеровъ 3-го ранга, 1 развѣдочное судно и 1 пароходъ, сверхъ того, 30 миноносокъ въ двухъ отрядахъ. При сближеніи курса стало видно, что непріятель намѣревается поставить одинъ крейсерскій отрядъ и миноносцы между берегомъ и эскадрою, чтобы ночью минными атаками большого числа миноносцевъ вывести изъ строя часть нашихъ судовъ и затѣмъ днемъ вступить всѣми силами въ бой. Принимая во вниманіе сборъ всѣхъ силъ непріятеля, много превосходившихъ наши, и большое число его миноносцевъ, я рѣшилъ возвратиться въ Портъ-Артуръ, чтобы дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, считая, что такой образъ дѣйствій грозилъ меньшими потерями. Къ 7 часамъ вечера эскадра легла на обратный курсъ, непріятель не пытался сблизиться или помѣшать. Къ 10 часамъ вечера эскадра подошла къ рейду, на которомъ стала на якорь, при чемъ на концевые корабли еще на ходу были произведены двѣ успѣшно отбитыя минныя атаки. На рейдѣ непріятель, не смотря на лунную ночь, до самаго разсвѣта производилъ минныя атаки, успѣшно нами отбитыя. Утромъ вблизи судовъ у берега найдено 12 минъ Уайтхеда, выпущенныхъ непріятелемъ съ дальняго разстоянія, такъ какъ миноносцы не были допущены ближе 12 кабельтововъ. Миноносцы шли въ атаку группами, потоплено не менѣе двухъ. Къ утру выкинуло на берегъ трупы одного японскаго офицера и двухъ матросовъ. Успѣшное отраженіе минныхъ атакъ, въ которомъ принимали участіе нѣкоторыя батареи, облегчалось эскадрѣ береговыми прожекторами. Утромъ съ полной водой всѣ суда вошли въ гавань".

Появленіе портъ-артурской эскадры и активныя дѣйствія владивостокской составляютъ крупное военное событіе, которое снова перемѣщаетъ интересъ борьбы съ суши на море.

С. Южаковъ.

Случайныя замѣтки.

Горькія рѣчи о сладкомъ сахарѣ. Въ 1902 году, какъ оказывается, исполнилось сто лѣтъ существованія русской свеклосахарной промышленности. Долженъ признаться, что объ этомъ юбилеѣ я узналъ только теперь изъ случайно попавшейся мнѣ въ руки брошюрки анонимнаго автора *). Даже странно какъ-то: такая великолѣпная промышленность и такой скромный юбилей! Почтить его, однако, надо, и я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ лежащаго передо мною, — скромнаго по заглавію и довольно невзрачнаго на видъ, но единственно извѣстнаго мнѣ, юбилейнаго изданія. Воспоминанія и впечатлѣнія автора, „почти сорокъ лѣтъ проведшаго, такъ сказать, въ мірѣ свеклосахарной промышленности“, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Послушаемъ же эту какъ бы рѣчь, оставшуюся несказанной,— это привѣтствіе, въ свое время никѣмъ не выслушанное. Начнемъ, какъ и подобаетъ въ такихъ случаяхъ, съ воспоминаній.

Свеклосахарная промышленность родилась подъ счастливой звѣздой. „Благодаря *покровительству* прусскаго короля Фридриха Вильгельма II, въ южной Силезіи былъ устроенъ въ 1796 году первый свеклосахарный заводъ“. „Въ 1811 году 29 марта Наполеонъ опредѣлилъ выдѣлить 32.000 гектаровъ земли подъ культуру свекловицы и ассигновалъ милліонъ франковъ на *покровительство* свеклосахарной промышленности“. Россія по части покровительства опередила даже Наполеона. Уже „въ 1802 году въ Тульской губ., въ селѣ Алябьевѣ, господа Бланкеннегель и Герардъ устроили первый въ Россіи свеклосахарный заводъ, получивъ правительственную субсидію въ 50 тысячъ рублей ассигнаціями“. Этотъ періодъ покровительства у насъ не закончился и по сей день. „Коренной русскій потребитель, конкуррируя въ потребленіи своего отечественнаго сахара съ англійской свиньей и видя полное преимущество въ этомъ отношеніи своего иностраннаго конкуррента, молча платитъ за себя и за англійскую свинью“. Даже въ русской промышленной жизни счастье сахарозаводчиковъ представляется исключительнымъ.

Не смотря, однако, на покровительство, сначала „дѣло шло плохо, работали въ убытокъ“. Потомъ приспособились. Замѣтимъ,— авторъ проситъ обратить на это вниманіе,—что „всѣ дѣятели по начинаніямъ сверклосахарной промышленности въ Россіи были землевладѣльцы“ и, конечно,—прибавимъ отъ себя—въ большинствѣ случаевъ родовитые и чиновные, нерѣдко титулованные.

*) По поводу свеклосахарной промышленности въ Россіи. Одесса 1904 г

Они имѣли „прекрасныя намѣренія“, но „были не подготовлены къ новой дѣятельности“ и, „не имѣя возможности теоретически слѣдить за ходомъ дѣла, должны были удовлетворяться конторскимъ балансомъ“. Извѣстно же, что ultima ratio всякаго баланса составляетъ прибыль. О ней, конечно, только и думали „дѣятели по начинаніямъ свеклосахарной промышленности“. Сахарное дѣло „попало въ руки дѣльцовъ“. „Дѣльцы эти, ничего общаго съ наукой неимѣвшіе, но уловившіе то, что практически довелось, создали берковецъ, который вопреки учебникамъ достигалъ у иныхъ 16 и болѣе пудовъ. Даже у очень солидныхъ сахарозаводчиковъ были спеціальные пріемщики свекловицы, которые назывались „курскіе соловьи“, практиковавшіе некрасивые пріемы при пріемѣ свекловицы. Эти дѣльцы создали новый видъ кубической сажени дровъ подъ названіемъ „стосъ“, состоявшій не изъ 48 вершковъ, а съ добавленіемъ на усадку, на укладку и разныя скидки. Коротко говоря, вся дѣятельность этихъ дѣльцовъ сводилась на обманъ“.

Тотъ же обманъ царилъ въ отношеніяхъ сахарозаводчиковъ къ правительству. „Имѣлись двѣ статистики: одна—оффиціальная, получаемая при учетѣ работъ въ заводахъ и по которой сахаръ облагался акцизомъ, другая—частная, хотя правительству извѣстная“. Въ брошюрѣ приведена та и другая за рядъ лѣтъ. Разница между ними не маленькая: количество дѣйствительно выдѣлывавшагося сахара въ 3 и 4 раза превышало то, съ котораго сахарозаводчики платили акцизъ. „Существуетъ,—меланхолически замѣчаетъ по этому поводу авторъ,—общая этика и въ частности медицинская, юридическая и т. п., но этики технической наши гг. сахаровары и заводчики не создали“. О, еслибы хотя общую-то этику они признавали!

Въ то время, какъ въ конторахъ фабриковалась „оффиціальная“ статистика, а на складахъ „соловьи“ обмѣривали и обвѣшивали, въ самыхъ заводахъ свистѣла розга. „Я еще помню, говоритъ авторъ,—когда на каждую смѣну полагался рабочій съ съ розгами для экзекуціи проштрафовавшихся“...

Таковъ былъ этотъ „печальный періодъ“, когда „директора заводовъ, лишенные всякихъ теоретическихъ свѣдѣній, крайне враждебно смотрѣли не только на людей науки, но даже на книгу вообще“, и когда ихъ родовитые хозяева „очень умно остроумничали, говоря, что имъ не по карману имѣть директора изъ технологовъ“.

Исторія вырвала розгу изъ рукъ сахарозаводчиковъ. Начался другой періодъ, когда „сахарной промышленности пришелъ на помощь спекулянтъ купецъ, этотъ страшный бичъ государства, народа и промышленности“. Авторъ съ сочувствіемъ цитируетъ рѣчи Кувалды изъ „Бывшихъ людей“ Горькаго и находитъ, что „все высказанное имъ о купцѣ имѣетъ глубокій смыслъ“. Не до-

вольствуясь отзывами „бывшаго человѣка“, онъ немало и своихъ горькихъ словъ высказываетъ по адресу новаго свеклосахарнаго дѣятеля. „У купца,—говоритъ онъ,—не существуетъ даже отечества и онъ дальше своего пятака ничего не видалъ“. У него нѣтъ даже „прекрасныхъ намѣреній“. Его девизъ — „рупь-цалковый и на него купонъ“. „Честь для купца въ рублѣ, и чѣмъ больше этихъ рублей, тѣмъ больше чести“. „Щедринскій мужикъ съ большимъ успѣхомъ прокормилъ двухъ генераловъ, и я не сомнѣваюсь,—говоритъ авторъ,—что съ такимъ же успѣхомъ прокормилъ бы и 22, но увѣренъ, что всѣ мужики, вмѣстѣ взятые, не въ состояніи накормить и одного купца“.

„Но ужаснѣе всего, что купецъ за свой рубль покупаетъ людей науки“. „Безъ ученыхъ спеціалистовъ-техниковъ въ наши дни не мыслимо ни одно фабричное предпріятіе... Купецъ-спекулянтъ понялъ это и выработываетъ для себя особый типъ спеціалиста“. Да, науку современный сахарный дѣятель цѣнитъ, хотя и тутъ не можетъ обойтись безъ обмана. „Въ первомъ выпускѣ ежегодника по сахарной промышленности и въ послѣдующихъ годахъ, — говоритъ нашъ авторъ, — я встрѣчаю много знакомыхъ именъ, присвоившихъ себѣ самовольно ученыя званія“.

Впечатлѣнія отъ этого періода у автора, конечно, свѣжѣе, но „въ той рамкѣ, въ которой я нахожусь,—говоритъ онъ,—я чувствую себя слишкомъ тѣсно“. „Если бы я сталъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — рисовать вамъ прошлое и настоящее en toutes lettres, то получилась бы ужасная картина. Но условія, которыя, конечно, каждому будутъ понятны, заставляютъ меня говорить общими словами, что значительно смягчаетъ картину дѣйствительности“. Посмотримъ, однако, хотя бы въ общихъ чертахъ, что принесъ съ собою новый свеклосахарный дѣятель и что дала приспособленная имъ къ своимъ аппетитамъ „наука“.

„Я помню,—говоритъ авторъ,—общую картину сельскаго хозяйства при сахарныхъ заводахъ въ 1856 году, когда я могъ уже сознательно относиться къ окружающему. Протекшіе почти полвѣка мало измѣнили ее... Прогрессъ, добытый въ сельскомъ хозяйствѣ, чисто купеческій, спекулятивный, пріобрѣтенный дорогой цѣной—истощеніемъ земли и эксплуатаціей рабочаго. Все, что можно было взять, взято, но ничего не возвращено“. Между тѣмъ, интересами именно сельскаго хозяйства съ самаго начала и по сей день мотивируется оказываемое сахарозаводчикамъ покровительство.

Въ собственно заводской части дѣла обстоятъ не лучше. Авторъ приводитъ заимствованныя имъ изъ Ежегодника по сахарной промышленности данныя о выходѣ сахара по 32 заводамъ. Оказывается, что на нѣкоторыхъ заводахъ потери сахара достигаютъ 18—20%, на другихъ—„вѣроятно, благодаря особому прогрессу“, выходъ сахара превышаетъ 100%, т. е. директора

ухитряются получать даже больше, чѣмъ его имѣется въ свекловицѣ. „Газеты какъ-то сообщали, что одно духовное лицо, увидя широковѣщательную афишу фокусника Ленца, усомнилось въ возможности выполнить всѣ его фокусы безъ участія нечистаго духа. Я вполнѣ убѣжденъ,—говоритъ авторъ,—что если бы эта духовная особа была знакома съ сахарною промышленностью, то, глядя на приведенную мною таблицу, она, вѣроятно, предположила бы участіе нечистаго духа и въ сахарномъ производствѣ.“ Авторъ рекомендуетъ, однако, пойти дальше и сравнить цифры продуктивности заводовъ съ ихъ техническимъ оборудованіемъ. „При подобномъ критическомъ разборѣ получается такая техническая какофонія, что, конечно, о прогрессѣ не можетъ быть и рѣчи“. Я не буду, однако, вдаваться въ техническія детали. Посмотримъ лучше, каковы соціальные результаты свеклосахарнаго прогресса.

„Наростаніе народнаго пролетаріата, дающее огромный и дешевый контингентъ рабочихъ рукъ, затѣмъ крайне эгоистическое и грубо-буржуазное направленіе нашего капиталистическаго класса, значительно невѣжественнаго и опирающагося при томъ на бѣдность народа и на крайнюю нужду его въ заработкѣ, поставили нашъ рабочій классъ,—говоритъ по этому предмету авторъ—въ крайне бѣдственныя условія существованія.“ Положеніе служащихъ тоже не ахтительное. „Служащій отдалъ всего себя службѣ, но мало гарантированъ въ прочности ея и совершенно ничѣмъ не обезпеченъ на старость“. Про положеніе потребительской массы, обязанной конкуррировать съ англійской свиньей, мы уже говорили.

„Но прогрессъ въ сахарной промышленности все же есть... Небольшихъ 448 заводовъ, производившихъ прежде около 3 милліоновъ пуд. сахара, нынѣ превратились въ 225 заводовъ, производящихъ больше 30 милл. пудовъ“. „Качество сахара нисколько не улучшилось,“ но за то „въ 60-хъ годахъ выходъ былъ изъ берковца около 30 фунтовъ, а нынѣ 40 и больше...“ „Достигнуть такого совершенства, не давая обратно ничего, во всякомъ случаѣ и характерно, и поучительно... Весь прогрессъ произошелъ исключительно въ интересахъ одного спекулянта предпринимателя, которому все принесено въ жертву.“

Таковы впечатлѣнія лица, „почти 40 лѣтъ проведшаго въ мірѣ свеклосахарной промышленности.“

Авторъ называетъ себя пессимистомъ. Я думаю, однако, что онъ неисправимый оптимистъ. „Чѣмъ ночь темнѣе,—тѣмъ ярче звѣзды.“ Счастливый! онъ видитъ эти звѣзды и въ темномъ прошломъ, и въ современномъ мракѣ. Къ числу такихъ звѣздъ онъ относитъ графа Бобринскаго, Н. А. Бунге, издателя „Ежегодника“—того „Ежегодника“, въ которомъ сахарозаводчики печатаютъ сочиненную „нечистымъ духомъ“ статистику и „самовольно“ приписываютъ себѣ ученыя званія. Но и этимъ не исчерпывается

его оптимизмъ. Онъ считаетъ возможнымъ справить свеклосахарный юбилей по завѣту папы Бонифація VIII, съ „отпущеніемъ вѣрующимъ всѣхъ грѣховъ". „Пусть все это,—говоритъ онъ,—исчезнетъ съ минувшимъ столѣтіемъ; пожелаемъ, чтобы будущіе дѣятели не повторяли нашихъ ошибокъ и, вступая въ третье столѣтіе, могли отвѣтить на вопросъ объ ихъ звѣздахъ: „Звѣздъ?.. звѣздъ не было у насъ, у насъ былъ вѣчно ясный день..."

Откуда же этотъ оптимизмъ? гдѣ источникъ этихъ радужныхъ надеждъ? Авторъ оговаривается, что онъ „не смотритъ на Крупповскіе заводы и ему подобные, какъ на конечный идеалъ". Несомнѣнно, однако, что передъ его взоромъ носятся какіе-то предприниматели, которые устраиваютъ „школы, больницы, эмеритальныя кассы, кассы взаимопомощи, общества потребителей и т. п.",—предприниматели, которые даютъ своимъ работникамъ „отдыхъ, помощь и обезпеченіе будущаго";—предприниматели, у которыхъ имѣются „прекрасныя намѣренія". Очевидно, съ ихъ-то появленіемъ и наступитъ „вѣчно ясный день". Въ конечномъ счетѣ всѣ надежды покоятся на томъ, что мужику легче прокормить 22 генерала, чѣмъ одного купца. „Генералы", однако, у насъ уже были и цѣну ихъ намѣреніямъ мы уже знаемъ. „Вѣчно ясный день", несомнѣнно, наступитъ, но, конечно, не прежде, чѣмъ самый вопросъ о томъ, кого легче мужику прокормить, сдѣлается празднымъ. Что касается ближайшихъ перспективъ, которыя открываются передъ свеклосахарною промышленностью, то онѣ не изъ веселыхъ. Не ясный день ждетъ насъ, а все та же темная ночь; больше того: я боюсь, что не звѣзды освѣтятъ ее, а зарево пожаровъ... И это не фраза.

Отъ внимательнаго читателя газетъ не ускользнули, конечно, извѣстія, свидѣтельствующія объ очень нервномъ за послѣднее время отношеніи страховыхъ обществъ къ сахарнымъ заводамъ. Производятся какіе то осмотры, повышаются ставки—премій, понижаются оцѣнки и страховыя суммы. О причинахъ этой нервозности догадаться не трудно. Со вступленіемъ въ силу постановленій Брюссельской конференціи и за нашимъ отказомъ присоединиться къ состоявшемуся между западными державами соглашенію, кормить своимъ сахаромъ англійскую свинью мы больше уже не можемъ. Нашъ сахаръ за границу уже не пустятъ. Необходимо сократить производство, но сдѣлать это можно не сразу. Заводы уже выстроены и оборудованы, свекловичныя плантаціи законтрактованы и даже засѣяны. Неизбѣжные избытки сахара дѣвать куда-нибудь надо, излишніе заводы рано или поздно ликвидировать придется...

Страховыя общества, конечно, съумѣютъ такъ или иначе обезпечить свои интересы. Но отъ того, что производство сократится, рабочему не будетъ, конечно, легче; и потребительская

доля отъ того, что сахаръ достанется не англійской свиньѣ, а доморощенному красному пѣтуху, конечно, не будетъ слаще. **А. П.**

Заботы кн. Мещерскаго о современникахъ и потомкахъ.

„Гражданинъ" кн. Мещерскаго серьезно озабоченъ вопросомъ объ экономическихъ тягостяхъ войны... Неизбѣжное сокращеніе расходовъ на мирныя потребности государства можетъ усилить народную нужду и безработицу, произвести искусственный застой въ экономической жизни всей страны, а въ результатѣ сокращенія заработковъ и, вообще, ограниченія производительности можетъ явиться и „ослабленіе духа", столь необходимаго для успѣшнаго веденія войны. „Народъ для перенесенія войны надо укрѣплять, а не изнурять,—что мнѣ кажется аксіомой".

Умныя рѣчи пріятно и слушать. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія положенія князя не отличаются тою же безспорностью. Онъ „смѣетъ полагать", что къ несенію военныхъ тягостей современной Россіи слѣдуетъ „пріобщить и Россію будущую, а для этого слѣдуетъ вести войну, *какъ можно менѣе*, на счетъ своего (?) нормальнаго бюджета и, *какъ можно болѣе*, на счетъ займовъ, такъ какъ въ уплатѣ процентовъ по займамъ участвуетъ будущая Россія, а отъ сокращеній бюджета для (ради?) военныхъ расходовъ страдаетъ одна только нынѣшняя Россія". „Заемъ, какой бы онъ ни былъ (?), не можетъ разорить Россію". „Объ этомъ надо подумать", глубокомысленно заключаетъ князь — „и очень надо".

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о практической осуществимости даннаго проекта, взглянемъ на него лишь съ этической точки зрѣнія: до какихъ предѣловъ простирается право живущаго поколѣнія налагать путы тѣхъ или иныхъ обязательствъ на поколѣнія будущія? Какъ, вообще, велико право отцовъ распоряжаться будущностью дѣтей? Если въ старину отцы просватывали своихъ дѣтей еще въ колыбели и считали это своимъ естественнымъ правомъ, то намъ подобное право представляется уже варварскимъ анахронизмомъ... Взгляды современныхъ людей на предѣлы родительской власти, вообще, уже сильно разнятся отъ взглядовъ на этотъ предметъ даже нашихъ отцовъ.

Болѣе общій вопросъ о правахъ *потомства* на самоопредѣленіе, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало привлекалъ вниманіе какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ. Въ заботахъ о текущихъ интересахъ и нуждахъ, люди часто склонны очень мало принимать въ разсчетъ интересы будущихъ поколѣній. Развѣ мы думаемъ о нихъ, когда, напримѣръ, безпощадно истребляемъ лѣса и другія, вѣками накопленныя, богатства земныхъ нѣдръ, вродѣ залежей каменнаго угля. Мы, какъ будто, живемъ за счетъ своихъ далекихъ потомковъ: apres nous le déluge... Но что скажутъ будущія поколѣнія? Поблагодарятъ ли насъ?..

На первый взглядъ, проектъ князя Мещерскаго не предста-

вляетъ аналогіи съ только что приведенными примѣрами... Вѣдь не мы, въ сущности, будемъ пользоваться торговыми выгодами „великаго сибирскаго пути“ и „не замерзающаго порта“. Мы, современники, врядъ ли чего хорошаго дождемся отъ пріобрѣтенія Кореи съ Манчжуріей,—какъ результата побѣдоносной борьбы съ „страной Восходящаго Солнца“,—мы только щедро польемъ (какъ уже и полили) своею кровью негостепріимные берега Великаго океана... Не требуетъ ли, поэтому, простая справедливость, чтобы потомки, для которыхъ все это, въ сущности, дѣлается, заплатили хоть деньгами за всѣ приготовленныя для нихъ сокровища?

Казалось бы, такъ. Но вотъ бѣда: вкусы потомковъ такъ часто расходятся съ нашими... Что, если они скажутъ: а къ чему намъ ваша пресловутая Манчжурія, населенная чуждымъ народомъ? Правда, народъ этотъ цѣлые вѣка спалъ, но вѣдь рано или поздно онъ долженъ проснуться и, многочисленный и могущественный, быть можетъ, захочетъ силой вернуть то, что когда-то ему принадлежало? Какая у кн. Мещерскаго гарантія, что онъ держитъ истину въ своемъ карманѣ?

Было бы, конечно, другого рода крайностью—абсолютно лишить живущія поколѣнія права заботиться о будущемъ и работать для этого будущаго. Но одно несомнѣнно: область субъективнаго и случайнаго въ планахъ и поступкахъ государственныхъ дѣятелей должна быть возможно съужена... **Эль-Эмъ.**

Данайцы, несущіе дары. „Первыя минуты горя и траура проходятъ, наступаетъ судъ потомства, на которомъ и мы, современники послѣднихъ дней выдающагося человѣка, призваны и имѣемъ право сказать свое слово“. Такъ начинаетъ г. Изгоевъ свою поминальную статью о Н. К. Михайловскомъ („Образованіе“, № 5).

Столь скорый „судъ потомства“ оказывается, впрочемъ, довольно милостивымъ. Оправдательный вердиктъ гласитъ: „Онъ много послужилъ родному народу и человѣчеству“; „потомство не откажется назвать его великимъ“; онъ всегда будетъ дорогъ русскому обществу, „какъ яркое воплощеніе одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской жизни, какъ историческій памятникъ“,— и много другихъ комплиментовъ...

Но... timeo Danaos, et dona ferentes! Изъ-за спины великодушнаго и снисходительнаго судьи на читателя все время глядитъ строгій ликъ прокурора, слышится его уничтожающая рѣчь: „Русская общественная мысль *рѣшительно и безповоротно* *) отошла отъ Н. К. Михайловскаго... Живая жизнь отошла отъ стараго бойца ...Я *рѣшительно* не могу согласиться съ тѣми изъ друзей почившаго, которые твердили и твердятъ о какой-то

*) Курсивъ и здѣсь, и вездѣ ниже—нашъ.

его „побѣдѣ“, о возвращеніи русскаго общества къ „идеямъ Михайловскаго“ и пр. Все это совершенно невѣрно. Никакой побѣды нѣтъ и не было, никакого возвращенія не предвидится“.

Какъ видитъ читатель, „рѣшительно“ и даже немного сердито... Г. Изгоевъ не хочетъ, конечно, показаться голословнымъ и развиваетъ далѣе цѣлый рядъ поистинѣ ошеломляющихъ доказательствъ. И прежде всего онъ считаетъ нужнымъ установить фактъ, что „могущественное теченіе“, съ которымъ Михайловскій „тщетно“ воевалъ въ 90-хъ годахъ и которое заняло въ симпатіяхъ современной молодежи его мѣсто, разросшись „и въ ширь, и въ глубь, какъ нигдѣ въ Западной Европѣ“, колыбелью своей имѣло столько разъ оклеветанные 80-е годы. Бѣдные восьмидесятники! Оказывается, русское общество, — благодаря, между прочимъ, тому-же Н. К. Михайловскому,—имѣло до послѣднихъ дней совершенно превратное о нихъ представленіе: они и не думали пренебрегать умственной работой предшествующихъ поколѣній, прерывать „преданіе“ и пр.

„Какъ можно быть несправедливымъ до такой степени! Да мы воспитывались на работѣ прежнихъ поколѣній, мы изъ „старыхъ журналовъ“ создали настоящій культъ, любили ихъ, какъ дорогихъ учителей и наставниковъ. Едва ли въ исторіи міра (!) встрѣтится другой фактъ, подобный нашему отношенію къ старымъ журналамъ“... „Старые журналы были для насъ воистину кладеземъ премудрости, изъ котораго мы почерпали всѣ (?) наши знанія“...

И если „молодые восьмидесятники“, ставъ позже марксистами, дѣйствительно „прервали преданіе“, цѣликомъ его отвергнувъ, то они сдѣлали это, по увѣренію г. Изгоева, „вовсе не по легкомыслію, не по невѣжеству, а потому, что—какимъ бы вліятельнымъ учителемъ ни была для насъ литература, — вліяніе жизни оказалось преобладающимъ, а жизнь наглядно показала ошибки старой литературы“. Мимоходомъ г. Изгоевъ признаетъ, правда, что нѣкоторая легкость въ усвоеніи знаній „будущими марксистами“ все же была: „большинство жаждущихъ саморазвитія— увы! перешагнуло“ (нарушая порядокъ контовской классификаціи, которую принимало въ теоріи) „черезъ химію и біологію, быстро стремясь къ соціологіи и на ней сосредоточивъ свое вниманіе“. Подходя къ вершинѣ наукъ такимъ нѣсколько форсированнымъ маршемъ, юные ученики „на одномъ изъ почетнѣйшихъ мѣстъ“ ставили статью Н. К. Михайловскаго „Что такое прогрессъ“, которую штудировали особенно усердно; на ней и теперь г. Изгоевъ останавливается съ наибольшимъ вниманіемъ. Всего, поэтому, интереснѣе разсмотрѣть его отношеніе именно къ этой статьѣ, познакомить читателей съ его толкованіемъ знаменитой „формулы прогресса“.

„Вдумайтесь въ формулу прогресса Н. К. Михайловскаго, — съ торжествомъ восклицаетъ г. Изгоевъ:—она расколота на двѣ части, и между ними

нѣтъ мѣста (?). Индивиду рекомендуется стремиться къ „возможно-полному раздѣленію труда между органами", т. е. къ развитію своихъ силъ и спо-способностей, къ упражненію органовъ Развивайся, усовершенствуй свои органы—такова одна заповѣдь. Но рядомъ другая: *она требуетъ равенства, однородности всѣхъ членовъ общества, предаетъ анаѳемѣ разнородность членовъ общества.* Что же дѣлать одному члену общества, если онъ развилъ какой либо такой органъ, какого не развили всѣ остальные его сообщественники. „Безнравственно, несправедливо, неразумно и вредно все то, что увеличиваетъ разнородность общества". Поэтому увеличеніе разнородности собственныхъ органовъ, т. е. развитіе индивидуума становится „безнравственнымъ etc.", если оно не сопровождается одновременнымъ и однороднымъ развитіемъ десятковъ милліоновъ другихъ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ одного и того же общества. *Исторія человѣческой мысли едва ли знаетъ много другихъ столь утопическихъ построеній!*

Читатель, что это? Какую аудиторію имѣетъ въ виду г. Изгоевъ? Вѣдь человѣкъ, маломальски знакомый съ идеями Н. К. Михайловскаго, хотя бы только разъ въ жизни прочитавшій статью „Что такое прогрессъ", остановится въ полномъ недоумѣніи передъ этими комментаріями...

Думаемъ, подлинная „формула прогресса" у всѣхъ въ памяти. Даже, какъ будто, неловко пояснять, что, когда авторъ ея говорилъ объ „однородности общества", какъ объ одной изъ конечныхъ цѣлей человѣческаго прогресса, онъ имѣлъ въ виду лишь одинаковыя условія и права, одинаковую возможность для каждаго развивать свою человѣческую личность, а отнюдь не аракчеевскій ранжиръ, подъ который должны быть подведены всѣ члены общества. Именно для того, чтобы личность могла быть „разнородна", общество должно быть „однородно". Въ современномъ капиталистическомъ, дѣлящемся на классы, „разнородномъ" обществѣ пригвожденная спеціалнзаціей (положимъ, къ ткацкому станку) личность лишается возможности всесторонне развиваться, становится „пальцемъ отъ ноги". Желательна, поэтому, возможно полная спеціализація между отдѣльными органами индивидуума и отсутствіе такой спеціализаціи между членами общества.

Повторяемъ, какъ-то совѣстно все это разсказывать 35 лѣтъ спустя послѣ того, какъ Николай Константиновичъ закончилъ свою статью слѣдующей фразой: „Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ" (Соч., т. I, 150).

Итакъ, *однородность общества, разнородность членовъ общества!*

А вотъ г. Изгоевъ утверждаетъ теперь, будто „формула прогресса" Михайловскаго „предаетъ анаѳемѣ разнородность общества", „требуетъ равенства, однородности *всѣхъ членовъ* общества". Маленькая неточность, получившаяся оттого, что г. Изгоевъ вставилъ два „невинныхъ, повидимому, слова... Можно подумать, что сочиненія Михайловскаго стали въ настоящее время библіографической рѣдкостью!

Не будемъ распутывать другихъ замысловатыхъ узловъ, напутанныхъ г. Изгоевымъ въ усиліяхъ вскрыть мнимыя „противорѣчія“ во взглядахъ Н. К. Михайловскаго. Довольно и одного примѣра.

То или другое пониманіе вещей, впрочемъ,—отъ Бога... Но одна мысль, красной нитью проходящая черезъ всю статью г. Изгоева, вызываетъ уже совсѣмъ иное къ себѣ отношеніе. „Съ 90-хъ годовъ,—пишетъ критикъ „Образованія“, — Михайловскій самъ чувствовалъ непригодность многихъ своихъ старыхъ формулъ, но, будучи въ то же время *не въ силахъ откровенно отказаться отъ нихъ* или подвергнуть ихъ радикальной перестройкѣ, *предпочиталъ о нихъ молчать*“. Его публицистика была фатально предосуждена на гибель, и, „перечитывая теперь его сочиненія, мы сравнительно легко можемъ открыть тѣ, *тщательно затушеванныя, однако,* мѣста, въ которыхъ сквозитъ сознаніе и предчувствіе этого конца“. „Михайловскій, вообще, *научился искусно скрывать свои противорѣчія*, и съ этой (?) точки зрѣнія былъ и остается трагической фигурой въ нашей журналистикѣ“.

„Тщательно затушевывалъ“ горькую истину, „научился искусно скрывать свои противорѣчія“... И это о человѣкѣ и писателѣ, идейную искренность и боевую прямоту котораго никто еще не рѣшался заподозрить! **Эль-Эмъ.**

Изъ исторіи одной провинціальной газеты. Извѣстно давно, что поприще провинціальнаго журналиста есть воистину юдоль плача. То г.г. городскія головы и „предсѣдатели собраній“ объявятъ войну гласности, то обидится кто нибудь изъ „власть имущихъ“, то обыватель, вооружившись дрекольемъ, учинитъ засаду и выведетъ изъ строя кого нибудь изъ „состава редакціи“... Наконецъ, просто изведутъ газету изморомъ, такъ что она зачахнетъ и захирѣетъ, совершенно такъ же, какъ въ деревняхъ „изводятъ“ конокрадовъ: безъ наружныхъ знаковъ поврежденія.

Но иной разъ бываетъ и хуже, когда среди мѣстнаго начальства, отъ котораго въ значительной степени зависитъ газета, обнаружится меценатъ, въ родѣ г-на елисаветградскаго полицеймейстера...

Въ Елисаветградѣ, уѣздномъ городѣ Херсонской губ., съ прошлаго года стала выходить газета, „Елисаветградскія Новости“. Редакторъ-издатель, г. Ляпидусъ, разослалъ свои анонсы и приглашенія, въ которыхъ сообщалъ, что онъ „23 года скромно, но честно работалъ на журнальномъ поприщѣ“. Затѣмъ появился и первый номеръ, съ обычнымъ проспектомъ, въ которомъ говорилось о добрыхъ намѣреніяхъ и „честномъ служеніи“...

И кто знаетъ... можетъ быть, при обычныхъ условіяхъ, оно бы такъ и вышло: мѣстное „начальство“ терпѣло бы газету, повременамъ бы косилось, повременамъ редакторъ пытался бы написать что нибудь о „злоупотребленіи пожарными лошадьми“, за

что получалъ бы непріятности. Но на бѣду г-на Ляпидуса, г. елисаветградскій полицеймейстеръ оказался меценатомъ. Онъ сразу встрѣтилъ „органъ гласности“ съ распростертыми объятіями и сталъ оказывать ему высокое покровительство. Онъ не только цензуровалъ газету, но и „давалъ направляющіе совѣты“. Обыватели говорили даже не безъ благоговѣнья, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ узнаютъ „высокій стиль“ просвѣщеннаго покровителя, что, конечно, могло быть и ошибкой.

Какъ бы то ни было, на физіономіи газеты это отразилось довольно плачевно, выразившись въ нѣкоторой, такъ сказать, раскосости, о которой говоритъ поговорка: одинъ глазъ на насъ, другой въ Арзамасъ. Съ одной стороны, г. Ляпидусъ помѣстилъ портретъ Л. Н. Толстого и сталъ печатать его частную переписку (впрочемъ, безъ согласія автора). Съ другой—эта маленькая „вольность“ компенсировалась помѣщеніемъ прекрасно исполненнаго портрета г-на полицеймейстера съ соотвѣтствующимъ текстомъ, свидѣтельствовавшимъ, что г. Ляпидусъ умѣетъ быть благодарнымъ. Это „разнообразіе сюжетовъ“ обнаруживало, пожалуй, журнальную опытность редактора, и обыватели могли думать, что обычные терніи, которыми захолустная жизнь устилаетъ путь гласности,—минуютъ органъ г-на Ляпидуса. Къ сожалѣнію, однако, противъ всякой Сциллы лежитъ соотвѣтствующая Харибда, и иной разъ покровительство можетъ быть хуже преслѣдованія. Послѣднее ведетъ къ честной драмѣ, первое же рѣдко приводитъ къ буффонадѣ и фарсу.

Г. елисаветградскій полицеймейстеръ, въ свою очередь, на любезность отвѣтилъ усугубленьемъ благосклонности, такъ что г. Ляпидусъ одно время явился въ городѣ Елисаветградѣ чѣмъ-то вродѣ мѣстнаго продукта, подлежащаго огражденію отъ внѣшней конкурренціи. Такъ, когда елисаветградская дума, по примѣру другихъ городовъ, пожелала издавать, ко всеобщему свѣдѣнію, оффиціальныя телеграммы о войнѣ, то это предпріятіе, какъ въ свое время сообщали газеты, встрѣтило на мѣстѣ нѣкоторыя и довольно значительныя препятствія, для устраненія которыхъ потребовалось вмѣшательство губернатора. Были также и нѣкоторыя „препоны“ въ распространеніи „на общихъ основаніяхъ“ иногородныхъ органовъ печати, но, сколько опять извѣстно изъ газетъ,—вся эта „покровительственная система“ въ концѣ концовъ не вѣнчалась успѣхомъ. Нѣкоторые явно, съ елисаветградской точки зрѣнія, неблагонадежные элементы возстали противъ „покровительства“ и добивались его отмѣны, а другія газеты злорадно передавали на своихъ столбцахъ о каждой подобной неудачѣ г-на Ляпидуса...

Повидимому, г. полицеймейстеръ города Елисаветграда пожелалъ утѣшить огорченнаго редактора и, вѣроятно, въ этихъ гуманныхъ видахъ предоставилъ въ его распоряженіе... пожар-

ныхъ лошадей: такимъ образомъ, г-нъ Ляпидусъ явилъ собою примѣръ, еще, кажется, небывалый въ исторіи государства россійскаго, а именно—примѣръ редактора частной газеты, разъѣзжающаго на лошадяхъ изъ пожарнаго обоза. Кромѣ того, какъ опять сообщаютъ газеты,—пожарные служители получали спеціальныя командировки для партикулярныхъ надобностей редактора.

Такимъ образомъ, елисаветградская „гласность" выступала при совершенно необычной обстановкѣ: газета въ уѣздномъ городѣ—явленіе несомнѣнно новое; но чтобы смягчить рѣзкость этой новизны,—высокій покровитель снабдилъ ее специфически-бытовымъ колоритомъ: въ другихъ мѣстахъ газетчики обличаютъ „злоупотребленіе пожарными лошадьми", въ Елисаветградѣ гласность сама на нихъ разъѣзжаетъ.

Къ сожалѣнію, консервативные устои глубоко расшатаны даже въ Елисаветградѣ: нашлись опять злонамѣренные люди, которые позволили себѣ поднять вопросъ объ этихъ „разъѣздахъ" въ думѣ. Повидимому, въ городѣ Елисаветградѣ для этого нужно было нѣкоторое гражданское мужество: г-нъ Ляпидусъ, пріобщившись къ пожарному обозу, сталъ чѣмъ-то вродѣ „устоевъ" мѣстнаго спокойствія, и, когда нѣсколько гласныхъ заговорили объ этомъ щекотливомъ предметѣ, то были остановлены городскимъ головою, г-мъ Пашутинымъ, который сообщилъ торжественно, что вопросъ „снятъ съ очереди по телеграммѣ г-на херсонскаго губернатора", потребовавшаго къ себѣ копію заявленія гласныхъ. Это возбудило интересный вопросъ,—могутъ ли такіе предметы устраняться отъ обсужденія; оказалось, однако, что это было „недоразумѣніе": во время самаго засѣданія получена телеграмма г-на губернатора „о неимѣніи препятствій къ обсужденію заявленія гласныхъ". Такимъ образомъ, г. Ляпидусъ былъ изъятъ изъ подъ покровительственнаго запрещенія и поставленъ на арену публичнаго обсужденія. Повидимому, для города Елисаветграда это было событіе потрясающее настолько, что городской голова г. Пашутинъ „внезапно заболѣлъ" и передалъ веденіе „бурнаго засѣданія" своему замѣстителю г-ну Рутковскому. Общественное мнѣніе оказалось рѣшительно противъ г-на Ляпидуса. Одинъ только (вполнѣ, повидимому, „благонадежный" человѣкъ) г. Коганъ пытался защищать г-на Ляпидуса, находя, что требовать прекращенія ѣзды на пожарныхъ лошадяхъ значитъ,—„сводить личные счеты". Но это повело лишь къ тому, что другой гласный припомнилъ пикантное архивное дѣло, озаглавленное такъ: „дѣло о неумышленной ѣздѣ козла въ каретѣ"... Говорятъ, смѣхъ убиваетъ всякое величіе. Г. Ляпидусъ палъ въ Елисаветградѣ среди общаго хохота, а г. полицеймейстеръ, надо думать, будетъ приведенъ къ заключенію, что всякое меценатство должно имѣть свои предѣлы и что не слѣдуетъ смѣшивать два ремесла: полиція есть полиція, а газета есть газета. Не дѣло полицей-

мейстера вдохновлять газету, да и газетѣ незачѣмъ становиться отдѣленіемъ полицейскаго участка. Отъ вѣка установлено, что гг. полицеймейстеры ѣздятъ на пожарныхъ лошадяхъ, а редакторы этого не одобряютъ, и совершенно не зачѣмъ извращать естественныя отношенія... Какъ бы то ни было—не кажется ли вамъ, читатель, что отъ этого маленькаго фарса вѣетъ настоящей россійской драмой: работалъ человѣкъ „23 года скромно, но честно", на 24-мъ году не устоялъ противъ начальственной ласки и... поѣхалъ на пожарныхъ лошадяхъ... И сколько, право, такихъ господъ Ляпидусовъ на святой Руси!... *). **О. Б. А.**

Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой. Этотъ маленькій эпизодъ имѣлъ мѣсто совсѣмъ недавно. Имя г-жи Лухмановой пользуется довольно широкой извѣстностью. Въ послѣднее время эта писательница, не довольствуясь перомъ, обратилась также къ устному воздѣйствію на общество: она объѣзжаетъ разные города нашего обширнаго отечества и читаетъ лекціи о воспитаніи, о семьѣ, о положеніи женщины, о нравственности... кажется, даже особенно о нравственности въ разныхъ областяхъ нашей жизни. Мы лично не имѣли удовольствія слышать ни одной изъ этихъ лекцій и потому не имѣемъ объ нихъ собственнаго мнѣнія. То, что писали по этому поводу провинціальныя газеты, было по большей части весьма неодобрительно. Дѣло, однако, не въ оцѣнкѣ лекцій г-жи Лухмановой по существу, и потому отзывы газетъ оставляемъ на ихъ совѣсти. Фактъ состоитъ въ томъ, что извѣстная въ литературѣ г-жа Лухманова, трактуя о разныхъ проявленіяхъ нравственности и безнравственности, добродѣтели и порока—коснулась, между прочимъ, и проституціи.

Газеты говорятъ, что, разсматривая этотъ вопросъ съ высоты женскихъ и семейныхъ добродѣтелей, г-жа Лухманова была очень строга къ бѣднымъ Магдалинамъ. Читатели помнятъ, быть можетъ, нѣкоторыя черты изъ воспоминаній о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ, имѣющія прямое отношеніе къ данному вопросу. Покойный писатель съ большимъ негодованіемъ говорилъ о томъ, что онъ называлъ „бездушіемъ добродѣтельныхъ женщинъ" по отношенію къ своимъ несчастнымъ сестрамъ. Тамъ, гдѣ происходитъ какая бы то ни было купля-продажа, всегда логически неизбѣжны двѣ стороны: продающая и покупающая. И, значитъ, вина тоже двусторонняя, даже съ точки зрѣнія самой рафинированной добродѣтели. Но при этомъ всегда есть люди, готовые склонить чашку вѣсовъ не въ пользу болѣе слабой и болѣе несчастной стороны. Не смотря на то, что однѣ часто (охъ, какъ часто) *вынуждены* продавать свое тѣло тяжкими условіями жизни, а другіе *хотятъ* покупать его для такъ называемаго „наслаж-

---

*) Факты заимствованы изъ газетъ: „Спб. Вѣд." (№ 111), „Кіевск. Отклики" (№ 114). „Нижег. Листокъ" (№ 114) и др.

денія", ходячая мораль распредѣляетъ свое сужденіе, какъ подобаетъ ходячей морали—въ сторону наименьшаго сопротивленія. И оттого завѣдомые „покупатели" свободно остаются въ добродѣтельной средѣ и приходятъ слушать лекцію г-жи Лухмановой подъ руку съ добродѣтельными женщинами, а завѣдомыя „продавщицы" ютятся въ своихъ „вертепахъ", иной разъ даже не зная, какіе громы летятъ на ихъ головы съ высоты иныхъ каѳедръ, на которыхъ лекторы или лектрисы трактуютъ вопросы нравственности и морали...

Если вѣрить газетнымъ отчетамъ, г-жа Лухманова стала какъ разъ на ту точку зрѣнія, которая Успенскаго приводила въ такое негодованіе. Идеализировать міръ падшихъ женщинъ (какъ это сдѣлалъ, напр., Гаршинъ въ своей повѣсти „Надежда Николаевна") нѣтъ никакой надобности. Да, это міръ порока, гибели, разврата, разложенія человѣческой личности, быстро и страшно извращающій женскую душу. Однако,—какова связь между этимъ разложеніемъ личности и самымъ явленіемъ? Гдѣ тутъ причина и гдѣ слѣдствіе? Потому ли женщина попадаетъ въ эти ужасныя условія, что она лично, по натурѣ, роковымъ и прирожденнымъ образомъ склонна къ пороку, или она становится порочна вслѣдствіе условій воспитанія, нищеты, невѣжества, наконецъ, нерѣдко, быть можетъ, и прямо подъ давленіемъ бремени, тяжкаго и неудобоносимаго, наложеннаго жизнью на слабыя плечи?..

Газеты говорятъ, что г-жа Лухманова очень рѣшительно и очень непреклонно стала на первую точку зрѣнія, и съ высоты каѳедры, занятой женщиной-писательницей и моралисткой, сыпались громы осужденія на головы „несчастныхъ". „Добродѣтельная дама,—читаемъ мы, напр., въ „Волыни", откуда я заимствую эти фактическія свѣдѣнія *),—увѣряла аудиторію, что проституція—продуктъ женской (личной?) испорченности, а проститутокъ называла „тварями", „животными" и тому подобными милыми словечками"... Въ евангельскомъ разсказѣ о судѣ Христа надъ блудницей, къ сожалѣнію, не говорится ничего о томъ, были ли въ толпѣ, окружавшей Христа, также и женщины. Во всякомъ случаѣ, не было ни одной г-жи Лухмановой, иначе едва ли предложенье Христа „первому бросить камень" осталось бы безъ соотвѣтствующаго отклика...

Итакъ, г-жа Лухманова рѣшительно осудила „тварей" и „животныхъ", вѣроятно, къ большому удовлетворенію добродѣтельныхъ слушательницъ и даже „слушателей"... Была, однако, среди слушательницъ почтенной лекторши одна, которая не только не согласилась съ ея выводомъ, но и позволила себѣ прислать печатное „возраженіе".

Это была... Соня Мармеладова изъ романа Достоевскаго. „На

*) „Волынь", 22 мая, № 41.

другой день послѣ лекціи,—читаемъ мы въ „Волыни",—въ редакціи мѣстной газеты было получено письмо слѣдующаго содержанія:

„Облегчая свое сердце, переполненное горечью несправедливыхъ укоровъ по адресу насъ, несчастныхъ женщинъ, попрошу выслушать мою исповѣдь—защиту отъ того клейма, которое публично въ своей лекціи г-жа Лухманова накладываетъ, безъ разбора, на всѣхъ женщинъ, не устоявшихъ въ борьбѣ за свою жизнь и брошенныхъ судьбой въ проституцію, или иначе принужденныхъ продавать свое тѣло.

„Судьба моя не сложна, и я могу разсказать ее вкратцѣ. Я — дочь слесаря, работавшаго въ одной изъ мастерскихъ Харькова за 80 коп. въ сутки. Я была старшею въ семьѣ, а послѣ меня 2 брата и 2 сестры. Мать умерла, когда мнѣ было 13 лѣтъ; послѣ этого отецъ отправился въ Севастополь, въ надеждѣ получить болѣе выгодный заработокъ, и вотъ уже 6 лѣтъ, какъ о немъ нѣтъ никакихъ вѣстей; умеръ ли онъ, или живъ,—не знаю. Эти шесть лѣтъ я выстрадала: голодъ, холодъ и самую отчаянную нужду. Чтобы не умерли съ голоду мои сестренки и братья, еще малые, я поступила на табачную фабрику, гдѣ мнѣ за день работы, съ 6 часовъ утра до 6 вечера, платятъ 25 коп., и я въ мѣсяцъ зарабатывала до 7 рублей, если нѣтъ только праздниковъ, и эти деньги покрывали наши нужды. Но пять человѣкъ, которымъ надо одѣться, кормиться и жить подъ крышей, въ какой либо конурѣ, какъ ни ухитрялись, какъ ни старались привыкнуть меньше ѣсть, штопать дыры и прорѣхи и грѣться, гдѣ только возможно—не могли долго вынести. Я, видя и слыша плачъ своихъ братишекъ, билась во всю мочь, напрягая свои силенки. Придя съ фабрики, носила сосѣдямъ воду изъ колодца за 50 коп. въ мѣсяцъ, мыла бѣлье, если попадалась такая работа, но изнемогла совсѣмъ. По совѣту добрыхъ участливыхъ людей ходила въ разныя харьковскія общества помощи нуждающимся. Просила какого нибудь мѣста, какъ немного грамотная, служить хотѣла, но вездѣ неудача: то обѣщали, то жалѣли, что нѣтъ у меня аттестата и т. п., а нужда добивала жизнь моихъ бѣдныхъ сестеръ и братьевъ. Что дѣлать? Я теряла голову. Надеждъ никакихъ. Читала я когда-то, еще въ школѣ, что блаженъ тотъ человѣкъ, который жизнь свою отдастъ за ближняго или друга своего"...

И вотъ, дальше... обыкновенная исторія, съ которой читатель знакомъ давно въ изображеніи Сони Мармеладовой .. „Ибо,—позволю себѣ привести слова стараго пропойцы Мармеладова,—обращусь къ вамъ (добродѣтельныя моралистки) съ вопросомъ приватнымъ: много ли можетъ, по вашему, бѣдная, но честная дѣвица честнымъ трудомъ заработать?.. 25 копѣекъ въ день, сударыни, не заработаетъ, если честна и не имѣетъ особыхъ талантовъ, да и то рукъ не покладая работавши... А тутъ ребятишки голодные"... „А тутъ ужъ Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась"... И вотъ, „этакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ пришла... Ни словечка при этомъ не вымолвила, а взяла только большой драдедамовый платокъ, накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо и легла на кровать лицомъ къ стѣнѣ и только плечики да тѣло все вздрагиваютъ"... Послѣ чего, какъ извѣстно, одинъ добродѣтельный человѣкъ въ амбицію вломился: „какъ, дескать, я съ *такой* въ одной квартирѣ буду жить"...

Это, впрочемъ, все въ романѣ. Та Соня Мармеладова, которая позволила себѣ прислать „возраженіе“ на лекцію извѣстной моралистки г-жи Лухмановой—не умѣетъ, очевидно, описывать такъ ярко, какъ Достоевскій, и потому въ ея письмѣ сказано только, что она „вышла на улицу и отдалась первому прохожему, но утерла слезы братьямъ и сестрамъ. И съ той поры,—продолжаетъ она свою исповѣдь,—уже третій годъ, съ 8 часовъ, придя съ фабрики, *которой я все таки держусь*, иду на улицу, въ городъ. Одинъ братъ поступилъ въ ученіе къ сапожнику, другой дома, а двѣ сестры одѣты, по воскресеньямъ идутъ въ воскресную школу, а въ будни у печки стряпаютъ и моютъ бѣлье“...

Конецъ этой исторіи, какъ видите, значительно отличается отъ того, какой Достоевскій придумалъ для своей Сони. Послѣдняя, какъ извѣстно, встрѣчается съ Раскольниковымъ, и передъ ними мелькаетъ впереди свѣтъ искупленія, оправданія и новой жизни. Очевидно, даже „мучительный талантъ“ Достоевскаго почувствовалъ потребность смягчить ужасъ дѣйствительной жизни. И хотя въ этомъ есть несомнѣнная художественная правда, но дѣйствительная жизнь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ остается чужда этому снисходительному смягченію. „Имя и фамилія несчастной дѣвушки (сказано въ „Волыни“) приведены были полностью. Навели справки: авторъ письма дѣйствительно служитъ на фабрикѣ и содержитъ „на свои средства“ цѣлую семью“... Такимъ образомъ, передъ нами своеобразное смѣшеніе, повидимому, совершенно несходныхъ элементовъ: порокъ и грязь бьются у самого порога семьи. И сколько нужно нравственной силы, чтобы не дать грязному потоку хлынуть за этотъ порогъ, гдѣ „братъ учится ремеслу, а сестры работаютъ у печки и читаютъ книжки, готовясь въ воскресной школѣ“. И сколько такихъ дѣвушекъ, которымъ никто не протянетъ руку помощи, никто не поможетъ избавиться отъ этого тяжкаго бремени...

Свое письмо эта Соня Мармеладова дѣйствительной жизни заключаетъ пожеланіемъ, чтобы, вмѣсто огульнаго осужденія, строгія моралистки, вродѣ г-жи Лухмановой,—принимали въ соображеніе еще многое другое, кромѣ испорченности этихъ „тварей“.

И намъ кажется, что эта дерзкая возражательница права. Мы знали до сихъ поръ о скорбно-негодующемъ заступничествѣ Успенскихъ, Достоевскихъ, Толстыхъ... Мы со слезами на глазахъ читали разсказъ Достоевскаго о томъ вечерѣ, когда Соня Мармеладова лежала, завернувшись съ головой въ драдедамовый платокъ, и какъ при этомъ вздрагивали ея плечики. И никто, даже Катковъ, даже кн. Мещерскій не смѣли возставать противъ Сони Мармеладовой въ романѣ и противъ того чувства, которое авторъ будилъ этимъ изображеніемъ въ читателѣ. Теперь Соня

Мармеладова изъ дѣйствительной жизни проситъ примѣрить къ ней, къ ея собственному положенію эти наши чувства и эти вычитанные взгляды... И мы полагаемъ, что на это она имѣетъ право, и что вообще въ этой своеобразной полемикѣ неожиданная возражательница болѣе права, чѣмъ г-жа Лухманова со всею своею „строгою моралью", направленной, къ сожалѣнію, столь явно „въ сторону наименьшаго сопротивленія"... **Вл. К.**

„Новые возражатели" *(справка изъ журнальнаго архива)*. Небольшой эпизодъ, разсказанный въ предыдущей замѣткѣ, невольно вызываетъ одинъ вопросъ, связанный съ нѣкоторыми характерными особенностями нашей современности... Вѣдь вотъ эта бѣдная дѣвушка не только пошла на лекцію, въ которой трактовался предметъ, такъ трагически касавшійся ея собственной жизни, не только заплатила за входъ и внимательно выслушала всѣ горькія для нея сентенціи лекторши, но еще у нея явилось побужденіе отвѣтить, возразить, подать голосъ изъ глубины своего паденія на интеллектуальныя высоты, гдѣ образованные господа и дамы вели разговоръ о добродѣтели и порокѣ. И она прибѣгла къ помощи мѣстной газеты. Если даже допустить, что она не сама написала это „письмо въ редакцію" (хотя... отчего же и нѣтъ?), если даже ей составилъ кто нибудь письмо совершенно такъ же, какъ добрые люди пишутъ „письма изъ деревни", переводя на грамотный языкъ горькія изліянія женскаго сердца,—то вѣдь и въ этомъ случаѣ нужно немало собственной иниціативы и желанія отозваться на обсуждаемый вопросъ, чтобы мужественно отослать въ редакцію эту автобіографію, не скрывъ даже своей фамиліи... *)

Явленіе, несомнѣнно, новое и возраженіе довольно неожиданное. И вотъ, вопросъ состоитъ именно въ томъ, — почему это такъ ново и такъ рѣдко?

Правда, въ „возраженьяхъ" и „опроверженьяхъ", какъ и въ литературныхъ процессахъ, пресса наша не только не чувствуетъ недостатка, но, пожалуй, терпитъ отъ нѣкотораго ихъ излишества. „Россія такая чудная страна, — писалъ когда-то еще Гоголь,—что если скажешь что нибудь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесора отъ Риги до Камчатки непремѣнно примутъ на свой счетъ..." И дѣйствительно,—возражаютъ, опровергаютъ, обижаются, тащатъ въ судъ у насъ часто и охотно. Возражаютъ гг. исправники, пристава, акцизные, священники, учителя, возражаютъ за себя лично и отъ лица сословій, классовъ, должностей, мундировъ... Но среди этихъ возраженій и опроверженій наблюдатель русской жизни не встрѣчаетъ ничего, или почти ничего, исходящаго отъ такъ называемыхъ „низшихъ сословій"...

*) Въ той газетѣ, изъ которой мы заимствовали фактъ, фамилія уже названа не была.

А между тѣмъ,—почему бы?.. Правда, когда-то, въ старину люди этихъ „низшихъ сословій“ назывались прямо „подлыми“. „Людей *подлаго званія* не убить и не увѣчить“,—этого было тогда достаточно для тогдашняго чувства справедливости: разумѣется, объ оскорбленіи *чести* человѣка, который уже съ рожденія признавался „подлымъ“, не могло быть и рѣчи. Старинные законы считали „безчестье“ (нынѣшнюю клевету, брань и диффамацію) наказуемымъ прямо пропорціонально окладу жалованья, получаемаго обиженнымъ. Человѣкъ, не имѣвшій благороднаго званья и не получавшій жалованья, тѣмъ самымъ ставился внѣ дѣйствія этого закона.

Великая освободительная реформа уничтожила „подлое званіе“, и съ тѣхъ поръ законы пишутся для всѣхъ одинаково. Въ томъ числѣ, разумѣется, и законы о клеветѣ въ печати, злословіи, брани и пресловутой диффамаціи.

Но одно дѣло—существованіе закона, другое—фактическое его примѣненіе. До сихъ поръ еще пережитки старины, воспоминанія о „благородствѣ“ однихъ и безнадежной „подлости“ другихъ живы въ нашихъ нравахъ и отражаются даже въ печати, которая призвана бороться и вытравлять изъ жизни эти дѣйствительно подлые пережитки... Когда-то, непосредственно послѣ реформы, покойный Фетъ наполнялъ страницы „Русскаго Вѣстника“ „злословьемъ и бранью“ по адресу своего бывшаго крѣпостнаго, а въ то время уже вольнаго и „равноправнаго“ человѣка, Семена. Каждый шагъ этого злополучнаго субъекта заносился въ дневникъ помѣщика-литератора и затѣмъ обсуждался печатно самымъ безпощаднымъ и язвительнымъ образомъ. И я увѣренъ, что, если бы современный юристъ просмотрѣлъ эти писанія Фета, то нашелъ бы въ нихъ матеріалъ для безпроигрышнаго процесса „по жалобѣ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Семена на отставнаго гвардіи корнета Афанасья Шеншина, въ клеветѣ и оскорбленіи въ печати...“

Но, разумѣется, „наглость“ этого безнравственнаго Семена до такой ужасной степени не доходила. И даже лѣтъ тридцать спустя тотъ же самый Фетъ самымъ безпечнымъ образомъ обвинилъ жителей цѣлой деревни (съ точнѣйшими указаніями) въ томъ, что они воры, разбойники и поджигатели. „Неужели и этимъ поджигателямъ,—спрашивалъ онъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“—тоже выдадутъ казенную ссуду?..“ Обвиненіе было опровергнуто по пунктамъ, но не самими обиженными, а земскимъ начальникомъ... И никому опять не приходило въ голову, что эта легкомысленная клевета могла бы при другомъ объектѣ повлечь за собою нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія для автора. Просмотрите еще теперь съ этой точки зрѣнія страницы любой газеты, и вы увидите, какъ она осторожна по отношенію ко всѣмъ сословіямъ, кромѣ „низшихъ“. Что же говорить, на-

примѣръ, о „Гражданинѣ“, чуть не каждый номеръ котораго содержитъ очень точно квалифицируемую и „клевету“ или хоть „злословье и брань“ по адресу меньшаго брата, съ самыми опредѣленными нерѣдко указаніями.

И это, конечно, имѣетъ свои глубокія причины. Одна изъ нихъ—разобщенность печати и массы. Для фетовскаго Семена, для обличенныхъ имъ „поджигателей“; для жителей той или другой деревни, относительно которой „пишутъ князю Мещерскому“ многочисленные его сотрудники изъ гг. земскихъ начальниковъ, печать есть что то отвлеченное, далекое, почти фантастическое, и оскорбленіе въ печати, если они и узнаютъ объ немъ, не будитъ никакихъ рефлексовъ... А это въ свою очередь отражается на пріемахъ печати...

Въ нашемъ архивѣ есть одинъ, очень характерный эпизодъ изъ этой области и относится онъ не къ „Гражданину“ или „Московскимъ Вѣдомостямъ“, а къ либеральной провинціальной газетѣ. Было это года три назадъ, въ Самарѣ. Въ то время въ „Самарской газетѣ“ писалъ фельетоны нѣкто г. Б. (такъ начинался его псевдонимъ), человѣкъ, повидимому, очень развязный. За отсутствіемъ ли матеріала, или тѣснимый „опроверженьями“ и „возраженьями“ со стороны культурныхъ обывателей,—фельетонистъ направилъ стрѣлы своего остроумія „въ сторону наименьшаго сопротивленія“ и избралъ предметомъ своей сатиры рабочаго, да еще татарина, Мухаметзяна-Ахметзянова. Татаринъ этотъ служилъ на городскомъ элеваторѣ и по воскресеньямъ обучался русской грамотѣ въ воскресной школѣ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, общество взаимнаго вспомоществованія ремесленниковъ, открывшее воскресную школу, разослало своимъ членамъ извѣщеніе о возобновленіи занятій съ 15 октября, при чемъ, называя ихъ на печатныхъ бланкахъ „Милостивый Государь“, сообщало о днѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ молебствія. Татаринъ Мухаметзянъ-Ахметзяновъ тоже получилъ это приглашеніе.

Откуда фельетонистъ узналъ объ этомъ, сказать не можемъ, но только самый фактъ, что рабочій названъ „милостивымъ государемъ“, а татаринъ получилъ приглашеніе на молебствіе,—показался г-ну Б. необычайно „смѣшнымъ“, и онъ подвергъ его нѣкоторой „обработкѣ“. Сообщивъ предварительно, что Ахметзяновъ слылъ будто-бы подъ кличкою „нѣмца“, фельетонистъ нарисовалъ затѣмъ цѣлую картину прихода почтальона на элеваторъ и чтенія самого письма, при чемъ обращеніе „Милостивый Государь“ вызвало, будто бы, общій хохотъ среди рабочихъ, а самъ „нѣмецъ“ велъ себя совершеннымъ паяцомъ и дуракомъ. „Скорчивъ пресерьезную мину и ударяя себя перстомъ въ грудь, онъ, слогъ за слогомъ, медленно и торжественно произнесъ:

Мы-ло-сты-вой Госу-дарь!"—послѣ чего повернулся къ присутствующимъ спиной, руки въ боки и важно такъ удалился"...

Написавъ все это, фельетонистъ совершенно спокойно перенесъ свое остроуміе на другіе предметы, въ полной увѣренности, что осмѣянный имъ татаринъ, какъ существо безгласное и безличное, или совершенно не узнаетъ о фельетонѣ, или, если узнаетъ, то останется нечувствительнымъ къ этому вороху коротенькихъ строчекъ, проникнутыхъ безпредметной смѣшливостью по адресу живого человѣка. Оказалось, однако, что газета не только попала на элеваторъ, но была тамъ прочитана со вниманіемъ, и дня черезъ два редакція (тогдашняя) была непріятно удивлена, получивъ съ элеватора „возраженіе", за подписью Мухаметзяна-Ахметзянова, написанное съ большимъ достоинствомъ и тактомъ.

„Я, дѣйствительно (писалъ этотъ скромный человѣкъ), состою ученикомъ воскресной школы, открытой самарскимъ обществомъ взаимопомощи ремесленниковъ, и получилъ отъ правленія общества письмо. Но при этомъ никакихъ нелѣпыхъ тѣлодвиженій я не совершалъ, равно какъ ничьего хохота при чтеніи письма не раздавалось... письмо мнѣ читалъ завѣдующій элеваторомъ, и другихъ служащихъ при этомъ не было.

„Точно также нѣмцемъ (или, какъ остроумно выражается авторъ фельетона, „нимса") никто меня не называлъ. Самъ я тоже не называлъ себя „нимса", ибо ничего позорнаго (можно бы прибавить и смѣшного) въ томъ, что я татаринъ по рожденію,—не вижу... Я очень благодаренъ правленію названнаго общества за то, что оно даетъ мнѣ возможность учиться по-русски, равно какъ доволенъ и тѣмъ, что оно, обращаясь ко мнѣ, маленькому человѣку, употребило выраженіе „Милостивый Государь", а потому не придалъ никакого значенія тому обстоятельству, что правленіе пригласило меня, природнаго мусульманина, „на молебенъ", тѣмъ болѣе что, во-первыхъ, это меня ни къ чему не обязывало, а во-вторыхъ, произошло это, вѣроятно, потому, что правленіе, разсылая извѣщенія всѣмъ ученикамъ школы, не сочло нужнымъ посылать мнѣ таковое въ особливой редакціи"...

Такимъ образомъ, читатели газеты узнали, что вся эта оцена съ гоготаньемъ и кривляньемъ, въ которой рисовалась какая-то полудикая толпа рабочихъ, а Мухаметзянъ-Ахметзяновъ изображался полу-обезьяной,—явилась плодомъ вдохновенія фельетониста. Правда, на этотъ разъ уже несомнѣнно, что письмо писалъ не самъ Ахметзяновъ, только еще „обучавшійся русскому языку въ воскресной школѣ". Кто бы, однако, ни составлялъ письмо,—товарищъ-рабочій, знакомый студентъ или завѣдующій элеваторомъ,—несомнѣнно всетаки, что на этотъ разъ газета получила урокъ элементарнаго такта и даже либерализма, и что урокъ этотъ исходилъ изъ рабочей среды, оскорбленной печатнымъ отзывомъ.

Итакъ,—„падшая" дѣвушка въ Харьковѣ напоминаетъ объ элементарной гуманности просвѣщенной лектрисѣ; рабочій изъ самарскаго элеватора читаетъ лекцію терпимости и такта либеральной газетѣ. Нѣтъ сомнѣнья, что эти два случая можно бы дополнить и другими иллюстраціями, хотя всетаки ихъ еще слишкомъ мало. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ ихъ внутреннее

значеніе гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ ихъ количество, которое, несомнѣнно, будетъ рости. До сихъ поръ печать разговаривала о народѣ такъ, какъ говорятъ о немъ между собою просвѣщенные люди, не принимающіе во вниманіе „людей", стоящихъ за стульями. Теперь есть уже признаки, что это должно измѣниться. Книга, газета, даже журналъ уже проникаютъ въ широкія массы, и нѣтъ сомнѣнія, что мы наканунѣ нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже очень существенныхъ „поправокъ" и „возраженій" изъ этой до сихъ поръ для насъ безличной и часто безразличной массы. А если это такъ, то намъ придется и самимъ идти навстрѣчу этимъ „поправкамъ". И несомнѣнно также, что это будетъ въ интересахъ человѣчности и правды, а стало-быть, и въ интересахъ самой печати...

И значитъ,—новымъ возражателямъ, какъ ихъ ни мало еще—привѣтъ!

Вл. К.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ О. А. Шапиръ—10 р.; М. Левина—3 р.; Л. и Б. Лойко—5 р.; Ширяева, изъ Москвы—5 р.; І. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р.; П. І. Хуторенко, изъ Сосницкаго уѣзда—1 р.; Е. Е. Юргенсъ, со ст. Чувардино—10 р.; М. А. Е., изъ г. Путивля—1 р.; Н. П. Евстифѣева, изъ г. Тѣлинъ — 5 р.; изъ Евпаторіи: К. К. Барановскаго—5 р.; С. Ламброва—2 р. и И. Бакуменко—2 р.

Итого . . . 50 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.996 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ М. К. Цебриковой, изъ Смоленска—10 р.; Л. Бѣляцкой, изъ Суткова—3 р.; М. А. Е., изъ Путивля—1 р.; Н. П. Евстифѣева, изъ г. Тѣлинъ—5 р.

Итого . . . 19 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 792 р. 65 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ В. В. Агапова, изъ Самары—2 р.; П. І. Хуторенко, изъ Сосницкаго уѣзда—2 р.; учителей Филиппопольской мужской гимназіи: Шеханова, Миндова, Минчева и Берберова — 4 р., Н. П. Евстифѣева, изъ г. Тѣлинъ — 5 р.; М. А. Е., изъ г. Путивля—2 р.

Итого . . . 15 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 68 р. 50 к.

На библіотеку имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ Л. и Б. Лойко—5 р.; отъ Н. П. Евстифѣева, изъ г. Тѣлинъ—5 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 51 р. 25 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ“:

Отъ Н. П. Евстифѣева, изъ Тѣлинъ — 5 р.; Е. Е. Юргенсъ, со ст. Чувардино—10 р.; М. А. Е., изъ г. Путивля—1 р.

Итого . . . 16 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 186 р. 48 к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ П. И. Хуторенко, изъ Сосницкаго уѣзда—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.543 р. 76 к. *)

На образованіе стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко:**

Отъ конторы редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“—11 р.

Итого . . . 11 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 88 р. 50 к.

---

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую Губернскую Земскую Управу.

НОВАЯ КНИГА:

Н. К. Михайловскій. ОТКЛИКИ

Томъ I.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство".

Цѣна 1 р. 50 к.

НОВАЯ КНИГА:

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

„КЪ СВѢТУ"

подъ редакціей Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова.

Изданіе Комитета Общества доставленія средствъ С-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ.

Въ составъ Сборника входятъ новыя произведенія слѣдующихъ авторовъ:

I. **По беллетристикѣ** (стихотворенія, очерки, повѣсти и разсказы): Allegro, К. Д. Бальмонта, П. Д. Боборыкина, М. В. Ватсонъ, П. И. Вейнберга, Г. А. Галиной, Л. Я. Гуревичъ, Ераковой-Даниловой, Влад. Г. Короленко, М. В. Крестовской, А. И. Куприна, Ек. П. Лѣтковой, А. А. Лугового, С. К. Маковскаго, А. М. Ѳедорова, О. Н. Чюминой, О. А. Шапиръ, Сем. С. Юшкевича, П. Я. (Мельшина).

II. **Статьи научныя и критическія**: Е. В. Балобановой, Ѳ. Д. Батюшкова, акад. Н. Н. Бекетова, проф. В. П. Бузескулъ, А. Ѳ. Кони, В. Каренина, проф. Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинга, Е. Ю. Лозинскаго, Ник. К. Михайловскаго, акад. С. Ѳ. Ольденбурга, О. М. Петерсонъ, проф. М. И. Ростовцева, С. Русовой, проф. Е. В. Тарле, А. Н. Шабановой, П. Е. Щеголева.

Въ текстѣ (около 33 печ. лист.) иллюстрацій и приложеніе: отраженія женскаго движенія въ русской живописи за послѣднюю четверть вѣка (снимки съ картинъ художниковъ: Вл. Е. Маковскаго, И. Е. Рѣпина, бар. М. П. Клодта, Е. Д. Полѣновой, И. А. Матвѣева, А. Морозова, В. И. Сурикова, Н. А. Ярошенко и др.).

Цѣна 4 рубля.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывающіе черезъ Контору «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ уступка 25%

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко*

Дозв. цена. Спб., 24 іюня 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

5

ль

ь

ест.
Г. А
М. В.
лков-
евич.

ков.
проф
ньк:
совй

я жи-
ики с
лодн.
Н. А

осыпку

мо
ая, 34.

Внушить на разсмотрѣн.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library
3 2044 098 427 115

B.O.B.L.